

КЛАССИКИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФИЛОЛОГИИ

М. В. ПАНОВ

ТРУДЫ
ПО ОБЩЕМУ
ЯЗЫКОЗНАНИЮ
И РУССКОМУ ЯЗЫКУ

ТОМ 1

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

КЛАССИКИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФИЛОЛОГИИ

М. В. ПАНОВ

Т Р У Д Ы
П О О Б Щ Е М У
Я З Ы К О З Н А Н И Ю
И Р У С С К О М У Я З Ы К У

Т О М 1

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2004

ББК 81.031
П 16

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 03-04-16133

Панов М. В.

П 16 Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1 / Под ред. Е. А. Земской, С. М. Кузьминой. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 568 с. — (Классики отечественной филологии).

ISBN 5-9551-0034-2

В двухтомнике М. В. Панова «Труды по общему языкознанию и русскому языку» собраны работы, отражающие многогранность научной деятельности ученого. Это статьи, а также отрывки из коллективных монографий, руководителем и вдохновителем которых был Михаил Викторович. Многие из публикуемого давно стало библиографической редкостью, например, содержащий глубокие новаторские идеи теоретический проспект монографии «Русский язык и советское общество», опубликованный в 1962 г. в Алма-Ате тиражом 550 экземпляров.

Название разделов в двухтомнике отражает сферу научных интересов М. В. Панова, однако распределение его работ по предлагаемым разделам носит по необходимости условный характер. Так, статья «О частях речи в русском языке» помещена в раздел «Общие вопросы теории» (1-й том), а «О грамматической форме» — в раздел «Морфология и словообразование» (2-й том), хотя обе эти статьи разрабатывают теорию грамматики. Мысль М. В. Панова не укладывается в жесткие рамки любой рубрикации. У него нет чисто описательных работ. Все его работы носят теоретический характер.

ББК 81.031

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

ISBN 5-9551-0034-2

© Е. А. Земская, С. М. Кузьмина, редакция, 2004
© Языки славянской культуры, 2004

Оглавление

О Михаиле Викторовиче Панове (<i>Е. А. Земская, С. М. Кузьмина</i>)	8
---	---

И. Общие вопросы теории

О парадигматике и синтагматике	17
Позиционные отношения в стилистике	30
Позиционные мены значений у слов в зависимости от текста	36
Трансформы и нейтрализация	41
О слове как единице языка	51
О литературном языке	88
О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики)	103
Об аналитических прилагательных	137
О частях речи в русском языке	151
Русский язык	165

II. Фонетика. Фонология. Социофонетика. Орфоэпия

Фонетика современного русского литературного языка	255
О тексте для фонетической записи	288
О различительных сигналах в языке	297
О двух типах фонетических систем	320
О восприятии звуков	330
О том, как составлялся вопросник по произношению	338
О том, как кодировался фонетический вопросник	346
Поведение конечного двусонория	359
О синтагматике гласных в говорах с диссимилятивным яканьем	362
О грамматических факторах развития фонетической системы современного русского языка	371
Об одном из возможных описаний фонетической системы русского языка	384
О различении сегментных и суперсегментных единиц	393
О значении морфологического критерия для фонологии	401
Фонетические «фантомы F»	406
О слогоделении в русском языке	413
О строении заударной части слова	425

Московская фонологическая теория сегодня	434
О причинах фонетических изменений	439
Русские гласные, просеянные сквозь испанское фонетическое сито	455
О балансе внутренних и внешних зависимостей в развитии языка	458
О русской орфоэпии	467
О влиянии грамматической аналогии на произносительные нормы в современном русском литературном языке	479

III. Орфография

О культурно-историческом подходе к орфографии	513
Об усовершенствовании русской орфографии	522
О слитных и отдельных написаниях	538
О дефисных написаниях	554
О правописании глагольных окончаний	559

*Сера наука,
но зелено
вечное древо жизни —
сказал Гёте и его переводчик*.
Жаль мне, что поэт
знал только древо.
Перевод
подчеркнул это, прояснил, занозил.
Древо? Пусть так.
Но нужно и дерево —
с живым и честным стволом,
с листьями, которые любят ветер,
с птицами; качаются на ветвях. А вверху
над ним, в небе мгновенные облака.
...Сера наука?
Гётева, может быть, сера.
А наука, которая впрямь наука, —
зеленое,
ласковое,
зовущее дерево.
Веет прохладой и счастьем.
А если вокруг него солнце и дождь...
Ну!
Потому что: де-ре-во.
То есть — наука.*

М. Панов

* Grün ist des Lebens goldner Baum.

О Михаиле Викторовиче Панове

М. В. Панов родился в 1920 г. Окончив в 1941 г. Московский городской педагогический институт им. В. П. Потемкина, он сразу уходит на войну. Прошел ее всю в противотанковой артиллерии. После войны работает учителем в школе и одновременно учится в аспирантуре. В 1958 г. В. В. Виноградов приглашает М. В. Панова в Институт русского языка АН СССР, где он сначала возглавлял фонетическую группу, а затем сектор современного русского языка. Во время директорства Ф. П. Филина и гонений на инакомыслящих, в 1971 г. за то, что заступился за гонимых, был исключен из партии, в которую вступил на войне. Таким образом, в самом расцвете творческой деятельности М. В. Панова вынудили уйти из Института русского языка. После этого он работал в НИИ национальных школ. По приглашению зав. кафедрой русского языка К. В. Горшковой многие годы работал почасовиком в МГУ: читал лекции по русской фонетике и долгие годы вел спецкурс по истории русского поэтического языка. В последние годы преподавал в Московском открытом педагогическом университете им. М. А. Шолохова на кафедре Е. И. Дибровой.

М. В. Панов — выдающийся ученый, специалист в самых различных областях русистики и общего языкознания, талантливый педагог и популяризатор науки о языке. Его можно назвать рыцарем московской (фортунатовской) лингвистической школы. Идеи этой школы он талантливо развивает, уверенно и бережно строя здание, каркас которого возведен его предшественниками. Ученик А. М. Сухотина, Р. И. Аванесова, А. А. Реформатского, он начинает свой научный путь с исследования фонетики. Впрочем, фонетика и фонология и в дальнейшем занимают в его научной работе особое место, представляя, по его словам, опытное поле языкознания, на котором испытываются новые идеи.

Русская **фонетика** представлена в его работах в разнообразных аспектах: современная и историческая, сегментная и суперсегментная, синтагматическая и парадигматическая, теоретическая и нормативная (орфоэпия), системная и функциональная, художественная (поэтическая, сценическая). В фонетических работах Михаила Викторовича находят отражение и получают развитие все центральные проблемы фонетики и фонологии: вопрос о языковой системе (он расширяет и уточняет это понятие), об «атоме» фонемной системы (фонема или дифференциальный признак?), проблемы слога, понятия позиции и нейтрализации. Можно назвать немало направлений фонетических исследований, успешно развиваемых в современной лингвистике, начало которым положил Михаил Викторович.

М. В. Панов возродил традиции **социолингвистики** и придал им новое направление, поставив в центр исследований взаимодействие внутриязыковых и социальных факторов как в функционировании языка, так и в его развитии. Под руководством и при авторском участии Михаила Викторовича в Институте русского языка РАН написаны работы, определившие на многие годы направление исследований в этой области не только в этом институте, но и во всей русистике. Это прежде всего фундаментальная коллективная монография в 4-х книгах «Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование». М. В. Панов разработал теорию языковых антиномий, лежащих в основе внутреннего, спонтанного развития языка, а также методику массового обследования языковых вариантов, позволившую выявить внутриязыковые и социальные факторы и описать их взаимодействие как в развитии языка, так и в его функционировании на данном этапе.

Значение этого социолингвистического исследования еще и в том, что оно дает возможность с единых теоретических позиций и на основании одной методики описывать состояние русского языка на последующих этапах его развития и проследивать на разных синхронных срезах дальнейшую эволюцию русского языка. Эта работа заложила основы новой школы — Московской школы функциональной социолингвистики [Земская, Крысин 1998].

Монография М. В. Панова «Русская фонетика» (М., 1967) содержит всеобъемлющее описание фонетического яруса русского языка. Это своего рода фонетическая энциклопедия. Впервые дается последовательное описание фонетики в синтагматическом и парадигматическом аспекте. Книга соединяет в себе тончайшие, микроскопически точные наблюдения и широкие теоретические обобщения.

М. В. Пановым создана оригинальная **типология фонетических систем**, основанная на противопоставлении «преимущественно синтагматических» и «преимущественно парадигматических» фонетических систем.

В фундаментальном исследовании М. В. Панова «История русского литературного произношения XVIII—XX вв.» (М., 1990) разворачивается богатейшая картина сменяющих друг друга произносительных эпох. На основе изобретательной методики, с помощью привлечения уникального материала реставрируется произношение XVIII—XIX веков и блестяще решаются задачи, которые автор ставит перед собой: 1) показать реальную картину изменения русского литературного произношения за последние три века; 2) найти языковые законы, которые определяют русское произношение в каждую эпоху, в каждое изучаемое столетие; 3) сопоставить эти законы, чтобы понять, имеют ли изменения общее направление, последовательность, единство развития; 4) определить, в какой степени произносительные изменения обусловлены внешними (социальными) воздействиями на язык и в какой степени — внутренними законами

языка; 5) определить роль этих наблюдений при рассмотрении общих проблем развития языка.

В этой книге М. В. Панов ввел жанр **фонетических портретов** (например, Петра I, М. В. Ломоносова, А. С. Пушкина, О. О. Садовской, Е. Т. Турчаниновой, В. Яхонтова, А. Вознесенского). Теперь этот жанр активно развивается в лингвистической литературе.

Пафос **фонологической** теории Михаила Викторовича — наведение мостов между московской и пражской фонологическими школами, осмысление и снятие противоречий между ними. Исходя из двух разных функций звуковых единиц — различать и отождествлять значимые единицы языка (при этом различать — удел синтагматики, отождествлять — парадигматики), Михаил Викторович постулирует две функциональные единицы: фонему, или идентификатор, назначение которой **о т о ж д е с т в л я т ь** значимые единицы языка, и дифференциатор, назначение которого **р а з л и ч а т ь** значимые единицы языка. Фонема как языковая единица, представленная рядом позиционно чередующихся звуков, не имеет дифференциальных признаков, дифференциатор же как ряд звуков, имеющих одинаковую функциональную характеристику, определяется набором различительных признаков. Эта теория (поистине теоретический прорыв) снимает противоречия между двумя крупными фонологическими школами.

В широком спектре научных интересов М. В. Панова немалое место занимает **теория письма**, в разработке которой он опирается на положения Московской фонологической школы, развивая их. Во время работы орфографической комиссии 60-х гг. по его инициативе и при его участии было выпущено несколько сборников, в которых дается научная разработка трудных вопросов правописания. Особое значение имеет выход в свет в 1965 г. уникальной книги «Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII—XX вв.)», написанной под руководством и при участии М. В. Панова. Книга представляет собой полный свод предложений по усовершенствованию русского письма, которые были высказаны за два с половиной века, она снабжена научно аргументированными доводами за и против каждого из высказанных предложений и большой библиографией. Эта книга служит фундаментом дальнейшей кодификаторской деятельности в области орфографии.

Большое внимание в работах М. В. Панова уделяется **проблемам слова**, морфемной членимости слова и классификации частей речи. В статье «О слове как единице языка» (1956 г.), отталкиваясь от определения слова, данного А. И. Смирницким, Михаил Викторович предлагает свое оригинальное решение: слово — «смысловое единство, части которого не составляют свободного сочетания». Это определение основано на том свойстве слова, о котором писал еще А. М. Пешковский и которое М. В. Панов углубил и расширил. Это свойство слова получило название **фразеологичность** (или идиоматичность)

семантики слова. Слово подобно фразеологизму, а не свободному синтаксическому сочетанию: смысл слова как правило не складывается из смысла составляющих его частей (морфем). Между смыслом целого слова и смыслом его частей существует зазор, люфт. Ученый блестяще показывает это, сопоставляя слова *вечерник* (студент вечернего факультета), *дневник* (подневная запись событий), *утренник* (утренний спектакль или утренний мороз), *ночник* (ночной светильник). И действительно, слова, образованные по одной модели, имеют причудливо различающиеся значения. Каждое слово содержит свое смысловое приращение.

Постоянный интерес к слову как единице языка побуждал М. В. Панова исследовать проблему **членимости слова**. Эта проблематика, разрабатываемая в языкознании на протяжении десятилетий, породила так называемый спор о *буженине* и *стеклярусе*, иными словами о том, членятся ли слова, содержащие единичные корни и полноценные аффиксы (*бужен-ина*, *свин-ина*, *осетр-ина*) или полноценные корни, но единичные аффиксы (*стекл-ярус*, *почт-амт*). Полемика между Г. О. Винокуром и А. И. Смирницким вызвала отклики у многих современников. Однако ответ на поставленный вопрос был дан не сразу. Лишь в конце 60-х годов М. В. Панов предложил решение. Он писал: «Степень вычленимости морфемы из слова может быть различной. Границы между морфемами в одних случаях глубоки и резки, в других — менее глубоки». Ученый построил шкалу членимости слова, выделяя шесть ступеней членимости — от первой ступени (наиболее четкой) до шестой (наиболее слабой).

Позднее — уже в 70-е годы — М. В. Панов возвращается к проблемам членимости слова, расширяя и дополнительно аргументируя свои взгляды. В 1975 г. в одном и том же сборнике публикуются две его статьи. Первая имеет общетеоретический характер: «О степенях членимости слова». Во второй («О переводах на русский язык баллады „Джаббервокки“») М. В. Панов исследует проблематику членимости слова на очень интересном специфическом материале. Он сопоставляет четыре перевода поэмы Кэрролла (Т. Л. Щепкиной-Куперник, Н. М. Демуровой, В. и Л. Успенских и Д. Г. Орловской) и, показывая своеобразие творческого метода каждого из переводчиков, характеризует достигнутый ими эстетический эффект.

Проанализированный поэтический материал позволяет ему высказать такое мнение: «...можно составить в виде таблицы периодическую систему членимости слова. В ней должны быть учтены и такие качества выделяемых отрезков, как их звуковая выразительность. Эта черта, вероятно, особенно весома в художественной речи».

Учение о фразеологичности семантики производного слова и о степенях членимости слова активно разрабатывается в языкознании и вошло в вузовское преподавание (см., например, работы Земской, Ермаковой, Белошапковой).

Теория частей речи — еще одна сфера общего языкознания, интерес к которой был свойствен М. В. Панову на протяжении десятилетий. Кратко изложенная в статье 1960 г. [Панов 1960] оригинальная теория частей речи была позднее дополнена автором в теоретическом проспекте к монографии «Русский язык и советское общество», опубликованном в 1962 г. в Алма-Ате. М. В. Панов вновь вернулся к проблематике частей речи в своей последней монографии «Позиционная морфология русского языка» (М., 1999). В этой книге М. В. Панов формулирует свое понимание понятия «система языка» и рассматривает «два других важнейших понятия, необходимых для понимания языка как особой сущности: понятие позиции и (вслед за ним) понятие нейтрализации» [Панов 1999: 21]. Эти понятия родились в сфере фонетики и фонологии, М. В. Панов применяет их при исследовании других уровней языка — лексики, морфологии, синтаксиса (см. рецензии на данную книгу Е. В. Клобукова и М. И. Кронгауза).

Вслед за М. В. Пановым явление нейтрализации в морфологии, синтаксисе и других уровнях языка рассматривают многие ученые (например: Н. А. Янко-Триницкая, О. П. Ермакова, О. А. Крылова).

Еще один импульс, идущий от фонологии: использование понятия «оппозиция» применительно к различным уровням языка. Эту работу начал в 50-е годы Р. Якобсон. М. В. Панов осуществил тонкий анализ семантики и условий функционирования существительных мужского и женского рода, называющих лиц. Применяя разработанное Н. С. Трубецким понятие оппозиции, он показал, что одни из таких существительных образуют привативные оппозиции, а другие — эквиолентные. Немаркированные члены привативных оппозиций, т. е. существительные мужского рода, могут называть и мужчин, и женщин. Таковы наименования лиц по профессии. Например: «*Учителя* нашей школы Иванова, Петрова и Троицкая едут на отдых в Крым». Подобные существительные функционируют в нейтральной и официально-деловой речи. Иные семантические разряды коррелятивных наименований мужчин и женщин образуют эквиолентные оппозиции. Оба слова равноправны: Катю нельзя назвать красавцем, а Машу — москвичом. Только красавицей и москвичкой.

Теоретическое осмысление общих вопросов языкознания М. В. Панов блестяще использовал в **научно-популярной литературе**, в частности в литературе для юношества. Назовем в этой связи два коллективных труда. Один — детище М. В. Панова, созданный его научным и человеческим энтузиазмом, — «Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание)» (М., 1984). Эта книга имеет не только педагогическое, но и общетеоретическое значение, во многих статьях вводятся новые факты и их теоретическое осмысление. М. В. Панов выступил в этом словаре как составитель, организатор и основной автор. Второй труд — «Энциклопедия для детей. Т. 10. Языкознание. Русский язык»

(М., 1998). В эту книгу М. В. Панов написал теоретическую общую часть «Как устроен язык» и разделы, посвященные составу слова.

В одной статье невозможно охватить все стороны многогранной научного творчества М. В. Панова. Укажем здесь крайне важную сторону деятельности М. В. Панова — он был создателем оригинальной концепции поэтического языка, которая легла в основу спецкурса, читавшегося им в МГУ на протяжении многих лет. Эти лекции по истории языка русской поэзии были событием в культурной жизни Москвы, их слушали не только студенты, но и преподаватели, ученые, поэты.

Оригинальность трудов Михаила Викторовича проявляется и в их неповторимом языке. Это язык, облекающий глубину научной мысли в четкое, прозрачное, ясное изложение, в котором свобода, раскованность сочетаются с мерой и вкусом. Языку Михаила Викторовича свойственна, как писал А. А. Реформатский, «стилистическая афористичность изложения», «художественный прием детективного уклона».

Научное творчество М. В. Панова — это единое произведение, одна большая книга. Все его работы объединены напряженным поиском законов «языка как уникального явления, равного самому себе, не отождествляемого с иными областями... деятельности человека». В заключении к своей последней, итоговой книге «Позиционная морфология русского языка» Михаил Викторович пишет: «Эта книга проникнута мыслью о том, что весь язык (и его произносительная, и грамматическая системы) построен по общим позиционным моделям... и развитие языка, и движение его произносительной, грамматической стороны протекает в фонетике и грамматике по близким моделям». Это кредо ученого, ключевая его мысль. К этому он шел всю жизнь, обосновывая понятие **позиционной системы языка**, доказывая, что «позиционные чередования — сама жизнь языка».

Е. А. Земская, С. М. Кузьмина

Часть I

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

О парадигматике и синтагматике*

1. Понятия парадигматики и синтагматики оказались полезными для лингвистической теории. Но не все еще в этих понятиях ясно.

2. О синтагматике Ф. де Соссюр пишет так: «...Слова в речи, соединяясь друг с другом, вступают между собою в отношения, основанные на линейном характере языка, который исключает возможность произнесения двух элементов одновременно. Эти элементы выстраиваются один за другим в потоке речи... Член синтагмы получает значимость лишь в меру своего противопоставления либо тому, что ему предшествует, либо тому, что за ним следует, или же тому и другому вместе»¹.

О парадигматике сказано так: «С другой стороны, вне процесса речи слова, имеющие между собой что-либо общее, ассоциируются в памяти так, что из них образуются группы, внутри которых обнаруживаются весьма разнообразные отношения»... (Приводится пример: *enseignement — enseigner — enseigner — обучение — обучать — переучивать*.) Эти отношения совсем иные, чем синтагматические. «Они не опираются на протяженность, локализируются в мозгу и принадлежат тому хранящемуся в памяти у каждого индивида сокровищу, которое и есть язык. Эти отношения мы будем называть ассоциативными отношениями»². Впоследствии они получили название парадигматических.

3. Создается впечатление, что Ф. де Соссюр считает синтагматику достоянием речи, а парадигматику относит к языку. Однако Соссюр тотчас же объясняет, что это неверно: синтагматика так же принадлежит языку, как и парадигматика.

Действительно, конкретное речевое высказывание (например, записанное на магнитофонную ленту) еще не являет собою прямо и непосредственно синтагматического закона. Именно для создания этой речевой конкретности и необходимы языковые законы синтагматики, определяющие, как следует строить сочетания языковых (и вслед за тем речевых) единиц.

Следовательно, разграничение парадигматики и синтагматики по линии язык — речь цели не достигает.

* Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. Т. 39. № 2. 1980. С. 128—137.

¹ Соссюр Ф., *де*. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 155.

² Там же. С. 155—156.

4. Ф. де Соссюр говорит: «Синтагматическое отношение всегда *in praesentia*: оно основывается на двух или большем числе членов отношения, в равной степени наличных в актуальной последовательности. Наоборот, ассоциативное отношение соединяет члены этого отношения в виртуальный, мнемонический ряд; члены его всегда *in absentia*»³.

Действительно, реплики, развертывающие парадигму, неестественны. И наоборот, всякая реплика развертывает синтагму.

Однако надо принять во внимание такие соображения. Синтагма — сочетание; иначе говоря: расчлененная единица. Если нет расчлененности, нет синтагмы.

Можно ли по определенному кортежу данностей, оставаясь только в пределах этого кортежа, определить, что дано именно сочетание единиц? Нельзя. Расчлененность ряда на отдельные единицы определяется только сопоставлением данного ряда (кортежа) с другими.

Вот последовательность: > 0. Сложная эта знаковая единица или нет? Сама физическая прерывность ни о чем не говорит; ср. такие прерывные, но целостные единицы, как *y*, *Ξ* или *sch* (в немецком письме), *ough* (в английском письме, например, в слове *though*).

Составной характер данного ряда обнаружится только в том случае, если возможны такие сочетания:

1) > 0 3) > %

2) ↓ 0 4) ↓ %

Т.е. сочетание АБ разложимо на А и Б только в том случае, если есть АВ, ГБ... (те же А и Б, но в сочетании с другими единицами).

Парадигма: ее части вырезаются из разных мест текста (или из разных текстов) и сопоставляются. Синтагма... Она — «вся тут»? Нет. Ножницы все равно нужны, чтобы «вырезать» единицы АВ, ГБ (и сравнить с данной: АВ).

Возможно возражение: пусть так, но все-таки члены синтагмы все взяты в текст, члены парадигмы — не все. Вне текста остается не сама синтагма (точнее, не то, что ее непосредственно репрезентирует в речи), а ее фон — единицы АВ, ГБ. Это верно и должно быть объяснено на основании реального разграничения парадигматики — синтагматики. Но при этом, вероятно, не помогут слова *in praesentia* — *in absentia*.

Разграничение двух языковых единств и по этой линии оказалось ненадежным.

5. Ф. де Соссюру было бы легко под влиянием современной ему психологии синтагму объяснить как ассоциацию по смежности, а парадигму — как ассоциацию по сходству. Однако Соссюр преодолел соблазн, и это — яркое проявление силы его мысли, его интуиции.

³ Там же. С. 156.

Действительно, апелляции к психологии не могут разъяснить ни суть парадигмы, ни суть синтагмы (возможны только размыто-туманные аналогии). Не могут хотя бы потому, что в парадигму объединяются единицы, явно не имеющие сходства друг с другом⁴ (см. § 17).

6. Хотя разграничить синтагматику и парадигматику с помощью логики: синтагматика — это выражение конъюнкции, а парадигматика — выражение дизъюнкции.

В логике и конъюнкция, и дизъюнкция — операции с членами двух множеств (или нескольких; в статье берутся минимальные парадигмы и синтагмы — из двух членов, поэтому речь везде идет в пределах дихотомии). Из членов двух множеств создается новое множество, в него входят и члены первого, и члены второго множества — это дизъюнкция. Каждый член нового множества обладает или свойствами того, или свойствами другого исходного множества; поэтому дизъюнкция, логическое сложение символизируются союзом «или».

Не ясно ли, что к парадигматике логическая дизъюнкция никакого отношения не имеет?

Так же и логическая конъюнкция ничего не может объяснить в синтагматике.

7. Если считают, что синтагматика — область «и-отношений», а парадигматика — область «или-отношений», то, очевидно, употребляют союзы «и» — «или» не в их логическом смысле, а в обычном, бытовом.

Брат и сестра едут в одном поезде — действия их вовсе не конъюнкция. Но похоже на синтагматику: ведь они оба в поезде, подобно тому как два слова, составляющие синтагму, оба «едут» в одном предложении. С этим поездом приедет или брат, или сестра — и здесь нет никакого намека на логическое действие дизъюнкции, но похоже на парадигму из двух членов: брат — сестра.

Но и эта бытовая трактовка тоже неверна. Дан ряд связанных единиц (например, слов в предложении): $A_1 - A_2 - A_3...$ Каждое место в этом ряду, например A_2 , может быть занято либо тем словом, либо этим, но не тем и этим сразу. Например, либо словом (словоформой) *брат*, либо *брату*; они составляют как раз парадигму. Удалось ли свести парадигму к отношению «или» (хотя бы в бытовом значении этого «или»)? Нет, не удалось. Одно и то же место не могут занять и такие единицы: *брат* и *хотеть*, *брат* и *чтобы*, *брат* и [в] (звук), а такие пары не составляют парадигм.

Обнаруживается, что отношение «или та, или другая единица» годится не только для единиц, парадигматически связанных, но и для всяких единиц, если они различны.

⁴ Иногда понимание парадигмы как единства, основанного на ассоциации по сходству, проскальзывает в тексте Соссюрова «Курса»: «В парадигму, — замечает он, — объединяются единицы, которые той или иной чертой сходны между собой» (с. 155). Но как принципиальное положение это нигде в «Курсе» не формулируется.

Не подойти ли с другого конца: в ряду $A_1 - A_2 - A_3 \dots$ места $A_1 - A_2$ могут занимать члены одной синтагмы, но не члены одной парадигмы? Это позволило бы определить синтагму. Нет, и это неверно: возможны такие сочетания: *брат с братом поссорились...* где *брат с братом* — синтагма. Ее члены в то же время входят в одну парадигму. Снова не удалось отграничить синтагматику и парадигматику⁵.

Еще одно замечание, относящееся ко всем попыткам свести различие парадигматики — синтагматики к отношениям «и» — «или». Сопоставление получается такое: парадигма — совокупность единиц, которые не могут занимать одно место в речевой цепи (должно быть либо то, либо другое); синтагма — совокупность единиц, которые могут занимать два места в одной речевой цепи (наличествует и то и другое). Сопоставление нелогичное, разграничение идет сразу по двум линиям: возможность — невозможность появления единиц на одном — на двух местах.

Итак, снова неудачная попытка (на этот раз ложнологическая) разграничить парадигматику и синтагматику.

8. Специфику синтагматики и парадигматики в точных определениях схватить не удается⁶.

Разграничение этих двух сущностей не исчерпывается ни психологически, ни логическими категориями, к ним не сводится, с ними не совпадает. Подобрать для них убедительную внеязыковую параллель тоже не удастся.

Надо, следовательно, исходить из специфики языка. В том, что специфично для языка, и лежит главное основание для различения синтагматики и парадигматики.

9. У единиц языка есть две главнейшие функции: номинация и предикация. Номинация — называние.

Выделить объект, подлежащий называнию, можно в том случае, если в объекте обнаружена некоторая стабильность, самому себе тождественность.

Есть предание об ученике Гераклита Кратиле, для которого мир был воплощением абсолютной изменчивости. Предание говорит, что он не называл предметы, а указывал на них рукой. Действительно, если предметы воплощают только динамическое, изменчивое начало, то их нельзя назвать. Название требует устойчивости в объекте.

⁵ Ввиду этих неполадок предлагают считать парадигматику сферой отношений «и/или», синтагматику — сферой отношений «и». Тогда синтагматика — частный случай парадигматики. А парадигматика — любая, всякая связь языковых единиц. Синтагматика объявляется частным случаем парадигматики, но не говорится, чем же эта часть отличается от другой, не синтагматической... Не проходит!

⁶ Стали говорить так: для синтагмы нужен контраст единиц, для парадигмы — противопоставление. Забыли определить, чем контраст отличается от противопоставления. А если попытаться определить, выйдет тавтология с теми разграничениями, которые уже рассмотрены и оказались неопределенно-неясными.

Это свойство объекта отражается в природе названия: оно должно обнаруживать свою стабильность: если в каждом новом высказывании объект получает новое название, то речевой акт невозможен.

В реальности название объекта (в первую очередь слово и то, что ему эквивалентно) все время изменяется. 1) В зависимости от того, кто его произносит. Один — басом, другая — меццо-сопрано, один — медленно, растягивая, другая — быстро. Звуковой облик слова разный, но надо эти различия снять, отождествить между собой как нечто единое. Надо отвлечься от различий, обусловленных обстоятельствами акта общения. 2) В зависимости от состояния каждого говорящего. Простуженные говорят не так, как здоровые. 3) В зависимости от социального статуса говорящего. Например, служащие иногда имеют такие особенности произношения, которые не свойственны рабочим, и т. д. 4) В зависимости от территориального распределения говорящих. В Ленинграде говорят (или говорили) не так, как в Москве. 5) В зависимости от положения данного слова-названия в контексте; ср. *морос*[с], но *мороз*[з] *бы*. 6) Другой пример зависимости от контекста: (*я*) *иду* — (*ты*) *идешь* — (*он*) *идет*; слова *я* — *ты* — *он* могут отсутствовать в речи, но определяться ситуацией. Здесь различия в единицах тоже вызваны контекстом. 7) *Рубит топором* — *Топором пошел на дно*. Единица *топором* имеет в одном случае значение орудия действия, в другом — сравнительное значение. Контексты определяют это различие (ср. *Гладит утюгом* — *Утюгом пошел на дно*)...

Чтобы сохранить название как целостность, все эти различия необходимо снять. Единицы, чье различие вызвано разными условиями общения, объединяются в парадигму. Как видно, парадигма воплотила в себе требования, порожденные номинацией. Это требование стабильности языковых единиц, очищения их от тех изменений, которые обусловлены изменчивостью условий языкового общения⁷.

Парадигматически объединяются не только номинативные, назывные единицы, но и звуки, и морфы, и словосочетания, и предложения. Все они прямо или косвенно обслуживают номинацию.

10. Предикация — такое сочетание двух номинативных единиц, которое обозначено как произведенное сейчас, в данном акте общения. Предикативное сочетание несет в себе указание (особый знак), что оно не взято готовым из предыдущего речевого опыта, а создано наново.

Пример: *Гусь плавает*. Два названия (*гусь* + *плавать*) соединены показателем времени — наклонения (в то же время и лица: *-ет*), который соотносит все сочетания с моментом речи.

⁷ Один и тот же объект можно назвать по-разному: *собака*, она же *дворняга*, она же *Жучка*, она же *пес*. И эти слова-названия не объединяются в тождество. Здесь объект (внешний языку) повернут к нам разными своими сторонами. В нем названо разное. Поэтому слова *собака* — *дворняга* и т. п. родовые и видовые названия не составляют парадигму. Различия между ними не определены условиями языкового общения.

Указание на «сейчасность» предикации необходимо: без него ненадежны никакие сигналы составного характера единицы. Действительно, единица может быть составной для предыдущих актов языкового общения, но не для данного: ср. *сумасшедший, Держиморда, точить лясы...*

11. Суть предикации в том, что об одной и той же ситуации можно сказать разное. Если бы о каждой ситуации можно было сказать только одно, то это высказывание было бы названием ситуации, т. е. осталось бы в пределах номинации.

Именно потому, что предикация дает возможность об одном сказать разное, она является средством высказать мысль.

Об одном — разное. Могут ли единицы, отвечающие такому условию, быть нечленимыми? Нет, если они говорят а) об одном, но б) разное, то они непременно должны быть сложными, составными, разъемными.

Однако разъемность единиц осуществляется только при наличии таких рядов: АБ — АВ ... АБ — УБ. Только на фоне АВ и УБ проявляется составной характер АБ. Иначе говоря: только в том случае, когда Б и В возможны при А (в одной и той же позиции!), есть основание говорить о действительно составном характере единицы АБ. Этот же вывод (о составном характере АБ) вытекает из того факта, что при Б может наличествовать А и У (ср. АБ — УБ).

Итак, предикативная единица должна в отличие от номинативной а) обнаруживать возможность разного при одном; б) и ввиду этого быть расчлененной; в) быть расчлененной она может в том случае, если определенные единицы встречаются в одной позиции.

Рядом с А возможны и Б, и В... Единица Б в составе АБ ценна именно как нечто, способное сочетаться с единицей А, образовать с нею единство. Такое единство — синтагма.

Как видно, синтагма воплотила в себе требования, порожденные предикацией. Синтагматически объединяются не только единицы в предикативном словосочетании, но и другие единицы — звуки, морфы, слова, предложения. Все они прямо или косвенно обслуживают предикацию.

12. Синтагматические отношения обратимы. В русском языке допустимы такие сочетания твердых взрывных: [пп — пт — пк — тп — тт — тк — кп — кт — кк]; [бб — бд — бг — дб — дд — дг — гб — гд — гг]. Недопустимы: [бп — бт — бк — дп — дт — дк — гп — гт — гк], т. е. перед глухими согласными может быть только глухой (речь идет о шумных согласных). Это наше заключение констатирует, что создает позицию второй согласный, в позиции находится (выполняет позиционные требования) первый.

Но те же самые синтагматические закономерности допускают и другое описание: в русском языке после первого глухого согласного могут быть глухие согласные и не могут быть звонкие, т. е. первый согласный оказывается

образователем позиции, а второй избран с санкции первого, он находится в определенной позиции.

С точки зрения синтагматики оба описания правомерны.

Глаголы *благодарить*, *хвалить*, *поощрять*, *награждать* требуют дополнения в вин. пад.: *благодарить бригаду, помощницу*. Речь идет о «валентностях» этих глаголов; глагол (одно звено синтагмы) требует, чтобы другое звено — существительное — имело определенную форму. Глагол обуславливает позицию, имя подчиняется позиции.

Но те же сочетания (*благодарить бригаду, хвалить помощницу*) могут быть характеризованы и по-другому: формы вин. пад. требуют переходного глагола. Здесь форма вин. пад. оказывается тем членом синтагмы, по которому определяется другой член — глагол. Этот глагол, как определяемый, оказывается уже не создающим грамматическую позицию, а находящимся в определенной позиции.

Известно, что грамматическое описание синтагм можно строить двояко: идя от слов с незаполненными валентностями (эти слова требуют таких-то соседей в синтагме) или идя от слов, заполняющих валентности. Сам термин «валентность» условен и обратим: ведь можно говорить и о том, что форма *бригаду* имеет незаполненную валентность, именно глагольную. Должен быть глагол при этой форме, так же как при слове *хвалить* должна быть (заполняющая валентность) форма вин. пад.

Даны ряды синтагм: АБ, АВ, АГ... Видно, что Б, В, Г находятся при А в позиции, образованной единицей А. Единица А разрешает соседство с собой единицы Б, В, Г.

Но даны и такие ряды: АБ, УБ, ИБ... Здесь А, У, И находятся в позиции, образованной единицей Б. Именно Б разрешает им быть рядом с собой. При таком сопоставлении Б — единица, определяющая позицию (А — в позиции при Б).

Следовательно, синтагму АБ можно (при анализе: где определитель позиции, где обусловленное позицией) рассматривать и «слева направо», и «справа налево»; в синтагме эти отношения обратимы.

13. Всякая синтагматическая закономерность может быть отражена с помощью таблицы; допустим, есть единицы А, Б, а, б:

		2	
		а	б
1	А	+	+
	Б	+	—

т. е. возможны синтагмы Аа, Аб, Ба, невозможна синтагма Бб.

В таблице можно колонки читать по вертикали: перед а законами данного языка допускаются единицы А и Б. Мы единицу а рассматриваем как

образующую позицию. Но колонки можно читать и по горизонтали: после *A* допускаются единицы *a* и *b*. В этом случае мы как позиционно-созидательную рассматриваем единицу *A*; появление *a* обусловлено этой позицией. И снова мы приходим к выводу, что синтагматика имеет обратимые отношения между позиционно обуславливающей и позиционно обусловленной единицами.

14. В парадигмах сочетание «единица, определяющая позицию» + «единица, определяемая позицией» необратимо.

Верно, что конец слова («потенциальная пауза») требует замены [з] на [с]: *морозы* — *мороз*. Неверно, что [с] требует после себя паузы.

Верно, что позиция «без ударения, после мягких согласных» вызывает мену [о] на [и]: *вез* — *везу*, *теплый* — *теплее*; но неверно, что [и] вызывает передвижение ударения на соседний слог.

Сопоставляя *есть книга* — *нет книги*, делаем вывод, что мена позиции *есть* — *нет* обуславливает мену формы *книга* на форму *книги*. Но было бы нелепо утверждать, что мена форм *книга* — *книги* вызывает мену *есть* на *нет*.

Парадигматические отношения необратимы: они выводят единицу, образующую позицию, за пределы парадигмы, как нечто стоящее вне. Если психологизировать ситуацию в парадигме, то можно сказать: *A* требует подчинения, причем безотказного, полного подчинения (позиционные чередования — безысключительны!). *A* — деспот. Оно противостоит тому, что подчиняется.

Позиция здесь предстает как внешняя сила воздействия (конечно, языковая, т. е. не имеющая природной, внеязыковой обязательности). Поэтому единица, определяющая воздействие, — не в парадигме, а вне ее. Иное в синтагме: здесь единица *A* позволяет быть около себя единице *B*, но ведь и *B* позволяет рядом с собой быть *A*. Отношения здесь могут быть перевернуты, инверсированы. Поскольку отношения в синтагме обратимы, то оба члена синтагмы — братья, они оба в пределах синтагмы, они оба — ее члены.

15. Синтагма может быть представлена так:

$A_1 + a_1$
 $(A_2 + a_1)$
 $(A_1 + a_2)$
 $(A_2 + a_2)...$

В скобках — тот фон, который необходим синтагме, но в ее пределы не входит (см. выше, § 3). Парадигму можно представить так:

$(A) + a_1$
 $(B) + a_2$
 $(B) + a_3...$

В скобках то, что вне парадигмы, именно единицы, которые создают позицию.

Изучить парадигматику — значит, понять, какие единицы образуют чередование под влиянием каких-то других единиц (находящихся вне парадигмы). Члены парадигмы — единицы, находящиеся в разных позициях.

Изучать синтагматику — значит, понять, какие сочетания закономерны для данной языковой системы. Синтагма включает и единицу, образующую позицию, и единицу, находящуюся в позиции. Установить, что налицо именно синтагма, сочетание единиц, можно путем сопоставления таких последовательностей (кортежей), где разные единицы находятся в одной позиции.

16. Единица, образующая позицию... Она — вне парадигмы. Она внутри, в составе синтагмы.

Основу этого различия можно опять увидеть в номинации и предикации, в истоке всех языковых системных различий.

Предикация — соединение двух названий. Они — однопорядковые единицы, они подобны по своей природе, они — оба названия. Поэтому и в синтагмах (во всех ярусах языка), особенности которых зеркально отражают предикационные отношения, оба члена равноправны.

Номинация — обращение языковой единицы к чему-то внеязыковому, к объекту названия, который явно не ровня слову (номинативной единице), он — вне слова. Эти отношения скопированы парадигмой.

17. Как перечислить парадигмы? Посмотреть, что чередуется, не забывая при этом указывать позицию — причину чередования.

Как перечислить синтагмы? Посмотреть, что сочетается. Например, дать такой список: [тт — тс — ст — сс]. Это — синтагмы шумных зубных глухих твердых.

Тот же перечень можно дать в виде столбиков (удобно для обозрения):

тт ст
тс сс

То же можно представить в виде таблицы; она должна быть построена по типу, указанному выше (п. 14):

		2	
		т	с
1	т	+	+
	с	+	+

Смысл всех трех обозначений одинаков. Все они показывают сочетаемость единиц, т. е. синтагматику. Но сбивчивость обычных представлений о синтагматике и парадигматике настолько велика, что одни и те же отношения принято рассматривать как парадигматические, если они представлены таблицей, и как синтагматические, если они даны в виде перечня сочетаний.

Есть и такой вид таблиц, где не указана, прямо и явно, позиция, но из самого существа таблицы следует, что позиция — одна и та же для всех единиц. Например:

д	д'	з	з'	
т	т'	с	с'	ц

Даны шумные зубные согласные, которые могут быть перед гласными в русском языке (поэтому нет, например, согласного [дз]). Иначе говоря, таблица представляет синтагмы: [да], [та] и т. д. Доказательство: если бы это была таблица тех единиц, которые сочетаются, например, с глухими согласными, то многие единицы в таблице оказались бы лишними (например, [д], [з]). Если бы это была таблица единиц, одни из которых рассматриваются как сочетающиеся со следующим гласным (например, [д]), а другие как сочетающиеся с глухими согласными (например, [т]), то таблица оказалась бы бессмысленной: она бы не разграничивала единицы, функционально различные.

Другой пример таблицы, которая молчаливо исходит из условия, что все единицы находятся в одной позиции (и, следовательно, демонстрирует синтагматические закономерности):

мать	отец
дочь	сын
сестра	брат

Слово *мать* может встречаться в разных контекстах: *Мать зовет его домой.* — *Родина-мать зовет!*.. В таблице дано слово *мать* из первого контекста: лишь он допускает все слова нашей таблицы (*Отец зовет его домой* и т. д.) Тем самым он реализует те различия, которые показаны в таблице. Второй контекст их снимает; в нем слово *мать* не из данной таблицы. Таблица выделяет признаки единиц, а выделить их можно при сопоставления этих единиц в одной позиции.

Конечно, могут быть таблицы, представляющие чисто атомарные факты (например, та же таблица согласных, но включающая [дз]). Они не демонстрируют ни парадигм, ни синтагм, так как и парадигма и синтагма — это единицы, связанные в единство языковыми законами, а не атомарные факты сами по себе.

18. Члены парадигмы могут быть предельно не похожи друг на друга или, напротив, сохранять предельное сходство. Это не существенно для парадигмы. Примеры: 1) фонема ⟨у⟩ реализуется во всех позициях очень похожими звуками — все они звуки типа [y]; 2) фонема ⟨о⟩ представлена единицами очень различными по своей фонетической природе. В обоих случаях, однако, признаки чередующихся (составляющих парадигму) звуков не выделяются в качестве самостоятельных функциональных сущностей. Ни сопоставление единиц в составе одной парадигмы, ни сопоставление единиц в разных парадигмах не ведет к такому выделению.

Действительно, *нес — несу*, чередуются гласные [о] — [и]. Но чередуются эти единицы как целостности, нет основания считать, что идет атомарная замена признака признаком: лабиализация → нелабиализация, средний подъем → верхний подъем, задний (или заднесредний) ряд артикуляции → передний ряд. Меняется целостность [о] на [и].

Сопоставление единиц в синтагматическом плане непременно ведет к их расчленению на составляющие признаки. Перед [а] могут быть согласные [т], [д], [т'], [д'], т. е. звонкие и глухие, твердые и мягкие согласные. Такое разложение на признаки упрощает описание и проясняет закономерность.

Возьмем другой пример. Значение тв. пад. (выраженного, например, флексией *-ом*) может парадигматически очень сильно изменяться. Чередуется, образуя парадигму, такие значения:

1) *Пользуется топором, владеет топором...* Здесь форма тв. пад. обозначает предмет, необходимый для реализации действия, без него невозможно действие. Названия таких предметов («прямое дополнение») связаны сильным управлением с глаголом и чаще всего имеют форму вин. пад., но не всегда: при данных (непереходных) глаголах необходима форма тв. пад. Таким образом, здесь значение флексии *-ом* обусловлено глаголом; он и есть позиция, в которой находится эта флексия.

2) В позиции: любой глагол + именная основа, обозначающая время + *ом* (флексия тв. пад.), — этот аффикс имеет временное значение: *читать, ехать, косить, кашлять + утром, летом*. Здесь позиция для значения флексии *-ом* обусловлена не глаголом, а именной основой. Теперь прояснилось, что в предыдущем случае значение «прямого объекта» (предмета, необходимого для действия) возникает не просто в позиции при определенных глаголах, но непременно при невременных основах имени⁸. Таким образом, основа имени здесь тоже входит в позицию, определяющую значение флексии *-ом*.

3) *Лавки в доме сделаны столяром. Рукопись исправляется самим автором*. Здесь *-ом* обозначает действующее лицо. Почему слушатель безошибочно догадывается об этом? Потому что это позиционное изменение значения аффикса *-ом*: оно целиком определяется позицией, страдательной конструкцией, включающей имя лица (у этого имени и дана флексия *-ом*).

Оборвем перечисление парадигматических чередований, которые вызваны в значении флексии *-ом* позиционными условиями, реализованными основой (к которой относится флексия *-ом*) и управляющим словом. Ясно, что ряд этих чередующихся значений такой: значение непосредственного объекта действия || значение временное || значение действующего и т. д.

Ряд этих значений образует парадигму. Ряд значений, парадигматически объединенных, очень различен, он не объединен каким-либо стержнем, «инвариантом» (вспомним парадигму фонемы ⟨о⟩: для парадигмы нет необходимости быть инвариантно-единой. Ей достаточно того, что ее объединяет позиционный характер чередований). В каждом отдельном случае, в каждой позиции значение этого *-ом* в пределах парадигмы остается целостным и нечленимым.

⁸ Ср.: *любуется утром* = во время утра; *любуется утром* = красотой утра. В последнем случае форма *утром* показывает не время, а необходимый объект действия (это — «прямое дополнение» в форме тв. пад.) Значение основы не временное, а объектное, поэтому и значение флексии *-ом* не временное.

Указанные значения не могут быть разложены на отдельные различительные признаки: нет ни способа такого разложения (функционально оправданного), ни стимула, чтобы его искать.

Другое дело — значения тв. пад. (выраженные той же флексией *-ом*) в синтагматическом плане. Сопоставляя синтагмы *топор-ом*, *топор-а*, *топор-у*, мы можем сравнить значения у флексий *-ом*, *-а*, *-у* и т. д. и разложить эти значения путем перекрестных сопоставлений на признаки. Они будут примерно те, которые выделил при подобной же процедуре Р. О. Якобсон в своих работах 1936 и 1958 гг. Признаки выделены путем противопоставления значения одной флексии значению другой флексии, обнаруженных в одной и той же позиции при одной основе *топор*.

19. Для парадигматики значение флексии *-ом* целостно и нечленимо. Для синтагматики оно является составным и разъемным.

Здесь, очевидно, опять-таки проявляется свойство модели, которая лежит в основе парадигмы, — свойство номинации.

Единица номинации — это целостность, соотнесенная с целостностью объекта называния: название — это знак, «который я делаю представителем предмета, ...чтобы представить его себе в его тотальности»⁹.

Даже если номинация с какой-то иной точки зрения является составной, все же как номинация, ориентированная на объект, она — целостность.

Поэтому каждое звено парадигмы, каждый ее член — тоже единица целостная; она не членится на более дробные «атомы» — признаки.

Синтагма — единица составная, «разъемная». Поэтому и ее составные части тоже оказываются составными, распадающимися на дифференциальные признаки.

С другой стороны, все различия между членами одной парадигмы в системе языка надо считать снятыми (не физически, а функционально). И отдельные признаки, образующие эти различия, не могут быть особыми функциональными единицами.

Другое дело — единицы, входящие в синтагму. Они находятся в одной позиции и поэтому противостоят друг другу: АБ — АВ... Различия между Б и В существенны; системно важно, какими признаками отличаются Б и В. Эти единицы — Б и В — отличаются набором признаков, каждый признак может быть основой для противопоставления. Поэтому синтагматические единицы разлагаются на более мелкие «атомы», на признаки.

Следовательно, степень расчлененности, дробности единиц в синтагматике и парадигматике не одна и та же.

20. Номинацию надо рассматривать как модель парадигматических отношений во всех ярусах языка, предикацию — как модель всех синтагматических

⁹ Ленин В. И. Философские тетради. Полное собр. соч. 5-е изд. Т. 29. С. 74. В. И. Ленин цитирует Л. Фейербаха.

отношений. Таким образом, признаки парадигмы (и, соответственно, синтагмы) — не случайный набор, а единое целое.

Попробуем показать, как из одного признака синтагмы следуют все другие ее признаки.

1. Синтагмы есть там, где в одной позиции закономерны (для данного языка) разные единицы: АБ, АВ...

2. Это обуславливает расчлененность синтагм.

3. Единицы, находящиеся в одной позиции, должны быть различны. Например (после А) — Б и В. Предположим, что налицо не Б, В, а вместо них Б, Б. Тогда синтагмы АБ, АВ примут вид АБ, АБ, т. е. оказывается данной только одна синтагма; но, как уже сказано, если нет сопоставления с другими синтагмами, то нет и расчлененности данной единицы, она оказывается псевдосинтагмой.

Итак, единицы, встречающиеся в одной позиции и образующие синтагмы, должны быть противопоставленными друг другу. Их функции — различение языковых данностей¹⁰.

4. Почему единицы Б и В противопоставлены? Потому что у них есть различные признаки. Их можно путем сравнения Б с В перечислить, определить — какие они, т. е. определить атомы, из которых состоят Б и В.

5. Так как Б и В (при А) различны, то очевидно, что А не мешает выявлению их индивидуальности, их различности. Одно и то же А не может вызвать разные признаки у соседа; ясно, что различия между Б и В появились не под влиянием А. Они — независимы от А.

Но тогда и А независимо от Б и В: разные, они не способны своею разностью вызвать тождество А. Очевидно А (в синтагмах АБ, АВ) тоже независимо от Б и В.

Следовательно, в синтагме оба ее члена (А и Б в АБ, А и В в АВ) равноправно-независимы. Они — братья. Отношения между ними могут быть инверсированы, как в любом равноправном сочетании единиц.

Итак, все свойства синтагмы выводятся из одного, основного.

Так же все свойства парадигмы можно вывести из признака «единицы даны в разных позициях».

¹⁰ В отличие от синтагмы парадигма не противопоставляет, не разграничивает единицы языка, входящие в ее состав, а их отождествляет, функционально снимает различия.

Позиционные отношения в стилистике*

Язык — целостная, единая система. Поэтому закономерности, существенные для одного языкового яруса, скорее всего, обнаружат свою значительность и в других ярусах. Смелую и плодотворную попытку применить некоторые понятия, выработанные в фонологии, в иной области — в стилистике — сделал В. Д. Левин. В статье «Литературный язык и художественное повествование» он разграничивает два вида стилеобразующих элементов: одни «находятся в условиях зависимости, выступают — если воспользоваться терминами фонологии — в „слабой“, обусловленной позиции, вторые — позиционно независимы, они могут выступать в необусловленной „сильной“ позиции»¹.

Речь идет, таким образом, о различении позиционно обусловленного и позиционно независимого. Само понятие позиции при этом преобразуется, оно применяется к новому ряду фактов. Нам кажется, что движение в этом направлении может быть продолжено: понятие позиции способно прояснить некоторые явления художественной речи.

Позиция не только связана со знаками, она сама — знак. Она показывает, что в данном месте текста отменяются одни определенные законы и вводятся другие. Так, конец слова — знак того, что выбор глухих и звонких отменен: вводится правило: употреблять только глухие шумные согласные (или: элиминировать звонкость).

Обратимся к художественной речи. В русской поэзии существует «шевченковский стих». Название говорит, что он ассоциируется с явлениями украинского стиха, но сам он (то состояние стиха, о котором мы говорим) факт русской стихотворной речи. Вот он какой у Э. Багрицкого:

Чернозем потек болотом
От крови и пота.
Не хочу махать винтовкой,
Хочу на работу!..
Зашумело Гуляй-Поле
От страшного пляса —
Ходит гоголем по воле

* Russian phonology & history. In honour of Victor Levin. The Hebrew University of Jerusalem. 1992. P. 136–145.

¹ Левин В. Д. Литературный язык и художественное повествование // Вопросы языка современной русской литературы. Под ред. В. Д. Левина. М., 1971, с. 18.

Скакун Опанаса...
 Опанасе, наша доля
 Туманом повита —
 Хлебобобом хочешь в поле,
 А идешь бандитом...

Чередуются строки четырех- и трехстопного хорея. Ударения, как требует метр, на нечетных слогах. Но эта метрическая норма нарушается: sporadически (но не очень редко) ударение с первого слога переносится на второй.

Порча? Нет. Такие стихи требуют особого чтения (произношения), закрепленного традицией, — первый слог удлиняется, вот так: «[хǎ]чú на работу... [скǎ]кúн Опанаса... [тǔ]мáном повита»². Удлинение — сигнал, что ударность / безударность инверсированы. Сигнал того, что одна последовательность заменяется другой. Указание, что здесь особая позиция.

Бывает так: на дороге какой-то изъяз, ухаб, неожиданность... И об этом предупреждает дорожный знак. Тем самым изъяз обезврежен, неожиданность стала ожиданностью, нет уже опасности для ездока. Таким же сигналом отступления от нормы является удлинение первого слога. Он делает больше, чем дорожный знак: не исправляет изъяз, а подчеркивает его эстетическую значимость. Он входит в художественный замысел, он не изъяз, а ценность. Стих приобретает энергичность, напевность, подвижную мелодику, разнообразие, причем и метру не на что жаловаться: он получил компенсацию.

Такие изменения в художественном тексте, когда есть отступление от нормы, но оно сигнализировано особыми показателями, относящимися к этому месту, суть компенсации: стих **ска́кун Опанаса** — компенсированный.

Художественная речь насыщена такими знаками компенсаторами. Приведем еще пример. Есть в русской поэзии традиция — воспроизводить античные размеры средствами русского языка. Стихотворения сапфическими, горацянскими строфами писали А. Сумароков, А. Радищев, А. Востоков; замечательные переводы из Горация, выполненные Семеновым-Тяньшанским — и т. д. Приведем отдельные строки из стихотворения А. Востокова «К Борю»

Все развивалось, наполнилось жизни,
 Сошли с Олимпа смехи и Грации...
 Но ты напал от севера с бурями,
 И дунул хладом. Вдруг помертвело все...

Последовательность слогов: ∘ / ∘ ∘ ∘ ∘ ∘ ∘ ∘ ∘ ∘. Если читать эти стихи «прозаически», в обычной манере, они какофоничны. Чтобы получился

² Возможно и другое исполнение таких стихов: стих резко делится цезурой на два полустишия; два ударения (на каждом полустишии) усиливаются: «хочú / на работу...», «скакúн / Опанаса...» — о таком произношении стихов писал А. Лежнев (см.: *Лежнев А.* Литературные будни. М., 1929, с. 145). Но в этом случае есть сигнал инверсии ударного и безударного слогов, т. е. знак изменения позиции.

стих, необходимы долготы (они указаны в примерах и на схеме). Длительность слогов «исправляет» метрический ухаж; вместо уродливости получаем реализацию ценного ритмического замысла. Есть знак перемены позиции: после ударного слога должен следовать, если судить по первой половине стиха, один безударный слог, но здесь следуют два³. Однако в позиции «между длительностями» требование иное. Длительность задает иную позицию. На той же основе построен русский гекзаметр.

Читатель, вероятно, заметил, что компенсированные тексты, данные здесь, представлены самим своим строением как особые. Они отличны от нормы своей ориентацией: шевченковский стих оглядывается на украинскую поэтическую традицию, горацянские строфы — на античную. Компенсации (которые связаны с микротекстом, с данным местом, где брошен вызов норме) в иных случаях могут сами просить защиты, обоснования, помощи от всего текста; тогда возникают апелляции к иной языковой, стилевой, социально-речевой, диалектной, жаргонной, бытовой системе. Эта система своим существованием должна обеспечивать законность тех или иных преобразований нормы.

Выпустить на простор иной голос — иного народа, иной эпохи, иного бытового и речевого уклада... И тем укрепить право на преобразования, данные в тексте. Это как бы второй ряд защиты. Текст такого рода назовем мотивированным: в нем ненормативность не только узаконена компенсациями, но и подкреплена мотивированностью. Обычно компенсациям сопутствует и мотивированность, но все же это не обязательно.

Своеобразно сочетание компенсации и мотивированности в баснях А. Сумарокова. По своей лексике его басни невероятно и безмерно грубы. (Переходим, как видно, к лексическому ярусу.) Русская басенная традиция не знает такой смелости, преодолевающей условности литературной традиции, как у Сумарокова. Например, он пересказывает известную бродячую историю о том, как по-разному комбинировались друг с другом во время поездки старик, осел и мальчик. Говорит об этом так:

...Прохожий, встретившись, смеялся мужику,
Как будто дураку,
И говорил: «Сам едешь ты верхом,
А мальчика с собой волочишь ты пешком».
Мужик с осла спустился,
А мальчик на осла, и так, и сяк,
Не знаю как,

³ Психологически, очевидно, в первую очередь учитывается инверсия ударности-безударности, и она вызывает стремление «исправить» ее — сигнализировать ее, удлинив первый слог. Но мы здесь обсуждаем не психологическую сторону дела, а строение текста: в тексте дана инверсия как ведущий признак. Инверсия — аметрична и должна быть обозначена. Должна быть позиционно оправдана. Длительность же гласного обозначать инверсией нет никакой надобности.

Вскарabalкался, взмоcтилcя.
 Прохожий, встретившиcь, cмeялcя мужику,
 Как будто дураку,
 И говорил: «На глупоcть это cхоже,
 Мальчишка помоложе;
 Так лутче он бы шел, когда б ты был умeн (= ум'эн),
 А ты бы ехал, cтарый хрен».
 Мужик оcла еше навьютил
 И на него ceбя и c бородою взрютил,
 А парeнь таки там...

Теория классицизма не позволяла даже в басне таких вольностей. И басни от Хемницера до Дмитриева славились чистотой и приличием языка. Сумарокову нужно было оправдаться. Нужна мотивированность — опора на какую-то языковую традицию. И поэт ссылается на просторечие, на крестьянский язык. Просторечие в ту эпоху не было предметом уважения, и Сумароков, конечно, подсмеивается над ним; но, видимо, экспрессия крестьянской, «необразованной» речи в то же время и привлекала его. Поэтому его басни полны вульгаризмов. Итак, мотивированность есть: кивки в сторону просторечия.

Но читателю нужно показать, что автор знает норму, не невежа он! Следовательно, нужна компенсация, свидетельствующая, что норма сознательно нарушена. Здесь по правилам нужно такое-то слово, — ан, автор взял другое! Иначе говоря: нужны знаки компенсации. И мотивированность текста, и компенсацию в данном конкретном месте текста автор дает одновременно: он раскладывает перед читателем ряд синонимов. В этом ряду — и узаконенное слово, и ненавистная Сумарокову калька с французского (чтобы посмеяться над ней), и крестьянское выражение. Примеров можно привести много, ограничимся одним:

...Был муж, была жена, и были брани
 У них без пошрины и безо всякой дани.
 Жена была остра и с мужем зуб о зуб,
 Жена была остра, по-русски несговорна,
 А по-крестьянски вздорна...

Таким образом, стилистическая фигура — подбор синонимов — выполняет сразу две функции. Во-первых, **роль компенсатора**: указывает норму («по-русски») и сообщает об отходе от нее («по-крестьянски»), самим этим сообщением оправдывая отход. Как в инверсированном хорее: ударение перенесено на второй слог, но длительностью усилен первый; автор показал, что в норме именно первому полагается быть усиленным. Во-вторых, **роль мотиватора**: прямо сказано, что отступление сделано в сторону крестьянской речи...

Из «Записной книжки» А. П. Чехова: «Кавказский князь в белом шербете ехал в открытом фельетоне». «Шербет» вместо «бешмет», «фельетон» вместо

«фазтон». Конечно, само собой понятно, что это шутка; но все же вначале — предупреждение: слова о кавказском князе. Это фразеологизм: **кавказские князья** — ненастоящие, это квази-князья. Предупреждение — компенсатор. Есть в этом тексте и мотивированность: предполагается, что это выражение — в речи необразованного человека, который хочет показаться образованным.

Возникает соблазн: не сказать ли, что в художественном тексте, в ряду стилистических средств каждое из них является компенсатором для другого? Из «Записной книжки» Чехова: «У нас хороший умолот в поле; пруд полон коростелей». Изменим: «У нас хороший умолот на току; пруд полон карасей». Шутка перестала быть понятной, похоже на простую оговорку. Для понимания ее нужно, чтобы первая часть подготавливала вторую. Первая часть играет ту же роль, что «кавказский князь» в предыдущем примере. Но и вторая часть необходима для понимания первой. Ср: «У нас хороший умолот в поле, пруд полон карасей». Не шутка: не подготовлена позиция для ее верной оценки. Не в том ли особенность художественного текста, что в нем А (некая стилистически значимая характеристика) — компенсатор для Б (для другой значимой характеристики), и в то же время — Б является компенсатором для А? Этот вопрос оставим без ответа.

Те явления, которые мы наблюдали в звуковом и словесном ярусе, имеют свое соответствие и в образном ярусе. Вспомним «Обрыв» И. Гончарова, рассказ о смерти Наташи (ч. 1, гл. XV). Он явно отличается от остального текста романа. Мудро-проницательное наблюдение, живописно-обстоятельный психологизм сменяются романтической экзальтацией, взвинченностью: «„Смерть! Боже, дай ей жизнь и счастье и возьми у меня все!“ — вопила в нем поздняя, отчаянная мольба. Он мысленно всходил на эшафот, сам клал голову на плаху и кричал: „Я преступник!.. если не убил ее, то дал убить ее: я не хотел понять ее, искал ада и молний там, где был только тихий свет лампы и цветы. Что же я такое, Боже мой! Злодей!“».

Ритмико-синтаксический рисунок в этом рассказе — иной, чем в остальном тексте романа: интонационные взлеты и провалы создают нервное напряжение, они круты и стремительны — дробно членят фразы. Такое предательство автора по отношению к собственному стилю, возможно, вызовет даже протест читателя, если он пропустил без внимания охранные кавычки в начале рассказа, не обратил внимания на предупреждение автора. Лишь в конце главы он узнает, из замечания автора, что читал юношескую рукопись Райского. Досада исчезает: то, что оценивалось как недостаток в одной шкале (в мире общей стилистики романа), становится достоинством в другой шкале — если это особый текст, другой художественный мир. Становится ясно, что это глубоко психологическая попытка войти в романтический мир молодого Райского, пережить события его чувствами, оценить события его оценками. Есть компенсация: интонационная напряженность, мятежные подъемы и спады тона;

они дают читателю знак: здесь — иные образно-стилистические оценки! Есть мотивированность: объяснение, что это — текст героя произведения, Райского.

Возвращаемся к мысли В. Д. Левина. Его опыт использования понятий, разработанных в фонологии, для изучения стилистики нам кажется плодотворен. Автор настоящей статьи стремился следовать по тому же пути. И предметом рассмотрения была та же проблема (важнейшая для фонологии и, видимо, не только для нее): разграничение свободно избираемого и обусловленного в тексте.

Выводы, пускай предварительные, можно было бы сформулировать так:

1. В художественной речи могут быть показатели, которые являются позиционно определяющими для других показателей. Они оправдывают отступления от закономерностей, нормативных для данного текста; они эти отступления превращают в особую норму, эстетически значимую.

2. В некоторых текстах оказываются нужными показатели второй степени — такие, которые свидетельствуют об экстерриториальности данного текста среди других подобных текстов или среди других частей того же текста.

3. Эти особенности построения текста охватывают и звуковой, и словесный, и образный ярусы. Они — сквозные для всех стилистических уровней.

4. Таким образом, в стилистике обнаруживаются позиционные зависимости, которые в принципе подобны позиционным зависимостям вне стилистики, вне художественной речи. Но есть и существенное различие, определяющее статус именно художественной речи: в художественном тексте позиции **ограничивают** выбор (если позиция не определяет его, то незачем вводить понятие позиции), но при этом **оправдывают** отступления от заданных закономерностей, переход к другим закономерностям. Тем самым возможности выбора в конце концов увеличиваются: оправдана смена метра, нормы, смена принципов построения текста.

Позиционные мены значений у слов в зависимости от текста*

Позиционные чередования в русском языке были открыты трижды. Первый раз — В. К. Третьяковским в 1747 году. Он впервые в истории русской филологии установил, что русское литературное произношение — акающее. Он писал: ударные гласные О меняются без ударения на А; «сей перемен столь генерален, что не имеет ни единого изъятия!». Подчеркнут главный признак позиционного чередования: оно совершается в определенных условиях (без ударения) б е з ы с к л ю ч и т е л ь н о. Во второй раз позиционные чередования были открыты И. А. Бодуэном де Куртенэ в 1881 году. В третий раз — в работах Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова в 1945 году, А. А. Реформатским в 1947 году и тогда же — П. С. Кузнецовым. Этими учеными в середине XX века была разработана и глубоко обоснована теория позиционных чередований в фонетике современного русского языка. Она исходит из простых и очевидных фактов. Сравним: *огороды — огород, ряды — ряд, рады — рад, горды — горд, вряд ли — навряд...* Звонкий согласный [д] на конце слова заменяется глухим [т]. Это чередование не знает исключений: оно осуществляется (в определенных условиях, в определенной позиции) во всех словах без изъятия. Позиция неуклонно требует этой замены, следовательно, она — причина замены. Было бы нелогично считать причиной то, что в одном случае действует, а в другом точно таком же случае не действует. Безысклительность позиционных чередований — их обязательный признак как закономерных явлений данного языка. Притом закономерность относится не к единичному звуку, не к [д], а к целому классу звуков: ко всем звонким шумным согласным, которые на конце слова, перед паузой, заменяются соответствующими глухими.

На этом примере мы вспомнили, что такое позиционные чередования в фонетике. Есть ли в других областях языка позиционные чередования единиц? С условием: в данной позиции одна языковая данность заменяется другой — во всех единицах данного типа б е з ы с к л ю ч е н и й? Есть в словоизменении. Например, позиционно сменяют друг друга в разных контекстах значения творительного падежа существительных:

* Структура и семантика художественного текста. Доклады VII Международной конференции. М., 1999. С. 296–300.

1. Флексия творительного падежа имеет временное значение, когда присоединяется к основе, имеющей значение времени: *Мы познакомились весной*.

2. Флексия творительного падежа имеет значение места.

Для этого нужны такие позиционные условия: основа существительного обозначает место, а глагол, который управляет этим существительным, имеет значение перемещения: *Мы ехали лесом*. Без этих условий места формы творительного падежа невозможны (*Мы сидели лесом*).

3. Флексия творительного падежа обозначает действителя: *Эти грибы собраны (собирались) крестьянами...*

Прервем здесь наш перечень. Все многочисленные значения творительного падежа (и других падежей) обусловлены позиционно¹.

В фонетике меняется звук, материальная часть знака, но чередующиеся звуки принадлежат определенной морфеме, одной и той же значимой единице. В морфологии меняется грамматическое значение при той же материальной единице — словоформе. В том и другом случае процессы чередования обнаруживаются в знаке, а знак соединяет звучание и значение.

А в лексике? Есть ли в ней позиционные чередования? Обратим внимание на такие речевые факты: *Замок мрачно молчал и готовился к обороне... Вагон дружно пел... Огонь приближался, и отчаяние охватило весь второй этаж... Партер снисходительно лорнировал певицу... Конюшня подала петицию директору театра... (несомненно, не кони, а конюхи)... Кубрик с волнением следил за шахматным турниром...*

Здесь всюду метонимия: вместо названия людей использовано название места, где они обитают. Произошла замена: одна единица встала на место другой. Словом, как в фонетике: вместо [о] в безударном слоге появляется [а]. Происходит чередование двух лексических единиц: название группы лиц — название места их обитания. Но весь вопрос в позиции, она должна управлять этой заменой. Есть ли для этой мены лексическая позиция?

Вестимо, есть! Как не быть! Не может же беспричинно одно наименование занять место другого! Невозможно начать разговор словами: *Лестница замолчала*. Необходимо подвести слушателя к этой фразе, например, так: *На лестнице сберкассы собрались вкладчики и требовали денег; деньги стали выдавать, и лестница замолчала*. Начать речь словами: *Чуланчик уже уснул* — можно только в том случае, если это продолжение прерванного разговора, и перед этим было сказано: *Детям отвели чуланчик с кроватками, пусть отдохнут после дороги...* Только после этого годятся слова: *Чуланчик скоро заснул...*

¹ Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М. 1999, 194–198.

Итак, позиция ясна: вначале дается прямое название лиц, это и есть необходимая лексическая позиция; эта позиция разрешает использовать метонимию там, где именование лиц замещено упоминанием помещения для этих лиц.

Есть ли исключения из этого правила? *Ложь рукоплещут...* Метонимия здесь введена сразу, без предупреждения о том, что имеются в виду люди. Как будто тот же случай... На самом деле совсем не тот. Слово *ложь* имеет два значения: 1. 'Деталь интерьера театра'; 2. 'Группа людей в ложе'. Не в речи создана позиционная метонимия, а в языке существует многозначное слово. Значение отмечено в словарях; не требует для своего употребления позиционного разрешения. Без этого разрешения совмещение двух единиц (определенный круг лиц и помещение) не удастся: *Гримборные были слабо освещены и поэтому просили завхоза заменить лампы...* Не годится.

Как видно, необходимо позиционное условие, чтобы указанное чередование могло осуществиться.

Сравним. **В фонетике.** Единица, заменяемая при позиционных чередованиях, — звук [о] ударный. Единица замещающая: [а]. Условия, обуславливающие позиционную замену (позиция): первый предударный слог, после твердых согласных.

В лексике. Единица заменяемая: название группы лиц. Единица замещающая: название помещения, которое занимают эти лица. Условия, обуславливающие позиционную замену: предварительное упоминание в тексте прямого (не метонимического) названия этих лиц.

Разница — в одном: фонетическое позиционное чередование не допускает выбора. Говорящий не решает вопроса, включить механизм замены или не включить. Этот механизм непременно должен быть включен. При каждом произнесении в описанных условиях (в данной позиции) происходит замена гласного. Слово в высказывании — плод единичного выбора, проявление воли говорящего: могут сказать так, а могут иначе. Могут сказать: *Лестница замолчала*, а могут: *Вкладчики замолчали*. Годится и *Чуланчик заснул*, но подойдет и *Дети заснули*. Звуки в слове — не результат свободного выбора, звуки в слове соединены традицией, звуковой состав стабилен. А для лексики возможны варианты (если дана не фразеологическая единица): использую позиционную замену названия или не использую.

В каком же смысле тогда эти чередования в лексике названы позиционными, то есть безысключительными? В том, что замена этого типа возможна для любых лексических единиц определенных классов (название лиц, название их местопребывания) в определенных позиционных условиях — возможна для всех без изъятия.

Следовательно, различие между позиционными чередованиями в фонетике и лексике — это различия самих систем, фонетической и лексической, а не собственно чередований: существование самих чередований — безысключительность замен при определенных условиях остается в силе в обеих языковых областях.

Использование этой позиционной метонимии ограничено довольно жесткими условиями. Она может обозначать не всякое живое существо, а только лиц. Невозможно: *Свинарник хрюкал... овечий загон блеял...* Позиционная метонимия этого типа может относиться только к группе лиц. Если в кабинете один Иван Иванович, то нельзя сказать: *Кабинет задумался...* Но вполне возможно: *В кабинете собрались все замы директора, кабинет шумел и спорил.* При соблюдении этих условий позиционная метонимия оправдывает свое название: она действительно позиционна, то есть действует надежно, безотказно, для всех лексических единиц данного типа.

Есть и другие позиционные мены в лексике. Наименование какой-либо черты во внешности лица (или лиц) способно обозначать это лицо при тех же позиционных условиях — если ранее оно было названо прямо, без помощи синекдохи. Возможно: *Полосатая майка лезла в драку...*, если до этого сказано что-то о человеке (парне, футболисте, верзиле, коротышке, громиле) в полосатой майке. Возможна реплика: *Полосатого увезли...* — если до этого объяснено, что полосатый — не арбуз, а участник драки. Впрочем, можно так и про арбуз сказать, но тогда это будет уже речевая игра, шутка, своеволие автора². Вполне отвечают речевым нормам и такие высказывания: *Девочка с синим бантом старательно спела песню. Синему банту дружно аплодировали... Мимо прошел старик в папахе. Папаха остановилась у магазина...* Вероятно, есть и другие позиционные синекдохи и метонимии в языке, их предстоит обнаружить.

Наконец надо сказать о главных позиционных лексемах. О местоимениях... Наименование места может позиционно менять свой объект и называть группу лиц. Название деталей внешности какого-то лица тоже способно менять свой объект и быть обозначением лица. Есть, однако, слова, которые по велению позиции могут обозначать все. *Дом, который построил...* Местоимение *который* обозначает *дом*. *Все посетители, кто уже осмотрел выставку...* Местоимение *кто* обозначает *посетители*. *Спелые овощи, какие вы видите на прилавке...* *Какие* обозначает *спелые овощи*. *Николай заплатил пять, и Алексей — столько же...* *Сколько* обозначает *пять*. Местоимение указывает то значение, которое было дано словом до него; предыдущее слово наполняет своим значением местоимение. Но именно это мы и видели в описанных случаях позиционных метонимий и синекдох. Местоимение (в некоторых своих разрядах) есть слово всеобщего позиционного наполнения. В фонетике этому была бы полная аналогия, если бы какой-то определенный звук мог в определенной позиции «заступать» на место всех других звуков данного класса (близкие к этому случаи в русском языке есть: в позиции без ударения после мягкого согласного).

² Если же будет сказано: *Полосатый увезли...* — то это будет именно про арбуз, и притом неполное предложение.

В современном языкознании существует глубокий интерес к суперсегментным единицам. Что называется суперсегментной единицей? Некоторые единицы умещаются в одном сегменте, в одной «доле» текста, другие требуют для себя некоторой последовательности текстовых единиц, нескольких «ломтей» текста, и только в их цепи находят свое воплощение. Это — суперсегменты. К ним традиционно относят (в фонетике) ударение, интонацию, многочисленные разделы между сочетаниями единиц. Современная лингвистика существенно пополнила перечень суперсегментных единиц.

Добавим к этому и другой современный процесс в лингвистике. Центральное место заняли исследования текста; то есть изучается не изолированное явление, обособленное от других единиц, а явление в связи с целостностью своего окружения, с текстом. Именно в этой связи внимание лингвиста не могут не привлечь явления позиционных мен в области значений слов. Хотя бы потому, что эти закономерности выходят за пределы слова. Устанавливаются связи позиции (одной части текста) и того, что определяется позицией (другой части слова). Эти две части взаимно определяют, обуславливают друг друга, то есть суперсегментны: в принципе в самых основах своего строения являются составными, не исчерпаны одним «куском» текста. С другой стороны, позиционные синекдохи, метонимии включают в определение позиции тип текста, где они возможны (в нашем случае — разговорно-неофициальный жанр). Поэтому внимание к этой теме закономерно в современной русистике.

Трансформы и нейтрализация*

Нейтрализация — это неразличение в определенной позиции таких языковых единиц, которые в других позициях различаются.

Нейтрализация может мыслиться двояко. Распространено такое понимание: это утрата определенным признаком в данной позиции своей различительной функции, хотя в других позициях он является различительным. Такая трактовка присуща разным школам структурализма (за исключением Л. Ельмслева и других глоссематиков). Из такой трактовки исходил Н. С. Трубецкой во многих своих блестящих работах.

Так, согласный [с] (и все парные глухие) имеет различительный признак «глухость» — перед гласными, так как в той же позиции возможен противоположный признак «звонкость»: *коса* — *коза*. На конце слова нейтрализованы [с] и [з], так как звонкий в этой позиции невозможен, поэтому нет противопоставления звонкости-глухости [кос] = и *кос*, и *коз*. А если нет противопоставления, то глухость теряет свои различительные функции.

При таком толковании нейтрализации всегда оказывается, что нейтрализоваться могут единицы, материально сходные, имеющие ряд тождественных признаков, например, [с] и [з]. Какие-то признаки у двух (или нескольких) единиц совпали, нейтрализовались, но другие признаки сохранились, они позволяют признать, что нейтрализованы именно [с] и [з]: они оба согласные шумные, фрикативные, твердые, зубные.

В таком толковании нейтрализации она распространяется только на материально подобные единицы, с тождественными признаками. Бессмысленно при такой трактовке говорить, например, о нейтрализации [о] и [а]: у них нет совместных признаков, которые могли бы, при нейтрализации, свидетельствовать, что речь идет о том же звуке, который дан вне нейтрализации, в сильной позиции.

Недаром и Н. С. Трубецкой, и все структуралисты игнорируют нейтрализацию фонем ⟨а — о⟩.

Иной взгляд на проблему нейтрализации высказан в работах Московской лингвистической школы (МЛШ). Здесь понятие нейтрализации целиком, последовательно базируется на исследовании позиционных чередований.

* Лики языка: К 45-летию научной деятельности Е. А. Земской. М.: Наследие, 1998. С. 275–284.

В разных позициях определенная языковая единица может претерпевать изменения, так что она целиком меняет свою характерность. Не отдельные признаки могут меняться, а вся единица как континуум. Что гарантирует позиционный характер чередования? Безысключительность мены. По принципу: дано условие — поэтому непременно следствие. Под ударением есть [а] после мягкого согласного. Меняем позицию: после мягкого, но в безударном слоге. Гласный [а] непременно, во всех полнозначных словах замещается звуком [и]: пять — пяти́, тя́нет — тяну́, сквозня́к — сквозняки́... и т. д.

Но есть и другой ряд: [о] под ударением, [а] в первом предупредительном слоге после твердого согласного, [и] в безударном слоге после мягкого согласного; например: нёс — несú, тёмный — темнётъ, чёрный — чернётъ.

Есть ряды позиционно чередующихся единиц. Они могут скрещиваться-сходиться в одной единице, представляющей в определенной позиции оба ряда (или несколько рядов). Вот так:

Под ударением:	а	о
Без ударения, после		
мягкого согласного:	и	

Нейтрализация «по-московски» — это скрещение рядов позиционно чередующихся единиц в определенной позиции, их совпадение в одной реализации. При этом вовсе не требуется: во-первых, чтобы нейтрализованные единицы были подобны (имели общие различительные признаки), нет необходимости и чтобы единица в позиции нейтрализации походила на исходные единицы. Нужно только одно: чтобы отношения, которые обуславливают нейтрализацию, были позиционными отношениями. Материальная конкретность не выступает как стопор, ограничивающий изучение языковых отношений.

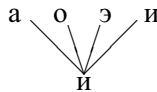
Если единица, следуя от позиции к позиции, может полностью меняться, то как доказать, что это изменения одной и той же единицы? Ведь критерий материального сходства (наличие одинаковых различительных признаков у меняющихся единиц) отсутствует. Единство сущности, «протекающей» через позиции, обеспечивается тем, что меняющиеся, позиционно обусловленные факты входят в одну и ту же более высокую единицу: звуки — в одну и ту же морфему (*нёс — несú, тёмный — темнётъ...*), морфемы, которые являют чередование, — в одно и то же слово (*ходить — хожу-ходок...*) и т. д. Этот критерий вызвал критику; был защищен и обоснован сторонниками МЛШ; сейчас мы не можем подробно заниматься этим вопросом.

Далее мы всюду принимаем «московскую» трактовку нейтрализации.

Явления нейтрализации пронизывают всю систему русского языка.

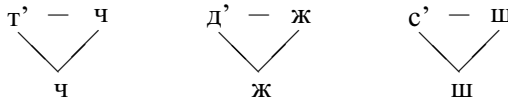
В фонетике. Примеры приводились выше.

Среди согласных немало случаев, когда нейтрализуются звуки, в которых ряд признаков тождественен, например, [т] и [т'] (*бросьте* и *кости*, ср. *косточка*), [т] и [д] (*обет* — *обед*). Разумеется, такие чередования принимаются в расчет, поскольку факт позиционного чередования бесспорен. Но есть большое число нейтрализации фонетических единиц, не имеющих общих признаков. Это характеризует многие нейтрализации и в области согласных и особенно — в области гласных. Например, нейтрализуются **согласные** [т — д — д' — ч']. Ср.: *отвести* — *отделить* — *отчистить*... Нейтрализуются **гласные** [а — о — э — и] все — с [и] в безударном положении (*пять*, *пек*, *лес*, *чисто* — *на пять*, *выпек*, *из лесу*, *вычистить*). Если ограничить нейтрализацию случаями, когда сливающиеся единицы имеют фонетическую близость, то всеми этими случаями нейтрализации пришлось бы пренебречь; тем не менее слияние, неразличение данных фонетических единиц несомненно:

В морфонологии. *Лететь* — *лечу*; *лечить* — *лечу*; *городить* — *горожу*; *сторожить* — *сторожу*; *косить* — *кошу*; *сушить* — *сушу*...

Чередования зависят уже не от фонетической позиции, а от морфологической: перед аффиксом инфинитива различаются морфемы {т' — ч}, {д' — ж}, {с' — ш}; перед флексией 1-го лица ед. числа они совпадают. То есть:

Русская морфонология богата такими нейтрализациями¹.

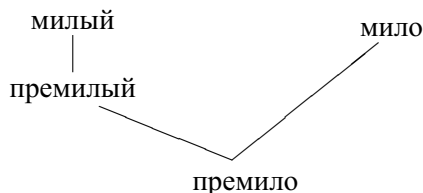
В словообразовании. Есть немало случаев, когда производное слово имеет две словообразовательные мотивировки. Впервые на эти случаи обратил внимание и дал их истолкование с точки зрения научной теории Г. О. Винокур. Мысль была подхвачена лингвистами, причем наиболее последовательно она была развита в работах Е. А. Земской.

Она пишет: «Производная основа может находиться в отношениях производности не с одной, а с двумя (реже — более) производящими основами... Например, наречия с приставками типа *пре-*, *сверх-*, *архи-* (*премילו*, *превесело*; *сверхчисто*, *сверхбыстро*; *архимодно* и т. д.) могут быть образованы и от префиксальных прилагательных с помощью суффикса *-о* (*премилый* — *премילו*,

¹ См.: *Земская Е. А.* Современный русский язык. Словообразование. М., 1973, с. 102 и др. Существенно, что речь идет о сильных и слабых позициях, т. е. о нейтрализации морфем. См. также: *Земская Е. А.* О понятии «позиция» в словообразовании // Развитие современного русского языка. Словообразование. Членимость слова. 1972. М. 1975; *Земская Е. А.* К проблеме множественности морфонологических интерпретаций // Там же.

превеселый — *превесело*; *сверхчастый* — *сверхчасто*, *архимодный* — *архимодно*), и от наречий с помощью приставок (*мило* — *премило*, *весело* — *превесело*, *чисто* — *сверхчисто*, *модно* — *архимодно*)»².

То есть:

На определенной ступени словообразования (в позиции приставки *пре-*) нейтрализуются две словообразовательные модели. Оказываются одинаково реальны две дороги к производному слову.

В морфологии. В качестве примера приведем наблюдение Н. А. Янко-Триницкой. Сравним ряды:

видна река	видно реку
виден пруд	видно пруд
видно озеро	видно озеро

Видно озеро в одном ряду — сочетание им. падежа с кратким прилагательным; предложение *видно озеро* — двусоставное. В другом ряду — это же сочетание *видно озеро* является безличным предложением, с предикативным наречием, а *озеро* — дополнение в винительном падеже. В одном случае позиция *озеро* задана рядом *видна* — *виден* — *видно*, в другом — неизменяемым предикатом *видно*. В каком же падеже находится *озеро*? Одновременно в именительном и винительном. Какое предложение? Двусоставное и вместе с тем односоставное безличное. Нейтрализованы морфологические и синтаксические единицы.

Н. Н. Дурново первый пришел к выводу, что в сочетаниях *быстро бежит*, *зорко видит*, *тихо поет* слова на *-о* надо рассматривать как форму прилагательного при глаголе. Прилагательное — часть речи, которая изменяется по падежам, числам и (в ед. числе) по родам. В приглагольной форме на *-о* все эти свойства утрачены, но так как это изменение позиционное — в позиции «при глаголе», — то этого достаточно, чтобы объединить (*смотрит строго* и *строгий (взгляд)*) в единое слово — прилагательное.

Часть речи — явление грамматическое. В частности, прилагательное — то, что изменяется по падежам, числам и в единственном числе — по родам. В позиции «при глаголе» (*смотрит весело*) оно теряет все эти качества. Почему же можно считать его прилагательным? Эта форма на *-о* позиционно соотносится с качественным прилагательным в его полных формах, оно «образовано

² Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. С. 67.

от прилагательного»: от качественных прилагательных систематически, безысключительно образуется прилагательная форма на *-о*; и всегда для обслуживания глагола. Отношения заставляют считать эти формы прилагательными.

С другой стороны, они полностью отвечают сути наречия: неизменяемые слова, которые назначены обстоятельственно обслуживать глагол. Следовательно, в этих формах на *-о* нейтрализованы прилагательные и наречия. Они — настоящие прилагательные и настоящие наречия.

Во всех случаях, приведенных как примеры нейтрализации, понятие нейтрализации требует «московского» ключа.

Когда речь идет о звуковых единицах, то во внимание принимается не их материальное сходство-несходство, а их поведение, те позиционные отношения, в которые они вступают, — система закономерных замен под диктовку позиции.

Когда речь идет о значимых единицах, и именно об их значимой стороне, то во внимание принимается не их близость или далекость по смыслу, по тому, что стоит за языковыми единицами, а именно языковое поведение языковых единиц. Так, в форме *видно* (см. пример выше) совпали предикат (обозначает бытие подлежащего) и определение (обозначает качество предмета). Реальные корреляты этих единиц различны, но языковое поведение сводит их вместе.

*
* *
* *

Дальнейшие рассуждения будут посвящены применению понятия нейтрализации к цепям трансформов.

Трансформами являются грамматические конструкции — предложения или словосочетания, — которые могут быть преобразованы одна в другую по определенным законам; законы эти типовые, то есть относятся ко всем грамматическим конструкциям данного типа.

Простейший пример — страдательный и действительный обороты. **Всякий** страдательный оборот можно преобразовать в действительный по определенным правилам (общим для всех таких преобразований): *Этот рассказ написан Чеховым — Чехов написал этот рассказ*. Здесь важно слово *всякий*: правило относится ко всему типу таких конструкций. (Но не всякий действительный оборот может быть преобразован в страдательный: *Он берет обед*, но нельзя *Им берется обед*. Это наводит на мысль, что ряд трансформов может иметь направленность: от А к Б, но не от Б к А.)

Другой пример: позитивная и негативная конструкции: *Николай разжег костер*. — *Николай не разжигал костра*; *Он разложил деньги на столе*. — *Он не раскладывал денег на столе*.

Чтобы признать, что два выражения связаны в качестве трансформов, нужно три условия: 1. В ту и другую единицу должны входить те же самые лексемь³. 2. Слова, грамматически связанные в одном трансформе, должны быть связаны и в другом. 3. Синтаксические конструкции, входящие в один и тот же ряд трансформов, должны рисовать одну и ту же ситуацию.

Первые два требования подверглись некоторым расширительным толкованиям (например, принята во внимание возможность синонимических замен); третье требование долгое время диктовалось жестко: необходимо отношение к одному и тому же куску реальности, нужно внеязыковое, материальное тождество трансформов.

Первым в отечественной лингвистике пришел к выводу, что третье требование не обязательно для трансформов, В. С. Храковский. Оказалось, что можно оказать доверие самому языку, регулярности его законов: если синтаксическая единица типа А закономерно, без исключений, преобразуется в Б, то это — свидетельство их языковой близости; близость обусловлена не фактами, стоящими вне языка, а самим языком.

Спор здесь тот же, что в фонологии: одни хотят внести в изучение языковой системы (в качестве ограничителя сближений единиц) звуковую, непосредственно-материальную данность, другие доверяют самим языковым соотношениям.

И здесь: одни считают, что сами языковые связи недостаточны, вызывают недоверие; надо, в качестве гаранта информации, поставить условие: пусть оба трансформы (или несколько их) опираются на ту же реальную данность, на факт, на того же самого Семен Семеныча.

Однако ведь многие теоретики признают трансформами позитивную и негативную конструкции: *Семен Семеныч болен — Семен Семеныч не болен*. Ситуация совсем не одна и та же (хотя Семен Семеныч, возможно, один и тот же; но и это, кажется, не обязательно).

Можно показать, что трансформы находятся поблизости от понятия позиции. Сравним: *Маляры перекрашивают стены — Стены перекрашиваются/перекрашены малярами*. Если сказуемое-глагол дано в действительном залоге, то позиционно определены характеристики остальных членов предложения: существительное со значением активного деятеля — в им. падеже, со значением объекта действия — в вин. падеже. Если же сказуемое имеет страдательную

³ Разумеется, не являются трансформами единицы: *Лев поймал зайца — Заяц пойман львом*, если в первом случае имеется в виду — *Лев Семеныч*, а во втором — *лев, царь зверей*. Омонимы — разные слова. А как быть, если понятийные значения одинаковы, а номинативные, назывные — разные? *Лев* — имя в обоих трансформх, но в одном контекст дает *Льва Семеныча*, а во втором — *Льва Христофорыча*? Вопрос кажется анекдотическим, но и на него нужен ответ. Предпочитаем уклониться от обсуждения этого вопроса.

форму, то в им. падеже стоит название объекта действия, в творительном — существительное со значением субъекта-действителя.

Поскольку трансформационные перемены оказываются сродни позиционным, то в ряду трансформов действует такое правило: два трансформа, входящие в один трансформационный ряд, не могут иметь одно и то же синтаксическое строение. Перемены должны быть обеспечены разными синтаксическими позициями одной и той же лексемы. Поэтому предложения: *Зрители приветствовали спортсменов — Спортсмены приветствовали зрителей* друг для друга не трансформы, хотя рисуют, может быть, одну и ту же ситуацию: спортивный парад. *Маша любит Сашу* и *Саша любит Машу* — принадлежат к разным рядам трансформов.

Принимая во внимание все сказанное, имеем право построить, например, такой ряд трансформов:

Николай выдумал интересный фокус.
 Николай не выдумал никакого интересного фокуса.
 Интересный фокус выдуман Николаем.
 Интересен этот фокус, выдумка Николая.
 Николаева выдумка... Фокус его... Интересный.

Это — тип отношений, к нему относится неограниченное количество трансформационных последовательностей. Например:

Медведь построил крепкую избушку.
 Медведь не построил крепкой избушки.
 Крепкая избушка построена медведем.
 Крепка эта избушка, постройка медведя.
 Медвежья постройка... Избушка его... Крепка!

И т. д.

Такой ряд трансформов всегда возможен при определенном семантическом классе избранного глагола и при существовании в языке отглагольного существительного, соответствующего взятому глаголу.

*
* *

Сочетания типа *посещения больных, переводы Тютчева, поиски экспедиции* уже давно привлекают внимание филологов. Они скрывают два значения:

ему надоели посещения больных =
 он посещает больных; его посещают больные;
 очень ценны переводы Тютчева =
 Тютчев переводит; Тютчева переводят;
 поиски экспедиции =
 экспедиция ищет; экспедицию ищут.

Они каким-то образом скрывают в себе два значения, внешне ничем не выдавая двоякость своего смысла. В них сталкиваются: единообразие, общий тип конструкции (отглагольное существительное + род. пад. субъекта-объекта) и никак внешне не выраженная двойственность значения.

Случаев омонимии в языке много, но не часто встречаются регулярно образованные словосочетания, которые систематически рождали бы два смысла, никак не обуславливая своим строением такой двужначности. Известно (и знаменито) решение Н. Хомского. (Оно разработано не специально для таких сочетаний, а, по замыслу, применимо к любой синтаксической составной конструкции.) Поскольку звуковое строение не помогает оправдать этот загадочный феномен, надо от него освободиться: «поверхностная структура», звуковая сторона элиминируется, устраняется. Составные части высказывания заменяются символами, условными (буквенными) обозначениями. Эти абстрактные обозначения преобразуются так, что раскрывается внутренняя смысловая структура синтаксической единицы; если она имеет два значения, обнаруживается суть их различия.

Где осуществляются эти преобразования отвлеченных смыслов, обозначенных символами? В языке? Нет, язык в самом существе своем есть знаковая система — он сочетает смыслы со звучаниями. Он коррелирует обозначение с помощью обозначающего и обозначающее с помощью обозначаемого, и вне этой корреляции не существует. При этом два значения только тогда являются в языке двумя значениями, когда они имеют в языке разные обозначения, разные звуковые сигналы. Критерии различения значений, способы их различения — прямые и косвенные, простые и сложные — в звуковой стороне знаков. Отвлекаясь от связи «внутренней структуры» с «поверхностной структурой», мы оказываемся вне языка. Принципы МЛШ, восходящие к Ф. Ф. Фортунатову, требуют:

1. При анализе языка, на всем протяжении анализа, речь должна идти о языке, т. е. о знаках, объединяющих обозначаемое и обозначающее. Пренебрегая на каком-то этапе исследования знаковой природой языка, мы подменяем его изучением операций мышления, психологических процессов и т. д.

2. Анализироваться должны отношения между звуковыми единицами (фонетика и фонология) и между значимыми (грамматика и лексикология); а также постоянная взаимная связь между этими двумя сторонами языка. Язык сам по себе не содержит ни звуков (они — только корреляты фонем), ни материальных данностей (они только корреляты языковых значений).

Как выглядят в свете этих требований сочетания типа *посещения больных*?

Таких сочетаний — неограниченное множество: *порицание Сократа* (он порицает, его порицают), *регуляция автомата* (он регулирует, его регулируют), *обман лисы*, *уважение ареопага*, *разоблачение монахов*, *проклятие отшельников*, *украшение болвана*, *раскраска Симы*, *переводы Тютчева*, *поиски*

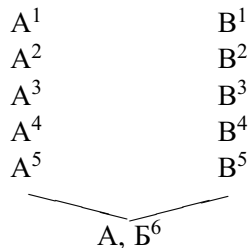
экспедиции, преследование Полифема, преобразование комиссии, порождение неразберихи, проверка бюро, производство линий конвейеров, обгон лидера, покупка киллера, укрывательство сообщника, колотьба драчуна (он колотит, его колотят), опровержение корреспондента, захват пиратов, ремонт стройконторы, открытие Менделя...

Все такие сочетания предполагают два ряда трансформов:

- А больные посещают доктора,
больные не посещают доктора,
доктор посещается больными,
доктор не посещается больными,
посещения больными доктора,
посещения больных.
- Б доктор посещает больных,
доктор не посещает больных,
больные посещаются доктором,
больные не посещаются доктором,
посещения доктором больных,
посещения больных.

Таким образом, к сочетанию *посещения больных* ведут два пути, два ряда трансформов. Эти ряды нейтрализуются в одном словосочетании: *посещения больных*. Два трансформационных ряда и есть выражение этих двух значений. В сочетании *посещения больных* нейтрализованы два значения род. падежа: субъект действия и объект действия. В остальных трансформах совпадения этих значений нет.

Схематически эти два ряда значений, выраженных трансформами, можно представить так:

Нам кажется, что данное объяснение отвечает фортуноватовскому принципу: два значения тогда признаются разными языковыми единицами, когда они имеют разное выражение в языке. (При этом звуковая материя нужна для того, чтобы построить разные языковые отношения.) Здесь языковой характер смысловых различий выражен тем, что есть два разных трансформационных ряда.

Такого же толкования требуют и все остальные примеры, приведенные выше, а также тысячи других, однотипных.

Нейтрализация бывает двух типов: различие только в выражении (*сома — сама; лететь, лечу — лечить, лечу*) и различие и в выражении, и в значении (*видно озеро*). У рассмотренных трансформов представлена нейтрализация первого типа.

Фортунаговские начала в языкознании предполагают верность двум исходным истинам: язык следует изучать как специфическую знаковую систему. Знаковую систему: значит, уметь находить обозначающее и обозначаемое, их связь. Специфическую — значит, не растворять ее в психологии, логике, в формах чистого мышления, в других потоках смыслов. Это — во-первых.

Во-вторых, по-фортунаговски, язык есть система чистых отношений. Пожалуй, это вытекает из «во-первых». Если язык специфичен, «особь статья» среди всего остального, то материальная данность, войдя в состав знака, начинает в языке жить особой жизнью: свои качества получает в сети функциональных связей и ими определяется. Поэтому не следует «оголять» язык, лишив его «поверхностной структуры», т. е. отделив от звуковой (фонемной) стороны: она глубинно связана со значениями.

Мы пытались в духе МЛШ истолковать природу сочетаний типа *посещения больных*. Это или удалось, или не удалось. Если не удалось, то надо ждать других попыток, более удачных.

О слове как единице языка*

I

Морфема, слово, словосочетание, предложение простое, предложение сложное — вот единицы языка, связанные со значениями. Они налицо во всех фузионных языках (только об этих языках в дальнейшем и пойдет речь).

Чем же слово отличается от других значимых единиц? Несомненно различия функциональные: морфемы передают понятия; слова называют (имеют номинативную функцию); предложение сообщает (имеет коммуникативную функцию)¹.

Кроме того, есть и количественные различия. Слово может состоять из нескольких морфем, а морфема не может состоять из нескольких слов. Предложение иногда состоит из нескольких слов, а слово никогда не состоит из нескольких предложений. Иначе говоря, всякая высшая единица = n низших (причем n может быть равно 1).

Из этих единиц, казалось бы, самая ясная и простая — слово. С каким упорством и трудом обучают детей морфологическому анализу, а словесному не учат — это дается без всякой науки. В бытовом, разговорном языке нет ни слова *предложение* (в грамматическом его значении), ни тем более слова *морфема*. Попросите человека, не знающего школьной премудрости, сказать какое-нибудь предложение — он не поймет вас. На просьбу же сказать какое-нибудь слово отзовется всякий. Такая простая и ясная вещь: слово.

Но она же оказывается самой трудной, неясной, загадочной. Сколько усилий потрачено, чтобы научно определить эту единицу, а конец работы еще далек. Вполне очевидно, что одного функционального определения мало, оно

* Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина. т. LI, 1956.

¹ См. *Реформатский А. А.* Введение в языковедение, 1947, с. 12. Надо помнить, что высшая языковая единица сохраняет функциональные возможности низшей. Поэтому слово не только называет, но и (обычно) передает понятие; словосочетание и даже предложение могут называть (— Где здесь библиотека? — А вон дом надстраивается. Это там).

требует дополнения, или разъяснения, или развития. А это-то как раз и не дается. Создано много определений слова, они разнообразны, но у всех есть одна общая особенность: эти определения требуют по с а м о м у с у щ е с т в у с в о е м у небольшого дополнения в скобках:

Слово — это то, что называет (но иногда слово и не называет: *ах, за, бы*).

Слово — это то, что передает понятие (а иногда и не передает: *это, Сидор Павлович*).

Слово — то, что легко выделяется в предложении (а иногда и не очень, о чем говорят частые ошибки малограмотных: *аунего, изавтра, временно можетбыть ненайдется*).

Слово — то, что имеет определенные фонетические признаки (увы, иногда их и нет).

И т. д. и т. д. Все определения, очевидно, улавливают только отдельные, причем обычно даже не самые существенные стороны слова. Поэтому и встречаются нередко слова, которые не отвечают ни одному из этих определений — и все же являются несомненными словами.

В том-то, очевидно, и трудность, что у всех у нас есть уже с л о ж и в ш е е с я п р а к т и ч е с к и представление о слове и все наши теории приходится сверять с этим общепринятым и устойчивым представлением. Есть строгий и бескомпромиссный контролер, чье мнение высоко авторитетно². Вы, например, пришли к выводу, что предлоги — не слова. Но с этим не согласится любая старая неграмотная бабушка. Попросите ее сказать по словам такое выражение: *он ехал впереди своего отряда* — и она разделит все выражение на 5 слов, отдельно произнеся предлог *впереди*. С этим нельзя не считаться, тем более, что и в каждом исследователе сидит такая же «внутренняя бабушка», которая часто не приемлет тех построений, на которые готов был пойти ученый.

Нельзя не считаться также и с явлениями графики. Слова пишутся отдельно друг от друга (с е й ч а с, по крайней мере, во всех европейских языках). Отдельное написание их — результат длительного стихийного процесса, внутренне, однако, очень закономерного и разумного. Графическое выделение слов — опять проявление (крайне резкое и очевидное) все того же массового инстинктивного чувства слова. Нельзя, разумеется, фетишизировать это «интуитивное чувство»: не все то, что отдельно написано, — слово. Но и объявить абсурдом, например, традиционное раздельное написание предлогов (в принципе общее у всех народов с данной системой письма) тоже весьма затруднительно³.

² Разумеется, этот «контролер» может ошибаться, но в таком случае теория обязана объяснить, почему он ошибается.

³ См. в статье М. Калиновича «Поняття окремого слова» (в ж. «Мовознавство», Киев, 1935, № 6) «...У велетенській практичній роботі колективів (а не окремих фахівців — лінгвістів...) над розчленуванням мови на слова в письмі наочно відбилася масова оцінка одних відрізків фрази як однослівних, інших — як дво- чи кількаслівних» (с. 142).

Все теории, выдвинутые для объяснения слова, не вполне ладят с этим «чувством слова», и поэтому-то они содержат отступления, оговорки, готовы идти на компромисс с этим чувством. Поэтому у определения слова и появляются «довески» в скобках. В нашу задачу не входит анализировать все разнообразные определения слова. Остановимся только на последней глубоко интересной работе профессора А. И. Смирницкого, на его статье «К вопросу о слове»⁴. Эта работа дает новое, оригинальное, но спорное определение слова, она же ярко намечает пути дальнейшего разрешения «загадки» слова.

А. И. Смирницкий считает, что определяющим при выделении слова из текста (следовательно, моментом, характеризующим единство, целостность и специфичность слова в речевом потоке) является его грамматическая оформленность. Грамматически «слово оформляется определенным образом именно как таковое, как целое: части слова, вообще говоря, лишены той степени оформленности, какую имеет слово, почему они и не обладают необходимой законченностью и воспринимаются именно как части слова, а не как отдельные слова...» (с. 191).

Это — центральное положение статьи. Оно то и вызывает серьезные сомнения. Допустим, что грамматическая оформленность — действительно определяющее для слова. Возьмем сочетание *буду писать*. Сколько здесь слов? *Буду* — единица вполне грамматически оформленная. Чем этот служебный глагол отличается от полнозначного глагола *буду* (чья полная грамматическая оформленность не вызывает сомнений)? Только лексической ненаполненностью, грамматически же он оформлен не в меньшей степени. *Писать* — инфинитив; его грамматическая оформленность не менее бесспорна. Следовательно, это два слова. Но ведь нельзя не принять во внимание, что здесь *буду* — элемент грамматического оформления инфинитива *писать*. Те же грамматические значения, которые в слове *напишу* выражены флексией, здесь вынесены за скобки, даны в другом слове. В одном случае грамматическая оформленность выражается флексией с префиксом, в другом — отдельным служебным словом. Грамматическую оформленность имеет каждая единица — и *буду* и *писать*; следовательно, это отдельные слова. Единая грамматическая оформленность более высокого порядка есть и у всего сочетания — значит, это слово. Таким образом, слово состоит из слов... Какова же должна быть степень грамматической оформленности, достаточная для слова? Та, которая есть у связки *буду* и инфинитива в отдельности, или та, которая есть только у их сочетания? На этот вопрос не только нет, но и не может быть ответа.

⁴ Сборник «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию». М. 1952 В дальнейшем указания на страницы этой статьи даются в тексте.

Ведь есть служебные слова, которые вносят грамматическую оформленность в другие слова; следовательно, они — фактор (и факт) грамматической оформленности другого слова, т. е. (по взглядам А. И. Смирницкого) эти слова — часть другого слова. Здесь т у п и к.

Возьмем сочетание *на земле*. Слово это или два слова? Грамматическая форма падежа создается здесь двумя грамматическими способами: флексией и предлогом. Лишь вместе они создают грамматическую форму. Следовательно, это одно слово. Но этот вывод противоречит естественному чувству слова, с которым поневоле приходится считаться. Ведь не будь этих служебных слов, все старые определения были бы безупречны. Новое же определение, как и все старые, не помогает понять, почему же предлоги — все-таки слова.

Автор статьи выдвигает такой принцип: «...Если в каком-либо языковом образовании АВ единица А (или В) есть часть слова, то и единица В (или А) также есть часть слова, и, напротив, если А (или В) есть слово, то и В (или А) есть по меньшей мере слово (т. е. либо слово, либо более сложное образование)...» (с. 192—193).

Пример: *на суд*. *Суд* — слово, значит и *на* — слово (с. 192). Все это не так просто, как кажется. Ведь с точки зрения, которую отстаивает А. И. Смирницкий, здесь *суд* — явно не слово (значит и *на* — тоже не слово). В сочетании *на суд* винительный падеж дан не только нулевой флексией, но и предлогом⁵. Есть ли у нас основания считать элементом грамматического оформления только флексию? Никаких. Итак, в сочетании АВ В — не слово (грамматически «недооформлено»); поэтому и А — не слово. Вот что вытекает из взглядов проф. А. И. Смирницкого. Если же он этот пример анализирует по-другому, то только в результате непоследовательности, отказа от своей исходной точки зрения в пользу простого чувства слова. А. И. Смирницкий считает доказанным, что в этом сочетании *суд* — слово, но это доказано не данной теорией.

Итак, остается нерешенным вопрос о служебных словах, которые: 1) могут быть сами грамматически оформлены и создавать оформление других слов (*буду писать, с а м ы й большой*); 2) сами могут быть совершенно не оформлены, но создавать грамматическое оформление других слов (*на столе, пришел бы*)⁶.

Факты принуждают признать, что «реально встречаются случаи, в которых одна из двух соединенных друг с другом единиц имеет положительные признаки слова, другая же таких признаков не имеет. В таких случаях решение вопроса о том, имеем ли мы два отдельных слова (например, *на суд*) или одно

⁵ Ср. грамматическую форму предложного падежа, где предлог во всех случаях обязателен.

⁶ Как только нам заявят, что предлоги и частицы грамматически оформлены (так как это особая часть речи), то мы принуждены ответить, что и флексии в таком случае ничуть не меньше оформлены.

слово, состоящее из двух частей (например, *овцебык*), зависит от того, как данное соединение укладывается в систему языка» (с. 194). Пример: в сочетании *на суд* «качество слова у второго компонента (т. е. *суд*) представляется совершенно несомненным с точки зрения всей системы русского языка. Образование *на суд* входит в ряд таких образований, как *под суд, к суду, для суда, ввиду суда, в целях суда, для совершения суда* и пр. Во всех этих образованиях слово *суд* в различных его формах (*суда, суду*) выступает как в достаточной мере оформленная и законченная единица...» (с. 194–5). Но в таком случае *отдернуть* — тоже два слова, ср.: *от-дернуть, за-дернуть, про-дернуть, вы-дернуть*⁷. Во всех случаях второй компонент выступает как вполне законченная грамматически единица. Она скорее лексически незакончена, но лексическое значение приставки *от* — в принципе то же, что предлога *от*. Ср. также: *при + говаривать, дез + организующий, не + правда* и пр.

«Если все же настаивать, — пишет далее А. И. Смирницкий, — что *на* (в сочетании *на суд*. — М. П.) есть лишь часть слова, то пришлось бы допустить, что либо, например, *на — товарищеский — суд* есть одно слово, либо, что слово *товарищеский* вставлено в слово *на — суд...*» (с. 195). Это вполне возможно⁸; ср. *не очень здоровится* при отсутствии слова *здоровиться*⁹.

Ср. в немецком: *Ich fange meine Arbeit an; Der Tiger fill der Hirsch an...* и пр.

«...А как быть тогда, — спрашивает проф. Смирницкий, — с таким образованием как *на товарищеский* или *на общественный суд*? Имеем ли мы здесь слово *на-на-суд* или два употребления слова *на-суд*, из которых в первом это предполагаемое слово представлено лишь его частью *на*?» (с. 195).

Во втором предложении нет ничего абсурдного: ср. *двух- и трехосные вагоны*; даже: *получили заказы не только на двух-, но и на трехосные вагоны*¹⁰.

Итак, ссылки на систему языка оказались не вполне убеждающими. Поэтому этот раздел статьи заканчивается так (с. 195): «*На*, не выделяясь достаточно положительно как отдельное слово, вместе с тем не противопоставлено слову как именно незаконченная единица, как часть слова. Скорее наоборот: *на* в *на суд* явно отличается большей выделяемостью от *на* — в *надавить, нажать* и пр., где оно, несомненно, представляет собой часть слова». Здесь вместо доказательств — просто констатация факта, объяснить который выдвинутая теория явно не помогает. Не вызывает спора, что в отрезке *нажать на* — часть слова, а в *на суд* — самостоятельное слово. Это подсказано чувством языка; задача

⁷ Это *от* остается при спряжении? Но ср.: *дом-то, дома-то, дому-то...*

⁸ См. *Бодуэн де Куртенэ И. А. Языкознание. Энциклопедический словарь* Брокгауза и Ефрона, т. 81, с. 526.

⁹ *Виноградов В. В.* См. его книгу «Русский язык», 1947, с. 10. Там же: *не у кого...* и др. примеры.

¹⁰ Примеры приводятся, как видно из текста, отнюдь не с целью доказать, что *на суд* — одно слово. Речь идет о доказательности доводов проф. А. И. Смирницкого.

теории осмыслить и проверить этот «подсказ». Ссылка на «систему языка» не помогает этому.

Но дело даже не в том, что в с е эти ссылки оказались неудачны. Дело в том, что сами эти ссылки незаконны. Слова «система языка» здесь использованы в очень широком и даже отчасти неожиданном смысле. Они призваны обосновать замену основного принципа, не оправдавшего себя, другим, давно известным. Ведь в основе теории лежит мысль о том, что слово есть нечто грамматически оформленное. Когда же это основание оказалось явно недостаточным, на помощь призвано (со ссылкой на систему языка) нечто совсем иное: возможность или невозможность включения в слово другого слова (что тоже не помогает). Таковы затруднения, которые несут с собой служебные слова.

Возьмем пример иного типа: слово *хаживал*. Исходя из теории слова как грамматически оформленной единицы, можно утверждать, что это два слова. В компоненте *хаж* выражена категория многократности (свойственная определенной группе глаголов *н е с о в е р ш е н н о г о* вида). Компонент *ивал* передает категорию времени (прошедшего¹¹), наклонения, рода. Следовательно, получается полная аналогия с образованием *буду ходить*. *Буду* эквивалентно *ивал* (те же грамматические категории, та же степень грамматической оформленности)¹²; *хаж* грамматически эквивалентно инфинитиву *ходить*.

Можно возразить, что *хаж* не само по себе передает многократность действия (следовательно, несовершенный вид), а лишь в сочетании с *ивал*. Это — полная параллель к *буду ходить*: несовершенный вид глагола *ходить* как раз и требует сочетания с *буду* для выражения определенных категорий времени, лица, наклонения. С той же самой целью и *хаж* требует сочетания с компонентом *ивал*.

Если же сказать, что *хаж* недостаточно грамматически оформлено, то опять-таки, где же мера этой достаточности? И, кроме того, у инфинитива, у глагольных форм типа *толк, прыг, хлоп* эта полнота грамматического оформления вряд ли больше.

Следовательно, и внутренняя флексия для разбираемой теории — непреодолимое препятствие. В основе этой теории, как теперь стало очевидно, лежит одно простое наблюдение: флексия, находясь в конце слова, показывает его конец, значит *з а к о н ч е н н о с т ь*. Флексия — *з а* эту теорию. Все остальные грамматические средства (служебные слова, внутренняя флексия, порядок слов¹³, повторение и сложение основ) — *п р о т и в*.

¹¹ В сочетании с компонентом *хаж* (один из вариантов корня *ход — хож*) — *д а в н о п р о ш е д ш е*.

¹² Вместо рода — лицо: это взаимоисключающие в русском глаголе грамматические категории (та или другая из них необходима для глагольной спрягаемой формы).

¹³ При грамматической значимости порядка слов грамматическая законченность (определенность) слова дается его отношением к другим знаменательным и незна-

С другой стороны: *палку* — полное слово, так как флексия у сигнализирует о его законченности, грамматической оформленности и пр. Но *палк* — не слово, так как нет флексии, свидетельствующей... и т. д. А у — тоже не слово. Но... потому ли, что у этой морфемы нет грамматической законченности (потому ли, что флексия не имеет... своей флексии)? Разумеется, нет. Скорее потому, что у нее нет «лексической законченности». Проф. Смирницкий, анализируя целостность слов, идет всегда только от корневых морфем или от основ (почему *безработ* — не слово?). Иной путь, от аффиксов (почему *ища* — не слово?), еще раз обнажил бы шаткость теории. Обнаружилось бы, что для слова необходима лексическая законченность, что, пожалуй, ее-то и надо анализировать при определении слова и т. п.

Если из фразы убирать одно слово за другим, то в конце концов ничего не останется. Фраза эта может вызвать улыбку: настолько наивно-просто ее содержание. Это аксиома. Следовательно, любой текст делится на слова нацело, без остатка. Повторяем, что это — общепринятое мнение, которое никогда не было (и, кажется, не будет) предметом научного доказательства. И это общее мнение оказывает давление на исследователя. Определили слово; вычитаем («вынимаем») из текста то, что подходит под это определение. Остается еще что-то... что же делать? Придется и этот остаток считать словами. *Он явился на суд. Он явился, суд* — подходят под определение; это слова. *На* — остаток, не подходит под определение (не выделяется достаточно положительно как отдельное слово), но — все-таки слово.

Впервые к такому допущению прибегнул А. М. Пешковский; за ним — А. И. Смирницкий¹⁴.

Следовательно, слово — это то, что грамматически оформлено, а также и то, что грамматически не оформлено. Представим, что у нас в корзине яблоки и камни. Мы начинаем искать определение тому, что в корзине: вкусное, сочное, румяное... Выбираем все, что подходит под это определение. В корзине остаются камни. Неожиданный вывод: ничего не поделаешь; будем и их считать яблоками...

Разве не ясно, что если получается остаток, то самое наше определение неверно. Определи мы общие признаки всех предметов в корзине верно (круглое, относительно твердое), не получилось бы никакого остатка. Определение

менательным словам. Следовательно, грамматическую оформленность слова А «заканчивает» слово Б, а грамматическую оформленность слова Б «заканчивает» слово А.

¹⁴ «Выделяя в речи различные слова как определенным образом грамматически оформленные и относительно законченные единицы, мы замечаем, что в некоторых случаях у нас в результате такого выделения получается как бы известный остаток, причем обнаруживаются такие единицы, которые сами по себе... не обладают необходимой оформленностью и законченностью». Так как девать их некуда, то и их приходится считать словами. (См. указ. статью А. И. Смирницкого, с. 192).

слова прямо требует признать предлоги чем угодно, только не словами. Но исследователь на это решиться не может, так как этого не позволяет общее, всем присущее живое чувство слова.

В сочетании АВ В — непременно должно быть словом, если А — это слово, говорит исследователь. Из данного ранее определения слова это никак не вытекает. Это вытекает из общенародного, проверенного многолетней практикой взгляда на слова, взгляда эмпирического, который как раз и требует научного обоснования. И исследователь не в силах ни отвергнуть это общее воззрение (которое, конечно, и его эмпирическое, непредвзятое воззрение), ни отказаться от определения, которое противоречит общему взгляду. Будь ученый последователен, не оглянься он на свою «внутреннюю бабушку», он бы решил, что: 1) или линия речи состоит не только из слов: один отрезок — слово, а рядом другой отрезок — «не слово»; 2) или вся речь — из слов, причем есть такие слова: *насуд, изподмоста, хаж, ивать* и пр.

Итак, фактический материал не подтверждает справедливости взглядов на слово, высказанных в работе проф. А. И. Смирницкого. Но к этому же вопросу можно подойти и с более общей точки зрения. Слово — это то, что грамматически оформлено, т. е. то, что имеет грамматическую форму... Грамматическая форма всегда связана с передачей определенного грамматического значения¹⁵. А что такое грамматическое значение? Это такое значение в слове, которое... Оказывается, определяя грамматическое значение, выделяя аффиксы, мы исходим из слова, как установленного понятия. До сих пор не найдено иного пути определить грамматическое значение и грамматический способ¹⁶. Есть один путь: идти от слова, в слове что-то выделить как вещественное и что-то как грамматическое значение.

Определяя грамматическое значение и, следовательно, грамматическую форму, идем от слова: определяя слово, идем от грамматической формы как от данности, уже известной. Это логический круг (что такое слово? То, что находится в таком-то отношении к грамматической форме. А грамматическая форма? То, что в таком-то отношении находится к слову).

Если при анализе речевого отрезка *безработица* мы утверждаем, что *-иц-а* — аффиксы, то мы уже решили, что они связаны с определенным корнем, вместе с ним составляют слово: мы из этого исходим. После такого исходного допущения неуместен вывод: *с л е д о в а т е л ь н о, безработица* — слово, так как у корня есть аффиксы. Этот вывод повторяет старый образец:

Красавиц восхищал Максим
Губами пухлыми своими.

¹⁵ Эта формулировка охватывает те различные понимания термина «грамматическая форма», которые существуют в современной науке.

¹⁶ Напоминаем, что речь все время идет о языках фузионных.

Они, бывало, все за ним,
Когда гулял он перед ними.
(В. А. Жуковский)

Если *-иц-а* — а ф ф и к с ы, то они принадлежат определенному слову; следовательно, без них корень неполон и не является словом. Далее нам остается повторять то же самое и вертеться в колесе: если к о р е н ь перед ними (а это и означает, что они аффиксы), то они, разумеется, все за ним¹⁷.

К тому же при определении слова через грамматическую форму мы упускаем специфику лексики; лексему определяем как нечто не лексическое, слово определяем через ч а с т ь с л о в а — притом через лексически как раз менее всего характерную часть (через аффикс).

Морфолого-грамматические приемы определения слова несостоятельны. Таков вывод. Впрочем, он уже был сделан в нашей литературе, так как взгляды, развиваемые А. И. Смирницким, впервые высказаны почти полвека назад. И. А. Бодуэн де Куртенэ в своем «Введении в языковедение» писал о слове: «...В предложениях имеются части, по своему смыслу и по морфологической законченности, по своей самостоятельности переносимые с тем же приблизительно значением в другие подобные сочетания, т. е. в другие предложения». Так был выставлен критерий морфологической законченности слова¹⁸. А. М. Пешковский справедливо отмечал уязвимые места этого определения: «...Бросается в глаза неприложимость данного определения к частичным словам. Если такие слова, как *вчера, здесь, жаль* и будут для автора „словами“ (ибо он приписывает им, как видно из дальнейшего, „морфологическую законченность“, что само по себе тоже довольно странно и спорно), то такие, как *не, при, у* и т. д. уже ни в коем случае не будут»¹⁹.

Несостоятелен и синтаксический критерий — определение слова через предложение. Е. Д. Поливанов писал: «...Слово же, или синтаксическая единица, именно и определяется потенциальной способностью данного комплекса изолироваться, т. е. быть — при тех или иных условиях речевого обмена — без

¹⁷ Кроме морфологической законченности, можно было бы выдвинуть критерий фонетико-семантической законченности: *работица* — не слово, так как должны быть еще звуки [б'ь]... в начале. Исходим из должного. Но должное-то и подлежит определению. Рассуждение начинается с того, что *А* и *Б* должны быть связаны в одно слово. Но это и есть в ы в о д, который надо обосновать.

¹⁸ *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Введение в языковедение. 1908. С. 56. Еще раньше А. А. Потебня, определяя слово, писал: «В языках, имеющих грамматические формы, каков русский, единство значения слова состоит в той совокупности известного относително-реального значения с одним или несколькими значениями формальными, которые непременно совмещаются в одном акте мысли» (*Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, т. IV, 1941, с. 198.)

¹⁹ *Пешковский А. М.* Понятие отдельного слова. Сборник статей, 1925, с. 132.

сопровождения каких-либо других комплексов единственным составом произносимой фразы... иначе говоря, по смыслу этого критерия слово можно определить как потенциальный минимум фразы или предложения»²⁰.

Определение это противоречит фактам, так как ряд подлинных слов не может быть минимумом предложения. Критика этой теории завершена А. М. Пешковским.

Но взгляды на слово самого А. М. Пешковского тоже весьма спорны. Он пытался дать определение слова, используя фонетические данные. Намечались три типа слов: 1) «отрезки предложения, имеющие собственные ударения..., допускающие после себя остановку в речи и распадающиеся сами на синтагмы меньшей величины», например: *перестройка*, *стена* и т. д.; 2) «отрезки предложения, имеющие собственное ударение и допускающие после себя остановку, но не распадающиеся на синтагмы меньшей величины», например: *вчера*, *здесь*, *какаду*; 3) «отрезки предложения, не имеющие ни одного из перечисленных выше признаков (!), но и не составляющие частей тех отрезков, которые определены пунктом первым»²¹. Непонятно: почему же они не составляют частей подлинных слов, как они определены выше?

В предложении: *До вечера мы не успели бы прийти до дома* — строго следуя первому и второму определению, выделяем слова: *Довечера мы неуспелибы прийти додома*. 5 слов. Почему бы предлогу *до* не войти в слово *довечера*, как оно определено Пешковским в пункте первом? В том-то и дело, что признание, будто эти частичные слова не составляют частей отрезков, определенных пунктом первым, неожиданно внесено Пешковским вследствие эмпирического чувства слова, а самим построением его теории оно не допускается.

Фонетическое определение слова тоже не оправдывает себя. Как видим, и здесь камень преткновения — служебные слова.

Не останавливаясь на анализе иных теорий и определений слова, отметим, что уже Ф. Ф. Фортунатов упоминал (вскользь, см. дальше) фразеологичность, как нечто связанное с понятием слова. Статья А. И. Смирницкого имеет большое значение именно потому, что он снова коснулся фразеологичности слова, не считая ее, правда, н е о б х о д и м ы м признаком этой единицы языка.

Мы остановимся на этой стороне слова. Первоначально нам следует четко определить понятие ф р а з е о л о г и ч е с к о г о с о ч е т а н и я е д и н и ц в я з ы к е.

²⁰ Поливанов Е. Д. Введение в языкознание для востоковедных вузов, 1928, с. 7. Впервые этот взгляд высказал, кажется, Уитни.

²¹ Пешковский А. М. Понятие отдельного слова. Сборник статей, 1925 г., с. 36—7.

II

В языке меньшие смысловые единицы могут объединяться в бóльшие на основании двух противоположных принципов.

Первый принцип. Объединение меньших единиц в бóльшие совершается на основании законов, о б щ и х для огромного (преобладающего) большинства сложных единиц данного типа.

Схематически это можно показать так. А и Б объединяются в одну сложную языковую единицу N. Это объединение возможно лишь в том случае, если А и Б обладают некоторыми определенными свойствами.

А₁ и Б₁ объединяются в одну сложную единицу N₁. Это объединение возможно только при наличии у А₁ и Б₁ тех же определенных свойств, которые налицо у единиц А и Б, объединенных в сложное целое N. Единицы А₂ и Б₂ объединяются в целое N₂; А₃ и Б₃ в сложную единицу N₃ — и в этих единствах и А₃, А₂ и Б₃, Б₂ тоже обладают теми же свойствами, общими у них со свойствами всякого А и всякого Б, объединенных в единицу типа N. П р и м е р ы:

1. Существительное *день* и глагол прошедшего времени *прошел* объединяются в предикативное словосочетание *день прошел*. Для такого объединения существительное должно быть в именительном падеже, а глагол — согласоваться с существительным. Существительное *солнце* и глагол прошедшего времени *взошло* объединяются в предикативное словосочетание *солнце взошло*. Для такого объединения существительное должно быть в именительном падеже, а глагол — согласоваться с существительным. Вообще: если есть существительное (А) и глагол прошедшего времени (Б), то всегда возможно их сочетание в единице данного типа N (в предикативном словосочетании), если А и Б обладают определенными грамматическими формами.

2. Смысловая единица *пол* и другая единица *яблоко* могут сочетаться в одну сложную единицу *пол-яблока*. Эту сложную единицу образуют составляющие, которые обладают определенными свойствами, признаками: необходимо наличие у второго компонента флексии, омонимичной (вариант: тождественной) флексии родительного падежа.

В сложных единицах того же типа: *полсуток, полмира, полдня, ползадания* — находим составляющие части, которые обладают теми же свойствами, что были проявлены единицами *пол* и *яблоко* при объединении их в одно целое данного типа. Если этих признаков у составляющих нет, то сложная единица данного типа, типа N, образована быть не может (хотя могут быть созданы единицы другого типа — ср.: а) *полдень, полночь*, б) *полуокружность, полупризнание*).

3. В сложных единицах: *буду писать, буду докладывать, буду заниматься* и пр. налицо сочетание двух составляющих. Чтобы получить сложную единицу такого типа (сложная форма будущего времени), необходимо наличие у

составляющих особых качеств: единица Б должна быть полнозначным глаголом в форме инфинитива, притом глаголом несовершенного вида. Единица А — всегда определенная спрягаемая форма служебного глагола (*буду, будешь*). При наличии таких составляющих образование будущего сложного всегда возможно. Вот первый принцип объединения меньших смысловых единиц в большие.

Второй принцип противоположен первому. Объединение совершается на основании законов, которые являются действительными только для некоторых или даже для одной сложной единицы данного типа.

Есть сложная единица — слово *сумасшедший*. Она разлагается на составляющие ее компоненты. Эти компоненты обладают определенными признаками; наличие этих признаков и делает возможным существование целого (например, окаменевшая флексия *-а* у первого компонента — *сума* и пр.). Других конструкций, включающих компоненты подобного типа, не существует. Нет слов *безвестипропавший* [б'эзв'эс'т'ьпрапáфшэ́й], *отгоряонемевший* [адг'ьр'ан'им'э́фшэ́й] и пр.

Есть сложная единица: *шутка сказать*. В литературном языке не встречаем других единиц данного типа, состоящих из А (именительный падеж существительного) + Б (инфинитив переходного глагола). Законность сочетания именительного падежа существительного и инфинитива переходного глагола существует только для этой единицы.

В приведенных примерах закономерности, существующие в пределах одной данной единицы, не поддержаны, не мотивированы подобными же закономерностями в ряде других однотипных единств. Самого этого ряда нет.

Рассмотрим теперь сочетания *страх берет, тоска берет, зависть берет, раздумье берет*. Слово *берет* здесь везде имеет одно и то же значение (его здесь трудно точно определить; о причинах этого — позже). Оно отличается от значения слова *берет* в сочетаниях *он берет книгу, кролик берет пищу из рук, паровоз берет на станции воду* и т. д. Сочетания последнего типа совершенно бесчисленны, ряд их не замкнут. Напротив, сочетания со словом *берет* в первом значении (*тоска берет, зависть берет*) количественно ограничены, ряд их замкнут (нельзя сказать: *радость берет, гнев берет, удивление берет*). Если же сопоставим все различные единства со словом *берет*, то найдем, что среди них есть небольшое, ограниченное количество единств со словом *берет* в одном значении (*тоска берет* и еще несколько) и бесконечная масса единств с другим значением; связь между этими двумя значениями, думается, еще не разорвана. Следовательно, слово *берет* в сочетаниях *тоска берет, страх берет, раздумье берет* не поддержано в данном своем значении большинством других единств такого же типа (со словом *берет*). Эти сочетания (или единства) фразеологичны. Ряд-то подобных единств налицо, но в этом ряду сочетание *страх берет* и несколько однотипных — изгой, отщепенцы. Разумеется, это их «отщепенство» существует лишь до тех пор, пока они непродуктивны или малопродуктивны.

Став абсолютно продуктивными (при этом должны появиться сочетания *радость берет, удовольствие берет, упрямство берет, меланхолия берет* и т. д. и т. д.), эти сочетания сами создадут свой собственный незамкнутый ряд и уже не будут фразеологическим меньшинством.

Общий вывод: если качественная определенность элемента А в данном единстве N* не поддержана преобладающим большинством сочетаний такого же типа (типа N), то такое сочетание N* будем называть немотивированным, и только в этом смысле в дальнейшем используется данный термин. Противоположный смысл придается слову «мотивированный».

Легко заметить, что различие между немотивированными и мотивированными сочетаниями — это различие между единицами фразеологическими и нефразеологическими²².

Возьмем сочетание слов в предложении: *Поезд пришел поздно*. Чтобы понять это сочетание слов, необходимо: а) понимать значение составляющих единиц, т. е. отдельных слов; б) понимать, какова грамматическая связь между ними. Значение слов в этом словосочетании остается тем же (варьируясь в узких пределах), что и во всех других словосочетаниях с этими словами. Самое варьирование значения в зависимости от контекста (приводящее к многозначности слова) подчинено законам, общим для всех свободных словосочетаний (возможно сужение, расширение значения, метафоризация и т. д.). Никаких видоизменений, которые были бы характерны исключительно для этого именно словосочетания, здесь нет.

Вместе с тем и грамматические связи здесь тоже не индивидуальны, они типичны для всей массы предложений данного типа.

Возьмем другое словосочетание: *В острословии он съел собаку*. Можно знать значение всех этих слов (т. е. тот смысл, который они имеют во всей остальной массе словосочетаний, кроме этого); можно понимать связи между словами — и все же не понять предложение в целом или понять его превратно. Слова *съел, собаку* лишены здесь своего обычного значения; во всех словосочетаниях у них значение X — и только здесь какое-то другое. Поэтому значение отдельного слова здесь растворяется в значении словосочетания, становится неопределенным; как особая единица слово *собака* обесмыслилось (и следовательно, перестало существовать).

Иначе говоря, в разбираемом сочетании элементы *собака, съел* — уникальны, не встречаются в других сочетаниях, в иных контекстах (там не та *собака*)²³. Использование данного компонента здесь не мотивировано, не поддер-

²² Во фразеологизмах «связь компонентов может быть объяснена с исторической точки зрения, но она непонятна, немотивирована с точки зрения живой системы современных грамматических отношений» (Виноградов В. В. Сб. «Акад. Шахматов». М.; Л., 1947, с. 339).

²³ Если во фразеологических сращениях «их составные элементы однозвучны с какими-нибудь самостоятельными, отдельными словами языка, то их соотношение — чисто омонимическое» (Виноградов В. В. Указ соч., с. 345).

жано рядом других единств с подобным же компонентом — и потому фразеологично. Возьмем ли мы другие фразеологизмы — *у черта на куличках, спустя рукава, ни к селу ни к городу, на босу ногу* — везде найдем уникальные элементы, слова (или «псевдослова»), грамматические формы, которые встречаются только в данных сочетаниях. Они не поддержаны рядом других сочетаний с этими же элементами, следовательно, самые сочетания уникальны и построены на основании индивидуальных, неповторяющихся закономерностей (которые здесь превращаются в свою противоположность — в исключения). Только поэтому данные сочетания и фразеологичны.

В нашем фразеологическом примере слово *собака* обесмыслилось, перестало быть словом²⁴.

Почему это так? Всегда ли обесмысливание частей характеризует фразеологизм?

Поставим вопрос в более общей форме: определимо ли значение элемента А, если он встречается только в данном единстве? Встретив слово *кассация* в нескольких контекстах, начинаем понимать его (от всех этих контекстов зависит, в какой степени правильно; очень надежен контекст толкового словаря)²⁵. Значение смыслового элемента устанавливается из сопоставления контекстов, в которых этот элемент встречается²⁶. Встречая этот элемент только в одном контексте, не сможем определить его значение отдельно от данного контекста.

Не видно ни зги — что за зга? *У черта на куличках* — какие это кулички? История языка, пожалуй, объясняет, но нам в речевой практике нет дела до истории²⁷.

²⁴ Омонимия в выражениях *съесть собаку* (навостриться, стать искусником) и *погладить собаку* такого же типа, как омонимия: *поднос — длинный нос*, т. е. омонимия ч а с т и неразложимого целого и целостной о т д е л ь н о й единицы.

²⁵ На вопрос: что такое «инвалид?» — крестьяне одной деревни (в 20-х гг.) отвечали: «те, кто в лавке дешевле торгуют» (в селе была лавка инвалидов). Причина неверного понимания слова — недостаточность тех контекстов, в которых оно встретилось. (См. *Селищев А. М. Язык революционной эпохи. 1928, с. 12*). «Старинное слово *доба* может быть... заключало в себе пространный смысл, но мы из некоторых находимых нами в книгах весьма не многих речей, таковых, как *доба нам от сна встати*, знаем токмо часть оногo, догадываясь, что оно значило *пора или не худо*». (*Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слогe. 1808, с. 32*).

²⁶ См. у А. А. Шахматова: «...в словосочетании: *почтовая бумага* — оба слова сохраняют свою самостоятельность вследствие тесной связи с употреблением их в сочетаниях типа: *почтовый ящик, почтовое отделение*, с одной стороны, и — *писчая бумага, белая бумага* и т. п., с другой» (*Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Вып. 1. 1920, с. 303*).

²⁷ До смысла слова *зга* в современном языке можно было бы добраться путем вычитания: *не видно ни зги = не видно ничего*; тождественные части равенства взаимно уничтожаются: *зга = что-то*. Такое вычитание мало дало нам, да и вообще носит искусственный характер и для естественного осознания речи не характерно, если дело касается спаянных единств (когда элемент А всегда с Б).

Итак, если в единстве, состоящем из единиц АБ, смысловый элемент А не встречается в других единствах, то он теряет свое отдельное значение, свою индивидуальную семантическую, обесмысливается и сплавляется с другими в неразложимое фразеологическое целое.

Если же смысловый элемент А существует в незамкнутом ряде сочетаний: АБ, АВ, АГ..., то А полностью всю свою качественную определенность выявляет.

Наконец, промежуточный случай, очень важный: если элемент А встречается в немногих сочетаниях, если ряд их замкнут, то значение А не сведено к нулю, но и не является вполне и точно определенным. Налицо опять-таки фразеологизм (типа *тоска берет*).

Вот пример. Слово *потупить* встречается в ограниченном количестве контекстов («единств»). Характерно его толкование в словарях: «Употребляется с некоторыми существительными в значении „опустить вниз“. *Потупить голову. Потупить взор*» (Ожегов). Здесь, во-первых, характерно указание на ограниченность употребления, во-вторых, указание на смысл слова, хотя о верности и точности определения значения таких слов можно всегда спорить. *За, кулички* — бессмысленны, так как встречаются лишь в одном контексте. *Потупить* уже не лишено смысла, так как встречается в нескольких контекстах, но все же фразеологично. Если *потупить* имеет значение: 1) виновато опустить; 2) скромно, застенчиво опустить, — то можно было ожидать сочетаний: *собака потупила хвост* (виновато опустила); *она потупила руки* (скромно или виновато опустила) и т. п. Но в этих случаях глагол *потупила* не используется; вместо него дается синонимическое с ним сочетание *виновато опустила*. Здесь немотивирована скрепленность слова *потупить* лишь только с определенными существительными; слово это не поддержано в с е м рядом (или его преобладающим большинством) единств с подобным же значением.

Вывод: чем в меньшем количестве сочетаний встречается данный элемент, чем более он фразеологичен, тем меньше его смысловая определенность; она полностью превращается в икс при уникальности этого элемента. Икс этот, в сущности, равен нулю²⁸.

Итак, фразеологические (немотивированные) единства состоят из частей, качественная определенность которых не поддержана преобладающим большинством т а к и х же единиц, единиц того же типа N. А какие единицы надо считать «такими же?» Чем обеспечить единство, неразрывность поддерживающего (или не поддерживающего) ряда? Возможны два случая.

²⁸ Анализируя слово *cranberry* (клюква), Блумфилд отмечает, что компонент *cran* встречается только в составе этого слова и поэтому бесполезно задавать вопрос собеседнику о его значении — такой вопрос смущает его и ставит в тупик. Далее следует неожиданный вывод: поскольку это *cran* — фонетически и по значению (!) постоянная величина, то это — отдельная языковая единица (см. *Bloomfield L. 1933, p. 160*).

1. Налицо единицы $N_1, N_2, N_3 \dots$. Во всех этих единицах есть составная часть А (т. е. определенный суффикс в составе слова, определенное слово в словосочетании, определенное словосочетание в предложении). Обычно эта составляющая А имеет значение Х, и только в одном случае — X_1 . Иначе говоря: выражение А закреплено за значением Х (оно поддержано преобладающим рядом сочетаний, где такое А имеет Х-значение) — и вдруг, в виде исключения, в одном или нескольких сочетаниях появляется значение X_1 . Следовательно, оно не поддержано, не мотивировано рядом единств N. Пример: *празык, прадед, прародина, прабабушка, но правнук*. Во всех случаях *пра* имеет значение: предшествующий чему-либо; в слове *правнук* этого значения нет. Оно фразеологично.

В таких сочетаниях у элемента А значение обычно — Х, за исключением некоторых случаев, когда оно — X_1 . Х и X_1 могут быть семантическими вариациями, связь между ними не разорвана. Так в нашем примере *пра-* в *правнук* и *прадед* еще связаны (есть смысловая общность — указание на временную последовательность). В этом случае единство, где А имеет значение X_1 , уже обособилось, воспринимается как фразеологическое на фоне всего ряда, единство которого обусловлено общностью звукового выражения А. Родство с этим рядом еще не разорвано. Налицо полисемия при немотивированности изменения значения и при неизменности звукового выражения. Если же Х и X_1 потеряли всякое смысловое единство, то налицо уже не полисемия А, а омонимия двух А. Данный ряд единств постепенно образует более далекий фон для фразеологизма и, наконец, вообще исчезает как фон; одиночество фразеологизма достигает предела: нет того ряда, с которым он мог бы быть сопоставлен.

2. Есть иной тип фразеологического «фона» (т. е. ряда единств, с которыми соотнесен фразеологизм).

Значение Х во всех случаях выражается формой А, и лишь в одном или немногих единствах — формой A_1 ²⁹.

Пример: для обозначения лица только единожды употребляется суффикс *-тух*: *нас-тух*, а в других словах *-тель, -ник*... Иначе говоря: значение Х закреплено за формой А — и вдруг немотивированно появляется A_1 . Здесь налицо синонимия форм А и A_1 . В большинстве случаев исключен синоним A_1 , используется форма А. Эти случаи, количественно преобладающие, рассматриваются как свободные сочетания. В одном или немногих случаях исключен синоним А, используется A_1 . Этот случай, не поддержанный преобладающей

²⁹ Это изменение выражения значения Х не должно быть связано с появлением какого-то другого элемента Р в данном единстве, в противном случае изменение выражения могло бы быть и мотивировано (всегда, когда налицо Р, значение Х передается формой A_1).

массой других, оказывается фразеологическим, так как включение элемента A_1 не мотивировано.

Здесь ряд «таких единств» образуется неизменным значением при вариативности выражения. Единство, где налицо A_1 , поддерживается всем рядом подобных («таких») единств. Таковы два типа фразеологизмов относительно тех рядов, из которых они исключаются, но с которыми они соотносятся (именно как исключенные).

В первом случае: форма A закреплена за значением X , и вдруг появляется X_1 . Во втором случае: значение X закреплено за выражением A , и вдруг появляется A_1 .

Эти два типа соотносительности фразеологизмов с рядом «таких же» единств (которые не поддерживают данное единство, делая его фразеологическим) вызывают у фразеологизмов два важных признака.

1. Во фразеологических сочетаниях очень часто значение целого больше, чем значение всех его составляющих частей. Целое не столько определяется частями, сколько определяет их. Возьмем примеры: *железная дорога*, *белый медведь*, *дом отдыха*. Здесь целое гораздо полнее, чем то, что дают составляющие части³⁰. Как это получается? Сравним сочетание *железная дорога* с рядом нефразеологических сочетаний: *железная руда*, *железный лом*, *железный стержень*, *железные зубья*, *железные зубы*, *железная воля*. Все эти сочетания включают выражение *железный* со значением: из железа, с железом (с закономерными метафорическими осмыслениями). В сочетании *железная дорога* — тот же звуковой компонент, но значение иное (компонент A неожиданно стал передатчиком значения X_1), хотя и связанное еще с основным, нефразеологическим³¹. Какое же это значение? Определить трудно³², и как раз по той причине, что оно фразеологично, не поддержано значениями подобной единицы в других сочетаниях. Целое сохраняет свою определенность: часть же — именно потому, что она часть фразеологизма — семантически опустошается; целое становится более всех своих частей.

Судя по общему смыслу сочетания *белый медведь*, в нем слово *белый* не совсем то по смыслу, что в сочетаниях *белая бумага*, *белый снег*. Казалось бы, оно должно быть более конкретно, поскольку обозначена не только белизна шерсти, но и другие признаки медведя (его «северность», его «пловучесть» и пр.). Но на самом-то деле эту конкретность, эту полноту смысла мы целиком

³⁰ Этот процесс (целое «наполняется» вопреки «недополренности» частей) доходит до предела в сочетаниях типа *съесть собаку*, *остаться на бобах* и пр. Здесь целое полнозначно, а части совершенно опустошены.

³¹ Если же этой связи нет, то сочетание *железная дорога* становится в один ряд с сочетаниями *съесть собаку*, *остаться на бобах* и полностью перестает члениться.

³² Ясно, что речь идет не о «непознаваемости» этого значения, а о его действительной неопределенности.

относим к единому сочетанию *белый медведь*, а слову *белый* здесь остается как раз не конкретность и смысловое богатство, а смысловое безразличие и расплывчатость.

Когда же, следовательно, у фразеологизма целое больше всех частей? В том случае, когда есть звуковая форма А, имеющая в массе единств значение Х, а в одном (или некоторых) случаях — X_1 ; это значение X_1 терпит ущерб оттого, что оно не поддержано всем данным рядом единств (с выражением А). Но то фразеологическое *целое*, в которое входит $A(X_1)$, не ущербно, т. е. в ц е л о м восполняется недостаточность ч а с т е й.

2. Очень часто во фразеологических единствах немотивированно исключается возможность замены данного элемента его синонимами. Суффикс *-тух*, вероятно, имеет то же значение, что и суффиксы *-тель*, *-ник*. Однако замена сочетания *пастух* сочетаниями *паситель*, *пасник* невозможна, в нашей речи не встречается.

Еще пример, где немотивированно исключена возможность синонимических замен. Из сочетания *у него денег куры не клюют* нельзя сделать, казалось бы, синонимическое *куры у него не клюют денег*³³. В выражении *из мухи делать слона* нельзя глагол *делать* заменить глаголом *изготавливать*; слово *муха* нельзя заменить словом *таракан*, хотя, казалось бы, таракан ничуть не худший материал для выделки слона, чем муха³⁴.

Если в данном ряду единств значение Х передается то величиной А, то A_1 , возникает возможность фразеологизма, т. е. возможность немотивированного отказа от взаимозамен синонимических элементов (А и A_1).

После этого длительного (но необходимого) анализа фразеологичности можно приступить к анализу смысловых единств, называемых *словами*. Их можно определить так: это смысловые единства, части которых не составляют свободного сочетания. Все, что отвечает этому требованию, есть (в той или иной степени) слово.

Следовательно, всякое сложное по своему составу слово есть фразеологизм. Покажем это на фактическом материале.

III

Слово как целое почти всегда значит больше, чем его части. Как сказано, это признак фразеологизма. В свободном словосочетании целое также больше, чем простая с у м м а частей, целое — скорей п р о и з в е д е н и е частей, но это произведение целиком определяется значением частей. Если мы ни разу не слышали сочетания *вертолет парит*, но знаем значение всех частей сочетания,

³³ См. Виноградов В. В. Указ. статья, с. 135.

³⁴ Различение речевых и языковых синонимов нам в данном случае неважно.

то пойдем и целое. В слове не то: целое есть не только произведение частей, но и еще добавочно некая величина: $A \times B + (X)$. Зная части слова *змеи-* и *-овик*, понимая их смысл (*-овик* — суффикс предметности; обозначает предмет по качеству того объекта, на который указывает корневая часть; часто этот суффикс можно рассматривать как производный, из двух частей: *ов-ик*), — мы все же не понимаем целого.

Действительно, есть несколько разных слов (омонимов) *змеевик*.

*Змеевик*¹ — горная порода зеленого цвета (похожа по окраске на змеиную кожу);

*Змеевик*² — растение (*Polygonum bistorta*), имеет змеевидные стебли;

*Змеевик*³ — трубка витками (используется для теплообмена с окружающей средой);

*Змеевик*⁴ — подвесной амулет с изображением головы, окаймленной змеями (Византия и пр.).

Морфемы не указывают, что в первом случае именуется горная порода, во втором растение и т. д. Это не вытекает из смысла соединенных морфем, не вытекает из их смыслового соединения. Это д о б а в о ч н о дано в слове. Если бы все змееподобное можно было назвать словом *змеевик*, то оно не было бы фразеологично: значение слова полностью определялось бы значением составляющих частей (*-овик* — означало бы: «похожий на»). Но чучело змея, змеевидный отрезок каната, змеевидное колебание волны не есть *змеевик*.

Между смыслом частей и смыслом целого получается зазор, люфт. Это о б ы ч н о для слова, это н о р м а для него.

Сравним слова: *дневник*, *вечерник*, *ночник*, *утренник*. Все они образованы от семантически и грамматически соотносительных прилагательных *дневной*, *вечерний*, *ночной*, *утренний* с помощью суффикса *-ик*³⁵.

Исходя из значения частей, смысл слова *вечерник* определяем так: предмет, имеющий отношение к чему-то вечернему; аналогичные заключения можно сделать и о трех других словах. Однако значение этих слов не сводится к значению их компонентов; оно включает то, о чем сами эти компоненты не говорят: *вечерник* — с т у д е н т вечернего факультета; *дневник* — подневная з а п и с ь событий; *утренник* — или утренний с п е к т а к л ь, или утренний м о р о з; *ночник* — ночной светец. *Ночница* — ночная бабочка, *вечерница* — студентка вечернего факультета. Что бы могло означать слово *утренница*, которого пока еще нет в русском языке? Утренняя заря, утренняя роса, утренняя песня пастуха, какой-нибудь утренний (по утрам появляющийся) жук или гусеница, утренний туман, утренний клев рыбы, утренняя зарядка и пр. Т. е. к а к о й-т о предмет, имеющий к а к о е-т о отношение к утру. Какой же именно — состав

³⁵ Относительно соотношения слов *дневной* и *дневник* в современном русском языке могут возникнуть сомнения (*запись по дням* или *подневная запись*). Сравни: «Дневные записки П. К. Пахтусова» (1833).

слова не указывает; а ведь таких предметов немало. Слово же называет не все эти предметы, оно используется для названия чего-нибудь одного (разумеется, не для отдельной вещи, а для рода предметов), чего именно — говорит только все это слово в целом, а не значение его частей. Таким образом, слово нельзя понять исходя из его частей.

Можно было бы попытаться определить значение суффикса в слове *ночник* следующим образом: «тусклый (не яркий) источник света, который затепливают во время, указанное корнем». Мы «вычли» из слова *ночник* значение, связанное с корнем. Но если таков смысл этого суффикса, то он встречается в одном данном слове, т. е. уникален, следовательно, фразеологичен. Мы вернулись к тому же.

На самом деле такого «вычитания» при анализе никогда не производим. Суффикс *-ник* встречается в ряде слов (в контексте разных корней и аффиксов) и поэтому осмысливается, но — в очень отвлеченном и неопределенном аспекте (предметность вообще).

То, что значение слова не определяется в полной мере его частями, замечено лингвистами давно. Юшманов писал: «Большинство терминов в буквальном переводе дает только намек, так как „самое важное“ недосказано: ... оно подразумевается. Таковы, например, *барометр* (тяжестемер) (недосказано, что здесь имеется в виду тяжесть воздуха, его давление), *дорсальный согласный*, *спинной согласный* (недосказано, что здесь спинка языка...)»³⁶.

В курсе «Введение в языкознание» Л. А. Булаховский этому вопросу посвящает особый раздел «Образ и словообразовательные элементы как наметка возможного значения слова» (с. 14–16) с множеством интересных примеров. «...Словообразовательные значения, — пишет Л. А. Булаховский, — являются лишь наметкой возможного содержания слова. Что слово значит на самом деле — определяет... закрепившееся в языке фактическое употребление. Для человека, не знающего, например, сербского языка, но знающего другие славянские, слово *пловка* должно представляться в виде чего-то плавающего. Он может догадываться, например, о значениях „пловица“, „челн“ и т. п. Между тем это слово в сербском значит только „утка“, т. е. связано с очень определенным ограниченным понятием по сравнению с широким, заключенным в корне»³⁷.

Можно думать, что продуктивные модели дают полную определенность слову, так как они позволяют образоваться новым словам, чье значение должно на первых порах быть понятно всем как раз из состава слова. Так ли это? Возьмем сначала поэтические неологизмы, введенные в данный контекст по требованию художественного стиля произведения. Эти неологизмы вдвойне

³⁶ Словарь иностранных слов под ред. Ф. Н. Петрова, 1942, с. 806.

³⁷ Булаховский Л. А. Введение в языкознание, ч. II, 1953, с. 14.

интересны: они не имеют никакой истории; они для каждого читателя (и в день создания произведения, и через сто лет после этого) — неожиданные, новые слова, о которых даже в словарях нельзя ничего узнать. Является ли их значение полностью вытекающим из их состава? Вот примеры:

Приступила в седьмом ряду.
(И. Северянин)
Чикаго внизу
остался прижаблен.
(В. Маяковский)

Слова *приступила*, *прижаблен* (от инфинитивов *приступить*, *прижабить*) построены по одной и той же модели: приставка *при-* и суффиксы *-ить* присоединяются к основе существительного (*жаба*, *стул*). Приставка *при-* имеет несколько значений:

- 1) доведение действия до конечной цели: *приехать*, *приплестись*;
- 2) добавления, сближения, чего-нибудь с чем-нибудь: *пристроить*, *приделывать*, *примолвить*;
- 3) сопутствующего (добавочного) действия: *приговаривать*;
- 4) направления действия к себе: *присвоить*;
- 5) направления действия на предмет сверху вниз: *прижать*, *придавить*;
- 6) исчерпанности действия: *приучить*;
- 7) неполной, слабой меры действия: *приоткрыть*³⁸.

По крайней мере первые пять значений действительно принадлежат одной приставке, т. е. явление омонимии исключено³⁹. В кругу этих значений и осмысляются приставки *при-* в словах *прижаблен*, *приступила*, т. е. это одна и та же приставка. *Прижаблен* здесь означает придавлен, как жаба (5-е значение приставки). Слово *приступила* может означать: с е л а, придвинув стул (*при-* во 2-м значении) или просто села. Самая неопределенность в значении последнего слова весьма показательна. Еще показательнее, что каждое из этих двух слов, построенных по одной модели, понимается по-своему. Приставка *при-* во всех указанных значениях (1—5) имеет общий смысловой стержень: общее значение добавления — сближения. В каком же конкретном смысле представляется это добавление — сближение, приставка не показывает. Не показывает этого и соединение приставки с корнем. Взятое вне контекста, слово *прижабить* ничего не означает, так как означает всё: приближаться к жабе, давить на жабу сверху вниз, сдавить кого-то как жабу, придавить жабой, прибавить к другим жабам и пр. Даже контекст иногда не спасает от двусмысленности (ср.

³⁸ Ожегов С. И. Словарь русского языка. 1952, с. 534.

³⁹ Хотя нам и неизвестны точные методы определения омонимичности и полисемии приставок, все же думается, в данном случае нет оснований для сомнения.

пристулила). Самая уже возможность понимания *пристулила* — с е л а, придвинув стул; *прижаблен* — придавлен, к а к жаба — показывает, что слово в целом имеет значение, которое не заложено полностью в отдельных его частях.

Та общая наметка слова, которая дается морфемами, уточняется в контексте, и слово, р а з использованное в контексте, уже несет нечто, что идет не от значения составляющих его морфем, а дано сверх этого. Поэтический неологизм, созданный «на один раз», конечно, закрепляет тот довесок, который дан его единственным контекстом; обычное же слово, встречающееся в тысячах контекстов, не столь податливо к требованиям данного единичного контекста — и не только подчиняется ему, варьируя свое значение, но и само создает в словосочетании контекст для других слов; оно и в контексте, оно и контекст⁴⁰. Общее значение его уже не создается только в д а н н о м контексте — оно создано и в массе предшествующих. В одном случае зазор между значением частей слова и значением целого слова создан у нас на глазах, в другом случае он давно стал законом, стабилизирован. Но и в том, и в другом случае он есть.

Образования с суффиксом *-тель* продуктивны в русском языке. Суффикс обозначает: нечто, производящее действие, которое указано образующей основой.

Но в контексте других морфем к этому значению могут быть добавлены уточняющие смысловые оттенки, которые самим суффиксом и корнем не указываются. То, что *выключатель* — прибор, *истребитель* — самолет, *указатель* — столб с надписью или книга, а *водитель* — человек, состав слова не указывает. Более того, состав слова не указывает, что *выключатель* столько же выключает, сколько и включает; что *водитель* водит не детей из детского сада, а автомашину, и т. д. Состав слова допускает *выключателем* назвать человека, потушившего свет в комнате; *истребителем* — самолет, истребляющий саранчу, а также морителей мышей, обжору, печь и т. д.⁴¹ Все эти в о з м о ж н ы е значения не являются действительными. Возможный круг значений, вытекающих из состава слова, ограничен, сужен действительным значением этого слова. Это характерно даже для п р о д у к т и в н ы х образований.

Слово называет. С помощью слова из бесчисленного множества выделяется ряд предметов, обладающих общими признаками. Но эти признаки не могут быть даны сколько-нибудь полно составом слова. Ведь тогда слово превратилось бы в описание⁴². Поэтому-то слово, называя, сообщает больше, чем его составные («описывающие» предмет) части.

⁴⁰ В наших примерах *прижаблен*, *пристулила* — по преимуществу слова в контексте, а не слова контекста.

⁴¹ Иногда считают, что у нас есть два омонимических суффикса *-тель* (со значением лица и со значением предмета). Вряд ли это так. К такому выводу приводит надуманная схема классификации суффиксов (см., например, книгу «Современный русский язык. Морфология», изд. МГУ, 1952, с. 111–112).

⁴² «Конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого языка строго ограничены» (Сенур Э. Язык. 1934, с. 65).

Однако известное количества слов все же имеет значение, непосредственно складывающееся из значения его частей.

Ср. слово *безвредный*; значение его полностью определено значением составляющих его морфем (отмечено А. М. Пешковским). Но таких слов, несомненно, меньшинство. Все это слова с очень отвлеченным значением; то, что они называют, полностью показано значением корня и суффиксами, подчеркивающими отвлеченность, абстрактность этого корня (ср. *глупость*, *смелость* и пр.). Все же вряд ли есть хотя бы одна словообразовательная модель, которая гарантирует, что все слова, образованные по ее законам, будут значить только то, что заложено в самой модели и в производящей основе. Возьмем те же существительные с суффиксом *-ость*. Они как будто вовсе не фразеологичны (в том смысле, какой мы имеем в виду в этой главе): значение целого дано уже в значении частей. Но слова *крепость* (род укрепления), *колкости* и пр. показывают, что и в ряду этих слов могут быть фразеологические образования. Следовательно:

1) преобладают словообразовательные модели, которые дают лишь намек на значение слова;

2) редки модели, целиком определяющие значение слова, и эти модели никогда не бывают последовательно неидиоматичны.

Таким образом, идиоматичность слова — закон, а неидиоматичность — отступление. Но в таком случае эта неидиоматичность сама идиоматична. Если в большинстве слов целостное их значение не определено в полной мере их частями, а в некотором ограниченном количестве — определено, то они сами попадают в число исключений, у которых совпадение морфемного и словесного значений немотивировано, так как не поддержано всей массой слов.

Поясним это примером. Предположим, у вас набор детских кубиков. Один кривой; второй большего, чем другие, размера; третий меньше всех; четвертый с выбоиной; пятый окрашен не так, как другие. Наконец, последний без всяких отметин. Можно ли сказать, что здесь все кубики различны, к р о м е этого одного? У него нет никаких добавочных отличий, но это его в данном наборе, где типичны уклонения, и отличает. Он сам — уклонение от стандарта (который заключается в н о р м а л ь н о с т и у к л о н е н и й). Если все в роте шагают вразброд, не в ногу, то и поручик не может шагать в ногу. Если все слова являются фразеологическими образованиями, то отдельные исключения, поскольку они исключения, с а м и ф р а з е о л о г и ч н ы. Не зная этих слов⁴³, мы не сможем понять их смысл. Нет основания думать, что их значение полностью определяется морфемным составом; если же так случилось — то это частное и неожиданное явление. Так как фразеологичность слова закономерна, то самое отступление от нее является фразеологичностью. Морфемы, входя в состав одного слова, д о л ж н ы иметь еще какой-то смысловой довесок, если его нет — значит, они не выступают в своем обычном качестве.

⁴³ Т. е. не встретив их в нескольких (достаточных) контекстах.

IV

До сих пор фразеологичность мы брали только в том аспекте, который у нас раньше был обозначен как единство звукового ряда при немотивированности изменения значения. Но есть иной вид фразеологичности: единство ряда значений при немотивированности изменения звуковой формы. В этом случае из нескольких синонимов за данным единством закрепляется один⁴⁴. Совершенно очевидно, что в русском языке (и других фузионных) господствует и этот тип словарных фразеологизмов.

П о ч т и каждый суффикс имеет синоним. Сравним: *желтизна, краснота, синева, фиолетовость*. Все суффиксы синонимичны. Но поменять их местами, сказав: *желтота, синесть, фиолетовизна, краснева* — нельзя. От *желтый, красный, синий, фиолетовый* образуются соответствующие существительные; их нет от семантически и грамматически соотносительных прилагательных *коричневый, зеленый* (роль существительных с суффиксами *-ота, -изна* и пр. играют описательные формулы). Самое отсутствие этих форм фразеологично. Это — явление, подобное невозможности сказать *потупила хвост*.

Явление это широко распространено. Казалось бы, что может быть механичнее, правильнее, последовательнее модели, по которой образованы слова *вдвое, втрое*. Можно образовать совершенно механически, штамповочным методом новые лексемы: *вдевятро, вдесятеро*. Но — не *ввосемьро*. Непременно следует сказать: *в восемь раз*.

Зная суффикс *-ота* и корень *красн-*, еще нельзя из них составить слово (если речь не идет о поэтическом тексте, об игре неологизмами). Нужно з н а т ь, что в языке при корне *красн-*, употребителен суффикс *-ота*. (В свободных сочетаниях легко каждый раз из частей составляется целое, ср. *красный цвет* и под.)

Выше сказано, что аффикс п о ч т и всегда имеет синоним. Это «почти всегда» очень мало отличается от «всегда». Ведь едва ли не каждый аффикс имеет синоним: о т с у т с т в и е а ф ф и к с а⁴⁵. Слова любого значения могут быть производными и непроизводными. Знаем, что образуются слова, обозначающие лицо по профессии, от глагольных основ с помощью суффикса *-тель*.

⁴⁴ — Мама, мама, завтра праздница!

— Праздник, дочка, говорят.

— Все равно. Какая разница?

Был бы только шоколад.

(В. М. Инбер).

⁴⁵ То уменьшительно-ласкательное значение, которое в русском языке передается суффиксами, кажется, не может быть передано непроизводной основой. Но не следует забывать о процессе опрощения: основа может стать непроизводной, бессуффиксальной, но сохранить деривационное значение (*голубчик*); тогда это значение передается самой основой.

Примеры: *писать* — *писатель*, *учить* — *учитель*. Но от глагола *лечить* нет слова *лечитель*, так как существует издавна непроеизводное слово врач. (*Целитель* — от *целить* — только в определенном стиле; при этом индивидуальная стилистическая окраска каждого слова не зависит от его морфемного состава — тоже факт фразеологичности.)

Суффикс всегда синонимичен тому, что условно можно назвать нулевым суффиксом или — лучше — суффиксальным нулем. Можно знать все модели словообразования в языке, но предугадать, когда используется модель с аффиксальными нулями, т. е. непроеизводная основа, — невозможно: она всегда может использоваться, если дана традиционно, и тогда другие модели (*лечитель*) отвергаются. Таким образом, и второй тип фразеологичности едва ли не всегда используется: едва ли не всегда есть два или более типов синонимического словообразования для выражения данного значения (*врач* — *лечитель* — *лечильник* — *лечильщик*), из которых используется один — или во всяком случае не все. В свободных сочетаниях это невозможно. Если *стачка* и *забастовка* — синонимы, то они могут быть взаимозаменены, когда налицо свободное сочетание. Такое взаимозамещение характеризует полные синонимы, но думается, что суффиксы *-тель*, *-щик* и есть такие полные синонимы. Думается, что смысловые нюансы между ними совершенно призрачны.

Можно было бы обратить внимание и на то, что аффиксы всегда имеют закрепленный порядок в слове.

Свободные сочетания, состоящие из слов, в любом фузионном языке хотя бы в некоторых случаях допускают вариативность в порядке следования составляющих единиц (слов). Даже в английском языке в эмфатической речи возможны перестановки, нарушающие обычный порядок слов в предложении. Таких перестановок не допускает слово. Слово *лесистость* ни в каком случае не может быть превращено в *истлесесть*, *лесёстист*, *истостьлесь* и пр.

Как будто, очевидная фразеологичность. Мы уже говорили что во фразеологических единствах порядок слов неизменен (*У него денег куры не клюют*), так как исключены все синонимические перестановочные конструкции: *куры не клюют у него денег* и пр. В слове как будто то же явление. Но то же ли?

В этом надо разобраться более тщательно. Частица *ли* может стоять в вопросительном предложении после любого слова: *Ты ли читал ту книгу?* *Ты читал ли ту книгу?* *Ты читал ту ли книгу?* — и пр. Каждый раз получаем новый смысл предложения. Значит, для получения совершенно определенного смысла необходимо, чтобы слово *ли* следовало за другим определенным словом, и только за ним. Перестановка его на другое место изменит смысл предложения. Местоположение слова оказывается смысловым моментом, и потому оно не может быть изменено. Не такое ли положение и с аффиксами? Не потому ли аффикс *-ист* должен следовать за корнем *лесь* и перед аффиксом *-ость*, что это обусловлено семантически?

В предложении *Ты читал эту книгу?* Можно поставить *ли* и после *ты* — получим один смысл, и после *читал* — получим другой. В этом-то случае местоположение смыслового элемента, входящего в сочетание с другими смысловыми элементами, можно считать закрепленным не фразеологически, закрепленным по семантической мотивировке. Не представляется ли и порядок морфем закрепленным по семантической мотивировке и потому нефразеологичным? Вопрос этот очень сложен, мы не касаемся многих его важнейших и спорных аспектов и не считаем закрепленность местоположения морфем в слове особо убедительным доказательством его фразеологичности.

Также не следует придавать первостепенного значения месту ударения в слове, если хотим доказать его фразеологичность. В свободном сочетании единиц (состоящем из слов) легко выделить ударением ту единицу, которую по условиям речи следует подчеркнуть:

Ты читал книгу;
 Ты *читал* книгу;
 Ты читал *книгу*.

В слове ударение закреплено за определенной морфемой (ударная флексия или ударная основа и пр.). Перенос ударения невозможен (редкие исключения — не в счет).

Это скорее дополнительный штрих, указывающий на фразеологичность слова, чем существенное проявление фразеологичности. Сравнение языков с разной системой перемещения ударений убеждает в этом.

Выводы: лишь изредка аффикс в языках фузионных не имеет своего синонимического двойника. В прошлой же главе установлено, что лишь изредка морфемы полностью определяют слово. И там и здесь, следовательно, отмечаются исключения и отклонения от фразеологичности слова. Не слишком ли часто встречается это «изредка»? Однако ведь здесь одно «изредка» ограничивает другое. Есть немногие аффиксы без синонимических дублетов, но... большинство из них фразеологически варьируют свою семантику.

Есть немногие аффиксы, имеющие всегда неизменное значение (т. е. полностью вместе с корнем определяющие значение целого, слова). Но большинство из них имеют не замещающие их свободно аффиксы-синонимы, т. е. все-таки они фразеологичны.

Для фразеологичности нужно: 1) отсутствие свободной замены синонимов; 2) неожиданная вариативность значений одной из частей единства; она приводит к тому, что целое семантически больше всех составляющих его. Достаточно хотя бы одного из этих условий. Но в слове то или другое всегда налицо.

Всегда или п о ч т и всегда? Если даже исключения и есть, они не колеблют общей концепции. Ведь мы слова определяем как нечто фразеологическое, т. е.

индивидуально-конструированное; каждое слово — особь, отдельное, нестандартное, особо организованное, исключительное. При наличии общей индивидуализации, исключительности каждого слова каждое особое отклонение от нее есть тоже индивидуализация, исключительность и поэтому попадает под общую закономерность. При том конструктивном принципе, который является организующим для слова, отступление перестает быть отступлением. Может быть, это и покажется софизмом, но на самом-то деле никакой софистичности здесь нет. Выше это уже разъяснялось примерами.

Итак, при определении слова мы, может быть, и не избавились от досадного дополнения в скобках с указанием на исключения. Но мы опираемся на такой принцип организации слова, который разрушает границу между этими скобками и самим определением.

V

Выставлено положение, что слово — единица фразеологическая. Если этот взгляд верен, он должен помочь нам решить некоторые спорные проблемы слова, должен указать выход хотя бы из некоторых запутанных теоретических «лабиринтов». С другой стороны, он не должен привести нас к дискредитации общераспространенного, наивного, эмпирического взгляда на слово. Попытаемся применить наши положения к решению ряда вопросов.

С точки зрения этого наивного, «неученого» воззрения на слово, флексия в единствах, например, *весло*, *весла*, *веслом* никак не является особым словом. Может показаться, что высказанный выше взгляд противоречит этому привычному убеждению. В самом деле: все слова среднего рода имеют такие окончания, и всегда эти окончания передают те же значения (именительного, родительного падежа и т. д.)⁴⁶. Окончание *-ом* в форме *веслом* и по внешней форме, и по звучанию поддержано в с е м рядом данных форм. (Слова типа *знамя* являются исключением и сами попадают в число фразеологизмов.) Нет, как будто, фразеологичности; на самом же деле она есть. Слово *весло* имеет флексию *о* и потому принадлежит к среднему роду; слово *корма* имеет флексию *а* и поэтому принадлежит к женскому роду; слово *парус* имеет

⁴⁶ Следует подчеркнуть, что флексии семантически константны и в этом отношении лишены фразеологичности (в противном случае флексия уже перестает быть флексией, ср. *в гостях*). Те флексии, которые имеют синтаксическое значение, т. е. служат для образования связей в с в о б о д н ы х словосочетаниях, должны быть семантически нефразеологичны (именно в качестве синтаксических показателей). Но это не лишает их фразеологичности в другом отношении.

Фразеологично также отсутствие некоторых форм у слов, например, всех падежей, кроме родительного, ср.: *щец*, *отлагательства* (*без отлагательства*, *не терпит отлагательства*, *ни малейшего отлагательства...*).

нулевую флексию и относится к мужскому роду. Все эти флексии синонимичны. Все они показывают именительный падеж единственного числа и иного смыслового содержания не имеют. Почему же в слове *весло* используется для выражения этого значения только один синоним (*о*), а другие — исключены? Только потому, что слово — фразеологическое единство.

Это верно по отношению к существительным неодушевленным. А одушевленные? Ведь у них родовые флексии уже осмыслены, ср. *медведь* — *медведица*, *петух* — *кура*. Но и здесь нет свободного сочетания, поскольку слова мужского рода имеют окончание *-а* (*судья*) и ноль (*конь*); также и женского (*лиса* — *рысь*).

А как же флексии существительных во множественном числе: *-ам*, *-ами*, *-ах*? Фразеологичны ли они? Да. И дело даже не в том, что они не так уж универсальны для всех существительных (ср. *людьми*, *лошадьми*). Важно другое. Значение их как показателей падежа всегда константно. Значение рода нейтрализовано. Но фразеологически изменчиво (т. е. не м о т и в и р о в а н о изменчиво) значение числа, которое им присуще (ср.: *столам*, *домам*, *мыслям*, *делам* — *саням*, *каникулам*, *дрожжам*, *итанам* и пр.). Количество существительных типа *боты*, *брюки*, *духи*, *ворота* и пр. достаточно велико. Значение флексий *-ам*, *-ами*, *-ах* у них не то, что у существительных, имеющих соотносительные флексии единственного числа. Самая принадлежность существительных к данному классу (*pluralia tantum*) не мотивирована⁴⁷.

Далее, эти флексии часто присоединяются к основам, отличающимся от основ тех же существительных в единственном числе (ср. *цветку* — *цветам*, *судну* — *судам*, *другу* — *друзьям*, *человеку* — *людям* и пр.) Если бы сочетание основы и флексии было свободным, то была бы вполне возможна свободная замена этих синонимических основ; если же предположить, что основы в словах *судно* — *суда*, *друг* — *друзья* не синонимичны, что элементы *-н-*, *-j-* — суффиксы со значением числа, то фразеологична потребность сочетать один показатель числа (флексию) с другим (суффиксом).

Из сказанного выше вытекает, что если флексии сохраняют всегда (или в огромном большинстве случаев) свое обычное падежное значение⁴⁸ и присоединяются ко всем существительным без различия рода, то они (в этом огромном большинстве случаев) становятся отдельными словами, так как полностью теряют свою фразеологичность⁴⁹. Так ли это? Обратимся к примерам.

⁴⁷ Напротив, отсутствие у существительных форм множественного числа большей частью мотивировано; ср.: *честность*, *молодость*... (нет множественного числа у всего ряда отвлеченных существительных).

⁴⁸ Иначе говоря, значение флексии в каждом отдельном случае поддерживается (мотивируется) подобным же ее значением во всех остальных случаях.

⁴⁹ Приобретая абсолютную продуктивность, эти «бывшие флексии» словообразовательную модель превращают в модель словосочетания.

В английском языке существительные, обозначающие живые существа, когда выражают принадлежность, присоединяют к себе элемент *-’s*: *the man’s book*. Этот элемент *-’s* считается падежной флексией. Он присоединяется к любому существительному указанного типа, всегда сохраняя значение принадлежности. Значит, если исходить из взглядов, высказанных выше, это не флексия, а уже слово. Но так оно и есть: это, несомненно, частица. Об этом говорят обороты: *the man I saw yesterday’s son...* «Здесь элемент *-’s* присоединен к целому выражению *the man I saw yesterday*, которое состоит из существительного и определительного подчиненного предложения»⁵⁰. Автор делает вывод: *-’s* «превращается из падежного окончания в служебную частицу, выражающую владение»⁵¹. Это бесспорно. Но частицей этот элемент является не только в сочетаниях типа *the man I saw yesterday’s son*. Самое появление таких сочетаний — лишь следствие уже совершившегося превращения флексии в частицу в обычных выражениях типа *the boy’s book*⁵².

Правда, элемент *-’s* — всегда после слова, к которому относится по смыслу, но это никак нельзя считать фактом фразеологической закрепленности (ср. русскую частицу *ли*).

Сложнее для анализа другой пример. В украинском языке есть синтетическая (сложная) форма будущего времени:

стояти-му, розмовляти-му
стояти-меш, розмовляти-меш
стояти-ме, розмовляти-ме
стояти-мемо, розмовляти-мемо
стояти-мете, розмовляти-мете
стояти-муть, розмовляти-муть.

Она восходит к словосочетаниям *писати йому, писати меш* и пр. Последний глагол утратил самостоятельность, принял на себя роль, обычно свойственную окончаниям, утратил начальное *и* (*i*) и целиком слился с формой инфинитива «при написанні разом»⁵³. То, что при *н а п и с а н и и* этот грамматический элемент слился с инфинитивом, не вызывает, конечно, сомнений. Но отражает ли здесь написание существа дела, сущность языкового явления? Что не позволяет считать эти элементы — *му, меш* и пр. — частицами? Если

⁵⁰ Ильиш Б. А. Современный английский язык. 1948, с. 99.

⁵¹ Там же, с. 100.

⁵² В других случаях, пишет Б. А. Ильиш, *-’s* превратилось в суффикс: *the chemist’s* — аптека (из *the chemist’s place*); *the baker’s* — булочная (из *the baker’s house*) (с. 100). Это опять-таки вполне понятно: здесь *-’s* получает индивидуализированный смысл — и лишь в той степени, в какой эти образования индивидуализированы, *-’s* является суффиксом.

⁵³ См. «Курс сучасної української літературної мови», т. I, 1951, с. 474.

что-то мешает, то только закрепленность их местоположения. В юго-западных диалектах бытуют формы: *Заки молоді, заки годні, муть робити* (Лесь Мартович); *Як муть мраки сідати на гори, а я сяду та й си заплачу* (Коцюбинский)⁵⁴.

Последние примеры показывают, что элементы *му, меш* и т. д. могли бы занимать место и перед глаголом. (Этого нельзя сказать ни о русском слове — частице *ли*, ни об английской притяжательной частице - *'s*: при перемене места они меняют смысл всего сочетания.) В юго-западных говорах эти украинские временные показатели, несомненно, — частицы. В литературном украинском языке, вероятно, уже флексии. Ведь исключение таких конструкций, как *муть сідати*, не мотивировано: в свободных сочетаниях в украинском языке порядок элементов в той или иной степени свободен. (Ср. русские сочетания: *я бы пошел к нему; я пошел бы к нему; я пошел к нему бы*.)

Скрепленность элементов с инфинитивной частью в одном слове однако еще очень непрочна, так как: 1) постановка этих элементов в определенном порядке поддержана всеми глаголами, всем рядом данных сочетаний (и нарушает лишь тенденции ряда свободных сочетаний вообще); 2) ударение также сохраняет в этих формах свое место на инфинитивной части, т. е. указанные временные элементы всегда безударны. Ударение, как фактор фразеологичности, здесь не играет никакой роли. Итак, окончания синтетической формы будущего времени в украинском языке — все же именно окончания, хотя и агглютинативные, не забывшие своей былой самостоятельности.

В английском языке глагол *to get* означает доставать, получать, зарабатывать, достигать.

Производные от *to get* глаголы значат:

- get about* — распространяться;
- get away* — избегать;
- get down* — проглатывать;
- get on* — надевать.

Глагол *to run* означает бежать; его производные:

- run about* — суетиться, играть.
- run away* — убегать; понести, закусив удила.
- run down* — съездить из Лондона в провинцию;
переутомиться (два омонима?)
- run on* — возвращаться.

Глагол *to keep* означает держать, хранить, исполнять. Производные от него:

- keep away* — держать(ся) в отдалении;
- keep down* — держать в подчинении;
- keep on* — продолжать.

⁵⁴ См. «Курс сучасної української літературної мови», т. I, 1951, с. 474 и 10.

Во всех случаях части слова *away, down, on* и пр. сохраняют свое стержневое значение. Поэтому и можно говорить о том, например, что во всех перечисленных словах *away* — один и тот же элемент. Но значение слова, получившегося после присоединения этих частиц, гораздо в большей степени изменяется и конкретизируется, чем это могло бы непосредственно быть обусловлено присоединившимися значениями. Глагол *keep* (держать) + «частица» *down* (вниз) мог бы означать, если бы его значение полностью покрывало значение частей его, только держать (хранить и пр.) внизу или вниз; на самом деле смысл его иной.

Так же дело обстоит и с подобными сложными немецкими глаголами. И у них отделяемые глагольные приставки, несомненно, — часть глагольной основы, хотя позиционно они могут быть далеко отставлены от корневой части слова. Ср:

Der Jäger liess den Vogel los.

Der Reisende kaufte die Sklavin los.

Der Knabe reisst das Blatt los.

Er dreht den Ring los.

Большое практическое значение имело бы уяснение общих принципов правописания частицы *ne* вместе и врозь с существительными, прилагательными и пр. Теория слова должна помочь определить эти принципы.

Дано словосочетание: *не удовлетворительная отметка*. Это значит: любая, кроме удовлетворительной: «плохо», «хорошо», «отлично», только не «уд». Значение целого полностью определяется значением частей; целое не говорит ничего больше того, что может дать каждая из частей, самостоятельно прибавляя свое значение к значениям других частей.

Другое словосочетание: *неудовлетворительная отметка*. *Неудовлетворительная* — одно целостное слово. Первая его часть (*не*) имеет отрицательное значение; она отрицает «удовлетворительность», выраженную дальнейшими частями. Если бы сочетание было свободным, оно значило бы не больше, чем предыдущее. Но оно фразеологично, оно не только отрицает, но и утверждает, оно указывает не на всё неудовлетворительное, но только на такое неудовлетворительное, которое плохо, т. е. значение слова полнее, чем указано его взаимодействующими частями. В значении частей не указано, что из всего, что не носит оценку именно удовлетворительного, избирается для называния только плохое⁵⁵. Следовательно, обычное правило, говорящее, что существительное

⁵⁵ «...Отдельным словом является такой комплекс звуков речи, который имеет в языке значение отдельно от других звуков и звуковых комплексов, являющихся словами, и который при этом не разлагается на два или несколько отдельных слов без изменения или без утраты значения хотя бы той или другой части звукового комплекса. ...Например, звуковой комплекс *неправда* (ложь) представляет одно слово, ...так как будучи разложен на отдельные слова *не* и *правда* теряет данное значение» (Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение. 1901, с. 195). Так впервые было (вскользь) указано на фразеологичность слова.

и прилагательное пишутся в м е с т е с *не*, если заменяются словом без *не*, в общих чертах справедливо. Ведь единое слово с *не* действительно не останавливается на отрицании, оно идет далее, дополняя это отрицание указанием на положительное — это положительное обычно (но не всегда) имеет свое прямое название, без посредствующего определения через *не*.

Остановимся на сложных словах. Они потому сложные, что соотнесены со словосочетаниями, т. е. с единицами обычно нефразеологическими. С другой стороны, сложные слова — все же слова, т. е. нечто фразеологическое, хотя их фразеологичность и ослаблена соотносительностью со словосочетанием.

Сравним слова *центробежный* и *центростремительный*. Первое означает: направленный от центра; второе — направленный к центру. Части же слов *-бежн-*, *-стремитльн-* (ими и различаются слова) не дают основания для такой смысловой дифференциации. Можно было бы словом *центробежный* обозначить направление к центру и наоборот. Внутренняя форма не помешала бы такому изменению. Следовательно, то, что в с л о в о с о ч е т а н и и нефразеологично, обозначено предлогами *к*, *от*, пропадает в слове, остается не выраженным в морфемах и присвоено только слову в целом, выражено только им, не его частями. Это признак фразеологизма.

Сложные слова *уконосые* (обезьяны), *млекопитающие* также фразеологичны, так как означают нечто большее, чем то, о чем говорят их части (большее, т. е. определенное уже).

Ср. немецкие сложные слова: *der Qualitätswettbewerb*, *das Kantenholz* (доска для глаженья каймы), *der Schafstieppmaschine* (стегальная машина для голенищ), *die Durchnähmaschine* (машина для прошивания подошв), *die Holznagelmaschine* (машина для о б у в и н а деревянных гвоздях), *die Lernmittelfreiheit* (освобождение от п л а т ы за средства обучения) и пр.

Однако есть сложные слова, части которых полностью определяют их содержание: *седобородый*, *многоголовый*. Нас эти примеры не могут смутить: уже было сказано, что некоторая доля слов, у которых значение целого и значение частей полностью покрывают друг друга, есть, и было объяснено, почему эта некоторая доля слов не может поколебать общего вывода о неперменной фразеологичности слова как его необходимом признаке.

В приведенных примерах, заметим мимоходом, не используется словообразовательный суффикс *-н-*, обычный у прилагательных (ср. *трехосный* — но *многоголовый*, *многодумный* — но *седобородый*). Это уже показательный признак фразеологичности; синонимичны *ноль* и *-н-*; они не взаимозаменяемы в данных сочетаниях (т. е. *седобородый* — возможно, а *седобородный* — нет), но даже если бы и не было этих фразеологических капризов суффиксальности, слова такого типа не заставили бы нас отказаться от признания фразеологичности необходимым признаком слова. Таких слов горсточка: они сами исключение, не поддержанное другими единствами (т. е. в нашем случае словами); их фразеологичность заключается в отсутствии фразеологичности.

Но мы можем указать на целый ряд единств, где фразеологичность действительно равна нулю. Сравни сочетания: *радиобашина, радиопередача, радиогазета, радиоречь* и т. д. Если появится монтер, занимающийся только радио, — он *радиомонтер*. Если есть музыка, передающаяся только по радио, — это *радиомузыка*. Соотношение между *радио* и следующим компонентом совершенно такое же, как между прилагательными и существительными. Значение целиком определяется двумя составными частями (*радио* + какое-нибудь существительное). Такие сочетания можно множить бесконечно, они абсолютно продуктивны. Все говорит о их нефразеологичности. И, конечно, это сочетание слов, а не морфем. Косвенным доказательством может служить и наличие двух ударений в этих сочетаниях.

Русские глагольные окончания:

[*ит*] — [*от*]

[*иш*] — [*ош*]

и т. д. — попарно синонимичны. В слове *сидишь* — один из этих синонимов; в слове *идёшь* — другой, взаимозамене они не поддаются (не может быть создано речевое сочетание *сидёшь* или *идишь*). Это говорит о фразеологичности данных сочетаний морфем. Но в первом лице окончание всего *у* (формы *-ем, -дам* — незначительны по количеству представителей и могут рассматриваться как фразеологические). Становится ли это *у* частицей? Нет, и вот почему. Надо иметь в виду не только варианты — синонимы окончаний, но и варианты корней и основ. Есть такие варианты: *виж* — *видь*, *любь* — *лювь*, *бег* — *беж* и проч. При одних окончаниях используются одни, при других — другие варианты корней, однако строгой закономерности здесь нет. Так называемые непозиционные чередования звуков (*видим* — *вижу*) капризны и не абсолютно закономерны⁵⁶. Это уже допускает фразеологичность. Но еще важнее другое: из двух синонимических форм *виж* — *видь* при окончании *у* возможна только первая, а вторая немотивированно исключена; при окончании *-ит* исключена, напротив, первая.

Для решения вопроса, является ли артикль в болгарском языке самостоятельным словом, очень важно учесть, что при его прибавлении (в любой его форме) не происходит фонетических непозиционных чередований. Это, вместе с другими данными, заставляет считать болгарский артикль отдельным словом.

Взгляд на слово как на единицу, части которой не находятся в соотношениях свободно сочетающихся единиц, позволяет легко понять, почему предлоги, союзы, частицы — отдельные слова. Они свободно, т. е. не фразеологически,

⁵⁶ Разумеется, чередование согласных здесь вовсе не является грамматическим средством. См. *Baudouin de Courtenay* // *Próba teorji alternacyf fonetycznych*, Cz I. Kraków, 1894, с. 125 сл. (Здесь впервые разграничены: внутренняя флексия и традиционные неграмматические чередования.)

сочетаются с другими элементами языка. Напр. если есть *в городе* — то есть и *в деревне, в селе, в доме, в саду, в лесу*; и пр. (этот ряд бесконечен). Если есть *для отдыха*, то есть и *для развлечения, для страха, для успеха* и пр. Одно сочетание поддержано бесконечным рядом других, т. е. мотивировано, т. е. нефразеологично⁵⁷. Поэтому предлоги (а также союзы, частицы, связки) — слова. Этот же поход к фактам позволяет, в соответствии с наивным языковым восприятием, сказать, что во французских формах: *j'écrierai, tu écrieras, il écrier; j'aime, tu aimes, il aime* — «частички» *je, tu, il* — отдельные слова, так как их сочетание с глаголом явно нефразеологично. Между тем для теории морфологической оформленности слова, для теории слова как синтаксического минимума, для фонетических теорий слова данные местоимения — постоянный камень преткновения. Те частичные слова, которые обычно становятся поперек пути исследователю слова, вполне подтверждают теорию фразеологичности слова.

Разумеется, и предлоги, и частицы могут иногда, как и все слова, входить во фразеологические сочетания, но это не меняет их в основном самостоятельного характера.

Слово называет — это его функциональное определение. Слово фразеологично — это его конструктивное свойство. Кроме этих признаков, есть еще другие, второстепенные: фонетические и грамматические. Сочетание единиц [гла́фзбы́т] надо, по фонетическим признакам, рассматривать как два слова. Если ориентироваться на основные признаки слова, то вывод будет тот же: данное сочетание нефразеологично (*глав* здесь значит: руководящее центральное учреждение; возможно неограниченное количество сочетаний: *главрыба, главвино, главспичка, главобувь, главбумага* и пр. Одно сочетание мотивировано незамкнутым рядом других). Представим, что этот незамкнутый ряд исчезает — это очень возможно — и остается только *главсбыт*. Теперь это уже фразеологическое сочетание, т. е. единое слово. Значит ли это, что его фонетический облик изменится, как только исчезнет ряд единств, ранее поддерживавших свободную раздельность этого сочетания? Думается, нет. Тогда фонетические признаки слова вступят в противоречие с его основными, конструктивными признаками: *главсбыт* — уже одно слово, но произносится по-старому: [гла́фзбы́т]. Второстепенные, фонетические признаки могут противоречить основным, но не в силах своим противоречием изменить общую характеристику данного сочетания как отдельного слова. Также и другие второстепенные признаки слова, грамматические, могут вступать в противоречие с основными, не будучи в силах поколебать ту характеристику сочетания, которая дается на основании

⁵⁷ Возможно, что в некоторых случаях в русском языке, при так называемом сильном управлении, предлог (вернее — псевдопредлог) может быть частью глагола, как в немецком или английском языках.

конструктивных признаков (фразеологично ли данное сочетание)⁵⁸. Сочетания *спустя рукава, во весь дух* фразеологичны — и поэтому слова. Этому противоречит (но тщетно) второстепенный признак слова: единство грамматического оформления (которого в данных примерах нет).

То, что это слова, подтверждает языковая практика. Их приходится вводить в словари; изучают их совершенно правильно в разделе лексики и т. д. Было бы совершенно непоследовательно утверждать, что слово есть нечто осмысленное, а потом настаивать, что в сочетании *съесть собаку* (в чем-либо) — 2 слова. Это еще более грубая ошибка, чем членение на морфемы слов *огурец, прачка* (с выделением бессмысленных морфем *огур, прач*). Поскольку совершенно бесспорно, что и морфема, и слово — единицы, связанные со значением, постольку такое членение невозможно.

Почему же наша «внутренняя бабушка» готова примириться с этим нелепым членением (а некоторые «бабушки» даже и требуют этого)? Это легко объяснимо. По той же причине, по которой членят на морфемы слово *огурец*. Обманывает внешнее, звуковое сходство той и этой собаки (*вижу собаку — съесть собаку* в чем-либо). По той же причине кита называют *окиян-рыбой*: внешние черты бросаются в глаза и служат основой для неверного суждения.

Кроме того, во многих фразеологических сочетаниях (*железная дорога, дом отдыха*) на раздельность указывают и грамматические признаки. Они спорят с главными, решающими признаками слова.

Однако те единицы, в которых основные признаки слова не в ладу со второстепенными, составляют полосу переходных случаев от слова к не-слову. Отчасти (но только отчасти) «бабушка» и здесь права.

Переходные случаи такого рода должны быть: они есть в любой области языка. Если сказанное верно, т. е. если сочетание *не видно ни зги* и пр. — слово, хотя и занимающее переходные области к не-словам, то, кроме ранее сделанного вывода: слово — то, что фразеологично, — следует сделать и иной: то, что фразеологично — слово. Между частями слова господствуют фразеологические отношения, между словами — не фразеологические. Таким образом, два замка — проблема отдельности слова и проблема его целостности — отпираются одним ключом. Действительно: если найдем закон, который подлинно характеризует только внутрисловесные соотношения, то тем самым будет указано на иной характер внешнесловесных отношений. Проф. А. И. Смирницкий только потому должен был решать эти два вопроса отдельно, что не было найдено собственно словесное, специфическое и м е н н о д л я с л о в а определение взаимоотношений элементарных частей.

⁵⁸ Ср.: «В связи с семантическим переосмыслением неразложимой словесной группы находится и ее грамматическое преобразование. Например, *спустя рукава*, ставши идиоматическим целым, превратилось из деепричастного оборота в наречие» (*Виноградов В. В.* Указ. статья, с. 340).

Слово — минимальная значимая единица, вступающая в свободные сочетания. Это значит, что между частями слова или несвободная, фразеологическая зависимость, или же оно вообще не членимо на части.

Это значит, что слово не производится в речи, а воспроизводится. Образование нового слова — языковая дерзость, допустимая лишь постольку, поскольку между частями определенной модели фразеологическое взаимодействие ослаблено, т. е. поскольку эта модель продуктивна. Но абсолютно продуктивными являются только свободные сочетания, т. е. словосочетания.

Фразеологичность, индивидуальность, «особливость» слова обусловлена номинативной функцией, ему присущей (см. выше). Именно эта индивидуальность и отличает слово от свободного грамматического единства. Грамматика имеет дело с общими, многократно и регулярно повторяющимися закономерностями. Словосочетания, предложения строятся по общим законам, которые не варьируются для каждого данного словосочетания или предложения. Не то в лексике. Каждая основа (носительница собственно лексического значения) индивидуальна в той или иной степени, в том или другом отношении. Флексии, с одной стороны будучи частью слова, с другой стороны обеспечивая грамматические соотношения в составе свободных сочетаний, как мы видели, односторонне фразеологичны.

Вопрос о слове — это вопрос о системе языка. Является ли сочетание *радиомачта* единым словом? Это зависит от того, есть ли в языке сочетания *радиопесня*, *радионелепость* и пр. Являются ли словами в английском языке сочетания: *iron bridge* или *tin trade*? Это зависит от того, есть ли в этом языке сочетания: *iron trade*, *iron ring*, *iron jalousie*, *iron shell*, *tin bridge*, *tin ring*, *tin shell* и пр. Если такие сочетания налицо, то *iron bridge* — не слово, а словосочетание. Таким образом, представляет ли собой единица А слово, зависит только от его соотношений с другими единицами в языке⁵⁹.

Считается, что в речевой цепи всё — если не слово, то часть слова — и ничего помимо этого. Это верно, так как отношения между мельчайшими значимыми элементами могут быть или фразеологическими или нет. Но в сфере фразеологичности есть бесконечная шкала убывания этой фразеологичности. Отношения между морфемами то абсолютно, то относительно — и в разной степени — фразеологичны. В связи с изменением соотношений между единицами в языке происходит постепенное, но непрерывное перераспределение «напряженности» и силы фразеологических сцеплений; иные фразеологические связи становятся свободными, другие усиливают фразеологичность; свободные отношения окаменевают, превращаясь во фразеологические.

⁵⁹ А — слово, потому что Б слово. Эта формула А. М. Пешковского (извлеченная из определения слова, принадлежащего Ф. Ф. Фортунатову) совершенно верна, если ее толковать не в речевом плане (не относительно речевой цепи, где А и Б — соседи), а в языковом.

Исследовать всю полноту и многообразие этих соотношений в отдельных языках — значит подтвердить или опровергнуть те взгляды, которые изложены в этой статье. Автор ее имел возможность привести здесь только минимальное количество примеров, хотя проанализировано и продумано им несравненно большее. Упомянуты были только некоторые спорные или особо показательные случаи.

Остается тяжелой проблемой вопрос о слове в агглютинативных языках. Может быть, слово в этих языках подобно фразеологическому единству, если в фузионных — фразеологическому сращению. Может быть, прав был И. А. Бодуэн де Куртэнэ, отвергавший существование подлинных слов в этих языках⁶⁰. Ведь фонетические признаки, конечно, недостаточны для решительного вывода. Все это требует исследования⁶¹.

Заключая статью, мы должны снова вспомнить работы А. И. Смирницкого, где с большой глубиной и пронизательностью были освещены проблемы фразеологичности слова. Труды Смирницкого, в сущности, и дают направление дальнейшим поискам.

⁶⁰ См. статью «Языкознание» в Энциклопедии Брокгауза и Ефрона, т. 81, с. 526.

⁶¹ Отметим кстати, что вопросы о полисемии слова и о слове как совокупности грамматических форм не являются разделами темы «слово как единица языка». Они входят в более широкую тему: «слово как единство». Определить единицу — это значит только соотносить ее с другими единицами.

О литературном языке*

1. Иногда думают, что литературный язык — это язык художественной литературы. Неверно! Литературный язык — язык культуры во всем огромном смысле этого слова, т. е. язык науки, публицистики, художественной литературы, язык театра и радио, школы и прессы. И быта: в быту культурные люди общаются на литературном языке.

Области, где применяется литературный язык, исторически изменчивы. Еще в XVIII в. бытовая речь не подчинялась литературной норме. Она оставалась диалектно-просторечной¹. Это видно и по «Недорослю» Д. И. Фонвизина: Скотинины и Простаковы говорят диалектно и просторечно, Правдин и Стародум — книжно, постно, как в жизни обычно не говорят. У Фонвизина еще в самой жизни не было образца, чтобы, художественно обработав его, представить в комедии как реальный пример культурной бытовой речи.

До революции не было принято в неслужебной среде, в гостях, во время приятельского разговора касаться деловых, служебных, научных, профессиональных тем. Это считалось нарушением общепринятого этикета.

Сейчас категорического запрета нет, и каждый участник разговора (в гостях, во время отдыха) сам решает, уместно ли говорить о наладке конвейера, о пуске пузырьковой камеры «Мирабель», о глубокой вспашке, о гипнопедии... Это дело личного такта. Изменение как будто чисто речевое, но оно не безразлично и для языка: раньше вся узкоделовая сфера речи была или вне литературного языка или на его глубокой окраине. А теперь она втягивается в пределы литературного языка.

Значит, и впрямь области применения исторически изменчивы: они постепенно расширяются.

2. Было дано одно определение литературного языка, главнейшее. Но литературный язык — многогранен и сложен; его особенности можно раскрыть только в веренице таких определений: это —
язык культуры;

* Русский язык в национальной школе. 1972. № 1. С. 9—19.

¹ «Обиходная речь... дворянства... не отделилась еще во второй половине XVIII в. окончательно от крестьянских диалектов». «Процесс переустройства обиходной речи господствующей среды был естественным выражением общего культурного перерождения самой этой среды, выделявшей в своем составе все более значительные передовые слои носителей русской национальной культуры» (Г. О. Винокур).

язык образованной части народа;
сознательно кодифицированный язык;
язык, развивающийся по своим особым законам²;
язык с наименьшей дублетностью единиц.

Все же главное определение — первое; другие — следствия из него.

Добавим негативные характеристики: литературный язык — не диалект, не городское просторечие, не профессиональное аргю. В отличие от диалекта, он общенационален, не ограничен одной местностью; в отличие от городского просторечья³, он — язык культуры; в отличие от профессионального аргю — он не ограничен функционально (противопоставление дано по одному, наиболее характерному признаку).

3. Носителем и властителем литературного языка является образованная часть населения. Это естественно: ведь он — язык культуры. До Великой Октябрьской революции культурные сокровища, наука и просвещение не были доступны для всей толщи народа. Одна из великих целей революции в том и заключалась, чтобы приобщить народ к высотам культуры.

После революции число людей, владеющих литературным языком, у нас в стране резко возросло. Владеть литературным языком учат и наша пресса, и радио, и кино, и школа. Введение всеобщего среднего образования, несомненно, повлияет на дальнейшее распространение литературной речи. Язык образованной части населения станет языком всего народа, потому что образованность станет всеобщей. Но случится это не сразу. А пока что наряду с литературным языком существуют и диалекты, и городское просторечье.

Слово *интеллигенция* употребляется в двух значениях: 1) работники умственного труда; 2) люди, которые живут культурными интересами. Следуя первому определению, к интеллигенции надо отнести людей определенных профессий. Следуя второму — людей любых профессий, если для них близка и понятна политическая, научная, философская, эстетическая жизнь их народа. Для лингвистики важен именно этот второй смысл слова *интеллигенция*. А в таком случае верно, что носитель литературного языка — интеллигенция.

У нас в советском обществе литературный язык стал достоянием значительных слоев рабочего класса. Это не та речь, которая засвидетельствована в произведениях А. Серафимовича, Н. Ляшко, Ф. Гладкова, описывающих дореволюционный рабочий быт. Это подлинно интеллигентная речь.

4. Говоря о литературном языке как о языке интеллигенции, здесь же надо подчеркнуть, что это народный язык. Нет ли здесь противоречия? Нет. Никакого.

² Дальше будет сказано, в чем их особенность.

³ Просторечье — вовсе не равно языку «простонародья». Просторечной была часть дворянства (см. выше), почти все купечество (пьесы А. Н. Островского дают об этом свидетельства). С другой стороны, и среди самых демократических слоев всегда были представители литературно-говорящей среды.

Во-первых, литературный язык народен по происхождению. М. Горький писал, что литературный язык — это язык народный, обработанный писателями. Добавим: не только писателями, но и философами, политическими деятелями, журналистами, учеными — всеми деятелями культуры (хотя не всеми в равной степени).

И эта обработка необходима. Повседневный народный язык (диалектный) прекрасен, когда он выполняет свое назначение — во время труда, в быту, в семье, на сходе, на празднике. Но чтобы обслуживать науку, философию и т. д., он должен пройти «обработку». Б. В. Шергин приводит примеры удивительной образности севернорусской речи: «Северный человек никогда не прочь побеседовать и с предметами неодушевленными: — Ты упряма, печка, сухи дрова любишь. Машкину печь только подсвети — сразу завоет, а у тебя плачут дрова-те... Дрова сыры дак они... спят, ждут, чтобы еще накинули, а сухим дровам не надо угождать.

Вспомнив перед сном, что забыла загасить лучину, бабка бежит в кухню и возвращается с просветленным лицом: — Лучина-то умна, сама загасла — куда, говорит, старуху девать, без того ей горе...

Вот еще несколько примеров обычного для северной разговорной речи антропоморфизма: «...Льняна рубаха скоро уютюг позабывает. Эта рубаха врет, что неглажена, у нее матерьял такой. Эта кастрюля вралья: чищу, чищу, она все в пятнах. Крашенный пол вымоешь, он дня три правду говорит, а тесаный на другой день врать зачнет. — Лучина помнит, что в печи была (сухая). Пол краску не помнит. Платок духи помнит. Весна зиму вспомнила (снег выпал)».

Нельзя оторваться от этой народной речи — так прекрасна она, так образна и нарядна.

В своих истоках литературный язык — это повседневный народный язык. Он может сохранить (и хорошо, если сохранит) эту способность к образности, к текучей многоосмысленности слова. Но он не может, если хочет быть литературным, остаться у этих истоков. Такой язык еще не готов служить науке, философии, точной политической мысли, многообразию художественных потребностей общества. Он должен пройти «обработку». Ему необходима способность к предельно точной передаче мысли, к отвлеченной интеллектуальности.

Но обработка не мешает языку оставаться народным. И после обработки он остается народным — не то что по-прежнему обслуживает народный быт, а в более высоком смысле: он — орудие народной культуры, он может служить выражению народных мыслей и желаний.

5. Литературный язык строго нормирован.

Всякий язык имеет свои нормы — правила, которым он подчиняется: правила произношения, выбора слов, использования грамматических форм.

И у диалектов есть свои нормы. Жители одной деревни дразнят жителей другой: *Куриса яйсо снесла*. Так дразнят тех, кто вместо *ц* говорит *с*. (Такие говоры есть.)

Дразнят потому, что не признают норм соседнего диалекта. Дразня, защищают свои нормы.

Однако нормы литературного языка — особые. Они, во-первых, строже диалектных. В диалекте строение нормы очень часто такое: из пяти (предположим) вариантов, встречающихся в речи, разрешены (признаются в качестве нормы) один и другой и третий, остальные — отвергаются. В литературном же языке обычно так: признается верной в данных условиях общения, в данной разновидности литературного языка только одна возможность. В других условиях общения — другая возможность. Используется не меньше синонимов, производительных вариантов и т. д., чем в диалекте, но они распределены по разным типам литературного языка.

Для представителя диалекта естественно считать, что верным в речи является и то и другое. Для представителя литературного языка, наоборот, мучительно, трудно, неприятно признать, что два варианта равноправны. Как писать: *камфора* или *камфара*? И так и этак. Этот ответ вызывает общее недовольство: неужели нельзя узаконить одно из двух? Как говорить: *було[ш]ная* или *було[ч']ная*? И так и так. Снова то же недовольство. Казалось бы, предоставлена свобода: выбирай что хочешь. Но это и нехорошо. Это мучит. Нормы литературного языка требуют определенного ответа: можно или нельзя (в данных условиях общения)?⁴

Литературный язык дает огромный простор для поисков разных способов выразить оттенки мысли и чувства. Богатства его безграничны. И этих поисков он не стесняет. Он не любит только полностью дублетных, совершенно тождественных (по смыслу, по стилю) слов, оборотов и т. д. Он не любит, чтобы различие между единицами не использовалось в интересах смыслов. От таких дублетов он любит освобождаться. Такова первая особенность литературной нормы: это норма-«однолюб». Для выражения такой-то мысли, в таких-то ее оттенках ей нужно только одно, наиболее верное, наиболее подходящее слово (оборот, синтаксическая конструкция и т. д.).

Во-вторых, нормы литературного языка — предмет сознательной заботы говорящих. Литературному языку учат в школе, заставляя детей сознательно относиться к своей речи; литературный язык имеет свою письменность, а письменные нормы — предмет постоянного и требовательного внимания всех

⁴ В литературном языке бывают и трехступенчатые нормы: рекомендуется — допускается — запрещено. Но, значит, и здесь нет безразличного равенства вариантов. Притом средний член (а иногда первый) в этой тройке постепенно вытесняется, и норма все-таки начинает строиться по формуле: одно рекомендуется, а остальное — нет.

пишущих и всех читающих. Есть произведения классические, образцовые — они действительно служат образцом безупречного владения языком. Существуют словари, учебники, справочники, в которых сказано, как надо говорить и писать. Все это делает литературный язык предметом сознательного культивирования. Он в центре общенародной заботы о нем.

Имея именно это в виду, говорят, что литературный язык кодифицирован. (Ничего плохого этим сказать не хотят.)

6. Нормы литературного языка — не оковы. Они необходимые условия, в которых действует, работает каждая языковая единица (звук, слово, грамматическая форма, синтаксическая конструкция).

Каждая из них работает на своем участке; если эту специализацию разрушить, то и самой работы не будет. «Беда, коль пироги начнет печи сапожник...» — нравоучение годится не только для людей, но и для языковых единиц. Потому-то нормы — благо, строгость этих норм нужна для языка культуры, чье достоинство — четкость, точность, строгая ясность.

Не раз в печати появлялись жалобы, что лексикографы обижают слова: ставят около них пометы «разговорное», «просторечное» и т. д. Несправедливы эти жалобы. Такие пометы не дискриминируют слова. Посмотрим в словаре, у каких слов стоит помета «разговорное»: *ворочать (делами), ворчун, восвояси, вперебой, впихнуть, вповалку, вприсонках, впрямь, впустую, временами (= иногда), всласть, всплкнуть, вспомнать, встряска, всухомятку, газировка, гибель (= много), глазастый, глядь, гм, гнильца, говорун, голубчик, гора (= много), грохнуть, грошовый, грузнуть, ни гу-гу, гуртом, давай (он давай кричать), давненько...*

Прекрасные слова. Помета «разг.» их не порочит. Помета предупреждает: лицо, с которым вы в строго официальных отношениях, не называйте *голубчиком*, не предлагайте ему куда-нибудь его *впихнуть*, не сообщайте ему, что он *долговязый* и временами *ворчун*... В официальных бумагах не употребляйте слова *глядь, всласть, восвояси, грошовый*... Ведь разумные советы?

В. Солоухин хорошо сказал: «Языковым мусором кажутся (оказываются) слова, забредшие из одной языковой сферы в другую! Один химик остроумно заметил, что грязь — это химические вещества не на своем месте. В самом деле, жидкая и липкая земля на чистом полу — это грязь, а в огороде на гряде она необходимая почва. Машинное масло на костюме — пятно, а в подшипнике — полезная смазка... Но языковые сферы смешиваются. Канцелярские обороты проникают в речь красная за столом или в ткань романа... а газетная лексика — в поздравительную речь во Дворце бракосочетаний... Получается мешанина». Пометы и указывают: где такое-то слово не «грязь», в какой речи оно жданный и прощенный гость: а в какой непрощеный. Если пометы нет — слово всюду, во всех видах литературного языка, прощенный гость.

7. Нельзя объясняться в любви языком военного рапорта. Нельзя в магазине, покупая колбасу, изъясняться сложным языком философского трактата. Нельзя за чашкой чая, во время дружеской беседы, говорить как на митинге. И есть еще сотни других языковых «нельзя».

Функции литературного языка много сложнее, чем функции диалекта, городского просторечия, профессионального арго. Разные назначения (функции) литературного языка обслуживаются разными его вариантами; литературный язык — это совокупность стилистических разветвлений и функциональных разновидностей.

Поэтому-то в литературном языке сравнительно редки полные синонимы (и лексические, и грамматические). Разные единицы, которые в просторечии или в диалекте могли бы спокойно быть тождественными по значению, в литературном языке размежевываются — обслуживают его разные функциональные виды. Они вербуются в разные отряды, служат в разных родах оружия.

Так связаны многофункциональность и строгая нормативность литературного языка. В диалекте, функционально мало дифференцированном, огромны залежи одинаковых единиц: хочешь так скажи, хочешь этак — разницы нет. Этот принцип в диалекте ведущий, и, естественно, он не толкает к строгому выбору единиц, к поискам наилучшего в данном высказывании слова. А строгая нормативность — именно требование найти наилучшее.

Поэтому безразличная, функционально-одинаковая дублетность единиц — признак диалекта. Напротив, литературный язык — это преодоление дублетности. «Если в одной из синхронных разновидностей языка данного народа преодолевается нефункциональное многообразие единиц (оно меньше, чем в других разновидностях), то эта разновидность служит литературным языком по отношению к другим»⁵.

Из определения: литературный язык — язык культуры — можно вывести и все остальные (см. выше). Но из определения этого языка как языка с наименьшей дублетностью тоже можно вывести все другие, спрашивая: для какой цели наиболее пригоден язык, избегающий массовой дублетности? кто может быть его носителем? одинакова ли должна быть его история с историей диалектов, которые не сторонятся дублетов? Отвечая на эти вопросы, и придем ко всем другим определениям. Итак: из социолингвистического определения литературного языка (он — язык культуры) вытекают все другие; и наоборот, из собственно («внутренне») лингвистического определения вытекают остальные четыре (см. пункт 2).

8. Диалекты, как правило, бесписьменны. Литературный язык, как правило, имеет и письменную и устную формы⁶. Письмо — как будто всего лишь одежда языка, его парадная форма. Но неверно было бы видеть в нем только нечто

⁵ Языки народов СССР. Л., 1966. Т. I. С. 56.

⁶ В обществе феодальном и дофеодальном литературный язык, видимо, может быть бесписьменным. Возможна была даже дипломатическая переписка (или... как

внешнее: письмо позволяет развиваться таким синтаксическим конструкциям, таким построениям речи, которые невозможны в языке, имеющем одну устную форму. Например, синтаксические, усложненно-терминологические формы современной философской речи невозможны в единственно-устном воплощении, они требуют письма: «Жизнь эта [минерального царства] только образовательная: произведя форму, она цепенеет, застывает, и эта форма, в которой проявилась жизнь минеральная, пребывает, доколе внешнее не изменит или не разложит ее. Через плесени, чрез *materia visidis* (Pristley)⁷, переливается тайно-жизненная природа в растительножизненную; здесь жизнь полная борется с минеральным оцепенением, растение приковано к материке, материк — часть его; оно увеличивается изнутри, но его строение близко к минеральному; нет средоточия, нет единства, органы наружу, и полное развитие одних есть упадок других. Хаотическая область животнорастений служит переходом или, лучше, вступлением в царство животногожизненное. Здесь впервые является неделимое, неделимое целое, само в себе заключенное, сосредоточенное, отторженное от материка, меняющее свое место и, что всего важнее, умеющее чувствовать и действовать. Здесь, кажется, высшее развитие природы материальной... — материя возвысилась до чувствования!» Так А. И. Герцен рисует развитие материи от неорганического мира до человека.

Вы собираетесь перечитать этот отрывок? Вот важная особенность письменной речи, влияющая на ее построение: ей не надо стремиться быть ясной с одного, первого восприятия, она может позволить себе сложнейшие лексико-грамматические построения: в письменную речь можно вчитываться, постепенно уясняя ее смысл.

Для текста, подобного цитированному, не может быть устной традиции: нельзя представить, чтобы он передавался из уст в уста на протяжении нескольких поколений (написанный в 1832 г., устно дошел бы до наших дней). В одной устной традиции философские и научные произведения не существуют.

Сложные соотношения синтаксиса и метра возможны тоже только в письменной речи:

бы это сказать? переключка, что ли?) в устной форме — а ведь дипломатия требует от языка высокой степени литературности. «Поручая речи послу, посылавший всегда употреблял форму прямого обращения к тому, к кому он посылал посла; например: „Володимери же мужи [и] Изяслави рекоша ему [послу]: «брат ти (т. е. Изяславу, а не послу) молвить: ве, брате, доспеваеве, а ты, брат, такоже доспевай»“. Такое игнорирование личности посла, передача через него „речей“ в форме строго личного обращения, очень часто приводило исследователей к мнению, что „речи“ эти пересылались в письменной форме. Между тем порядок этих пересылок „речью“ отмечен в летописи еще для такого периода, когда русские послы явно не могли передавать письменных поручений... Русский обычай „ссылаться речью“, а не грамотами был очень прочным... Происхождение его восходят, несомненно, к дописьменному периоду истории Руси...» (Лихачев Д. С. Русские летописи. М.; Л., 1947. С. 117–119).

⁷ Зеленое вещество (Пристли).

На берегу, под сенью дуба,
Пройдя завалов первый ряд,
Стоял кружок. Один солдат
Был на коленях; мрачно, грубо
Казалось выражение лиц.
Но слезы капали с ресниц,
Покрытых пылью... на шинели,
Спиною к дереву, лежал
Их капитан. Он умирал...
(М. Ю. Лермонтов)

Ни песня, ни былина не могут позволить себе такое напряженное взаимодействие метра и синтаксиса.

Письменная форма вводит в действие целый арсенал чисто полиграфических выразительных возможностей (правда, она не передает и многих выразительных особенностей устной речи).

Главное: письмо обеспечивает безупречную сохранность текстов, написанных сто и более лет назад; оно удлинняет время жизни каждого текста (устная традиция постепенно меняет текст); тем самым оно усиливает способность литературного языка быть связью между поколениями. Письмо стабилизирует язык, замедляет его развитие — и этим его усовершенствует: для литературного языка медленное развитие — благо.

Конечно, письменная форма литературного языка не умаляет значения другой его формы — устной. Письмо все же остается только превращенной, видоизмененной формой той же устной речи.

9. Литературный язык активно взаимодействует с другими языками. Как язык культуры, он обязан обслуживать и отражать постоянно растущий культурный обмен.

Но отсюда возникает и опасность злоупотребления иноязычными заимствованиями. Борьба с этой опасностью — постоянная забота всех, кому дорог литературный язык. Вспомним ясные и требовательные слова В. И. Ленина об очистке русского языка.

Только в литературном языке возникает проблема перевода. Перевод (в отличие от пересказа, от вольного «толмачества») требует не только передачи содержания иноязычного оригинала, но и поисков точной формы передачи, адекватной оригиналу. Вне литературного языка такого задания не существует (ввиду различия языковых систем адекватность самой формы и для литературного языка часто трудная, а иногда — неразрешимая задача).

10. Литературный язык должен обслуживать современность, значит — отвечать ее потребностям, приноровиться к ней. Поэтому литературный язык постепенно меняется⁸.

⁸ Иногда говорят: всякий литературный язык — это латынь. Т. е. он сознательно кодифицирован, закован в своих нормах — поэтому он уже не живой, свободно раз-

Литературный язык связывает поколения (от Пушкина до наших дней) — поэтому от должен быть стабильным и не меняться.

Таково одно из глубоких противоречий, характеризующих литературный язык.

Умирают слова. Это горько. Исчезают такие чудесные *семишники*, *столешиники* и пр. Со смертью каждого слова, когда-то живого и бойкого (или скромного) сочлена русского словаря, мы отдаляемся от тех произведений, где такое слово встречалось. Для разъяснения его приходится делать примечание. Чем больше примечаний, тем слабее непосредственное восприятие текста, слабее эстетическая его сила. (Простейший способ убить стихотворение — привести к нему десяток сносок.) Но как остановить этот процесс? Как отсрочить смерть старинных слов?

Поддержать затухающую жизнь в слове можно искусным употреблением его в художественной литературе. Многие слова только и живы вниманием поэзии (*синь*, *глубь*, *высь*...). Слова *стогны*, *полба*, *Терпсихора*, *самовластье* мы знаем только по воле А. С. Пушкина. Помним их и понимаем. Так велика роль поэта, так чудесно он может продлить жизнь слова.

Писатели, которые жалуется, что исчезают старые и выразительные слова, горюют напрасно; именно они могут помочь делу: писать произведения, которые хочется перечитывать, заучивать, а в них употреблять эти хорошие слова.

Но даже и Пушкин не может сделать активными, употребительными в нашей речи слова, которые людям перестали казаться нужными. Ведь и *стогны*, и *самовластье* остаются у нас в пассивном запасе словаря: мы их понимаем, но не употребляем. Видно, язык имеет свои объективные законы. По своему желанию их не переделаешь. Старение слов — процесс, как всякое старение, печальный, но неизбежный. Новое, только что родившееся слово нередко встречают неласково, но если оно отвечает объективной потребности, оно утвердится в языке. Значит, есть объективные законы жизни языка, независимые от воли отдельного (даже очень влиятельного) лица⁹. Эти законы в литературном языке, как сейчас увидим, своеобразны.

11. Е. Д. Поливанов писал: развитие литературного языка отчасти заключается в том, что он все меньше развивается. Все меньше — т. е. медленнее, постепеннее.

вивающийся язык, а совокупность искусственно закрепленных норм, правил, законов. Это неверно: изучение показывает, что литературный язык имеет историю, не окостенел, развивается по своим законам.

⁹ История дает тому поучительные уроки. Павел I пытался запретить слова *гражданин*, *представитель* и т. д. Николай II пытался изъять из русского языка слово *интеллигенция*. Но язык распорядился по-своему.

Чем больше накоплено на литературном языке культурных ценностей, тем больший авторитет и силу имеют его нормы, тем они стабильнее и исторически устойчивее¹⁰. Закон Поливанова — реальность для литературного языка. С этим приходится считаться «кодификаторам» литературного языка — тем, кто устанавливает нормы письменной речи, речи на радио, в театре и т. п. Что же они могут сделать в помощь закону Поливанова?

Не торопиться проклинать, не отвергать те нормы, которые устаревают, но еще живут в языке (хотя бы у некоторой части литературно говорящих людей); беречь традиционные (пушкинские, толстовские) нормы. Прав был Д. Н. Ушаков, знавший, что нормы произношения постепенно меняются, и тем не менее заботившийся о сохранности традиционных, классических норм русской орфоэпии. То, что входило нового в язык, он принимал, но не торопился сдавать в архив старое. Часто об этом пишут (даже и сейчас) с негодованием: какой реакционер был Ушаков! Нет, он был мудрый кодификатор языка. Он помнил, что не надо торопиться уйти от языка Пушкина. За Ушакова были объективные законы развития литературного языка, и орфоэпическую традицию литературного языка в основных ее чертах удалось отстоять. Т. е.: удалось отстоять музыку пушкинского, лермонтовского стиха.

Значит, литературный язык развивается не так, как, например, диалект. Он постепенно замедляет свой исторический бег. Он связывает друг с другом все более далекие поколения. И это вытекает из его природы: он — язык культуры.

12. Верно, что язык художественной литературы — одна из ветвей литературного языка. Но это совсем особая, необыкновенная ветвь. «Литература — расцвет языка, его наибольшая полнота», — писал В. Г. Короленко (он имел в виду художественную литературу).

Одну из важных особенностей языка художественной литературы определяют так: в нем все значимо, все функционально нагружено. Иначе говоря: все стороны его актуализированы. Приведем примеры. В обыденной речи различие между мужским и женским родом у неодушевленных существительных лишено значения, семантически не нагружено. *Сосна, пальма, береза* — эти слова, когда они употребляются, например, в учебнике по лесоводству, не указывают на нечто женственное. Но в стихе не безразлично, что слова *сосна, береза* — женского рода. Г. Гейне в стихотворении «Der Fichtenbaum» создает «образ мужской неудовлетворенной любви к женщине» (Л. В. Щерба).

¹⁰ Напротив, языки, не связанные с многообразной культурой, закрепленной в памятниках поэзии, философии, истории, часто бывают очень изменчивы. Леви Брюлль пишет о некоторых языках австралийских племен: имена людям дают по каким-либо предметам (гора, змея и т. д.). Когда человек умирает, имя его становится табу: его нельзя произносить. Но это имя — слово языка, имеющее нарицательное значение! Надо выдумывать новое название для горы и змеи. Это делают особые группы старейших женщин («комитеты ведьм», иронизирует Брюлль, нечто вроде наших комитетов терминологии). Естественно, лексика в этих языках очень нестабильна.

М. Ю. Лермонтов, заменив противопоставление *der Fichtenbaum — die Palme* противопоставлением сосна — пальма, изменил весь образный строй произведения. Род неодушевленного существительного, в обычной речи семантически опустошенный, в художественной речи оказывается значимым. И точно так же образно осмысливается в русских народных песнях род у слов *ива, береза, клен, ясень*.

Другой пример: разница между гласным [э] (например, в словах *этот, шест*) и [ɛ̃] (закрытый, узкий, напряженный гласный в словах *эти, шесть*) в обыденной речи функционально не нагружена. Первый встречается перед твердыми согласными, второй перед мягкими, и, как всякие позиционно чередующиеся звуки, [э] и [ɛ̃] по функции тождественны. А в поэтической речи такое различие может оказаться существенным¹¹.

И это типично для языка художественной литературы; в нем все важно, все «играет», все работает. То, что безразлично в нехудожественной речи, здесь раскрывается как художественно значительное.

С одной стороны, это продолжение, развитие, доведение до предела самой характерной особенности литературной речи: нормативности. Норма в литературной речи, как уже сказано было, строга: то, что в диалекте может оцениваться как равнозначное, в литературном языке используется как функционально различное, как нагруженное смысловыми оттенками, стилистическими нюансами. Художественная речь доводит тенденцию до предела: всякое различие может оказаться в ней существенным и важным.

С другой стороны, это очень специфическое преломление закономерностей литературного языка (и в известном смысле даже отклонение от них): превращение нефункционального в функциональное — всегда индивидуальная возможность, она реализуется (или не реализуется) каждым писателем в зависимости от замысла именно этого, данного произведения. А законы языка, как правило, имеют обязательный для всех, «тотальный» характер.

Таким образом, художественная речь — и предельное выражение тенденций литературного, общекультурного языка и вместе с тем — совсем особая, необычная разновидность, ответвление этого языка.

13. Огромна роль художественной литературы в распространении и укреплении литературной нормы. Если произведение получает народное признание, если оно художественно радует читателя, то оно — лучший агитатор за языковые нормы, которые в нем воплощены. Нормативное и эстетически-ценное связываются, отождествляются в сознании читателей и слушателей.

¹¹ «И иной раз напрашивается вопрос: не слышит ли Лермонтов и тех дальнейших более тонких оттенков в звуках при их взаимном сочетании, о которых говорит нам наука» (А. В. Артюшков). Высказывалось мнение, что некоторые стихи Лермонтова инструментованы, например, не на [э] вообще, а на [ɛ̃].

Иногда писатель допускает отклонения от литературной нормы (и в речи действующих лиц, и в своей собственной). Если это сделано художественно, то читатель понимает: такие отклонения — индивидуальная черта героя (или автора сказа), раскрывающая именно его индивидуальность. Значит, такие особенности отграничиваются от всеобщей, «всехной» литературной нормы. Норма, таким образом, подчеркивается и укрепляется.

Напротив, художественно не обоснованное, лишенное эстетической оценки воспроизведение всяких речевых «нестроений» вредно для литературной нормы и обычно вызывает осуждение читателей.

14. У литературной речи есть удивительная, неожиданная черта: способность усыновлять нелитературные отрезки текста. В литературную речь могут быть включены слова и обороты, не узаконенные строгой нормой: диалектизмы, варваризмы, устаревшие слова, профессиональное, школьное и студенческое аргю.

Конечно, дело авторского такта и таланта — умело их включить. Но важно то, что литературная речь остается литературной, даже если этих включений много. Более того: могут в нее войти и вовсе необычные слова. Например, В. Хлебников передает пенью («возгласы») птицы, наслаждаясь способностью русской речи передавать чистоту и прелесть этих возгласов:

«Пеночка, с самой вершины ели, надувая серебряное горлышко: Пить пэт твичан! Пить пэт твичан! Пить пэт твичан!

Овсяночка — спокойная, на вершине орешника: Кри-ти-ти-ти-ти-и. Цы-цы-цы-сссы.

Дубровник: Вьер-вьор, віру, съек-сьек-сьек! Вэр, вэр, віру, сек-сек-сек!

Вьюрок: Тьортí едіґриди. (Заглянув к людям, он прячется в высокой ели.) Тьортí едіґриди.

Славка черноголовая: Бебот́ эу — вевять!

Кукушка: Ку-ку! Ку-ку! (Качается на вершине.)

Молчание».

Наконец, даже самые вульгарные разновидности просторечия (что может быть более чуждым литературному языку!) включаются в литературный текст, не вызывая антипатии читателя:

«Старуха, значит, впереди идет — пробивается сквозь публику, а он за ней небрежной походкой. И все командует ей: — Неси, — кричит, — ровней, корзинку-то. Становь теперича ее под лавку! Ах, чертова голова! Узел-то не клади гражданам на колени. Клади временно на головы.

Некоторые начали вслух выражать свое неудовольствие — дескать, не пора ли одернуть, если он зарвался и кричит и командует прислугой. Где ж это возможно одной старухе узлы на головы ложить? Это же форменная гримаса нэпа» (М. Зощенко).

Не удивительно ли: ведь литературная речь строится по строгим правилам, она скорее склонна к чопорности (приходится охранять ее от чопорности). И она же терпима к нарушениям этих правил!

Во всех случаях речь остается литературной, потому что все индивидуальные инкрустации воспринимаются на фоне литературной нормы.

Норма в литературном языке настолько прочна и строга, что позволяет делать отступления от своих требований (если отступления художественно оправданы).

О стихах-небылицах («Ехала деревня мимо мужика»), которые так любят дети, К. И. Чуковский писал: «Ведь ребенок — и в этом вся суть — забавляется обратной координацией вещей лишь тогда, когда правильная координация стала для него вполне очевидной». И чем яснее норма, тем больше радуется ребенок таким стихам. Отступления от языковых норм — такого же характера: они возможны тогда, когда неколебима в сознании говорящих литературная норма.

«— Кина не будет! — раздался крик на докладе.

И зал опустел» (И. Ильф). Замените здесь *кина* на обычное литературное *кино*, и «смехотворческая» сила этого текста погаснет. Он рассчитан на людей, остро чувствующих норму, В журнале «Советский экран» юмористический отдел назвали «Кина не будет!». В новом использовании цитата приобрела новую выразительность.

Может быть, включать инородное — свойство только художественных текстов? Нет, это свойство вообще литературной речи (хотя в художественных произведениях проявляется ярче). «Полосатые рубахи, в кои некогда рядили первых парней на деревне, уже не покупают даже со скидкой. Пылятся, болтаются на плечиках, никем не замечаемые „спинжаки“ — старые грехи Швейпрома» («Правда» от 28 апреля 1958 г., фельетон). «Режиссер Теренс Янг после серии картин о Джеймсе Бонде создал невероятный симбиоз, где пышные аксессуары „изячной“ жизни двора сменяются допросами в полиции» («Литературная газета» от 16 июня 1971 г.).

Каждый вспомнит, что и в бытовой речи мы часто «играем» такими отступлениями — то в шутку, то представляя кого-то, то с целями чисто экспрессивными (когда очень сердиты или очень рады; здесь и выявляется речевая экспрессия).

Разумеется, отступления от нормы вовсе не обязательны в литературной речи, они — только возможность. Другая возможность — быть бесконечно верным литературной норме. Такая верность не связывает и не обедняет. Произведения М. Пришвина, М. Булгакова, И. Катаева, Ю. Олеши, К. Паустовского доказывают это.

15. Когда В. И. Ленин говорил о необходимости создать словарь современного русского литературного языка, он указал временные границы: от Пушкина до наших дней. Это очень точно: в нашем литературном языке современность начинается именно с эпохи А. С. Пушкина.

Почему не раньше? Обратимся к абонементу любой массовой библиотеки (например, районной или заводской). Посмотрим, что читают люди. Сразу же исключим абонементы филологов: они по роду своей профессии нередко читают старинные, не всем доступные тексты. Исключим школьников: они многое читают только потому, что этого требует школьная программа.

Что же люди читают по своему желанию, а не по долгу? Пушкина и писателей более позднего времени. Стихи Ломоносова и Державина, проза Радищева и Новикова прекрасны, и филологу очень бы хотелось убедиться, что и в наше время они — повседневное, обычное чтение культурного человека. Но чего нет, того нет. Это чтение на любителя.

И Ломоносов, и Державин без обширных комментариев (в том числе языковых) часто уже непонятны. Филолог носит эти комментарии в голове и потому способен непосредственно наслаждаться искусством поэтов и прозаиков XVIII в., а для остальных читателей такие комментарии — стена (иногда — пока еще тонкая перегородка), отделяющая их от текста. Наш современник, читая тексты той далекой поры, чувствует, что это не его язык; его собственный не требует стольких объяснений. А возможность читать без слишком частых комментариев начинается именно с Пушкина и писателей его эпохи.

Эту границу: «от Пушкина...», конечно, не надо абсолютизировать. И до нее найдем тексты, вполне современные по своему строю: «Ломи через засек, бросай плетни через волчьи ямы! Быстро беги! Прыгай через палисады, бросай фашины, опускайся в ров, ставь лестницы! Колонны, лети через стены на вал, скальвай! На валу вытягивай линию! Караул к пороховым погребам! Отворяй ворота коннице! Неприятель бежит в город — его пушки обороти по нем. Стреляй сильно в улицы, бомбардируй живо! Недосуг за этим ходить... Штурмуй, где неприятель засел! Расставляй вмиг пикеты к воротам, погребам, магазинам! Неприятель сдался — пощада!» (А. В. Суворов). Поразительный динамизм, поразительная разговорная естественность!

Но такие тексты, вполне современные, в допушкинской литературе надо именно выискивать.

Так надо понимать слово «современный русский литературный язык» в широком смысле. Но есть и более узкий. Со времени Пушкина до наших дней русский язык изменялся. Произведения великого поэта мы понимаем; они по языку современны, но тонкие оттенки значений все-таки уже ускользают от нас. Откроем «Словарь языка Пушкина». На нескольких соседних страницах (взятых просто наугад) отмечены значения, теперь уже архаические, у таких слов: *осадить* (окружить атмосферой неприязни), *оружие* (войска), *освещать* (снабжать освещением), *освятить* (доставить признание), *осенить* (прикрыть чем-нибудь), *осиротеть* (о местности: *опустеть*)¹². Изменились в частности — и произносительные, и грамматические нормы.

¹² Примеры-иллюстрации см. в «Словаре языка Пушкина».

Поэтому часто приходится говорить о русском литературном языке, современном в узком смысле слова: о языке нашей, советской эпохи.

Но разница между литературным современным языком в узком смысле и литературным языком от Пушкина до наших дней невелика. И это наше счастье: мы можем считать Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Некрасова, Тургенева, Достоевского своими современниками.

О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики)*

1. Соотносительность произносительной стилистики со стилистическими разграничениями в лексике. * 2–6. Содержание стилистических противопоставлений в языке. Частности стилистически соотнесенных слов и распределение их по стилям. * 7–9. Отношение системы одного стиля к системе другого. * 10–14. Особенности сочетания единиц разных стилей в пределах одного текста. Речевые жанры. * 15–16. Градации стилистической интенсивности внутри каждого стиля. * 17. Парадигматические и синтагматические связи стилистических единиц. * 18. Наслоение на стилистические разряды иных, нестилистических противопоставлений. * 19. Стиль как языковая (а не только речевая) категория.

1. Произносительные стили связаны со стилистическими соотношениями в лексике; в известном отношении они производны от лексических стилей. Поэтому в статье, посвященной стилистике произношения, необходим сжатый анализ лексических стилей.

2. Многие слова в толковых словарях русского языка даются с пометами: высокое, торжественное, риторическое, книжное; или: разговорное, просторечное. Эти пометы указывают стилистический разряд, к которому относится данное слово. Отсутствие пометы также стилистически значимо: «нулевая помета» говорит о принадлежности слова к нейтральному стилю¹. Таким образом, вся лексика современного русского языка распределена между отдельными стилистически сопоставленными разрядами.

Какова функция таких лексических разграничений? Сопоставив ряды стилистически соотнесенных слов (*очи — глаза — гляделки; грядет — идет, простой — немудреный*), замечаем, что стиль в лексике — категория оценочная: на лексические значения слова наслаиваются какие-то дополнительные оценки.

* Развитие современного русского языка. М., 1963. С. 5–38.

¹ «Где начинающему лексикографу получить пособие, определяющее нейтральные слова языка? Где словарь с пометой „нейтр.“?» — с горечью спрашивает один из исследователей. Сетования эти напрасны: таких словарей немало, но вместо «нейтр.», естественно, дается «нулевая помета».

3. Можно предположить, что эти оценки направлены на сам называемый объект (вещь, лицо, действие, качество и т. д.)²:

Смотрят
Его гляделки в чистые глаза.
(А. А. Блок)
В страшный час мировой этой ночи,
В страшный час беспощадной войны
Только зоркие, чистые очи
Называться глазами должны.
(П. Г. Антокольский)

В данных примерах противопоставлены лексемы: *гляделки — глаза, глаза — очи*; они связаны с оценкой самих называемых предметов.

Но очевидно, что здесь перенесение оценки на объект названия является вторичным; оно не во всех случаях обязательно, оно задано только контекстуально; основной же смысл стилистических противопоставлений совсем иной. Ведь слова высокого стиля далеко не всегда называют предметы, оцениваемые положительно (ср. *гонитель, зоил, цербер, ворог, презренный*). С другой стороны, и слова сниженных стилей очень часто не вносят в речь никаких отрицательных оценок. Если же эти отрицательные или положительные оценки у отдельных слов и есть, то они являются «надстройкой» над стилистическими разграничениями. Слова, стилистически соотнесенные, характеризуются именно тем, что их лексическое значение совершенно тождественно; в этом смысле они подлинные синонимы.

Стилистические соотношения в языке очень часто строятся на использовании служебных слов (*ибо — так как; коли, кабы — если* и пр.)³. Они не имеют собственного предметного значения и противопоставляются, конечно, не потому, что можно по-разному отнести к их семантике. У служебных слов стилистическая противопоставленность явно не связана с разной оценкой называемого; но ведь это та же самая противопоставленность, что и в ряду *очи — глаза — гляделки...* Очевидно, смысл стилистических противопоставлений не в разных оценках называемого.

Исследователи обычно подчеркивают именно смысловую тождественность соотносительных стилевых единиц. «Одно и то же можно сказать и написать по-разному. Содержание, мысль могут остаться при этом вполне неизменными», — пишет Г. О. Винокур⁴, объясняя сущность соотношения стилей в языке.

² Ср. замечание в одной из стилистических штудий: «Гноящиеся, трусливо бегающие глазенки нельзя назвать *очами*. Вдавленный, покрытый прыщами лоб — это не *чело*. И делать кораблики из газетной бумаги не значит *созидать*».

³ См.: *Ильинская И. С.* Из наблюдения над лексикой А. С. Пушкина. «Труды Института русского языка», т. II. М., 1950. С. 83.

⁴ *Винокур Г. О.* О задачах истории языка. «Уч. зап. Московского гор. пед. ин-та. Кафедра русского языка», 1949, вып. I.

По наблюдениям И. С. Ильинской, стилистическая «сниженность» просторечных слов не зависит от «реального значения слова, ...а определяется так же, как и у слов разговорных, исключительно языковым восприятием и пониманием говорящего места данного слова в системе всех стилей..., своего языка, пониманием, которое вырабатывается в общении между людьми...»⁵. И автор приводит ряд убедительных примеров: «...Просторечные слова *натореть, пособить...*, *спервоначалу...* по своему реальному значению полностью совпадают с соответствующими нейтральными: *привыкнуть, помочь...*, *первоначально...*»⁶.

Оценка, данная стилистическими противопоставлениями в лексике, очевидно, относится не к тому, что заключено в слове, а к тому, что является заключающим, т. е. к самому слову, к самой речи⁷.

5. В современном русском литературном языке слова: *вечерком* (наречие), *взасос, вислолька, вихрастый, взмоститься, взгрустнуть, впрямь, власть, глазастый, говорун, голубчик, давненько, девчушка, дескать* (частица), *деться, ехидничать, забияка, загвоздка* и т. п. — характеризуют речь как непринужденную, непритязательную, привычно-бытовую. Эти слова несут в себе намек на условия общения, на речевую обстановку, на отношения говорящих лиц и т. д. Слова: *вершитель, вещей, взлет, взывать, вкусить, владыка, властелин, властвовать, вознегодовать, вопиющий, венчать* (= успешно завершать), *воздвигнуть, воин, возмездие, возгореться, грядущий, держава, дерзать* — характеризуют речь как эмоционально-приподнятую, необычную, торжественную, противопоставленную привычной разговорной обыденности⁸.

Наконец, есть слова, в которых не выражена оценка речи; это слова нейтрального лексического пласта: *ходить, знать, был, хлеб, вода, уменье, число, я, он, кто-то, синий, большой, двенадцатый, тринадцать...*

Таким образом, намечаются три группы слов:

а) слова редких речевых ситуаций — они формируют торжественный стиль⁹;

⁵ Ильинская И. С. Указ. соч., с. 83.

⁶ Там же, с. 84.

⁷ В отдельных случаях эта субъективная оценка, как уже говорилось, может быть перенесена и на содержание высказывания, но это уже будет своеобразная «метонимия».

⁸ Именно в этом смысле И. А. Бодуэн де Куртенэ противопоставлял язык будничной и язык праздничной (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 41, 81 полутом, «Язык», с. 533).

⁹ Разумеется, слова торжественного стиля используются не только в дни торжества, но также в дни гнева и печали. Их можно встретить и в речи прокурора, осуждающего какое-либо злодеяние, и в публикации о поражении армии, и в иступленном проклятии. Ср. концовку в новелле О. Генри «Proof of the Pudding» — новелле, сюжетом которой являются именно стилистические противопоставления (см.: The Complete Works of O. Henry, т. II, N. Y., 1953, с. 1604; = «Попробовали — убедились» в кн.: Генри О. Избранные произведения, т. II. М., 1954, с. 378; в переводе отсутствуют ответы фонетическим сигналам разговорного стиля, которые даны в оригинале).

б) слова частых речевых ситуаций — они создают «сниженный» стиль, стиль обыденной речи (обыденность, «сниженность» — вовсе не отрицательная оценка: в определенных речевых ситуациях только такой стиль уместен и лишь он является наиболее желательным; он так же может выражать положительное, «похвальное» содержание, как и любой другой стиль);

в) слова, не связанные с определенным образом квалифицированными ситуациями: это — «всегдашние» слова, слова любых ситуаций; они стилистически нейтральны и формируют нейтральный языковой стиль.

6. Дихотомически (членя все объекты классификации на две группы: А и не-А) получаем противопоставления:

А) слова, не закрепленные за ситуациями определенной частотности;

Б) слова, закрепленные за ситуациями определенной частотности; последние делятся на: B^1 — слова частых ситуаций и B^2 — слова редких ситуаций¹⁰.

В системе языка эти соотношения не дихотомичны; схематически это можно выразить так:

В системе языка эти соотношения не дихотомичны; схематически это можно выразить так:

$$\begin{array}{ccc} + & 0 & - \\ \text{высокий стиль} & \rightarrow \text{нейтральный} & \leftarrow \text{разговорный стиль} \end{array}^{11}.$$

Стиль высокий и разговорный в современном русском языке не соотносятся друг с другом непосредственно, а лишь через посредство связи с нейтральным. Это значит, что слова высокого стиля как правило имеют лексические синонимы в нейтральном, но далеко не всегда находят их в разговорном; с другой стороны, слова разговорного стиля обычно имеют соотносительные единицы в лексически нейтральном стиле и только изредка — в высоком. Полная парадигма стилистических «противней» (типа: *очи — глаза — гляделки*) встречается достаточно редко.

¹⁰ Частотность лексических ситуаций следует отличать от частотности самих лексем. Наиболее частотными, конечно, являются слова нейтрального стиля, затем — слова разговорного стиля; наименее частотны высокаторжественные слова.

Частотность слова лишь тогда показательна для стилистической характеристики, когда устанавливается в пределах синонимического ряда. Например, слово *фенек* (название зверька) вообще используется достаточно редко в общем литературном языке; но так как нет более частотного синонима, то слово это должно употребляться во всех ситуациях, когда нужно данное понятие; следовательно, слово это относится не к высокому, а к нейтральному стилю.

¹¹ Таким образом, Ломоносовская теория трех стилей «...заключает в себе очень важное теоретическое зерно: стили речи соотнесены с нейтральным стилем и расходятся от него в разные стороны — одни с „коэффициентом“ плюс, другие с „коэффициентом“ минус» (*Реформатский А. А. Введение в языковедение*. М., 1955, с. 110). В каждом из этих трех стилей объективно запечатлены (кристаллизованы в формах языка) данные нашей субъективной оценки тех условий общения, которые порождают этот стиль.

7. Существует закономерность: слова окрашенных стилей должны иметь синоним в нейтральном стиле; слово нейтрального стиля может иметь синоним в окрашенном стиле. Таким образом, та сеть значений, которая существует в совокупности слов нейтрального стиля (и определенным образом распределена по лексическим единицам), не находит совершенно параллельного выражения в окрашенных стилях, например в высоком. В нейтральном стиле существует ряд наименований частей лица: *подбородок, щеки, губы, нос, брови, лоб, виски*... Значения данных слов взаимно ограничивают и определяют друг друга. В высоком стиле этому ряду соответствует только: *уста, чело*¹². Поэтому отсутствует строгое взаимоограничение этих слов, подобное взаимоограничению в нейтральном стиле; поэтому возможны широкие индивидуальные сдвиги в значениях слов высокого стиля. Ср. у М. Е. Салтыкова-Щедрина: «И слезы, оросив глаза, обильными ручьями потекли по высокому челу его». К этому месту пародийного текста дано примечание (якобы от лица рецензента текста): «Красота слога не должна вредить естественности. Как реки не могут течь вспять, так и слезы не могут катиться снизу вверх»¹³. Таким образом, предполагается возможным восприятие слова *чело* в значении слова *лицо*.

Такое «распространение» значения характерно для окрашенных стилей: поскольку на ряд членов нейтрального стиля приходится один член окрашенного, постольку возможна большая контекстная подвижность значений у членов окрашенных стилей (причем стержневое значение обычно остается все же неизменным)¹⁴. Например, *чело* в современном русском литературном языке синонимично слову *лоб*, но в очень большом кругу контекстов замена высокого синонима на нейтральный невозможна — именно благодаря «растеканию» значения у слова *чело*. Ср.:

Взор засверкал огнем, и гневное чело
Вдруг ужас помертвил и мщение зажгло.
(П. А. Катенин)

Они живут для музыки песнопенья,
Для гордости поэтава чела!
(Н. М. Языков)¹⁵.

¹² Слово *ланицы*, вероятно, уже не существует как живой компонент высокого стиля (как «живой архаизм») в русском языке.

¹³ Салтыков-Щедрин М. Е. Испорченные дети. «Лит. наследство», т. I, 1931, с. 204.

¹⁴ В некоторых случаях эта подвижность приводит к историческому изменению и стержневого значения. Ср.: *стогны* первоначально — ‘улицы’; но в результате широких контекстных сдвигов данного значения, не определенного, не ограниченного значениями «соседей» по высокому стилю, постепенно закрепилось в языке другое осмысление этого слова: ‘площади’. Ср. у А. С. Пушкина: «стояли стогны озерами...». Точно так же и слово *уста* может восприниматься в расплывчато-расширительном значении: ‘рот вообще’. Ср. у П. Потемкина: «...Что *губы уст* ее красны И, словно лист весенний, клейки...».

¹⁵ Ср. у В. П. Буренина: «Он людей судил сурово, Хмурия лысое чело...».

8. Возможен и противоположный случай: одному слову нейтрального стиля соответствуют две единицы более ограниченного значения в окрашенном стиле, например высоким: *рука — шуйца, десница*¹⁶.

Таким образом, система взаимоограничений семантических «отрезков» в нейтральном стиле и в соотносительных с ним окрашенных стилях может быть различной: отдельным единицам нейтрального стиля могут соответствовать лексемные нули в окрашенном стиле или — реже — две взаимоограниченных единицы.

9. В грамматике это невозможно, ввиду особого характера грамматической системы. Невозможно, например, чтобы система единственно-множественного числа (двухчленная) в высоком стиле заменялась одночленной или трехчленной. Количество — и, следовательно, качество — противопоставлений сохраняются.

Например, в поэтическом языке конца XVIII — начала XIX в. употребительна форма *крыле* — по происхождению форма двойственного числа. Ср.: *И успеху, и печали / На изменчивой земле / Боги праведные дали / одинакие крыле* (Е. А. Баратынский); *Вас я зрю, святые стогны! / Спите вы в громовой мгле. / Ах, зачем мне с гласом Прогны / Не даны ее крыле* (В. К. Кюхельбекер); *Орел по громовой дороге / Кушает в радуге крыле, / И серна, преклоняя роги, / Глядится в зеркальной скале* (А. А. Бестужев-Марлинский); *...Юной жизнью пламенея, / Развила она крыле* (В. А. Жуковский) и т. д.

Войдя в систему русского высокого стиля, эта форма получила значение множественного числа. Ср.: *Их паруса — крыле, их мачты — лес дремучий* (В. П. Петров)¹⁷.

10. Итак, многие лексические единицы нейтрального стиля (даже большинство их) не находят соответствий в окрашенных стилях. Следовательно, не может существовать естественного текста, устного или письменного, состоящего только из слов высокого или слов разговорного стиля, но может встретиться текст целиком из слов нейтрального стиля¹⁸. Впрочем, такие тексты гораздо более редки, чем это обычно предполагается.

¹⁶ Однако в связи с постепенным вытеснением слова *шуйца* даже из высокого стиля, *десница* приобретает расплывчато-расширительное значение; оно нередко обобщается до более широкого *рука*! Ср. в «Словаре современного русского литературного языка» (т. 3. М.; Л., 1954, стлб. 739): «Десница — правая рука; иногда вообще рука»; там же примеры. Ср. также в «Словаре русского языка» (вып. 3. СПб., 1895, стлб. 1019): «Десница — ...правая рука; в образном языке: рука...».

¹⁷ Грамматическое значение, выпадающее из системы нейтрального стиля, может сохраниться лишь в том случае, когда какая-нибудь форма вводится явно цитатно. Ср.: *Мне тошно здесь, как на чужбине, / Когда я сброшу жизнь мою? / Кто даст крыле мне голубине, / Да полечу и почию* (К. Ф. Рылеев). Подобная инкрустация характеризует обычно индивидуальную речь, отдельные тексты-сообщения (ср., например, у Н. Н. Асеева: *А я на Дон, на Дон, на Дон зову тебя очима*).

¹⁸ Ср. у С. И. Кирсанова в «Высоком райке»: «Слова уважения, почитания, умиления: *жертвоприношение, бракосочетание, благословение* — соединившие руки, как августейшие царствующие супруги. Слова простейшие: *есть, пить, небо, хлеб, день, ночь, сын, дочь, нет, да, вода, хлеб, стон, сон, я, он, ты, быть, жить...* Вполне годится обходиться ими одними» (Кирсанов С. И. Этот мир. М., 1958, с. 216).

11. Следовательно, как норма, текст представляет собой сочетание слов разных стилей. Наиболее обычно сочетание слов нейтрального стиля (в любом тексте их огромное большинство) со словами одного из окрашенных стилей. Такие тексты, окрашенные примесью стилистически информирующих слов, например, слов высокого стиля, сами воспринимаются как окрашенные, например как высокие. Так вода, окрашенная несколькими чайниками, уже не вода, а чай. При этом вполне возможны и нормальные случаи, когда в данном тексте одно и то же понятие обозначается (и один и тот же предмет назван) то словом окрашенного, например высокого, стиля, то словом нейтрального. Ср.:

Все слышит голос их ужасный,
Что было и что будет вновь,
И гласу этому подвластны
И смерть и самая любовь.

(А. С. Пушкин)¹⁹.

12. В пределах одного текста могут сочетаться и несколько окрашенных стилей. Но взаимоотношения становятся в этом случае иными. Если слова нейтрального стиля и каждого из окрашенных стилей сливаются друг с другом, то слова разных окрашенных стилей в пределах одного текста резко контрастируют; примеры легко привести.

13. В языке каждой эпохи существуют более или менее устойчивые типы сочетания слов разных стилей в пределах одного текста: эти типы можно назвать речевыми жанрами²⁰. В современном русском языке существуют, например, такие речевые жанры: жанр передовой статьи в газете, фельетона, дружеского разговора, военного рапорта, приказа по учреждению, спортивного репортажа, выступления на собрании, дипломатической ноты, речи на митинге, научной статьи, объявления в магазине, объяснения в любви, лирической песни, басни²¹, лирико-философского стихоизлияния, объявления в

¹⁹ Ср.:

Я говорю с подругой юных дней,
В твоих чертах ищу черты другие,
В устах живых уста давно немые,
В глазах огонь угаснувших очей.

(М. Ю. Лермонтов)

Впрочем, этот случай сложнее, чем приведенный в тексте.

²⁰ Замечу, что наименования «высокий стиль», «низкий стиль» у М. В. Ломоносова относятся именно к стилистическим жанрам. Высокий стиль «составляется из речений славенороссийских, то есть употребительных в обоих наречиях, и из славенских... Сим стилем составляться должны героические поэмы, оды...» (*Ломоносов М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке. Полное собрание сочинений*. Т. 7. М.; Л., 1952, с. 589).

²¹ Притом можно в речевом жанре басни написать нечто совсем не басенное в литературоведческом смысле этого термина или, наоборот, написать басню не в речевом

газете, экзаменационного ответа и т. д. Большинство из этих жанров в лингвистической литературе не описано. В этих жанрах различны не только входящие в сочетание стилистические элементы, не только пропорции их «смешения», но и сами приемы сочетания, сами тенденции сочетаемости. Например, есть речевые жанры, которые ограничивают стилистическую сочетаемость слов, в этих жанрах уместны слова, незначительно разнящиеся стилистическими потенциалами (ср. жанр дипломатической ноты); наоборот, существуют жанры, главной отличительной чертой которых является широкая (даже всеобъемлющая) стилистическая включаемость, таковы некоторые жанры, представленные литературно-художественными текстами²².

14. Бесспорно, что речевые жанры используются отдельными авторами индивидуально-своеобразно; особенно это характерно для художественной литературы. Здесь «типичность», «стабильность» речевых жанров отступает назад (или ощущается лишь как начало для отсчета по стилистическим координатам), а на первый план, как эстетическая ценность, выступают индивидуальные отклонения от этого «стандарта», со всей их сложностью, тонкостью, с той выразительностью, которую допускает талантливость автора. Поскольку сами эти индивидуальные отклонения основаны на использовании данных (в смысле языка) качеств слова, исследование их является особой задачей языкознания, и не случайно эта задача привлекает внимание лингвистов.

15. Противопоставлены три языковых стиля; но внутри высокого и внутри разговорного стилей есть свои градации. Слова могут быть стилистически окрашены с разной степенью яркости; контраст с нейтральным стилем может быть меньшим или большим. Слова *всепобедный*, *разверстый*, *алкать*, *чело* уместны в торжественной речи, поэтическом прославлении, но неуместны в передовой газетной статье, в государственной публикации. Слова *владычество*, *гонение*, *немеркнувший*, *вскормить* уместны в передовой статье, в государственной публикации, но неуместны в хроникальной заметке, в официальном уведомлении и т. д. Следовательно, обнаруживаются определенные пласты в пределах высокого стиля.

В разговорном стиле тоже есть разделение слов по интенсивности стилистической окраски, но расслоение, разграничение между слоями едва намечено: настолько они подвижны и изменчивы в своей стилиевой окраске (в зависимости от контекста). В разговорном стиле существует тенденция к большей слитности лексических пластов, чем в строгом стиле²³.

жанре басни (см., например, басни Л. Н. Толстого). Таким образом, литературные и речевые жанры не тождественны.

²² См.: Левин В. Д. О месте языка художественной литературы в системе стилей национального языка // Вопросы культуры речи, вып. I. М., 1955, с. 92–93.

²³ Ср. в словарях: слова высокого стиля дифференцируются на риторические, торжественные, высокие, патетические, книжные; слова же разговорного стиля даются недифференцированно и отмежеваны лишь от просторечных слов, балансирующих на грани литературного языка и нелитературных городских диалектов.

Наконец, нейтральный стиль един и не имеет разновидностей. Его отличие состоит в неокрашенности; он не несет стилистической информации; и это категорическое, полное «нет» не знает оттенков.

16. Слова, резко контрастные с нейтральным стилем, всегда имеют синоним в нейтральном. Но те лексические единицы, которые лишь слегка окрашены стилистически, у которых чуть брезжит стилистический отсвет, могут и не иметь такого двойника. Чем менее ярко противопоставлено данное слово нейтральному стилю, тем менее необходим его синоним в нейтральном стиле. Слова, имеющие в словарях помету «торжеств.» и «высок.», всегда соотнесены с нейтральным синонимом; слова же с пометой «книжн.» (мало интенсивный оттенок строгого, высокого стиля) иногда такого нейтрального двойника не имеют²⁴.

Таким образом, обязательность синонима в нейтральном стиле прямо пропорциональна мере отстояния данного слова от нейтрального стиля.

17. Возможны случаи, когда два синонима имеют различную частотность — тем не менее принадлежат к одному и тому же стилю. Например, из двух синонимов *стачка* — *забастовка* второй сейчас гораздо чаще встречается, чем первый; но *стачка* тем не менее не стала компонентом высокого стиля.

Связи между единицами языка имеют два плана: парадигматический и синтагматический. Сопоставление: *дом* — *дама* — *дому*... дает парадигматический ряд в грамматике; сопоставление единиц *дом* и *строится* в сочетании *дом строится* — синтагматический ряд.

Эти же два плана существуют и в области стилистики. До сих пор речь шла о соотношениях, данных рядами: *очи* — *глаза* — *глядельки*; *ибо* — *так как* и под., т. е. рядами парадигматическими.

Ряд *дом* — *дама* — *дому* возможен как явление грамматическое потому, что в языке существует определенная системная единица: падежная парадигма, состоящая из нескольких, определяющих друг друга членов; каждый член (например форма дательного падежа) воспринимается на фоне других членов. Эти парадигматические отношения выражаются аффиксально. Подобно этому и в области стилистических противопоставлений есть своя парадигма, состоящая из нескольких определяющих друг

²⁴ Редчайший случай — отсутствие нейтрального двойника для слов с очень заметной стилистической окраской — представлен русскими словами *юноша* — *парень* — *молодой человек*. Ни слово *юноша*, ни *парень*, ни тем более *молодой человек* нельзя считать стилистически нейтральными. Ср. реплику в разговоре: «Он скорее юноша, чем парень»; здесь стилистические различия метонимически использованы для характеристики самого объекта называния.

Девушка в любых речевых ситуациях может к своим подругам обратиться со словом «Девушки!» (это слово нейтрального стиля, оно пригодно во всех случаях, когда нужно его лексическое содержание). Но ее сверстник далеко не во всех случаях может обратиться к своим товарищам со словом «Юноши!» или, тем более, со словами «Молодые люди!» (имеется в виду, конечно, не ироническое словоупотребление). Именно поэтому слова *юноша* и *парень* сдвигаются в область нейтрального стиля (причем в языке «Комсомольской правды» сильнее нейтрализовано *парень*, а в языке «Литературной газеты» — *юноша*).

друга членов: какой-то единицы нейтрального стиля и воспринимающихся на ее фоне единиц высокого и разговорного стиля. В отличие от грамматики, противопоставления здесь выражены не аффиксально, а «супплетивно» (ср. *глаза — очи — гляделки*).

Кроме парадигматического ряда, в стилистике важен также и ряд синтагматический, важны связи слов в определенного стилистического типа линейных сочетаниях. Слова высокого стиля характеризуются не только отталкиванием от определенных синонимов (в ряду *глаза — очи — гляделки*), но и постоянным соседством в речевых отрезках со словами той же стилистической окрашенности. Ср.: «чего не *зрят* равнодушные *очи*...»; «*любви и очи и ланиты*...»; «*чи* не плачут суровые *очи*, *чи* не *ропцут* немые *уста*».

Стачка — слово, встречающееся в любых синтагматических рядах, в любом соседстве (так же как и слово *забастовка*); и именно поэтому слово *стачка* не становится элементом высокого стиля.

Таким образом, парадигматические отношения стилей дополняются еще синтагматическими связями.

Из сказанного ранее (см. п. 16) следует, что для слов с резкой стилистической окрашенностью первостепенную важность имеют парадигматические противопоставления. Именно они и создают эту высокую стилистическую разность потенциалов.

Для слов же, имеющих слабые стилистические оттенки, важны чаще всего синтагматические сопоставления²⁵.

18. Каждый из окрашенных стилистических слоев может выступать в качестве основы для противопоставлений нового типа; так, высокие слова могут быть соотнесены со словами той же стилистической окраски — и притом (вдобавок) иметь, например, терминологический характер.

Другой пример: слова разговорного стиля могут нести дополнительный оттенок неодобрительности (оценка направлена на сам объект названия): *вояка — выкрутасы — нюни*. Иногда разговорные слова имеют, напротив, оттенок одобрительности *девчушка, малюсенький, голубчик*. По сравнению с этими двумя группами слов, «безоценочные»²⁶ разговорные слова выступают как нулевая категория. Таким образом, стилистические различия между лексическими пластами осложнены еще дополнительными смысловыми различиями, которые перекрещиваются со стилистическими.

²⁵ Может показаться, что при определении стиля вместо частотности ситуаций речевого общения нужно оперировать только относительной частотностью самих слов в стилистических парадигмах; однако это не так. Если есть 3 синонима, один с большей частотностью, другой с меньшей, третий — совсем с небольшой (и притом частотности резко контрастны), то ясно, что эти синонимы соответствуют нейтральному, разговорному и строгому стилю. Но могут быть всего два члена стилистической парадигмы: в таком случае ясно, что слово с большей частотностью принадлежит к нейтральному стилю, а другое — к окрашенному, но к какому именно — определить чисто парадигматически нельзя.

Таким образом, слова, формирующие высокий стиль в лексике, можно определить так: это такие слова в синонимическом ряду, а) которые имеют наименьшую частотность и б) при которых появление в том же контексте других слов, отвечающих условию а, наиболее вероятно. Соответствующим образом определяются и другие стилистические группы.

²⁶ Ср. *говорун, забияка, ладно, до зарезу* и пр.

19. Стилиевую характеристику текста можно рассматривать как дополнительное сообщение, осложняющее то, что заключено в лексических значениях слов и в их грамматических сцеплениях. Это дополнительное сообщение говорящий волен делать или не делать. В большинстве случаев он имеет полную возможность оформить свое высказывание в нейтральных, нулевых стилистических тонах. Но он может выбрать окрашенный стиль: это дело его воли. Поэтому обычно и подчеркивается, что вопросы стилистики — это вопросы выбора («употребления») различных языковых средств. И возникают эти проблемы только тогда, когда в языке есть несколько «готовых возможностей» передать ее.

Зависимость стилистической выразительности высказывания от индивидуального выбора говорящего побудила многих исследователей изучать стиль именно в его речевых аспектах²⁷. Однако многообразные возможности стилистического выбора закреплены в системе языка, поэтому и изучать стили надо в первую очередь именно «с точки зрения языковой системы»²⁸.

II

20. Соотносительность произносительной и лексической стилистики. * 21—31. Мена фонем как особенность высокого произносительного стиля. Другие его особенности. * 32—34. Особенности разговорного стиля произношения. * 35—41. Общее сопоставление произносительных стилей. * 42—48. Некоторые исторические изменения в системе русских произносительных стилей. * 49—52. Пересечение стилистических противопоставлений с иными, нестилистическими разграничениями в произношении. * 53. Заключение.

20. Произносительная сторона языка имеет свою стилистику. Иначе говоря, одни определенные произносительные особенности могут выполнять ту же функцию, что и слова разговорного стиля; другие же особенности функционально сопоставимы со словами торжественной окраски. Например, произношение [шыис'át]²⁹ «шестьдесят» функционально является однозначным с употреблением слов *сотенка*, *голубчик* и т. п. (*Дай-ка, голубчик*, [шыис'át] *вот этих, а еще лучше сотенку*); [шз'д'э^нс'át] придает речи ту же окраску, что использование книжных и вообще слабо окрашенных слов «высокого» стиля. Произношение же [ш ь з' д' и³ с' á т] стилистически нейтрально. Произносительные указания на стилистическую окраску данного текста заложены в самой системе языка, так же как системными являются лексико-стилистические и грамматико-стилистические противопоставления.

²⁷ См.: *Винокур Г. О.* О задачах истории языка, с. 19 и сл.; *Он же.* Культура языка. М., 1929, с. 33.

²⁸ *Виноградов В. В.* О задачах истории русского литературного языка. Известия АН СССР. ОЛЯ, 1929, с. 33.

²⁹ См.: *Аванесов Р. И.* Русское литературное произношение, М., 1955, с. 178.

21. Произносительные указания на стилевую окраску текста могут быть двоякого рода: или в разных стилях оказывается различным позиционное варьирование фонем, или определенные стили требуют фонемных чередований. Последний случай характеризует всегда высокий стиль.

Так, в русском литературном языке начала XIX в. всякое [ó] после мягкого согласного перед твердым потенциально чередовалось с [э] в том же слове, использованном как компонент высокого стиля. Если в каком-либо слове эта возможность никогда не осуществлялась — и тем самым переставала быть возможностью, — то лишь потому, что само это слово не использовалось в высоком стиле. Возникали совершенно регулярные, механически неизбежные чередования при перемещении слова из одного стилистического окружения в другое: [р'оф] — [р'эф], [н'ос] — [н'эс], *много* [с'л'ос] — *обитель* [с'л'эс] и т. д., и так в любом слове, для всякого [ó] в нейтральном стиле (после мягкого согласного перед твердым). Началом отсчета был именно нейтральный стиль: не [э] высокого стиля менялось на [ó] (так как в словах, допустимых в текстах высокой окраски, например, *дело, век, грех, честный, смертный* и т. д., не появлялось [ó], когда они попадали в окружение слов нейтрального стиля)³⁰, а [ó] нейтральное регулярно менялось на [э] в высоком стиле. Такая замена имела всеобщий характер, т. е. характеризовала все слова, которые в текстах высокого звучания выполняли функцию указателей этого высокого звучания. Появление отдельных слов с [ó] в указанной позиции было возможно в некоторых текстах высокой стилистической окраски (по всей вероятности — не предельно высокой; в послании или оде, но не в переложении псалма); такое соседство слов с разной стилистической окраской было возможно именно потому, что жанры высокой окраски способны включать — и даже неизбежно включают — элементы нейтрального стиля (см. п. 9).

Таким образом, стилистические противопоставления и в области произношения являются строго системными в одном измерении — парадигматическом: [н'о с] — [н'э с], [р'о ф] — [р'э ф] (ср. в лексике системную сеть: *очи — глаза, уста — губы* и т. д.). Однако в другом ряду, синтагматическом, эта система не во

³⁰ В отдельных случаях был возможен и такой «обратный ход» аналогий: произношение [с'эк] осознавалось как указание на высокий стиль (имела значение связь со словом высокого стиля *пресек*), тогда в нейтральном возникало [с'ок] (до сих пор не одобренное литературной нормой). Но это — факт уже не синхронных стилистических чередований, а истории языка.

До появления и распространения произношения [с'ок] произношение [с'эк] было единственным и поэтому нейтрально-стилевым: после появления [с'ок] оно получило (у некоторых лиц) права основной, стилистически нулевой формы произношения — и на ее фоне уже воспринималось [с'эк]. Таким образом, например, в тексте: «Где полукруг полярного сияния / Копьем алмазным небо пересек; / Где вековое грозное молчанье / Нарушить мог один лишь человек, — / Туда, туда!» (Н. А. Заболоцкий) — форма пере[с'эк] может осознаваться как стилистическое видоизменение более привычного (для данного лица) произношения.

всех случаях замкнута и не представляет однородно-системных отношений³¹. Это отмечено и в области лексической стилистики: незамкнутость определяется именно тем, что высокий стиль несамодостаточен; в нем нет особых единиц для выражения всех тех участков структуры, которые даны в нейтральном стиле. Таким образом, наряду с элементами высокого стиля в тексте неизбежно должны встретиться и слова иного стилистического плана — нейтрального. Это в области произносительной стилистики обуславливает сочетание разных фонетических подсистем в пределах одного текста.

22. Мена фонем, создающая высокую стилистическую окраску текста, не всегда может расцениваться как явление чисто произносительное, не ведущее к лексическим разграничениям.

Действительно, в произносительных формах [р'о ф] — [р'э ф], [н'о с] — [н'э с] и пр. мена фонем не образует особых лексических единиц: [р'о ф] — [р'э ф] — одно и то же слово. Но формы *тожество* — *тождество* (ср. также: *тожественный* — *тождественный*, *мечет* — *мещет*, *берег* — *брег* и т. д.) не являются одним и тем же словом в двух стилистических произносительных вариантах.

Только в тех случаях мена фонем образует стилистические формы того же слова (не приводит к лексическому распадению этих форм), когда она производится «механически», т. е. возможна в любой лексеме, становящейся компонентом высокого стиля. Чередование [о]||[э] (в указанных условиях) имело в XVIII в. именно такой характер. Напротив, чередование [ж]||[жд] или [ч]||[щ] не было в XVIII в. целиком механическим, повсеместно (во всех лексемах) допустимым.

23. В результате такой мены фонем в высоком стиле могут совпадать две фонематические единицы:

$$\begin{array}{c} t'ot \quad || \quad t'et \\ t'et \quad || \\ \text{(нейтральн.)} \quad \text{(высок.)} \end{array}$$

(здесь t, t' — знак любого согласного). Это — фонетическая аналогия к тем случаям, когда в высокой лексике существует меньшее количество единиц для данного семантического типа, чем в нейтральной. Но есть и существенное отличие. В лексике остается соотносительность единицы высокого стиля с одной единицей нейтрального, например, *чело* соотносительно со словом *лоб*; и хотя в высоком стиле отсутствует вся совокупность лексических единиц, которые разделяют между собой данное семантическое поле в нейтральном стиле и значение слов высокого стиля поэтому весьма вариативно, все же основное значение слова *чело* соотносительно только со значением слова *лоб*. Иначе

³¹ О замкнутости и разомкнутости стилистических систем см.: *Виноградов В. В.* Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания, 1995, № 1, с. 68–70.

говоря, нет нейтрализации двух единиц, нет их замены одной. Иное дело в фонетике: здесь мена фонем в высоком стиле произношения приводит к нейтрализации (в определенной позиции) двух фонем основного, нейтрального стиля (примеры см. выше) Таким образом, эти стилистические заменители, встречающиеся в высоком стиле вместо нейтральных единиц, удобно называть стилистическими вариантами³².

Таким образом, все ячейки сети нейтрального стиля оказываются распределенными между участками сети высокого стиля. Это напоминает стилистические отношения в грамматическом ряду (см. п. 9).

24. Редко встречается иной случай: одна фонема в нейтральном стиле соответствует двум в высоком. Таково было положение с фонемами ⟨э — ъ⟩ в середине XVIII в. В высоком стиле существовала фонема ⟨ѣ⟩, отличная от ⟨э⟩; в нейтральном же и разговорном стиле и той и другой соответствовало ⟨э⟩³³.

Поэтому в письмах, дневниках и т. д. — т. е. в письменных жанрах, отражающих непритязательные, разговорные жанры речи, — в эту эпоху уже обычно смешение букв е — ѣ³⁴.

Таким образом, на одно «место» разговорного приходилось два «места» высокого стиля.

25. До сих пор речь шла о том, что одно и то же слово, попадая в разные стилистические контексты, произносится по-разному. Это относится к словам нейтрального лексического стиля, поскольку именно они могут встречаться в контекстах разной стилиевой окраски; это (в меньшей степени) относится и к словам, стилистически слабо окрашенным.

Но существуют группы слов, имеющих резко подчеркнутую стилистическую окраску, например, окраску высокого стиля. Такие слова встречаются в контекстах только одного стилистического типа; в других же речевых окружениях они могут употребляться лишь иронически. Такие слова могут иметь стилистически невариантный фонетический облик — и все-таки восприниматься

³² Стилистика изучает языковые явления «с точки зрения функциональной дифференциации, соотношения и взаимодействия близких, соотносительных, параллельных или синонимических средств выражения...» (*Виноградов В. В.* Итоги обсуждения вопросов стилистики, с. 66). В расширительном смысле можно говорить о синонимии фонематических единиц (см.: *Аванесов Р. И., Сидоров В. Н.* Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945, с. 43). Таким образом, фонетическую стилистику можно характеризовать как дисциплину, изучающую фонетические синонимы определенного типа. Те фонетические синонимы, которые одновременно выступают как омонимы (т. е. совпадают с иной фонемной парадигмой), можно назвать стилистическими вариантами в фонетике.

³³ О существовании ѣ (= [iĕ]) в высоком стиле литературной речи в середине XVIII в. см.: *Виноградов В. В.* Исследования в области фонетики северно-русского наречия // Известия ОРЯС, т. 24 (1919), вып. 2, 1922, с. 267–270.

³⁴ О стилистическом разграничении ⟨ѣ — э⟩ || ⟨э⟩ см.: *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII — XIX вв. М., 1938, с. 102–103.

как носители стилистического указания в самом своем звучании. И это снова связано с фонемным составом слова.

Например, в XVIII в., в начале XIX в. полные страдательные причастия прошедшего времени в суффиксе под ударением имели всегда [э], а не [о]: *обнов[л'э]нный, измож[д'э]нный, совер[шэ]нный, заклю[ч'э]нный* и т. д.

Соотношения с произносительными формами *соверш[о́]нный, заключ[о́]нный* и т. д. не было, поскольку не было и самих этих форм³⁵. Однако существовало соотношение с краткими формами: *совершён, заключён* и т. д., где [о] в суффиксе было нормой³⁶. Грамматическая и стилистическая соотносительность данных форм, строгая регулярность мены звукосочетаний [эн] на [он] в этих формах³⁷ обусловили восприятие таких чередующихся звукосочетаний как одного и того же суффикса, т. е. чередование [эн] || [он] воспринималось как стилистически оправданная мена фонем в составе одного и того же морфологического элемента слова, следовательно, такая стилистическая мена фонем, будучи строго регулярной, обнаруживает известное функциональное сходство с чисто фонетической, позиционной меной звуков: она не вызывает образования новых строевых (в данном случае — морфологических и лексических) единиц в языке³⁸.

26. Возможен и другой случай: слова, встречающиеся только в высоких речевых контекстах, имеют в своем составе фонемы, которые не присущи словам иных стилей или мало характерны для них. Например фонема ⟨γ⟩ встречалась в языке XVIII—XIX вв. в словах, употребительных в жанрах высокого стиля: *благо, благоденствие, благодать, благородство, бога (богу, богом...)*.

С другой стороны, эта же фонема ⟨γ⟩ встречалась в некоторых междометиях, с ясной стилистической окраской разговорности, непринужденности, неприязнательности: *эге, ага, ого, ей богу, господи* и пр.³⁹

³⁵ Можно предположить, что в бытовой речи эти формы существовали, а в язык художественной литературы они не проникали, так как этот язык неполно — в данную эпоху — отражал различные стили языка и жанры речи. Однако некоторые факты противоречат данному предположению. Несомненно, существовала эпоха в развитии русского литературного языка, включающая начало XIX в., когда причастия были очень редкими гостями в разговорных жанрах, были инкрустациями в них; ср. известное замечание А. С. Пушкина о различии между разговорной и «писаной» формой речи.

³⁶ См.: *Ожегов С. И.* Материалы для истории русского литературного произношения XVIII — начала XIX в. // Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. I. М.: Л., 1949, с. 63.

³⁷ Всякое краткое причастие с [он] в суффиксе должно было в полной форме в суффиксе иметь [эн].

³⁸ При анализе системы позиций необходимо учитывать грамматическое строение слова (можно даже в грамматической характеристике видеть дополнительное определение фонетической позиции). Идя далее по этому пути, мы могли бы сказать, что характеристика фонетической позиции должна быть дополнена и стилистическим определением. Тогда мена [о] || [э] может быть названа фонетически «позиционной»; но это, конечно, уже качественное изменение объема термина.

³⁹ Из слов разговорного стиля ⟨γ⟩ встречалось, пожалуй, только в словах *богатый* и *господин*, но эти слова были склонны (более чем другие) менять ⟨γ⟩ на ⟨г⟩. Ср.: *Уша-*

Таким образом, ⟨γ⟩ выступало в двух стилистических обликах: ⟨γ*⟩ было компонентом высокого стиля; а ⟨γ**⟩ (фонетически, конечно, ничем не отличное от первого) — компонентом разговорного. Следовательно, ⟨γ⟩ приобретало облик стилистически не нейтральной фонемы, сигнализировало о стилистической окрашенности текста.

27. Кроме мены фонем, стилистическими показателями могут быть особенности в фонетически обусловленных позиционных чередованиях вариаций и вариантов фонем. Так, например, в первом предударном слоге (после мягких согласных) различие фонем ⟨а, о, э⟩, совпадающих в звуке [э^н], и фонемы ⟨и⟩, реализованной звуком [и] или [и³], характеризует в современном русском литературном языке высокий стиль.

Наиболее существенные случаи, когда позиционные чередования выступают в роли стилистических показателей, для современного литературного языка нетрудно перечислить.

а) Указанное выше «эканье». Р. И. Аванесов, дав фонетическую транскрипцию стихотворения С. Я. Маршака «Словарь» («Усердней с каждым днем гляжу в словарь...»), замечает: «В связи с торжественно-философским характером стихотворения икающее произношение было бы неуместно»⁴⁰.

б) Ассимилятивное смягчение согласных может быть ослаблено в словах высокого (или «книжного») ⁴¹ стиля. «В словах обиходно-бытового характера смягчение производится полнее, чем в словах книжных, в особенности иноязычного происхождения, где оно может вовсе отсутствовать»⁴².

Например, отсутствует смягчение в словах *во[зв']еличить*, *благод[нств']ие*, хотя в других стилях зубной перед мягким губным позиционно смягчается⁴³.

в) Слова, которые воспринимаются говорящими как заимствованные, в высоком стиле могут произноситься без редукции [о]: *с[о]нет*, *ф[о]нетический*, *н[о]كتورн*; в нейтральном стиле этому соответствует *с[л]нет*, *ф[ъ]нетический*, *н[л]кторн*.

г) В словах той же группы в высоком стиле могут не смягчаться согласные перед [э]; в нейтральном стиле найдем в этих же случаях смягчение: *со[нэ]т* — *со[н'э]т*; *фо[нэ]тика* — *фо[н'э]тика* и т. д. Если признать, как это обычно делается, смягчение перед [э] живым фонетическим процессом в современном русском языке, то в данном случае налицо не мена фонем, а снятие определенной позиционной мены (аккомодации) согласных перед [э].

ков Д. Н. Звук ⟨г⟩ фрикативный в русском литературном языке в настоящее время // Сб. статей в честь акад. А. И. Соболевского... Л., 1928, с. 239.

⁴⁰ Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М., 1954. с. 168, ср. с. 152.

⁴¹ Книжный стиль считаем особой разновидностью высокого, см. п. 16.

⁴² Аванесов Р. И. Русское литературное произношение, с. 89.

⁴³ Вопрос о том, является ли данное смягчение в настоящее время вполне живым позиционным процессом, оставляем в стороне.

д) В обычной, обиходной речи сейчас произносится: *старые, милые, первые* и т. д. с [ьи³] в исходе; в тщательном, строгом произношении полная ассимиляция йота устраняется; в исходе звучит [ьи³] или [ьи̣].

В обычной речи произносится: *тоскует, знает, умеет* с [и³т] в исходе (например, [ум³эи³т]); и лишь в очень четком, чеканном произношении может появиться иной вариант: [и̣т], без полной ассимиляции йота.

28. Таковы основные позиционные мены, которые служат показателями высокого произносительного стиля. Их немного.

Существует, кроме того, несколько особых фонем, характеризующих высокий произносительный стиль современного русского литературного языка; употребляются они «в совершенно единичных случаях», например, *кабрио*[л]ет, [л]ендлорд с [л]⁴⁴, и некоторые другие случаи. Используется в некоторых лексемах «стилистически ограниченная факультативная фонема ⟨γ⟩ (ср. бо[γ]а, бо[γ]у и пр.)»⁴⁵.

29. Признаком высокого произносительного стиля, может быть, следует считать произношение *тих*[ъ̣], *строг*[ъ̣], *ломк*[ъ̣]. Действительно, случается слышать от одного и того же человека в одних условиях общения, в одних речевых жанрах, например, *лом*[къ̣], а в других — *лом*[к'ъ̣]⁴⁶. Первое характеризует сейчас именно высокий стиль, поскольку оно ассоциируется со сценической речью, освящено традицией; наконец — потому, что оно стало редкостью. (Следовательно, соотношение этих форм в настоящее время прямо противоположно их соотношению в XVIII — начале XIX в.)

Однако это стилистическое разграничение еще не упрочилось, не укрепилось в языке; оно принадлежит пока только индивидуальным формам современной литературной речи⁴⁷.

30. Стилистическая характеристика той или иной произносительной особенности может основываться на связях парадигматических; одна и та же лексическая единица произносится по-разному в различных стилях: парадигматически соотнесены сами типы произношения. Но стилистическая квалификация поддерживается и синтагматическими связями. Они используются даже шире, чем в лексической стилистике (см. п. 17). В области лексики синтагматические связи являются определяющими обычно для слабоокрашенных стилистических подгрупп (см. там же); в произношении же даже самая высокая окраска может создаваться без парадигматических связей (ср., например, п. 276).

⁴⁴ Там же, с. 130.

⁴⁵ Там же, с. 136.

⁴⁶ Там же, с. 114—115: теперь такое произношение «является нормой в строгом стиле произношения — в сценической речи».

⁴⁷ Совершенно не имеют стилистического разграничения произносительные формы *покри*[къ]вать — *покри*[к'ъ]вать, *взма*[хъ]вать — *взма*[х'ъ]вать, *оттал*[къ]вать — *оттал*[к'ъ]вать и т. д.

Например, лексема *благоденствие* произносится не с [н'], а только с [н] (ср. *женственно*, где [н'] как правило смягчено); нет соотношения двух типов произношения этого слова. Но сочетание [нств'] встречается чаще всего в тех случаях, когда есть налицо другие приметы высокого произносительного стиля, поскольку лексема *благоденствие* обычно включается в тексты, имеющие и другие торжественные слова и обороты; а эти слова и произносятся торжественно.

31. Наконец, для характеристики высокого стиля может быть использован и тембр голоса. Ср. у С. Волконского: «Большой открытый, круглый звук — торжественный, величественный. Трудно описать механизм этого голоса. Все широко, полно, глубоко. Думайте о больших явлениях природы — гроза, северное сияние, океан... Этот „круглый“ голос получает различную окраску в зависимости от трех способов дыхания... Так, есть „нормально-круглый“: пафос, торжественность, благоговение говорят в этом голосе» и т. д.⁴⁸

32. Особенности разговорного стиля во многом однотипны с особенностями высокого, но в некоторых отношениях и отличны от него.

В современном русском литературном языке примет разговорного стиля очень много, значительно больше, чем примет высокого.

Вот некоторые из них:

редукция до нуля заударного гласного рядом с сонорным: *про[въл]ка*, *ско[връ]ду*, *не[ктъ]рые*; появление слоговых сонорных: *Ива[н]на*, *в са[м]м деле* и пр.;

стяжение гласных в предударной части слова: *в[л]бще*, *в[ъ]бразить*, *с[ъ]рудил* и пр.;

редукция согласных в сочетаниях с другими согласными: *неве[ск]а*, *студе[нк]а*;

редукция согласных рядом с гласными (в некоторых наиболее частотных словах): [кдá], [тлá], [н'экъдъ], [тóкъ], [шъис'át] (= шестьдесят);

усиление (по сравнению с нейтральным стилем) ассимилятивного процесса смягчения согласных: *о[д'б']ил*, *по[т'п']ишет*, *о[т'м']етил* и пр.;

аккомодационное оглушение заударных гласных рядом с глухими согласными: *тóп[ъ]т*, *хóх[ъ]т* и пр.;

сильная качественная редукция заударных [ы], [у]: *чел[л'ъ]сть*, *выб[ъ]л*;

усиление аккомодации гласных между мягкими согласными: *свид[й'э]тель* и пр.;

редукция конечных согласных в некоторых сочетаниях: несколько *семей[ст]* или *ходатай[ст]* и мн. др.

⁴⁸ Волконский С. Выразительное слово. СПб., 1913, с. 86–87.

Этот перечень можно было бы увеличить в несколько раз⁴⁹.

33. Обычно появление этих оттенков связывают с ускорением темпа артикуляции звуков. Но, во-первых, сам этот темп определяется обычно не случайными особенностями общения (предотъездной спешкой; подозрением, что собеседник хочет скрыться, недослушав рассказ до конца, и т. д.), а именно стилистической установкой сообщения. Убыстренно мы сообщаем обычно то, что ориентировано на разговорный стиль. Напротив, чрезмерное убыстрение темпа в сообщениях высокого или нейтрального стилистического тона невозможно. Например, сообщение по радио о каком-нибудь стихийном бедствии (о стремительно надвигающемся лесном пожаре) вряд ли может быть дано скороговоркой.

Во-вторых, связь между темпом и описанными признаками произношения вовсе не столь обязательна. Человек спешащий отдает официальные распоряжения группе подчиненных, может быть, и ускоренным темпом, но, вполне вероятно, без фонетических элементов разговорного стиля⁵⁰.

34. Каждый из перечисленных выше сигналов разговорного стиля сам по себе маловесом, стилистически слабо окрашен, но встречаются эти сигналы обычно целой серией, пронизывают произносимый текст насквозь — и вместе могут создать весьма яркую стилистическую характеристику его.

Эта масса признаков «домашнего» (как удачно сказал В. И. Чернышев)⁵¹ произношения очень слабо членится на подгруппы; они образуют общую, сла-

⁴⁹ Все указанные здесь факты уже отмечены в многочисленных фонетических исследованиях. См. работы: *Пешковский А. М.* 10000 звуков (в книге: *Пешковский А. М.* Сборник статей. М., 1925, с. 170—179); *Винокур Г. О.* Русское сценическое произношение. М., 1948, с. 25, 27, 67; *Аванесов Р. И.* Русское литературное произношение. М., 1954, с. 15—20, 41, 42, 43, 49, 50, 52, 53, 54, 55, 57, 73, 76, 79, 81, 82, 83, 84, 91, 95, 96, 97, 98, 100, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 113, 114, 116, 119, 120, 121, 122, 125, 126, 129, 130, 136, 137, 139, 145, 146, 148, 152, 161, 163, 164, 168, 170, 174, 175, 176, 177. Книга Р. И. Аванесова «Русское литературное произношение» впервые дает детальное описание русской произносительной стилистики. Правда, в некоторых случаях стилистические указания этой книги недостаточно определены; но это — следствие неразработанности, неизученности произносительной стилистики русского языка.

⁵⁰ Ср. замечание Л. В. Щербы: даже «определение по метроному темпа речи, если бы такое и было возможно, ни к чему не привело бы, так как дело очевидно не только в темпе речи» (*Щерба Л. В.* О разных стилях произношения // *Избранные труды по русскому языку.* М., 1957, с. 22). С. И. Бернштейн в кн. «Вопросы изучения произношения» (М., 1937, с. 29) пишет о фонетических нормах, существующих «в более медленном темпе, в рассудочном стиле речи»; таким образом, темп ставится в связь со стилистической характеристикой речи. Ср. важные замечания о связи стилей произношения и темпа речи в кн. Р. И. Аванесова «Русское литературное произношение» (М., 1954, с. 17).

⁵¹ *Чернышев В. И.* Заметки о делении слов в русском произношении // *Известия ОРЯС,* 1911, кн. 2, с. 65.

бо дифференцированную массу. Можно сказать, например, что произношение [тóкл] (= только), встречающееся в литературной речи гораздо чаще, чем это обычно предполагается, более резко «снижает» стиль, по сравнению, например, с произношением [тóл'кл] — вместо обычного в нейтральном стиле [тóл'къ]⁵². Однако установление этих градаций обычно бывает зыбким и ненадежным.

Таким образом, произносительный разговорный стиль обладает некоторыми особенностями, очень напоминающими особенности лексического разговорного стиля (см. п. 14).

35. Высокий произносительный стиль не только достаточно четко членится на «подстили», но и резко отделен от нейтрального стиля. Это определяется прежде всего тем, что высокий стиль как правило строится или на чередовании фонем (а чередование фонем осознается говорящими), или на замене одного варианта фонемы другим, того же или меньшего диапазона. Например, [и³] нейтрального стиля (соответствующее фонемам ⟨а⟩, ⟨о⟩, ⟨э⟩, ⟨и⟩) заменяется в высоком звуком [э^н] — но лишь тогда, когда отвечает фонемам ⟨а⟩, ⟨о⟩, ⟨э⟩. Таким образом, диапазон варианта [э^н] меньше, чем диапазон [и³]. Следовательно, переходя от нейтрального к высокому, говорящие должны в той или иной степени вводить более частные противопоставления своей речи, а это, разумеется, требует особых речевых навыков. Поэтому произношение высокого стиля и отделяется достаточно резко от нейтрального.

Напротив, граница между нейтральным и разговорным стилем очень текуча и нечетка. Особенности высокого стиля в той или иной мере осознаются говорящими, но особенности разговорного остаются неосознанными⁵³. В системе языка, очевидно, закреплены не те или иные конкретные особенности разговорного стиля, а лишь его общая тенденция и ее пределы⁵⁴. Одно и то же слово в разговорном стиле может приобретать различный облик:

⁵² Сейчас для нейтрального стиля (тем более для высокого) характерна реализация фонем ⟨о⟩ — ⟨а⟩ в последнем открытом заударном слоге звуком [ъ]: *над[ъ], сильн[ъ]* (наречие и прилагательное среднего-женского рода), *был[ъ]* и т. д. Во всяком случае, реализация ⟨о⟩ звуком [л] в этих стилях избегается. Но такая реализация вполне допустима в разговорном стиле.

⁵³ По словам А. И. Соболевского, «в обычной жизни адвокат иначе говорит, когда защищает на суде преступника; иначе, когда заказывает обед, и еще иначе, когда он рассказывает в приятельской компании веселый анекдот. Приспособление является у него само собой помимо его воли. Но оно может быть и по нашему усмотрению» (*Соболевский А. И. О стиле. Харьков, 1909, с. 12*). Приспособление является, очевидно, само собой, когда адвокат заказывает обед или болтает в приятельской компании. Но во время речи на суде оно, возможно, является и по сознательному усмотрению.

⁵⁴ К системе языка могут относиться, как было установлено А. И. Смирницким, и материальные строевые единицы (слова, морфемы, фонемы), и относительно-материальные (например, типовая схема предложения; ее конкретное «наполнение» словами уже относится к области речи). Очевидно, что к языковой системе могут относиться строго закрепленные чередования (морфологические: *ходить* — *хожу*; грамматиче-

[здрáстуит'и³]
 [здрáст'ь]
 [здрáст']
 [³драс'³]
 [зьс³]...

и т. д. (в нейтральном стиле: [здрáстуит'ь]). Общей для всех этих случаев является тенденция: в этом стиле значительно уменьшается противопоставленность фонем. Все ранее описанные особенности разговорного стиля подтверждают это вывод. В языке системно закреплен также и тот предел, до которого может доходить это сглаживание фонемных противопоставлений; за этой гранью начинается нелитературное просторечие⁵⁵.

36. Высокая произносительная окраска текста может быть создана введением в него слов с особым «торжественным» фонетическим обликом. Произносительные нормы высокого стиля обращены именно к словам; эти нормы могут не охватывать весь поток речи; отдельные лексические инкрустации (*ухищ*[р'эñ]ьй, [р'эф] и пр.), имеющие особый фонетический облик, поднимают весь текст в особый стилистический план.

Особенности разговорного произносительного стиля обращены не столько к отдельным словам, сколько ко всему тексту вообще; имеет значение общая тенденция, проявляющаяся во всех произносительных особенностях данного текста. Почти каждая из этих особенностей может быть и достоянием нейтрального стиля, но все они вместе выделяют стиль разговорный. (Разговорный стиль, следовательно, от нейтрального отличается именно шириной допусков и частотой использования этой ширины).

37. Слова нейтрального лексического стиля могут иметь 3 произносительных облика (в нейтральном, высоком и разговорном стиле; пример см. в п. 19). Для того, чтобы иметь такую троицу, эти слова должны обладать определенным фонемным строем: а) они должны в своем составе иметь такие фонемы и сочетания фонем (притом в определенных позициях), которые имеют своих заместителей (в этих же позициях) в высоком стиле; б) они должны обладать такими звуковыми сочетаниями, на материале которых могут осуществляться тенденции разговорного стиля. Совпадение обоих этих условий —

ские: *земля* — *земли*; стилистические: [р'оф] — [р'эф]... К языковой системе могут относиться, далее, не чередования, а их типовые схемы; [а] в *пять* (например при пении) чередуется в обычной речи со звуком более аккомодированным; он может иметь десятки обликов: [á] — [ä] — [e^a]...

⁵⁵ Например, проф. В. А. Филиппов к двум произносительным формам: *здрáст-вуйте* и *здрáсьте*, указанным Г. О. Винокуром, добавляет еще: *здрáствуйте*, *здрáв-стуйте*, *здрáсьте*... (см. предисловие в кн.: *Винокур Г. О. Русское сценическое произношение*. М., 1948, с. 6). Все эти формы, если они возможны в речи, находятся за пределами литературного языка. Ср. также у И. Л. Сельвинского: «Он г'ваил: „Асьте...“ Но Картышев ховорил: „Зыдырáствуйте“».

очень редко; поэтому так трудно привести бесспорные примеры тройного варьирования слов — по трем стилям.

Слова же высокого стиля могут иметь только два фонетических облика: в высоком и нейтральном стиле. Слова разговорные представлены в нейтральном произношении и в нерасчлененной серии разговорных произношений; таким образом, и здесь налицо два стилистических произносительных типа.

38. В некоторых (единичных) случаях слово в современном русском литературном языке имеет только стилистически окрашенное произношение, обусловленное его закрепленностью за высоким или за низким стилем. Например, слово [ты̯ц̯'о́нкъ] всегда имеет такое произношение; поскольку жива связь с [ты̯с'ьчъ] (нейтральный стиль) — [ты̯ш'ь] (разговорный), поскольку данное произношение — с редукцией заударного гласного до нуля и ассимиляцией (<с'ч) → [ш'] — осознается как разговорное⁵⁶.

Иногда слово в разных стилях приобретает различные оттенки значения (см. п. 4). При этом оно может по-разному произноситься в том и другом стиле. Например, слово *недоразумение* произносится двояко: *не[дъръ]зумение* и *не[дръ]зуменье*. Последнее произношение свойственно разговорному стилю, первое — нейтральному. С разными произношениями бывает связано и разное осмысление слова. *Не[дъръ]зумение* может означать «недопонимание»: «Здесь явное не[дъръ]зумение самых простых фактов». Во втором случае, когда произносится *не[дръ]зуменье*, слово имеет иной смысл — «ошибка, неприятное происшествие»: «Здесь какое-то не[дръ]зуменье: я не знаю никакого Варфоломеева». В этом втором случае и заударная часть скорее прозвучит: [н'и̯] или даже [н'и̯ь], а не [н'и̯ь], как она могла бы прозвучать в первом случае.

Другой пример: глагол «выцарапать» тоже может быть произнесен двояко: «На бересте надо костяным острием выцарапать буквы»; «Она готова всем глаза выцарапать». В первом случае несомненно *вы[църъ]пать*; во втором случае (разговорно-просторечный стиль) почти так же несомненно — *вы[цър]пать*; значение там и здесь не совсем одинаково.

39. Большинство исследователей, говоря о стилистике произношения, выделяет два соотносительных стиля. Л. В. Щерба, впервые поставив проблему произносительных стилистических различий в русском языке, писал о полном и разговорном стилях произношения⁵⁷.

Г. О. Винокур упоминал о необходимости «считаться по крайней мере с двумя вариантами образцового произношения: более строгим и менее строгим. Примером может служить хотя бы параллель *здраствуйте* — *здасьте*»⁵⁸.

⁵⁶ В этом случае стилистически соотносятся не слова, а морфемы: [ты̯с'ьч]... — [ты̯ш'ь]... (ср. также пример с суффиксами [эн] — [он], см. п. 25).

⁵⁷ Щерба Л. В. О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов // Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с. 21–25; ср.: Он же. Фонетика французского языка. М., 1953, с. 21–22.

⁵⁸ Винокур Г. О. Русское сценическое произношение. М., 1948, с. 27.

Р. И. Аванесов называет три стиля литературного произношения: книжный (или академический, или строгий), разговорный (стилистически нейтральный) и просторечный. Это очень важное и безусловно верное теоретическое положение. И все же дальше автор считает нужным заметить: «Представляется целесообразным различать две разновидности... стиля произношения»: строгий и свободный стиль⁵⁹. Чем объясняется эта постоянная замена троичности произносительных стилей их расчленением надвое?

Причин несколько. Важнейшая — та, что в языке правилом является колебание произношения каждого слова в пределах двух стилей: нейтрального — высокого или нейтрального — разговорного. Многие слова нейтрального стиля имеют только один тип произношения (*дом, ты, хлеб, глаза, один, ходить, читать* и пр.). Иногда и слова окрашенных стилей имеют одно произношение⁶⁰. Лишь изредка одно и то же слово имеет произносительные варианты во всех трех стилях. Поэтому-то «тройные» соотношения в системе произносительных стилей могут ускользать от внимания. При необходимости наиболее просто, сжато, без детализации вопроса описать произносительные стилистические варианты в русском языке, является вполне понятным стремление свести все к противопоставлению: более четко — менее четко, или тщательно — небрежно, или приподнято — обыденно⁶¹.

40. Ниже дан один и тот же текст в фонетической записи: А — нейтральный стиль; Б — разговорный стиль с максимальными отклонениями от нейтрального; все варианты произношения от нейтрального до предельно-разговорного также принадлежат разговорному стилю.

А. [у́ста́льи лѣн'и'удáч' || жàс'эл вòз'л'ьбл'шòвь стòгъ | зàв'этр'ьнѣ сть-
рлнѣ || икактòл'кь жаастáлсь б'и'з'д'э́ль | ис'эл || тьксрáзужь | нпустòм |
из'б'йтѣм вѣгн'ь | ув'йд'ьл галòфку кл'эв'ьрь || ин'и'эдль'и'кò лѣн'и'жò |
другáѣ гл'и'д'э́ль нѣм'и'н'á || атáм тр'э́т'иѣ || двáстут мнòгъ || скзáл'жáйм
фслух || имн'э стáль тáк || бутѣн'и'жáих нѣхд'ыл || аан'иф'э фхд'ыл'ь
в'м'и'нá || рáдуи'с | штѣ'я астáлсь б'и'з'д'э́ль || илбл'кá тòж'э | т'и'жòльи'э
| т'эснѣи'э || итрлп'йнкь пѣхалмú нан'эб'ь || итáм нѣв'и'рху | мál'ч'ьк скн'и-
шкѣи' фшкòлу ид'òт || ииз'д'и'р'эвн'ь гд'эшкòль | там'жэл' строгѣи' | плч'т'и
ч'òрнѣи' | выгл'áдывьль изьлáтѣх лпáдáиуш'ьх л'йп || имáл'ч'ьку шкòл'н'ьку
выскáзывьль || вотв'йд'ьш || лнипáдѣиут || уч'ис ум'и'н'á || нáдь уч'и'пѣ |
ин'и'элпáд'òш].

Б. [у́ста́льи лѣн'и'удáч' | жàс'эл вòз'л'ьбл'шòвь стòгъ | зàв'этр'ьнѣ ст'ьрл-
нѣ || и'экактòкѣи'æ астáлсь б'и'з'д'э́ль и'с'эл || тьксрáжжь | нпустòм из'б'йтѣм
вѣгн'ь | ув'йд'ьл галòфку кл'эв'ьрл || ин'ьдал'òкá лѣн'и'жò | другáѣл гл'и'-
д'э́ла нѣм'и'н'á || атáм тр'э́т'и'а || двáстут мнòгá | скзáл'жáи'эм фслух || и'мн'э

⁵⁹ Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М., 1954, с. 19.

⁶⁰ А для XVIII в. это было даже законом (см. п. 41).

⁶¹ Есть и другая причина. Отношения строгого (высокого) произносительного стиля к нейтральному имеют много качественных отличий (часть из которых описана выше) от тех отношений, которые связывают нейтральный и вольный стили. В поле зрения может попасть либо только один либо только другой тип соотношений.

ста́ла та́к || бу́тънъ ъја́иэх нѣхадъ ѿл ѡанъ ѿфс'э^и | фхадъ ѿл'ь в'м'и'на́ || ра́дѣи'с | штѣ́ја лста́лсѣ б'и'з'д'э́ла || и'а́блака́ то́ж^ь | т'и'жо́лыи' т'э́сныи' | и'трап'и́нка пѣ́халму́ | нан'э́б'ь | и'та́м нв'и'рху́ | ма́д'ч'ѣк скн'и'шкѣ^и фшкóлу ид'óт || и'и'эз'д'и'р'эвн'ь гд'э^ишко́ла | там'јэ́л' стро́гѣæ | пач'т'ѣч'о́рнѣил выгл'а́двѣла и́зѣлатѣх лпа́да^ии'ш'ѣх л'ип | и'ма́л'ч'ѣку шко́л'н'ѣку выска́зѣвѣла || вот'в'и'д'ѣш | лни'па́дѣут || үч'и́с үм'и'н'а́ || на́да үч'и́цѣ || и'н'ѡпа́д'о́ш^и]⁶².

(М. М. Пришвин)

41. Далее даны две транскрипции одного и того же стихотворения; первая отражает нейтральный стиль, вторая — строгий.

I. [праш'а́йт'и' íзбы | м'о́рзлыи' луга́ | ит'о́мнѣи прут фс'и'р'э́бр'ѣнѣи лпра́в'и' || ско́л'ра́дѣснѣ ит'и' ч'ѣрьс'н'и'га́ | на́фстр'э́ч'у с'м'э́рт'и' | по́д'в'ьгу | ислáв'и' ||| страна́ ма́гүч'л | инаро́т в'и'л'и́к | и́дл'ѣнаро́дь лүч'шѣи н'э́т на́грады || кагда́ б'и'з'в'э́снѣи кѣ́страмско́и мужы́к | б'и'с'м'э́рт'ѣн | какпр'и'дáн'ѣил э́лады].

I. [праш'а́йт'ь | íзбы | м'о́рзлыиѣ луга́ | ит'о́мнѣи прут фс'э'р'э́бр'э'нѣи лпра́в'ь || ско́л'ра́дѣстнѣ ит'и' ч'ѣрьсс'н'э'га́ | на́фстр'э́ч'у с'м'э́рт'ь | по́дв'ьгу | ислáв'ь ||| страна́ ма́гүч'ь | инаро́т в'э'л'и́к | и́дл'э'наро́дь лүч'шѣи н'э́т на́грады || кагда́ б'э'зв'э́стнѣи кѣ́страмско́и мужы́к | б'и'э'с'м'э́рт'э'н | как-пр'э'дáн'иѣи э́лады].

(С. Н. Марков).

42. Выше были описаны некоторые особенности стилей произношения в современном русском литературном языке. Эти стилистические отношения исторически изменчивы; в XVIII в. они были иными, чем сейчас. Например, степень замкнутости произносительного стиля различна для разных эпох. Для середины XVIII в. замкнутость высокого произносительного стиля была очень велика. Отсутствие качественной редукации гласных, наличие гласной фонемы ⟨ѣ⟩, особое произношение многих грамматических форм, особая система ударений — все это были неотъемлемые признаки высокого стиля, отличающие его от стиля «низкого». Стили XVIII в. часто рассматривают как замкнутые диалекты, и это имеет известные основания. Нейтральный стиль в XVIII в. не приобрел того значения, какое он получил в языке XIX века; «высокий» стиль

⁶² В транскрипции Б отмечены только некоторые (обычно предельные) возможные варианты сниженного, разговорного стиля современного литературного языка. В транскрипции А также даны избранные варианты, но, конечно, уже не предельные, а наиболее распространенные. В транскрипции Б насыщенность произносимого текста разговорными показателями предельно высока; такое их скопление встречается в речи редко — но каждая из особенностей высокочастотна. Таким образом, транскрипция Б гиперболизирована двояко: учтены предельные отклонения от нейтрального стиля и дана предельная насыщенность текста этими разговорными отклонениями. В этой же транскрипции отражена (до некоторой степени) пестрота и непоследовательность разговорного произносительного стиля.

непосредственно соотносился с «низким»; предполагалось, что каждое слово высокого стиля противопоставлено определенному слову «низкого»⁶³; если же в некоторых случаях такого двойного набора лексем не было, то это принимало характер стилистической омонимии. Это отражалось и на произносительных нормах: в высоком стиле тщательно устранялись особенности обыденного, бытового произношения; ни аканье, ни ⟨э⟩ вместо ⟨ѣ⟩ (которое произносилось как [iĕ]) совершенно не допускались в жанрах «высокого стиля»⁶⁴.

Точно так же для поэтических текстов XVIII в. (не только Ломоносовских, но и державинских) чтение [ó] после мягких согласных перед твердым было невозможно.

Лишь с постепенным выдвиганием на передний план нейтрального стиля — с перестройкой всей стилистической системы⁶⁵ — возникла возможность,

⁶³ В этом смысле для поэта XVIII в., решившего писать высокую оду, не было выбора. Он обязан был отвергнуть одно и взять другое. Отсюда категоричность рекомендаций:

Не *голос* чтется там, а сладостнейший *глас*;
 Читают *око* все, хоть говорят все *глаз*;
 Не *лоб* там, но *чело*; не *щеки*, но *ланыты*;
 Не *губы* и не *рот* — *уста* там багряниты.

(В. К. Тредиаковский)

Но М. В. Ломоносов, выделив «средний штиль» (т. е. жанры с преобладанием неокрашенных слов), выделив сами эти неокрашенные слова («в обоих наречиях встречающиеся»), положил начало перестройке стилистической системы русского языка.

⁶⁴ Прекрасный образец фонетической транскрипции высокого стиля дает «Разговор об орфографии» В. К. Тредиаковского. Ассимиляция согласных строго указана; фонетически отмечено произношение ⟨ѣ⟩ (= [iĕ]) и т. д., редуция же гласных «снята». Считают, что Тредиаковский не посмел посягнуть на орфографическую передачу гласных и изменил фонетике ради орфографии; таким образом, транскрипция Тредиаковского рассматривается как белорусский правопис наизнанку. Это мнение неверно: Тредиаковский стремился точно воспроизвести высокий стиль произношения, а в нем редуция гласных отсутствовала. Ср.: «...В трагедии [XVIII в.] правильным считалось произношение *уора* при бытовом произношении *гара*» (*Винокур Г. О. Русское сценическое произношение*, с. 25).

⁶⁵ Если ввести следующие обозначения: *n* — «содержит указание на»; *n̄* — «не содержит указание на»; *A* — «торжественность речи»; *Ā* — «неторжественность речи»; то стилистическая система XVIII в. найдет выражение в формулах: *nA* ↔ *nĀ*. Система стилей XIX—XX вв. иная: *nA* ← *n̄A* → *nĀ* (т. е. торжественный стиль ← не торжественный стиль → неторжественный стиль).

О преобразовании стилистической системы русского языка во второй половине XVIII — начале XIX в. на основе выдвигания среднего (нейтрального) стиля см.: *Виноградов В. В. Вопросы образования русского национального литературного языка // Вопросы языкознания*, 1956, № 1, с. 19, см. также: *Левин В. Д. Наблюдения над стилистическими изменениями в лексике русского литературного языка в первой половине XIX века // Материалы и исследования по истории русского литературного языка*, т. IV. М., 1957, с. 66—68.

например, читать в рифме [ид'эт], а в середине строки [ид'от]. Эта традиция произношения стиха существует и наше время⁶⁶.

Таким образом, замкнутость высокого произносительного стиля для разных эпох оказывается неодинаковой. От XVIII в. к нашему времени она постепенно уменьшается.

43. В языке XVIII в. лексические и фонетические сигналы языкового стиля должны были сопутствовать друг другу; лексические свидетельства подтверждались фонетическими. Поэтому слово, встречающееся только в одном из окрашенных стилей, могло иметь только ту фонетическую форму, которая соответствовала нормам этого стиля (см. п. 26).

В современном русском литературном языке нет такой принудительной связанности лексических и фонетических показателей. Текст, насыщенный торжественной лексикой, можно (а во многих случаях и необходимо) произнести в нейтральных фонетических нормах. Если же этот текст произносится в высоком стиле, то это уже дополнительная стилевая краска, усугубляющая лексическую торжественность. Таким образом, фонетические средства наслаиваются на лексические стилевые средства, варьируя стилевую отнесенность текста; ср. два типа чтения, указанные в п. 41. Вторая произносительная форма этого текста делает его стилистическую приподнятость, торжественность более напряженной⁶⁷.

44. Сигналы высокого произносительного стиля могут обладать разной силой: они в разной степени противопоставлены нейтральному стилю.

При этом мена фонем дает тексту обычно более резкую, более интенсивную стилистическую окраску, чем способны дать позиционные чередования вариаций и вариантов фонем. Среди чередований вариаций и вариантов фонем тоже устанавливается шкала оттенков. Это напоминает более или менее четкое стилистическое расслоение лексики (см. п. 14); притом расслоение фонетических показателей в известной степени следует той же самой шкале, что и в «подстилях» высокой лексики.

Есть произносительные особенности, способные дать тексту окраску книжного стиля; стилевая «высота» при этом очень незначительна, она аналогична по характеру той, что дается введением книжных слов. Таким является отмеченное выше подчеркнуто четкое произношение йота в заударных позициях (*зна[й]т, стары[ий³]*).

⁶⁶ Именно эта традиция, к слову сказать, и позволяет литературоведам наслаждаться внутренней рифмой у Г. Р. Державина: *глагол вре[м'он] металла звон...*

⁶⁷ Таким образом, если шкалу «подстилей», входящих в группу высокого стиля (риторический, торжественный, книжный...), представить как ряд величин: 10... 20... 30... 40..., то фонетическая стилистика может варьировать эти величины, превращая 40 в 41, 42, 43, или 30 в 31, 32, 33...

Другие особенности гораздо более ярки в стилистическом отношении, например, произношение предупредительного [э^н]; эта особенность соответствует примерно «торжественной» стилистической подгруппе в лексике (см. п. 16).

Диапазон стилистической окрашенности исторически постепенно возрастает; становятся возможными все более значительные контрасты с нейтральным стилем. Этот процесс удлинения стилистической шкалы протекает разными путями.

45. Число показателей, вносящих стилистическую окраску, может быть в данном тексте большим или меньшим. Можно использовать все возможности сказать вместо *глаза* — *очи*, вместо *идет* — *грядет* и т. д.; но можно и сознательно не воспользоваться многими из них.

Благодаря этому текст получит в одном случае насыщенно-торжественную окраску, в другом же окажется сдержанно-торжественным. Исторически в русском языке развивается тенденция использовать все степени стилистической насыщенности и особенно такие, когда окрашенность текста создается немногими показателями⁶⁸.

Это ведет к тому, что частотность некоторых показателей высокого стиля уменьшается; они становятся подчеркнуто-редкостными: следовательно, более резкой становится их высокая стилевая окрашенность, сильнее они придают тексту торжественный тон. Таким образом, уменьшение показателей высокого стиля не приводит к сокращению шкалы стилистической выразительности. Напротив, эта шкала растет. Например, произношение причастий с суффиксальным [э̃] — теперь очень резкая стилистическая краска; она иногда необходима только в рифме, например, при чтении стихов; ср. такие рифменные сочетания, как *мгновенных* — *увлеченных*, *постепенно* — *умудренный* и т. д. Однако произношение причастий с суффиксальным [э̃] необходимо только в рифме, а не в середине строки: этого будет достаточно и для сохранения структуры стиха, и для стилистических целей. Такое произношение, более или менее обычное для поэтической речи в XIX в., сейчас стало редкостным; сами эти формы приобрели более интенсивную стилистическую окраску. В современном исполнении достаточно немногих слов с такими подчеркнуто-торжественными

⁶⁸ По сравнению с русским литературным языком XVIII в., современный язык строже нормирован, менее пестр. В противоречиво-неустоявшемся языке XVIII в. нужно было действие большой совокупности указателей, чтобы на фоне еще неуравновешенных, капризно-изменчивых, текуче-неопределенных речевых конструкций «низкого» стиля выделить особый ряд «высоких» речевых жанров. Отсутствие вполне сформировавшегося нейтрального стиля, как начала стилистических отсчетов, затруднило выделение каждой стилистической группы. Это и вызывало необходимость в массовой сигнализации данного произносительного стиля. После укрепления строго нормированного нейтрального стиля стало излишним сигнализировать высокий стиль сплошным потоком произносительных особенностей, и количество показателей высокого стиля было сужено.

произносительными приметами, чтобы создать то отстояние от нейтрального стиля, которое в XIX в. создавалось произношением всех причастий в торжественном стиле.

Но ведь и сейчас можно все причастия произнести с [эñ] в суффиксе и тем самым поднять торжественность текста еще на одну ступень.

Следовательно, уменьшение средней насыщенности текста стилистическими показателями и вследствие этого уменьшение их частотности приводит к удлинению стилистической шкалы; появляются возможности более резко, чем раньше, противопоставить окрашенный стиль неокрашенному, нейтральному.

46. Описанный путь расширения шкалы стилевой окрашенности характеризует в первую очередь высокий (строгий) стиль. Но растет диапазон и разговорного стиля. Это происходит главным образом путем вовлечения в пределы разговорного литературного стиля тех произносительных особенностей, которые считались принадлежностью просторечия. (Может быть, этим объясняются постоянные жалобы «отцов», что произношение «детей» недопустимо небрежно.)

47. Однако далеко не все произносительные приметы строгого (высокого) стиля могут быть вкраплены в общий нейтральный орфоэпический фон и при этом оставаться приметами высокого стиля. Если, например, в тексте встречается то эканье, то иканье (при произношении фонем ⟨е, а, о⟩ в предударном слоге), то стилистический эффект эканья будет утерян. В лексике иное положение: там могут в одном и том же тексте встречаться и слова *глас, уста* и под., и слова *голос, губы* и под. — присутствие слов торжественной окраски определит восприятие текста.

Чем объясняется такое различие в восприятии, с одной стороны, некоторых произносительных и, с другой стороны, лексических показателей стиля языка? Дело, очевидно, в том, что многие фонетические признаки сравнительно недавно переосмыслились и получили стилистическую функцию. Например, эканье до сих пор сохраняется у некоторых лиц как обычное произношение, как норма нейтрального стиля (например, у старшего поколения). Поэтому смешение икания и эканья в одном тексте подчеркнет нефункциональность этого различия.

Чтобы эканье было признано стилистической приметой, необходимы: а) выдержанность его при произношении данного текста; б) отсутствие его в ряде других текстов (хотя бы и произнесенных тем же лицом).

Сказанное относится не только к эканью, но и ко многим иным стилистическим произносительным признакам.

Никто, говоря по-русски, сейчас не употребит слово *очи* в стилистически нейтральной функции; такое употребление его относится к очень далекому прошлому. Это характерно для лексических стилевых показателей вообще;

огромное их большинство глубоко традиционно. Для большого количества фонетических показателей характерна двузначность; они (на уровне *Kundgabe-information*) сообщают, например, о возрасте говорящего, а в других случаях — о стилистических разграничениях. Стилистическая функция проявляется при нагнетании этих показателей в одних текстах и их отсутствии в других.

А это ведет к тому, что показатели разных стилей (нейтрального и строгого) оказываются нетерпимы в одном и том же тексте: нужно или эканье, или иканье, а не то и другое. Но именно такое соотношение присуще системе с двухчленным противопоставлением: $nA - n\bar{A}$ (см. сноску 65). Очевидно, это обстоятельство и создает иллюзию, что в современном языке непосредственно противопоставлены разговорный и строгий стиль, что система произносительных стилей двучленна.

Однако все сказанное относится только к некоторым, сравнительно новым стилистическим показателям; основная же их масса допускает сочетание окрашенного со стилистически неокрашенным в пределах одного текста, и, следовательно, система произносительных стилей трехчленна, так же как и система стилей в лексике.

48. По определению А. М. Сухотина, на протяжении XIX—XX вв. «...расширение области применения литературного языка вызывает рост дифференциации стилей, все большее их дробление, с одной стороны, а с другой — использование их противопоставлений на коротких отрезках, их композиционное сочетание»⁶⁹.

Иными словами, увеличивается дифференциация стилей в парадигматическом и синтагматическом плане. Этот процесс, очевидно, характеризует историю стилей не только в лексике, но также и в области произношения.

Уже говорилось, что насыщенность нейтрального фона приметами окрашенных стилей исторически изменчива: в XVIII в. она выше, чем в XIX или XX в. (при создании стилистической окраски равной интенсивности). Это связано с отношениями парадигматическими: отношения в стилистических парадигмах (*очи — глаза — гляделки, ибо — так как, потому что* и пр.) стали более определенными: выделился и четко отграничился нейтральный стиль, позволив единицам высокого и сниженного стиля стать всего лишь вкраплениями, вставками в неокрашенную словесную массу. С другой стороны, это уменьшение показателей окрашенности текста связано с отношениями синтагматическими. Если нужную окраску текста можно создать немногими вкраплениями, то увеличивается возможность чаще менять стилистическую характеристику текста, добываясь особой выразительности от смены стилей на протяжении одного сообщения.

⁶⁹ Сухотин А. М. Стилистика лингвистическая // Лит. энциклопедия, т. 11. стлб. 39–40.

Таким образом, развитие стилей в парадигматическом плане и развитие их в плане синтагматическом оказываются взаимосвязанными.

Изучение эволюции произносительных стилей в синтагматическом плане встречает серьезные трудности. Ведь точная фиксация фактов произношения в достаточно длительных речевых произведениях принадлежит только XX веку. Однако косвенные свидетельства получить можно: сценическое произношение отражало возрастающие возможности переходить от пафосного, высокого, торжественного стиля к повседневому, непритязательно-бытовому. Театроведческая и мемуарная литература оставила ряд любопытных свидетельств на этот счет; их анализ может быть предметом особого исследования.

49. Особого рассмотрения заслуживает вопрос о художественно-выразительных разновидностях и их отношении к произносительным стилям.

Г. О. Винокур писал: «Произношению в сценическом поведении актера принадлежит двойная роль. Во-первых, произношение есть внешняя форма сценической речи, как и всякой иной: через его посредство зрителю передается содержание того, что говорят на сцене. Во-вторых, произношение в известных случаях служит также одним из средств актерской игры, наряду с жестом, голосом, костюмом, гримом. Необходимо различать обе функции сценического произношения — общую и художественную, тем более, что и практически на сцене каждая из них осуществляется при помощи произносительного материала»⁷⁰.

Выполняя художественную функцию, сценическое произношение в отдельных случаях может значительно отклоняться от произносительных стандартов.

На сцене — Б. В. Щукин в роли Булычова. Щукин, разумеется, безукоризненно владеет литературной речью, а Булычов — окает. Оканье — дополнительная краска, особый компонент образа Булычова, такой же, «как и его кряжистая фигура, смазные сапоги, купеческий кафтан»⁷¹.

У И. С. Тургенева читаем «Упомянем кстати о Петре. Он совсем окоченел от глупости и важности, произносит все *e* как *ю*: тюпюрь, обюспючюн. Он тоже женился и взял порядочное приданое за своей невестой, дочерью городского огородника, которая отказала двум хорошим женихам только потому, что у них часов не было: а у Петра не только были часы — у него были лаковые полусапожки».

Оканье у Булычова — это то же, что его смазные сапоги, купеческий кафтан и т. д. *Тюпюрь* у Петра — это его лаковые полусапожки. И то и другое — средство передать характерность образа, средство чисто художественное. И в том и в другом случае это художественное средство заключается в деформации литературной нормы. В одном случае эта деформация выражается подменой одного варианта данной фонемы другим вариантом той же фонемы, в другом случае вариация одной фонемы подменена вариацией другой фонемы.

⁷⁰ Винокур Г. О. Русское сценическое произношение, с. 21.

⁷¹ Аванесов Р. И. Вопросы русского литературного произношения // Русский язык в школе, 1937, № 3, с. 88. Сам Щукин писал: «Язык Булычова — как стихи. Фраза закончена, круга, ритмически четка... Она как пословица. То, что мой Булычов говорит на „о“, объясняется не только тем, что дело происходит в Костроме, а и тем, что особенность речи еще больше подчеркивает афористичность, особый игровой и звуковой ритм горьковского текста» (См. Новицкий П. Борис Щукин. М., 1948, с. 127).

Чтец декламирует стихи Н. Н. Асеева:

Была пора глухая,
Была пора немая,
Но цвел, благоухая,
Рабочий праздник мая.

Все заударные ⟨а⟩ чтец произносит слегка протяжно, очень слабо их редуцирует. Стих инструментован на [а]: естественно, является стремление (возможно — интуитивное, не рационалистически-прямолинейное) усилить заударное ⟨а⟩ в рифме. Здесь одна вариация фонемы заменяется другой, еле заметно отличающейся от первой.

В некоторых случаях выразительная функция звука определяется не волей артиста-исполнителя, а волей самого автора текста. И в этом случае внимание слушателя (читателя) может быть привлечено к таким оттенкам произношения, которые обычно (в языке, имеющем только коммуникативно-информационное назначение) не привлекают внимания читателя. С. И. Бернштейн писал: «Если в практической речи звуки различаются сознанием говорящих постольку, поскольку они дифференцируют слова, то в стихотворном языке оттенки фонем могут явственно различаться вне этих условий — в зависимости от их роли в эвфоническом построении»⁷².

Все эти отличия художественной звучащей речи не стоят в одном ряду с теми, которые выше были названы стилистическими. Художественно-изобразительная и неизобразительная сторона речи — это иное речевое рассечение, чем рассечение на стилистические жанры.

Г. О. Винокур считал, что в «поэтическом языке» преодолевается различие между фактами системы языка и фактами говорения⁷³. В особенностях произношения художественных текстов, как видно из примеров, достигается именно такое преодоление: все факты говорения оказываются «валентными», художественно значимыми, соотнесены с другими фактами и в этом смысле «системны». Очевидно, что принцип противопоставления «художественно-изобразительная речь — информационная речь» совсем иной, чем принцип рассечения на языковые стили. И все же у этих двух плоскостей есть точки соприкосновения. Когда различия в произношении служат для опознания стилистических градаций, фонемные вариации и варианты приобретают дополнительно-различительный смысл: [и³] противопоставлено [э⁴] в произносительных разновидностях [би³да] — [бэ⁴да]. Таким образом, оказывается значимым то, что находится в пределах одной строевой единицы языка. Это сближает стилистические противопоставления с художественно-изобразительными потенциалами речи. Все же остальное разделяет их.

⁷² Бернштейн С. И. О методологическом значении фонетического изучения рифм // Пушкинский сборник памяти С. А. Венгерова, М.; Пг., 1923, с. 347. Ср. наблюдения над стихом М. Ю. Лермонтова в кн.: Артюшков А. А. Звук и стих. Пг., 1923, с. 35. Ср.: «...в стиховой речи в связи с художественным использованием звуковых качеств... в качестве самостоятельных фонетических элементов могут выступать не только фонемы, но и... комбинаторные оттенки фонем» (Бернштейн С. И. Стих и декламация // Русская речь, Новая серия, вып. I, 1927, с. 23–24).

⁷³ Винокур Г. О. Понятие поэтического языка // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ, вып. 3, 1947, с. 6.

50. Тончайшие звуковые оттенки могут быть использованы с художественно-выразительными целями. Но чтобы эти оттенки были восприняты, необходим строгий, ровный фон: на пестром фоне легкие изменения стилистических красок пропадут.

Именно поэтому основой, с которой соотнесен любой художественный текст, является строго нормированный нейтральный стиль произношения. Он может составлять основную ткань произведения, на которой выступают узоры художественно-оправданных отклонений от стандарта. В других случаях произведение может быть целиком построено на стилизации произношения диалектного, архаического, индивидуально-нестандартного и т. д., в этом случае нейтральное произношение окажется более далеким фоном (будет присутствовать как осознанная норма); но только в соотношении с этим фоном и играют все диалектные (или иные) краски. Оканье Булычова как черта, раскрывающая что-то в его образе, значимо лишь для тех, кто владеет литературным неоканьющим произношением.

Разговорный же, вольный стиль в равной степени склонен к разным вариантам, занимает по отношению ко многим из них, так сказать, «объективистскую позицию», равно приемлет и то и другое. Но и его терпимость не безгранична — иначе бы он перестал быть стилем литературного языка и опустился бы до просторечия. Вольный стиль индифферентен ко многим звуковым вариантам — и эти варианты в нем индифферентны.

Строгий стиль чужд такого равнодушия; он отвергает одно, принимает другое. Он небезразличен к звуковым вариациям — и поэтому звуковые вариации в нем небезразличны, не безличны, выразительны. Вывод прост до тавтологичности.

Но в этом тавтологическом однообразии скрыто противоречие. Материальное звуковое богатство вольного стиля дает содержательную бедность; наоборот, в высоком, строгом стиле содержательное (в данном случае стилистико-содержательное) богатство звука обусловлено материальной бедностью, однообразием звукового материала⁷⁴.

51. «Чем более унифицировано литературное произношение, — пишет Р. И. Аванесов, — чем строже придерживаются говорящие орфоэпических норм, тем большую выразительность приобретают отступления от них, тем острее воспринимаются все отклонения от литературного произношения, которые неминуемо приобретают в сознании лиц, владеющих орфоэпическими нормами, определенную выразительность»⁷⁵.

⁷⁴ Это противоречие было замечено еще И. А. Бодуэном де Куртенэ. «На низшем уровне, при сильной редукции, — писал он, — разнообразие психическое нисходит до минимума, но зато появляется разнообразие исполнения...» Слова Бодуэна подчеркивают не столько стилистическую, сколько фонологическую содержательность и разнообразие. Но важно, что исследователь указал противоречие того же типа, что отмеченное выше.

⁷⁵ Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М., 1950, с. 15–16; *Он же*. Вопросы русского литературного произношения // Русский язык в школе. 2, 1937, № 3, с. 88. Эту мысль (но применительно ко всему языку, а не только к «произношению») любил подчеркивать Л. В. Щерба: «Чем выше в обществе произносительная культура, ... тем большую выразительность приобретают отступления от стандарта» (*Щерба Л. В.* Современный русский литературный язык // Русский язык в школе, 1939, № 4, с. 26); ср.: «Когда чувство нормы воспитано у человека, тогда-то начинает он

Таким ровным фоном может являться только нейтральный стиль. Однако язык художественной литературы и театра консервативнее языка информации, и это его достоинство: стабильность языка позволяет соотносить, сопоставлять разные стилевые системы (начала XIX в. и середины XX в.) на фоне одной, неизменной сетки координат — на фоне стабильного литературного языка. Поэтому тот нейтральный стиль произношения, который принят, например, на сцене московских театров, отличается от нейтрального произносительного стиля, которым пользуются зрители в фойе этих же театров. В этом особом «сценическом нейтральном стиле» скрещиваются функционально-художественные и стилистические деления речи и языка.

52. Произносить текст можно протяжно: — Ва-а-а-ня-а-а!

Можно чеканить слова по слогам. Наконец, существует обычное, «говорное» произношение, не посложное и не протяжное. Эти разновидности можно было бы назвать (за отсутствием лучшего наименования) *с п о с о б а м и п р о и з н о ш е н и я*.

Особо важная форма «протяжного» произношения — пение. Оно тоже имеет свои стилистические градации; во многих чертах (не во всех!) нейтральный стиль пения сходен с высоким стилем говорного произношения. Например, нормальным для пения является эканье; икающее произношение исключено. Ср.: «...если в разговорной речи в словах «тебе», «меня» гласная *e* приближается к *и*, то в пении, особенно если первый слог обладает известной длительностью, открытое *и* делается вульгарным и потому неприемлемым...»⁷⁶. Но некоторые особенности нейтрального стиля в пении не находят себе аналогии в говорных стилях. Сюда относится, например, произношение [а] на месте фонем ⟨а⟩ — ⟨о⟩ во всех безударных позициях. Именно этот нейтральный стиль пения был кратко описан Л. В. Щербой под названием полного стиля. Ср. транскрипцию этого стиля:

я пáмятник себе ваздв́иг нерука́твóрный
к нему́ не зарастёт наро́дная трапа́
вазнéсья в́ыше он главо́ю непáкóрной
александри́йскава сталпа́⁷⁷.

Совершенно ясно, что ни в одном говорном стиле такое произношение невозможно; но оно характерно для пения⁷⁸.

чувствовать всю прелесть обоснованных отступлений от нее» (Щерба Л. В. Спорные вопросы русской грамматики // Русский язык в школе, 1939, № 1, с. 10).

⁷⁶ Кристи Г. Работа Станиславского в оперном театре. М., 1952, с. 93. В «Воспоминаниях о русских художниках» В. С. Мамонтова (М., 1951) читаем об одном певце-любителе: «Становясь в позу Онегина, начинал он: Вы мне писали, не отпирайтесь... и т. д. и каждый раз обязательно пел он: *Мне ваша искренность мела*, не обращая никакого внимания на мои замечания и поправки» (с. 70). Следовательно: а) этот певце-любителю не привык в своей обыденной речи в первом предупредительном слоге различать ⟨и⟩ и ⟨э⟩; б) он знал, что в пении они различаются; в) но он не обладал стабилизированными навыками этого различения, особые орфоэпические нормы пения были ему чужды.

⁷⁷ Щерба Л. В. Фонетика французского языка. М., 1953, с. 24.

⁷⁸ Ср. такие фонограммы пения: «Голос пел: Ва краа-а-ю чужом далёё-оо-каам вспами-на-ю я ти-бя» (Белый А. Симфония вторая, драматическая. Собр. соч., т. IV. М.,

Пение осуществляет переkreщивание трех произносительных разделений: оно определяется, во-первых, способом произношения, во-вторых, — особенностями художественной речи, в-третьих, оно отражает стилистические противопоставления в языке; к тому же оно связано с музыкальной партитурой; поэтому исследование орфоэпии пения особенно трудно, и сделано здесь исключительно мало.

53. Стилистика русского произношения изучена совершенно недостаточно; фактов собрано немного. Но их дальнейшему собиранию препятствует именно неразработанность теории. В настоящей статье автор на основании определенного круга наблюдений рискнул предложить решение некоторых вопросов стилистики произношения, вполне отдавая себе отчет в дискусионности многих из этих решений.

1917, с. 258). Ср. замечания о пении в руководствах для певцов (например: *Садовников В. П.* Орфоэпия в пении. М., 1958, с. 12).

Об аналитических прилагательных*

Из мелкой сволочи вербую рать.

А. Пушкин

Когда в языке формируется новый грамматический класс, в него стекаются самые разные по происхождению единицы, иногда — с темным, причудливым прошлым. Однако в новой грамматической общности, в новой семье их не попрекают происхождением: неважно, откуда они. Важно — где.

За последние полвека в русском литературном языке сложилась особая часть речи: аналитические прилагательные. Лингвисты не торопятся признать *de jure* этот новый лингвистический класс. Мешает в первую очередь диахроническая пелена на глазах: помнят, откуда пришли эти слова, и не видят их новых и прочных связей.

Что же, проверим происхождение этой грамматической «сволочи» (сволакивается она в группу аналит-прилагательных); выясним, существенно ли сегодня это прошлое. Или они уже прошли грамматическую перековку?¹

1. *Форма хаки, цвет беж; язык хинди; поезд bis; коми писатель, коми литература.*

Парфюмерия люкс и иной ходкий товар («Неделя», 11.VIII.1968); Идея люкс! Будем действовать на базе полного кооперирования! (М. Левитин. Конец короля липы. М.; Л., 1962); [В посылках]... шелка-экстазы: цвет-гаван и цвет-фисташ, фетры, гетры, газы, стразы, шевиот и трикотаж (А. д'Актиль. Сияк под глазом. М., 1926); Они были... говорящими, «шпрых клоунами» (Л. Никулин. Карандаш. М., 1951).

Fremdwort'ность таких прилагательных не тускнеет в современном русском языке; они не имеют омонимов-существительных, примыкание к существительному у них постпозитивное (необычное для русского языка, явно Fremdwort'ное)². Впрочем, не у всех; последнее благоприобретение этой группы:

* Фонетика. Фонология. Грамматика: К 70-летию А. А. Реформатского. М.: Наука, 1971. С. 240–253.

¹ Далее намечены группы аналит-прилагательных по их происхождению. Современность классифицируется с диахронической точки зрения. Конечно, такая классификация не может претендовать на полную последовательность и стройность: сквозь диахронические очки современность видится мутно и расплывчато.

² Впрочем, не всегда: Пара туфелек бежцвета (*Халов П.* Три огонька. Хабаровск, 1960).

прилагательное *мини-* (широко употребительное из-за повсеместного ношения мини-юбок) — препозитивно: Макси-долг в мини-фунтах [заглавие статьи об английском валютном курсе]... Итак, подведем итоги: долги стали максимальными, а фунты минимальными («Известия», 9.XII.1967)³.

Группа в языке малопродуктивна: она слишком Fremd-.

2. *Киносценарий, радиоизвестия⁴, авиаконверты, электроприборы, телепостановка, аэропочта, фотоматериалы.*

Константин На каток Не ходок, Сидит и сидит В помещении, При электро сидит Освещении (Э. Мошковская. На каток не ходок. «Пионер, правда», 4.1.1903); Уже работают кружки художников-оформителей, автомото, музыкальный и другие («Веч. Москва», 27.X.1955)⁵; Почему вступление «авиа»? Просто я писал в самолете: на высоте лучше работается (А. Вознесенский. Почта со стихами. Авиавступление. Знамя. 1963. № 11); Микро- и полумикрометоды органической химии (Новые книги. 1960 № 35); Радио- и телевизионные центры (Правда. 14.IV.1960)⁶.

Такие аналитические прилагательные отличаются от предыдущей группы: они соотносятся с существительными того же корня (*радио, кино, авиация, телевизор, аэроплан*). Эти существительные — интернационализмы; группа перспективная. Недаром В. Маяковский быт будущего рисовал именно такими словами:

Кричит радиобудильник вежливый...

Гражданина остановила авиамилиция...

Летают аэростоловые нарпита...

Гражданин включил электросамобритель...

³ Еще любопытный пример: Кто знает, может он решится нарисовать на напалмовых бомбах этакую белокурую бестию в мини-юбке? А может в маки? (Веч. Москва, 18.X.1967; пример из картотеки Е. В. Красильниковой).

⁴ Хорошую словесную радиоколлекцию с аналитическими прилагательными собрала В. Л. Воронцова (см.: Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис. М., 1968. С. 125–130). Могу добавить только один красивый пример: «Радиопингины. Сорок пингинов были доставлены на Южный полюс. Каждое животное снабжено миниатюрным радиопередатчиком. Что будут делать пингины, каков их путь с полюса? Теперь ученые смогут ответить на эти вопросы. На трассе к Южному полюсу летают самолеты, на которых установлены приемники, ловящие радиосигналы пингинов» (Моск. комсомолец. 2 дек. 1965 г.).

⁵ Эти два примера подарила мне В. Л. Воронцова; глубоко благодарен ей за них.

⁶ Ср. еще: Летчик... задумчиво сказал: — Погоды не дают. — Ерунда! Я справлялся на метео: погода есть (*Грекова И.* На испытаниях // Новый мир, 1967, № 7; пример из картотеки Е. В. Красильниковой).

Группа настолько жизненная, что захватывает (в речи некоторых граждан) и то, что ей не принадлежит. На Рижском взморье в одном из домов отдыха объявление: «Завтра экскурсия в Ригу. В соборе на органе будет исполнена „АВИО МАРИЯ“» (Москва. 1965. № 3).

3. *Пресс-офицер, эрзац-литература, программа-минимум, требования-максимум.*

Проповедь эрзац-патриотизма (Лит. газета. 21.III.1963); Секретариат редакции объявил блицконкурс на лучшее название [статьи] (Вопросы лит.-ры. 1962. № 11); «Модерн»-мещанство и его обличители (Октябрь. 1962. № 3); Глава из повести-гротеск (сб. Бизнес. М., 1929).

Кроме того, в картотеке автора статьи представлены: *пресс-офицер, пресс-информбюро, пресс-бюллетень, пресс-хищники* (Из газет). Как и в предыдущей группе, у таких аналитических прилагательных (*пресс-, эрзац-, модерн-*) есть однокоренные существительные: *пресса, эрзацы, минимум* и т. д. Но сочетания типа *пресс-офицер* не понимаются как бывшие сложные слова. Мешает то, что они оканчиваются согласным. Скорее их можно принять за сочетание существительных; первое из них — интернационализм. Но новое функционирование этих единиц в современном русском языке такое эрзац-объяснение вовсе не объясняет. Ведь порядок их закреплён (не *офицер-пресс*, не *литература-эрзац*, не *минимум-программа*), а это говорит о том, что препозитивная часть — не существительное.

4. *Чудо-молот, горе-изобретатель.*

Чудо-мост (Молодая гвардия. 1968. № 2), чудо-человек [робот] (Г. Мамлин. Двадцатый век... М., 1962); чудо-химия (Ю. Каменецкий. Для тебя. М., 1962); вокзальный чудо-кипяток (В. Шаховской, Каспийские зори. М., 1957); чудо-кубрики (В. Семернин. Синие широты. М., 1962); чудо-машины (Лит. Россия. 25.I.1963, Комс. правда. 7.III.1963); чудо-молот (Известия. 25.VII.1965); чудо-клубень (С. Смирнов. Русская красавица. М., 1960); чудо-цехи (Комс. правда. 8.XII.1963); чудо-склад (Известия. 2.IV.1965)⁷; чудо-ящик (Огонек. 1963. № 13); чудо-камень (Комс. правда. 10.X.1963); чудо-печка (Моск. правда. 29.IX.1963); чудо-бриллиант (Лит.-ра и жизнь. 29.VII.1960); чудо-закон (Известия... 30.IX.1960); чудо-плаванье; чудо-коренья (Г. Корешев. Океанский ветер. Владивосток, 1961); чудо-лес (А. Фатьянов. Стихи и песни. М., 1962); горе-воспитатели (Комс. правда. 18.IX.1968); горе-медик (Комс. правда. 16.V.1965 и 13.IV.1965); горе-председатель (сб. Пером и карандашом. М., 1961)⁸ и т. д.

Приложения потеряли свою субстантивность и стали прилагательными. Им помогла утвердиться в языке другая группа, но того же морфемного типа: *радио-, кино-* и проч. Прилагательные *чудо-* и *горе-* широко употребительны, но сама-то группа малопродуктивна, не пополняется. Недавно «пополнилась» двумя словами: *чудо-, горе-* (раньше их было всего ноль) — и стоп.

⁷ Прилагательное *чудо-* обычно относится к неодушевленным существительным; исключения редки: *чудо-актеры* (Сов. культура. 20.V.1958); *чудо-мастер* (Неделя. 17.II.1968); *чудо-парень* (*Наровчатов С.* Стихи. М., 1960).

⁸ Прилагательное *горе-* относится обычно к личным существительным (редкое исключение — см. далее в тексте).

В студенческом аргю: — Вот пшено-кино!; — На пшено-доклады я не хожу⁹. Нет шансов, что это горе-прилагательное преодолет барьер аргю; и в аргюто оно скорее всего малоупотребительно (именно как аналит-прилагательное).

5. *Царь-взятка, генерал-предатель, рассказ-газета...* — Тебя, Егор Васильевич, надо взять на учет, как памятник московской старины наравне с царь-пушкой или царь-колоколом. В общем ты у нас есть царь-дворник... (В. Ардов. Коварный лунатик. М., 1945); Из-за царь-воды [загл.]. Якорь был велик, как скелет кита. За такой якорь цеплять бы в океане небольшую флотилию в шторм. Или ставить его на каменный фундамент для обозрения в качестве двоюродного родственника царь-пушки. Но царь-якорю уготовили иную судьбу (Е. Матвеев. Вот такие караси! М., 1968); Это была царь-взятка — властная, ...бесстыжая (Правда. 21.II.1961); Царь-буря (М. Цветаева. Царь-Девушка. М., 1922); Удивительная метаморфоза с незадачливой искусствовед-девицей... (Комс. правда. 12.XI.1964); ...На этот пост они посадили не просто генерала, а генерал-предателя¹⁰ (За рубежом. 1961. № 3); На подоконнике — строй «матрешек», румяных, ярких, от правофланговой царь-бабы... до совсем малюсеньких (Лит. газета. 9.XII.1965); Царь-турбина [заглавие]... Она не знает себе равных по мощности в мировом турбостроении (Известия. 28.XI.1964; два последние примера из собрания Е. В. Красильниковой).

Тоже из приложений, но иного морфонологического строя. Этим прилагательным не помогает никакая другая, более сильная группа, и вся группа малопродуктивна. Не интернационализмы: воспринимаются как свое. Из речи в язык они проникают слабо.

6. *Экс-президент, суперкризис, оберпредатель, ультра-правые, псевдооткрытие.*

...Картины А. Пластова очень хороши. А что в них ультранового? (Искусство. 1962. № 3); ...Американский обер-шпион не был, разумеется, расположен давать интервью (Известия. 15.VI.1960); ...Может быть, ученым... удастся сконструировать «супермозг», который в известных отношениях будет совершенней нашего... (За рубежом. № 18. 1967); Были сделаны кинопробы эксшахини (Известия. 17.III.1962).

В одном из фантастических стандарт-рассказов говорится, что космонавты на одной планете оказались во власти массовых иллюзий, «псевдоматериализации» всяких чудищ: Я и сам знаю, что это не щука, а «псевдо», откуда здесь щуке взяться?.. Ну и «псевдо», скажу я вам! (Дон. 1967. № 6).

Извращенное сознание ультра-диахрониста может видеть в таких прилагательных приставки. Как были, так-де и остались. Эта квази-осторожность не

⁹ Пшено — в студенческом аргю 'дрянь'.

¹⁰ Ср.: Так началось знакомство [с Кореей] с этим бывшим генерал- (не больше!) губернаторством японским (Гордиенко Ю. Анэко-сон // Знамя. 1954. № 12). Здесь вряд ли *генерал-* — аналитическое прилагательное.

идет на пользу дела. Действительно, по происхождению это приставки-интернационализмы. Но сейчас-то они уже псевдо-префиксы, обрели все признаки слова, а став словами, они неизбежно попадают в класс аналитических прилагательных. Какие признаки? Свободная, нефразеологическая сочетаемость с существительными (приставки-то фразеологичны! это в их природе). Сочетаемость с частицами. Фонетическая примета слова: особое, персональное ударение.

Из устной речи: — Наш экс-то чемпион того гляди уже не экс... Разгромил Шишкина. Обыграл; — Это ультраформализм, ультра, если хотите... наплевать на все; — У тебя суперскромность. Просто супер. Сверх.

Группа продуктивна.

7. *х-лучи, СКЧ-двигатель, гамма-излучение, скин-эффект, ку-лихорадка, satəm-язык...*

Соединение [...] языка-с и языка-х... (А. Соболевский. Русско-скифские этюды. М., 1924). Эффект Т-слов (Комс. правда. 4.X.1968).

Очень сомнительная группа (хотя дьявольски продуктивна). Вряд ли сочетания *ку-лихорадка, скин-эффект* более двусловны, чем, например, *брюшной тиф, удельный вес*. Двусловность этих последних сочетаний вовсе не так очевидна, как кажется (см. рассуждение об $N^a + N^a$ -единицах в кн.: Русский язык и советское общество. Алма-Ата, 1962. С. 52–55).

8. *Космонавт-два, командарм-четыре, страница сто двадцать пять, около объекта двадцать три, журнал индекс пятьдесят шесть.*

Цветы и улыбка космонавту-два (Комс. правда. 18.1.1962); А жители африканского государства Того, отправляя письма, с удовольствием наклеивают на них марки с изображением советского космонавта-один Юрия Гагарина (Веч. Ленинград. 20.IV.1964).

Вместо порядковых (согласуемых) прилагательных употребляются несогласуемые числовые прилагательные, омонимичные количественным словам *один, два, три* и т. д. Они, в отличие от омонимов, не склоняются.

Прилагательные группы 8 широко распространены в речи (и уже факт языка), но — непродуктивны, ввиду исчерпанности ряда слов, которые могли бы пополнить данный тип. Чисел-то бесчисленное множество, а числительных немного.

9. *Партбилет, профсобрание, сельсовет, госучреждение, совслужащий.*

Мы все говорим телеграф-языком (Н. Огнев. Дневник Кости Рябцева. М., 1932); —Что ж, пойдем, сыграем? — сказал парень в папахе, и мы пошли в шах-кружок (П. Огнев. Исход Никпетожа, М., 1932); Маленький радиорепродуктор с пластмассовой чайкой по утрам бередил их души: «Хабаровский педагогический институт объявляет набор...» У многих из них был мечтой этот самый, белый, в тени старых тополей, «пед» (Комс. правда. 5.IV.1962); ...По Сибирской

желдороте (Я. Тугендхольд. Искусство октябрьской эпохи. Л., 1930); Какой-нибудь зав или зам какой-нибудь кино- или коопорганизации... (Там же); На танц-ниве (Сов. культура. 12.V.1962); ...Любители балет-словесности и блат-литературы (На посту. 1923. № 4); И вновь надолго человек безмолвствовал над большим листом, над рубриками Наркомвнудела, Полит- и Эконом-отделов ОГПУ... (Б. Пильняк. Повесть непогашенной луны // Новый мир. 1925. № 5); Что происходит сейчас? Браконьерство — это дело каких-то «охотегерей», и прочим не забота (Лит-ра и жизнь. 22.IV.1961); Меня оттуда выгнали за проф., так называемую, непригодность (Б. М. Слуцкий. Музшкала имени Бетховена в Харькове // Тарусские страницы. 1961); — Мы должны будем сделать если не орг, то хотя бы просто выводы... (Е. Матвеев. Вот такие караси! М., 1968); Он славится в кружках «изо» и «тех» (А. Адалис. Новый век. М., 1960); На долгие годы — высокий пост, до конца жизни — спецбифштексы из спецстоловой и спецвнимание спецтерапевтов из спецполиклиники (К. Егоров. Здравствуй, Ромашкин! М., 1966)¹¹.

Существует небольшое количество стабилизированных, прочно уязыковленных аналит-прилагательных: *сов-*, *проф-*, *парт-*, *гос-*, *спец-*, *лит-*, *хоз-*, *полит-*... И множество окказиональных новаций; см. в примерах *шах-*, *танц-*, *блат-*, *балет-*, *телеграф-* в т. д.

Нередко слышишь возражения: но ведь и какие-нибудь *спец-*бифштексы тоже окказиональны. В этом сочетании оба слова *танц-* и *нива-*, конечно, обычны и узаконены языком: а их сочетание, бесспорно, окказионально: свободное сочетание двух слов имеет право быть окказиональным. Здесь неокказиональное аналит-прилагательное входит в окказиональное сочетание слов.

Очень продуктивная и яркая группа¹². Язык неспешно, но упорно отбирает себе пополнение из массы речевых новообразований.

Из устной речи: — Всякие смехвыступления были, эстрада, но они все не смешные; — Отрывкнижечку для метро не забудь купить, с отрывкой удобно; — Взрослый я тип, а люблю читать пионержурналчики. Для отдыха.

¹¹ Ср. еще: Он, Юрий Михайлович, — «опытный ИТР-практик» и посему принципиально требует «восстановления на должности ст. инженера». Многие организации... изучали Юрочкины претензии. У «ИТР-практика» скопилась богатая коллекция отказов (Правда. 11.XI.1966; пример из картотеки Е. В. Красильниковой). Сюда ли?

¹² В просторечии — явно злоупотребляют ее продуктивностью: «12 апреля 1968 г. в 18 час. в Доме культуры назначается общее собрание владельцев коров пос. Нев. Дубров[ка].

Повестка дня:

1. Отчет скот-тройки за 1968 г.

2. Выборы скот-тройки»

(Объявление. Опубликовано: Крокодил. 1964. № 48).

10. *Лжеучение, хлебоуборка, лесозаготовки, стеклотара, стеклобанки...*

Примеры словосочетаний с прилагательным *лже-*: лжедрузья (Лит. газета. 31.X.1957); лжегерой (Лит. газета. 27.X.1962); лжесвятыня (Лит. Россия. 5.VII.1968); лже-Орфей (Арагон. Соч. Т. 9. М., 1960) и т. д.¹³

Как показано В. Л. Воронцовой, эта группа аналитических прилагательных менее обжилась в литературном языке, чем предыдущая. По происхождению прилагательные *лже-*, *лесо-*, *хлебо-*... — части сложного существительного. Их первая часть непосредственно соотнесена с существительным: *ложь, лес, хлеб*... Но так как единицы *лже-*, *лесо-*, *хлебо-* обладают свободной, не фразеологической сочетаемостью, то *хлебоуборку, лесозаготовки* и следует признать лжесловами: в современном языке это уже словосочетания, словосоположения, слово-, так сказать, -кортежи, последовательности. Слово же — фразеологично: см. дальше.

В устной речи окказиональные образования этого типа встречаются редко. Вообще продуктивность их невелика¹⁴.

11. *Белоказаки, синебрюки, златолира*¹⁵.

Редкий тип. Прилагательные типа *бело-* тоже подходят на часть сложного слова, но сами соотнесены с прилагательным (неаналитическим)¹⁶.

Может быть, такие редкостности — не словосочетания, а все же сложно-слова? Это не вполне ясно. Подозрительная группа.

12. *Ал-заря, синь-заря, бел-свет*...

Образования редкие, окказионально-речевые (язык их чурается), мелькают только в поэтической речи.

¹³ Примеры на прилагательные *хлебо-*, *лесо-* см. в кн.: Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис. С. 120—122, 131.

¹⁴ Сложные слова другого типа: *перекати-поле, сорвиголова, держидерево* — не породили особых типов аналитических прилагательных. Редкие случаи возникновения в речи новообразований с более или менее семантически свободной (нефразеологизованной) связью компонентов — это ведь и отличает словосочетание — очень капризны и явно не уязыковлены: Если берлинский вопрос, раскаляемый западногерманскими «Держись!»-идиотами, станет и дальше двигаться к кризисным обострениям, тогда возможно все, даже самое худшее (Правда. 26.VIII.1962).

¹⁵ У И. Северянина есть несколько таких образований.

¹⁶ Ср. еще: У нас имеются всероссийские... шахматные и шашечные матчи, — пишет Владимир Владимирович [Маяковский], — конкурсы шарад, загадок, ребусов, и только поэтам не везет: соревнования тут не идут дальше измызганного буриме на задворках уныло-журналов (Лит. Россия. 24.III.1967); Они — не классики. Пока серьезный литератор только еще раздумывает, они уже несут под мышкой роман «Комлы», бодродраму «Вот так химия» или песенку «Эх, про силосные башни соловей поет на пашне». Бодродрама оснащена припиской: «По материалам III конференции неоргаников» (Лит. газета. 11.I.1967). Обе эти крайне интересные иллюстрации из картотеки Е. В. Красильниковой. Очень благодарен ей за позволение привести в моей статье эти примеры.

Пылает ал-заря, рассвет вошел в июль... (Нева. 1965. № 1); Синь-заря пылает в поле. Кони скачут на зарю (Огонек. 1938. № 41).

Бесперспективная группа (но среди прочей «сволочи» и она занимает свое — окраинное — место).

13. *Женищина-жох, мужчина-хват.*

Помещик-жох (О. Мандельштам. Шум времени. М., 1925); Не писатель, а женщина-жох! (Крокодил. 1960. № 27).

Из устной речи; — Такой мужчина-хват попался, все по дороге меня подсаживал, хоть и незнакомый.

Были устойчивые сочетания: *баба-жох, парень-хват* (но не *мужик-жох, дядя-жох, баба-хват*). Произошло — хотя бы в речи — освобождение этих закрепленных привесков от фразеологических цепей.

Ср. еще сочетания; *зауряд-поручик, зауряд-офицер*; они породили такие новшества: *зауряд-полк* (у Н. Сергеева-Ценского), *зауряд-инженер, зауряд-бюрократ, зауряд-клеветник* (в газетной и устной речи).

Полумертвая группа.

14. *X — это Z сегодня*¹⁷, *яйцо всмятку; жулик поневоле; волосы торчком.*

Пишет вам снабженец по профессии и толкач поневоле (Известия... 13.VII.1962); Сабля наотмашь — вот его любимая поза (Н. Торганов. Боевые денечки. М., 1938); Каша доотвала — вот моя любимая каша! (Устная речь).

Хитры такие аналитические прилагательные из наречий! Почему возможны сочетания *яйцо всмятку, сабля наотмашь, волосы торчком*, но невозможны *бревно вниз* (Бревно вниз было трухляво); *Петров со зла* (Петров со зла сегодня не успел пообедать), *крышка вчера* (Крышка вчера подпрыгивает на чайнике) и т. д. В последних примерах между существительным и наречием можно «провести» несколько глагольных значений: *бревно, направленное вниз, сброшенное вниз, склоненное вниз, сдвинутое вниз; Петров, похудевший со зла, который всегда дерется со зла; крышка, продырявленная вчера, прикрепленная вчера, покрашенная вчера*. Разные глаголы (в том числе причастия) здесь равновозможны и притом не синонимичны. Только в этом причина непонятности и неупотребительности сочетаний типа *бревно вниз*.

Другие сочетания: *яйцо всмятку, сабля наотмашь, волосы торчком* — тоже равны сочетаниям, включающим глагол: *яйцо, сваренное (приготовленное) всмятку; сабля, откиннутая (протянутая) наотмашь; волосы, стоящие (вставшие) торчком*. Но все глаголы здесь синонимичны — поэтому-то и возможны такие сочетания. Глагол в них не то чтобы опущен (его естественно нет), — но он готов явиться из небытия¹⁸.

¹⁷ Емкая формула. Например: *Утесов — это Собинов сегодня*, и под.

¹⁸ Более того: временная плоскость, которая представлена этим «опущенным» глаголом, должна быть той же, что и временная плоскость реального глагола в предложении; невозможны предложения: *Волосы торчком были приглажены* (= *Волосы, ранее*

Только некоторые из таких сочетаний принципиально безглагольны (и, следовательно, без сомнения прилагательны): *жулик поневоле*, *X — это Z сегодня* и нек. др. Ср. еще: Он полностью импотент (Из устной речи); Я... коренной насквозь-американец (Крокодил. 1953. № 1; стихотворение в переводе С. Маршака).

Таким образом, эта группа состоит из двух подгрупп: а) тип *волосы торчком* (с готовым воскреснуть глаголом) и б) тип *жулик поневоле* (полностью безглагольный). Продуктивен тип «а».

В разговорной речи прилагательные этой группы обычно свидетельствуют о хорошем настроении говорящего и желании пошутить: — У меня сегодня особое угощение: пирог на бегу. Я готовлю его, а сама все по другим, все по другим делам; — Катя у нас прыжки страшует. Мы ее зовем: Катя на подхвате.

Такие прилагательные хороши лишь в том случае, если они ни на что не претендуют и не пытаются проникнуть в язык.

Другое дело — наречия при отглагольных существительных (*бег наперегонки*, *чтение вслух*, *еда всухомятку*); вряд ли их можно считать аналитическими прилагательными. Нет, это все же наречия — хотя и в роли аналит-прилагательных.

Приведу параллель. «В роли наречия, кроме краткого прилагательного в ср. роде, может употребляться также сравнительная форма прилагательного, когда она относится не к существительному»¹⁹. Итак, краткие формы прилагательных: (*рассказал*) *умно*, *ярко*, *сжато*, *вызывающе*, если относятся к глаголу, выступают в роли наречий. Ср. (*рассказ*) *умный*, *яркий*, *сжатый*, *вызывающий*. Не становятся наречиями, неизменяемой частью речи, а только играют их роль. Симметричен этому обратный случай: наречия *наперегонки*, *вслух*, *всухомятку*, когда они встречаются не при глаголе, а при отглагольном существительном, выступают в роли прилагательных. Только в роли. Отглагольность существительного важна: она гарантирует, что семантически наречие точь-в-точь то же, что при глаголе. Семантический сдвиг в сторону качественности, признаковости превращает наречие в аналит-прилагательное, а здесь его нет.

15. Редкий случай — если аналитическое прилагательное выражено предложной конструкцией. Вот пример: Академия после работы [заглавие статьи]. Когда-то академик С. И. Вавилов, оценивая работу радиолюбителей, любовно назвал их «народной лабораторией». Сейчас скромная лаборатория выросла в большую советскую радиолюбительскую академию (Известия... 29.X.1962). Ergo: *Академия после работы* — не ‘отдыхающая академия’, а ‘любительская

стоявшие торчком...); Сабля наотмашь теперь висела на стене (= Сабля, которую обычно держали наотмашь...); Яйца всмятку оказались вкрутую (= Яйца, варенные всмятку...).

¹⁹ Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики современного русского литературного языка. М., 1945. С. 147.

академия'. Значение слов *после работы* семантически сдвинуто в сторону признаковности.

Возможны случаи, когда предложная конструкция только предлогом и представлена: Вот ведь как бывает! Давно уже камня на камне не осталось от вздорных обвинений против Степанова, а некоторые работники все еще безответственно повторяют их. А «факты помимо», которые смакует тов. Генералов, просто кощунственны. Василий Николаевич — инвалид Отечественной войны. Ему положена бесплатная путевка. О какой взятке может идти речь? (Известия. 29.XII.1967); Мне кажется, что главная черта детского чтения — театр для себя, непреодолимая и естественная склонность к театральной игре... Так, в отличие от растущего год за годом реального опыта жизни, создается другой, особый, книжный опыт — опыт «над», «вне» (Каверин В. ж. «Детская лит-ра». 1968. № 1).

16. Фразеологические сочетания превращаются в аналитические прилагательные: — Он так себе писатель; — Не люблю я всех этих так себе романов (Из устной речи); Разве миссия всего лишь советника предусматривает это? (Лит. Россия. 1967. з. II.)²⁰.

Все это факты речи, а не языка. Пока это вроде как бы прилагательные; неполноправные, незрелые. О продуктивности говорить не приходится.

17. *Тожже-лингвисты, тожже-политики...*

Редкий (единичный?) случай, когда частица (вообще: служебное слово) становится аналитическим прилагательным. Пожалуй, это уже факт языка. Не вроде-прилагательное, а настоящее. Конечно, аналитическое.

18. Е. И. Голановой была высказана очень интересная и смелая мысль о том, что некоторые приставки (не интернационализмы! не *ультра*, *супер*, *квази*!) тоже стали аналитическими прилагательными. Такова, например, приставка *со-* в сочетаниях: *созачинщик*, *соисследователь*, *сопроектировщик* и др.

Мысль может показаться рискованной, но, думаю, она верна. Общие поиски и соисследования грамматистов разъяснят этот вопрос (подробности см. в статьях Е. И. Голановой).

19. Наконец, в качестве аналитических прилагательных могут употребляться обычные, неаналитические. Пора уже считать допустимыми в литературном языке такие конструкции (не рекомендованными, а лишь допустимыми): *Наша врач пришла; Молодая доктор наук прочла лекцию; Новая чемпион по плаванию улыбалась*. Здесь везде используются прилагательные женского рода при существительных нового общего рода.

Если считать деривационные значения словообразовательными (наиболее распространенная точка зрения)²¹, то *молодая* надо считать особым словом

²⁰ Ср.: Рукопожатие — это не кивок и не простое, между прочим, здравствуй (Нева. 1965. № 1). Конечно, *между прочим* здесь не вводные слова; пример все же спорный.

²¹ Но не единственная. См. лингвистическую литературу.

по сравнению с *молодой* в том же контексте. А падежные изменения здесь невозможны: существительные с нулевым окончанием, относящиеся к общему роду, употребительны только в именительном падеже, если к нему относятся прилагательные женского рода. Невозможны сочетания: *Я видел нашу врача; Говорили о молодой докторе наук; Подошел к новой чемпионке*. Вряд ли такие сочетания и появятся, а это делает достаточно бесперспективной судьбу и таких сочетаний, как *Наша врач пришла*. Недаром они так неохотно были приняты языком (но все-таки сейчас они — факт языка, хотя, вероятно, и недолговечный). Впрочем, где же им замена? *Наша врачиха? Молодая докторша наук? Новая чемпионесса?* Вряд ли).

Ерго: у прилагательных²² в сочетаниях типа *наша врач* не обусловлены контекстом ни значения рода (оно деривационно, т. е. словообразовательно), ни значения падежа (его нет), т. е. у таких прилагательных нет согласуемых категорий. Но прилагательные, которые не согласуются, — это аналитические прилагательные. Не похожи на другие аналиты? Да. Недолговечны? Может быть.

Перечень прилагательной «аналит-сволочи» окончен. Все они (кроме, может быть, девятнадцатой группы) образуют единый, целостный класс слов.

Во-первых, надо доказать, что именно слов (не частиц, не прилеп и т. д.). Об этом уже написано²³; главное в том, что эти единицы обладают свободной сочетаемостью — основным признаком слова. Морфемы (приставки, части сложных слов) ведут себя как части фразеологизма: значение их варьируется в разных словах так, что предсказать тот семантический кунштюк, который выкинет слово в данном контексте — в данном слове, в сочетании с такими-то морфемными соседями, — как правило, невозможно. Лишь только часть слова становится семантически стабильна в сочетании с любой единицей данного типа, она перестает быть частью слова. Она дорастает до отдельного слова. Так и появляются многие аналит-прилагательные.

В этом главное: они приобретают свободную сочетаемость с рядом единиц (существительных). Свободная сочетаемость, т. е. сочетаемость с неограниченным рядом единиц, всегда обусловлена либо семантической невариативностью этой бесконечно сочетающейся единицы, либо закономерным, позиционно обусловленным варьированием значения. Таковы как раз аналиты. Они — отдельные слова. Как правило, у аналитических прилагательных как особых слов есть и второстепенные признаки.

Но прилагательные ли они? Конечно, это особый класс слов, особая часть речи, их объединяет такой признак: они все неизбежно присущестительны,

²² Конечно, в том числе и местоименных.

²³ См.: *Панов М. В.* О слове как единице языка // Уч. зап. МГПИ. 1956. Т. 1. С. 161–162; *Русский язык и советское общество.* Проспект. Алма-Ата, 1962. С. 52–58; *Русский язык и советское общество.* Морфология и синтаксис. С. 111–114.

т. е. они указывают признак предмета. Важно и то, что многие из них семантически «сдвинуты» по отношению к своим неприлагательным омонимам (ср.: *чудо-печка* и *не верю ни в какое чудо*; *царь-взятка* и *царь с царицей*; *академия после работы* и *педакадемия после работы кажется безлюдной*).

Изоморфен семантическому сдвигу акцентный перенос; произносится: *кинó* «Путешествие», *кинó* «Работник», но *кíнопутешествие*, *кíноработник*; *метрó* «Городок» (будь такая станция, так бы ее, несомненно, именовали в непринужденной речи, ср.: — Где купили книгу? — В киоске у метрó «Кировская»), но *Мётрогородок* (трамвайная станция у городка работников метро) и т. д. О других второстепенных признаках словности, свойственных большинству прилагательных, см. в указанных уже статьях.

Поэтому целесообразно называть их аналитическими именно прилагательными.

Напротив, признаков, которые бы явно свидетельствовали о «сволочном» прошлом этих слов (т. е. о том, что они сошлись из разных, иногда темных углов русского языка), у этих прилагательных нет. Все они носители ударения (редукции гласных нет), притом — одного ударения. Даже у прилагательных типа *так себе* = [тáк-с'иб'и] оно одно.

У некоторых заимствованных по происхождению аналитов нередуцированность гласного была показателем пришлости (*кино-*, *псевдо-*). Была; а теперь она показатель отдельнословности. У некоторых аналитов дополнительное ударение было свидетельством, что они — часть сложного слова (*лесо-* и пр.). Было когда-то; а сейчас это дополнительное ударение столь же дополнительно, ничуть не больше, как всякое ударение на недлинном прилагательном при существительном: обычно существительное ударнее прилагательного (впервые об этом написал, наверное, Ф. Е. Корш). Различия сгладились. Разношерстная толпа единиц стала особым и целостным классом.

Однако до сих пор немногие решаются признать, что это новый грамматический класс слов.

1. Мешает неумение разграничивать синхронию и диахронию; сознание многих языковедов все же агрессивнo-диахронично. Помнят, что это «сволочь», и не видят, что она образовала новую и прочную грамматическую целостность.

2. Мешают консервативные языковые вкусы. Для многих все аналитические прилагательные — это «фи!»-слова, неполноценные однодневки. Но день-то оказался долог — и, видимо, будет длиться и длиться.

3. Мешает и орфография. Аналит-прилагательные с ней не поладили: то пишутся вместе с существительным, к которому относятся, и вроде бы не отдельные слова, то пишутся отдельно, но в несколько буквенных куп — и вроде бы несколько слов (*академия после обеда, как бы писатели, так себе роман*); все это сбивает с толку. А привычка внешность принимать за суть — неискоренима. О ней еще Бодуэн де Куртенэ писал, именно в связи с орфографическим самообманом у лингвистов.

4. Мешает и непродуктивность многих подгрупп в этом классе слов. Эмпирически близоруко рассматривая эти группы, размыкая их и уединяя, приходишь к выводу, что чуть ли не каждая из них мало пополняется. Упускается из виду общая картина: в целом эта группа от нуля выросла до полтора-двухсот хорошо уязковленных слов (не считая речевых однодневок). И выросла всего за каких-нибудь полвека. Для языка это стремительные темпы.

5. Мешает внешнее сходство у большинства аналит-прилагательных с чем-либо иным. Одни напоминают сложные слова, Другие — предложно-падежные конструкции, третьи — аббревиатуры, четвертые... Наконец, есть и такие, что ничего не напоминают, и это тоже сбивает с толку (*беж, хаки*). То внутреннее отличие, которое отделяет новые аналитические единицы от внешне похожих на них, требует теоретического осмысления, требует умения проникнуть в сущность фактов, не поддаваясь иллюзиям внешнего сходства. Легко ли?

6. А между отдельными группами — мало сходства. Чем похожи *радио- и так себе? -после обеда* и *проф-? со- и хаки-? -вмятку и тоже-? -два и псевдо-?* Внешне ничем. А ведь всегда хочется остановиться на внешнем (ср. Брижитт Бардо).

7. Мешает старая привычка: всякие аналиты сваливать в кучу и кучу не разбирать, а только попирать ногами: «Второстепенная-де мелочь».

8. Мешает привычка грамматическое отождествлять с морфологическим. У аналит-прилагательных с морфологическими показателями плоховато: они в лучшем случае нулевые. На то они и аналитические.

9. Мешает неумение видеть дальше одного языка, неумение русские факты сопоставлять с иноязычными. Наши аналитические прилагательные (в сочетании с существительными) однородны с английскими сочетаниями типа *stone wall* и с немецкими типа *Steinpflaster*. Это сопоставление не снимает всех спорных вопросов (английские и немецкие сочетания трактуются разными лингвистами по-разному), но поиски решения и понимание качественной «особливости» этих аналитических слов — облегчаются. Облегчались бы — если бы эти параллели принимались во внимание.

10. Мешает неумение видеть факты языка в их индивидуальности, не приравнивать их механически к фактам иных языков. В такой разнообразии форм, как в русском, в других славянских языках аналитические прилагательные отсутствуют. Боязливая оглядка на другие языковые системы не помогает уяснить каждую из них в ее своеобразии.

Даже и сейчас эти преграды мешают лингвисту аналитические прилагательные признать аналитическими прилагательными. Как же трудно было в первый раз установить их особый грамматический статус! Отделить их от похожего, но качественно иного! Здесь нужна раскованность и широта теоретической мысли, нужны пронизательность и умение, отойдя от «кажимости», понять суть сложного и движущегося новшества в языке, нужна смелость в

преодолении ложных лингвистических традиций и еще большая смелость в создании новых. Строгое испытание для лингвиста — эти аналитические прилагательные.

А ведь, казалось бы, простая вещь²⁴.

²⁴ Проблема аналитических прилагательных во всей ее теоретической сложности была впервые освещена в работах А. А. Реформатского, см.: Введение в языкознание. М., 1955. С. 226; Введение в языкознание. М., 1960. С. 236–237; Упорядочение русского правописания // РЯШ. 1938. № 1.

О частях речи в русском языке*

1. Выказано немало различных взглядов на систему частей речи в современном русском языке; самое многообразие этих взглядов часто вызывает недоумение, шутки и порицания. Между тем множественность теорий в данном случае совершенно законна и необходима.

Соотношения, сложившиеся в русском языке между крупнейшими грамматическими классами слов, чрезвычайно сложны и многообразны. Лингвистические теории отражают и описывают разные стороны этих соотношений с помощью разных терминологических систем.

2. Описание может быть истинным, если оно строго следует определенным и четко сформулированным принципам, регламентирующим соотношение между изображаемым и его «проекцией» в данном описании.

Различные географические карты неодинаково изображают очертания материков и океанов, но каждая проекция верна, если четко определены соотношения изображенного и изображающего, иначе говоря — определены принципы описания и нет отступлений от них. В проекции Меркатора (линии долгот и широт образуют на карте прямоугольную сетку) Гренландия, например, выглядит значительно большей, чем Австралия, — и тем не менее это изображение истинно, потому что любой читатель карты, зная принципы ее составления, неизбежно сделает вывод, что площадь околуполусной страны Гренландии гораздо меньше, чем площадь околэкваторной Австралии. Исходя из данных карты можно даже вычислить территорию и той и другой страны. Напротив, желание исправить «преувеличения» меркаторской проекции, изобразить Гренландию меньшей, чем этого требуют принципы проекции, приведет к искажению, к неистинности карты.

Та «проекция» частей речи, которая дается в этой статье, построена на определенных принципах, которым автор последовательно стремился быть верным. Они указаны в п. 3—6 данной статьи.

3. К одной и той же части речи следует относить лишь такие единицы, которые обладают известной морфологической общностью.

* Научные доклады высшей школы: Филологические науки. 1960. № 4. С. 3—14.

4. Эта общность является аффиксальной, а не корневой¹. Указание на корень данного слова ничего не сообщает о принадлежности этого слова к какой-то части речи.

5. То общее, что объединяет различные морфологические образования в одну часть речи, дано не звучанием, а только значением аффиксов. *Вода, ночь, мостовая* объединяются в одну часть речи, хотя аффиксы здесь совершенно различны по звучанию; наоборот, *иду, звезду, на юру* (наречие), *у* (предлог), *письму, волчью* (прилагат.), *полу-* (числительное), *по сту* (числительное)² не составляют никакого грамматического целого, хотя все они имеют (грамматически разнзначный) элемент *-у*.

6. Каждый грамматический класс объединяется как целое одним предельно общим грамматическим значением. Такие предельно обобщенные значения разных классов образуют систему; эти значения соотнесены, они взаимно определяют и ограничивают друг друга. Следовательно, они должны выделяться на одном общем основании; это так и есть: они выделены по участию в функции называния.

7. Можно ли у морфологических образований: *пишу, пишешь, пишут, писали, писало, писали бы, пиши...* выделить единое общеглагольное значение? Есть ли значение, которое насаивается на более конкретные, детализирующие значения лица, времени, наклонения и т. д.? Есть: это значение процессуальности. Оно встает за плечами значений лица, времени и т. д., объединяя и сплавления их воедино. Следовательно, у флексии *-ат* в форме *синят* налицо следующие значения: третье лицо, множественное число, непрошедшее время, изъявительное наклонение, переходность, несовершенный вид и процессуальность. Именно наличие этого последнего значения и позволяет данную форму считать глагольной.

8. В любом глаголе значение основы обозначено как процессуальное. Даже в глаголах: *белеть, белеться, населять, оканчиваться* (срв. *Сад оканчивался у самого обрыва*), *покоиться* — говорящие находят процессуальное значение, хотя здесь основа сама по себе, без парадигматических аффиксов, никакого процесса и не изображает³. Но с помощью глагольных парадигматических аф-

¹ Практически (при выполнении условий, указанных в § 3—6) устанавливается, что эта общность в русском языке является постфиксальной; это, кроме того, общность парадигматическая.

² Здесь в скобках указана традиционная классификация частей речи.

³ Ср. описание значения первых двух слов: «*Белеет* имеет значение „что-то белое видно вдаль“ и „становится белее“. *Белеется* выражает тоже, что нечто белое видно вдаль, но это белое видно как бы в тумане, колеблется, теряется и вновь появляется» (Кузнецов П. С. Глагол // Современный русский язык. Морфология. МГУ, 1952. С. 343).

Ср. «Очевидно, что когда мы говорим *больной лежит на кровати* или *ягодка краснеет в траве*, мы это явление и краснение представляем не как состояние, а как действия» (Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку. М., 1952. С. 76).

фиксов эти основные, лексические значения «представлены» или обозначены как процессуальные.

9. К прилагательным относятся такие морфологические образования, у которых значение основы обозначено (с помощью парадигматических аффиксов) как непроцессуальный признак.

Прилагательные и глагольные морфологические единицы противопоставлены друг другу как слова, грамматически обозначающие непроцессуальный признак, и слова, грамматически обозначающие процессуальный признак⁴.

10. Для обозначения непроцессуального признака другого признака существует особая часть речи: наречие.

Морфологическое выражение значения наречия — нулевой показатель словоизменения, т. е. одночленная парадигма.

Однако известно, что существуют также и неизменяемые существительные (*пальто, жюри, кенгуру*) и неизменяемые прилагательные (*беж, хаки, хинди, урду*). Не придется ли и эти слова, вопреки очевидности, считать наречиями?

Как уже сказано, не звуковое выражение, а именно значение грамматической формы (выраженное морфологически) является существенным при разграничении частей речи. Ни омонимия аффиксов, ни омонимия парадигматических нулей не заставляют нас отождествить слова двух разных классов.

11. Деепричастие указывает процессуальный признак признака. Это указание дается не основой, а именно аффиксами *-а, -в (-вши)*: срв. *белея, простираясь* и т. д. Такие аффиксы, внося видо-временные оттенки в значение формы, тем самым придают лексеме значение процессуальности⁵.

12. В определениях частей речи, данных выше, используется термин «признак»; необходимо истолковать, в каком значении употреблено это слово.

⁴ Процессуальный признак объекта — признак, изменчиво протекающий во временных пределах своего существования.

⁵ Напротив, причастия не являются особой частью речи. Причастие передает, подобно спрягаемым формам, именно процессуальность признака. Только поэтому любое причастие заменяется придаточным предложением со спрягаемой формой глагола (*скачущая лошадь... — лошадь, которая скачет...*).

Характерно, что действительные причастия в литературном языке не могут быть именной частью сказуемого. Именной частью сказуемого могут быть страдательные причастия (только прошедшего времени!); они используются как формы глаголов совершенного вида, соотносительные со страдательными формами на *-ся* глаголов несовершенного вида: *волны разбивались ветром — волны разбиты ветром* (вм. неупотребительного: *волны разбились ветром*). И эта параллельность как раз подтверждает тождество причастий со спрягаемыми формами в отношении значения процессуальности.

Спрягаемые формы являются чисто предикативными по синтаксической функции глагольными образованиями, а причастия — непредикативными; в этом все их различие.

Слова служат для называния предметов, существ, явлений⁶ и т. д. Но называть любой конкретный, единичный предмет или каждый подвид предметов с помощью особого, только для этого предмета предназначенного слова невозможно. Нельзя в языке иметь вместо слова *дом* столько различных слов, сколько существует конкретных домов (или различных типов и подтипов домов); нельзя иметь в языке столько слов, сколько существует отдельных движений, состояний, явлений.

Приходится для именования отдельных объектов и подклассов объектов использовать словосочетания; одно слово обозначает род предметов, а другое — отличительный признак именно данного, называемого предмета. Таким образом, названиями служат словосочетания: *белый дом*, или *побеленный дом*, или *дом, который белят*. Это выделенное у объекта и необходимое для называния отличие указано словом «признак» в данных выше формулировках.

Поскольку названия предметов, существ и явлений — это всегда существительные (*дом, виноград, лес; мальчик, изобретатель, медведь; пожар, мороз, война*), постольку слова — выразители признаков характеризуются непосредственным сочетанием с существительным.

Но этой первой ступени для именования недостаточно: сами признаки также весьма многообразны, и поэтому для называния их необходимы еще особые слова, выделяющие признаки признаков; это — вторая ступень «атомизации» объекта называния, вторая ступень выделения отличителей в данном объекте, с целью образовать его наименование. Дан какой-то конкретный объект называния, ему соответствует слово **A**; но оно обозначает не данную конкретность, а более обширный род предметов; чтобы выделить в этом роде именно данный объект (или данный подкласс объектов), выделяется его признак с помощью другого слова — **a**. Таким образом, выделен объект, который одновременно принадлежит классу **A** и классу **a**, он указан пересечением этих классов (не просто класс ‘домов’ и не просто класс ‘белых объектов’, а то и другое вместе: *белый дом*). Этого пересечения мало; тогда можно добавить другой признак, дать новое пересечение: *большой белый дом*; (**Aa**)**a**₁.

Средствами языка подсказывается и другой путь: можно один из классов определить уже, указав признак признака; именно: *ярко-белый, спешно строящийся, всегда улыбающийся* и т. д. Сочетания *ярко-белый дом, всегда улыбающийся юноша* представляют собою название типа **A(aa**₁). В отличие от

⁶ Назвать явление — значит назвать действие вместе с объектом или (...и...) субъектом его. Так, *пожар* — «распространение огня, сопровождающееся уничтожением имущества и всего, что может гореть» (Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 3. Стлб. 474).

названий типа $(Aa)a_1$, здесь указывается признак другого признака, ограничивающий этот другой признак⁷.

13. Осталось определить грамматическое значение еще одной части речи, а именно существительного.

«Существительное обозначает предмет». Определение это было бы неплохо, если бы мы знали, что означает в нем слово «предмет». Предположим, «предмет» обозначает здесь вещь, или существо, или явление, т. е. некую «отдельность». Очевидно, что при таком толковании определение не отвечает своему объекту: ведь существительное может служить и названием для действий (*бег, ужение, смазка*) и качеств (*белизна, строгость, сушь*).

Может быть, здесь надо видеть нечто подобное называнию глаголами различных недействий; срв.: *белеть, белеться, простираться* и т. д.? Однако в случаях *белеть, белеться* и проч. действительно существует соединение основы, указывающей на какой-то непроцессуальный признак, с процессуальным грамматическим значением (выраженным аффиксально).

Но в словах *бег, ужение, смазка; белизна, строгость, сушь* нет никакого овеществления действий и признаков. Они вовсе не приравняются с помощью грамматического значения к вещам, лицам, явлениям, не становятся по своей овеществленности в один ряд с названиями *чемодан, путешественник, пожар*.

Может быть (второе предположение), «предмет» в этом определении означает просто «нечто субстанциональное». Тогда все, что рассматривается как постоянный носитель ряда признаков, обозначается существительным. Этим объясняется возможность оформления в качестве существительных таких слов, как *бег, белизна* и т. п. Ср. *ослепительная до рези в глазах, сияющая б е л и з н а; стремительный б е г наперегонки по пересеченной местности* и т. п. Но поскольку любая часть речи, называя нечто, может иметь при себе пояснительные слова (*стремительно б е г у т наперегонки по пересеченной местности; ослепительно, сияюще б е л ы й*), постольку любая часть речи может называть какую-то сложность, расчлененную (в словосочетании) на детали, на признаки. Значит, не здесь лежит отличие существительного от остальных частей речи.

14. Существительное противопоставляется остальным частям речи как часть речи с нейтральным значением⁸.

⁷ Таким образом указание на объект дается не пересечением класса A с классом a и затем класса Aa с классом a_1 , а путем предварительного пересечения a и a_1 ; полученный от их пересечения класс объектов (класс 'всего ярко-белого') уже пересекается с классом A (класс 'домообразного').

⁸ Ср. такие же соотношения в области других грамматических значений. Например, формы множественного числа существительных «содержат указание на то, что предметы, которые обозначены существительными в единственном числе, выражаются во множественном числе как взятые в некотором (неопределенном) количестве. В про-

Парадигма прилагательного указывает, что основа слова, соединенная с этой парадигмой, понимается как указатель постоянного признака; глагольная парадигма указывает, что основа слова понимается как процессуальный признак; наречная парадигма указывает, что основа слова понимается как постоянный признак признака; деепричастная парадигма указывает, что основа слова понимается как процессуальный признак признака.

Парадигма существительного нейтральна — она указывает, что ни одно из этих значений грамматически не выявлено; она передает отсутствие различных окрасок, свойственных другим частям речи.

Таким образом, в *бежать* процессуальное значение основы грамматически обозначено как действие (т.е. именно как процессуальное); в *беглый* то же исходное значение грамматически осмыслено как непроцессуальный признак; в *бегóm* — как непроцессуальный признак признака; в *бегая* подведено под категорию процессуального признака. В существительных же *бег*, *бегание*, *бегство*, *беглость*, *беглец*, *беженец* задача парадигм существительных состоит в том, чтобы не усложнять никакими дополнительными оттенками то значение, которое дано основой, и не подчеркивать никаких значений в этой основе. Значение основы остается наедине с самим собой.

15. Естественно, что названия предметов, живых существ, явлений неизбежно должны относиться к разряду существительных. Грамматическое значение таких классов, как глагол, прилагательное, деепричастие, наречие, не допускает, чтобы слова *дом*, *кузнец*, *лев*, *пожар* были причислены к этим классам. Напротив, класс существительных, как нейтральный, естественно включает эти слова в свой состав⁹.

Но эта неизбежность не означает, что предметность — значение, свойственное всем существительным. У множества существительных отпечатка предметности нет.

Весьма характерно, что возможна субстантивация любой части речи¹⁰. Любой глагол, прилагательное, деепричастие, наречие можно превратить (синтаксическими способами, а иногда и морфологическими) в существительное.

тивоположность множественному числу, в формах единственного числа отсутствует указание на какое-либо количество» (*Аванесов Р. И., Сидоров В. Н.* Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945. С. 81).

Формы единственного числа ограничиваются тем, что не обозначают множества, следовательно, могут быть использованы для обозначения и одного, и нескольких объектов, и объектов несчитаемых. Эти частные оттенки значения допускаются именно нейтральностью общего грамматического значения единственного числа.

⁹ Ср.: основы, обозначающие нечто не сочетаемое с понятием «штучного подсчета», неизбежно оформляются аффиксами единственного (т.е. нейтрального) числа: *молодость*, *синева*, *гуца*, *десять*.

¹⁰ «Перейти в существительное может всякая часть речи» (*Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. Вып. II. Л., 1927. С. 8).

При такой субстантивации¹¹ нейтрализуется специфически глагольное, прилагательное (и т. д.) значение, — и только.

Итак, существительное характеризуется нейтральностью общего грамматического значения.

16. Здесь необходимо одно замечание. Глагольно-наречные сочетания *бежать наперегонки*, *действовать вслепую*, *говорить вполголоса*, *просушить дожелта* и т. д. закономерно соотносятся с именными сочетаниями (включающими отглагольное существительное): *бег наперегонки*, *действие вслепую*, *речь вполголоса*, *просушка дожелта*... В словах *бежать* и т. д. глагольная парадигма указывает, что значение основы грамматически осмысливается как процессуальный признак. В словах *бег* и т. д. парадигма существительного указывает, что значение основы здесь грамматически не квалифицируется как какой-то признак или признак признака; оно остается грамматически (деривационно) немаркированным. Но поскольку по своему лексическому значению *бег* и т. д. явно название процессуального признака, постольку оно, естественно, определяется наречием, т. е. названием признака признака: *бег наперегонки*.

Однако есть и другие сочетания с теми же отглагольными существительными: *быстрый бег* (срв. *быстро бежать*), *смелое действие* (срв. *смело действовать*), *четкая речь* (срв. *четко говорить*), *тщательная просушка* (срв. *тщательно просушить*). В этих сочетаниях основы существительных, как и в ранее разобранных случаях, имеют лексическое значение процессуального признака (грамматически же оно не маркировано); но в качестве определений выступают прилагательные¹². Это противоречит грамматической сущности прилагательного: оно обязано указывать признак, а не признак признака, для названия которого есть особая часть речи. Прилагательное *быстрый*, присоединяясь к существительному *бег*, заставляет нас слово *бег* понимать как нечто предметоподобное, как некую предметную «отдельность».

Таким образом внутри системы обнаруживается известное противоречие, напряжение. В одних случаях *бег* обозначено в словосочетании как нечто предметное (*быстрый бег*) — это указание ложно; в других сочетаниях как нечто непредметное (*бег наперегонки*) — это указание истинно¹³.

¹¹ Субстантивация здесь рассматривается не как исторический процесс (ср. историческую субстантивацию слов *портной*, *мостовая*, *ночное*), а как варьирование грамматического значения слов в зависимости от его окружения в предложении, от контекста.

¹² Здесь рассматривается синтаксическая сочетаемость слов, но она важна лишь как способ проявления грамматических значений, выраженных морфологически. В самом определении наречия: «признак признака» — уже заключено указание на синтаксическое выражение этого морфологического значения (данное слово относится к другому, обозначающему признак; вместе они образуют назывное сочетание слов).

¹³ Подобные противоречия встречаются и в других областях языковой системы. Например, в безударных слогах после мягких согласных в соответствии с фонемой

17. Как может быть устранено напряжение в системе частей речи? Этот путь намечен самим языком.

А. В русском языке существует изолированная группа неизменяемых существительных: *пальто, какаду, колибри, МТС* и пр. Количество слов в этой группе невелико, и пополняется она сейчас очень слабо.

Б. Неизменяемых глагольных единиц в современном русском языке нет. Любая глагольная форма является морфологически сложной, в ней наличны аффиксы глагольной парадигмы. Поэтому глагол является наиболее сильной единицей в морфологической системе современного русского языка.

Такие глагольные формы, как *бац, толк* и пр., предполагают наличие инфинитивов: *бацнуть, толкнуть...* и, следовательно, целую систему форм; эти глагольные «обрубки» на самом деле имеют парадигматические аффиксы (нулевые).

В. Неизменяемость наречия является нормой в современном русском языке.

Г. Наконец, группа неизменяемых прилагательных, пестрая и мозаичная, оказывается весьма продуктивной. В речи, во всяком случае, встречается большое количество «аналитических прилагательных». Свою отнесенность к существительному они указывают только путем примыкания, причем для одних прилагательных типична строго неизменная постпозитивность, для других — столь же строгая препозитивность.

18. Когда постепенно слагается какой-то новый класс (или подкласс) грамматических единиц, то в него многими путями стекаются различные по происхождению формы. Перечислю некоторые разновидности аналитических прилагательных, условно группируя их по происхождению:

а) Заимствованные слова с основами, обозначающими качество: *беж, электрик, кардинал, хаки* (название цветов); *хинди, урду, эоа* и пр. (названия языков). Они постпозитивны: *Фразы на хинди и бенгальском; В гимнастерке цвета хаки; В платье беж; «Русско-хинди разговорник»; Коми алфавит; Применять Чжень-цзю-терапию; Часы пик; Издание-bis.*

б) Некоторые заимствованные приставки, завоевавшие самостоятельность: *экс-, ультра-, псевдо-, архи-* и др. Они препозитивны: *Эх! — только и сказал экс-лавочник; Псевдоученость его бросается в глаза; Много всяких архинелепостей.*

⟨а⟩ произносятся гласные переднего ряда. После же твердых — гласные непреднего ряда. В *шатер* твердость ⟨ш⟩ дополнительно указана соседним гласным непреднего ряда. Но в слове *лошадей*, с гласным типа [э^н] после шипящих, согласный ⟨ш⟩ обозначен следующим гласным как мягкий; только одно из этих противоречивых указаний истинно. В фонетической системе оказалось налицо напряжение, противоречивость в показаниях, которые даны сочетаниями единиц этой системы. Отношения ложные подлежат устранению: э-образный звук после шипящих всюду заменяется произношением звука типа [а].

в) Единицы, когда-то бывшие корневою частью заимствованных слов: *микро-, авто-, авиа-, фото-, кино-, теле-*; они препозитивны: *По авиапочте можно отправить авиателеграмму, авиापисьмо, авиабандероль; «Фото и кино товары»* (вывеска); *Организовать радио- и телевизионные передачи; Применение макро-, микро- и комбинированной съемки; Примитивные фото- и так называемые изоизделия; Воркута — заполярные Сочи, не морской — так аэропорт...*

г) Эмансипировавшиеся части некоторых сложных слов (русский корень + интерфикс *-о-*; теперь это *-о-* — аффикс аналитического прилагательного); они препозитивны: *Нефте- и газопроводы; Ухо-горло-носотерапия; Хлебо- и лесозаготовки.*

д) Некоторые адъективированные наречия, обычно связанные с неотглагольными существительными (они постпозитивны): *Яйца всмятку и вкрутую* и пр.

е) Некоторые приложения: *Сказка о чудо-дереве; Слава чудо-богатырям; Не налюбуйешься этой чудо-машиной; Знакомство с программой-минимум; Он дал своим питомцам перспективу-максимум; Беда с этим горе-командиром; Разгромили банды генерал-предателя Власова.*

ж) Получившие самостоятельность части аббревиатур (они препозитивны): *В нашем сель-то совете; И партийный, и профбилет; Главвино? Ну, пусть глав; В обл- и районной печати.*

з) Традиционные для русского языка неместоименные аналитические прилагательные: *Зауряд-полк, Зауряд-снабженец* и т. д.

и) Традиционные притяжательные местоименные прилагательные *его, ее, их* (они препозитивны; омонимичные же местоименные существительные обычно постпозитивны)¹⁴.

к) Числительные прилагательные из бывших числительных существительных: *Дом номер пять; Дворник бляха сорок шесть*¹⁵.

л) Прилагательные из служебных слов: *Ох уж эти мне тоже-писатели; Не люблю этаких вроде специалистов; Ваших как-бы-помощников мне не надо; Иногда книгу только читают, а не вдумываются в текст; после такого «только чтения» знаний не прибавится* и т. д.

м) Эмансипировавшиеся русские приставки в роли прилагательных: *Решить эту сверх-задачу, этот важнейший сверх-вопрос*; ср. также: *сверхтекучесть, сверххдность, сверхупорство* и т. д.

н) Наконец, в роли аналитических прилагательных выступали всякие «кодовые определители» (обычно названия букв, цифр): *Икс-лучи, l-истинность,*

¹⁴ См.: Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945. С. 155.

¹⁵ Здесь, кроме того, аналитична и вся сложная определительная группа: *номер пять* или *бляха сорок шесть*; срв. *сед ноги врозь за кистями; упор ноги врозь вне; упор руки в стороны; сед верхом поперек руки в стороны; упор руки вместе* (гимнастическая терминология).

Линия АВ, Гамма-частицы, Плоскость М, S-трубка, Нуль-система; Мотор МД-125 и пр.

19. Все перечисленные выше единицы являются словами (хотя это зачастую еще не отражено в орфографии); доказательства:

а) Они имеют фонетические признаки отдельного слова.

б) Они вступают в сочетание с частицами (*Сель же совет, Экс-президент, Проф ли это собрание?*), с пояснительными словами (*Фото- и так называемые изоизделия. Это — комбинированная и в какой-то степени микросъемка*); могут быть связаны сочинительной связью с неаналитическими прилагательными (*Цвет электрiк и зеленый; партийный и профбилет*). Все это — синтаксические признаки отдельного слова.

в) Наконец, все эти единицы вступают в свободные синтагматические сочетания. Это и является особо важным при определении слова¹⁶.

Свою же прилагательность перечисленные выше слова указывают аналитически: в предложении они могут только примыкать к существительному (или к другому прилагательному, связанному с тем же существительным) и ни на что другое не способны. Они не способны даже примыкать к связке и поэтому не выступают в роли сказуемого.

20. Рассмотренный выше разнородный материал аналитических прилагательных в современном русском языке еще только спланивается, преобразуется в нечто целостное. Пока все это — явления скорее речевого плана, чем языкового (хотя речевое настойчиво кристаллизуется в языковое).

21. Если же эти явления станут фактом языка, если это будет стабильный и многочисленный класс слов, то отношения в системе частей речи русского языка сложатся по-иному. Различие между прилагательным и наречием окажется нивелированным. Прилагательные будут представлены двумя морфологическими типами:

Тип А. Приимённая форма: *светлый, светлая, светлое, светел, светла, светло...* Приглагольная форма: *светло*.

Тип Б. Приимённая форма: *всмятку*. Приглагольная форма: *всмятку*. Следовательно, и в первом, и во втором типе одна из приимённых форм употребляется приглагольно; но во втором случае эта «одна из» и является единственной.

В современной системе частей речи есть напряжения, внутренние противоречия: синтаксические сочетания типа *быстрый бег* намекают, что существительное как часть речи имеет не нейтральное значение, а выражает предметность (см. выше). Если каждое наречие станет прилагательным и стена между

¹⁶ Подробнее об этом см.: *Смирницкий А. И.* К вопросу о слове // Вопросы теории и истории языка. М., 1952. С. 199. Ср. также: *Панов М. В.* О слове как единице языка // Уч. записки Мос. гор. пед. института. Вып. 4. 1953. С. 195 и сл.

ними рухнет, то перестанет существовать и это напряжение; существительное во всех случаях будет сигнализироваться как нейтральный член в системе частей речи.

22. Далее, при разрушении противопоставления между наречием и прилагательным исчезает разграничение частей речи глагол — деепричастие, сейчас поддержанное именно наличием особого класса наречий. Таким образом ступенчатость вычленения тех или иных отличий при назывании объекта (непосредственный «признак» contra «признак признака») не будет отражена в системе частей речи.

23. И глагол, и прилагательное, обозначители признаков, непосредственно сочетаются с подлежащим (в том числе и при помощи связки). Но подлежащее может быть и нулевым; причем налицо явная омонимия нескольких нулевых подлежащих: *Светаёт, Цыплят по осени считают* и пр.¹⁷

В этом синтаксическом положении (в сочетании с нулевым подлежащим) оказывается не только показатель процессуального признака, но и его ближайшая родня — показатель непроцессуального признака, прилагательное. Ср. *Было сухо; Стало теплее; Поздно об этом жалеть*. Группа таких «безличных прилагательных» тоже пополнилась аналитическими формами; срв. *Охота было связываться, Надо ехать, Пора было молотить* и пр. Это — неизменяемые прилагательные, выступающие всегда в роли сказуемого безличных предложений, подобно безличным глаголам¹⁸.

24. Такие безличные аналитические прилагательные отличаются от традиционных безличных прилагательных *сухо, тепло, грустно* и пр. тем, что они в предложении бывают только присвязочной частью (надо, конечно, иметь в виду и нулевую форму связки). Они всегда связаны с временными грамматическими значениями; поэтому их характеристика как показателей «непроцессуальных признаков» очень ослаблена¹⁹.

Влияние их на основную массу прилагательных может привести к переосмыслению общего грамматического значения всей группы; прилагательное станет характеризоваться нейтральным значением: оно будет обозначать признак, о процессуальности которого грамматическая форма ничего не сообщает.

25. Итак, сейчас система частей речи такова:

¹⁷ Ср. соответствующие ненулевые подлежащие в других языках, например, немецк. *es, man*.

¹⁸ Из сказанного вытекает, что «категории состояния» как особой части речи в русском языке нет. См.: *Шапиро А. Б.* Есть ли в русском языке категория состояния как часть речи? // ВЯ. 1955. № 2. Большинство доводов статьи А. Б. Шапиро сохраняют свою доказательность и для излагаемой точки зрения.

¹⁹ У обычных прилагательных эта присвязочность форм на *-о* не колеблет их непроцессуальности; у них важно наличие особых кратких присвязочных форм, противопоставленных полным внутри прилагательного. Значение временной ограниченности связывается именно с этой краткостью форм, а не с самой прилагательностью.

I. Существительное	
\bar{n} (PA, \bar{P} A, P \bar{A} , $\bar{P}\bar{A}$)	
Г л а г о л	Прилагательное
n P A	n \bar{P} A
Деепричастие	Наречие
n P \bar{A}	n \bar{P} \bar{A}

Здесь: n — указано; \bar{n} — не указано²⁰; P — процессуальный, \bar{P} — непроцессуальный; A — признак объекта, выделенный непосредственно; \bar{A} — признак, выделенный не непосредственно.

26. Вряд ли возможно охватить сейчас всю совокупность микроскопических перемещений в современном языке; вряд ли возможно предугадать, какие из них будут заторможены, какие разрастутся и восторжествуют. Если все же предположить, что такой торжествующей окажется тенденция к преодолению внутренних напряжений в системе частей речи, то движение идет к следующим соотношениям:

II. «Существительное»	
\bar{n} (P, \bar{P})	
«Глагол»	«Прилагательное»
$n\bar{P}$	n (P, \bar{P})

Здесь: n — указано; \bar{n} — не указано; P — признак процессуальный; \bar{P} — признак непроцессуальный.

В 1922 г. в плане к статье «Заметки публициста» В. И. Ленин записал: «Комчанство или комспесь». Далее следует такое замечание (в качестве филологического комментария к приведенным словосочетаниям с аналитическими прилагательными): «Русский язык прогрессирует в сторону английского — нэ-по, — ком, — проф, — сов, — рабкоп»²¹. Для такого заключения есть основания. Об этом свидетельствует как раз усиление группы аналитических прилагательных. Соотношения в системе частей речи, представленной таблицей II, аналитичнее, чем те, которые представлены таблицей I.

Следует, однако, подчеркнуть, что усиление аналитизма на одном полюсе языковой системы может привести к усилению синтетизма на другом. При усилении аналитичности прилагательного синтетические формы глагола и существительного приобретают особое значение: они косвенным образом дают грамматическую характеристику прилагательному (как части речи, которая примыкает к словам, имеющим формы словоизменения).

²⁰ Причем это грамматическое неупоминание аффиксально выражено (срв. желтый свет светофора).

²¹ Ленин В. И. Соч. Т. XXVII, М.; Л., 1931. С. 525 (в четвертое издание не вошло).

27. Остается еще несколько замечаний. Числительные не являются особой частью речи.

Порядковые числительные, как уже давно доказано, — прилагательные (с особым лексическим значением).

Количественные же и собирательные числительные выделяют как особую часть речи на таких основаниях:

- 1) они образуют особые «счетные слова»;
- 2) имеют свои падежные флексии;
- 3) у них отсутствуют формы множественного числа (что грамматически отличает их от существительных);
- 4) они особым образом сочетаются с существительными.

Первое основание настолько бессодержательно, что особого рассмотрения не требует²².

Наличие особых (по звучанию) падежных флексий не является признаком, на основании которого выделяются части речи. Напротив, в каждой части речи есть синонимические варианты флексий; например, творительный падеж выражается синонимическими аффиксами: *ом, ој, ју, эм, им* (*столом, пилой, дверью, чем, съестным*). Почему же из этой серии исключать флексии *а, мя* (*ста, двумя, тремя*)²³? Нет оснований ограничивать синонимику только первыми семью типами. Напомню, что части речи выделяются на основании значений аффиксов, а не на основании их звучаний.

Третья мотивировка — отсутствие множественного числа — также несостоятельна. Есть ряд классов существительных, лишенных форм множественного числа: вещественные, собирательные, отвлеченные. Значение основы у них предопределило невозможность сочетания с грамматическим значением числа. Но таково же положение и у «числительных» существительных.

Наконец, часто подчеркивают, что числительные особым образом сочетаются с существительными. Справедливости ради следовало бы сказать наоборот: все существительные особым образом сочетаются с подгруппой «числительных» существительных. Ср.: дат. *мэсти врагов — шесті врагам*, тв. *мestью врагов — шестью врагами*.

И слово *мestь* и слово *шесть* склоняются в подобных сочетаниях совершенно обычным образом. Необычны здесь формы *врагам, врагами*. Но это надо считать грамматической особенностью всех существительных: при сочетании с «числительными» существительными они не застывают в родительном падеже, а дублируют своими флексиями косвенные падежи этих «числительных». Так ведут себя все существительные, попадая в данное положение, в том числе и сами «числительные» существительные: ср.: *московские сорок*

²² Приняв это основание и оставаясь последовательным, следует собственные имена выделить в особую часть речи, так как они образуют особые «именовательные слова».

²³ С интерфиксами: *-у-, -о-*.

сороков — о московских *сорока сороках* — к московским *сорока сорокам*; о нескольких *стах*, к нескольким *стам рублей* (здесь *несколько* — местоименное числительное существительное).

28. Числительные, как показано, встречаются среди существительных. Далее, они встречаются (как лексическая группа) среди прилагательных: *пятый, одиннадцатый...*; среди наречий: *впятером, вшестером* (эти наречия соотносительны с существительными *пятеро, шестеро*), *на двое, на трое, вдвое, втрое* (эти наречия соотносительны с существительными *два, три*); среди глаголов: *удвоить, утроить...*; среди деепричастий: *удвоив, утроив...*

29. Местоимения, с изложенной точки зрения, хотя и составляют лексическую группу слов (или даже несколько групп: с указательным, замещающим и т. п. значением основы), но не являются особой частью речи. Основания те же, что и при анализе лексической группы числительных. В пределах каждой части речи есть уголок местоименных слов, включая и местоименный глагол *что делать*²⁴.

30. Вне системы частей речи находятся междометия, слова типа *да, нет* и все частицы речи (служебные слова). Система частей речи связана с функцией наименования; но именно такой функцией не обладают ни междометия, ни частицы²⁵. Междометия, а также слова *да, нет* (и под.) — эквиваленты предложений; они включают в себя предикативность. Например, *ах! ой!* всегда подразумевают первое лицо и отнесение к нему определенной эмоции²⁶. Слова *да, нет* подобны указательным словам *это, он*; но последние заменяют в предложении слова и словосочетания, а *да, нет* — целые предложения.

У всех этих слов нет значений, соотносительных со значениями: процессуальный признак, непроцессуальный признак и т. д.

*
* *

Данная здесь классификация не может заменить другие классификации, выделяющие в грамматических классах слов иные существенные признаки. Но, может быть, и та точка зрения, которая высказана здесь, несводима к иным решениям данного вопроса. Возможно, Гренландия оказалась здесь непривычно большой, но это обусловлено принятыми принципами: если сами принципы истинны, то такое отклонение от привычных средне-гренландских размеров, может быть, и простительно.

²⁴ См.: Зарецкий А. И. О местоимении // Русск. яз. в шк. 1940. № 6.

²⁵ «Частям речи противостоят частицы речи, связочные слова. Этот структурно-семантический тип слов лишен номинативной функции» (Виноградов В. В. Современный русский язык. Вып. 1. М., 1938. С. 153.)

²⁶ В случаях: *Он ах!* — *да поздно* — налицо не междометие, а форма глагола *ахнуть* (срв. *бац, цап* и пр.).

Русский язык*

На русском языке, т. е. на языке русской нации, в пределах Советского Союза говорят как на родном 114 млн чел. За границами СССР русский язык считают своим родным около 1 млн чел.

В наше время русский язык стал вторым родным языком для огромного числа советских людей, говорящих на других национальных языках; он является средством межнационального общения всех народов Советского Союза. «Происходящий в жизни процесс добровольного изучения, наряду с родным языком, русского языка имеет положительное значение, так как это содействует взаимному обмену опытом и приобщению каждой нации и народности к культурным достижениям всех других народов СССР и к мировой культуре. Русский язык фактически стал общим языком межнационального общения и сотрудничества всех народов СССР» (Программа Коммунистической партии Советского Союза).

Русский язык нашей эпохи является одним из мировых языков, который широко используется в качестве средства международного культурного и политического общения.

Современный русский язык имеет две важнейшие формы существования: это, во-первых, литературный язык и, во-вторых, многообразные территориальные диалекты. Диалекты постепенно растворяются в литературном языке, но до окончания этого процесса еще далеко.

Определяющей чертой литературного языка является преодоление в нем нефункционального различия единиц. Территориальные диалекты в своей массе создают огромную вариантность для всех видов языковых единиц: один и тот же объект называется в разных диалектах по-разному, одна и та же синтаксическая связь выражается разными способами, одно и то же слово получает разную фонетическую форму и т. д. Каждый диалектный коллектив не остается замкнутым; его члены неизбежно знакомятся с другими диалектами, встречаются с инодиалектными собеседниками, поэтому междиалектные различия постоянно становятся различиями внутри одного и того же речевого акта (в

* Языки народов СССР. Т. I: Индоевропейские языки. АН СССР. Научный совет по комплексной проблеме «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций». Институт языкознания. М.: Наука, 1966. С. 55–122.

первую очередь — внутри диалога). Эти различия не связаны с функциями речевого акта, с языковым назначением единиц общения.

Литературный язык противопоставляет этому нефункциональному разнообразию единство: он существует для всей территории русской речи. Его взаимодействие с диалектами и обогащение за счет диалектов ведет не к увеличению синонимии внутри литературного языка, а к функциональному размежеванию и к усложнению системы языковых единиц.

Как литературный язык, так и диалекты имеют фонетические, грамматические, лексические нормы. Но строение норм литературного и диалектного языка принципиально различно. Диалект в самых широких размерах допускает синонимии единиц, т. е. многообразие слов для выражения одного и того же значения (без функционально-языковых различий), многообразие синтаксических оформлений, стилистически тождественных, для одного и того же высказывания, иногда — многообразие фонетических «оболочек» для одного и того же слова и т. д. Нормы же литературного языка построены не конъюнктивно (допускается и то и другое), а дизъюнктивно (допускается или то, или другое; в одних условиях — одно, в других условиях — другое). Наличие двух единиц, функционально тождественных, не различающихся, — уродливость и исключение для литературного языка.

Таким образом, если в одной из синхронных разновидностей языка данного народа преодолевается нефункциональное многообразие единиц (оно меньше, чем в других разновидностях), то эта разновидность служит литературным языком по отношению к другим¹.

Преодоление нефункционального многообразия единиц достигается, во-первых, отвержением диалектного многообразия единиц, и поэтому литературный язык всегда стремится к наддиалектности; во-вторых, тенденцией к функциональному размежеванию единиц, и поэтому стилистическая система литературного языка всегда многочисленнее, дифференцированнее, чем система каждого из диалектов, над которыми он надстраивается.

¹ В качестве определяющих особенностей литературного языка называют: а) нормированность; но любая языковая система существует только при наличии всеобщих определяющих ее норм; б) стилистическую дифференциацию; но она существует и в говорах; в) общеобязательность «для всех членов данного национального коллектива»; но любая форма языка общеобязательна в том коллективе, который ею владеет как основным средством общения, и диалект для определенного коллектива тоже общеобязателен; указание же, что коллектив, который владеет литературной речью, непременно должен быть национальным, неверно: литературные языки существовали и до образования наций (ср. афинское койне, арабский язык); г) «поливалентность», т. е. применимость к разным целям общения. Это качество литературного языка возникает в процессе его развития и не свойственно ему изначально. Таким образом, единственно важной конституирующей чертой литературного языка является преодоление нефункционального разнообразия единиц.

Истоки русского литературного языка уходят в далекое прошлое. Еще до принятия христианства в X в. и до введения письменности древнерусский (восточнославянский) язык имел свою литературную форму. Она была представлена двумя разновидностями: официально-деловой речью и поэтической.

Официально-деловая речь требует строгого терминования слов, однозначных соответствий между обозначаемым и обозначающим; поэтому она раньше других видов речи приобретает черты литературности. Есть основания предполагать, что еще в дописьменную эпоху княжеские послы, передавая порученное сообщение, точно повторяли текст послания, закрепленный в виде традиционных формул и оборотов. В устной форме, видимо, существовали и определенные юридические установления.

Поэтическая речь по природе своей литературна: она всегда стремится различия, нефункциональные в общем языке, использовать функционально. В дописьменную эпоху существовала фольклорная традиция, создавались лирические и эпические песни (к этому времени восходят некоторые былины, бытующие до сих пор на русском севере)².

Вне пределов литературного языка в это время развивалась разговорно-бытовая речь.

С принятием христианства (988 г.) на Руси широко распространилась письменность; церковнослужебные книги, проповедническая и религиозно-дидактическая христианская литература, получившая широкое распространение на Руси, были написаны на старославянском языке. Этот язык уже в X в. был международным языком всего славянства. Будучи по своему строю южнославянским, он пополнился словами (и семантическими оттенками слов) разных славянских языков и наречий. Этот язык вобрал в себя семантическое богатство и гибкость греческого языка: на него переводились произведения византийской христианской культуры, не только религиозные (богослужебные книги, жития, проповеди и т. д.), но и светские («Александрия», «Девгениево деяние», «История Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Повесть о Варлааме и Иоасафе», «Повесть об Акире Премудром» и т. д.).

Число книг, написанных по-старославянски, было на Руси уже в XI–XIII вв. очень значительным: оно достигало нескольких сотен тысяч. Этот язык был усвоен русской культурной средой и использовался как живое средство литературного общения. На нем создавались оригинальные произведения: жития святых («Житие Феодосия Печерского» — XII в., «Житие Нифонта» — XIII в.), хождения по святым местам, проповеди («Слово о законе и благодати» Илариона — XI в., Проповеди Кирилла Туровского — XII в.) и т. д.

² В этих разновидностях дописьменной литературной речи Древней Руси отразились указанные ранее пути преодоления нелитературной множественности единиц: всякая терминологизованная речь (в том числе правовая) отвергает излишние единицы, всякая художественная — функционально их «догружает», разграничивает.

Создается самостоятельная восточнославянская школа переводчиков и писателей. Они свободно используют лексические богатства старославянского языка, выразительные возможности его грамматической и стилистической системы; они деятельно способствуют его развитию, вырабатывают новые слова и обороты для выражения новых значений, семантически обогащают старославянские лексемы. В течение нескольких веков старославянский язык развивался как живая разновидность литературного языка восточных славян.

Вместе с тем после принятия христианства продолжала развиваться и другая форма литературного языка, существовавшая еще в дописьменную пору; письменность закрепила эту традицию и дала ей возможность развиваться дальше. Эта исконно восточнославянская форма языка была воплощена и в художественных текстах («Слово о полку Игореве» — XII в., Моление Даниила Заточника — XIII в., летописные повести, например «Повесть о Васильке Тербовльском» в «Повести временных лет» — XII в.) и в текстах официально-делового характера («Русская правда» — XI в., многие сообщения Первой Новгородской летописи — XIII в.) и учительного-дидактического характера, которые часто включали в себя куски художественного текста (Поучение Владимира Мономаха — XII в.).

Следовательно, в X—XI вв. и позднее в Древней Руси было два литературных языка, близких по своей грамматической системе и по лексическим формам: восточнославянский и старославянский (по происхождению — южнославянский). Эти языки взаимодействовали и взаимно обогащали друг друга, но оставались противопоставленными друг другу.

Разговорная речь в эту эпоху по-прежнему оставалась за пределами литературного языка, но она испытывала гораздо большее воздействие литературной речи, чем в дописьменную пору. Яркое свидетельство этого — многие новгородские грамоты на бересте. Об этом же говорит наличие значительного количества славянизмов в живых русских диалектах.

До XIII в. на всей территории Древней Руси существовал один восточнославянский (древнерусский) язык, хотя и расчлененный диалектно. В дальнейшем он распался на три отдельных языка: русский (великорусский), украинский, белорусский. Это разделение выразилось в ряде фонетических, грамматических изменений, которые в каждом из трех образовавшихся языков протекали по-разному.

Можно предполагать, что падение редуцированных на юге произошло раньше, чем на севере (ср. первое отражение его: для юга — в Добриловом евангелии 1164 г., для севера — в «Новгородской кормчей» 1282 г.; разница в столетие). Эта неодновременность в падении глухих повлекла за собой целый ряд других различий. Например, восточнославянское *tj* (в положении перед гласной полного образования) изменилось по-разному в трех языках, возникших из древнерусского (восточнославянского); ср. *svin'ja*, *sud'ja* (русск.); *svyīn'a*,

sud̄'a (укр.); *sviñ'a*, *sud̄z'a* (белор.); ассимиляция *j* предшествующему согласному здесь была возможна только после падения редуцированных. Этот процесс ассимиляции, следовательно, шел в период, когда на юге уже исчезли слабые редуцированные, а на севере еще нет, т. е. в период середины XII — середины XIII в. Тенденция к ассимиляции *j*, распространяясь наподобие волны, дошла до областей, где были еще живы *ъ*, *ь*, и должна была остановиться.

Также и другие основные фонетические черты, отличающие три восточнославянских языка друг от друга, должны быть отнесены к этой же эпохе. Они связаны с тем, что падение глухих распространялось медленно, пришло на север с опозданием, а фонетические процессы, которые захватили южную часть восточнославянской области, могли осуществиться только в языке с исчезнувшими *ъ* и *ь*³. Таким образом, выделение русского (великорусского) языка из восточнославянской языковой среды надо отнести к XIII в.; в XIV в. это отделение усилилось и закрепилось. Отделение, как сказано, было связано с тем, что языковые изменения стали медленно продвигаться на север; это, в свою очередь, очевидно, обусловлено постепенным объединением северных районов восточнославянской области в особое экономически и культурно замкнутое целое. Дальнейшее историческое развитие упрочило самостоятельность этих областей. Языковые области средней и северной Руси сплотились в единую область русского (великорусского) языка. В XVII—XVIII вв. он становится языком русской нации.

Это не препятствовало взаимообогащению русского языка и других восточнославянских. В XVII — начале XVIII в. обогащение русского языка под влиянием украинского было особенно сильным, в связи с широким развитием на Украине просвещения и литературы. Взаимодействие и взаимообогащение восточнославянских языков продолжалось и в дальнейшем, вплоть до нашего времени.

В русском (великорусском) языке старшего периода, т. е. в XIII—XVI вв., продолжалось сложное взаимодействие двух форм литературного языка. Это взаимодействие было противоречивым. С одной стороны, контраст между

³ Так, исконное начальное *i* (из *ji*) в русском осталось, украинский и белорусский его утратили в эпоху падения слабых *ъ*, *ь*. В русском такое *i* не испытало судьбы слабых *ъ*, *ь*, потому что оно усилилось еще до падения редуцированных на севере восточнославянской территории; это усиление не могло распространиться на юг: там уже были утрачены слабые *ъ*, *ь*.

Вначале слова *tlъ*, *trъ* изменились в *tly*, *try*: *hlytaty*, *dryžaty*, *blycha* (укр.) — или в *tlo*, *tro*: *glotati*, *drožati*, *blocha* (русс.). Разница объясняется тем, что на юге *ъ*, *ь* были в этом положении утрачены, и впоследствии появился вставной гласный; на севере они оказались усиленными, но процесс не смог перейти в южную часть языковой области восточных славян, так как там к этому времени уже не было *ъ*, *ь*.

Перед *j* гласные *y*, *i* изменились в русском в *vj* → *oj*, *vj* → *ej*; ко времени действия этого процесса на юге уже не было *ъ*, *ь*, и там сочетания *yj*, *ij* остались неизменными (русс. *moju*, *slepoj*; укр. *myju*, *slipyj*; белор. *myju*, *sl'apyj*).

книжно-славянской формой литературного языка и народно-русской увеличился: один претерпел значительные изменения, следуя за живым разговорным языком, другой (книжно-славянский) хотя и развивался, но более медленно и скупо. Так называемое «второе южнославянское влияние» в XV–XVI вв., в свою очередь, усилило отъединение книжно-славянской разновидности литературного языка от народно-русской. С другой стороны, непрерывно шел противоположный процесс — взаимодействие между этими разновидностями литературного языка. Он осложнялся влиянием на ту и другую разновидность разговорно-бытовой речи. В результате этого взаимодействия возникали такие яркие памятники языка, как переписка Ивана Грозного с князем Курбским, замечательное «Житие протопopa Аввакума» и др.

В эпохи разграничения совершенствовалась способность каждой из двух языковых систем выполнять свои специфические задачи; например, в эпоху второго южнославянского влияния обогатилась экспрессивно-эмоциональная сторона книжной речи и способность ее выражать сложные отвлеченные понятия, расширилась возможность создавать сложные синтаксические построения для передачи сложных смысловых связей между предложениями и т. д. В эпохи сближения подготавливалась возможность слияния этих двух систем в одно целостное, хотя функционально расчлененное языковое единство. Однако как правило сочетание двух языковых систем достигалось (до конца XVII в.) не их синтезом и слиянием, а вставкой, включением одной в другую, их чередованием в тексте — в зависимости от функции каждой части текста.

Взаимодействие между двумя литературными языками привело в конце концов к синтезу разных языковых стихий; этот синтез был закреплен в XVIII в. «теорией трех штилей».

Теория трех штилей указывала, опираясь на реальную языковую практику, возможности органического соединения и сплавления некогда разобщенных языковых средств. Слова (и отчасти грамматические и фонетические модели) оказались распределенными между тремя стилистическими группами: пригодные для высоких текстов, пригодные для сниженных текстов, пригодные для тех и других. Идущее издревле противопоставление: славянизм — неславянизм (т. е. компонент высокого стиля — компонент невысокого стиля) — заменилось в результате напряженного и длительного развития языка более сложным, трехчленным. Некоторые слова и языковые модели были признаны немаркированными единицами; это давало исключительно большие возможности для сочетания разностильных элементов в пределах одного текста. Следовательно, теория трех штилей, завершителем построения которой был М. В. Ломоносов, отражала итоги долгого перерождения двух соотнесенных литературных языков в синтетическое целое.

Высокое развитие русской культуры в XVIII в. и особенно в XIX в. определило всестороннее развитие в это время русского литературного языка. Огромное накопление лексико-семантических богатств, появление многочисленных

стилистических разграничений, медленное развитие грамматического и фонетического строя языка — все это характеризует русский язык нового времени. Особенно большую роль в его развитии в XIX в. играет художественная литература. В эту эпоху разговорно-бытовая речь, нормализованная влиянием письменной речи, становится одной из форм литературного языка (по крайней мере, у некоторых социальных групп, например интеллигенции).

Официально-деловая речь, ранее только в некоторых своих жанрах входившая в область предела литературного языка, в XVIII в. становится (в принципе) полностью принадлежащей литературному языку. На нее благотворно воздействует разговорно-бытовая речь (это ярко отразилось уже в государственных бумагах Петра I, в «Науке побеждать» А. В. Суворова и др.).

В XX в. русский язык, связанный с советской культурой, приобретает всемирное значение. Продолжается его внутреннее развитие; вместе с тем расширяется и демократизируется коллектив людей, владеющих русским литературным языком. Влияние литературного языка на говоры, на народную речь было заметным и в предшествующие века; оно, несомненно, было достаточно интенсивным в периоды широких демократических движений; об этом свидетельствуют, например, подметные письма разинцев, послания Пугачева и его генералитета. Но только в XX в., особенно после Октябрьской революции, говоры стали постепенно рассасываться в литературном языке (разумеется, завершение этого процесса наступит еще нескоро). Лица, говорящие литературно, стали обычны для любой социальной среды; литературный язык впервые становится общенародным не только в географическом отношении (как противоположность локально ограниченным говорам), но и в социальном.

После Великой Октябрьской революции начинается новый период в развитии русского литературного языка. Функции его усложняются; он более полно начинает обслуживать нужды профессиональной информации (вытесняя многие профессиональные аргы) научного и общественно-политического общения.

Использование во всех областях общественной жизни, так же как и распространение его в широчайших народных массах, определяет во многих отношениях закономерности развития русского литературного языка в советскую эпоху.

Фонетика

В русском литературном языке существует пять гласных фонем: ⟨и, у, э, о, а⟩. Они различаются в сильной позиции — под ударением; все безударные позиции являются слабыми: ни в одной из них не различаются все фонемы.

Реализация гласных фонем под ударением зависит от согласного окружения фонем. В сильной позиции фонемы ⟨и, у, э, о, а⟩ реализуются в звуках [и, у, э, о, а]; ср. междометия: *и-и! у! э! о! а...* Фонемы ⟨у, э, о, а⟩ так же

реализуются между твердыми согласными: *звук, шест, звон, брат*. Твердые согласные не оказывают изменяющего воздействия на эти четыре гласные фонемы. Напротив, мягкие согласные изменяют их артикуляцию (и, следовательно, их звучание): язык поднимается выше и сдвигается кпереди (по сравнению с артикуляцией этих фонем в позиции полной изоляции), тело его напряжено. Указанные фонемы реализуются между мягкими в звуках [ү, э, ö, ä]: *тюль, дети, пёсик, сядь*. Если мягкие согласные действуют на гласные не с двух сторон, а с одной, то изменение артикуляции гласных меньше, и они реализуются в звуках [ү̣, э̣, ọ̈, ạ̈]: *улей, велью, путь, тюк; эти, те, шесть, хотел; очень, плечо, моль, тёс; Аня, рыча, спать, пятый*.

Фонема ⟨и⟩ в полной изоляции реализуется звуком [и]; ср. междометие *и-и!* Эта фонема так же реализуется между мягкими согласными: *пить* и во всех других позициях не после твердого согласного: *иней, ил, пил*. После твердого согласного эта фонема реализуется звуком [ы], ср.: *игры — разыгрывать, без[ы]гр; избы — под[ы]збами; ивы — с[ы]вами*.

В безударных позициях фонема ⟨у⟩ всегда противопоставлена остальным четырем, т. е. всегда находится в сильной позиции. Остальные фонемы нейтрализуются в известных безударных позициях.

Различаются такие безударные позиции:

1. Гласный в безударном неприкрытом слоге: *искать, уметь, этаж, отец, алеть; выискивать, выучивать, вѣ́ это зря, праотец; поискать, не уметь, на этаж, у отца, поалеть; извлекать, усмотреть, этажерка, ананас; поизвлекать, не усмотреть, на этажерке, у ананаса*. Возможны четыре гласных: [и, у, э^н, а].

2а. Гласный в первом предударном слоге с прикрывающим твердым (причем в языке есть парный мягкий): *сыграть, суметь, нэпач, вода, трава*. Возможны четыре гласных: [ы, у, э^н, а].

2б. Гласный в первом прикрытом слоге с прикрывающим [ц]: *цыган, цукат, цепами и лицевой, царить*. Возможны четыре гласных: [ы, у, э^н, а].

3. Гласный в первом прикрытом слоге с прикрывающими [ж, ш]: *широк, шутить, жестянка и желтеть и жара*. Возможны три гласных: [ы, у, э^н].

В третьей позиции у многих говорящих ⟨а⟩ реализуется звуком [а]: *ж[а]ра* (вместо более традиционного *ж[ы^н]ра* или *ж[э^н]ра*). При таком произношении эта позиция тождественна второй.

4. Во всех остальных прикрытых слогах с прикрывающим твердым, включая [ж, ш, ц]: *бытовой, рукавица, нэпачи и голова и травяной; вырыть, выпустить, за голову и вытравить*. Ср.: *жировой, шутовской, жестяной и шелковистый и шаровой* и т. д. Возможны три гласных: [ы, у, ь].

5. Во всех остальных прикрытых слогах с прикрывающим мягким, включая [ч, щ, ж, ј]: *лиса, чудака, леса и темно и без пята; лисовод, чудаки, лесовод*

и *темновато* и *пятилетний*; *просит*, *плачут*, *за лес* и *затемно* и *на пять*.
Возможны три гласных: [и, у, э^и].

Система позиционных чередований гласных представлена в таблице:

Фонемы	Позиции				
	5	1	2	3	4
⟨а⟩		а			ь
⟨о⟩		а			ь
⟨э⟩	э ^и			э ^ь	
⟨и⟩		и		ы	
⟨у⟩		у			

Была описана традиционная система произношения современного русского языка (тождественная с системой произношения в литературном языке XIX в.). Кроме того, существует другая система произношения гласных, свойственная среднему и младшему поколению. В этой системе вместо звуков [и — э^и] в безударных слогах произносится [и^э]. Вместо же звуков [ы — ь] в позициях пятой и шестой произносится [ь]. Таким образом, в этой системе фонема ⟨и⟩ оказывается нейтрализована (так как реализуется тем же звуком, что и фонемы ⟨а — о — э⟩); в традиционной системе произношения она всегда находилась в сильной позиции.

Различение ⟨и⟩ — ⟨э, а, о⟩, так называемое эканье, характерно для строгого стиля произношения, неразличение — для нейтрального и разговорного.

Пять гласных фонем, как видно из предыдущего описания, представлены такими звуковыми единицами (см. таблицу ниже).

В заударных слогах некоторые грамматические формы имеют [ь] после мягких согласных (как реализацию ⟨а, о⟩). Эти сочетания мягкого согласного с последующим [ь] обусловлены грамматически; [ь] после мягких всегда входит в состав флексий. Сказанное относится к таким формам: а) *воля, доля; поле, море* (им. пад.); *время, племя*; б) *окуня, пекаря; поля, моря*; в) *перья, сучья*; г) *каплям, сучьям; о каплях, сучьях, сучьев*; д) *видя, играя*; е) *злая, синяя; злое, синее*; ж) *медвежья, птичья; медвежье, птичье*; з) *двое, трое*; и) *принят, нанят, понят, занят*.

Подъем	Ряд		
	Передний	Средний	Задний
Верхний	й̣ и	ы	у*
Верхне-средний	э ^и	э ^ь	
Средне-верхний	ө̣ э̣		
Средний	э	ь	о
Нижний	ạ̈	а	

*Полужирным шрифтом указаны лабиализованные.

Произношение [ъ] в этих формах определяется «подравниванием», отождествлением окончаний после мягких и после твердых согласных. Здесь грамматические связи, следовательно, преобразуют фонетические законы (которые в позиции пятой допускают в виде реализации ⟨а, о⟩ звук [ъ]).

В русском языке существует 39 согласных фонем: ⟨п, п', б, б', ф, ф', в, в', м, м'; т, т', д, д', ц, с, с', з, з', н, н', л, л'; ш, щ, ж, ж, ч, р, р'; ј; к, к', г, (г'), х, (х'), (γ), (γ')⟩. (В круглых скобках поставлены «потенциальные» и факультативные фонемы, о них см. дальше.)

Все они встречаются в одной позиции: *тропа — торопя — любя — любя; графа — графя — трава — травя; тома — томя; лета — летя — вреда — вредя — лица; голоса — голося — гроза — грозя; вина — виня; вела — веля; греша — треща — ежа — визжа — крича; гора — горя; моя; строка — тья* (дееприч.) — *строга — суха*.

Законы позиционных чередований таковы:

1. Звонкие замещены глухими на конце слова и перед глухими: *зубы — зу[п], морозы — моро[с], пробок — про[п]ка, нарезать — наре[с]ка*.

Глухие позиционно замещены звонкими перед звонкими (кроме [в], [в']): *просить — про[з']ба, отец — оте[дз]бы, алчет — ал[дж']ба*, например: *Алчбы и горя бедное дитя* (Н. А. Некрасов).

Таким образом, для всех согласных, парных по звонкости — глухости, сильная позиция (позиция различения) — перед гласными, сонорными и [в — в'], ср.: *тон — дон, тлеть — длить, твой — два*.

2. Твердые зубные (кроме [л]) перед мягкими зубными (кроме [л']) и мягкими губными позиционно замещены мягкими зубными: *мост — мо[с'т']ик, узда — у[з'д']ечка, романс — о рома[н'с']е; спать — [с'п']и, язвлю — я[з'в']ат*. Замена твердых зубных на мягкие перед мягкими губными в современном языке факультативна, только в некоторых словах обязательно произношение мягких зубных в этой позиции (*разве, сидмя сидит* и др.).

Мена мягких зубных на твердые перед твердыми зубными: *конь — конский, конный, кость — костный, грязь — грязный* и т. п. — не является в современном русском литературном языке фонетически позиционной; ср.: *июньский, день деньской*. Эти мены обусловлены морфологически, все они в той или иной степени грамматикализованы.

Твердые губные позиционно замещены мягкими перед мягкими губными: *бомба — бо[м'б']ить, рифма — о ри[ф'м']е*. Эта замена в современном языке факультативна; только в некоторых словах обязательно произношение мягких губных в этой позиции (*ревмя ревет, вместе*).

Перед [щ, ч] твердое [н] замещено мягким: *женский — же[н']щина, тонко — уто[н']чённый*.

Перед [ј] твердые согласные позиционно замещаются парными мягкими; эта замена факультативна: *побои — бьют, обоймет — объял*.

Мягкие губные перед всеми согласными (кроме йота и мягких губных) позиционно замещены твердыми: *славить* — *славлю*, *губить* — *гублю*, *славен* — *славный*, *зlobен* — *зlobный*, *восемь* — *восе[м]сот*, *рубец* — *рубца*, *немец* — *немца*, *наземь* — *земщина* и т. д.

Таким образом, для всех согласных, парных по твердости — мягкости (кроме ⟨л — л'⟩) сильная позиция — перед гласными, на конце слова, перед [к, г, х], перед твердыми губными. Фонемы ⟨л — л'⟩ во всех окружениях находятся в сильной позиции.

3. Свистящие (зубные) перед шипящими (передненебными, кроме ⟨р — р'⟩) позиционно замещены шипящими: *с ним* — *с чем* (= [ш'ч'ем] или [ш'ем]), *с любовью* — *с жаром*, *распутить* — *расчесать* (= [рш'ч'е^нсат'] или [рш'е^нсат']). При этом смычные после фрикативных могут замещаться фрикативными: ⟨с+ч⟩ = [ш'ч'] или [ш']; примеры приведены.

4. Неслоговые сонорные позиционно замещены слоговыми в положении без контакта с гласными: *литаверы* — *литав[р]ицик*, *звуки литав[р]*; *в сонме* — *сон[м]*, *в октябре* — *октяб[р']*, *в Переяславле* — *Переяслав[л']*, *переяслав[л']ский*.

Перед ⟨э⟩ твердые согласные замещены в огромном большинстве слов мягкими: *травя* — *в траве*, *беда* — *в беде*, *умный* — *умнее*, *серый* — *серее*, *розовый* — *розоветь*, *бледный* — *бледнеть*. Не заменяются мягкими в этом положении только [ж, ш], но ⟨к, г, х⟩ представлены звуками [к', г', х'].

Мена согласных перед ⟨э⟩ в современном русском языке не является фонетически позиционной. На стыках корня (или основы) с аффиксами она грамматикализована (и мена твердых на мягкие является морфологически позиционной); см. приведенные примеры. Таким образом, формы *в траве*, *в беде* ∞⁴; *умнее*, *серее* ∞; *розоветь*, *бледнеть* ∞ образованы аффиксами и чередованием фонем перед ними (ср. *глядеть* — *гляжу* и под.). Внутри морфем: *лето*, *тень*, *делать* — мягкость согласных перед ⟨э⟩ фонематична.

Это необходимо признать, потому что:

1. В современном русском литературном языке существует обширный класс слов, вполне усвоенных и часто использующихся в бытовой речи, с устойчивым сочетанием «твердый согласный +[э]»: *энергия* (*Петру Петровичу э[нэ]ргии не занимать*), *а[тэ]лье*, *нэп*, *нэпманша*, *Фи[дэ]ль*, *Ни[нэ]ль*.

2. Нет смягчения перед ⟨э⟩ на стыках морфем, если отсутствует грамматическая модель такого смягчения: *разэдакий*, *разэхался*, *подэтаж* и пр. Все это свидетельствует о том, что чередование «твердый не перед ⟨э⟩ — мягкий перед ⟨э⟩» перестало быть фонетическим. Следовательно, надо признать позицию твердых—мягких перед ⟨э⟩ сильной для современного литературного языка.

Среди перечисленных 39 согласных фонем есть потенциальные.

⁴ Знак ∞ указывает, что ряд подобных образований не замкнут.

Фонемы ⟨к, г, х⟩ в одних позициях представлены звуками [к, г, х] (перед согласными, перед ⟨а, о, у⟩, на конце слова), в других — звуками [к', г', х'] (перед ⟨и, э⟩). Следовательно [к, к'] не встречаются в одной позиции, так же [г, г'] и [х, х']; различие между ними обусловлено позиционно. Если это заключение верно, т. е. охватывает все факты языка, то следует сделать вывод, что [к, к'], [г, г'], [х, х'] представляют фонемы ⟨к, г, х⟩; нет фонем ⟨к', г', х'⟩.

Указанная закономерность нарушается только формами: *ткёшь, ткёт, ткём, ткёте, тка*. Этих пяти единиц, однако, достаточно, чтобы признать существующей фонему ⟨к'⟩; ср.: *кот — ткот*; [к, к'] здесь встречаются в одной позиции — перед [о] и служат полноценными различителями слов. Наличие какой-либо фонемы в сильной позиции только у небольшого числа «фонетических оболочек» не влияет на ее фонематическую правоспособность. Таким образом, единица ⟨к'⟩ должна быть введена в число актуальных фонем русского литературного языка.

Фонемы же ⟨г', х'⟩ могут быть в сильной позиции только в новообразованиях типа: *берега, жгя, жерехёнок* и т. д. Такие образования вполне возможны в разговорном стиле литературной речи, но не упрочились в ней. Поэтому фонемы ⟨г', х'⟩ считаем потенциальными.

Фонема ⟨γ⟩ встречается в словах *с богом, богу* (= [бóγγу]), *бога* и некоторых других; но всюду она необязательна и может быть заменена фонемой ⟨г⟩. Ее надо считать факультативной (то же надо сказать и о фонеме ⟨γ'⟩).

Фонема ⟨щ⟩ произносится ⟨ш'⟩, т. е. как долгое мягкое [ш]: *и[ш']у, [ш']ука* ∞. Но литературно и другое произношение: *и[ш'ч']у, [ш'ч']ука* ∞. При последнем типе произношения, проведенном последовательно, нет необходимости вводить в систему согласных фонему ⟨щ⟩; сочетание [ш'ч'] может быть квалифицировано как ⟨сч⟩ или ⟨зч⟩. Ср. систему морфологических чередований: *крути́ть — кручу́, гóсти — го́щ*; при произношении [гаш'ч'у] в обеих парах надо видеть одинаковое чередование ⟨т'/ч⟩; ⟨гост'и — гостчу⟩; см. выше пятый тип позиционных чередований (мена свистящих на шипящие перед шипящими). В формах *треск — трещать* при том же произношении налицо чередование ⟨к/ч⟩, ср. *му́ка — мучать*.

Так же и фонема ⟨ж⟩ реализуется звуком [ж̄'] или [ж̄]; оба произношения литературны: *е[ж̄']у и е[ж̄]у, ви[ж̄']ать и ви[ж̄]ать*. В формах *ездить — езжу, визг — визжать* следует усматривать чередование ⟨д'/ж⟩, как в *ходить — хожу*, и ⟨г/ж⟩, как в *друг — дружить*; при этом ⟨зж⟩, естественно, реализуется сочетанием [жж]=[ж̄].

По аналогии с указанными случаями рассматриваются случаи с [ж̄] и [ш'ч'] в словах, где нет морфонологических чередований (*дрожжи, дожди, размозжить, щука, щедрый*). Отсюда следует, что при указанном типе произношения нет основания учитывать фонемы ⟨щ, ж⟩.

Напротив, если в произношении есть звук [ж̣'], то морфонологические чередования должны квалифицироваться по другому: в формах *ездить* — *езжу*, *визг* — *визжать* чередуются ⟨зд'⟩ — ⟨ж⟩, ⟨зг'⟩ — ⟨ж⟩. Параллельно этому должны рассматриваться чередования *гостить* — *гощу*, *искать* — *ищу*. Следовательно, наличие [ж̣'] заставляет признать для данной произносительной системы существование фонем ⟨щ — ж⟩.

Так как последовательное во всех звуковых оболочках произношение [ж̣] (не [ж̣']) у любого говорящего встречается сравнительно редко, фонемы ⟨щ, ж⟩ считаются актуальными.

39 согласных фонем, как видно из предыдущего описания, представлены следующими звуками (см. таблицу ниже).

Согласные [j], [м], [м'], [н], [н'], [л], [л'], [р], [р'] являются сонорными; остальные шумные.

Описанная система произношения гласных и согласных характеризует нейтральный и отчасти строгий стиль произношения (к последнему относится эканье). Кроме них существует и разговорный стиль.

В этом стиле сильнее редукция заударных гласных; сильнее воздействие мягких согласных на соседние гласные. В заударных слогах гласный рядом с [л, р] может полностью редуцироваться: *на[вл]очка*, *про[вл]ока*, *жа[вр]онок*. Заударные гласные между глухими согласными оглушаются: *топот*, *хохот*. Некоторые согласные, например [д'], в разговорном стиле могут редуцироваться до нуля: *ходит*, *видит*, *шестьдесят*.

	Губные		Переднеязычные		Среднеязычные	Заднеязычные	
	Губногубные	Губнозубные	Зубные	Переднебные	Среднебные		Заднебные
Взрывные	<i>п б</i> <i>п' б'</i>		<i>т д</i> <i>т' д'</i>			<i>к' г'</i>	<i>к г</i>
Аффрикаты			<i>ц дз</i>	<i>ч дж'</i>			
Щелевые		<i>ф в</i> <i>ф' в'</i>	<i>с з</i> <i>с' з'</i>	<i>ш ж</i> <i>ш' ж'</i>	<i>й</i>	<i>х' г'</i>	<i>х г</i>
Носовые	<i>м</i> <i>м'</i>		<i>н</i> <i>н'</i>				
Боковые			<i>л</i> <i>л'</i>				
Дрожащие				<i>р</i> <i>р'</i>			

Строение слога. Начальный слог может начинаться так (далее шумные обозначены буквой *t*, сонорные — буквой *n*, гласные буквой *a*): *a, ta, na, tta, tna, nta, nna, ttna, tttna*: *и|ду, те|бя, ли|са, ску|пой, сли|вать, лжи|вый, льнет, скру|тить, встре|ча*.

Конечные слоги могут кончаться так: *a, at, an, att, ant, n, ann, antt, anttt*: *и|ду, и|дут, он, кость, зонт, жура|вль, сонм, волхв, зна|комств*.

В середине слова слогораздел может проходить так: *a|ta, a|tta и at|ta, a|tna, an|ta, an|na, a|ttta, a|ttnna, an|tta, an|tna, a|tn|ta, a|tn|na, a|tttna*: *и|ду, и|скать и над|дать, су|кно, ком|кать, пол|ный, се|кет, напу|ской, сель|ский, дер|знуть, лита|вр|щик, двухке|гль|ный, на|встречу*.

Из этих фактов следует, что любой неначальный отрезок в слове, если он включает более сонорный звук между двух менее сонорных, образует слог. Этому не противоречит слогораздел типа *a|a*: *радио, мои* и т. п., потому что переходные звуки между гласными менее сонорны, чем их ядро.

Ударение в русском языке экспираторное, оно может падать на любой слог в слове. В многосложных словах бывает побочное ударение: *хлебозаготовительный, гальванопластика* и т. д.

Фразовая интонация в русском языке может быть трех типов: восходящая и нисходящая (или восходяще-нисходящая).

Графика и орфография

В основе современной русской графики и орфографии лежит фонематический принцип: система букв и орфографические правила их использования обеспечивают передачу на письме фонем русского языка.

Для 40 фонем русского языка понадобилось бы 40 букв, если бы каждая буква обозначала одну фонему. На самом деле в русском письме, без нарушения фонематического принципа, достигается экономия в наборе букв (их всего 33) и при этом сокращается, по сравнению с сорокабуквенной передачей, длина орфографически передаваемых текстов.

Сочетание фонем «⟨j⟩ + гласная» передается: в начале слова и после гласного буквами *я = ⟨ja⟩, ё = ⟨jo⟩, е = ⟨jэ⟩, ю = ⟨jy⟩, и = ⟨ji⟩* (или ⟨и⟩); после согласного — буквосочетаниями *ья и ья, ъё и ьи, ъё и ье, ью и ью*, а также *ьи*, например: *яблоко, буян, ёлка, неужённой, уехать, юг, мою, мои (= ⟨тоји⟩)*; сочетание ⟨ji⟩ обычно реализуется в звуке [и]; *необъятный, семья, объём, семьёй, съехать, семье, адъютант, семью, семьи*. Сочетание «гласная фонема + ⟨j⟩» передается буквами *ай, ой, эй, уй; ий* (или *яй, ей, юй, ый*).

Те же буквы *я, е, ю* используются и с другой целью: они указывают на определенную гласную фонему и на мягкость предшествующей согласной, ср. *конь — коня — конём — коню*. Напротив, буква *ы* указывает на твердость

предшествующей согласной, ср. *игры — разыгрывать, стол — столы* (но *конь — кони*).

Буквы *а, о, у* не указывают на твердость или мягкость предшествующего согласного, это немаркированные буквы; именно поэтому из парных букв *а — я, о — е, у — ю* буквы *а, о, у* употребляются во всех случаях, когда надо обозначить только гласный, без указания на мягкость предшествующего согласного: 1) в начале слова: *ад, он, ум*; 2) после гласных: *заахать, заочно, наука*; 3) после согласных непарных по твердости—мягкости; у этих согласных мягкость или твердость нефонематична и поэтому не подлежит обозначению в фонематическом письме: *крича, трещат, врачом, труппа, лечу, жука*.

В буквенной паре *ы — и* немаркированным членом является *и*: эта буква не указывает, что перед ⟨и⟩ находится фонематически твердый согласный; ср.: *ищет, поищет* (но *разыскивает*, где *ы* обозначает твердость последнего согласного приставки), *ищи, лежи, гроши*.

Буквы *е — э* недостаточно четко разграничены: *э* используется всегда, когда не следует обозначать мягкость согласного, предшествующего ⟨э⟩: *это, поэт, мэр, экономить, разехаться* и проч. Буква же *е* используется и тогда, когда надо обозначать мягкость согласного, предшествующего ⟨э⟩: *конь — о коне, синь — синее*, и когда это обозначение не нужно: *отель, на ноже, хуже* и проч. Мягкость согласных фонем, если за ними не следует гласная, обозначается мягким знаком: *прорезь, резьба*.

Описанная особенность русской графики позволяет сэкономить 13 букв: нет особых буквенных обозначений для фонем ⟨п' — б' — ф' — в' — м' — т' — д' — с' — з' — н' — л' — р' — к'⟩, но вводятся буквы *ъ* и *ь*; выигрыш — 11 букв; однако введены 5 особых букв для сочетаний с ⟨j⟩; 11—5 = 6, это и есть чистый выигрыш: 40—6 = 34. Нет особой буквы для фонемы ⟨ж'⟩, итого — 33 буквы. Те же особенности графики сокращают длину текста; например, слова *я, мою, уютная, навеивающая* при обозначении каждой фонемы отдельной буквой писали бы: *йа, мойу, уйутнайа, навейивайущайа* и проч., т. е. написания были бы многобуквеннее.

Буквы *я, ё, е, ю* оказываются многозначными: в одних случаях они обозначают ⟨ja, jo, jэ, ju⟩, в других ⟨'а, 'о, 'э, 'у⟩. Но эти два значения строго разграничиваются позициями: *я, ё, е, ю* после букв согласных означают мягкость предшествующей согласной фонемы и соответствующую гласную; в остальных позициях — сочетания ⟨j⟩ с гласной. Следовательно, не возникает никакой двусмысленности при использовании этих букв. Поэтому неверно мнение, что многозначность указанных букв — недостаток нашего алфавита.

Напротив, использование *ъ* и *ь* далеко не всегда мотивировано. Буква *ъ* употребляется и после твердых согласных: *объем* (хотя есть другой вариант литературного произношения, с [б'] мягким перед [j]) и после мягких: *адъютант*. Буква *ь* употребляется и после мягких согласных: *семья, судья, и*

после твердых: *Сантьяго*, и после тех, которые фонематически не имеют ни твердости, ни мягкости: *ружье*, *шьет*, *чью*. Очевидно, что ни *ъ*, ни *ь* в позиции после согласного перед *я*, *е*, *ё*, *ю* не обозначает ни твердости, ни мягкости, а только наличие ⟨j⟩. Поэтому употребление и *ъ* и *ь* в качестве «разделительных» (т. е. обозначающих ⟨j⟩) явно избыточно. Правило: после приставок пишется *ъ*, в остальных случаях *ь* — тоже иллюзорно для современной русской орфографии (например, слова *объем*, *съёмка*, *адъютант* — бесприставочные в языке нашего времени).

Все основные орфографические правила тоже имеют широко фонематический характер.

1. Безударные гласные проверяются ударными: *голова*, так как *го́лова* и *го́ловушка*; *домом*, так как *о́рло́м*, *трудо́м* и т. д. Это означает, что фонемы в слабых позициях возводятся к сильной позиции и обозначаются в соответствии со своей основной разновидностью.

2. Глухие и звонкие согласные на конце слова и перед другими глухими или звонкими проверяются положением перед гласными, сонорными и [в] — [в’]: *косьба*, так как *ко́сить*; *трубка*, так как *трубо́к*; *отбросить*, так как *отре́зать*; *сбить*, так как *сви́ть*. Здесь также фонемы в слабых позициях определяются и обозначаются по сильной.

3. Мягкость согласных перед другими согласными обозначается мягким знаком лишь в том случае, если она сохраняется и перед твердым согласным или в конце слова (т. е. является фонематической непозиционной: снова фонема в слабой позиции проверяется сильной позицией: *бросьте*, так как *бро́сь* — но *мо́стик*, *ко́сти*; *встаньте*, так как *вста́нь*, *ванька-вста́нька* — но *бантик*, *о́ гига́нте*. Эти основные правила (а также фонематический характер правил графики, в частности правописание *жи*, *ши*, *ча*, *ща*, *чу*, *щу* — т. е. необозначенность твердости—мягкости согласных фонем, если она нефонематична) обуславливают достаточно последовательный фонематический характер нашей орфографии. По подсчетам, около 90% всех написаний в текстах являются фонематически обоснованными.

Отступления от этого принципа единичны. Нефонематичны такие написания (указываются типы орфограмм): 1) *черт*, *шелк*, *желудь* (но фонематичны: *врачом*, *межой*, *девчонка*, *медвежонок*, *чокнуться*, *трущоба* и пр.); 2) *дочь*, *мышь*, *отрежь*, *не плачь*; *стричь*, *беречь*; *сидишь*, *идешь* и пр.; 3) *адъютант*, *объем* и пр., при *рожью*, *мышью*, *семья* и пр.; 4) все написания с *ы* после *ц*: *отцы*, *сестрицын* и пр.; 5) орфограммы *заря* (при *зори*), *пловчиха* (при *плавать*), *гореть*, *загорелый* (при *гарь*, *загар*) и некоторые другие написания, касающиеся отдельных слов или отдельных морфем.

Морфология

Морфологическое строение русского слова

Русское слово может состоять из одной или нескольких морфем (т. е. мельчайших единиц языка, имеющих значение)⁵. Одноморфемных слов в русском языке немного: *да, нет, ах* (междометие), *ого, я, ты, вот, только, как, когда, где, пальто, шимпанзе* и под. Слова *он, дом, ах* (глагольная форма: *Татьяна ах! ... медведь за нею*), *режь* и под. не являются одноморфемными (см. дальше).

В огромном большинстве русские слова многоморфемны: *по-на-вы-церк-ива-л'-и, рас-сеч-(е)-ний-ами, пре-глуп'-еньк-ому* и т. д.

Некоторые морфемы имеют строго стандартизованное значение: оно одинаково во всех словах, имеющих эту морфему. Например, морфема *-у* (в форме *брату*) имеет стандартизованное значение. В предложении *Он пишет письмо брату* слово с флексией *-у* может быть заменено любым другим с той же флексией⁶: *другу, учителю, Петру, вологжанину, артисту, шведу*; все они обозначают адресата действия. Даже слова *верблюду, галстуку, глазу, кругу, позору, океану*, введенные в этот контекст, будут обозначать того, кому написано письмо, хотя их назывное значение и не оправдывает такого грамматического использования этих слов. Всем словам с этой морфемой свойственно значение адресата действия; таким образом, это значение стандартизовано.

Другой пример.: морфема *-и* любому глаголу сообщает повелительное значение: *Сиди! Лежи! Отопри!* и т. д.

В некоторых случаях морфема обладает не одним значением, а их комплексом; но появление каждого из них стандартизовано: в определенных контекстах появляются одни, в других контекстах — другие значения, но одинаковые у всех слов с этой морфемой. Например, морфема *-ом* в числе других значений имеет значения: а) орудия действия: *Он умело орудует молотом*; б) лица-предмета, совместно с которым производится действие (при наличии предлога *с*): *Мы пели вместе с ним весь вечер*. В первом контексте все слова с морфемой *-ом* приобретают орудийное значение: *Он умело действует зубилом*,

⁵ Морфема выделяется (т. е. существует как морфема) в том случае, если есть ряд слов, у которых встречается один и тот же звуковой отрезок («тот же» с учетом фонетических и закономерных грамматических чередований) и которые имеют смысловую общность. Сопоставление *домом — дом — дому* выделяет морфему *дом*; сопоставление *домом — хлебом — отцом* выделяет морфему *-ом*.

Возможны отрезки слов, не принадлежащие ни одной морфеме (интерфиксы — см. дальше), и отрезки, принадлежащие одновременно двум морфемам: сопоставления *бить — битва — битвь* и *бить — пить — читать* — *ходить* выделяют в слове *бить* морфемы *би-* и *-ить*; в форме *отцова (подарка)* налицо суффикс *-ов-* и флексия *<-ово>* и т. д. — ср. *больш(ово), сед(ово)* и т. д.

⁶ При этом, разумеется, данную флексию надо отличать от омонимов: *иду — лисью, вовведу* и под.

огнем, плечом, шифром; соседом, пригорком, слоном, прямоугольником, упрямством... Даже слова, чье назывное значение не связано с именованьем орудий, приобретают это значение в данном контексте (впрочем, все они могут быть мотивированы определенными заданиями общения). Схема *Он умело действует ...-ом* означает 'Он умело действует как орудием таким предметом, который обозначен словом с морфемой *-ом*'. Это значение предугадывается независимо от реального наполнения лакуны в схеме. В контексте *Мы говорили вместе с ...* любые слова с морфемой *-ом* (которая чередуется с ⟨a/y/э⟩..., ср. *Петра, Петру, Петре, Петром*) приобретут значение совместного производителя действия.

Самая возможность контекстов, где все слова с данной морфемой выражают одно и то же значение, свидетельствует о том, что значение данной морфемы стандартно. Морфемы, которые всегда употребляются в сопровождении других морфем и имеют стандартизованное значение, называются флексиями (окончаниями). Флексии, которые не имеют синонимов, являются частицами, т. е. уже отдельными словами, а не частями слов, поэтому к ним и не применяется название флексия.

Морфема *-тель* может входить в разные контексты; однако нет ни одного, где она при всех наполнениях схемы имела бы одно и то же значение. Даже наиболее общий контекст: *Вот ...-тель* — покажет, что морфема *-тель* имеет нестандартизованное значение: *Вот выключатель* (значение морфемы *-тель* 'прибор, с помощью которого производится действие, означенное предыдущими морфемами слова'); *Вот писатель* (значение морфемы *-тель* 'лицо, которое профессионально занимается тем, что обозначено предыдущими морфемами слова') и т. д. Морфемы с таким нестандартизованным значением не являются флексиями, это — дериваторы.

Корнем же называется такая морфема, которая может использоваться в речи без дериваторов (т. е. только в сопровождении флексий или без них).

В каждом русском слове обязателен корень и возможны флексии и дериваторы. Мена одной флексии на другую создает формы того же слова (той же лексемы): *брат, брата, братом* и т. д. Следовательно, флексии — это формообразующие, словоизменяющие морфемы. Мена дериваторов (префиксов и суффиксов) образует разные слова: *писать* — *писатель* — *писание* — *переписать*. Дериваторы — словообразующие морфемы⁷.

⁷ Иногда суффиксом называют любую некорневую морфему, если после нее идет еще некорневая морфема (в составе того же слова); например, называют суффиксом *-л-* или *-ви-* в формах *писали, читали, писавший, читавший* и под.; суффиксом называют и те морфемы, которые создают неизменяемые формы: *скорее, читать*. Формы эти «неизменяемы» только в том смысле, что они являются противочленом целой серии форм: сравнительная степень противопоставлена всем падежным формам положительной степени, инфинитив — всем спрягаемым и склоняемым формам глагола. Но соотношение: *чита-ть / чита-л / чита-л-я* является, конечно, словоизменением; поэтому аффиксы сравнительной степени или инфинитива — флексии.

Морфема может быть выражена звуковым нулем. Ср.: *стол — стола — столом*; *хлопнуть — хлопнул — (он) хлоп (меня по плечу)*; *сядет — сядь!*; *просмотреть — просмотр*. В каждом из данных рядов одна из форм грамматически характеризуется именно отсутствием морфем, которые есть у других членов ряда; это — нулевые показатели. Нулевые морфемы играют большую роль в строе русского языка.

От морфем отличаются интерфиксы — звуковые отрезки, которые служат для соединения морфем; это межморфемные прокладки. Они лишены своего отдельного значения. Например, в форме *игр-а-л-ут* путем сопоставлений выделяются морфемы *игр-*, *-а-* (с процессуальным значением), *-ут*. Отрезку *-л-* нельзя приписать никакого отдельного значения; он служит способом соединения глагольных основ, оканчивающихся гласным, со следующим суффиксом, которые начинаются тоже гласным или являются нулевыми, ср.: *играющий, играемый, играя, играй!* Это интерфикс.

К интерфиксам относятся: соединительные гласные в сложных словах: *лед-о-ход, пережат-и-поле, шест-и-колесный* и т. д.; *-о-* между приставкой и корнем: *под-о-брать, раз-о-мкнуть*; *-ов-* перед суффиксом *-ск-*: *вуз-ов-ск-ий* и мн. др. Интерфиксы в послекорневой части очень характерны для морфологического строения русских слов.

Самостоятельность, выделяемость морфем зависит от того, насколько стандартизовано (постоянно в разных словах) их значение и насколько стандартен их фонемный состав. У русского глагола выделяемость приставок очень высока; выделяемость суффиксов низка. У существительных в целом сравнительно высока выделяемость суффиксов (хотя она меньше, чем у глагольных приставок), низка выделяемость префиксов.

В современном русском литературном языке существуют следующие типы слов по их морфемному строению. (Далее приняты обозначения: R — корень, f — флексия, d — дериватор, в скобках — интерфикс.):

1. R: да, пальто ∞;
dR: после-завтра, в-низ, не-где ∞⁸;
ddR: не в лад, не-от-куда ∞;
2. Rd: вечер-ом (нареч.), круг-ом, ночь-ю (нареч.) ∞;
Rdd: кечер-к-ом (нареч.), калач-ик-ом (нареч.) ∞;
dRd: на-лев-о ∞;
3. Rf: нес-ти, нес-у, нес'-а, нес'-и, режь-#, зл-ой, зол-#, зл'-ее; стол-#;
стол-а, стол-ы, друз'(j)-а, врем'-(ен')-и ∞;
Rff: нес-л-и, нес-#-#, нес-ущ-ий, нес-ш-ий, иш-ут-ся (страд.); ближ-айш-ий, стар-ейш-ий ∞;

В данной статье термины «флексия» и «дериватор» (суффикс или приставка) везде употребляются только в указанном выше смысле.

- dRf: пере-нес-ти, пере-нес-у, пере-нес-ши, пере-нес'-и, от-режь-#, без-зуб-ый, не-добр-ый; не-друг-# ∞;
- dRff: пере-нес-л-и ∞;
- ddRf: по-пере-нес-ти ∞;
- ddRff: по-пере-нес-л-и ∞;
4. Rdf: рис-ова-ть, рис-у-(j)-ут, дер-ну-ть, комиссар'-и-ть, леч-и-ть; сер-оват-ый, сер'-еньк-ий, звезд-чат-ый, звезд'-ист-ый, ум-н-ый, привет-лив-ый; стол'-ик-#:., суш-(и)-лк-а, храбр'-ец-#, орл-(ов)-ец-# ∞;
- Rddf: ключ-нич-а-ть; ум-н'-еньк-ий, уч-(и)-тель-ск-ий, уч-(и)-тель-ниц-а, груз'-ин-к-а ∞;
- Rddff: ключ-нич-а-л-и ∞;
- Rdddf: Суд'-еж-ств-ова-ть⁹, груз'-ин-оч-к-а ∞;
- Rdddff: суд'-еж-ств-ова-л-и ∞;
5. dRdf: на-рис-ова-ть, вы-леч-и-ть, вы-дер-ну-ть, рас-кат-к-а, про-чт'-(е)-ний-е, не-погод-к-а ∞;
- dRdff: на-рис-ова-л-и ∞;
- dRddf: от-ключ-нич-а-ть, пре-ум-н'-еньк-ий, рас-кат-оч-н-ый, от-зов-ист-ск-ий ∞;
- dRddff: от-ключ-нич-а-л-и ∞;
6. ddRdf: по-на-рис-ова-ть ∞;
- ddRdff: по-на-рис-ова-л-и ∞;
- ddRddf: по-на-барыш-нич-а-ть ∞;
- ddRddff: по-на-барыш-нич-а-л-и ∞;
- dddRdf: по-на-вы-дерг-ива-ть ∞;
- dddRdff: по-на-вы-дерг-ива-л-и ∞;
7. RRf: рук-(о)-плещ-у, тр'-(ох)-рук-ий, верх-(о)-гляд-# ∞;
- RRdf: рук-(о)-плеск-а-ть, круг-(о)-вращ-(е)-ний-е ∞ — и некоторые дру-гие типы.

Таким образом, русское слово представляет собою ряд морфем (начиная с одной и до семи). Кроме морфем для передачи грамматических значений используются другие грамматические средства: чередование фонем корня и чередования размещения ударения.

⁸ Дефис указывает границу морфем; он не ставится, если морфема пишется по современным орфографическим правилам отдельно от других морфем того же слова. Знак # означает нулевой аффикс.

⁹ *Судействовать* 'заниматься судейством'; *судейство* 'обязанность судьи'; *судья* 'тот, кто занимается судом'. Возможность объяснения одного слова через другое (однокоренное) доказывает их семантическую соотнесенность.

И то и другое может употребляться как самостоятельное грамматическое средство, например для противопоставления видов: *перебежать* — *перебегать*, *разрезать* — *разрэзать*. Но большей частью они только сопровождают аффиксы и подчеркивают их значение.

Грамматические значения могут соотноситься по-разному. Существует соотношение, которое характеризует, например, единицы: *учитель* — *учительница*, *поэт* — *поэтесса*, *ткач* — *ткачиха*. В словах *учительница*, *поэтесса*, *ткачиха* морфологически указано, что называется женщина. В словах же *учитель*, *поэт*, *ткач* морфологически указано, что эти названия могут относиться и к мужчине и к женщине (ср.: *Она опытный учитель*); другими словами: с помощью морфем в этих словах не указано, что они именуют только женщин. Отношение в этих парах слов можно выразить так: nA — $\bar{n}A$. Здесь: n 'указано', \bar{n} 'не указано', A 'названа женщина'. Такие отношения называются неравносторонними («привативными»); единицу со значением nA (по отношению к единице $\bar{n}A$) называют маркированной.

Но возможны иные отношения; они представлены, например, единицами: *москвич* — *москвичка*, *француз* — *французженка*, *болгарин* — *болгарка*. Фразы типа: *Она обаятельный болгарин*; *Петрова — не ленинградец*, а *москвич* — невозможны. В этих парах слова *москвичка*, *французженка*, *болгарка* называют только женщин, а *москвич*, *француз*, *болгарин* — только мужчин. Отношения в этих парах слов следует выразить так: nA — $n\bar{A}$. Здесь: n 'указано', A 'слово называет женщину', \bar{A} 'слово называет мужчину (не женщину)'. Такие отношения называются равносторонними («эквиполентными»); в этих отношениях маркированы обе единицы. Все грамматические отношения в русском языке являются или привативными или эквиполентными¹⁰.

Некоторые слова (и их основы) по отношению к другим словам (и их основам) являются производящими. Из двух основ одна является производящей для другой (однокорневой) в том случае, если она проще другой.

Одна основа проще, чем другая (однокорневая), если осуществляется одно из трех условий.

1) В одной основе меньше значимых частей, чем в другой. Например, в соотносительных парах: *писать* — *написать*, *дом* — *домик*, *учитель* — *учительница* вторые единицы сложнее первых, они являются производными. Если в обеих основах равное число морфем (при этом учитываются и нулевые), то производящая основа определяется по второму принципу.

2) Обе основы имеют одинаковое число морфем¹¹, но у одной из этих основ сложнее значение, чем у другой. Более сложным является маркированное значение (nA) по отношению к немаркированному ($\bar{n}A$). Поэтому в соотносительных парах: *решить* — *решать*, *написать* — *написывать*, *красавец* —

¹⁰ Маркированные члены тех и других соотношений, кроме того, могут входить в ступенчатые («градуальные») соотношения (см. дальше).

¹¹ Учитываются и нулевые морфемы.

красавица — основа первого слова (в каждой паре) проще, чем основа второго производного. Если же обе равноморфемные основы являются маркированными, то производящая основа определяется по третьему принципу.

3) Если слову типа (а) (например, отглагольному существительному) всегда соответствует слово типа (б) (например, глагол), но не наоборот: слову типа (б) не всегда соответствует слово типа (а), то основы типа (а) производны, они по значению сложнее основ (б). Это связано с тем, что при описанных соотношениях объем значения основы (а) как правило уже, чем объем значения основы (б); таким образом, основа (а) является лексически маркированной. Поэтому в парах *раскрасить* — *раскраска*, *переносить* — *перенос*, *написать* — *написание* производными (более сложными) являются вторые слова в каждой паре, несмотря на то что число морфем здесь попарно одинаково и оба члена (глагол — существительное) маркированы.

Части речи в русском языке

В русском языке лексически знаменательные (не служебные) слова распределяются по таким грамматическим классам — частям речи: глагол, прилагательное, наречие, существительное.

Служебные слова тоже распределяются по нескольким разрядам (частицам речи): союзы, предлоги и собственно частицы.

Каждая часть речи объединяется определенными грамматическими значениями (которые в совокупности чужды другим частям речи), имеет свои законы слово- и формообразования. Каждая часть речи и каждая частица речи характеризуется своими законами синтаксического функционирования.

Глагол. В глагольных образованиях содержится грамматическое указание, что данное слово называет действие. Даже названия качеств и состояний, когда они морфемно оформлены в виде глаголов, оцениваются как название признаков, изменчиво протекающих во времени, т. е. как действия: *белеться*, *простираться*, *покоиться*, *вмещать*, *содержать*, *обусловливать* и т. д.

В глагольных формах, кроме процессуального, с помощью морфем выражены такие грамматические значения:

1. предикативность (*пишу*, *писал*, *пиши*) или непредикативность (*пишущий*, *написав*);

2. вид, совершенный или несовершенный: *писать* — *написать*, *надписывать* — *надписывав*;

3. залог, страдательный или нестрадательный: (*кто-то*) *строит* — (*кем-то*) *строится*, (*кто-то*) *пишет* — (*кем-то*) *пишется*;

4. самостоятельность действия или несамостоятельность (совместность с другим действием): *надписал*, *надписавший* — *надписав*; *строил*, *строивший* — *строя*;

5. наклонение: *написал* — *напиши* — *написал бы*;

6. время: *писал — пишу — буду писать, написал — напишу, писавший — пишущий;*

7. лицо: *пишу — пишешь — пишет.*

В формах настоящего — будущего времени выражены значения 1–7; в формах прошедшего времени — значения 1–6; в повелительном наклонении 1–5 и 7; в условном 1–5; в причастиях 1–4 и 6; в деепричастиях 1–4; в инфинитиве 1–3.

Некоторые глагольные формы противопоставляются друг другу и по другим значениям, выраженным морфемно: значениям согласуемого рода и согласуемого падежа. Но эти значения характеризуют и другие части речи, а не только глагол. Следовательно, определяющим для глагольных образований являются значения вида и залога, они резко отделяют глагол от других частей речи. Например, соотношения существительных: *прыжок и прыгание; (долгий) свисток, (долгий) свист, (долгое) свистение; смерть и умирание; сжатие и сжимание; приобретение и приобретание* — имеют не тот характер, который свойственен соотношению глаголов совершенного и несовершенного вида.

Прилагательное. Прилагательные содержат грамматическое указание, что данное слово называет непроцессуальный признак. Эта непроцессуальность есть даже у прилагательных, образованных от глагольных основ: *вареный (окунь), обездоленный, разбрызгивательный, паяльный (прибор)* и т. д.

У прилагательных, кроме значения непроцессуального признака, выражены такие грамматические значения:

1. согласуемого рода, числа и падежа: *злой, злая, злых;*

2. положительной — сравнительной — превосходной степени: *умный — умнее — умнейший;*

3. ограниченности или неограниченности существования данного признака во времени: *(он был) красив — (он был) красивый, (он был) весел — (он был) веселый.*

Однако значения 1 присущи не только прилагательным; значения же 2 присущи не всем прилагательным (только качественным). Таким образом, прилагательное противопоставлено остальным частям речи не наличием какого-либо значения, присущего только ему, а сочетанием «наличий» и «отсутствий»: оно определяется наличием согласуемого рода — числа — падежа и отсутствием вида и залога.

Наречие. Наречия как грамматический класс слов объединяются тем, что указывают на непроцессуальный совместный признак. Это противопоставляет их всем глаголам (у которых формы деепричастия обозначают процессуальный совместный признак, а остальные формы — процессуальный несовместный) и всем прилагательным, лишенным совместности, «сопроводительности». Наречия всегда указывают признак, сопутствующий другому признаку, выраженному глаголом или прилагательным (реже — существительным). У качественных

наречий есть степени сравнения; других частных грамматических значений у наречий нет. Таким образом, наречия характеризуются отсутствием набора тех частных грамматических значений, которые есть у глагола, прилагательного и существительного.

Существительное. В отличие от всех других частей речи существительное обозначает не признаки. Только существительное может употребляться для названия предметов, т. е. того, что обладает признаками: *стол, Африка, учитель, студенчество, ветер, эпоха, совесть, прыжок, близна (Какая близна кругом!)* и т. д.

Всем существительным свойственны такие значения:

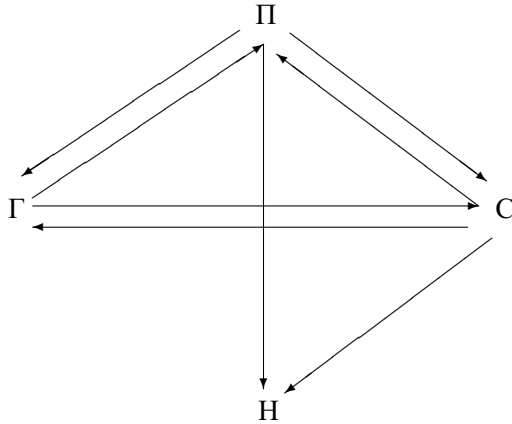
1. несогласуемый род — число — падеж;
2. одушевленность или неодушевленность: (*вижу*) *села, деревни* — (*вижу*) *насекомых, бабочек*;
3. вещьность и невещность (отвлеченность, собирательность, вещьественность); только у вещных есть противопоставление множественного числа единственному (ср. *стол* — *столы, учитель* — *учителя*; но *смелость, студенчество, пиено*).

Итак, если обозначить: П — процессуальность, $\bar{П}$ — непроцессуальность; С — субстанциональность, $\bar{С}$ — несубстанциональность (признак); В — второстепенность (сопроводительность), $\bar{В}$ — невторостепенность, то возможны противопоставления: С — $\bar{С}$, т. е. существительное — все остальные части речи. В пределах $\bar{С}$: П — $\bar{П}$, т. е. глагол — все не глаголы. В пределах $\bar{П}$: В — $\bar{В}$, т. е. прилагательное — наречие.

Каждой части речи свойственна своя синтаксическая характеристика, вытекающая из противопоставлений (строго морфологических), которые описаны выше.

Существительное выступает в роли подлежащего и дополнения, другие части речи могут исполнять эти функции только превращаясь в существительные, т. е. приобретая признаки несогласованного рода — числа — падежа. Глаголы формируют в предложении сказуемое; прилагательные — определения; наречия — обстоятельства. Выступать в роли обстоятельства — значит быть пояснительным словом при глаголе или прилагательном; эта функция, как очевидно из сказанного, определяется значением наречия как несамостоятельного, совместного признака, т. е. «признака признака». Так же и у других частей речи основная синтаксическая функция определяется их общим морфологическим значением.

Каждая часть речи обладает своими характерными словообразовательными связями; это опять-таки определяется тем общим грамматическим значением, которое присуще каждой части речи. Схематически словообразовательные связи частей речи можно изобразить так:

Любой признак может быть сам понят как субстанция; поэтому многие существительные образуются от глаголов и прилагательных (т. е. соотносительны с ними как с производящими единицами). Процессуальность или непроцессуальность признака может быть выдвинута или устранена; поэтому обычны отглагольные прилагательные и отприлагательные глаголы и т. д.

Однако нельзя считать типичным для современного русского языка морфологическое образование наречий от глаголов, или прилагательных от наречий (хотя самостоятельность или несамостоятельность признака, казалось бы, может быть выдвинута или устранена), или существительных от наречий. Это объясняется системными отношениями, которые сложились в русском языке. Наречия в массе своей производны (от существительных и прилагательных). В современном же литературном языке избегается «словообразовательный круг»; очень редко образование типа *злой — злость — злостный — злостность*, т. е. от части речи А — часть речи Б, а от нее снова — А.

Образование наречий от глаголов заторможено наличием деепричастий и т. д.

Как вытекает из сказанного, каждую часть речи можно определить тройко — с точки зрения морфологической, словообразовательной и синтаксической. Например, глагол определяется так:

а) морфологически: глагол обозначает процессуальный признак; это общее глагольное значение выражено морфемно (главным образом флексиями);

б) словообразовательно: глагол — часть речи, словообразовательно связанная с прилагательными и существительными. Так как связи у каждой части речи резко характерны, это определение содержательно;

в) синтаксически: глагол служит для выражения сказуемого в предложении.

Такое же тройкое определение можно дать и любой другой части речи в русском языке. Однако не все эти определения равноправны. Словообразовательная связь с прилагательными и существительными свойственна множеству

глаголов, но не всем им; наличие этих связей можно приписать только классу глаголов, а не каждому из них; а сам класс может быть выделен лишь на основании морфологических указаний.

Так же дело обстоит и с синтаксическим определением. Быть сказуемым — существенная функция глагола, но не каждая глагольная форма действительно является сказуемым; некоторые из них и не могут выступать в этой роли (например, деепричастия). Таким образом, все определения опираются на морфологическое, а оно может быть дано независимо от других¹².

Местоимение. Местоименная группа слов выделяется лексически, по значению корневой части: она имеет предельно обобщенное значение, которое конкретизируется в контексте. По грамматическим значениям местоимения делятся на такие группы:

1. местоименные существительные: *я, ты, он, себя, кто, что, это (Это неверно)* и т. д.;

2. местоименные прилагательные: *мой, твой, его, такой, это (Это заключение неверно)* и т. д.;

3. местоименные наречия: *когда, где, откуда, по-моему* и т. д.;

4. местоименный глагол: *что делать (Что он делает? — Строгает)*¹³.

Таким образом, по общему грамматическому значению местоименные слова делятся на те же классы, что и неместоименные.

Кроме того, местоимениям свойственно особое членение на группы по значению основы. Местоимения делятся на личные и неличные. Значение личных местоимений соотносительно со значением личных форм глагола. Среди них есть местоименные существительные: *я, ты, он, она, оно, мы, вы, они, тот, кто, что, кто-то, что-то, кто-нибудь, что-нибудь, кто-либо, что-либо, кое-кто, некто, нечто, никто, ничто; себя*; прилагательные: *мой, твой, его, ее,*

¹² Морфологически определить части речи можно двояко: или указать общее грамматическое значение, свойственное данной части речи в отличие от других, или указать комплекс частных значений, в которых реализуется это общее. В первом случае о прилагательном, например, говорится, что оно указывает непроцессуальный признак; во втором прилагательное описывается как часть речи, в которой выражено значение согласуемого рода — числа — падежа и не выражено значение вида и залога. И то и другое определение дает одинаковую классификацию.

¹³ *Что делать* — целостное слово (см.: *Зарецкий А. И.* О местоимении // РЯШ. 1940. № 6). Его часть *что* — дериватор. Значение этой части в данном сочетании фразеологизовано; она не является здесь местоименным существительным. Сочетание же фразеологизованных элементарных единиц (морфем) и есть слово (см.: *Смирницкий А. И.* К вопросу о слове (Проблема «отдельности слова») // Вопросы теории и истории языка. М., 1959).

Возможность вставить между частями этого слова другие слова (*что он делает? Пишет...*) не колеблет определения этого сочетания как слова; ср. *некого* — *не у кого* и пр.

*наш, ваш, их*¹⁴, *чей, ничей*; *свой*; наречия: *по-моему, по-твоему, по-нашему, по-вашему; по-своему*.

Личные местоимения делятся на невозвратные и возвратные. Возвратные местоимения *себя, свой, по-своему* указывают, что называемый предмет-лицо тождествен с тем, который назван подлежащим того же предложения (или его свойства тождественны со свойствами этого лица).

Все не указанные здесь местоимения — неличные.

Указательные местоимения отсылают к другим словам предложения: только через отношение к этим словам они обретают способность быть названиями. Среди них есть существительные: *он, она, оно, они, тот (Тот, кто знает, пусть расскажет другим), себя, столько*; прилагательные: *тот (Дай мне тот журнал), этот, иной, другой (= не тот, не этот), такой, таков, его, ее, их, свой*; наречия: *здесь, там, тут, туда, потому, поэтому, тогда, так, этак, потом, затем, по-своему, по-иному, по-другому (= не так)*.

Остальные местоимения являются неуказательными.

Вопросительно-относительные местоимения: *кто, что, сколько* (существительные), *какой, который, чей, каков* (прилагательные), *где, куда, откуда, когда, зачем, отчего, почему, как* (наречия), *что делать (Что делаешь? — Пишу)* (глагол). Они используются в вопросительных предложениях и в придаточных (в качестве относительных слов, связывающих придаточное с главным). Они противопоставлены остальным, невопросительным местоимениям.

Обобщительные местоимения: *никто, ничто, некого, нечего* (существительные), *всякий, всяческий, каждый, любой, весь, никакой, ничей* (прилагательные), *везде, всюду, отовсюду, всегда, нигде, никуда, ниоткуда, никогда, негде, некуда, всячески, никак* (наречия). Обобщительные местоимения делятся на отрицательные (с приставками *не-* и *ни-*) и положительные (большинство их с корнем *весь/всь*; следовательно, *везде* = ⟨в'ес'д'е⟩). Обобщительные местоимения противопоставлены всем остальным, необобщительным.

Неопределенные местоимения: *кто-то, что-то, кто-нибудь, что-нибудь, кто-либо, что-либо, кое-кто, кое-что, некто, нечто, сколько-то, сколько-нибудь* (существительные), *какой-то, какой-нибудь, чей-то, чей-нибудь, чей-либо, кое-какой, некоторый, некий* (прилагательные), *где-то, куда-то, где-нибудь, куда-нибудь, кое-где, кое-куда* и др. (наречия). Они образуются от вопросительных местоимений с помощью частиц *-то, -нибудь, -либо, кое-*. Особое образование имеют неопределенные местоимения *некоторый* и *некий*.

Одно и то же местоимение может принадлежать к нескольким из указанных групп: существительное *он* относится к личным, указательным, невопросительным, необобщительным, определенным местоимениям, наречие *туда* —

¹⁴ В сочетании *позови его (ее, их* и под.) форма *его* — родительный падеж местоименного существительного. В сочетании *его (ее, их* и под.) *книга* форма *его* — неизменяемое местоименное прилагательное.

неличное, указательное, невопросительное, необобщительное, определенное. Это естественно, потому что личные, например, противопоставлены не указательным, а неличным; указательные же противопоставлены неуказательным.

Группа местоимений в целом создается такими лексическими противопоставлениями:

1. личные — неличные,
в числе личных: возвратные — невозвратные
2. указательные — неуказательные
3. вопросительные — невопросительные
4. обобщительные — необобщительные,
в числе обобщительных: положительные — отрицательные
5. неопределенные — определенные.

Числительное. Группа числительных также выделяется лексически, по значению корневой части. Среди числительных есть:

1. Существительные: *два, пять, семнадцать, двое, пятеро*; в том числе местоименные существительные: *несколько, много*.
2. Прилагательные: *второй, пятый, семнадцатый*, в том числе местоименные прилагательные: *который (час)*.
3. Наречия: *вдвое, впятеро, по двое, надвое, во-первых, во-вторых*.
4. Глаголы: *удвоить, утроить*.

И местоимения, и числительные имеют ряд грамматических особенностей (однако они несущественны с точки зрения классификации слов по частям речи). Например, у числительных существительных нет множественного числа (так же как у отвлеченных, собирательных и вещественных существительных). У многих местоимений и числительных есть особые средства словоизменения, только им присущие. Местоимениям свойственно отсутствие словообразовательных связей, типичных для соответствующих неместоименных слов.

Глагол.

Значения наклонения, времени, лица, числа, рода, залога, совместности или несовместности действия, предикативности или непредикативности выражены у глагола флексиями; таким образом, указанные грамматические противопоставления существуют внутри единой глагольной лексемы.

Н а к л о н е н и е. Действие может быть выражено глагольными формами как реальное, или как требуемое, или как возможное при известных условиях. Этим трем значениям отвечают три наклонения: изъявительное, повелительное и условное.

Изъявительное наклонение обозначает действие как реальное. Попытки представить значение этого наклонения «нейтральным» (немаркированным) неудачны. Нельзя согласиться с тем, что оно может обозначать как реальное, так и нереальное действие. В предложениях *Он пришел* и *Он не пришел* действия *пришел* и *не пришел* трактованы как реальные. Наличие предложений

типа: *Скажу что-нибудь — плохо. Ничего не скажу — еще хуже*, — где глаголы имеют условное значение, не доказывает, что изъявительное наклонение может выступать в значении условного, т. е. как немаркированное. Такие предложения аналогичны предложениям с союзом *если* (*Если скажу что-нибудь — плохо...*). Справедливость высказывания, данного в главном предложении, у них налицо лишь при условии справедливости высказывания, выраженного придаточным. Но это условие действительно реализовано, а не гипотетично. 'Я с ним неоднократно говорил, и каждый раз: скажу что-нибудь — плохо...' — таково содержание приведенного предложения. Ср. иную конструкцию, действительно с ирреальным, условным наклонением: *Если бы я ему сказал, то было бы плохо...*

Употребление выражения *Пошел вон!* в качестве приказания также не говорит о том, что изъявительное наклонение нейтрально, немаркировано, т. е. может употребляться для обозначения и реальности и нереальности действия. Это выражение идиоматизировалось и стало целостным побудительным междометием (синонимичным междометию *Вон!*). Ср. невозможность приказаний: *Побежал вон! — А ну, быстро пришел сюда! — Сейчас же замолчал и не ори!* Следовательно, в выражении *Пошел вон!* идиоматически утрачено значение изъявительного наклонения¹⁵.

Противопоставление «изъявительное наклонение — неизъявительное наклонение» эквиполентно; оба члена маркированы: один указывает реальность отношения действия к субъекту, другой — нереальность. Нереальные (неизъявительные) наклонения указывают, что это отношение не соответствует действительности; показатель условного наклонения только это значение и вносит в глагол. В контексте оно может принимать такие оттенки: а) действие определенного субъекта нереально, но желательно: *Пришел бы ты ко мне завтра утром еще немножко помочь!*; б) действие нереально, но возможно при некотором условии: *Он бы пришел, если бы не был так занят; Он бы пришел,*

¹⁵ А. В. Исаченко так пишет об изъявительном, «реальном» наклонении: «Термин „реальность“ здесь ни в коем случае не следует смешивать с понятием правдивости высказывания. Ведь вся сущность лжи и заключается в том, что люди говорят о несуществующем в индикативе» (*Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, II. Братислава, 1960. С. 472*). Это верное замечание совершенно ослабляется далее, когда автор определяет изъявительное наклонение (индикатив) как немаркированное, т. е. не указывающее ни реальности, ни ирреальности действия (точнее: отношения действия к субъекту). В таком случае сообщать о нереальном в наклонении, которое не указывает, реально ли действие, вовсе не значит говорить неправду: одно высказывание автора противоречит другому.

В цитированном высказывании А. Исаченко скрыто верное содержание: общение невозможно, если одно из наклонений не обозначает, что содержание сообщения говорящим рассматривается как отвечающее реальности. В противном случае лживые высказывания были бы невозможны, а следовательно, невозможны и правдивые.

да очень занят; в) простое указание на нереальность действия: *Я ему скажу, чтобы он пришел* (союз *чтобы* включает и частицу *бы*, формирующую сослагательное наклонение).

Повелительное наклонение выражает только первое значение из числа тех, которые свойственны условному: действие определенного субъекта нереально, но желательно.

Следовательно, отношение неизъявительных наклонений друг к другу привативно: повелительное — маркированный член, а условное — немаркированный.

Изъявительное наклонение выражается аффиксами: *хвали-л, -ла, -ло, -ли; хвал'-у, -ишь, -ит* и т. д., т. е. теми же, которые выражают время и лицо.

Повелительное наклонение выражается особыми аффиксами (*-и, -#*) и частицами: *давай, пусть, пускай, -те, -ка*.

Условное наклонение выражается аффиксами *-л, -ла, -ло, -ли* (омонимы аффиксов прошедшего времени) в сопровождении частицы *бы*. В придаточном предложении с союзом *чтобы* эта частица входит в состав союза.

Личные формы повелительного наклонения. Одна из форм повелительного наклонения (3-е лицо) показывает, что побуждение к действию направлено не собеседнику: *пусть (пускай) он читает, пусть (пускай) они читают*. Две другие формы указывают, что побуждение действовать направлено собеседнику или собеседникам.

Совместная форма (или 1-е лицо) указывает, что собеседник должен принять участие в действии вместе с говорящим: *давайте (давай) прочтем, давайте (давай) читать*.

Форма 2-го лица не указывает, что действие должно выполняться совместно с говорящим: *Читай вместе со мной! Дома читайте этот же текст*, 2-е лицо повелительного наклонения нейтрально по значению, оно указывает только, что побуждение действовать обращено или к собеседнику (при этом действие может быть совместным или несовместным) или к лицу, не участвующему в разговоре: *От грязи, добровольцы, машину береги* (Н. Н. Асеев); *Я ему покажу, а он все делай, как я*.

Все три лица имеют формы единственного и множественного числа (далее обозначаются «Ед», «Мн»). Формы множественного числа показывают, что побуждение обращено к нескольким лицам; в формах единственного числа не указано, к скольким лицам относится призыв действовать.

Значение всех шести форм повелительного наклонения можно обозначить так (п — указано; $\bar{п}$ — не указано, Т — призыв обращен к собеседнику, \bar{T} — призыв не обращен к собеседнику, В — действие производится совместно с говорящим, М — призыв обращен к нескольким лицам):

	Ед. число	Мн. число
1 л.	nTB + n̄M	nTBM
2 л.	n̄TBM	n̄TB + nM
3 л.	nT̄ + n̄BM	nT̄ + n̄B + nM

И з њ я в и т е л ь н о е н а к л о н е н и е. Изъявительное наклонение имеет формы прошедшего, настоящего и будущего времени.

Ф о р м ы п р о ш е д ш е г о в р е м е н и означают, что действие, обозначенное основой глагола, предшествует моменту речи. Формы прошедшего времени бывают четырех типов (или, по-другому, в русском языке есть четыре прошедших времени):

1.	дёргал, -а, -о, -и	дёрнул, -а, -о, -и
2.	дёргивал, -а, -о, -и	—
3.	—	дёрни
4.	—	дёрг

Первое — собственно прошедшее время, второе — многократное прошедшее, третье — мгновенно-произвольное прошедшее, четвертое — ультрамгновенное прошедшее.

Наиболее употребительны формы собственно прошедшего времени (Пр).

Глаголы совершенного вида (СВ), указывая такое действие в прошлом, которое достигло внутреннего предела, могут в формах прошедшего времени иметь значение перфекта, т. е. указывать минувшее действие, результат которого существует в момент речи: *Скалы нависли над берегом; Всю-то книгу порвали; Они везде насорили и ушли.* Но этот оттенок значения обусловлен контекстом, он не принадлежит самой форме прошедшего времени совершенного вида; ср.: *Тучи нависли над полем и разошлись; Помню, осень была и ветер везде уже насорил листьями городских кленов.* Здесь контекст не создает у глагольных форм перфектного значения. (Собственное перфектное значение есть у кратких форм страдательных причастий прошедшего времени с нулевой связкой: *здесь насорено, книга порвана* и т. д.)

В таких немногих случаях, как: *Ну, я пошел!* (когда это говорится до начала действия), *Поехали!*, *Начали!* (в тех же условиях) — формы прошедшего времени относятся к будущему. Но из этого не следует, что формы прошедшего времени — немаркированный член противопоставления и могут обозначать будущее действие; перечисленные выражения фразеологизованы и поэтому изолированы; невозможны продуктивные образования по этой модели: *Ну, я закурил и стал вас слушать. — Покарабкались! — Стали читать!* (в качестве высказываний, сделанных до начала действий). Следовательно, значение этих форм не варьируется и строго постоянно.

Формы многократного прошедшего времени *хаживал, знавал, бирал* показывают, что действие в прошлом совершалось многократно, но сейчас уже

не повторяется: *Теперь уж не бьют так, как раньше бивали* (М. Горький); *Хаживал я к ним нередко*¹⁶.

Эти формы имеют по три флексии: *-ыва-л-#, -ва-л-#, -а-л-#* (вместо # может быть любая другая родовая флексия или флексия множественного числа). Ср. омонимичные суффиксы у глаголов несовершенного вида: *прохаживаться, узнавать, набирал*.

В формах многократного прошедшего времени чередуются гласные корня: ⟨о⟩ замещается фонемой ⟨а⟩, ноль гласного замещается фонемой ⟨и⟩, у остальных гласных фонем обе ступени совпадают, т. е. реализуются одним и тем же звуком: *носить — нашивал, драть — дирал, звать — зывал, платить — плачивал, кутить — кучивал, писать — писывал*. Для указанных форм такое чередование является обязательным, т. е. нет форм с ⟨ива⟩, сохраняющих корневое ⟨о⟩.

В соотношении форм *ходил — хаживал, знал — знавал, брал — бирал* немаркированным членом противопоставления являются формы *ходил, знал, брал*. Формы многократного прошедшего времени существуют только у бесприставочных глаголов несовершенного вида, но далеко не у всех. Это не мешает признать формы *ходить — ходил — хаживал* и под. принадлежащими одной лексеме; значение их строго стандартизовано в грамматическом отношении.

В предложениях: *А я и позабудь, где Дуня-то живет!* (А. С. Пушкин); *Он возьми и приди не вовремя* — глагольные формы показывают прошедшее и притом внезапное произвольное действие. Эти формы омонимичны с формами повелительного наклонения. Именно омонимическое отталкивание от повелительного наклонения обуславливает их неупотребительность во 2-м лице. Формы этого времени 2-го лица возможны только в вопросительных предложениях, так как в этом случае сама конструкция предложения оберегает эти формы от совпадения с повелительным наклонением: *А ты-то что ж, возьми и поверь ему?* В противопоставлении форм прошедшего времени *сказал — скажи, узнал — узнай, позабыл — позабудь* немаркированным членом являются формы с флексией *-л*.

У приставочных глаголов, обозначающих однократное действие (*дернуть, бацнуть, хватить*), есть формы прошедшего времени, которые образуются с помощью нулевого суффикса (который, следовательно, чередуется с суффиксами *-ну-, -и-*) и нулевой временной флексии (которая замещает флексиию *-л-*): *дерг, бац, хватъ ъ*. Эти глаголы обозначают краткое и резкое действие, приуроченное к прошлому. Такие формы могут в предложении сочинительно соединяться с формами настоящего времени, но только в том случае, если последние используются для изображения минувших событий: *Приближаюсь к болонке, беру деликатно за шиворот и шварк ее за окошко... Только*

¹⁶ В настоящее время эти формы имеют обычно особый (несколько архаический) стилистический оттенок.

взвизгнула (Ф. М. Достоевский); *Прикинулась я, что в гости иду. Ушла, походила сколько-нибудь по улицам, а к шести часам... — домой. Подбегаю, толк в дверь — так и есть: заперто* (И. А. Бунин).

Система прошедших времен может быть изображена так (п — указано, $\bar{п}$ — не указано, П — действие протекало до момента речи, М — многократно, Н — неожиданно и произвольно, К — мгновенно, кратко):

Совершенный вид	<i>хватить</i>	<i>хватил</i> пП + $\bar{п}$ МПК		<i>хвати</i> пП + $\bar{п}$ М + + пН + $\bar{п}$ К	<i>хватъ</i> пП + $\bar{п}$ МН + + пК
Несовершенный вид	<i>хватать</i>	<i>хватал</i> пП + $\bar{п}$ МНК	<i>хватывал</i> пПМ + $\bar{п}$ НК		

Формы будущего времени указывают, что действие, обозначенное основой глагола, протекает после момента речи. Формы будущего времени есть только у глаголов несовершенного вида. Будущее время образуется сочетанием служебного глагола *буду, -ешь, -ет, -ем, -ете, -ут* с инфинитивом глагола несовершенного вида: *будут беречь, буду решать*.

Формы настоящего времени показывают, что действие, обозначенное основой глагола, развертывается во времени, но они не приурочивают его ни к прошлому, ни к настоящему, ни к будущему. Это немаркированная форма. Поэтому в разных контекстах у глаголов несовершенного вида она может обозначать: а) действие, которое продолжается в момент речи: *Не мешай, я пишу*; б) действие, которое постоянно присуще субъекту: *Дельфины очень быстро плавают и легко нагоняют пароходы*.

Формы настоящего времени глаголов совершенного вида, в отличие от глаголов несовершенного вида, указывают, что действие доведено до качественного предела. Протекание процесса и его предельная точка не могут быть одновременными (за исключением начинательных и мгновенных глаголов, см. дальше). Поэтому у глаголов совершенного вида, не имеющих форм будущего времени, формы настоящего времени могут принимать в разных контекстах разные значения:

а) протекание процесса в настоящем, точка завершения в будущем: *Он выздоровеет; Температура, вероятно, дойдет до 30°*;

б) и протекание процесса и точка завершения в будущем: *Если он и заболет после прививки, то легко и притом быстро выздоровеет; Он грозитя, что дойдет до министра*;

в) и протекание процесса и точка завершения в настоящем (обычно у глаголов начинательных и однократных): *Я ему говорю, а он и ухом не поведет!; Мы ведь с вами встречались? — Не припомню*;

г) и протекание процесса, и точка его завершения не приурочиваются к определенному времени, а рассматриваются как обычные для субъекта, как

постоянно ему присущие (в частности, возможные и в настоящее время): *Он всегда скажет что-нибудь злое.*

Употребление (а) и (б) наиболее обычно для этих форм, поэтому они часто называются формами будущего времени. Однако такое употребление не является для них единственно возможным.

Формы настоящего времени иногда употребляются для изображения прошедших действий. Но употребление это имеет метафорический характер: прошлое изображается так, будто оно сейчас встает перед глазами, со всей живостью и наглядностью. Но формы настоящего времени не могут не метафорически изображать прошлое.

Отношение между прошедшими временами и настоящим временем — эквивалентное: пА — пĀ, одни показывают прошлое (имевшее место до момента речи), другое — не прошлое. Соотношение настоящего и будущего времени таково (п — указано, п̄ — не указано), Б — действие отнесено к будущему, П̄ — действие не отнесено к прошлому):

буду решать пБП̄
решаю, решу п̄Б + п̄П̄

Настоящее время образуется у глаголов совершенного и несовершенного вида и выражается личными флексиями: *берег-у, сберег-у, береж-ешь, сбереж-ешь* и т. д.

Личные формы изъявительного наклонения. Значение лица у глаголов выражается таким набором противопоставленных друг другу единиц:

Форма	Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
1 л.	<i>дую</i>	<i>дуюм</i>	} <i>дул, -а,</i> <i>-о</i>	<i>дули</i>
2 л.	<i>дуешь</i>	<i>дуете</i>		
3 л.	<i>дует</i>	<i>дут</i>		
Неопределенно-личная	<i>дут</i>		<i>дули</i>	
Обобщенно-личная	<i>дуешь</i> <i>дут</i>			
Безличная	<i>дует</i>		<i>дуло</i>	

Форма 3-го лица показывает, что действие относится к субъекту, не участвующему в данном речевом акте. Формы 1-го и 2-го лица показывают, что действие относится к участникам данного речевого акта: самому говорящему (1-е лицо) или его собеседнику (2-е лицо).

Множественное число показывает, что действие относится к нескольким субъектам, а единственное — что оно относится к одному субъекту: *Пальто*

висит — *Пальто висят*. Соотношение между формой 3-го лица единственного числа и формой 3-го лица множественного числа не такое, как в остальных лицах. *Они* — это ‘он + он + ...’ или ‘он + она’ или ‘он + он + она’; это значение тождественно значению форм множественного числа существительных (*столы* — это ‘стол + стол + ...’). Но *мы* — это ‘я + ты’ или ‘+он’ или ‘+они’; *вы* — это ‘ты + ты’ или ‘ты + он’, или ‘ты + они’. Во всех случаях, однако, формы множественного числа показывают множественность субъектов действия, а формы единственного — немножественность их¹⁷. Соотношение эквиполентное.

Неопределенно-личная форма показывает, что действие относится к неопределенному субъекту: *На улице снова загремели железом; Суетились, поспешно крестясь, Выносили серебряный гроб* (А. Блок); *Днем за нашей стеной молчали* (А. Блок); *Вижу: бегут по улице, кричат*.

Неопределенно-личные формы *дуют* — *дули*, *бегут* — *бежали* соотносительны только по времени; обе они находятся вне категории числа: каждая из них может обозначать, что действие совершает один субъект или множество. Это определяется контекстом, в самой же форме не выражено. Ср.: *О вашем приезде мне уже сообщили* (какое-то лицо или какие-то лица); *Уезжал я один, и вспомнил, что три года назад я тоже уезжал отсюда, и меня тогда провожали и поцеловали на прощанье* (М. А. Кузмин).

Обобщенно-личные формы находятся вне категории времени и вне категории числа. Формы *дуешь* и под. показывают, что действие приписывается как возможное любому лицу, и в том числе говорящему: *Глядишь и не знаешь: идет или не идет его величавая глубина* (Н. В. Гоголь); *В меду и подметку съешь* (В. И. Даль); *Шла в мешке не утаишь*. Формы *дуют* и под. показывают, что действие приписывается как возможное любому лицу, но нет указания, что и говорящий входит в их число: *Цыплят по осени считают; Города чинят, не только рубашки* (В. И. Даль).

Формы 1-го лица тоже могут приобретать обобщенно-личный оттенок значения: *Я могу отрицать очевидное, но я не могу требовать, чтобы со мною соглашались*. Однако этот оттенок, вызванный контекстом, не отменяет основного значения формы 1-го лица: действие приписывается говорящему, который обобщает свое *я* до *я* общечеловеческого. Собственно же обобщенно-личная форма семантически полностью оторвана от 2-го лица, ср.: *В такую погоду и дома мерзнешь; Как к нему ни приедешь, всегда он то за книгами, то что-то пишет*.

¹⁷ Это значение выделяется только в случаях, исключающих согласование (ср.: *Пальто висят. Несколько человек бежит и Несколько человек бегут* и пр.). При согласовании флексии единственного — множественного числа теряют свое самостоятельное значение, ср. *Часы идут* и пр.; здесь флексия показывает только связь действия с субъектом. Ср. то же у прилагательных; самостоятельное падежное и числовое значение они тоже приобретают лишь в условиях отсутствия согласования: *этими пальто*.

Безличные формы показывают, что действие мыслится происходящим без субъекта. Эти формы находятся вне категории числа, но противопоставлены по времени: *По утрам в окно дует / дуло; Плотины весной срывает / сорвало на всех ближних притоках нашей реки.*

В системе личных форм, как видно из сказанного, много омонимов. Нельзя, например, в контекстах: *Мы писали ему* и *Мне писали о нем* — видеть одну и ту же глагольную форму *писали*. Здесь два омонима: *писали*¹ — форма мн. ч. и *писали*² — обобщенно-личная форма, не имеющая числа.

Образуются личные формы с помощью флексий:

	Ед. число	Мн. число
1 л.	-у	-’ом, -им
2 л.	-’ошь ¹⁸ , -ишь	-’оте, -ите
3 л.	-’от, -ит	-ут, -ат

Прошедшее время: ед. ч. м. р. — (перед этой флексией временная флексия -л-, если она присоединена к основе на согласный, заменяется нулем), ж. р. -а, ср. р. -о, мн. ч. -и (перед этой флексией временная флексия -л- заменяется ее вариантом -л’-). Флексии остальных личных форм, как видно из таблицы, приведенной на с. 198, омонимичны приведенным.

З а л о г и г л а г о л а. Аффикс -ся (постфлексивный) показывает, что глагол не управляет дополнением в винительном падеже. У некоторых глагольных форм этот аффикс имеет более узкое значение: он свидетельствует, что данный глагол управляет творительным субъекта: *Дом строится каменщиками; Кинокартина ставится талантливым режиссером.* Глагол в этих случаях выражает не активное действие, а состояние. Ср.: *мальчик болеет, день разгуливается, месяц бледнеет* ∞; в этих глаголах отражено состояние как процесс, но здесь данный оттенок значения выражен чисто лексически. В глаголах же *строится* (каменщиками), *ставится* (режиссером) ∞ этот же оттенок находит морфологическое выражение. Чтобы это значение было морфологически выражено, необходимы такие условия: наличие суффикса -ся у глагола; возможность творительного субъекта при глаголе; соотнесенность этого глагола с другим, не имеющим частицы -ся; возможность при этом невозвратном глаголе в качестве субъекта того же существительного, которое у возвратного глагола было дополнением в творительном падеже; возможность при нем в качестве прямого объекта того же существительного, которое при возвратном глаголе играло роль субъекта.

При наличии всех этих условий возвратный глагол относится к страдательному залогу. Соотносительный глагол в переходной форме относится к действительному залогу. Глаголы, не входящие в это соотношение, стоят вне

¹⁸ По правилам русской графики ⟨о⟩ после мягких согласных обозначается буквой е (ё).

залоговых значений. Например, соотношение: *дом строится каменщиками* — *каменщики строят дом* — свидетельствует, что глагол *строиться*¹ относится к страдательному залогу, а *строить* к действительному. Отсутствие соотношения, например: *Новоселы строятся этим летом* — «Это лето строит новоселов» свидетельствует, что глагол *строиться*² (омонимичный предыдущему) стоит вне залогов. Точно так же различны глаголы в сочетаниях: *Белье стирается прачками* и *Белье плохо стирается* (т.е. ‘с трудом превращается в чистое’); в последнем случае невозможен творительный субъект; будучи введен в предложение, он полностью изменит его смысл: *Белье плохо стирается прачками*.

От переходных глаголов несовершенного вида регулярно образуются формы страдательного залога. Исключения единичны; например, невозможна страдательная форма от глагола *видеть*: «Этот дом мною хорошо видится», она исключена наличием синонимического выражения *Этот дом мне хорошо виден*; но отсутствие страдательной формы имеет здесь тот же характер, что неупотребительность форм «побежу», «убежу» от глаголов *победить*, *убедить* или формы «мольб» от *мольба* и т.д., т.е. определено лексически, а не грамматически. Принципиально же каждый переходный глагол несовершенного вида образует страдательные формы.

Наличием или отсутствием флексии *-ся* залоговые значения выражены у глаголов несовершенного вида; у глаголов совершенного вида страдательный залог выражается краткими страдательными причастиями прошедшего времени: *Каменщики построили дом* — *Дом построен каменщиками*; невозможно: «Дом построился каменщиками». И напротив, глаголы несовершенного вида как правило не имеют страдательных причастий («Дом строен каменщиками»). Эти две формы являются взаимоисключающими и, таким образом, функционально тождественными. В редких случаях, когда страдательное причастие прошедшего времени образуется от глаголов несовершенного вида, налицо снова взаимоисключенность форм — такие причастия не используются в краткой форме как выражение страдательного залога: *А рыба уже жарилась нашими товарищами в углях костра* (а не *была жарена*).

Видовые пары у страдательных форм соотносятся так: *строится* (кем-то) — *построен*; *строился* (кем-то) — *был построен*; *разливается* (кем-то) — *разлит*; *разливался* (кем-то) — *был разлит* ∅.

Следовательно, у глаголов морфологически выражены такие залоговые значения: а) страдательный залог (выражен у глаголов несовершенного вида с помощью аффикса *-ся*, у глаголов совершенного вида — с помощью аффиксов *-нн-* (*-н-*), *-т-*); б) действительный залог (выражен аффиксом *-#*, чередующимся с *-ся* или *-нн-* (*-н-*), *-т-*). Соотношение этих залогов эквиполентно. Безотносительность к залогу выражается аффиксом *-ся* (омоним страдательного аффикса): *белеться*, *строиться* или отсутствием аффикса: *сидеть*, *вздрыгнуть*.

Значение страдательного аффикса *-ся* строго стандартно, едино для всех глаголов, где он встречается. Поэтому страдательные и действительные формы, всегда отличаясь друг от друга только строго одинаковым залоговым значением, являются формами одного слова. Наличие другого, омонимичного аффикса *-ся*, который лишен залогового значения, разумеется, не противоречит сделанному заключению. Поэтому у глаголов *строится*¹ (кем-то), *пишется* (кем-то) аффикс *-ся* является флексией; у глаголов *строится*², *белеется*, *кусается* — дериватором, суффиксом.

П р и ч а с т и я. Глагольные формы, описанные выше, являются предикативными. Причастия и деепричастия — непредикативные формы.

В причастиях, так же как и в предикативных формах, выражено значение залога, действительного и страдательного:

а) 'тот, кто ¹⁹ решает'	<i>решающий</i>	НСВ
'тот, кто решал'	<i>решавший</i>	НСВ
'тот, кто решит'	—	СВ
'тот, кто решил'	<i>решивший</i>	СВ
б) 'тот, кто решается'	<i>решающийся (легко решаемая задача)</i>	НСВ
'тот, кто решался'	<i>решавшийся (легко решавшаяся задача)</i>	НСВ
'тот, кто решится'	—	СВ
'тот, кто решился'	<i>решившийся (человек, решившийся на по- двиг)</i>	СВ

Все эти формы не имеют страдательного значения; они принадлежат или к действительному залогу (группа «а») или стоят вне залогов (группа «б»);

в) 'то, что кем-то решается'	<i>решаемый (решаемая нами за- дача)</i>	НСВ
'то, что кем-то решалось'	<i>решавшийся (решавшаяся нами задача)</i>	НСВ
'то, что кем-то решится'	—	СВ
'то, что кем-то было решено'	<i>решенный (решенный нами во- прос)</i>	СВ

Этим формам (группа «в») присуще страдательное значение, и они относятся к страдательному залогу²⁰. Примеры показывают, что существует омонимия среди форм действительного и страдательного залога у причастий (так же как и у спрягаемых форм).

Причастия образуются с помощью флексий:

¹⁹ Или: 'то, что...'

²⁰ Все причастия с флексиями *-ущ-*, *-ащ-*, *-(в)ш-* принято называть действительными. В словосочетании *решавшаяся нами задача* действительное причастие принадлежит к страдательному залогу.

Причастия	Настоящее время	Прошедшее время
Действительные	$\left\{ \begin{array}{l} -ущ- \text{ (I спр.)} \\ -ащ- \text{ (II спр.)} \end{array} \right.$	-(<i>в</i>)ш-
Страдательные	$\left\{ \begin{array}{l} -ом- \text{ (I спр.)} \\ -им- \text{ (II спр.)} \end{array} \right.$	-(<i>о</i>)нн-, -т-

Флексия *-ш-* к основам на гласный присоединяется с помощью интерфикса *-(в)-*; после согласных — непосредственно: ср. *укра-(в)-ш-ий* — *увяд-ш-ий*.

Причастные флексии настоящего времени присоединяются к основам настоящего времени (после гласных — с помощью интерфикса *-j-*); причастные флексии прошедшего времени присоединяются к основам прошедшего времени; только у глаголов с суффиксами основ *-и/-#* они присоединяются к основе настоящего времени при помощи интерфикса $\langle o \rangle$ ²¹.

К причастным флексиям присоединяются флексии со значением рода, числа и падежа; они совпадают с флексиями прилагательных.

Д е е п р и ч а с т и я показывают, что действие, обозначаемое основной этой глагольной формы, сопровождает другое действие. Деепричастия относятся только к действительному залогу (невозможны конструкции: «Дом, строясь каменщиками, поднимался все выше и выше»; «Картина, писавшись знаменитым художником, пользовалась успехом» и т. д.).

Деепричастия, образованные от основ глаголов несовершенного вида, обозначают действие, протекающее одновременно с действием, которое выражает спрягаемая личная форма глагола; деепричастия, образованные от основ глаголов совершенного вида, обозначают действие, предшествующее действию, которое выражает личная форма глагола.

Деепричастия несовершенного вида имеют аффикс *-а* (*видя, зная*), перед которым обязательна мена парных твердых на мягкие.

Деепричастия совершенного вида имеют аффикс *-в* или *-ши*; последний аффикс (флексия) к основам на гласный присоединяется с помощью интерфикса *-(в)-*.

В и н ф и н и т и в е выражены только три глагольных значения: вид и залог (*строить, строиться, построить, построиться*) и отношение к предикативности.

Инфинитив — немаркированный член по отношению к предикативным и непредикативным глагольным формам. В аффиксах инфинитива нет указания, что эта форма используется предикативно, нет указания и на ее непредикативность. Инфинитив имеет флексию *-ть* (после гласных) и *-ти* — после согласных. У глаголов *есть, сесть, лезть*, вопреки общей закономерности, к основе на согласный (*ед-/ес-, чет-/чит-/чес-, сед-/сес-*) присоединена флексия *-ть*,

²¹ По правилам русской графики $\langle o \rangle$ после мягких согласных в безударных слогах обозначается буквой *е*.

а не *-ти*. Замкнутая группа глаголов имеет в инфинитиве флексию *-чь* (*печь, стеречь, жечь*).

К л а с с ы г л а г о л о в. Флексии глагола присоединяются к основам; глагольные основы оканчиваются суффиксом (т.е. дериватором) с общим значением процессуальности. В зависимости от этого суффикса глаголы можно разделить на такие классы:

- 1) суффикс *-а-*: *играть / играют, разыгрывать / разыгрывают*;
- 2) суффикс *-е-*: *белеть / белеют, окостенеть / окостенеют*;
- 3) суффикс *-ова- / -у-*: *исследовать / исследуют, телеграфировать / телеграфируют*;
- 4) суффикс *-ну- / -ну- / -н-*: *прыгнуть / прыгнул / прыгнут; мигнуть / мигнул / мигнут*;
- 5) суффикс *-и- / -#-*: *ходить / ходят, любить / любят*.

У классов 3, 4, 5 и некоторых других, указанных дальше, процессуальный дериватор (суффикс) выступает в двух разновидностях: одна используется в формах инфинитива, прошедшего времени и сослагательного наклонения, причастия прошедшего времени и деепричастия совершенного вида (*исследовать, исследовал, исследовал бы, исследовавший, исследованный, исследовав*); другая используется в формах настоящего времени, повелительного наклонения, причастий настоящего времени и деепричастия несовершенного вида (*исследуют, исследуй, исследующий, исследуемый, исследуя*).

Перечисленные выше суффиксы продуктивны, т.е. образуют незамкнутые ряды слов. Например, от каждого существительного потенциально образуются глагольные основы с суффиксом *-и- / -#-*.

Остальные глагольные суффиксы непродуктивны; важнейшие из них:

6) суффикс *-а / -#-*: *писать / пишут, брызгать / брызжут*. Некоторые глаголы образуют формы и с первым и с шестым суффиксом: *махать / машут* и *махают, капать / каплют* и *капают, брызгать / брызжут* и *брызгают*. Некоторые из этих дублетов отличаются стилистически (*внимают* и *внемлют*), семантически (*капают* и *каплют*) или стилистико-семантически (*двигают* и *движут*);

7) суффикс *-ну- / -#- / -н-*: *увянуть / увял / увянут; окрепнуть / окреп / окрепнут*. Некоторые глаголы образуют формы и с 7 и с 4 суффиксом: *глохнуть / глохли* и *глохнули, меркнуть / меркли* и *меркнули*. У приставочных глаголов (*оглохнуть, померкнуть, увянуть*) используются формы с нулевым суффиксом: *оглох, оглохли; померк, померкли; увял, увяли*;

8) у некоторых глаголов флексии присоединяются непосредственно к корню: *нести / нес / несут, стеречь / стерег / стерегут, жать / жал / жмут, понять / понял / поймут, начать / начал / начнут, греть / гре(ж)ут, знать / зна(ж)ут* и др. Эти группы тоже непродуктивны.

Если основа глагола оканчивается на гласный, то другие суффиксы, начинающиеся гласным или представленные #, присоединяются к ней с помощью интерфикса *-j-*: *игр-а-j-ут*, *игр-а-j-а*, *игр-а-j-ующий*, *игр-а-j-(ом)-ый*, *игр-а-j-#* (основа формы повелительного наклонения с нулевой флексией должна оканчиваться согласным, так как нулевые показатели в русском языке могут следовать только после согласных). Если после основы, оканчивающейся гласным, следует аффикс, у которого первый звук — согласный, то у глагольных форм интерфикса нет: *игра-л*, *игра-вший*, *поигра-в*, *сыгра-нный*. Глагольные основы на согласный присоединяют аффиксы без интерфикса: *нес-ут*, *нес-ла*, *нес-ший*, *нес-ующий*, *нес'-и* и т. д., *строј-ат*, *строј-ила*, *строј-ивший*, *строј-ащий*, *строј-#* и т. д.

Первые четыре продуктивных класса глаголов и все непродуктивные относятся к I спряжению (флексии: 2 Ед -'ошь, 3 Ед -'от, 1 Мн -'ом, 2 Мн -'оте, 3 Мн -ут; аффиксы причастий -ущ-, -ом-); 5-й продуктивный класс — ко второму (флексии: 2 Ед -ишь, 3 Ед -ит, 1 Мн -им, 2 Мн -ите, 3 Мн -ат, суффиксы причастий -ащ-, -им-).

Чередование согласных в глагольных формах. Формообразование у глаголов некоторых классов связано с чередованием конечных согласных корня. Чередования могут быть такими: задненебные чередуются с передненебными (в виде исключения — твердые заднеязычные чередуются с мягкими заднеязычными, причем мягкость не обусловлена позицией); губные твердые чередуются с сочетанием «губной + л'»; зубные чередуются с передненебными; твердые согласные чередуются с парными мягкими; согласные любого типа чередуются с нулем фонемы (в этих формулировках на первом месте всегда указан основной тип морфемы). Вот эти чередования:

	1	2	3	4		1	2
{д}	д	д'	ж	з	{н}	н	н'
{т}	т	т'	ч	с	{л}	л	л'
{з}	з	з'	ж	з	{р}	р	р'
{с}	с	с'	ш	с			
{зд}	зд	зд'	ж				
{ст}	ст	ст'	щ				

	1	2	3		1	2	3
{г}	г		ж	{б}	б	б'	бл'
{к}	к	(к')	ч	{п}	п	п'	пл'
{х}	х		ш	{в}	в	в'	вл'
{зг}	зг		ж	{ф}	ф	ф'	фл'
{ск}	ск		щ	{м}	м	м'	мл'

У глаголов разных классов система чередований различна.

Чередования у глаголов с суффиксами *-и-#-*: *ходить, мутить, возить, просить; дружить, мучить, сушить* (ср. *друг, мука, сухой*, следовательно, у последних трех глаголов и у им подобных в конце корня морфемы {г, к, х}); *любить, торопить, ловить, графить, томить*. Системы чередований в глагольных формах представлены в следующих схемах (Г обозначает заднеязычные, Д — переднеязычные, П — губные, Н — сонорные, кроме губных сонорных. НВр — настоящее время. ПрВр — прошедшее время, СВ — совершенный вид, НСВ — несовершенный вид, СЗ — страдательный залог):

	Г	Д	П	Н
Инфинитив	3	2	2	2
Глагольные формы ПрВр	3	2	2	2
Причастие ДЗ ПрВр, деепричастие СВ	3	2	2	2
Причастие СЗ ПрВр	3	3	3	2
Форма 1 л. Ед	3	3	3	2
Форма 2, 3 л. Ед, 1, 2 л. Мн, деепричастие НСВ	3	2	2	2
Форма 3 л. Мн, причастие НВр	3	2	2	2

У заднеязычных не три ряда чередующихся звуков, а всего два; обе слабые ступени (2 и 3) реализованы одинаково, в форме, обычной для третьей ступени; особые формы для второй ступени отсутствуют. У {п, л, р} также два ряда чередующихся звуков, причем обе слабые ступени (2 и 3) реализованы одинаково, в форме, обычной для второй ступени; особые формы для третьей ступени отсутствуют. Поэтому идеализированную схему чередований у глаголов с суффиксами *-и/-#-* надо представить так:

Инфинитив	2
Глагольные формы ПрВр	2
Причастие ДЗ ПрВр	2
Деепричастие СВ	2
Причастие СЗ ПрВр	3
Форма 1 л. Ед	3
Формы 2, 3 л. Ед, 1, 2 л. Мн, деепричастие НСВ	2
Форма 3 л. Мн, причастие НВр	2

Таким образом, этот идеализированный тип чередований находит полную реализацию только у зубных и губных, которые имеют три ступени чередования.

Остальные системы чередований характеризуют непродуктивные суффиксальные группы глаголов.

Идеализированные типы этих чередований таковы:

	I	II	III	IV	V
Инфинитив	2	1	1	1	#, 4
Глагольные формы ПрВр	2	1	1	1	1, #
Причастие ДЗ ПрВр, деепричастие СВ	2	1	1	1	1, #
Причастие СЗ ПрВр	3	1	1	1	2
Форма 1 л. Ед	3	3	3	1	1
Формы 2, 3 л. Ед, 1, 2, л. Мн, деепричастие НСВ	2	3	2	2	2
Форма 3 л. Мн, причастие НВр	2	3	2	1	1

Чередование первого типа, как уже сказано, налицо у глаголов типа *ходить*. Чередование второго типа налицо у глаголов *глодать*, *прятать*, *вязать*, *писать*, *хлестать*, *двигать*, *кликать*, *махать*, *брызгать*, *плескать*, *сгибать*, *сыпать*, *дремать* и под. Чередование третьего типа представлено глаголами *дрожать*, *звучать*, *слышать*, *визжать*, *пицать*, *рыгать*, *спать*, *знать*:

	Г	Д	П	Н
Инфинитив	3		1	1
Глагольные формы ПрВр	3		1	1
Причастие ДЗ ПрВр, деепричастие СВ	3		1	1
Причастие СЗ ПрВр	3		1	1
Форма 1 л. Ед	3		3	2
Формы 2, 3 л. Ед, 1, 2 Мн, деепричастие НСВ	3		2	2
Форма 3 л. Мн, причастие НВр	3		2	2

Глаголы с зубными в исходе корня в этой группе отсутствуют; идеальный тип представлен только группой с исходными губными (в которой налицо только один глагол: *спать* и приставочные от него). Сонорные, как сказано, не различают двух слабых ступеней чередования; с задненебными же морфонемами дело сложнее. В глаголах *дрожать*, *звучать*, *слышать*, *визжать*, *пицать*, *рычать* (и других подобных) в исходе корня представлены морфемы {г, к, х}, ср.: *дрогнуть*, *звук*, *услыхать* и *слух*, *визг*, *писк*, *рык*. Но сильный член морфемы {г, к, х} остается за пределами глагольной парадигмы. Наиболее различительные формы глагола уже имеют слабый член морфемы; поэтому его варьирование в членах, где должны быть более слабые ступени чередования, исключено (морфемы {г, к, х} имеют всего два члена). Ясно, что задненебные не могут представить идеальный тип чередований у этих глаголов, т. е. такой тип, где есть наиболее благоприятные условия для выявления чередований.

Чередование четвертого типа представлено глаголами *ждать*, *сосать*, *лгать*, *рвать*, *драть*, *стегать*. Наконец, у глаголов *вести*, *плести*, *везти*, *пасти*; *беречь*, *стричь*, *печь*, *обречь*; *обнять*, *взять*, *жать*, *мять*, *распять* — чередование пятого типа. У глаголов с инфинитивом на *-чь* в исходе корня —

заднебные; у глаголов с инфинитивом на *-ти* в исходе корня — зубные; у глаголов (этой группы) с инфинитивом на *-ть* в исходе корня губной {м} или сонорный зубной {н}. У этих последних глаголов гласные корня чередуются с нулем; такое чередование связано с чередованием согласных основы.

Описанные выше глагольные значения передаются с помощью флексий и сопровождающими флексии чередованиями; морфологические единицы, отличающиеся только этими значениями, составляют единую глагольную лексему. Ряд грамматических значений передается с помощью дериваторов (словообразовательных морфем): значение вида, направленности действия и некоторые другие.

Виды глагола. Каждый глагол в русском языке принадлежит к *совершенному* или *несовершенному* виду. Глаголы совершенного вида обозначают действие, доведенное до своего качественного предела.

а) Этот предел может определяться объектом действия; ср. *прочитал книгу, связала рукавицы, нарубил дров, убедили его в чем-то, насыпали кучу зерна, уклонился от обязанностей, пооткрывали окна, спели песню, превратили в кристаллы* и т. д. Если *связала варежки*, то дальше продолжать это действие невозможно: вязать эти же варежки уже нельзя. Глагол *прочитать* указывает, что чтение какого-то текста доведено до конца и продолжать читать его нельзя (можно только *перечитать*). В глаголах *убедили, намусорили* запечатлено достижение определенного результата действия; самое действие можно продолжать, но при этом остается достигнутым тот же качественный предел, и результат останется прежним.

б) Некоторые действия представлены основой глагола как циклические, состоящие из строго определенного и ограниченного ряда звеньев; с завершением цикла действие не может продолжаться (оно может быть только повторено вновь), ср.: *мигнуть, ударить, утроить, обойти* (вокруг чего-либо), *проглотить*.

в) Некоторые действия представлены основой глагола как заключенные в определенных временных пределах: *проспал всю ночь, лето красное пропела, поработал немало* и т. д. Все эти временные пределы могут быть и большими и малыми, необходимо пояснительное слово, уточняющее их (*всю ночь, лето, немало*); но есть глаголы, основа которых уже вобрала в себя указание на то, что время, наполненное этим действием, было небольшим: *посидеть, попеть*; при них временные указания могут и отсутствовать.

Глаголы несовершенного вида не содержат указания на то, что действие доведено до качественного предела; поэтому такие глаголы могут в контексте обозначать: а) одиночное незаконченное действие, т. е. не доведенное до предела: *Она читала письмо, когда внезапно ее позвали к соседям*; б) действие, доведенное до качественного предела: — *Ты разве не читал «Войну и мир» Толстого? — Конечно, читал*; в) повторяющееся действие, причем ряд

повторений не замкнут: *По вечерам она всегда читала по-французски*; г) повторяющееся действие, причем ряд повторений замкнут: *Эту книгу она урывками читала целый месяц*; д) действие, законченность или незаконченность которого для контекста безразлична: *Она была образованна, читала и писала по-французски и по-английски*.

Таким образом, значение глаголов несовершенного вида шире, чем значение глаголов совершенного вида, и включает в себя это последнее значение. Значение незаконченного или повторяющегося действия способен передать только глагол несовершенного вида; значение же действия законченного (т. е. доведенного до предела) передают и те и другие глаголы, хотя обычно используются глаголы совершенного вида. В некоторых конструкциях использование глагола несовершенного вида вместо совершенного вида, т. е. в значении действия, доведенного до предела, является обычным, например при отрицательной частице *не*: — *Ты не брал этой книги?* — *Взял*; или: — *Вы еще не писали ей?* — *Написал* и т. д.

Глагольная основа может обозначать в качестве особого процесса начало действия: *закричать, заиграть, поползти, поплыть* и др. При этом начало может представляться точкой перехода от бездействия к действию (или от полного отсутствия определенного состояния, отношения к их наличию). Таковы глаголы *закричать, забить (в барабан)*: самый первый звук есть уже свершение этого действия; здесь самое действие (точка перехода) и есть предел, который подлежит достижению. У таких глаголов нет парных глаголов несовершенного вида.

Другими же глагольными основами этот переход представлен как временной отрезок: они указывают, что этот отрезок был исчерпан действием. Они имеют парные глаголы несовершенного вида, в которых нет указания на завершенность этого действия: *запеть — запевать*.

Бесприставочные глаголы могут принадлежать к несовершенному виду: *брать, писать, думать, стремиться, зеленеть, превращаться, изобиловать, объяснять, состоять, сострадать* и к совершенному виду: *взять, дать, пустить, сказать, затеять, назвать, доверить, обличить, искупить, наделить (чем-либо), совершить*. Бесприставочные глаголы несовершенного вида в большинстве случаев соотносятся с приставочными совершенного вида: *писать — написать, думать — продумать, стремиться — устремиться*; некоторые из них такого соотношения не имеют; например, бесприставочные глаголы *превращаться, состоять, объяснять, сострадать* не соотносятся с приставочными.

Некоторые бесприставочные глаголы совершенного вида соотносятся с приставочными совершенного вида: *дать — раздать, пустить — выпустить, сказать — пересказать*.

Некоторые бесприставочные глаголы несовершенного вида с суффиксами *-а-, -е-²², -ова-, -и-, -о-* соотносятся с бесприставочными глаголами совершен-

²² Т. е. (э).

ного вида, имеющими суффикс *-ну-* со значением однократного действия: *прыгать* — *прыгнуть*, *свистеть* — *свистнуть*, *полосовать* — *полоснуть*, *скользить* — *скользнуть*, *колоть* — *кольнуть*.

Некоторые бесприставочные глаголы совершенного вида с этим суффиксом соотносятся с приставочными, имеющими тот же суффикс (они относятся к совершенному виду): *перепрыгнуть*, *подсвистнуть*.

Некоторые бесприставочные и приставочные глаголы несовершенного вида с суффиксами *-ива-*, *-ва-*, *-а-*, *-и-* соотносятся с глаголами совершенного вида, имеющими суффиксы *-а-*, *-е-*, *-ова-*, *-и-*, *-о-*, *-#-*: *переписывать* — *переписать*, *просматривать* — *просмотреть*, *перезимовывать* — *перезимовать*, *раздаривать* — *раздарить*, *пропалывать* — *прополоть*, *узнавать* — *узнать*, *решать* — *решить*, *переносить* — *перенести*. Глаголы несовершенного вида с суффиксом *-а-* часто соотносительны с глаголами совершенного вида с суффиксом *-и-*: *заключать* — *заключить*, *возвращаться* — *возвратиться*, *разлучать* — *разлучить*, *убеждать* — *убедить* (бесприставочные глаголы), *выгружать* — *выгрузить*, *разделять* — *разделить*, *укрепить* — *укреплять* (приставочные глаголы).

Часто соотносительными являются три глагольные лексемы: бесприставочный глагол НСВ (*писать*, *лить*, *грязнить*) — приставочный глагол СВ (*написать*, *пролить*, *загрязнить*) — глагол НСВ с тем же корнем и приставкой, но с иным постфиксом (*написывать*, *проливать*, *загрязнять*).

В и д о в ы е п а р ы г л а г о л о в. Два глагола в русском языке могут отличаться друг от друга только значением вида, например: *делать* — *сделать*, *писать* — *написать*, *написать* — *написывать*, *разлить* — *разливать*, *решить* — *решать* ∞. Такие глаголы образуют видовую пару.

Глаголы, составляющие видовую пару, могут соотноситься следующим образом: а) бесприставочный глагол несовершенного вида и приставочный глагол совершенного вида: *писать* — *написать*, *делать* — *сделать*; б) глагол совершенного вида без суффиксов *-ива-*, *-ва-*, *-а-* и глагол несовершенного вида с этими суффиксами: *написать* — *написывать*, *сократить* — *сокращать*, *согреть* — *согревать*; в) глагол несовершенного вида без суффикса *-ну-* и глагол совершенного вида с этим суффиксом, который чередуется с нулем в прошедшем времени: *увядать* — *увянуть* (*увял*), *засыхать* — *засохнуть* (*засох*).

Все эти типы соотношений, морфологически различные, передают одни и те же грамматические значения. Это доказывается тем, что трехчленная цепь не образуется, если первый и второй член представляют видовую пару: *делать* — *сделать* (нет *сделывать*), *писать* — *написать* (нет *написывать*), *топить* — *утопить* (нет *утоплять* или *утапливать*).

Это объясняется тем, что отношение второго и третьего члена всегда образует видовую пару; в ряду *топить* — *утопить* — *утоплять* оказалось бы, что у глагола *утопить* два парных глагола, совершенно тождественных по значению. Такое омонимическое излишество как правило не допускается в языке.

Когда оно в некоторых немногих случаях налицо, то оба глагола несовершенного вида оказываются совершенно омонимическими и можно один заменить другим; ср. *солить* — *засолить*, *засаливать*; *пора солить* / *засаливать овощи*. Это доказывает, что соотношение в парах *солить* — *засолить* то же, что в парах *засолить* — *засаливать*.

Выше было сказано, что две морфологические единицы относятся к одной лексеме (т.е. являются формами одного слова) в том случае, если они отличаются аффиксами со стандартным значением. Исходя из этого определения, надо признать, что глаголы разных видов, даже если они входят в одну видовую пару, являются разными словами. Например, приставка *по-* в глаголах *покрасить*, *побелеть*, *посидеть*, *поехать*, *помаргивать* вносит значение совершенного вида, но в одних случаях этим и ограничивается ее значение (*покрасить*), в других оно оказывается более специализованным, суженным. Оно не одинаково во всех глаголах, так же можно характеризовать и значение других глагольных приставок.

Поскольку значение вида не стандартизовано во многих своих показателях, оно является словообразующим, а не словоизменятельным. Глагольные единицы *делать* и *сделать*, *написать* и *написывать*, *разлить* и *разливать* принадлежат разным словам.

Чередование фонем при видовом словообразовании. Образование видов может сопровождаться чередованием исходных согласных корня:

{д}	<i>разгладить</i> — <i>разглаживать</i>	⟨д' — ж⟩
{т}	<i>поворотить</i> — <i>поворачивать</i>	⟨т' — ч⟩
{з}	<i>заморозить</i> — <i>замораживать</i>	⟨з' — ж⟩
{с}	<i>разносить</i> — <i>разнашивать</i>	⟨с' — ш⟩
{зд}	<i>изъездить</i> — <i>изъезжать</i>	⟨зд' — ж⟩
{ст}	<i>вырастить</i> — <i>выращивать</i>	⟨ст' — ш⟩
{в}	<i>уловить</i> — <i>улавливать</i>	⟨в' — вл'⟩ и т.д.

Такие чередования закономерны у глаголов с суффиксом *-ива-*, которые соотносятся с глаголами, имеющими суффикс *-и-*. Если нет указанной соотносительности, то эти чередования отсутствуют:

{д}	<i>разгадать</i> — <i>разгадывать</i>
{т}	<i>размотать</i> — <i>разматывать</i>
{з}	<i>смазать</i> — <i>смазывать</i>
{с}	<i>записать</i> — <i>записывать</i>
{зд}	<i>опоздать</i> — <i>опаздывать</i>
{ст}	<i>наверстать</i> — <i>наверстывать</i>
{в}	<i>упаковать</i> — <i>упаковывать</i>

У соотносительных по виду глаголов с другими суффиксами также возможны чередования согласных. У глаголов с суффиксом *-ива-* обычно чередования гласных тождественны с тем, какое отмечено у форм многократного прошедшего времени (*ходит — расхаживает* и т. д.), но, в противоположность ему, оно не является обязательным (ср. *упрочивать, озабочивать, узаконивать, уполномочивать*).

Другие дериватные глагольные значения. Приставки (дериваторы) могут вносить в основу глагола видовые и другие значения. Наиболее часто встречаются такие словообразовательные приставочные значения: а) приступ к действию: *захохотать, заморосить, взорптать, побежать*; б) достижение наивысшего напряжения действия: *разбушеваться, расплястаться, расшалиться*. Как видно, это значение выражается префиксально-суффиксальным способом: приставкой *раз-* и суффиксом *-ся* (их следует рассматривать как одну расчлененную морфему); в) ограничение действия определенным отрезком времени: *пописать, полежать, поучительствовать* (эти глаголы образуются от глаголов несовершенного вида с помощью приставки *по-*), *вздремнуть, всплакнуть* (используется приставка *вз-* и суффикс *ну-*); г) результативность действия: *изранить, исходить, избороздить, нарвать, наломать*; д) однократность действия: *созорничать, смалодушничать, собезьянничать*; е) распространение действия на несколько объектов: *перекусать, перезнакомить, перецеловать, повскакать, попрыгаться* и др.

Многие глаголы являются отыменными, т. е. их основу надо считать производной от основ существительных и прилагательных. От каждого существительного потенциально образуются глаголы с суффиксом *-и/-#-*: *комиссарить, командирить*. Как средство отыменного образования глаголов продуктивны также суффиксы *-а-, -е-, -ова-*. Эти дериваторы имеют процессуальное значение; они преобразуют именное значение в глагольное.

Прилагательное.

Аффиксы прилагательного указывают, что данное слово обозначает процессуальный признак предмета.

Склонение прилагательных. Флексии прилагательных служат для согласования их с существительными: каждой флексии существительного соответствует определенная флексия согласованного с ним прилагательного. Значит, все флексии прилагательного имеют одно и то же значение: они показывают принадлежность признака, который обозначен основой прилагательного, определенному предмету.

Существуют три склонения прилагательных.

1-е склонение

Падеж	Ед. число			Мн. число
	ж. р.	ср. р.	м. р.	
И.	-ая	-ое	-ой -ий	-ие
В.	-ую		= И. или Р.	
Р.	-ой	⟨-ово-⟩*		-их
П.		-ом		
Д.		-ому		-им
Т.		-им		-ими

*По правилам русской графики ⟨о⟩ без ударения после мягких согласных обозначается буквой е; ⟨а⟩ — буквой я; ⟨и⟩ после твердых — буквой ы. Флексия ⟨-ово-⟩ орфографически обозначается буквами *-ого*.

В именительном падеже мужского рода существуют два варианта флексий: под ударением *-ой*, без ударения *-ий*.

Второе склонение имеет особые флексии (отличные от 1-го склонения) только в именительном и родительном падеже.

2-е склонение

Падеж	Ед. число			Мн. число
	ж. р.	ср. р.	м. р.	
И.	-а	-о	-#	-и
В.	-у		= И. или Р.	

Остальные падежные флексии совпадают с соответствующими флексиями 1-го склонения. Прилагательные, относящиеся к этому склонению, имеют суффикс ⟨j⟩ (в именительном и винительном падежах, когда винительный совпадает с именительным, перед этим суффиксом находится беглый гласный). Примеры: им. пад. — *волчий, волчье, волчья, волчьи*; вин. пад. — *волчий* (или *волчьего*), *волчье, волчью, волчьи* (или *волчьих*).

Прилагательные 2-го склонения называются притяжательными, но они далеко не всегда имеют притяжательное значение; ср. *волчий мех* и *волчий взгляд, лисьи следы* и *лиси ухватки*.

Третье склонение имеет те же флексии, что соответствующие падежи 2-го склонения, за исключением родительного и дательного падежа среднего и мужского рода: у них в родительном падеже флексия *-а*, в дательном — флексия *-у*. Эти флексии имеют дублиеты, аналогичные флексиям двух других склонений: *бабушкина* — *бабушкиного* (сада), *бабушкину* — *бабушкиному* (саду).

3-е склонение

Падеж	Ед. число			Мн. число
	ж. р.	ср. р.	м. р.	
И.	-а	-о	-#	-и
В.	-у		= И. или Р.	
Р.	-ой	-а	-их	
П.		-ом		
Д.		-у	-им	
Т.		-им		

Это склонение свойственно прилагательным с суффиксами *-ов-*, *-ин-* (имеющим притяжательное значение); прилагательные этого склонения также называются притяжательными — с бóльшим правом, чем прилагательные 2-го склонения.

Во всех склонениях флексия творительного падежа женского рода имеет дублет: *-ой*, *-ою* (второй по своей стилистической окраске является более книжным).

Качественные и относительные прилагательные. Одни прилагательные обозначают признаки, которые могут быть приданы предмету в большей или меньшей степени; такие прилагательные называются качественными: *синий*, *умный*, *тесный*, *старый*. Другие — обозначают признаки, которыми предмет либо обладает, либо не обладает; это относительные прилагательные: *цинковый*, *прошлогодний*, *телефонный*, *отцов*, *барсучий*.

Относительные прилагательные, указывающие, кому принадлежит (чьим является) предмет, который они определяют, называются притяжательными.

У качественных прилагательных есть ряд соотношений (внутри прилагательной лексемы и вне ее), которых лишены относительные прилагательные.

1. Только качественные прилагательные имеют краткие формы.

2. Только качественные прилагательные имеют степени сравнения.

3. Только качественные прилагательные соотносительны с наречиями на *-о*. Ср. *синий* — *синё*, *умный* — *умно*, *тесный* — *тесно*, но нет наречий «цинково», «прошлогодне», «барсуче» и т. д.

4. Только качественные прилагательные соотносительны с отвлеченными существительными: *синий* — *синева*, *умный* — *ум*, *тесный* — *теснота*, *старый* — *старость* ∞.

5. Только качественные прилагательные соотносительны с прилагательными, в которых выражена мера качества (их выражают суффиксы *-еньк-*, *-уц-*, *-оват-* и др., префикс *пре-*): *синий* — *синенький*, *синющий*, *синеватый*, *пресиний*.

6. Только у качественных прилагательных может быть производная основа (но не у всех качественных она производна).

Первые два признака характеризуют отношения внутри прилагательной лексемы, так как выражаются флексиями; все остальные — отношения этой лексемы к другим лексемам.

Достаточно одного из этих признаков, чтобы прилагательное вошло в группу качественных; отсутствие всех этих признаков позволяет отнести прилагательные к группе относительных. Например, прилагательное *добрый* имеет все признаки качественности: 1) *добр*, *-а*, *-о*, *-ы*; 2) *добрее* (*более добрый*), *добрейший* (*самый добрый*, *добрее всех*); 3) (посмотрел) *добро*; 4) *доброта*; 5) *добренький*, *предобрый*; 6) основа непроизводна. У прилагательного *караковый* только один признак: непроизводная основа, но этого достаточно, чтобы признать это прилагательное качественным.

Между качественными и относительными прилагательными существует омонимия: *железный брус* — *железный характер*, *деревянный забор* — *деревянное выражение лица*. Только у вторых (в каждой паре) прилагательных возможны формы сравнительной и превосходной степени и краткие формы: *Характер у него стал еще железнее и круче*; *Выражение лица было тупо и деревянно, еще деревяннее, чем прежде*; *Двигался он деревянно и без мысли*; *Взгляд у него более волчий, чем у брата*.

Краткие формы прилагательных имеют такие флексии:

	М. р.	Ср. р.	Ж. р.
Ед. ч.	-#	-о	-а
Мн. ч.	-и		

Флексии сопровождаются у некоторых прилагательных меной гласных в корне *#/о*²³: *умён* — *умна*, *-о*, *-ы*; *зол* — *зло*, *-а*, *-ы* и т. д. Нулевая флексия вызывает ненулевой гласный в основе; ненулевая флексия вызывает нулевой гласный в основе.

Краткие формы, выступая в предложении только в качестве сказуемого, выражают признак, выявление которого ограничено определенным временем (и в этом отношении аналогичны некоторым глаголам совершенного вида: например, *пробыл*, *пролежал*, *пробежал* — какое-то ограниченное время, долгое или краткое). Ср.: *он больной* — *он болен*, или: *он был смелый* (все время, пока он был, он отличался смелостью; время глагола характеризует существование субъекта, а признак приписывается этому субъекту на всем протяжении его существования) — *он был смел* (признак сам приобретает временную ограниченность; *был* характеризует не только время существования признака, но и показывает, что признак ограничен прошлым: сейчас субъект не обладает этим качеством).

Отношение это неравночленно, привативно: краткая форма показывает временную ограниченность признака, полная не показывает ее. Если контекст не

²³ После мягких согласных *⟨о⟩* обозначается по правилам русской графики буквой *ё* (*е*).

подсказывает временных ограничений, признак, обозначенный полной формой прилагательного, осознается как вообще свойственный субъекту: *он был больной; я помню, раньше он был больной и немощный*.

Формы сравнительной степени образуются аффиксами: 1) *-ee (-ей)*, например, *сильнее, белее*; это продуктивный способ образования; 2) *-е*; этот аффикс сопровождается чередованием последних согласных корня основы: первая ступень меняется на третью. Суффикс присоединяется только к тем основам, которые могут иметь такое чередование. Примеры: *редкий — реже, высокий — выше, простой — проще, дорогой — дороже, сухой — суше*. Аффикс *-(о)к-* в этих формах отсутствует; однако если его отсутствие вызывает примыкание флексии *-е* к согласным, не имеющим третьей ступени чередования, то он остается (при этом ⟨к⟩ меняется на ⟨ч⟩, т. е. третью форму морфемы {к}: *зорче, жарче, звонче, мельче*); 3) *-и-*: *дальше, тоньше, старше*; 4) *-ж-*: *глубже*.

Сочетание частицы *по-* с формой сравнительной степени придает ей смягченный характер: *потихие* — ‘немного тише’, *поскромнее* — ‘несколько скромнее’. Соотношение между *тише* — *потихие*, *скромнее* — *поскромнее* ступенчатое, градуальное.

Далеко не каждое качественное прилагательное имеет аффиксальную (синтетическую) степень сравнения, но почти все имеют аналитическую сравнительную форму, образуемую с помощью частицы *более*: *более тихий, более синий*²⁴.

Сравнительная форма указывает, что признак, обозначенный основой прилагательного, присущ данному предмету больше, чем другому. В соотношении *тихий — тише, скромный — скромнее* положительная степень (*тихий, синий*) является немаркированным членом и все противопоставление — неравностороннее, привативное.

Формам *тише, более тихий* противопоставлена форма *менее тихий* (аналитическая; синтетического соответствия нет). Соотношение между формами эквиполентное, равностороннее.

Форма превосходной степени образуется аффиксом *-ейш-*; после {г, к, х} (в конце основы) следует вариант *-айш-*; при этом последний согласный основы ⟨г, к, х⟩ заменяется фонемой ⟨ж, ч, ш⟩: *добрый — добрейший, строгий — строжайший, великий — величайший, тихий — тишайший*.

²⁴ Однако и аналитическая форма существует не у всех качественных прилагательных, ср.: *слепой, нагой* и др. Но они могут соединяться с частицей *почти*: *почти слеп, почти наг* и т. д., следовательно, как и все качественные прилагательные, обозначают признак, который может быть у предмета в большей или меньшей степени. У прилагательных относительных соединения с частицей *почти* имеют иное значение: *почти журнальный формат* — ‘похожий на журнальный’, *почти медный стержень* — ‘не целиком медный по составу’.

С формами превосходной степени сочетается усилительная частица *наи-*: *наидобрейший*, *наистрожайший*. Соотношение *добрейший* — *наидобрейший* ступенчато, градуально.

Почти все качественные прилагательные образуют аналитическую форму превосходной степени с помощью частиц *самый* и *наиболее*: *самый добрый*, *наиболее добрый* и с помощью частицы *всего* (*всех*), которая сочетается с прилагательным, имеющим аффикс *-ее* (*-ей*), *-е*, *-ше*, *-же*: *добрее всего* (*всех*), *строже всего* (*всех*) и т. д.

Форма превосходной степени указывает, что признак, выраженный основой прилагательного, присущ данному предмету больше, чем всем остальным. Часто эта синтетическая форма получает другое значение: указывает, что признак присущ данному предмету в очень сильной степени (без сравнения с другими предметами); тогда эта форма синонимична прилагательным с приставкой *пре-*, соотносительным с бесприставочными прилагательными. В таких случаях прилагательное с аффиксом *-ейш-* (*-айш-*) выпадает из парадигмы степеней сравнения, образуя особую лексему. Аналитическая форма превосходной степени, так же как синтетическая, может иметь те же два значения, например: *он способнейший* / *самый способный среди наших второкурсников*; *способнейший* / *самый способный он человек!*

С л о в о о б р а з о в а н и е п р и л а г а т е л ь н ы х. Прилагательные от прилагательных образуются с помощью суффиксов: *-еньк-*: *слабый* — *слабенький*, *синий* — *синенький*; *-оват-*: *слабый* — *слабоватый*, *глухой* — *глуховатый*, *синий* — *синеватый*, *сухой* — *суховатый*; *-ейш-* (*-айш-*): *малый* — *малейший* (значение: *очень малый*); слово выпадает из парадигмы степеней сравнения).

Среди суффиксов, с помощью которых прилагательные образуются от других частей речи, наиболее продуктивны:

-ов-: *орех* — *ореховый*, *ковер* — *ковровый*, *мех* — *меховой*;

-н-: *лето* — *летний*;

-ск-: *брат* — *братский*, *отец* — *отц-(ов)-ский*, *педагог* — *педагог-(иче)-ский*, *перевод* — *перевод-(че)-ский*;

-к-: *клеить* — *клейкий*;

-цк-: *плотник* — *плотницкий*;

-льн-: *купать* — *купальный*;

-тельн-: *осушить* — *осушительный*;

-ј-: *волк* — *волчий*.

Эти дериваторы образуют главным образом основы относительных прилагательных.

-ист-: *ветвь* — *ветвистый*;

-ат-: *клеенка* — *клеенчатый*, *бревно* — *бревен-(ч)-атый*;

-аст-: *зуб* — *зубастый*;

-лив-: *бодать* — *бодливый*;

-чив-: *влюбляться — любчивый*;

-енн-: *общество — общественный*.

Эти дериваторы образуют главным образом качественные прилагательные.

Ряд аффиксов у прилагательных омонимичен аффиксам причастий; ср. *угрожающее (положение), сияющий (взгляд), потрясающее (впечатление), прошедший (год), допустимый (вывод), невыполнимый, неувядаемый, истощенный, умеренный, квалифицированный*.

Прилагательные образуются с помощью приставок *не-* (*нежаркая погода, неудовлетворительная отметка*); *небез-* (*небезынтересный*); *анти-* (*антиобщественный*), *архи-* (*архинелепый*); *пре-* (*прегустой*), *сверх-* (*сверхскоростной*), *без-* (*безоблачный*).

Наречие.

Наречие — неизменяемая часть речи. Только наречия с суффиксом *-о* имеют сравнительную степень: *сильно — сильнее, тихо — тише, тонко — тоньше, глубоко — глубже* (она омонимична сравнительной степени прилагательных).

Аффиксальные продуктивные способы словообразования у наречий немногочисленны; наречия образуются: а) от основ прилагательных при помощи аффикса *-о* (они омонимичны кратким формам прилагательных), ср.: *сильно, тихо*; б) от основ прилагательных при помощи суффикса *-и*: *дружески, мастерски*; в) от основ прилагательных при помощи приставки *по-* и суффикса *-ому* или *-и*: *по-летнему, по-старому, по-лиси, по-дружески*; г) от числительных существительных (с собирательным значением): *вдвоем, впятером, вдвое, впятеро, надвое, напятеро, по двое, по пятеро*.

Существительное.

У существительного с помощью флексий передаются значения падежа, числа, одушевленности — неодушевленности.

П а д е ж н ы е ф о р м ы. В современном русском языке существует семь падежей: именительный, винительный, родительный, предложный первый, предложный второй, дательный, творительный.

В форме винительного падежа существительное указывает меру (временную, пространственную и т. д.) проявления действия: *болел всю неделю, прошел целую версту, стоит всего лишь копейку, весит тонну*. Во всех остальных падежных формах указано отсутствие этого значения.

В форме родительного падежа существительное ограничивает объект, на который распространяется действие: *дать хлеба, выпили чаю/чая, купили сыру /сыра* и т. д. Во всех остальных падежных формах указано отсутствие этого значения.

Разграничение двух родительных падежей, одного со значением количественным (*купить сыру*), а другого с качественным (*запах сыра*), в современном русском языке не существует. Формы *чая/чаю, сыра/сыру, голода/голоду*,

страха/страху, шума/шуму сейчас разграничиваются только стилистически: формы с флексией *-а* принадлежат к нейтральному стилю, а формы с флексией *-у* — к разговорному.

В форме предложного первого падежа существительное указывает объект, которому посвящено действие: *поговорили о лесе; художники чего-то ищут в снеге, но живописности в нем нет*. Во всех остальных падежных формах указано отсутствие этого значения.

В форме предложного второго падежа существительное указывает объект, в пределах которого совершается действие: *были в лесу, хлеба уже сидят в печи, вороны чего-то ищут в снегу*. Во всех остальных падежных формах указано отсутствие этого значения.

В форме дательного падежа существительное указывает объект, в интересах (= для) которого совершается действие: *пишу брату, доказывал ему, не мешай мне*. Во всех остальных падежных формах указано отсутствие этого значения.

В форме творительного падежа существительное указывает способ реализации действия: *пишет пером, говорит шёпотом*. Часто формы творительного падежа обозначают время и место реализации действия: *закончить работу завтрашним утром, ехать берегом*. Поскольку творительному падежу свойственны два значения, постольку можно было бы говорить об омонимии (во всех склонениях) двух творительных падежей. Однако на самом деле оснований для этого нет: при одних основах флексии творительного падежа имеют значение способа действия, при других — времени и места его реализации. (Ср.: *пишу пером — пишу вечерами, работаю топором — работаю этой осенью*). Следовательно, это одно и то же значение, позиционно преобразованное; временной и пространственный его оттенок надо рассматривать как выражение значения способа действия при основах с временной и пространственной семантикой. Во всех остальных падежных формах указано отсутствие этого значения. В именительном падеже указано отсутствие всех перечисленных выше значений.

Систему этих эквиополентных (равносторонних) значений можно изобразить так (в — значение меры проявления действия; р — значение ограничения объекта действия; p_1 — значение объекта, которому посвящено действие; p_2 — значение объекта, в пределах которого совершается действие; д — значение объекта, в интересах которого совершается действие; т — значение способа реализации действия. Значение падежей: И., В., Р., П.¹, П.², Д., Т.; n по-прежнему означает 'указано'; минус над знаком — отсутствие):

$$\begin{aligned} \text{И.} &= n (\overline{в \text{ р } p_1 \text{ п}_2 \text{ д } \text{ т}}); & \text{В.} &= n (\overline{в \text{ р } p_1 \text{ п}_2 \text{ д } \text{ т}}); \\ \text{Р.} &= n (\overline{в \text{ р } p_1 \text{ п}_2 \text{ д } \text{ т}}); & \text{П}^1. &= n (\overline{в \text{ р } p_1 \text{ п}_2 \text{ д } \text{ т}}); \\ \text{П}^2. &= n (\overline{в \text{ р } p_1 \text{ п}_2 \text{ д } \text{ т}}); & \text{Д.} &= n (\overline{в \text{ р } p_1 \text{ п}_2 \text{ д } \text{ т}}); \\ \text{Т.} &= n (\overline{в \text{ р } p_1 \text{ п}_2 \text{ д } \text{ т}}) \end{aligned}$$

Такие соотношения в серии эквивалентно сопоставленных форм получили в лингвистической литературе название *д и з ъ ю н к т н ы х*. Ср., такие же соотношения у слов, различающихся дериваторами: *браковка — браковщик — бракованность — брак*.

При некоторых глаголах непременно должно стоять существительное в определенной падежной форме; особенно многочисленны глаголы, при которых обязательное существительное имеет форму винительного падежа: *видеть кого, читать что, купить что, надеть что, предусмотреть что, наградить кого, разместить кого* или *что* и т. д. Невозможно употребление этих глаголов без дополнения в винительном падеже. Сочетания *Он разместил и уехал; К вечеру он определил и сказал мне* в качестве полных предложений нереальны. Некоторые из этих глаголов несовершенного вида употребляются без дополнения, но при этом меняют значение: *Больной уже видит; Первоклассник уже пишет и читает* (т. е. может видеть, может, умеет читать и писать). В этих случаях необходимо говорить о нулевом дополнении, которое изменяет значение этих глаголов.

Обязательное существительное может стоять и в других падежах — в родительном: *избежать чего, лишиться чего, бояться кого* или *чего*; в дательном: *поручить кому, сочувствовать кому, напомнить кому, подарить кому, доверять кому* или *чему*; в творительном: *любоваться кем* или *чем, руководить кем* или *чем, интересоваться кем* или *чем*.

Все такие падежные формы, связанные с глаголом обязательной связью, имеют одно и то же значение: они называют объект, без которого невозможно совершение действия. Поэтому формы винительного — родительного — дательного — творительного падежей при сильном управлении синонимичны, однозначны; их значение определяется не падежными противопоставлениями, которые в данном случае исключены, а связью с глаголом (позиционным окружением).

Все существительные, связанные с глаголом обязательной связью («сильным управлением»), далее будем называть прямым дополнением.

Возможно только одно противопоставление в этой позиции — и то только у существительных вещественных: *выпил молоко — выпил молока, съел хлеб — съел хлеба, купил сыр — купил сыра*. Родительный падеж указывает, что объект, необходимый для совершения действия, взят в ограниченном количестве, а винительный падеж в этом противопоставлении является немаркированным членом. Итак, в позиции «при глаголе отсутствуют падежные противопоставления» они нейтрализованы все, кроме одного: привативного противопоставления ‘указано ограничение объекта действия — не указано ограничение объекта действия’.

В позиции «при глаголе с прямым дополнением» (или просто при глаголе, если он не требует прямого дополнения) могут стоять такие падежные формы:

В, П¹, П², Д, Т; например: *писал письмо — всю ночь* (В) *о нашей встрече* (П¹) *на даче* (П²), *другу* (Д), *самопиской* (Т). Следовательно, полная серия из семи падежных форм невозможна ни в одной позиции. Напротив, есть еще много позиций, где нейтрализуются падежные значения (все или некоторые из них).

В зависимости от того, какими флексиями существительные выражают падежные значения, они делятся на склонения. Основных склонений шесть:

1. *земля, ткачиха, юноша*;
2. *конь, старик, весло, существо*;
3. *время*;
4. *степь, мышь*;
5. *часы, сутки, чернила, ворота*;
6. *рабочий, мостовая, мороженое*.

Флексии четырех склонений

Падеж	Склонение			
	1-е	2-е	3-е	4-е
И.	-а	-#, -о	-а	-#
В.	-у	= И. или Р.		
Р.	-и	-а	-и	
П ¹ .	-е			
П ² .				
Д.				
Т.	-ой		-ом	-ю

У существительных 4-го склонения П¹ и П² имеют флексию *-и*, но только у П² она является ударной. Существительные 5-го склонения (*часы, сутки, чернила, ворота*) не имеют форм множественного числа, но флексии у них омонимичны флексиям множественного числа. Флексии 6-го склонения омонимичны флексиям прилагательных.

Во множественном числе все существительные (кроме существительных 6-го склонения) имеют общее склонение:

- И. *-и, -а, -е*
 В. *= И. или Р.*
 Р. *-ей, -ов*
 П¹. *-ах*
 П². *-ах*
 Д. *-ам*
 Т. *-ами*.

Каждой флексии существительного соответствует определенная флексия прилагательного. Например, флексии *-у*, чередующейся с флексиями *-а*, *-и*, *-ы*, *-е*, *-ой*, соответствует флексия прилагательного *-ую*. Иногда омонимия флексий существительных влечет за собою омонимию флексий прилагательных: П Ед *о высокой траве* — Д Ед *к высокой траве*; Д Ед *по целым суткам* — Д Мн *к серым суткам* и т. д. Но этого соответствия нет в ряде других случаев, когда омонимичным флексиям существительного соответствуют флексии прилагательного, имеющие разный фонемный состав: Д Ед *зеленому лугу* — В Ед *высокую траву*.

Ф о р м ы ч и с л а у с у щ е с т в и т е л ь н ы х. Формы множественного числа показывают, что предмет, обозначенный основой существительного, берется в некотором количестве, во множестве: *листья с деревьев*. Формы единственного числа — немаркированный член противопоставления: они могут обозначать и множество объектов (*лист падает с деревьев*), и единичность (*лист, кружась, медленно падает на скамейку у ворот*), и несчитаемость объектов. Последнее свойственно отвлеченным и собирательным существительным; они не имеют форм множественного числа. Когда же отвлеченные существительные используются в качестве конкретных, они образуют формы множественного числа: *сколько у нас сегодня радостей*; *брось свои отвлеченности*. У вещественных существительных множественное число обозначает разные сорта вещества: *масла*, *нефти* и т. д.

Из сказанного выше следует, что у всех существительных есть единственное число, но не все имеют множественное. Флексии И *-и*, *-а*; Р *-#, -ов, -ей*; П^{1, 2} *-ах*; Т *-ами* обозначают множественное число, если есть соотносительные формы с другими флексиями для единственного числа; если же таких соотносительных форм нет, то эти флексии имеют значение единственного числа.

О д у ш е в л е н н ы е и н е о д у ш е в л е н н ы е с у щ е с т в и т е л ь н ы е. У существительных одушевленных, т. е. называющих отдельных людей и животных, форма винительного падежа омонимична родительному; у всех остальных она омонимична именительному падежу. Это относится к склонению существительных во множественном числе, а в единственном числе свойственно словам мужского рода 2-го и 6-го склонений.

Некоторые существительные, обозначая нечто неживое, являются одушевленными: *вижу кукол*, *боялся на кладбище встретить мертвеца*; в них объект названия грамматически представлен как живое существо. Напротив, в словах *микробы*, *бактерии* живые существа грамматически представлены как неживые предметы (*вижу микробы*, *бактерии*) — следовательно, это существительные неодушевленные.

Существительные мужского рода, имеющие в именительном падеже единственного числа флексию *-а* (*вельможа*, *юноша*, *Петя*) и *-о*²⁵ (*подмастерье*, *Карько*), все являются одушевленными.

²⁵ В безударном слове после мягких согласных ⟨о⟩ по правилам русской графики обозначается буквой ⟨е⟩.

Только неодушевленные существительные различают предложный первый и предложный второй; у всех одушевленных они совпадают. Только неодушевленные существительные относятся к 5-му склонению.

Род существительных. У неодушевленных существительных флексии в именительном падеже единственного числа вызывают у прилагательных окончания *-ой (-ый)*, или *-ое*, или *-ая*. Если вызывается флексия *-ой (-ый)*, то существительное принадлежит к мужскому роду; если вызывается флексия *-ое*, то оно принадлежит к среднему роду; если вызывается флексия *-ая*, то к женскому. К особому роду принадлежит существительное, если оно (в единственном числе) вызывает у прилагательного флексию *-ье*. Эти родовые различия у существительных неодушевленных лишены семантического содержания. Флексии у форм *скамья, стул, кресло, пальцы* омонимичны.

Эти же флексии у существительных личных одушевленных содержательны. У существительных мужского — женского рода соотношения могут быть привативными (*ткач — ткачиха*) или эквиполентными (*грузин — грузинка*). Привативными же являются противопоставления неличных одушевленных: *лев — львица, слон — слониха, гусь — гусыня* и т. д.

Личные одушевленные существительные, кроме мужского и женского, относятся также и к общему роду, т. е. могут вызывать у прилагательных как флексию *-ой (-ий)*, так и флексию *-ая*: *настоящий / настоящая тихоня, лакомка, зевака, злюка*.

Неаффиксальные средства различения форм существительных. У существительных 1-го склонения в единственном числе ударение падает на флексию или на основу: *рука, ткачиха*. Во множественном числе флексия у подавляющего большинства существительных 1-го склонения безударная; так создаются контрасты: *ноги — но́ги, головы́ — го́ловы ъ*. В именительном падеже единственного числа у некоторых существительных этого склонения ударение смещено с флексии на основу: *рука́ — ру́ку, голова́ — го́лову*.

У существительных 2-го склонения есть такие типы ударения: а) постоянное на флексии, кроме, разумеется, форм с нулевой флексией (*столб, существо*); б) постоянное на основе (*звук, диво*); в) в единственном числе на основе, во множественном числе на флексии (*дуб, право*); г) в единственном числе на флексии, во множественном числе на основе (*весло*); д) в единственном и в именительном множественного числа на основе, в остальных падежах множественного числа на флексии (*волк*); в единственном и во всех падежах множественного числа, кроме именительного падежа, на флексии, в именительном множественного числа на основе (*конь*).

У существительного 3-го склонения ударение в единственном числе падает на основу, во множественном числе — на флексию.

У существительных 4-го склонения ударение или постоянно падает на основу (*рысь, возвышенность*) или в единственном и именительном падеже

множественного числа на основу, в остальных падежах множественного числа на флексию (*мышь*), некоторые существительные этого склонения имеют ударную флексию в предложном втором: *в степи, в груди*.

С л о в о о б р а з о в а н и е с у щ е с т в и т е л ь н ы х. Существительные образуются от глаголов, прилагательных и существительных с помощью суффиксов, обозначающих лицо, предмет, отвлеченное понятие, собирательность, единичность, суффиксов, вносящих в слово субъективную оценку.

Со значением лица продуктивны суффиксы²⁶:

I. *-ец*: Тамбов — тамбовец, комсомол — комсомолец, кружок — кружковец, Перу — перуанец, Гегель — гегельянец;

-ик: строевой — строевик, вечерний — вечерник, академия — академик;

-щик/-чик: барабан — барабанищик, крепить — крепильщик, лететь — летчик;

-тель: испытать — испытатель, вести — водитель;

-анин: Египет — египтянин, Ростов — ростовчанин;

-ист: журнал — журналист, связь — связист;

-тор: ликвидация — ликвидатор, операция — оператор;

-онок: мышь — мышонок, пострел — постреленок.

II. *-ниц-а*: виновник — виновница, учитель — учительница;

-щиц-а/-чиц-а: гардеробщик — гардеробщица, газетчик — газетчица, белильщик — белильщица;

-к-а: блондин — блондинка, горожанин — горожанка, вузовец — вузовка;

-их-а: пловец — пловчиха.

Со значением предмета продуктивны суффиксы:

-ик: черновой — черновик;

-льник: паять — паяльник;

-щик/-чик: тралить — тральщик, считать — счетчик;

-тор: изоляция — изолятор;

-тель: выключать — выключатель;

-ин-а: лосось — лососина, медведь — медвежатина;

-лка: веять — веялка;

-льн-я: красить — красильня.

Со значением отвлеченного понятия продуктивны суффиксы:

-ость: обидчивый — обидчивость, всеобщий — всеобщность;

-ие (-{иј-о}): без силы — бессилие;

-ств-о: пособие — пособничество, Гегель — гегельянство, Толстой — толство, запирается — запирательство;

-изм: Ленин — ленинизм;

²⁶ В число примеров включены и слова, где данные аффиксы сопровождаются ин-терфиксами.

-ние (-⟨ниј-о⟩): *знать — знание, приготовить — приготовление;*

-к-а: *читать — читка, браковать — браковка;*

-#: *выбрасывать — выброс.*

Со значением собирательности — единичности продуктивны суффиксы:

-ство: *студент — студенчество;*

-ье (-⟨ј-о⟩): *кулак — кулачье;*

-#: *-гнилой — гниль, бездарный — бездарь.*

Со значением субъективной оценки продуктивны суффиксы:

-ик: *стол — столик, барабан — барабанчик;*

-(о)к: *друг — дружок;*

-к-а: *книга — книжка;*

-ишк-а, ишк-о: *вор — ворюшка, город — городишко, земля — землишка;*

-онк-а: *борода — бородёнка;*

-ищ-а, -ищ-е (-⟨ищ-о⟩): *грязь — грязьца, голос — голосище.*

Частицы речи.

К служебным словам (частицам речи) относятся:

1) Предлоги; они указывают на связь существительного с другими частями речи. Предлоги обуславливают постановку существительных в определенных падежах: а) *без, близ, вне, для, до, из, из-за, из-под, кроме, от, среди, у* + родительный падеж; *про, сквозь, через* + винительный; *над, между, перед, пред* + творительный; *при* + предложный; *к* + дательный; б) *в, на, о* + винительный или предложный; *за, под* + винительный или творительный; в) *с* + винительный, или родительный, или творительный; *по* + винительный, или предложный, или дательный. Некоторые предлоги соотносительны с лексически полнозначными словами: *мало, вокруг, несмотря* и др.

2) Сочинительные союзы: *и, а, но, да, или, либо, то-то* и др. Они используются для выражения сочинительной связи между словами и предложениями.

3) Подчинительные союзы; они используются для обозначения связей между главным предложением и придаточным: *если, чтобы, потому что, так как, что* и др. Функцию союзов могут выполнять и полнозначные слова: *который, какой, что, кто, когда, где, куда* и др. Такие слова называются относительными. Они одновременно и полнозначные слова, и служебные.

4) Связки: *был — буду, являлся — является, стал — станет* и др. Они используются для выражения именного сказуемого. Настоящее время у связки *был — буду* выражено нулевой формой (в отличие от полнозначного глагола *был — буду*, у которого все личные значения настоящего времени могут быть выражены формой *есть*). Все связки омонимичны полнозначным глаголам.

5) Собственно частицы: *то, даже, ведь, вот, же, только, лишь, разве, неужели, ли* и др.). Всю разнообразную и пеструю группу частиц объединяет то, что они (в отличие от других служебных слов) не выражают синтаксические отношения в предложении.

Синтаксис

Типы словосочетаний. В русском языке слова могут быть грамматически связаны с помощью согласования, взаимосо согласования, управления, примыкания.

Если в словосочетании АБ флексия слова А вызывает определенную флексию у слова Б, то А и Б связаны согласованием. Эта связь может обнаруживаться в пределах синтагмы (интонационно объединенного словосочетания): *Зыбки серые снега полей за деревней, избы в деревне чернеют смутно, нигде ни одного огня* (И. А. Бунин). Здесь согласование между членами словосочетаний *серые снега, одного огня* обнаруживается в пределах одной синтагмы. Но согласование может охватывать и слова разных синтагм: *Тимка стоял неподвижно, невысокий, ладный, ...и поглядывал на всех узкими смелыми глазами, из которых так и било хитрое его счастье* (И. И. Катаев); *Из чащи вылетела птица. Она пролетела над полянкой и села на торчащую ветку* (Ю. К. Олеша). В первом примере слово *которых* согласовано со словом *глазами* в числе и роде; во втором примере *она* так же согласовано со словом *птица*; в обоих случаях согласование охватывает слова разных синтагм.

Если в словосочетании АБ основа слова А²⁷ вызывает определенную флексию у слова Б, то налицо связь управления.

Согласование и управление объединяются тем, что мена какого-то элемента у слова А приводит к мене флексий у слова Б. При согласовании мена флексий у слова Б обусловлена флективными менами у слова А, при управлении — менами основы слова А: *дом* → *большой, дома* → *большого* (согласование); *заслужил* → *награду, заслуживал* → *награды*; *обосновал* → *этим, основал* → *на этом*; *презирать* → *его, презрение* → *к нему*; *осудили* → *на что, приговорили* → *к чему*; *оценили* → *работу, дали оценку* → *работе* (управление).

Если в словосочетании АБ слово А не вызывает у слова Б определенной флексии, то их может объединять только связь примыкания. Она выражается позитивно и негативно. Негативно — тем, что в пределах синтагмы данное слово Б не может по лексическим и грамматическим основаниям входить в назывное сочетание с другими словами синтагмы. Позитивно — путем использования порядка слов и интонации. В предложении: *Лужи быстро везде замерзали* (М. М. Пришвин) — слово *быстро* связано примыканием с глаголом *замерзали*, потому что сочетание «лужи быстро» невозможно в качестве названия, в виде грамматического единства: отприлагательные наречия на *-о* не сочетаются с существительными (невозможны выражения типа: «Езда быстро здесь запрещена»). Напротив, *быстро замерзали* — назывное словосочетание, грамматическая связь наречия на *-о* и глагола обычна.

²⁷ Или сочетание основ нескольких грамматически связанных слов.

При согласовании и управлении один (главный) член словосочетания вызывает форму другого, зависимого.

1. Зависимое слово (не имеющее своих зависимых слов) может быть удалено из контекста, и оставшиеся слова сохраняют при этом свои грамматические связи. (Это синтагматическое определение главного и зависимого члена словосочетания.)

2. Если лексема А в сочетании с лексемой Б может использовать все свои флексии, а лексема Б — не все, то А — главный член, а Б — зависимый. Например, слово *лес* в сочетании со словом *сосновый* использует все свои флексии (*сосновый лес, соснового леса... сосновыми лесами*), а прилагательное *сосновый* — не все, не могут быть использованы формы *сосновая, сосновую* и пр.; поэтому прилагательное — зависимый член в этом словосочетании. Также в сочетании *пишет письмо* глагол использует все свои флексии, а существительное только одну; оно зависимо. (Это парадигматическое определение главного и зависимого члена. Необходимо и достаточно всегда одно из приведенных определений.)

Однако есть грамматические связи, при которых в словосочетании не выделяются главный и зависимый члены, это — взаимосогласование разных типов (о них см. дальше).

С л о в о с о ч е т а н и я, о б р а з о в а н н ы е с о г л а с о в а н и е м. 1. Существительное → прилагательное или причастие: *теплый день, глубокое убеждение, о медвежьих повадках, третий год, этот ответ, про нашу бригаду, разматывающаяся нить, переписанный текст, взлетающий самолет*. Члены словосочетаний согласованы в роде, числе, падеже. 2. Существительное (в род., предл., дат. и тв. падежах) → числительное существительное: *на двадцати страницах, к пяти часам, с двадцатью студентами*. Члены словосочетаний согласованы в падеже.

С л о в о с о ч е т а н и я, о б р а з о в а н н ы е у п р а в л е н и е м. 1. Существительное → существительное (в косв. падеже): *стакан портвейна, человек подвига; гимн человеку, преданность делу; недовольство собой; товарищ по школе, застой в делах, банка из-под клея, ключ от комнаты*. 2. Числительное существительное, кроме слов *один, одна, одно* (в им.-вин. падеже) → существительное (в род. падеже): *два гусара, три сестры, пять домов*. 3. Глагол → существительное (в косв. падеже): *встретить приятеля, предчувствовать неладное, искать книгу; верить другу, сопровождать певцу, возражать докладчику; снабдить необходимым, шевелить пальцами, пропитать маслом; прибегнуть к силе, набрести на избушку, надеяться на помощь, участвовать в переговорах*. 4. Прилагательное → существительное (в косв. падеже): *(корзина) полная рыбы, покорный судьбе, обильный зверем, склонный к полноте, похожий на огонь, смежный с коридором*. 5. Наречие → существительное (в косв. падеже): *наравне со всеми, задолго до праздников, далеко от Москвы*. 6. Слова *нет, не было* → существительное в родительном падеже: *нет времени, не было книг*.

Словосочетания, образованные примыканием. 1. Глагол, или прилагательное, или наречие, или существительное → наречие: *упрямо отказываться, дружески посоветовать, растерянно бледный, по-летнему жаркий, нарочито громко, послезавтра ночью, прогулка верхом, сдвиг влево, глаза навывкате*²⁸. 2. Глагол, или прилагательное, или существительное → инфинитив: *любит рисовать, стремится узнать, готовый прыгнуть, бессильный отомстить, мастерица вышивать, готовность помочь*. 3. Сравнительная форма прилагательного или наречия → существительное в родительном падеже: *сильнее ветра, умнее их, крепче цемента*. 4. Глагол или существительное → форма сравнительной степени (наречия или прилагательного) + существительное в родительном падеже: *бежит быстрее лани, (Киев) город больше Парижа*. 5. Глагол → существительное в косвенном падеже: *ходили с ним, читали с товарищем, сидели до рассвета, читали до утра*. 6. Существительное → существительное в косвенном падеже: *стих без мысли, стул без ножки, книга без конца; письмо из Киева, гость из города, посыльный из суда, книга из библиотеки*.

В приведенных примерах существительные могут быть при любом глаголе (или при любом существительном); таким образом, падежная форма здесь не избирается по требованию основы главного слова в словосочетании; налицо не управление, а примыкание.

В пунктах 1–6 приведены примеры, когда зависимое слово не варьирует свою флективную часть в словосочетании. Далее указывается случай примыкания, когда главное слово не варьирует свою флективную часть в словосочетании; варьирование флексии у зависимого слова, следовательно, не вызвано главным членом словосочетания.

7. Неизменяемое существительное → прилагательное или причастие: *об австралийском кенгуру, зимние пальто*.

В сочетаниях типа: *Она лежала больная/больной; Я пришел усталый/усталым* и пр. полнозначный глагол является главным членом словосочетания по отношению к прилагательному; они согласованы в роде и числе; но в качестве падежной формы прилагательное примыкает к глаголу, так как формы именительного—творительного падежа прилагательного избираются не по требованию основы глагола.

В сочетаниях типа: *Я знала его молодым, Я видел их совершенно выздоровевшими* — прилагательное или причастие примыкает к сочетанию «глагол + существительное» (*знала его, видел их*); в роде и числе прилагательное или причастие согласовано с существительным.

Во всех рассмотренных случаях словосочетание состоит из главного и зависимого члена. Есть словосочетания, у которых оба члена по определению,

²⁸ Зависимые слова в этих словосочетаниях с существительными можно с равным основанием рассматривать как аналитические прилагательные (а не наречия).

данному выше, не могут считаться ни зависимыми, ни главными. В сочетаниях типа *чеченец-извозчик, юноша-студент, гражданин Петров, цветок мимоза* любой из членов может быть устранен без разрушения грамматических связей в тексте. Это связь взаимосогласования. В словосочетаниях *цветок яблони, вы расскажете, приехавшие уже заснули, часы идут, пусть они знают, леса стали зелены, ты выглядишь совсем поправившимся, он прыг, он возьми и выздоровей* оба члена не могут быть устранены. Один член этих словосочетаний выражен именительным падежом существительного: *яблони, вы, приехавшие* (сущ.), *они, леса, ты, он*; этот член не выступает в предложении без спрягаемого глагола (полнозначного или глагольной связки; связка может быть в нулевой форме). Спрягаемый глагол всегда в предложении сопровождается подлежащим, которое выражено существительным или нулем (см. дальше). Это тоже связь взаимосогласования. В сочетаниях со связкой: *он был инженером, леса стали зелены, ты выглядишь совсем поправившимся* связью взаимосогласования охватываются сразу все три члена: подлежащее — связка — именная часть сказуемого.

Этот вывод сделан на основании синтагматического определения главного и зависимого члена в словосочетании. К такому же выводу приводит и парадигматическое определение. В сочетании *часы идут* слово *идут* требует флексии именительного падежа у слова *часы*, т. е. ограничивает использование его парадигматических данных флексий; слово *часы* вызывает флексию *-ут* у глагола, т. е. тоже ограничивает выбор флексии у другого члена словосочетания. Следовательно, в сочетании *часы идут* оба члена взаимосвязаны, взаимосогласованы: *часы* согласованы в падеже с глаголом, *идут* — в лице и роде²⁹ с существительным.

Ч л е н ы п р е д л о ж е н и я. При существительном обычно в качестве зависимого члена прилагательное или причастие. С ними могут соединяться сочинительными союзами другие морфологические единицы: *Гости из города, но всем нам хорошо знакомые; Это предложение его, а не ваше; Нападение в открытую, а не замаскированное; Здесь книги не только сестрины, но и зятя; Предстоит поездка стоя, но не утомительная.*

Прилагательные, причастия, слова *его, ее, их*³⁰, а также существительные, наречия и деепричастия, которые могут соединяться сочинительной связью с

²⁹ Не имеет значения, что слово *идут* само не имеет падежа. Существенно только то, что глагольная флексия вызывает определенную падежную флексию у существительного. Глагольная лексема имеет флексии (*ид-*)-у, (*ид-*)-ут... (*ид-*)-уц-ий, (*ид-*)-уц-его... (*ид-*)-уц-их... флексия (*ид-*)-уц-их связана с флексией (*час-*)-ов, флексия (*ид-*)-ут связана с флексией (*час-*)-ы...

³⁰ Неизменяемые местоименные прилагательные.

прилагательными или причастиями³¹, объединяются при существительных в класс определений.

Существительные в косвенных падежах, поясняющие другое существительное, если они не могут в данном тексте соединяться сочинительными союзами с прилагательным, образуют класс дополнений. Пример: «Последняя ночь сентября! Любимый мой город, надежда мира, устало дышит вниз. Постепенно я различаю купола и башенки знакомых зданий, узнаю созвездия районов; мне кажется, что каждое из них сияет особым светом: вон там красноватое, там — голубое, а здесь — нежно-зеленое. О, конечно, районы великого города стоят небесных созвездий! Замирают шумы на площадях; уже по-иному унылый долетает собачий лай; на окраинах — мужественное сердце страны, необъятной равнины, залегающей меж четырех морей и двух океанов» (И. И. Катаев). В этом тексте есть такие несогласованные определения: *надежда мира* («и моя»); *башенки зданий* («и надстроенные над стенами Кремля»); *районы города* («а не сельские»); *шумы* («уличные и») *на площадях, сердце страны* («и мое»), *сердце равнины*. Здесь же есть дополнения: *ночь сентября, созвездия районов, каждое из них*.

Особым членом предложения при существительном является инфинитив (*мастерица вышивать, готовность помочь*); он не соединяется сочинительно с морфологически отличными от него единицами.

При глаголе обычно в качестве зависимого члена наречие. С ним могут соединяться сочинительными союзами другие морфологические единицы: *Пишет медленно, но без ошибок; Идет напевая и вприпрыжку; Пришел проститься, а не просто так; Лежит больной, обессилевший и в забытьи*.

Наречия, а также существительные в косвенных падежах, деепричастия, прилагательные и причастия (а также инфинитивы), которые могут соединяться сочинительной связью с наречиями, объединяются при глаголах в класс обстоятельств.

Существительные в косвенных падежах, поясняющие глагол, если они не могут в данном тексте соединяться сочинительными союзами с наречиями, образуют класс дополнений.

В некоторых случаях инфинитив, относящийся к глаголу, не может соединяться сочинительной связью с наречием: *начал писать, примется работать*. Такие инфинитивы образуют при глаголе особый класс синтаксических единиц, особый член предложения. Пример: «Однажды моя собачонка Флейта в такой час спустилась вниз, вышла из сарая и принялась тявкать. Я взял ружье и тоже по сему сполз вниз. Никогда не виданное зрелище открылось мне в эту

³¹ Случаи, когда слова объединяются сочинительным союзом *и*, следует отличать от случаев, когда употребляется присоединительный союз *и* (= и притом): *Едем на каникулы, и к бабушке, и в деревню! Кто и когда взял эту книгу? (= Кто взял... и притом когда?)*.

ночь: вся наша большая поляна, окруженная лесом, сверкала огнями, и огни эти были от светляков. Даже собака была поражена этим редким зрелищем и вздумала на этот невиданный свет тявкать» (М. М. Пришвин). В этом тексте есть такие наречные обстоятельства: *вышла* («не оттуда, а») *из сарая*; *сполз по сену* («и так, что...»), *открылась* («потом, а не») *в эту ночь*. Здесь есть дополнения: *взял ружье, открылось мне, окруженная лесом, сверкала огнями, поражена зрелищем, тявкать на свет*. Здесь же есть инфинитивы (в качестве особого члена предложения): *принялась тявкать, вздумала тявкать*.

При наречиях и прилагательных также могут быть обстоятельства, дополнения и инфинитивы.

Итак, существуют (в русском языке) такие второстепенные члены предложения: определения, обстоятельства, дополнения и инфинитивы.

Простое предложение. Предложение (простое) — это ряд словосочетаний, которые восходят к предикативному словосочетанию таким образом, что главный член одного словосочетания является зависимым (или не главным) членом другого словосочетания. В основе всякого предложения лежит предикативное словосочетание одного из двух типов: 1) существительное в именительном падеже + спрягаемый глагол (один из этих членов может быть заменен нулем) или 2) инфинитив + отсутствие спрягаемого глагола.

Конструкция первого типа используется и в так называемых двусоставных предложениях, и в предложениях с неопределенно-личными, обобщенно-личными, безличными формами глаголов. Например, неопределенно-личное значение глагола может реализоваться только при «отсутствии» подлежащего. Значимое отсутствие следует рассматривать как особый показатель, поэтому в предложениях с неопределенно-личной, обобщенно-личной, безличной формой глагола необходимо признать наличие подлежащего, выраженного нулем³².

В предложениях с неопределенно-личной формой глагола подлежащее всегда выражено нулем: *Таскал волк — потащили и волка*; *Не велят в окно заглядывать, а в двери не пускают* (пословицы). Предикативные словосочетания в этих предложениях: *потащили* + нулевое подлежащее; *не велят, не пускают* + нулевое подлежащее.

В предложениях с обобщенно-личной формой глагола подлежащее всегда выражено нулем: *Что смолотишь, то и смелешь*; *Ночлега с собой не возят*.

Особое, не обобщенно-личное значение имеет глагол в предложениях типа: «За четверть часа до захождения солнца, весной, вы входите в рощу, с ружьем, без собаки. Вы отыскиваете себе место где-нибудь подле опушки, оглядываетесь, осматриваете пистон; перемигиваетесь с товарищем» (И. С. Тургенев). Это значение резко отличается от значения обобщенно-личных форм; здесь глаголы не обозначают действия, которое приписывается любому лицу (ср.:

³² Ср. *es, man* в немецком языке, *one* в английском языке и т. д.

Что смолотишь, то и смелешь). В словосочетаниях: *вы входите, вы отыскиваете...* — сохраняется обращение к собеседнику («представьте, что именно вы идете на охоту» и т. д.)

При безличной форме глагола (полнозначного или связке) подлежащее всегда выражено нулем: *Не до поросят свинье, коли саму палят; Горько живется от мачехи и пасынку, а не сладко и мачехе от пасынка*. В первых двух предложениях связочный глагол выражен нулевой формой (ср.: *Не до поросят было свинье, коли саму палили*).

Полнозначный глагол *быть* спрягается в положительной вариации так же, как связка *быть*; но он имеет особые формы спряжения в отрицательной вариации:

<i>был, -а, -о, -и</i>	# ³³	<i>будет, -ут</i>
<i>не был, -а, -о, -и</i>	<i>нет</i>	<i>будет, -ут</i>

(следует заметить, что неизменяемая глагольная форма *нет* соотносительна только с безличной формой *не было*).

В соответствии с сочетанием: *Была теплая, ясная ночь* — в настоящем времени форма *была* заменяется нулем, т. е. *Теплая ясная ночь*. Такие предложения обычно называются назывными; предикативное сочетание у них выражено существительным и нулевой формой полнозначного глагола *быть*. (Эта нулевая форма не «опущена», а, разумеется, наличествует.) Значение этой нулевой формы такое же, как у всех форм настоящего времени; в частности, она может указывать неприуроченность действия (здесь — бытия) к определенному времени.

Во всех рассмотренных случаях в основе предложения лежит *п р е д и к а т и в н о е* сочетание «существительное в именительном падеже + спрягаемая форма глагола». В инфинитивных предложениях предикативное сочетание выражено инфинитивом без связки: *Полно спать! Молчать! С совестью не разминуться; Стыдиться жены, так детей не видать*.

Связки (в том числе и нулевой) здесь нет, так как невозможны соотносительные сочетания: *стыдиться было жены, стыдиться будет жены* и под. Нулевое подлежащее (т. е. значимое отсутствие существительного в именительном падеже) также не входит в конструкцию этих предложений, так как при инфинитиве невозможно «значимое присутствие» существительного в именительном падеже.

С л о ж н о е п р е д л о ж е н и е. Простые предложения объединяются в сложные с помощью союзов и интонации или только одной интонации. Последние предложения называются «сложными бессоюзными».

³³ Только под логическим ударением вместо нуля используется форма *есть*: *Он не был, а есть; Он был, есть и будет*.

Союзные сложные предложения делятся на сложносочиненные (с сочинительными союзами) и сложноподчиненные (с подчинительными союзами и союзными словами).

Сложноподчиненные предложения классифицируются следующим образом. При глаголах обычны сложноподчиненные предложения с союзом (или союзным словом) *что*; с ними могут сочинительно объединяться предложения с союзами (или союзными словами) *когда, где, куда...*, *какой, чей...* Такие предложения называются дополнительными.

Придаточные предложения, которые относятся к глаголу главного предложения и не могут соединяться сочинительной связью с предложениями, имеющими союз *что*, являются обстоятельственными.

При существительных обычны сложноподчиненные предложения с союзом *который*, с ними могут сочинительно объединяться предложения с союзами *куда, где...* Это придаточные определительные.

Придаточные предложения могут относиться к местоименным существительным (*то, тот...*), прилагательным (*такой...*), наречиям (*так*). По составу союзов, выраженных у этих придаточных в каждой позиции, они также являются или дополнительными, или определительными, или обстоятельственными (и в каждой позиции придаточные одного типа могут объединяться сочинительной связью).

Лексика

Русская лексика стилистически дифференцирована. Все слова современного русского языка принадлежат к нейтральному стилю, высокому или разговорному.

Слова высокого стиля характеризуют речь и речевую ситуацию как необычную, исключительную, социально выделенную; поэтому они привносят в текст оттенок торжественности. Этот оттенок торжественности может быть в большей или меньшей степени интенсивным, что зависит от частотности слова: наиболее редкое слово в данном ряду синонимов вместе с тем и наиболее торжественно. Следовательно, внутри высокого стиля есть разные пласты слов, противопоставленные градуально (ступенчато). Наибольшей торжественностью отличаются слова риторические: *повергнуться* (упасть), *споспешествовать* (помогать), *стоустый* (всеобщий — о молве, слове), *страждущий* (страдающий), *страж* (защитник), *твердыня* (опора), *предначертание* (указание), *празднословие* (пустословие), *превратность* (непостоянство).

Напротив, слабо выражена окраска торжественности в словах книжных: *тотчас* (сразу), *завершить* (закончить), *смятение* (замешательство), *преодолеть* (осилить), *преграда* (затруднение: *Для него нет никаких преград*) и т. д.

Некоторые слова высокого стиля употребляются только в сообщениях определенного типа; есть, например, слова, характерные лишь для поэтической речи: *твердь, чары, пламень, прах* (пыль), *путник* (путешественник), *рок* (судьба), *чело* (лоб), *тлен, очи, синь* (синева), *пленишь, согбенный* и т. д.

Ты мой разрушил чары,
Годы плыли, как вода.
Отчего же ты не старый,
А такой, как был тогда?
Даже звонче голос нежный,
Только времени крыло
Осенило славой нежной
Безмятежное чело.

(А. А. Ахматова)

Эти гордые лбы винчианских мадонн
Я встречал не однажды у русских крестьянок,
У рязанских молодок, согбенных трудом,
На току молотящих снопы спозаранок.
У вихрастых мальчишек, что ловят грачей
И несут в рукаве полушубка отцова,
Я видал эти синие звезды очей,
Что глядят с вдохновенных картин Васнецова.

(Д. Б. Кедрин)

Другая обособленная группа в высоком стиле — слова официальные, свойственные только деловой речи: *сокрытие, соискание, невыход, невыезд, отбытие, каковой, нижеподписавшийся, уведомлять* и т. д.

Существование в пределах высокого стиля двух обособленных лексических групп, поэтической и официальной, определяется тем, что поэзия и деловая речь образуют в литературном языке два противоположных полюса: они по-разному литературны. Деловые жанры устраняют нефункциональную вариативность, свойственную нелитературному языку, путем отбора из многих единиц одной нормативной; остальные отвергаются как не отвечающие норме. Отсюда — строгая стабильность делового языка и склонность к шаблонизации. Поэтическая речь преодолевает нефункциональную вариативность диалектов и просторечия иным путем: в поэзии приобретают функциональную противопоставленность даже те единицы языка, которые в нелитературном использовании были тождественны. Поэтическая речь постоянно включает в себя все новые и новые лексические единицы, противопоставляя их старым и тем самым видоизменяя эти традиционные единицы.

Разговорный стиль противоположен высокому. Слова разговорного стиля характеризуют речь и речевую ситуацию как обычную, рядовую, социально привычную; поэтому они привносят в текст оттенок непринужденности. Это

такие слова: *толчея* (давка), *увертливый* (ловкий), *фуксом* (случайно), *часик*, *часок*, *пихать* (толкать), *повадиться* (приучиться), *тарарам* (шум), *тихонько*, *супить* (хмурить), *под сурдинку* (незаметно), *так-таки* (все же), *тарантить* (болтать), *ершистый* (неуступчивый), *забубённый* (отчаянный), *завертка* (упаковка), *соня* (сонливец), *солидничать* (держаться солидно), *расчудесный* (превосходный).

Очень часто разговорность слова вносится в него суффиксом субъективной оценки, который утрачивает при этом значение уменьшительности или ласкательности: *часок*, *часик*, *соломка* (*Надо соломки постелить*), *супец*, *тепленький денек*, *столечко* (*Дай мне вот столечко*) и т. д.

Просторечные слова примыкают к разговорным; они разговорность возводят в квадрат, предельно обостряют ее: *сотняга* (сотня), *спереть* (своровать), *тишком* (незаметно), *то бишь* (то есть), *толстенный* (очень толстый), *форсистый* (щеголеватый) и т. д.

Введение этих слов в литературную речь требует всякий раз особой мотивировки; в городском же просторечии они используются как обычные синонимы других слов: *спереть* — *своровать* — *стибрить* — *стянуть* и т. д. Слова городского просторечия постоянно проникают в русский литературный язык, приобретая в нем стилистическую окраску крайне разговорных слов, годных для разговора запанибрата, подчеркнуто бесцеремонного.

Обоим описанным стилям, высокому и разговорному, противопоставит нейтральный стиль. Слова нейтрального стиля не характеризуют речь и речевую ситуацию ни как обычную, ни как выделенную; это немаркированный член противопоставления. Нейтральных слов в любом тексте огромное большинство; это такие слова: *я*, *сто*, *хлеб*, *Николай*, *дом*, *мысль*, *человек*, *страна*, *белизна*, *умение*, *синий*, *железный*, *птичий*, *надо*, *всегда*, *умно*, *по-летнему*, *идти*, *видеть*, *белить*, *путешествовать*, *думать*, *но*, *и*, *ли*, *же* и т. д.

Всякое слово окрашенного стиля имеет синоним в нейтральном стиле, но далеко не каждое слово нейтрального стиля имеет синоним в окрашенном. Кроме того, и слова высокого стиля не всегда имеют синонимы в разговорном, т. е. серия стилистических противопоставлений редко бывает представлена всеми тремя членами. Следовательно, слова высокие непосредственно соотнесены с нейтральными, так же и разговорные — и только через посредство нейтрального стиля они соотнесены друг с другом.

В стилистических противопоставлениях выражены такие отношения: неравносторонние (привативные) — соотношение нейтрального стиля и высокого ($\bar{n}A - nA$), нейтрального и разговорного ($\bar{n}\bar{A} - n\bar{A}$); равносторонние, т. е. эквиполентные: соотношение высокого стиля и разговорного ($nA - n\bar{A}$); ступенчатые, т. е. градуальные: соотношение риторического и книжного подстилей, собственно разговорного и просторечного подстилей.

Слово в разных значениях может принадлежать то одному, то другому стилю. Примеры:

Тонуть. 1) Нейтр. Идти ко дну. *Дерево в воде не тонет.* 2) Разг. Быть занятым множеством каких-либо дел. *Я буквально тону в этих бумагах.* 3) Поэтич. Становиться незаметным среди чего-нибудь. *В вишневых рощах тонут хутора* (А. К. Толстой). 4) Книжн. То же об отвлеченных предметах. *Мысль автора тонет в ненужных подробностях.*

Пожрать — пожирать. 1) Нейтр. О животных: Съесть, уничтожить. *Саранча пожирает посевы.* 2) Простореч. (только СВ). Есть. *Дай-ка чего-нибудь пожрать.* 3) Высок. Уничтожать. *Огонь пожирал один дом за другим.*

На стилистическую классификацию насаивается другая: в слове может быть закреплено одобрительное или неодобрительное отношение к самому предмету. Например, в словах *таскаться* (ходить), *толстокожий* (неотзывчивый), *повадка* (склонность), *сонм* (группа), *зоил* (критик) выражена неодобрительная оценка называемого предмета. Оценка одобрительности обычно вносится суффиксами субъективной оценки.

Большинство слов являются нейтральными в отношении одобрительности — неодобрительности.

Эта система противопоставлений накладывается на стилистическую систему. Например, слова высокого стиля могут быть неодобрительными (*гордыня, сонмище, зоил, гонитель, презренный*), или одобрительными (*предначертать, страж, воссоздать, незабвенный, немеркнувший*), или нейтральными, не выражающими оценки называемого предмета (*чары, путник, стоустый, смятение, преодолеть*).

Слова разговорного стиля часто содержат оценку неодобрительности, но большинство из них нейтрально в оценке объекта называния; есть среди них и слова с одобрительной оценкой.

Таким образом, стилистические разграничения дают характеристику речи и речевой ситуации; разграничения по оценке одобрения — неодобрения относятся к объекту называния. Сочетание этих двух шкал порождает разные лексические оттенки слов литературного языка.

Лексическая система является открытой; она постоянно пополняется. Основным источником пополнения словаря современного русского языка являются другие языки. Как правило заимствованные слова, имея своеобразную фонетическую структуру и будучи семантически специализированными, осознаются говорящими как заимствованные, т. е. составляют особую группу в современном русском языке. Многие из них принадлежат к стилистической подгруппе книжных слов.

Лексическая система русского литературного языка, как всякая открытая система, включает в себя единицы любых смежных лексических систем; однако такое включение должно сопровождаться особой функциональной нагрузкой этих вновь включенных единиц; если их функциональное оправдание дано

только для данного текста, то и их включение остается законным только для данного текста. Язык современной художественной литературы гибко и многообразно использует возможности такого лексического включения. Очень часто включаются диалектные слова; они используются и для создания *couleur locale*, и как слова, в данном тексте приобретающие особую стилистическую окраску (высокую, поэтическую или, напротив, разговорную):

Время заплетало дни, как ветер конскую гриву. Перед рождеством внезапно наступила оттепель; сутки шел дождь, с обдонской горы по ерикам шалая неслась вода; на обнажившихся от снега мысах зазеленела прошлогодняя травка и мшистые плитняки мела; на Дону заедями пенились окраины, лед, трупно синяя, вздувался. Невыразимо сладкий запах излучал оголенный чернозем. По Гетманскому шляху, по прошлогодним колесникам пузырилась вода. Свежими обвалами, рудными ранами зияли глинистые за хутором яры. Южный ветер нес с Чира томленные запахи травного тлена, и в полдни на горизонте уже маячили, как весной, голубые, нежнейшие тени. По хутору около бугров высыпанной у плетней золы стояли рябые лужины. На гумнах оттаивала у скирдов земля, колола в нос прохожего приторная сладость подопревшей соломы. Днями по карнизам куреней с соломенных сосульчатых крыш стекала дегтярная вода, надрывно чечекали на плетнях сороки (М. А. Шолохов);

В невод рыбы ввалило — сила не берет. Люди худы, сила мала, вот и возимся вдвоем с кормщиком. Кое-как одолели все дело. Обрато на остров поехали. Темень навалилась. Берега не белые, снегу еще не было — приметить их трудно. Компас у нас самый ненадежный — вольный ветер. Был бы кормщик путевый, со смыслом, он бы по воде должен знать: в которую сторону вода льется. Ну, раз компаса нет да кормщик растяпа, так едем по песням. Одну песню спели, другую спели, третью завели, а берега нет. Поглядела я на ветер, — вижу — ветер стал чуть не в поветерь. Раздулся север, туча снежная пришла. Буря играть норовится. Лодку бьет, валами плещет. А у меня бродни к чулкам примерзают. Еду-еду я да и говорю: — Михайло, не туда мы едем.

А он молчит, думает — чего баба понимает. Подъехали еще, я не вытерпела, весло сунула в воду, весло не хватает. А коли к берегу бы ехали, одна бы мера была по веслу. Перестала я грести. — Михайло, — говорю, — мы через субой переезжаем. Остров-то проехали, через губу едем.

А он не верит. Едем дальше. Песни петь перестали. Вал придет — в лодку заглядывает. Рыбаки наши маловозрастные боятся за борт на волну взглянуть. Волны помельчали, раскидистой стали. А я все веслом глубину караюлю. Сунула последний раз весло, оно землюхватило. Тогда я вовсе уверилась, что мы на другую сторону губы, на Ловецкую лопатку переехали (М. Р. Голубкова и Н. П. Леонтьев).

В художественной литературе используются, функционально переосмысляясь, арготизмы; например из школьного арго:

Сегодня вся наша группа возмутилась. Дело было вот как. Пришла новая шкрабиха, естественница Елена Никитична Каурова, а по-нашему — Елникитка. Стала давать задание и говорит всей группе: «Дети!» Тогда я встал и

говорю: «Мы не дети». Она тогда говорит: «Конечно, вы дети, и по-другому я вас называть не стану». Я тогда отвечаю: «Потрудитесь быть вежливой, а то можно и к черту послать!» Вот и все... Вся группа — за меня. Елникитка выскочила как ошпаренная. Теперь пойдет канитель. Вяжется учком, потом шкрабиловка (общее собрание шкрабов), потом школьный совет. А, по-моему, все это пустяки, и Елникитка — просто дура...

Я только что из школы. Сейчас кончилось общее собрание, на котором разбирали мое дело с Елникиткой. А Зинаидица или Зин-Пална — это наша заведующая — сказала, что я глубокий мальчик, но я не умею сдерживать своих инстинктов. Как это их сдерживать, я не знаю, а вот когда она называет меня мальчиком — терпеть не могу!.. В конце голосовали, что я должен перед Елникиткой извиниться, а я сказал, что пусть раньше она извиняется, что назвала нас детьми. Теперь дело пойдет на школьный совет. Я так думаю, что Елникитка будет засыпать меня по естественной, вот и все (Н. Огнев).

Еще чаще используются слова профессиональных диалектов:

Запань была обычного типа, устроенная так, чтобы задержать у строительства весь спущенный на воду лес. Наискось к лесной бирже мокнул в воде грузный пеньковый канат, толстый, в толщину человеческой шеи. На нем, сшитые намертво ветвяными хомутами, лежали бона-плоты, притянутые к берегу десятью полуторадюймовыми оцинкованными тросами-выносами. Те в свою очередь зачаливались на крупные бревна, закопанные на сажень вглубь; бревна эти лежали прочно в прибрежном глинистом песке и, видимо по внутреннему сходству, назывались мертвецами. Грозному этому сооружению, казалось, не страшны были никакие паводки (Л. М. Леонов).

Реже включаются в текст слова, заимствованные *ad hoc* из других языков или из русского языка прошедших эпох; но и это может быть функционально оправдано:

Кесарево — кесареви. Я четырежды упоминал об отеле «Сэнт-Моритц» (Над сим «Моритцем» реял национальный флаг.) Продолжаю американскую традицию — плачú с благодарностью. Бесплатный номер в этой гостинице и бесплатный алкоголь были даны мне не издательством, но самую гостиницей. Публиситимэн этой гостиницы рассчитал правильно, что обо мне будут писать в газетах с указанием, где я остановлюсь, а бесплатный номер дешевле, чем платная реклама... Дорогой «Сэнт-Моритц» —, тэнк ю!

На второй или на третий вечер, не помню, ... повезли нас в некий «клуб», в кабарэ. Американцы берут масштабами, количеством. Если в Париже в этаким кабаке показывают пять голых женщин, то в Нью-Йорке — сто. «Клуб», в котором мы были, знаменит. Имя его я опускаю, дабы не делать ему публисити. Изощрялись в нем штук сто голых красавиц. Люди фокстроттили и пили шампанское, коктейли и ликеры. Выл джаз и выступали различные певцы... И вдруг до моего сознания довели, что меня просят выступить и сказать хотя бы одно русское слово, «здравствуйте» или «спасибо». Оказалось, что программа этого клуба в тот вечер передавалась по радио. Оказалось, что завезли меня и мою компанию в этот театр и в этот клуб, кормили и поили для того,

чтобы я выступил в программе этого клуба по радио! — Хорош был бы советский писатель, с корабля попавший на голопупый бал и радующийся в радио! Ушел я из этого клуба совершенно без всякой вежливости, посредине блюда, а дома долго пил воду со льдом, дабы прогнать раздражение до дрожания рук, злобу и бессонницу. Публисити, реклама, черт бы их побрал! (Б. Пильняк).

Он был белозуб, большерот, хохотлив, нос баклушей. Дом у него был большой, и он долго его строил, и дом хотел быть квадратом, а выходил покоем, и вышел в беспорядке. Если б квадратом, он зашел бы за линию, а это запрещалось.

И во дворе он поставил весьма изящный истукан: Флора, несущая в мисе цветы и улыбающаяся. А бабы-поварихи бросили в ту мису объедки. Дом был дворец, а около дома, летом, пас коров пастух, с правой стороны, с Галерной. Он с ним не мог управиться. Был генерал-прокурор, многих знатных воров изловил, а пастуха гнал и не мог согнать — пастух играл в рожок и коровы мычали. И он махнул рукой.

Он шумствовал и имел голос толстый, как канат, и был гневлив, до затмения и до животного мычания. Он был площадный человек. Павел Иванович Ягужинский.

Данилович, герцог Ижорский, называл его так: язва. Он ругал его шпигом и говорил о нем о его должности: шпигование имеет над делами. Он называл его: горлопан, плясало, неспустиха, язва, шумница, что он пакости делает людям, что он архи-обер-скосырь, что не по силе борца сыскал, что он ветреница, дебошан.

Он был площадный человек, никому не похлебствовал, лез, высматривал. Его не одолели. Нет, он не свалился (Ю. Н. Тынянов).

Слова диалектные, арготические, профессионально-диалектные, варваризмы, историзмы, включаясь в литературную речь, создают в ней противопоставления; по типу эти противопоставления принадлежат к дизъюнктным (см. выше), только дизъюнктные противопоставления и могут создавать открытую систему.

Наличие разных пересекающихся системных противопоставлений в литературной лексике, ее способность включать в себя, создавая дизъюнктные отталкивания, лексику нелитературную (при функциональном изменении этих включенных единиц), большое количество частичных синонимов определяет исключительное богатство лексики современного русского литературного языка.

Русские диалекты

Фонетические системы говоров. Фонетические системы говоров и литературного языка соотносительны; между говором и литературным языком как правило осуществляется по крайней мере одно из соотношений: а) достаточно знать текст в литературном воплощении, чтобы конструировать

его в диалектной фонетической форме; б) достаточно знать текст в диалектном воплощении, чтобы конструировать его в литературной фонетической форме. Это заключение относится и к вокалической, и к консонантной системе говоров.

В о к а л и з м. Существуют говоры с семью гласными фонемами: те же пять, которые представлены в литературном языке, и еще ⟨ô, ê⟩ ([o] и [э] закрытые): *кôт, вôля, седôй головôй; лѣто, пѣть; год, сон, сухой кусок, день, крест, первый*.

Фонема ⟨ô⟩ этих говоров замещается в литературном языке фонемой ⟨о⟩; фонема ⟨ê⟩ замещается фонемой ⟨э⟩, между литературным языком и диалектом осуществляется указанное выше соотношение (б).

Существуют говоры с шестью гласными фонемами: те же пять, которые представлены в литературном языке, и еще ⟨ê⟩; примеры см. выше. Фонема ⟨ê⟩ этих говоров замещается в литературном языке фонемой ⟨э⟩; осуществляется отношение (б).

В некоторых вокалически семи- и шестифонемных говорах фонема ⟨э⟩ после мягкого перед твердым согласным соответствует в одних словах литературного языка фонеме ⟨э⟩, в других — фонеме ⟨о⟩, например: [кл'эн, б'эр'эза, эт'и с'эла; кр'эст, п'эрвој].

Соотношение гласных, следовательно, таково (вверху звуки этих говоров, внизу — звуки литературного языка):

о	ô	э	ê
о		э	

Фонетические системы таких говоров не соотносительны с литературным языком.

Существуют говоры с пятью гласными фонемами, они те же, что в литературном языке. Для большинства таких говоров осуществляются одновременно отношения (а) и (б).

В некоторых вокалически пятифонемных говорах фонема ⟨и⟩ соответствует в одних словах литературного языка фонеме ⟨и⟩, в других — фонеме ⟨э⟩; например: [м'ир, б'ил, б'илој, л'ито]. Эти говоры тоже не соотносительны с литературным языком.

Позиция под ударением между твердыми согласными для всех говоров является наиболее различительной, сильной. В других позициях также может осуществляться или соотношение (а), или соотношение (б), или и то и другое, или ни то ни другое (последние говоры фонетически не соотносительны с литературным языком).

В ряде говоров фонема ⟨а⟩ между мягкими согласными под ударением представлена звуком [э]: [гр'азно], но [гр'эс']; [п'áтој], но [п'эт'] 'пять'. В некоторых русских словах гласный, соответствующий фонеме ⟨а⟩, представлен только

между мягкими согласными; в указанных говорах он всегда в этих словах является звуком [э]: [м'эч'] мяч', [д'эд'а] дядя' и т. д. Следовательно, для фонем ⟨а — э⟩ в этой позиции осуществляется соотношение (а).

Если в других позициях осуществляется отношение (б), но не (а), а это обычно для говоров данного типа, то в целом эти говоры фонетически не соотносительны с литературным языком.

В ряде говоров фонема ⟨ê⟩ между мягкими согласными под ударением представлена звуком [и]: [д'élo], но [о д'йл'е], [с'эл], но [с'йл'и]. В некоторых русских словах гласный, соответствующий фонеме ⟨э⟩ литературного языка, представлен только между мягкими согласными; в указанных говорах он всегда является звуком [и]: [м'йс'ац], [з'в'ыр']. Фонетически эти говоры несоотносительны с литературным языком.

Из безударных позиций наиболее важно для классификации диалектов положение гласных в первом предударном слоге. В этом положении фонемы ⟨о — ô⟩ совпадают во всех говорах. Фонемы ⟨о — а⟩ в одних говорах (акающих) совпадают, в других (окающих) — нет; для последних осуществляется соотношение (б)³⁴.

Среди акающих говоров есть такие, в которых осуществляется такая закономерность: фонемы ⟨о — а⟩ (в первом предударном слоге после твердых согласных) одинаково реализуются звуком [ъ], если под ударением находится гласный [а]; они же одинаково реализуются звуком [а], если в ударном слоге представлен гласный не-[а]. Это так называемое диссимилятивное аканье. Для него осуществляется одновременно соотношение (а) и (б) (так же, как и для недиссимилятивного аканья).

В зависимости от того, как реализуются гласные в первом предударном слоге после мягких согласных, говоры могут быть ёкающими, йкающими, якающими. Екающие говоры фонетически тождественны с литературным языком (относительно данной позиции гласных). При иканье фонемы ⟨а, о, ô, э⟩ одинаково реализуются в указанной позиции звуком [и]. По отношению к экающему стилю произношения литературного языка икающие говоры осуществляют соотношение (а).

В говорах в сильном яканьем фонемы ⟨а, о, ô, э, ê⟩ одинаково реализуются в указанной позиции звуком [а]. В говорах с умеренным яканьем фонемы ⟨а, о, ô, э, ê⟩ в первом предударном слоге после мягкого перед твердым согласным одинаково реализуются звуком [а], а перед мягким согласным — звуком [и]: [з'гл'ану] — [з'гл'ин'и], [н'асла] — [н'ис'ом], [л'асу] — [л'ис'н'ик].

В говорах с диссимилятивным яканьем фонемы ⟨а, о, ô, э, ê⟩ в первом предударном слоге после мягкого согласного одинаково реализуются звуком

³⁴ В отдельных словах фонеме ⟨а⟩ литературного языка соответствует диалектное ⟨о⟩: [со]мoвар и под. Это свидетельствует о несоотносительности некоторых лексем литературного языка и диалекта, а не фонетических систем.

[и], если в ударном слоге представлен гласный [а], и звуком [а], если в ударном слоге — гласный [и] или [у]. Остальные ударные гласные делятся на две группы: одни воздействуют на предударный слог как [и], другие как [а]; это деление в разных говорах различно.

Например, в говорах с диссимилятивным яканьем архаического типа ударные гласные [ô, ê] вызывают в первом предударном слоге после мягких согласных гласный [а] (как реализацию фонем ⟨а, о, ô, э, ê⟩), т. е. воздействуют как ударные [и, у]; ударные же гласные [о, э, а] вызывают в этих условиях [и], т. е. воздействуют как ударное [а]. Примеры: *сялу́, гнядую́* (лошадь), *пятну́; сястри́ца, лясник, пята́; сяло́, за ряко́й, пятно́; в сяле́, на ряке́, гляде́ли; нисе́м, висе́лой, наприде́м* (пряжи); *за силóм, он слипо́й, питно́м; нисла́, рика́, два питна́.*

Для всех говоров с яканьем осуществляются соотношения (б) (а при неразличении фонем ⟨о — ô⟩, ⟨е — ê⟩ одновременно соотношения (а) и (б)).

К о н с о н а н т и з м. Существуют говоры с 34 согласными фонемами; они те же, что в литературном языке (не считая факультативных и потенциальных).

Существуют говоры, не различающие фонемы ⟨ч — ц⟩; эти фонемы заменяются одной: или фонемой ⟨ч⟩ (чокающие говоры) или фонемой ⟨ц⟩ (цокающие говоры). В этих говорах 33 фонемы.

Существуют говоры, в которых нет фонем ⟨ф — ф'⟩; примеры: [хвунт] или [хунт], [грах толсто́й], [торх], [хванáр'], или [ханáр']. В этих говорах 32 фонемы.

Существуют говоры, в которых объединены указанные выше две черты; в них нет фонем ⟨ф — ф'⟩ и не различаются фонемы ⟨ч — ц⟩. В этих говорах 31 фонема.

Существуют говоры, в которых нет фонем ⟨ж — щ⟩; они заменены сочетаниями фонем ⟨жж⟩ и ⟨шч⟩ или ⟨шш⟩ (см. выше). В этих говорах 32 фонемы.

Существуют говоры, в которых нет долгих шипящих, не различающие ⟨ц — ч⟩; в них 31 фонема. Существуют говоры, в которых нет долгих шипящих фонем и губных ⟨ф — ф'⟩, в них 30 фонем. Существуют говоры, в которых нет ни долгих шипящих, ни губных ⟨ф — ф'⟩, и к тому же они не различают ⟨ц — ч⟩; в них 29 фонем.

Позиционное варьирование согласных фонем также различно по говорам. (Это в первую очередь относится к варьированию по признаку твердости—мягкости.)

Консонантные системы всех говоров соотносятся с литературным языком по типу (а); 34-фонемные говоры вместе с тем соотносятся и по типу (б).

Как видно из сказанного, есть говоры, которые фонетически соотносительны с литературным языком; еще чаще встречается соотносительность отдельных частей фонетических систем. Поэтому можно рассматривать фонетику литературного языка и фонетику говоров как частные подсистемы в составе

единой системы. Это обосновано тем, что можно конструировать некоторую предельную систему гласных—согласных (она включает 7 гласных и 34 согласных фонемы и только те их варьирования, которые общи для всех говоров и литературного языка), с которой окажутся соотносительны фонетические системы литературного языка и говоров; зная текст в той реализации, которая определена конструированной системой, можно найти его реализацию в говоре данного типа и в литературном языке.

Диалектные особенности в словоизменении. Грамматические системы говоров и литературного языка тоже большей частью соотносительны.

В соответствии с литературными формами: род. пад. *из воды*, дат. пад. *к воде*, предл. пад. *в воде* — в говорах встречаются: 1) род. пад. *из воде*; дат. пад. *к воде*, предл. пад. *в воде*; 2) род. пад. *из воды*, дат. пад. *к воды*; предл. пад. *в воды*; 3) род. пад. *из воде*; дат. пад. *к воды*; предл. пад. *в воды*; 4) род. пад. *из воды*; дат. пад. *к воде*; предл. пад. *в воде*.

В последнем случае отношения те же, что и в литературном языке. Во всех типах осуществляется отношение (а), а в третьем и четвертом случаях также и (б).

Литературным отношениям им. пад. *печь*, дат. пад. *к печи*, предл. пад. *на печи* в некоторых говорах соответствуют: им. пад. *печь*, дат. пад. *к печи*, предл. пад. *на печё*. Здесь также осуществляются соотношения (а) и (б).

Литературным отношениям: им. пад. *рука*, дат. пад. *рукам*, тв. пад. *руками* в некоторых говорах соответствуют: им. пад. *рука*, дат. пад. *рукам*, тв. пад. *рукам*. Здесь осуществляется только соотношение (а).

В некоторых говорах являются закономерными такие системы согласования: *большая стадо*, *большую стаду*, *к большой стаде*; *большая весло* и т. д. Таким образом, все существительные в этих говорах относятся к женскому или мужскому роду; осуществляется соотношение (а).

Литературным отношениям в области глагольных форм: *он знает*, *растет*, *ходит*, *сидит* — в различных говорах соответствует: *он знает*, *растет*, *ходит*, *сидит*; *он знаеть*, *растеть*, *ходить*, *сидить*; *он знае*, *растет*, *ходит*, *сидит*; *он знае*, *расте*, *ходит*, *сидит*; *он знае*, *растет*, *ходя*, *сидит*.

В последних четырех случаях характер флексии определяется спряжением и ударностью—безударностью последнего слога. Всюду осуществляются соотношения (а) и (б).

В некоторых случаях в говоре имеются те же грамматические парадигмы, что и в литературном языке, но отдельные существительные распределяются по парадигмам иначе, чем в литературном языке (например, существительное *мышь* склоняется *мышья*, *мышьям* и т. д.). Это говорит о том, что лексика говоров часто бывает несоотносительна с лексикой литературного языка.

В основу к л а с с и ф и к а ц и и говорков положены в первую очередь фонетические признаки, наиболее полно изученные; они дополняются признаками морфологическими.

Говоры делятся на севернорусские и южнорусские; между ними лежат среднерусские, сочетающие некоторые признаки севернорусских говорков с некоторыми признаками южнорусских. Среднерусский (московский) говор лежит в основе литературного языка.

Особенности севернорусских говорков: оканье, взрывной характер фонемы ⟨г⟩, реализация ⟨а⟩ между мягкими в виде звука [э], редукция интервокального [j] до нуля и стяжение гласных (*знат, умет*); флексия *-ит, -от (-эт)* в 3-м лице настоящего времени.

Особенности южнорусских говорков: разные типы аканья, фрикативный характер фонемы ⟨г⟩ (иначе говоря, она реализуется звуком [γ]), флексия *-ить, -оть (-эть)* в 3-м лице настоящего времени, флексия *-е* в родительном падеже существительных типа *воды*.

Библиография

История русского языка

Борковский В. И. Синтаксис древнерусских грамот: (Простое предложение). Львов, 1949.

Борковский В. И. Синтаксис древнерусских грамот: (Сложное предложение). М., 1958.

Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Изд. 2. М., 1965.

Дурново Н. П. Очерк истории русского языка. М.; Л., 1924.

Кузнецов П. С. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.

Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956.

Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот / Под ред. Р. И. Аванесова и В. И. Борковского. М., 1955.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I—II. М., 1958; Т. III. Харьков, 1889; Т. IV. М.; Л., 1941.

Сидоров В. Н. Редуцированные гласные ъ и ь в древнерусском языке // Труды Ин-та языкознания. Т. 2. 1953.

Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. СПб., 1907.

Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957.

Шахматов А. А. Курс истории русского языка. СПб., 1910—1911 (литогр.).

Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.

Jakobson R. Remarques sur l'évolution phonologique du Russe comparée à celle des autres langues slaves. Prague, 1929.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1–3 и доп. СПб., 1893–1912.

История русского литературного языка

Виноградов В. В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958.

Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. Изд. 2. М.; Л., 1938.

Винокур Г. О. Русский язык. М., 1945 (перепеч. с сокращ. в кн.: *Винокур Г. О.* Избранные работы по русскому языку. М., 1959).

Винокур Г. О. Русский литературный язык в первой половине XVIII в. Русский литературный язык во второй половине XVIII в. В кн.: *Винокур Г. О.* Избранные работы по русскому языку. М., 1959.

Левин В. Д. Очерки стилистики русского литературного языка конца XVIII — начала XX в. Лексика. М., 1964.

Обнорский С. П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.; Л., 1946.

Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. / Под ред. В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой. М., 1964;

Т. 1. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX в.;

Т. 2. Глагол, наречие, предлоги, союзы в русском литературном языке XIX в.;

Т. 3. Изменения в системе простого и осложненного предложения;

Т. 4. Изменение в системе словосочетаний в русском литературном языке XIX в.;

Т. 5. Изменение в строе сложноподчиненного предложения.

Сорокин Д. С. Развитие словарного состава русского литературного языка 30–90 гг. XIX в. М.; Л., 1965.

Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., 1956,

Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953.

Словарь языка Пушкина. Т. I–IV / Под ред. В. В. Виноградова. М., 1956–1960.

Диалектология³⁵

Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии, I. М., 1949.

Аванесов Р. И. Проблемы образования языка русской (великорусской) народности // ВЯ. 1955, № 5.

Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1957.

Васильев Л. Л. Гласные в слогe под ударением в момент возникновения аканья в обоянском говоре // Изв. ОРЯС. 1904. Вып. 1.

Васильев Л. Л. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII вв. // РФВ. 1918. Т. 78. Вып. 3—4; Сб. по русскому языку и словесности. Т. I. Вып. 2. М., 1929.

Вопросы теории лингвистической географии. М., 1962.

Высотский С. С. О говоре д. Лека // Материалы и исследования по русской диалектологии, т. II. М., 1949.

Дурново Н. Н. Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Ч. 1. Южновеликорусское наречие // Труды Москов. диалектолог. комиссии. Вып. 6. 1917; Вып. 7. 1918.

Дурново Н. Н., Соколов Н. Н., Ушаков Д. Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе. М., 1915.

Жуковская Л. П. Типы лексических различий в диалектах русского языка // ВЯ. 1957. № 3.

Котков С. И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии: (Фонетика и морфология). М., 1963.

Кузьмина И. В., Немченко Е. Б. О некоторых синтаксических явлениях в говорах юго-западных и центральных областей к западу от Москвы // Докл. и сообщения Ин-та языкознания АН СССР. Т. X. М., 1956.

Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке. Вып. I. Л., 1927; Вып. 2. М., 1933.

Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.

Орлова В. Г. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., 1959.

Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой. М., 1964.

Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири. Вып. I. Иркутск, 1921.

Сидоров В. Н. Об одной разновидности умеренного яканья в средневеликорусских говорах // Докл. и сообщения Ин-та языкознания АН СССР. Т. II. М., 1952.

Сидоров В. Н. О происхождении умеренного яканья в средневеликорусских говорах // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1951. Вып. 2.

³⁵ В том числе — историческая диалектология.

Шати́ро А. Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения. М., 1953.

Шахматов А. А. Описание Лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губ. // Изв. ОРЯС. 1913. Вып. 4.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I—IV. 2-е изд. 1880—1882; 3-е изд. 1903—1909 / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ.

Современный русский литературный язык

Фонетика

Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. 3-е изд. М., 1960.

Аванесов Р. И. Фонетика современного русского языка. М., 1956.

Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка [Раздел: Фонетика]. М., 1945.

Богородицкий В. А. Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных. Казань, 1930.

Бодуэн де Куртенэ И. А. Некоторые отделы «сравнительной грамматики» славянских языков // РФВ. 1881. Вып. 2.

Бодуэн де Куртенэ И. А. Отрывки из лекций по фонетике и морфологии русского языка // Филолог. записки, 1881. Вып. IV—V; 1882. Вып. II—III.

Бодуэн де Куртенэ И. А. Введение в языковедение. 4-е изд. М., 1917.

Брок О. Очерк физиологии славянской речи. СПб., 1910.

Винокур Г. О. Русское сценическое произношение. М., 1948.

Жинкин Н. И. Механизмы речи. М., 1958.

Златоустова Л. В. Фонетическая структура слова в потоке речи. Казань, 1962.

Корш Ф. Е. О русском правописании // Изв. ОРЯС. 1902. Вып. I.

Кошутыч Р. Грамматика руског језика. I. Пг., 1919.

Пешковский А. М. 10 000 звуков // *Пешковский А. М.* Сборник статей. Л., 1925.

Реформатский А. А. Согласные, противопоставленные по способу и месту образования, и их варьирование в современном русском литературном языке // Докл. и сообщения Ин-та языковедения АН СССР. Т. VIII. М., 1955.

Томсон А. И. Общее языковедение. Изд. 2. Одесса, 1910.

Томсон А. И. Фонетические этюды // РФВ. 1905. № 2.

Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960.

Скалозуб Л. Г. Палатограммы и рентгенограммы согласных фонем русского литературного языка. Киев, 1963.

Ушаков Д. Н. Русская орфоэпия и ее задачи // Русская речь. Новая серия. Вып. II. Л., 1928.

Щерба Л. В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912.

Щерба Л. В. О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов // Записки нефилологического об-ва. Вып. VIII. Пг., 1915.

Halle M. The sound pattern of Russian (A linguistic and acoustical investigation). 's-Gravenhage, 1959. См. сокращенный перевод: *Халле М.* Фонологическая система русского языка // Новое в языкознании. Вып. II. М., 1962.

Koneczna H., Zawadowski W. Obrazy rentgenograficzne głosek rosyjskich. Warszawa, 1956.

Romportl M. Zvukový rozbor Ruštiny. Praha, 1962.

Trubetzkoy N. S. Das morphonologische System der russischen Sprache. Prague, 1934.

Русское литературное произношение и ударение. Словарь-справочник / Под ред. Р. И. Аванесова, С. И. Ожегова. М., 1960.

Графика, орфография, пунктуация

Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка // РЯШ. 1930. № 4.

Бодуэн де Куртенэ И. А. Об отношении русского письма к русскому языку. СПб., 1912.

Гвоздев А. Н. Об основах русского правописания // *Гвоздев А. Н.* Избранные работы по орфографии и фонетике. М., 1963.

Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. 4-е изд. СПб., 1899.

Дурново Н. Н. К вопросу о реформе русского правописания // РЯШ. 1930. № 3.

Ильинская И. С., Сидоров В. Н. Современное русское правописание // Уч. зап. Моск. город. пед. ин-та им. В. П. Потемкина, 1953. Т. XXII. Кафедра русского яз., Вып. 2.

Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии / Под ред. В. В. Виноградова. М., 1965.

Пешковский А. М. Правописание и грамматика в их взаимоотношении // *Пешковский А. М.* Сборник статей. М., 1925.

Предложения по усовершенствованию русской орфографии // Известия. 24–25 сент. 1964; Русский яз. в национ. школе. 1964. № 6.

Протокол первого заседания Комиссии по вопросу о русском правописании, состоявшегося 12 апреля 1904 г. СПб., 1905.

Реформатский А. А. Упорядочение русского правописания // РЯШ. 1937. № 1, 6; 1938, № 1.

Томсон А. И. К теории правописания и методологии преподавания его в связи с проектированным упрощением русского правописания. Одесса, 1903.

- Ушаков Д. Н.* Русское правописание. Изд. 2. М., 1917.
Шапиро А. Б. Русское правописание. Изд. 2. М.; Л., 1961.
Шапиро А. Б. Основы русской пунктуации. М.; Л., 1955.
Яковлев Н. Ф. Математическая формула построения алфавита // Культура и письменность Востока. Вып. I. М., 1928.

Словообразование, морфология

- Аксаков К. С.* Опыт русской грамматики // *Аксаков К. С.* Полное собрание сочинений. М., 1880.
Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. 5-е изд. М.; Л., 1935.
Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. Т. I. 5-е изд. Киев, 1952.
Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию. Форма слова и части речи в русском языке // *Винокур Г. О.* Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды МИФЛИ. Т. 5. Филолог. фак-тет. Сб. статей по языковедению. М., 1939.
Виноградов В. В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). М., 1947.
Волоцкая З. М., Моложная Т. Н., Николаева Т. М. Опыт описания русского языка в его письменной форме. М., 1964.
Востоков А. Х. Русская грамматика... по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. СПб., 1831.
Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. Изд. 2. М., 1955.
Грамматика русского языка. Т. I / Под ред. В. В. Виноградова, Е. С. Истриной, С. Г. Бархударова. М., 1960.
Григорьев В. П. О границах между словосложением и аффиксацией // ВЯ. 1956. № 4.
Дурново Н. Н. Повторительный курс грамматики русского языка. Вып. 1—2. М., 1924—1929.
Зарецкий А. И. О местоимении // РЯШ. 1940, № 6.
Земская Е. А. Интерфиксация в современном русском словообразовании // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964.
Земская Е. А. Об одной особенности соединения словообразовательных морфем в русском языке // ВЯ. 1964, № 2.
Земская Е. А. Заметки по современному словообразованию // ВЯ. 1965, № 3.
Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч. I. Братислава, 1954; Ч. II — 1960.
Карцевский С. И. Повторительный курс русского языка. М.; Л., 1928.
Ломоносов М. В. Российская грамматика // *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. Т. 7. М.; Л., 1952.

- Мучник И. П.* О значении видов русского глагола // РЯШ. 1946, № 5–6.
- Некрасов Н. П.* О значении форм русского глагола. СПб., 1865.
- Пешковский А. М.* Глагольность как выразительное средство. В чем же, наконец, сущность формальной грамматики // *Пешковский А. М.* Избранные труды. М., 1959.
- Петерсон М. Н.* Русский язык. М.; Л., 1925.
- Сидоров В. Н.* Морфология // *Аванесов Р., Сидоров В. Н.* Очерк грамматики современного русского литературного языка. М., 1945.
- Смирницкий А. И.* Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основ // Докл. и сообщ. филолог. фак-та МГУ. 1948. Вып. 5.
- Современный русский язык. Морфология / Под ред. В. В. Виноградова. М., 1952.
- Фортуатов Ф. Ф.* О залогах русского глагола // Изв. ОРЯС. 1903. Вып. 4.
- Чешко Е. В.* К вопросу о падежных корреляциях // 1950, № 2.
- Щерба Л. В.* О частях речи в русском языке // Русская речь. Новая серия. Вып. 2. Л., 1928; Вып. 3 1928.
- Юшманов Н. В.* Грамматика иностранных слов // Словарь иностранных слов. М., 1941–1942.
- Якобсон Р. О.* Морфологические наблюдения над славянским склонением. 's-Gravenhage, 1958.
- Durnovo N.* Le la déclinaison en grande-russe littéraire moderne // Revue des études slaves. T. 11. Paris, 1922.
- Karcevski S.* Système du verbe russe. Essai de linguistique synchronique. Prague, 1927.
- Karcevski S.* Sur la structure du substantif russe // Charisteria Guilelmo Mathesio quinquagenario oblata. Prague, 1932.
- Mason A.* Morphologie des aspects du verbe russe. Paris, 1908.
- Jakobson R.* Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre // TCLP. 1936. 6.
- Jakobson R.* Shifters, verbal categories and the Russian verb. Harvard, 1957.

Синтаксис

- Аванесов Р. И.* Второстепенные члены предложения как грамматические категории // РЯШ. 1936, № 4.
- Виноградов В. В.* Вопросы изучения словосочетаний (на материале русского языка) // ВЯ. 1954, № 3.
- Виноградов В. В.* О категории модальности и модальных словах в русском языке // Труды Ин-та русского яз. Т. 2, 1950.
- Галкина-Федорук Е. М.* Безличные предложения в современном русском языке. М., 1958.
- Грамматика русского языка. Т. 2. Ч. 1–2 / Под ред. В. В. Виноградова и Е. С. Истриной. М., 1960.

Ильинская И. С., Сидоров В. Н. К вопросу о выражении субъекта и объекта // Изв. ОЛЯ АН СССР. 1949. Т. VIII. Вып. 4.

Ломтев Т. П. Основы синтаксиса современного русского языка. М., 1958.

Овсянко-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. СПб., 1912.

Петерсон М. Н. Очерк синтаксиса русского языка. М.; Пг., 1923.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1957.

Пешковский А. М. Существует ли в русском языке сочинение и подчинение предложений. Интонация и грамматика // *Пешковский А. М.* Избранные труды. М., 1959.

Поспелов Н. С. Сложноподчиненное предложение и его структурные типы // ВЯ. 1959, № 2.

Прокопович Н. Н. К вопросу о роли словообразовательных связей частей речи в построении словосочетаний // Исследования по грамматике русского литературного языка. М., 1955.

Распопов И. П. Актуальное членение предложения. Пермь, 1961.

Современный русский язык. Синтаксис / Под ред. Е. М. Галкиной-Федорук. М., МГУ, 1957.

Шапиро А. Б. Словосочетание в русском языке // Славянское языкознание. М., 1959.

Шапиро А. Б. О принципах классификации подчиненных предложений // РЯШ. 1937, № 2.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. 2-е изд. М.; Л., 1941.

Шведова Н. Ю. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения // ВЯ. 1964, № 6.

Шведова Н. Ю. О некоторых активных процессах в современном русском синтаксисе // ВЯ. 1964, № 2.

Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.

Щерба Л. В. О второстепенных членах предложения // *Щерба Л. В.* Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. I. Л., 1958.

Лексика

Апресян Ю. Д. К вопросу о структурной лексикологии // ВЯ. 1962. № 3.

Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.

Булаховский Л. А. Введение в языкознание. Ч. II. М., 1953.

Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // А. А. Шахматов. 1864–1920. М., 1947.

Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // ВЯ. 1953, № 5.

Галкина-Федорук Е. М. Современный русский язык. Лексика. М., 1954.

Ожегов С. И. О структуре фразеологии // Лексикографич. сб. Вып. 2. М., 1957.

Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964.

Щерба Л. В. Современный русский литературный язык // РЯШ. 1939. № 4.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. 6-е изд. М., 1964.

Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–16 / Под ред. В. И. Чернышева, В. В. Виноградова, Ф. П. Филина и др. М.; Л., 1950–1965.

Словарь русского языка. Т. I–IV / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.; Л., 1957–1961.

Толковый словарь русского языка. Т. I–IV / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.; Л., 1935–1940.

Часть II

**ФОНЕТИКА. ФОНОЛОГИЯ. СОЦИОФОНЕТИКА.
ОРФОЭПИЯ**

Фонетика современного русского литературного языка*

Глава первая

Вступление. Упрощение системы гласных как одна из тенденций развития современного русского языка. Отражение в этой тенденции антиномии «код — текст». Развитие фонетики «в пользу слушателя» — характерная особенность новейшей истории русского языка. Судьба фонетических фразеологизмов. «Книжное произношение», временный характер его успехов. Влияние письма на орфоэпию. Диалектные воздействия на фонетическую систему русского литературного языка. Преодоление социальных и локальных разновидностей литературного произношения.

1. Изменения в фонетической системе прежде всего определяются внутренними законами развития языка. Это не означает, однако, что влияние на произносительную сторону языка тех или иных социальных изменений полностью исключено. Если в определенном коллективе происходят значительные социальные изменения, если к определенной языковой общности присоединяются новые широкие слои населения, то отклонения от старой произносительной нормы весьма вероятны и в некоторых случаях даже неизбежны.

При изучении изменений фонетической системы русского литературного языка за последние 40—50 лет особенно важно иметь в виду это взаимодействие внутренних и внешних языковых законов.

Фонетическая система языка обладает очень большой устойчивостью; лишь при условии стабильности произношения язык может выполнять главное свое назначение: служить важнейшим средством общения в определенном коллективе, существующем в течение длительного времени и объединяющем разные поколения. Крайне медленно протекают изменения и в современной фонетической системе русского литературного языка. В наши дни эта система не отличается никакими резкими отклонениями от того, что было в русском языке 40—50 лет назад. Однако несколько изменений, внешне малозаметных, произошло, и их изучение очень важно: из таких незначительных изменений и

* Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование / Под ред. М. В. Панова. Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры. М.: Наука, 1968. С. 9—41.

складывается эволюция произношения; именно они позволяют догадываться о внутренних тенденциях развития современного русского языка и о воздействии на них новой социальной действительности.

2. Общее направление внутреннего фонетического развития было верно определено И. А. Бодуэном де Куртенэ¹: в русском языке, как в большинстве славянских, упрощается система гласных, усложняется система согласных. Многие фонетические процессы, протекавшие на протяжении веков, полностью объясняются этой тенденцией. За последние три века почти все произносительные изменения вызваны этим противодвижением в системе гласных и согласных.

Упрощение системы гласных означает, что гласные играют все меньшую роль для различения слов. Различительная роль данной группы звуков может быть большей или меньшей в зависимости от трех условий.

1) Чем больше разных звуков в данной позиции, тем значительно различительная способность, в среднем свойственная каждому из возможных звуков. Возьмем крайний случай: в данном языке существует только один гласный; после каждого согласного всегда следует только этот гласный. Велика ли его способность различать слова? Она равна нулю. Если у двух слов этого языка одинаковый набор согласных, то у них вообще одинакова звуковая оболочка.

Чем дальше отходит от этого крайнего случая реальная система какого-либо языка, чем больше набор гласных, тем большую различительную силу (при прочих равных условиях, т. е. условиях, указанных далее в пунктах 2 и 3) имеет в среднем гласный этой системы.

2) Предположим, в каком-либо языке после каждого согласного всегда следует один из пяти гласных, но четыре встречаются крайне редко — вероятность каждого из них в текстах равна 0, 1%, а вероятность пятого — 99, 6%. Ясно, что этот случай слабо отличается от того, который описан в пункте 1, когда в системе всего один гласный. И здесь почти наверняка после каждого согласного можно ожидать появления этого пятого гласного. Четыре гласных из-за своей редкости мало принимают участия в различении слов, поэтому мало участия в их различении принимает и пятый, оставшись почти монополистом в позиции после согласного.

Чем дальше отходит от этого крайнего случая реальная система какого-нибудь языка, чем равновероятнее частоты гласных, тем большую различительную силу (при прочих равных условиях) имеет в среднем гласный этой системы.

3) В каком-либо языке много гласных, и их появление в тексте равновероятно, но один гласный всегда появляется после всякого *t* (и только после

¹ См.: «Отчеты командированного Министерством народного просвещения за границу с научной целью И. А. Бодуэна де Куртенэ о занятиях по языковедению в течение 1872 и 1873 гг.». Казань — Варшава — Петербург, 1877.

него), другой — после всякого *d* (и только после него) и т. д. — каждый гласный всегда после определенного согласного. Велика ли различительная роль гласных в этом случае? После *t* всегда появляется гласный, притом один и тот же, после *d* всегда появляется другой гласный, и тоже всегда один и тот же. В каждом случае различителем явится слог, а самостоятельная различительная сила гласного равна нулю.

Чем дальше отходит от этого крайнего случая реальная система какого-нибудь языка, тем большую различительную силу (при прочих равных условиях) имеет в среднем гласный этой системы². А различительная сила, в среднем присущая гласным, это величина той средней информации, которую они несут.

Все, что здесь сказано — в абстрактно-теоретическом плане — о гласных, приложимо и к согласным.

3. Приближая это абстрактное рассуждение к реальности русской фонетической системы, можно так интерпретировать эти три условия, от которых зависит различительная сила гласного (или вообще звука языка): тем больше различительная сила, в среднем присущая гласному данного языка,

чем больше гласных возможно в этой системе;

чем более они равновероятны;

чем менее позиционно зависимы.

Уменьшение различительной силы гласных может сказаться или в уменьшении их числа, или в увеличении их неравновероятности, или в усилении их позиционной зависимости.

Фонетическое развитие русского вокализма шло сразу во всех этих направлениях. С XVIII в. до конца XIX число гласных под ударением уменьшилось; число безударных гласных в нескольких позициях тоже уменьшилось; вместе с тем позиционная обусловленность гласных усилилась, стала более жесткой; неравновероятность гласных в связи с некоторыми фонетическими изменениями стала более резкой (в отдельных позициях), чем раньше.

В XX в. возникли новые процессы в русском вокализме, которые изменяли систему в том же направлении: упрощали ее, уменьшали различительную силу гласных. Новые социальные условия существования языка стимулировали эти процессы.

4. В чем смысл развития фонетической системы русского языка по бодуэновской формуле? Согласных³ у нас значительно больше, чем гласных: ⟨37⟩ и ⟨5⟩. Каждый согласный встречается поэтому в среднем значительно реже, чем каждый гласный. Поэтому различительная сила у гласных (т. е. та информация, которую они несут) в среднем ниже, чем у согласных. Согласные несут

² Нетрудно заметить, что все эти три условия полностью определяются формулой, по которой вычисляется энтропия какого-либо опыта: $H_\alpha = -p(A_1) \log(A_1) - p(A_2) \log(A_2) \dots - p(A_k) \log(A_k)$. Здесь H_α = энтропия опыта α .

³ Включая ⟨к'⟩, ⟨г'⟩, ⟨х'⟩.

большую информацию, чем гласные. Это легко проверить простым опытом. Множество слов хорошо угадывается по одним только согласным, ср. [х-р-ш-й], [к-к-р-з], [п-р-т-р'-т], [к-п-р'-з-н-й]. По одним гласным угадываются только очень немногие слова (трудно даже привести такие слова в качестве примера).

Ввиду того, что одни согласные часто обеспечивают хорошее распознавание слов, возможно упрощение кода: уменьшение (в некоторых позициях) числа гласных. Такое упрощение кода и произошло.

Что будет, если развитие и дальше пойдет по этому пути? Гласные будут становиться все менее самостоятельными различителями слов. Они поступят в помощники единицам, которые имеют более высокую информационную ценность, т. е. в помощники согласным.

Если бы перед каждым классом или после каждого класса согласных всегда были гласные одного и того же класса, то это служение было бы абсолютно полным. Гласные превратились бы в простые дублиеры той информации, которую несут согласные. После каждого согласного (или перед каждым согласным) оказался бы возможным всего один гласный, всеми своими признаками страхующий признаки соседнего согласного. Мельчайшей сегментной единицей, далее не членимой, было бы сочетание согласного с соседним гласным.

Сейчас еще очень далеко до такого состояния, но развитие направлено именно в эту сторону. Уменьшается код (сокращается число гласных в определенных позициях)⁴, увеличивается фонетическая единица в тексте — она тяготеет к превращению в слог. Повторяем, что это превращение может осуществиться в очень далеком будущем, но развитие направлено именно к такому удлинению текстовых фонетических единиц.

5. Следовательно, в фонетике, как и в других ярусах, антиномия «код — текст» решается в пользу текста: сокращается число единиц кода, удлиняются единицы текста.

Разница, однако, в том, что такое решение этой антиномии вовсе не вызвано новыми социальными условиями: медленный процесс упрощения системы гласных был характерен для русского языка на протяжении веков. Социальные условия могли только усилить этот процесс; и они действительно усилили его — не настолько, однако, чтобы наступил разрыв в орфоэпических нормах прошлого и современности.

Внимания заслуживает такой факт: если в русском языке прошлых эпох антиномия «код — текст» решалась в пользу текста лишь в некоторых ярусах (например, в фонетике), то теперь, как показывает материал лексического, словообразовательного и морфологического разделов, настало время, когда во

⁴ Развитие системы русских согласных, т. е. возрастание средней информации, которую они несут, гораздо менее значимо по своим результатам, чем развитие системы гласных.

всех ярусах достигнуто именно такое решение; этот своеобразный «изоморфизм» — внутреннее, системное соответствие между разными ярусами языка — существенная черта русского языка, в значительной степени формирующаяся именно в советскую эпоху.

Упрощение вокализма, редукция и нейтрализация гласных имеют, однако, и другую сторону. Они могут оцениваться со стороны другой антиномии: «говорящий — слушатель». Уменьшение различительной силы гласных содействует экономии произносительных усилий, но вовсе не способствует экономии слушательских усилий. Позицию слушателя в этой антиномической ситуации хорошо передают слова Г. Н. Федотовой: «„Прикрасные цветы“... Откуда в них прикрасы — не знаю, — говорила она. — Цветы прекрасные! А когда я слышу „критьяне“, то не могу понять — то ли они крестьяне, то ли христиане?»⁵

Как уже говорилось, разрешение антиномии «говорящий — слушатель» (как и других) идет в одном направлении лишь до известного предела. Когда много уступок сделано в пользу говорящего, неизбежен поворот в пользу слушающего. Уменьшение информации, которую несут гласные, означает и уменьшение информации, которая приходится на фонетическое слово. Распознавание слова становится менее застрахованным от ошибок; слушатель недоволен. Ответ на такое недовольство — усложнение системы согласных. В чем оно заключается? В увеличении числа согласных различителей, в снижении их позиционной зависимости.

Крайне важно отметить, что процесс усложнения консонантизма в русском языке нового времени наступает только в конце XIX в., а его сравнительно интенсивное действие относится уже к советской эпохе. Упрощение же гласных — процесс гораздо более ранний (русскому языку нового времени он известен уже с XVIII в.). Таким образом, усложнение консонантизма — действительно ответ на упрощение вокализма и «расплата» за него. Распределение во времени упрощения системы гласных (сначала) и усложнения системы согласных (потом) позволяет рассматривать их как развитие фонетической системы в пользу говорящего (сначала) и закономерный переход к развитию системы в пользу слушателя (потом). Это — естественная смена одного типа разрешения антиномии «говорящий — слушатель» другим.

6. Но переход к разрешению антиномии «говорящий — слушатель» в пользу слушателя санкционирован не только внутренним развитием языка (собственно тем, что сделано уже слишком много уступок говорящему), но и социальными факторами. Публичная речь, речь, обращенная к массе, была выдвинута революцией как основной и главный, наиболее социально ценный вид устного языкового общения. А публичная речь по своим функциям и жанровым особенностям — это прежде всего речь, учитывающая удобство слушателя.

⁵ Ленин М. Ф. Воспоминания актера. М., 1959. С. 63.

Подчеркнуто-полное удовлетворение интересов слушателя — вот что в первую очередь определяет произносительную сторону публичной речи.

Публичная, ораторская речь несет в себе, даже в своей произносительной стороне, значительные книжные элементы. Все это вместе взятое — расчет на легкое восприятие слушателем каждого фонетического сегмента, ориентировка на книжные, «буквалистские» стили произношения — укрепляло в первую очередь одну линию развития русского фонетизма: «внятность» консонантной стороны в речевом потоке — ведь именно согласные наиболее информативны в русском языке. Так влияли социальные причины на решение антиномии «говорящий — слушатель», так они поддерживали внутриязыковую закономерность: усложнение системы консонантизма.

7. Однако есть в современном русском языке и такие изменения, которые нельзя объяснить общим Бодуэновым законом. Например, распространилось произношение в первом предупредительном слоге после твердых шипящих гласного [a] (в соответствии с фонемой ⟨a⟩). Редукции системы гласных при этом не произошло.

Данное изменение реализует другую закономерность, присущую современному русскому произношению: выравнивание системы, изгнание исключений, подчинение слабых ее участков более сильным.

И эта внутренняя тенденция тоже была поддержана социальными факторами.

8. В России XIX — начала XX в. навыки литературного произношения передавались, как правило, по семейной традиции и усваивались уже с детства. Такая семейная передача секретов литературного говорения способствовала закреплению многих орфоэпических фразеологизмов⁶.

Когда к литературной речи стали приобщаться широчайшие народные слои, этот (семейный) путь передачи орфоэпических традиций оказался для большинства новых представителей русского литературно-речевого коллектива недоступным. Передача навыков литературной речи в значительной мере перестала определяться ограниченными семейными традициями.

Это способствовало устранению различных речевых фразеологизмов (в самом широком смысле слова).

Фонетика имеет свои фразеологизмы: некоторые звенья фонетической системы слабо поддержаны всей системой в целом, не мотивированы ею⁷. Устранение их определяется внутренними законами развития языка. Но в особых

⁶ Под фразеологизмами понимаем (расширительно) такие особенности отдельных закоулков языковой системы, которые не мотивированы синхронными связями всех других соотносительных элементов системы.

⁷ Так же, как лексический фразеологизм не мотивирован всей лексической и грамматической системой в целом.

условиях развития литературного произношения в 20–30-е годы эти тенденции стали проявляться более настойчиво, а сами процессы преодоления фонетических фразеологизмов протекали ускоренно.

Таким фонетическим фразеологизмом является произношение [шы³ры́], [жы³ра́]. Фразеологичность этой фонетической особенности предопределила ее историю: постепенное вытеснение нефразеологическим произношением [шары́], [жарá].

9. Развитие фонетической системы прочно связано с развитием грамматической системы. Возможна даже мимикрия: процесс может казаться фонетическим, но тщательный анализ открывает, что он имеет чисто грамматический характер. Таково, например, вытеснение фонемы ⟨ж⟩ сочетанием ⟨жж⟩ = ⟨зж⟩.

В других случаях осуществляется действительно взаимодействие двух ярусов языка. Например, во флексиях осуществляются особые фонетические законы; позиции, которые определяют реализацию фонем во флексиях, для некоторых случаев должны характеризоваться как грамматико-фонетические. Развитие в XX в. идет так, что эти грамматико-фонетические позиции постепенно, одна за другой изменяются в чисто фонетические (процесс сейчас еще не завершен). Это имеет два важных следствия. Первое — для морфологии: увеличивается агглютинативность флексий. Второе — для фонетики: увеличивается предсказуемость гласных, т. е. снижается та информация, которую они несут.

История заударных флексий — это история того, как фонетика и грамматика могут жить в мире и развиваться, поддерживая друг друга.

10. В первые послереволюционные годы трудности языкового строительства усугублялись еще тяжелым экономическим положением страны.

Тщательная подготовка большого коллектива квалифицированных преподавателей русского языка, организация научной работы по описанию норм русского стандартного языка, широкое развитие радио, систематическое влияние театра на массы — все это в течение первых лет революции было невозможно.

В этот первый период основным руководством, помогавшим овладеть литературным языком, была печать. Даже значение публичной, ораторской речи в этом отношении было, несомненно, меньшим.

О нормах произношения лица, овладевающие литературной речью, должны были догадаться при помощи письменной передачи. Понятно, что произносительные нормы испытывали влияние орфографии.

Распространение литературных произносительных норм почти исключительно с помощью книги (в 20-х годах), т. е. «непроизносительно», вызвало ряд специальных затруднений.

Русское письмо, фонематическое по своим принципам, обозначает лишь фонемы, не указывая их позиционной реализации. Поэтому система литературного аканья, йканья так же мало указана письмом, как, например, система диссимилятивного яканья; и диссимилятивное яканье находится в таком же

отношении к современному письменному изображению русской речи, как и литературное *йканье*.

Письмо не может указать нормативное произношение отдельных звуков речи; например, буква *з* сама по себе не указывает на взрывное произношение обозначаемой ею фонемы.

Ряд произносительных диалектизмов, естественно, оставался в речи лиц, грамматически и лексически вполне овладевших (главным образом через книгу) литературной речью. Наиболее распространенным диалектным произносительным отступлением от литературной речи (при сохранении всех других ее сторон) оказалось *оканье*, оно даже находило своих защитников, теоретиков, пропагандистов.

Реформа орфографии 1918 г. приблизила письмо к живой речи (т. е. отменила целый ряд традиционных, а не фонематических орфограмм). Приближение орфографии к живой речи обычно вызывает и движение в другом направлении: стремление сблизить произношение с орфографией. Это естественно: если орфографическая система включает ряд элементов (отдельных знаков, например *ъ, ъ, і, ѵ* или их сочетаний, например *доброго, ея, онъ* и проч.), наличие которых современной произносительной системой совершенно не мотивировано, то граница между письмом и живой речью тем самым оказывается подчеркнутой: по аналогии с *ея, онъ* и проч. могут осознаваться контрастными в отношении к речи многие другие элементы письма (*булочная, строгий* и проч.). Если же явно контрпроизносительные элементы из письма изъяты, то возникает понятное стремление преодолеть и те несовпадения с произношением, что остались. Это была вторая причина, почему победили во многих случаях «буквенные» навыки произношения.

Однако влияние письма контролировалось развитием внутренних фонетических тенденций. Только те орфографические особенности оказали сильное влияние на литературное произношение, которые помогали развиваться русской фонетической системе по закону И. А. Бодуэна де Куртенэ или способствовали устранению фразеологизмов в этой системе.

Орфографические ассоциации, вероятно, способствовали: распространению произношения [а] после шипящих в 1-м предударном слоге (в соответствии с ⟨а⟩); переносу «расподобления» мягких согласных (ранее ассимилятивно смягченных) в позиции, где второй согласный постоянно, во всех грамматических формах был мягким; распространению произношения [ът] вместо [ут] в глагольных формах 3-го лица ед. ч. Как видно, все это — изменения в мельчайших деталях.

При этом надо подчеркнуть, что, во-первых, эти особенности были известны и в конце XIX в. и что, во-вторых, их и сейчас нельзя считать полностью победившими в современном русском литературном произношении. С ними конкурируют старые литературные нормы.

11. В конце 20-х годов, в 30-е годы и позднее большое значение для упрощения литературных норм имело развитие среднего образования, распространение радио, а также дальнейший рост роли печати в жизни страны.

Радио, проникая в самые далекие места страны, становится главным наставником для всех, кто овладевает литературной речью. Именно на радиоречь и на речь, пропагандируемую звуковым кино, начинает ориентироваться молодое поколение в деревнях и селах, в городах, постепенно отказываясь от диалектного и просторечного произношения.

Произношение радиодикторов неоднократно подвергалось критике в печати; широко распространено снисходительно-ироническое отношение к радиоорфоэпии. Действительно, в произношении отдельных слов радиодикторы нередко ошибаются. Но нельзя не видеть, что в основных чертах современное радиопроизношение вполне литературно. Его типические черты:

строго выдержанное аканье;

йканье (в его литературной форме);

произношение [а] после твердых шипящих в соответствии с ⟨а⟩ в первом предударном слоге (непоследовательно);

строго выдержанное произношение [ъ] после мягких согласных в безударных вариантах некоторых грамматических форм;

произношение [г] взрывного;

ассимиляция по мягкости в соответствующих группах согласных (последовательно в сочетаниях зубной + зубной⁸; не последовательно в группах зубной + губной; губной + губной);

отсутствие ассимиляции по мягкости в группах согласных губной + заднеязычный средненёбный;

произношение ⟨щ⟩ как [ш'];

отсутствие замены ⟨ж⟩ через [ж̄];

твердое произношение согласного в глагольных аффиксах *-ся*, *-сь* (непоследовательно);

произношение *стал*[к'и]вать, *взма*[х'и]вать, *взра*[г'и]вать и под. (непоследовательно);

постоянные перебои: *стрó*[г'иѝ] — *стрó*[гъѝ]; *тí*[х'иѝ] — *тí*[х'ъѝ], *лóм*[к'иѝ] — *лóм*[къѝ] и под.;

отсутствие комбинаторного смягчения ⟨р⟩ во всех позициях, где для московского произношения XIX в. оно было закономерно;

сохранение всех норм оглушения и озвончения согласных, которые традиционно господствуют в русском литературном языке.

⁸ За исключением сочетаний ⟨сл'⟩, ⟨зл'⟩, где мягкое произношение [с] — [з] не последовательно, и сочетаний ⟨л + любой мягкий зубной⟩, где ассимиляция (традиционно) отсутствует.

12. В течение первых лет советской эпохи в индивидуальную речь большого количества лиц, владеющих (или овладевавших) литературным языком, необыкновенно широко проникали такие диалектные произносительные особенности:

произношение [ж̄], [ш̄] твердых в соответствии с [ж'̄], [ш'̄] литературного языка;

произношение [γ] вместо литературного [г];

различные рецидивы оканья;

йканье;

реализация ⟨а⟩ после твердых шипящих в [а]⁹;

отсутствие ассимилятивного смягчения согласных в ряде позиций.

Эти отступления от традиционных литературных произносительных норм нередко характеризовали даже речь лиц, овладевших литературным языком.

Многие диалектные особенности, несмотря на свою территориальную распространенность, не оказались сколько-нибудь серьезными соперниками и врагами литературного произношения; они не получили даже временного распространения. Это относится к таким диалектным особенностям, при которых информационный уровень согласных понижен, а информационный уровень гласных повышен по сравнению с литературным языком. Так, с одной стороны, не проникало сколько-нибудь широко в индивидуальные литературные речевые системы цоканье и чоканье, а с другой стороны — разные диалектные отражения [ѣ], [ѓ] диссимилятивного яканья и проч.¹⁰

Таким образом, даже в период кратковременной (сравнительно) языковой разрухи литературный язык в разной степени позволял проникать в свои пределы отдельным диалектным особенностям; определяющим началом такой избирательности были внутренние тенденции литературного языка.

Отвергались как особенности, противоречащие тенденциям развития литературного произношения (например, оканье), так и особенности, которые по отношению к ним являются безразличными (например, произношение [γ] вместо [г]).

Только те диалектные особенности, которые поддерживают общие тенденции литературного произношения, могли в нем получить устойчивое и широкое распространение. Но в этом случае данные особенности уже не могут считаться внешним (чисто диалектным) «дополнением», довеском в литературном языке — диалектное влияние только поддержало некоторые новшества, которые обусловлены собственным развитием литературного языка.

⁹ Реже проникала в литературную речь диалектная реализация ⟨о⟩, ⟨э⟩ звуком [а].

¹⁰ Исключением является лишь широкое влияние оканья; одна из причин — в его территориальной распространенности.

Влияние диалектных произносительных привычек сказалось и в том, что строгая стандартность, унифицированность литературного произношения временно сменилась большей пестротой произносительных вариантов, множественностью фонетических «синонимов»: без функциональных различий использовались и литературное произношение данного слова, и его диалектный вариант, и фонетическая его разновидность, свойственная городскому просторечию. Такая пестрота характеризует именно диалектную речь.

Преодоление этой пестроты, враждебной природе литературного языка, заключалось в изгнании из речи множества произносительных вариантов и использовании некоторых из них в особом стилистическом или экспрессивно-эмоциональном значении.

13. До революции в речи литературно говорящей среды, несомненно, существовали определенные социальные подтипы (ср., например, ироническое отношение Ф. Е. Корша к произношению семинаристов).

Многие различия, характерные для этих подтипов, были устойчивыми; они играли роль различителей на уровне *Kundgabefunktion* (термин К. Бюлера). Произношение, например, [б1øф] (*блеф*) и проч. свидетельствовало о принадлежности к определенной социальной среде и для представителей этой среды играло роль «рекомендательной характеристики».

Иногда различия в речи, и именно в произносительной ее стороне, определялись обучением в том или ином закрытом учебном заведении (например, есть данные о ряде фонетических особенностей в речи воспитанников Петербургской школы правоведения).

Хотя эти особенности и касались произношения только отдельных слов или отдельных групп слов, все же они расчленили литературное произношение на ряд подтипов.

После Октябрьской революции многие из социальных перегородок исчезли и вместе с ними нивелировались многие различия в области произношения. Этот процесс коснулся в первую очередь произношения ряда заимствованных слов. Их фонетическое сближение со словами языка-источника стало оцениваться как претенциозное и противоречащее литературному стандарту. Ср. [портф'òл'], [б1øф], [к1эрк] и проч.

Некоторые из этих фонетических особенностей изменили свою стилистическую квалификацию: раньше они были характерны для нейтрального стиля, а теперь — для книжного, высокого: *поэт, оазис* и проч.

Другая группа произносительных вариантов стала рассматриваться как признак мещанской речи и на этом основании была табуирована; из явлений этого типа некоторые получают доступ только в подчеркнуто-разговорный стиль (*медали[ска], ко[с'л']явый*).

Новые социальные оценки произносительных фактов не всегда оказываются исторически верными. Например, не все, что оценивается как примета «аристократически-претенциозного» произношения, или «мещански-жеманного»,

«мещански-вульгарного» и т. д. действительно характеризовало речь только этих ограниченных социальных групп. Так, например, произношение [бокáл], [кoc'т'úm] и проч., которое сейчас нередко квалифицируется как «аристократическое», на самом деле никогда не являлось принадлежностью именно и только аристократического арга.

Социальная характеристика зачастую была лишь средством, с помощью которого прокладывали путь внутренние фонетические закономерности (например, стремление снизить информационный уровень гласных). Получали отрицательную социальную характеристику не только явления, действительно свойственные социальным аргам, но и некоторые другие, псевдоарготические особенности.

14. Исследователи засвидетельствовали существование в начале века различных локальных разновидностей литературного произношения. Описаны (с разной степенью достоверности) некоторые особенности петербургского произношения. Есть указания на отличия казанского и прибалтийского русского литературного произношения, засвидетельствованы особенности южнорусской литературной речи.

Эти локальные различия в литературном языке не были значительными даже и в XIX в. Они характеризовали речь только некоторой части населения. Например, то, что описано как особенности петербургского произношения, было свойственно в первую очередь представителям чиновных слоев Петербурга, в известной степени полумещанской среде. Значительные же круги интеллигенции владели стандартной «московской» литературной речью.

Такие локальные различия за последние десятилетия стали значительно стусшеываться. В демографическом отношении дореволюционная Россия была гораздо более расчлененной территориально, чем сейчас: это было обусловлено большей экономической замкнутостью отдельных районов страны, отсутствием значительных передвижений населения, отсутствием широких транспортных связей между отдельными областями и т. д.

В последние полвека ряд исторических событий обусловил очень широкие перемещения населения. Это непосредственно способствовало постепенному исчезновению фонетических локальных различий в литературном языке.

В каком же направлении шло выравнивание? Это опять-таки целиком определяется внутренними тенденциями в языке. Петербургскому (столичному) произношению было свойственно эканье, московскому — йканье. В первые годы после революции петербургское (ленинградское) эканье, вероятно, даже усилилось: это результат усиления влияния северных диалектных говоров на литературную речь в 20-х годах. И все же господствующим в современном литературном произношении повсеместно стало йканье, так как именно оно позволяет полнее реализовать указанные выше тенденции в развитии русского вокализма.

15. Одни тенденции развития фонетической системы реализуются в области вокализма (понижение информации отдельных сегментов), другие — в области консонантизма (усиление различительной способности отдельных сегментов). Поэтому анализ фонетических изменений в русском языке XX в. по отдельным тенденциям оказывается и анализом по отдельным фонетическим областям: вторая, третья и четвертая главы посвящены вокализму; пятая, шестая и седьмая — консонантизму.

Глава вторая

Уменьшение средней информации гласных. Общая тенденция в развитии русского вокализма. Распространение *икающего* произношения. Социальные причины, способствовавшие его распространению. Борьба московского *иканья* и ленинградского *эканья*. Резкие смены в произношении предударных гласных в Ленинграде. Влияние радиопередач на борьбу *эканья* и *иканья*. Участие в этой борьбе театральной речи. Другие изменения в системе гласных.

16. В середине XVIII в. система гласных русского литературного языка имела такие особенности.

В ударных слогах могло быть шесть гласных фонем: ⟨а — о — э — ъ — у — и⟩. Фонема ⟨ъ⟩, по-видимому, произносилась как дифтонгоид [иэ̃].

В безударных слогах после твердых согласных ⟨о⟩ реализовалась звуком [о], нейтрализация ⟨о — а⟩ отсутствовала. Правда, эта особенность, как и предыдущая, была свойственна только высокому стилю. *Оканье* как признак высокого стиля сохранилось в литературном языке до первой четверти XIX в.

В безударных слогах различались [э] и [и], т. е. царило *эканье*.

Итоги сказанного подведены в табл. 1.

Таблица 1

	⟨а⟩	⟨о⟩	⟨э⟩	⟨ъ⟩	⟨у⟩	⟨и⟩
Под ударением	+	+	+	+	+	+
Без ударения	+	+	+		+	+

В середине XIX в. система гласных русского литературного языка имела такие особенности: исчезла фонема ⟨ъ⟩, всюду заместившись фонемой ⟨э⟩; высокое *оканье* перестало быть нормой литературного языка, сохранилось *эканье* (см. табл. 2).

Система согласных изменилась мало; законы позиционной мягкости согласных сохранялись такие же, как и в XVIII в. Наконец, в наше время, в середине XX в., фонетическая система русского литературного языка характеризуется распространением *иканья* (см. табл. 3).

Таблица 2

	⟨а⟩	⟨о⟩	⟨э⟩	⟨ѣ⟩	⟨у⟩	⟨и⟩
Под ударением	+	+	+		+	+
Без ударения	+		+		+	+

Таблица 3

	⟨а⟩	⟨о⟩	⟨э⟩	⟨ѣ⟩	⟨у⟩	⟨и⟩
Под ударением	+	+	+		+	+
Без ударения	+				+	+

В таблице для XVIII в. лишь одна клетка была пустая, а в этой таблице их уже четыре. В каждой позиции уменьшилось число возможных типов единиц.

Итак, во-первых, число гласных различителей в каждой позиции все более уменьшается. Уже один этот процесс ведет к уменьшению информации, в среднем присущей каждому гласному.

Но дело не только в уменьшении числа гласных различителей во всех позициях. Изменялась их частотность; она становилась все более неодинаковой у разных фонем. В XIX в. 1-й предударный слог позволяет после мягких появляться таким различителям: [э^н] = ⟨о, э, а⟩, [у] = ⟨у⟩, [и] = ⟨и⟩. В XX в. этих различителей стало всего два: [и] = ⟨о, э, а, и⟩, [у] = ⟨у⟩. Предположим, что частота гласных фонем под ударением одинакова и они одинаково часто соотносятся с безударными своими реализациями. Тогда в XIX в. частоту [э^н] можно условно выразить цифрой 3, частоту [у] — цифрой 1, частоту [и] — тоже цифрой 1.

Информация гласных в этой же позиции для XX в. иная. Различителей всего два, частота одного (объединяющего фонемы ⟨а, о, э, и⟩ в звуке [и]) условно должна быть представлена цифрой 4, частота другого — [у] — цифрой 1. Неравновозможность различителей явно увеличилась. А это признак того, что средняя информация, приходящаяся на различитель, стала меньше. Таков наш второй вывод.

Наконец, в-третьих, во всех позициях усилилась позиционная зависимость гласных. Безударная позиция сейчас сильнее ограничивает выбор гласных, чем век назад.

Во всех этих трех отношениях развитие системы гласных шло в одном и том же направлении: информация гласных уменьшалась. Пока нет еще точных данных, позволяющих количественно оценить степень этого уменьшения (поэтому расчеты и демонстрировались на условных цифрах). Но ввиду однонаправленности изменения всех условий, определяющих количество информации, нет сомнения в ее уменьшении у русских гласных.

Такова схема внутренних процессов, присущих вокалической системе русского языка. На это системно обусловленное движение наложили глубокую печать новые социальные условия, в которых развивается современный русский язык.

17. Еще в начале века господствующим в литературном произношении было эканье. В соответствии с ударными [á, ó, é] произносили в 1-м предударном слоге после мягких согласных звук [э^и], т. е. гласный средне-верхнего подъема переднего ряда. Этот гласный ясно отличается от гласного [и]. Следовательно, говорили: [п'á]мый и [п'э^и]мí, [в'ó]л и [в'э^и]лú, [б'э]л и [б'э^и]лítь; но если ударный гласный — [í], то в тех же безударных положениях произносили: [с'í]ний — [с'и]нéе, [м'í]ло — [м'и]лá и т. д. В 1-м предударном слоге после мягких согласных были возможны три различителя: [э^и, у, и]: [т'э^инút'], [н'э^исút], [л'э^исók], [т'ук'í], [л'ис'óньк]; в ударной позиции им соответствуют ударные гласные [á, ó, é, ú, í]; ср.: *тянут, нёс, лес, тюк, лисий*. После мягкого согласного, если ударение падает не на этот, а на следующий слог, мог быть только один из трех различителей.

В первом десятилетии нашего века было отмечено и другое произношение. В соответствии с ударным [á, ó, é, í] в 1-м предударном слоге после мягких произносился гласный [и^э], т. е.: [т'и^энút'], [н'и^эсút], [л'и^эсók], [л'ис'óньк].

18. Р. Кошутич, отмечая, что йкающее произношение свойственно молодому поколению, так рисовал процесс его вторжения в литературную речь. В Москве существовало просторечное, не литературное произношение, в котором ударным [á, ó, é, í] соответствовало безударное [и]. «При этом слова *петух — питух, винца и венца, пивца и певца, на плиту и наплету, развелась и развилась...* в этом говоре не различались — [п'итúх], [в'инцá], [п'ифцá], [н'пл'итú], [р'з'в'илáс']... при литературном: [п'э^итúх] и [п'итúх], [в'инцá] и [в'э^инцá]»¹¹ и т. д. Точно так же: *пряду и приду* = [пр'иду], ср. литературное [пр'э^идú] — [пр'идú].

Это просторечное произношение возникло на основе южновеликорусских говоров. Южнорусское влияние распространялось через домашних слуг, родом с юга, и южными переселенцами. Такое произношение слышится и у образованного московского молодого поколения.

«Между этим говором и литературным произношением находится то йканье, которое можно услышать у более молодого и совсем младшего поколения образованных москвичей. В их языке прежнее безударное [и] несколько изменилось в сторону [э], а прежнее безударное [э] и [а] после мягких... передвинулось немного навстречу [и]; ...так что в этом произношении, как правило, нет ни чистого [э], ни чистого, закрытого [и] в безударных слогах, а лишь нечто среднее меж ними»¹².

¹¹ Кошутич Р. Граматика руског језика. I. Гласови. Пг., 1919, с. XIV.

¹² Там же, с. XV.

Однако, по словам Кошутича, влияние письма и традиционного произношения старшего поколения приводит к тому, что в детские годы говорят [с'илó], [ч'исы́], [п'исóк], потом — [с'и'лó], [ч'и'сы́], [п'и'сóк], а в зрелом возрасте («у зрело доба») — [с'э'лó], [ч'э'сы́], [п'э'сóк].

Все же в первом десятилетии нашего века йкающее произношение было достаточно распространено и у людей «зрелого возраста»¹³.

19. Йкающее произношение постепенно вытесняло эканье, но не везде этот процесс шел с одинаковой скоростью. В Ленинграде долгое время перевес был на стороне эканья, хотя и там на него вела наступление новая йкающая норма. Л. В. Щерба писал в 1912 г.: «Мое утверждение, что первый гласный в *мила* и *мела* произносится одинаково, вызовет, вероятно, у многих сомнение, и сомнение довольно основательное. Дело в том, что старшее поколение, по видимому, еще не смешало [э] и [и] на среднем уровне [= в 1-м предударном слоге. — *Авт.*]: так, моя мать (родившаяся и выросшая в Петербурге) произносит вполне ясно [м'эла́] и [м'ила́], но мое поколение, то есть люди лет 30 и моложе, произносят в обоих случаях [м'и'ла], что не мешает, впрочем, нам психически отличать [э] от [и] в этом положении, так как мы слышали это различие от старших»¹⁴.

Устойчивость эканья в Петербурге-Ленинграде объясняется диалектным окружением: северновеликорусским говорам присуще различие э — и в предударных слогах. Несмотря на это и здесь распространялось йканье, как об этом свидетельствует Л. В. Щерба.

Однако в 30-е годы сам же Л. В. Щерба дает прямо противоположное свидетельство: «В беглом разговоре неударное [э] звучит как более или менее неясное [и]: *несу, везу* почти как *нису, визу*. Однако при более четком произношении [э] восстанавливается... Пока Ленинград, старый Петербург, район „ёкальцев“, а не „йкальцев“, играл не последнюю роль в судьбах литературного языка, дело не возбуждало никакого сомнения. Теперь, когда дирижерская палочка перешла к Москве, куда „йкальцы“ стекаются в большом количестве, [э] литературного языка начинает подвергаться большой опасности. Литературный язык должен сопротивляться этому натиску, так как подобное изменение грозило бы расстройством всей выразительной системы русского языка. Сейчас произношение *вечир, миту, пливать* и т. п. мы считаем диалектным, а тогда пришлось бы считать таковым *вечер, мету, плясать* или *плесать*, и в „Пиковой даме“ пришлось бы петь в интерлюдии: *Он не пришел пливать...*»¹⁵. Таково

¹³ См. подробнее: *Панов М. В.* Русская фонетика. М., 1967.

¹⁴ *Щерба Л. В.* Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912, с. 97–98.

¹⁵ *Щерба Л. В.* Современный русский литературный язык // Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с. 128–129.

свидетельство 1939 г. Фонетические работы 30-х и отчасти 40-х годов полны свидетельств о господстве эканья в Ленинграде...

20. В каком же случае был прав Л. В. Щерба: в 1912 г., когда он настаивал на том, что младшее поколение ленинградцев уже не различает безударные ⟨э — и⟩, или в 1939 г., когда он считал это различие обязательным в ленинградской речи? Вероятно, и в том и в другом случае.

Неверно было бы думать, что Л. В. Щерба в своем произношении перешел, как и предполагал Р. Кошутич, описывая речь русской интеллигенции, от *йканья* к *эканью* («у зрело доба» наступало *эканье*). Описание Р. Кошутича относится к Москве; в Петербурге не было южнорусского, «*йкающего*» влияния просторечия: состав «*челяди*» был территориально иной. Поэтому *йканье* проникало в Петербург в первую очередь под влиянием московской речи; обмен интеллигенцией между Москвой и Петербургом был постоянным. Петербуржцы-интеллигенты и по семейным традициям, и от «*челяди*» получали нормы *экающего* произношения. И лишь под влиянием молодых москвичей-интеллигентов, под давлением распространяющейся «*молодой*» московской нормы могло упрочиваться в Петербурге *йканье*. Оно и проникало и упрочивалось — об этом говорит высказывание Л. В. Щербы 1912 г.

Расширение состава потенциальных носителей литературного языка после Октябрьской революции всюду обострило влияние диалектного произношения на речь городской интеллигенции. Литературные нормы произношения были поставлены под угрозу. Б. А. Ларин в 20-х годах¹⁶ записал речь учителей на одной из ленинградских педагогических конференций. Записи эти, конечно, совершенно достоверны, но кажутся (сейчас!) невероятными: речь учителей была насыщена диалектизмами (очень часто — северновеликорусскими) и изобиловала срывами в городское просторечие. Влияние диалектов грозило самому существованию русского литературного языка; для смягчения этого влияния понадобились многолетние усилия советской общественности, сознательное строительство языка. Однако эти усилия были направлены против разрушения литературного языка. *Экающее* же произношение находится в пределах литературной нормы; оно резко укрепилось в Ленинграде 20—30-х годов под влиянием северновеликорусского диалектного окружения — и притом не могло встретить сопротивления как нежеланное, нелитературное нововведение. Новые носители литературного языка постепенно освобождались от диалектных привычек, но это не относилось к *эканью*. Поэтому Л. В. Щерба и мог рассматривать в 1939 г. ленинградскую речь как *экающую*; он не противоречил своему высказыванию 1912 г.: противоречивым было развитие русского языка в эпоху резких социальных сдвигов.

¹⁶ См.: Ларин Б. А. К лингвистической характеристике города // Изв. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, вып. 1. Л., 1928, с. 183.

21. В Москве в это же время полностью утвердилось в живой бытовой речи *йканье*. Разумеется, сейчас трудно (или даже невозможно) восстановить соотношение борющихся норм — *эканья* и *йканья* — в московской речи 20–30-х годов; но нет сомнения в том, что господствовало неразличение ⟨э — и⟩ в безударных слогах. Сейчас в живой, бытовой речи представителей старшего поколения москвичей полностью господствует *йканье*. Записи, сделанные в Институте русского языка АН СССР¹⁷, показывают, что последовательное *эканье* в нейтральном (тем более — разговорном) стиле речи у этого поколения уже совершенно не представлено. Оно появляется лишь в эмфатической речи, в особых экспрессивных целях и т. д.

Конечно, речь старшего поколения, записанная в 60-х годах, не показывает совершенно точно произношения даже тех же самых лиц в 20-е годы: под влиянием произношения младших поколений *йкающая* норма могла укрепиться и у старших. Но даже и при этой поправке быстрота вытеснения *эканья* из живой речи удивительна: наблюдения 10-х годов (Р. Кошутича и Й. Лунделля) еще свидетельствуют о том, что *йканье* — новая норма, исчезающая у многих в зрелые годы; но уже через двадцать лет она становится полностью господствующей. Это можно объяснить той же причиной, которая обусловила возрождение *эканья* в Ленинграде: усиленным влиянием на литературную речь городского просторечия и диалектов (в Москве «влиятельными» были, конечно, южнорусские диалекты). Вспомним опасения Л. В. Щербы, что орфоэпическая дирижерская палочка перейдет к Москве, «куда *йкальцы* стекаются в большом количестве».

22. Таким образом, в конце 30-х годов орфоэпический контраст между Москвой и Ленинградом был достаточно велик: в Москве господствовало *йканье*, в Ленинграде упрочивалось *эканье*. Существование «диалектов» в литературном языке, т. е. его «локальных разновидностей», всегда вызывает ряд напряжений в речи и со временем так или иначе устраняется. Соперничество между *йканьем* и *эканьем* в двух центрах литературного языка неминуемо должно было окончиться победой одной из этих норм.

Перемещение масс населения в нашу эпоху особенно интенсивно и значительно. Их вызывали и вызывают: широкая индустриализация страны с неизбежным перемещением технической интеллигенции из города в город в соответствии с планами индустриального строительства; централизованная подготовка специалистов (при этом специалистов некоторых профессий готовят только в Москве или только в Ленинграде, посылая потом во все остальные города); временная эвакуация населения из Ленинграда во время войны и заселение города после войны. «Перемешивание» московской и ленинградской интеллигенции в нашу эпоху гораздо значительнее, чем до революции.

¹⁷ Записывалась речь лиц, родившихся в 1900–1910 годах; все они владеют литературным языком.

23. Орфоэпические нормы дикторов московского радио в основном йкающие. Эканье используется как стилистическая примета высокого стиля; но даже в наиболее торжественных сообщениях (о запуске спутников, о праздничных демонстрациях) оно бывает спорадическим, непоследовательным: для того чтобы придать стилистическую окраску тексту, достаточно несколько фактов эканья (обычно в начале сообщения; так часто у Ю. Левитана).

Московские радиопередачи являются всесоюзными; они по всей стране распространяют одни и те же определенные нормы произношения. Несущественно, что эти радионормы в некоторых случаях сами не абсолютно устойчивы: во всех основных признаках они строго литературны; в частности — йканье в московских передачах господствует. Несовпадение орфоэпии московских радиопередач и передач местных радиостанций иногда принимает достаточно напряженную, «конфликтную» форму.

Один из слушателей-ленинградцев писал в редакцию газеты¹⁸: «Передают погоду и по-московски и по-ленинградски, и если даже включить посередине передачи, то ясно, какая погода — не потому, что ленинградскую и за окном видно, нет, бывает — и про ленинградскую врут, а потому что если москвичи говорят, они никогда не скажут *сегодня*, а непременно *сиводня*. Если «сиводня ожидается облачная с прояснениями» — то это в Москве. И все время такая чепуха: дикторы калечат наш язык, и забавнее всего — в Москве чаще, зловреднее калечат, чем у нас. Как бы их научить?» Действительно, существует явное различие между передачами городской ленинградской сети и московскими ретрансляциями (которые передаются по той же сети). Хотя окружающая «речевая действительность» заставляет ленинградцев отдавать предпочтение эканью, но нельзя недооценивать и медленного, но постоянного влияния московских норм: они общественно выделены, усилены как общесоюзные и столичные.

Данные вопросников говорят о том, что в послевоенное время (50–60-е годы) полного преобладания эканья в Ленинграде нет и что от поколения к поколению число «йкальщиков» в Ленинграде растет. Самое младшее поколение значительно более склонно к нейтрализации ⟨и — э⟩, чем самое старшее. Распространение йканья, может быть, усиливается наплывом в Ленинград лиц из иных, не севернорусских, местностей, с увеличением, по сравнению с до-революционным и даже довоенным временем, числа «непотомственных» ленинградцев.

Но те же данные вопросника говорят и о другом: орфоэпическое единение Москвы и Ленинграда на основе йканья приближается, но еще не достигнуто; в Ленинграде эканье в два раза более распространено, чем в Москве.

24. Сложность борьбы между йканьем и эканьем усиливается тем, что театральная речь остается по преимуществу экающей. Эканье используется

¹⁸ Сообщено Н. П. Дубовской. Письмо относится к 1951 г.

на сцене в качестве средства сигнализировать нейтральный стиль речи¹⁹. Это могло бы сильно воздействовать и на бытовую речь, особенно в связи с распространением радио: «зрительный зал» при трансляции спектаклей радиосетью становится огромным. «Влияние сценической речи на речь повседневную, бытовую... в наше время, несомненно, усиливается. Этому способствует и трансляция спектаклей по радио, и распространение театральной самодеятельности, которая всегда вызывает обостренное внимание к технике профессионального театра, и широкие общественные движения, связывающие овладение новыми формами труда с овладением вершинами культуры» (в частности — театральной культуры)²⁰.

В XIX в. русское литературное произношение ориентировалось в первую очередь на речь Малого театра в Москве, Александрийского — в Петербурге.

Усиленное радиовещанием, влияние театра на произношение в наш век может быть огромным. Все это означает, что в драматическую историю борьбы эканья и йканья вплетается еще одна сила: влияние театральной речи.

Но сама эта сила внутренне противоречива: разные театры сами по-разному отражают борьбу между йканьем и эканьем и по-разному участвуют в этой орфоэпической борьбе.

Малый театр наиболее последовательно придерживается экающей нормы. У артистов старшего поколения эканье последовательно и строго выдерживается; отдельные отступления не выходят за пределы случайных оговорок. Даже в характерной роли отступления отсутствуют: йканье, очевидно, недостаточно яркая краска, чтобы быть использованной с характерологической целью.

Традиции в Малом театре сильны; слова Г. Н. Федотовой могут быть повторены и сейчас артистами этого театра. Строго экающее произношение усваивают и пришельцы, сменившие другие театры на Малый. Нарушения если и встречаются, то часто как гиперизмы: слишком подчеркнутое эканье, отмечают И. С. Ильинская и В. Н. Сидоров, встречается у некоторых артистов Малого театра, но не у его классиков, не у тех, кто задает речевой тон в театре.

У артистов МХАТа тоже господствует эканье, обусловленное спецификой сценической речи, о которой говорилось выше. Но той монолитности экающей нормы, которая свойственна Малому театру, уже нет. Речь В. О. Топоркова, почти последовательно экающая (иногда с гиперизмами), заметно отличается от речи других современных артистов МХАТа; отчасти это объясняется, может быть, тем, что В. О. Топорков — ленинградец, в Ленинграде он в значительной степени сложился как артист.

¹⁹ См.: *Ильинская И. С., Сидоров В. Н.* О сценическом произношении в московских театрах // *Вопросы культуры речи*, вып. 1. М., 1955, с. 154—155.

²⁰ «Вопросы культуры речи», вып. 4. М., 1963, с. 137.

Отсутствие полностью выдержанного эканья на сцене МХАТа, может быть, обусловлено особенностями системы К. С. Станиславского (и — шире — особенностями «театра переживания»); отчасти — тем, что традиции Художественного театра складывались в начале XX в., когда господство экающей нормы произношения было уже поколеблено в живой, повседневной речи (а усвоение театрального произношения как «орфоэпической латыни», как условной формы сценической речи — несовместимо с кредо «театра переживания»). Поэтому отношение между *йканьем* и *эканьем* в МХАТе таково: та и другая норма более или менее прихотливо перебивают друг друга, но значительное проникновение *йканья* допускается только в явно бытовых, непатетических, нелирических ролях, тем более — в комических (но *йканье* — не средство создать комизм, а только средство не создавать высокий тон). Наконец, есть театры (например, «Современник»), где *йканье* уже решительно вытесняет экающее произношение.

Итак, театральная речь не могла оказать сколько-нибудь значительного влияния на разговорную орфоэпию, чтобы уберечь в ней экающее произношение: на сцене шла та же борьба *йканья* и *эканья*, что и в бытовой речи. Внутренняя «распря» в сценическом произношении уменьшала силу воздействия театральных норм на общеразговорные.

Тем не менее *эканье* в театре более стабильно, чем в бытовой речи; вот почему *эканье*, бывшее когда-то стилистически тождественным *йканью*, стало оцениваться как примета высокого стиля. Это одна из важных закономерностей в развитии современной произносительной системы: орфоэпические дублеты получают стилистическую дифференциацию; так под влиянием сценической речи произошло и с *эканьем*.

25. Как показывают факты, борьба *йканья* и *эканья* на протяжении полувека была напряженной. В самом начале века постепенно распространяется *йканье*, медленно и не торопясь преодолевая экающее произношение. В 20-х и 30-х годах *йканье* стремительно распространяется в одних локальных разновидностях литературного языка и резко отесняется *эканьем* в других. Например, в Ленинграде наступает «реставрация» *эканья*. Между локальными разновидностями литературного языка усиливаются различия, нефункциональные контрасты. Наконец в третий период этой борьбы — в конце 30-х, в 40–60-х годах — *йканье* снова побеждает, стирая локальные орфоэпические различия; между *йканьем*–*эканьем* устанавливаются более или менее прочно стилистические разграничения. Такая напряженная фонетическая жизнь одного из участков языковой системы была вызвана воздействием на внутренний фонетический процесс сильнейших социальных факторов.

26. Другие упрощения в системе гласных за последние полвека сводятся к следующим отдельным процессам:

а) в заударных слогах (кроме конечного открытого) перестали различаться гласные [ъ] и [ы]: из них оказался возможным лишь [ъ];

б) в заударных слогах между мягкими согласными фонема ⟨у⟩ спорадически стала реализоваться в нелабиализованном звуке переднего ряда верхнего подъема (в редуцированном [ъ])²¹. Ср. произношение в разговорном стиле: [ч'эл'ьс'т'] (*челюсть*), на [пól'ьс'ь] (на *полюсе*, хотя *полюсной*, к *полюсам* и проч. с [у]), *слогообразу[ъ]щий*, *бб[р'ьш']ийся* и проч.

Такое произношение распространяется на наших глазах; оно проникло пока только в разговорный стиль и даже в этом стиле одним говорящим свойственно, другим — нет.

Явление это для языка периферийное. Во-первых, слов с заударным сочетанием «мягкий согласный + [у]» мало; во-вторых, сами эти слова обычно малочастотны, за исключением причастий с суффиксом *-ущ*, но в них редукция до [ъ] появляется сравнительно редко: лабиализованное произношение поддерживают частотные формы с ударением на суффиксе. С другой стороны, в особо редких словах эта редукция задерживается именно стремлением передать полный фонемный облик слова.

Это изменение, протекающее скрытно и незаметно, в настоящее время не является обязательным ни для одного стиля речи; допускается оно (довольно часто) лишь в разговорном. Очевидно, о распространении такого произношения надо говорить как о явлении сравнительно новом. Его не отмечают исследователи конца XIX — первого десятилетия XX в.; у них находим свидетельства лишь о произношении [у] в указанной позиции.

В результате усиления редукции и здесь совпали в одном варианте ранее различавшиеся ряды фонем.

Хотя распространение нейтрализации ⟨у⟩ — ⟨и, о, э, а⟩ и ⟨и⟩ — ⟨о, а⟩ в заударной позиции — явление периферийное в русской фонетической системе, все же оно заслуживает внимания. Оно показывает, что процессы качественной редукции медленно и незаметно подчиняют себе новые разряды гласных — гласных верхнего подъема, ранее не затронутых качественными изменениями (и в этом отношении эти процессы сродни *йканью*). Эти изменения характеризуют именно несколько последних десятилетий в развитии русского литературного языка; для их становления в литературном произношении необходимо было усиленное влияние разговорного стиля речи на все другие стили. Все эти изменения соответствуют закону Бодуэна.

²¹ В отдельных особенно употребительных словах, где качество гласного не было поддержано формами с ударным или предударным [у], такой процесс был известен и раньше. Так, *очунь* → *очень* («очунь», «очень») зафиксировано орфографической традицией XVIII в.

Глава третья

Устранение фонетических «фразеологизмов». Изменение предударных сочетаний [шы³], [жы³] в [ша], [жа], если они соответствуют ⟨ша⟩, ⟨жа⟩. Влияние письма. Различные темпы этого процесса у редких, средних по частоте и очень употребительных слов. Тенденция к упрощению, которая привела к усложнению. Выравнивание системы позиционного варьирования у гласных.

«Геометризация» консонантной системы, идущая вместе с устранением гласных «фразеологизмов». Появление качественно новых явлений в фонетике в результате убыстренного развития отдельных сторон языка под социальным воздействием.

27. Некоторые изменения в системе гласных не подчиняются закону И. А. Бодуэна де Куртенэ. Попытаемся объяснить, чем обусловлено появление таких исключений.

По нормам начала XX в. в соответствии с ударным [á] в первом предударном слоге после твердых шипящих [ш, ж] появлялся звук [э^Б], например: *шаг* — [шэ^Б]гá, [шэ^Б]гáть; *шар* — [шэ^Б]рý; *лошадка* — ло[шэ^Б]дéй; *жар* — [жэ^Б]рá; *вожак* — во[жэ^Б]кá; *жадный* — [жэ^Б]днéе и проч.

Этот же звук в первом предударном слоге обязателен в соответствии с ударным [ó]: ср.: *шелк* — [шэ^Б]лкá, *жёны* — [жэ^Б]нá и проч.

Изменение этой нормы могло пойти таким путем: звук [э^Б] всюду заместился бы звуком [ы] или [ы³]; это было бы совершенно параллельно смене эканья на íканье, так как ⟨и⟩ после твердых согласных в безударных слогах произносится редуцированно; безударность связана с ослабленностью артикуляции — в данном случае с недостаточной «подтянутостью» языка кверху, т. е. если бы звук [э^Б] заместился звуком [ы³], то фонемы ⟨и⟩ — ⟨э⟩ — ⟨о⟩ — ⟨а⟩ после [ш, ж] оказались бы нейтрализованными: [шы³]нý — [шы³]стý — [шы³]лкá — [шы³]гáть. Такая же нейтрализация характеризует íкающее произношение (после мягких согласных). Подобно тому как [п'э^И]тú сменилось на [п'и³]тú, так и [шэ^Б]гú могло бы смениться на [шы³]гú.

Такое изменение действительно протекало в языке, но не оно оказалось решающим. Распространилось произношение [ша]гú, [ша]гáть, [ша]рý, [жа]рá, во[жа]кá, [жа]днéе и т. п. Поведение фонемы ⟨а⟩ после твердых [ш, ж] в первом предударном слоге стало таким же, как после других твердых согласных; *сад* — сады и *шар* — шары и *жар* — жара.

Однако это верно лишь для случаев, когда безударный соотносится с ударным [á]; произношение слов типа *шелка*, *жена* осталось неизменным.

Процесс имеет внутриязыковую обусловленность. Согласные [ш, ж] в современном русском языке такие же твердые, как [п, б, в, ф, м, т, д, с, з, ц, н,

л, р, к, г, х]. Тем не менее после них реализация фонем ⟨а, о⟩ осуществляется по-особому, не так, как после остальных 16 твердых согласных. Оказались сосуществующими две подсистемы²² в языке:

1) после 16 твердых согласных ⟨а⟩ реализуется звуком [а] в первом предударном слоге;

2) после двух твердых согласных ⟨а⟩ реализуется звуком [э^{bl}] в первом предударном слоге.

Более сильная (шестнадцатичленная) подсистема, естественно, должна была повлиять на менее сильную, двухчленную. Это и произошло.

Однако изменение, заданное внутриязыковыми соотношениями, оказалось половинчатым. Оно коснулось только фонемы ⟨а⟩; соотношения типа *жѣны — женá, шѣлк — шелкá* им остались не затронуты, хотя и для фонемы ⟨о⟩ действительны те же две подсистемы: только после [ш, ж] она представлена в первом предударном слоге звуком [э^{bl}], а после всех остальных твердых звуком [а] (*вóдный — [ва]дóй*).

В чем же разница? В том, что фонеме ⟨а⟩ помогало письмо, наша орфография. Если бы у нас были написания *шолка, жоне, жолтеть* и под., то они бы, весьма вероятно, с помощью аналогичных написаний *вода, хожу* и прочих стали бы произноситься [шалкá], [жан'э]. Но таких написаний нет; пишется *шелка, жене* — и эти написания не помогают появиться произношению безударного [а] после шипящих — в соответствии с ударным [á]. Буква *e* у нас ни в одном слове не читается как [а]. Напротив, написание *шары, жара* и под. провоцируют произношение с [а].

Влияние письма на произношение в 20-е и 30-е годы значительно усилилось. Приобщение широких масс к литературному языку шло через книгу. Письменная же речь своей очевидной нормативностью создала иллюзию, что она может быть руководителем и в области произношения. Именно поэтому распространение новой нормы оказалось невиданно стремительным.

Еще в 10-х годах нашего века произношение типа [ша]рý, [жа]рá совершенно не упоминается фонетистами. Оно явно находилось за пределами литературной нормы. Сейчас же произношение [шэ^{bl}]рý, [жэ^{bl}]рá принадлежит уже к архаическим.

Изменение, таким образом, было санкционировано внутренними соотношениями языковой системы (т. е. соотношениями единиц этой системы); но без особых социальных условий оно бы не распространилось столь стремительно. У нас есть шкала, с которой можно сопоставлять данное изменение: не будь помощи письма, изменение [жэ^{bl}]рá → [жа]рá протекало бы таким же темпом,

²² Подсистемами здесь и дальше называются части единой системы (например, фонетической системы русского литературного языка), которые подчиняются разным законам чередования или сочетания единиц (например, фонем), но единым внутри каждой подсистемы.

как изменение [жэ^{б1}]нá → [жа]нá, т. е. было бы, при все замедляющемся темпе развития литературного языка, попросту парализовано.

28. Влияние правописания на распространение нового произношения типа [ша]рЫ́, [жа]рá показывают и такие факты. Как говорилось, в соответствии с ударным [á] сейчас обычно произносится (в составе той же морфемы) тоже [а] и в первом предударном слоге после твердых шипящих. Но в соответствии с ударным [ó] в той же безударной позиции произносится [э^{б1}] или [ы³]. Однако в очень большом количестве случаев безударная позиция вообще никак не проясняется ударной: ср. *шалаиш, шаблон, шарманка, шарахаться, жасмин, жандарм* и проч., *шевелит, шершавый, железо, желание*. С точки зрения норм начала XX в. все это были одни и те же фонетические факты: после [ш, ж] произносился звук [э^{б1}]. Однако в одних случаях он передавался буквой *а* (*шалаиш, жасмин*), в других — буквой *е* (*шершавый, железо*). Изменилось произношение только тех слов, где гиперфонема ⟨а/о/э⟩²³ передавалась буквой *а*, остались неизменными случаи, где она же передавалась буквой *е*. Одинаковые фонетические факты имели разную судьбу в зависимости от того, как эти факты отражались в кривом или по крайней мере тусклом зеркале орфографии.

29. Однако процесс подмены [э^{б1}] → [а] в указанных условиях протекает неравномерно. Он, безусловно, завершён для всех книжных, малоупотребительных в живой разговорной речи слов: [ша]мáн, [ша]тёр, [ша]лáнда, [ша]рнёр, во[жа]кá, [жа]рóвня и проч.; он завершён и для слов, особенно часто употребляемых: [ша]гáть, [ша]рЫ́, [жа]рá. В словах особенно частотных, только что указанных, [а] после твердых шипящих устойчиво, однако лишь в том случае, если после него не следует мягкий согласный. Поэтому у одного и того же лица могут быть совмещёнными такие произносительные формы: [шэ^{б1}]гáй, но [ша]гáть, у[жэ^{б1}]снётся, но у[жа]сáться, [шэ^{б1}]лётить, но [ша]лún и т. д. В формах ло[шэ^{б1}]дэй, ло[шэ^{б1}]дёмí, о ло[шэ^{б1}]дýх, где предударный гласный всегда между мягкими, обычно произношение [э^{б1}] (или [ы³], см. дальше). Наконец, слова средней частотности нередко сохраняют [э^{б1}], т. е. менее легко поддаются воздействию новых орфоэпических норм. Очевидно, эта тройная классификация объясняется так. Для каждой из трех групп (редкие в обычной речи слова, частотные слова, слова средней частоты) характерно свое отношение трех сил: воздействия письма, воздействия старой устной традиции литературного языка и воздействия новой произносительной традиции. Для редких слов особенно существенно влияние письма (как правило, эти слова чаще читаются, чем произносятся); для произношения частых слов существенна в первую очередь повседневная речевая действительность; для слов, средних по частоте, оба эти фактора оказываются не столь существенными, их влияние ослаблено и на первый план выдвигается действие орфоэпической традиции.

²³ Гиперфонемой называем фонематическую единицу, в которой нейтрализовано несколько фонем.

Ввиду того что темп смены старой нормы на новую для разных слов различен, в современном русском языке одни слова с ⟨ша⟩, ⟨жа⟩ в первом предударном слоге принято произносить с гласным [ы³] или [э^{bl}], а другие с [а]. Орфоэпические руководства рекомендуют такие нормы: ло[шы³]дэ́й, ло[шы³]дэ́м, о ло[шы³]дэ́х, [жы³]лэ́ть, к со[жы³]лэ́нию, но [ша]гí, [ша]лнóй, [ша]лítь, во[жа]кí, по [жа]рé и т. д.²⁴

30. Данные вопросника свидетельствуют, что различия в произношении отдельных слов с ⟨ша⟩, ⟨жа⟩ в первом предударном слоге действительно велики. В табл. 4 показаны ответы на вопрос: «Как вы произносите гласный после Ж в словах:

«жара»: ж³ра́ или ж^ара́?

«жалеть»: ж³лэ́ть или ж^алэ́ть?

«жакет»: ж³кэ́т или ж^акэ́т?

«ржаной»: рж³но́й или рж^ано́й?

«(нет) вожака»: вож³ка́ или вож^ака́?»

Таблица 4

Год рождения	Всего получено ответов*	Произносят с [э ^{bl}] (в %)				
		<i>жара</i>	<i>жалеть</i>	<i>жакет</i>	<i>ржаной</i>	<i>вожака</i>
До 1900	173	16,0	37,0	27,2	26,0	17,7
1900–1909	178	15,7	38,8	31,8	30,9	13,5
1910–1919	172	15,9	37,3	39,3	29,8	14,0
1920–1929	447	10,0	44,5	47,0	33,0	11,5
1930–1939	1094	9,7	54,0	59,0	39,0	11,6
1940–1949	923	7,0	57,0	61,2	39,0	9,0
В среднем		10,0	50,8	53,6	36,4	12,9

*Указано количество ответов, полученных на каждое слово в отдельности.

Таблица показывает, что контрасты (между *жара* и *жалеть*, *жакет* и *ржаной*, *жакет* и *вожака*, *ржаной* и *вожака*) не сглаживаются, а постепенно становятся резче. Например, у самого старшего поколения в словах *жакет* и *ржаной* одинаково часто встречается [э^{bl}] в предударном слоге: 27,2% и 26,0%. У следующих поколений контраст возрастает, и у самого молодого он уже велик: 61,2% и 39,0%. У слов *жара* и *вожака* произношение с [э^{bl}] становится все менее распространенным, контраст с остальными тремя словами становится особенно ярким.

Видно, что процесс у каждого слова направлен в одну сторону: у слов *жара*, *вожака* от поколения к поколению [э^{bl}]-произношение убывает, у трех остальных слов — становится все более распространенным. Сложная игра условий, которые определили это изменение в произношении, может привести к тому,

²⁴ См.: «Русское литературное произношение и ударение». М., 1959.

что одни слова закрепят в этой позиции (в соответствии с ⟨а⟩) произношение [а], другие — произношение [э^{бл}] или [ы^п].

Такие же выводы можно сделать и на основании ответов на другой вопрос: «Как вы произносите гласный после Ш в словах: *шалаш, шаблон, лошадей?*..» Полученные данные приведены в табл. 5.

Таблица 5

Год рождения	Всего получено ответов	Произносят с [э ^{бл}] (в %)		
		<i>шалаш</i>	<i>шаблон</i>	<i>лошадей</i>
До 1900	173	17,9	8,9	45,0
1900—1909	178	12,7	6,9	45,6
1910—1919	172	13,1	3,6	41,3
1920—1929	447	9,9	5,3	45,1
1930—1939	1094	9,5	5,5	53,5
1940—1949	923	6,8	4,9	54,1
В среднем		9,6	5,4	50,6

31. Влияние говоров, несомненно, сказывается на распространенности той и другой нормы произношения ⟨а⟩ в изучаемой позиции. В вопроснике отвечающие указывали, где прошло их детство, где они дольше всего жили, откуда их родители. Вот результаты опроса.

В табл. 6 указано, как место, где прошло детство, влияет на вероятность произношения *ж*[э^{бл}]*ра́*, *ж*[э^{бл}]*лётъ* и т. д. Видно, что в Ленинграде и в городах севера произношение с [э^{бл}] гораздо более редкостно, чем в Москве. Речевые привычки, полученные с детских лет в севернорусской (литературной!) языковой среде, отзываются и в произношении изучаемых слов.

Таблица 6

Место, где прошло детство	Всего получено ответов	Произносят с [э ^{бл}] (в %)				
		<i>жара</i>	<i>жалеть</i>	<i>жакет</i>	<i>ржаной</i>	<i>возжака</i>
Москва	866	12,5	73,5	68,0	60,7	11,7
Московская обл.	154	10,3	75,5	68,0	55,0	14,9
Ленинград	115	8,9	48,7	47,8	41,5	9,1
Среднерусские города	76	8,1	58,0	53,5	30,1	13,5
Севернорусские города	474	8,7	24,2	40,2	19,2	10,0
Южнорусские города	497	9,8	51,0	51,2	29,4	12,2

Так же влияет на речь и место наиболее длительного пребывания (в табл. 7 приведены данные только для Москвы, Московской области и Ленинграда). Севернорусское литературное произношение и здесь часто показывает меньшее распространение [э^{bl}] — эти данные опускаем.

Таблица 7

Место наиболее длительного пребывания	Всего получено ответов	Произносят с [э ^{bl}] (в %)				
		<i>жара</i>	<i>жалеть</i>	<i>жакет</i>	<i>ржаной</i>	<i>возжака</i>
Москва	1155	13,0	67,5	62,5	55,6	12,4
Московская область	120	10,5	74,8	67,5	53,0	13,9
Ленинград	99	7,3	48,0	52,0	40,7	10,5

Процесс, который отвечал внутренней тенденции языка, направленной на уничтожение исключений в звуковой системе, на подравнивание более слабого участка системы (т. е. представленного меньшим числом единиц) к более сильному, неожиданно привел к еще большей нерегулярности, капризной идиоматичности произношения; в соответствии с ударным [á] в первом предударном слоге является (после [ш, ж]) в одних словах [ы^э] — [э^{bl}], в других [а], и характер реализации гласного приходится запоминать отдельно для каждого слова. Возможно, что это переходный этап в становлении системы, но ввиду общего стремления современного литературного языка к стабильности он будет очень длительным. Данные вопросника говорят о возможности стабилизации «фразеологизованного» произношения каждого слова с ⟨ша⟩, ⟨жа⟩ в первом предударном слоге.

В этой сложности развития, в этом несоответствии причины и результата (временном!) развития нет ничего неожиданного. История языка полна противоречий и парадоксальных поворотов.

32. Описанный процесс стабилизации фонетических фразеологизмов в отдельных словах имеет и свое социологическое основание.

Один из объективных законов развития языка заключается в том, что изменения в фонетической и грамматической структуре протекают тем медленнее, чем больше культурных ценностей создано на данном языке. Это значит, что темп фонетических (в частности) изменений становится все более замедленным, новшества все реже находят себе дорогу в произносительную систему. Например, русский литературный язык середины XVIII в. больше отличался от языка середины XIX в. (даже в своей произносительной стороне), чем этот последний — от литературного языка нашего времени. Данное явление легко понять: нормы языка освящаются высоким авторитетом создателей культурных ценностей, возрастает стремление не отойти от этих норм и не сделать

накопленные культурные ценности чуждыми для себя. Это относится и к фонетическим нормам, которые закреплены культурной традицией, отражаются в строении художественных произведений (особенно стихотворных) и т. д.

Общий и стремительный рост культуры народа за последние 40 лет обусловил усиление стремлений овладеть русской орфоэпической системой именно в ее классической, традиционной форме. Если в первые послереволюционные годы стихийно возникала тенденция отказаться от фразеологизмов, то теперь возникает иная тенденция: усвоить их; они свидетельствуют об определенном образовательном цензе, они освящены театральной традицией и являются своеобразным орфоэпическим дипломом.

33. Хотя описанный процесс замены гласных еще не закончен, однако надо уже считать закономерным представителем фонемы ⟨а⟩ в указанной позиции гласный [а]. В тех случаях, когда после [ш, ж] под ударением произносится [а], а в первом предударном слоге [э^Б] или [ы³] (*лошадей, жалеть* и проч.), надо видеть чередование фонем: ⟨лошадка⟩ — ⟨лошэд'эж⟩ (или ⟨лошод'эж⟩).

Теперь [ш, ж] сочетаются с гласными так же, как [ц], и почти так же, как все остальные твердые согласные. Различает их только реализация фонемы ⟨о⟩: после [ш, ж, ц] она представлена звуком [ы³] или [э^Б], после остальных твердых — гласным [а]. Если бы не эта частность, реализация гласных после всех твердых согласных была бы однотипна.

34. Следовательно, превращение [шэ^Бг'й] в [шаг'й] было обусловлено тенденцией к выравниванию, к изъятию исключений в русском вокализме. Но этот же процесс был стимулирован и тенденцией к выравниванию системы русского консонантизма (хотя это было, вероятно, второстепенным, побочным стимулом).

Считается, что ⟨ш — щ⟩ и ⟨ж — ж⟩ — непарные согласные по твердости—мягкости. Основания для этого такие:

1. Согласные [ш, ж] не так обуславливают позиционные изменения ⟨а⟩, как другие твердые согласные: ср. [шэ^Бры] и [дары].

2. Согласные [ш, ж] не так обуславливают позиционные изменения ⟨о⟩, как другие твердые согласные: ср. [жэ^Бна] и [вада].

Следовательно, по тому, как они управляют редуцией гласных, их нельзя считать относящимися к классу твердых согласных.

3. Перед [э] происходит мена твердых согласных на мягкие; *стол* — *о сто[л'э]*, *сосна* — *сос[н'э]*, *старый* — *ста[р'э]ть*, *ста[р'э]е*, *концы* — *ко[н'э]ц* и проч. Только [ш, ж] перед [э] не меняются на [ш' ж']; ср.: *шалаш* — *о шалаше*, *ножом* — *о ноже* и т. д. Отсутствие такой мены говорит о том, что ⟨щ⟩ не составляет пару с ⟨ш⟩, а ⟨ж⟩ — с ⟨ж⟩.

4. Согласный [ш'] отличается от [ш] и согласный [ж'] отличается от [ж] не только мягкостью, но и длительностью.

Таковы основания не считать ⟨ш — щ⟩ и ⟨ж — ж⟩ непарными по твердости—мягкости. Четвертый довод неоснователен. Согласные [п — ф], [б — в], [п' — ф'], [б' — в'] считаются парными по взрывности — фрикативности, хотя они вместе с тем отличаются и по пассивному органу артикуляции; одни губно-губные ([п — п'] — [б — б']), а другие губно-зубные ([ф — ф'] — [в — в']). Согласные [к — к'], [г — г'], [х — х'] считаются парными по твердости — мягкости, но они различаются местом артикуляции, и т. д. Если одно звуковое качество (или их совокупность) в данном языке влечет неизбежно другое качество, то это последнее фонематически несущественно, оно не должно приниматься во внимание при анализе системы языка как всякое вынужденное качество звука. Мягкость передненёбных фрикативных всегда влечет за собой их длительность — последнее качество должно быть снято как самостоятельный признак фонемы; оно лишь «подкрепляет», подчеркивает другое качество — мягкость, а не выступает как особый различитель звуков. Итак, реальны были только три основания в начале XX в., чтобы не считать ⟨ш — щ⟩ и ⟨ж — ж⟩ парными по твердости—мягкости.

В наше время нет уже оснований считать, что мягкость согласных перед [э]—позиционно вызванный признак. В 20—30—40-е годы в языке появилось большое количество аббревиатур и заимствованных слов, в этих словах перед [э] часто встречались твердые согласные. Важно не самое их появление (вернее — не только их появление), но их распространенность и употребительность в обычной, повседневной речи. Стали обыденными слова: *нэп, нэпман, эсер, интервенция* (20-е годы), *МТС, ТЭЦ, атеист, ателье, шоссе, модель, модельный, Артек, детективный, кодекс, энергия, беже* и т. д. Пока такие слова были исключением в бытовой, повседневной речи у большинства лиц, владеющих литературным языком, их можно было рассматривать как особую подсистему, реализующую особые фонетические закономерности. Став обыденными, эти слова вошли в основную подсистему русского языка: их нельзя уже считать вкраплениями, вставками, инкрустациями в обычном речевом потоке. Слова *модель* и *дельный, энергия* и *нервы, шоссе* и *все, нэп* и *нет* принадлежат теперь одному и тому же классу распространенных, общеупотребительных слов: они реализуют одну и ту же (основную) фонетическую подсистему литературного языка. А это означает, что в современном русском литературном языке перед [э] возможны и твердые и мягкие согласные.

Как же в таком случае рассматривать такие факты: *стол — о столе, окно — об окне, страна — о стране* и т. д.? Всегда в этих (и многих других) грамматических формах происходит смена твердых согласных на мягкие перед [э].

Здесь мена грамматикализована; все чередования звуков, если они непозиционны, необходимо считать выразителями грамматических значений. Значит, распространение слов типа *нэп, модель* имело своим неизбежным следствием

грамматикализацию чередований твердых — мягких согласных во многих словоизменительных и словообразовательных формах. Теперь не перед гласной [э] твердые согласные меняются на мягкие, а флексия *-е* сопровождается всегда дополнительным морфологическим показателем; меной согласных в основе слова. Согласные [ш, ж] такой мене не подлежат: это теперь грамматическая особенность основ определенного типа (оканчивающихся на [ш, ж]), а не фонетическая их характеристика.

Считать ли мену твердых—мягких согласных перед [э] фонетически или грамматически обусловленной — это вопрос не чисто классификаторский. Два типа обусловленности чередований по-разному отражаются в сознании говорящих: это различие присутствует не только в описаниях языка, но и в самом языке.

Итак, изменения в языке нашей эпохи сняли третий довод в пользу непарности. Перед [э] теперь возможны и твердые, и мягкие согласные. То, что ⟨н — н'⟩, ⟨л — л'⟩ и проч. вступают в определенные грамматические чередования, а ⟨ш — ш⟩, ⟨ж — ж⟩ не вступают, безразлично для их фонетической характеристики.

Как мы видели выше, снят временем и первый довод против парности по твердости—мягкости фрикативных шипящих; распространилось произношение [ша]ры́, [жа]ра́ и т. д.

Осталось одно (несомненно, второстепенное) отличие; говорится [жэ^в]на́, [шэ^в]лка́, [жэ^в]лтéть, [жэ^в]сткá, т. е. фонема ⟨о⟩ представлена после [ш, ж] не звуком [а], как после «нормальных» твердых, а звуком [э^в] (или [ы^о]).

Рассмотренные изменения важны для характеристики механизма взаимодействия внутриязыковых и социальных факторов. В XIX в. не было никаких явных проявлений тенденции к выравниванию звуковой системы. Только в нашу эпоху, в 20—60-е годы текущего века, эта тенденция с очевидностью проявила себя. Наряду с четверками:

⟨ф — ф' — в — в'⟩, ⟨п — п' — б — б'⟩,
 ⟨с — с' — з — з'⟩, ⟨т — т' — д — д'⟩,
 ⟨к — к' — г — г'⟩

возникает и новая четверка, «подстраиваясь» к уже существующим ⟨ш — ш' — ж — ж'⟩.

35. Почему появилась эта тенденция к фонематическому выравниванию, к «геометризации» в системе консонантизма? Вернее: почему могла проявиться эта тенденция?

Условия были созданы, во-первых, появлением и распространением аббревиатур и интернационализмов определенного типа (*нэп*, *энергия* и т. д.), во-вторых, усилением буквенного влияния на произношение (*шаги*, *жара*). Ни та, ни другая причина в отдельности не ведет к устранению исключительности согласных ⟨ш⟩, ⟨щ⟩, ⟨ж⟩, ⟨ж⟩. Если бы, например, быстро увеличивалась употребительность слов типа *нэп*, *энергия*, но не распространилось бы с той же

стремительностью буквенное произношение [ша]ры́, то не было бы оснований говорить о том, что изолированность фонем ⟨ш, ж⟩ уменьшилась.

«Воздействие социальной действительности на язык не может быть деструктивным, не может разрушать языковую систему. Внешние факторы никогда не отменяют действия внутренних законов языка, они способны только ускорить или замедлить действие отдельных тенденций развития языковой системы или же предоставить новый материал, подлежащий воздействию этих законов. Если остановиться на этой точке зрения, то можно предположить, что социальные воздействия вносят только внешне-количественные изменения в языковую систему, а не порождают новые внутренние тенденции ее развития. На самом деле это не так: взаимодействие внутренних и внешних факторов сложнее. Убыстрение или замедление в развитии языка определенных тенденций, вызванное социальным воздействием, может породить новые языковые тенденции»²⁵. Описанные процессы демонстрируют это: ускорилось пополнение языка лексикой определенного фонемного строения, она перестала быть исключением в языке — это только количественное изменение, так как слова с сочетанием твердый согласный + [э] были в русском языке и в XIX в.; увеличилось количество сочетаний [ш, ж] + безударное [а] (раньше только *жабо, шакал, Ушаков, Жанлис* и под.). Но эти количественные изменения породили качественно новую тенденцию.

Однако новая тенденция к «геометризации» отношений между согласными нова только для фонетики, она находится в соответствии с тенденциями в других ярусах языка: всюду проявляется, в той или иной форме, на разном материале, тенденция к геометризации: это усиление агглютинативности в словообразовании, аналогическое выравнивание в морфологии, стремление к регулярности в лексике.

Наконец, заканчивая описание замены произносительных форм [шэ^{bl}]гí, [жэ^{bl}]рá формами [ша]гí, [жа]рá и под., следует сказать, что внутриязыковая направленность этих изменений не вызывает сомнений: процесс направлен к «геометризации» системы согласных, к введению в число других четверок четверки [ш — ш' — ж — ж']; нет сомнения, что для завершения этого процесса нужно очень немного. Но очень возможно, что его завершение будет отодвинуто или даже вообще «затерто» (как говорил Л. В. Щерба) другим, противоборствующим процессом: стремлением вывести из числа фонемных единиц фонему ⟨ж⟩. Два эти процесса находятся в резком столкновении: исход его трудно предугадать.

Итак, превращение [шэ^{bl}]гí в [ша]гí обусловлено тенденцией уподоблять слабые участки системы сильным участкам.

²⁵ Панов М. В. О развитии русского языка в советском обществе // ВЯ, 1962, № 3, с. 14–15.

Нетрудно видеть, что эта тенденция резко противоречит Бодуэнову закону. В начале века фонемы ⟨а, о⟩ реализовались в описанной позиции звуком [э^{б1}]. Теперь они реализуются: ⟨а⟩ — звуком [а], ⟨о⟩ — звуком [э^{б1}]. Система гласных усложнилась, а по закону Бодуэна мы не могли бы этого ожидать.

О тексте для фонетической записи*

Нормы литературного произношения в современном русском языке в значительной степени вариативны. Желательны эти варианты или нет, они должны быть изучены.

Существуют территориальные разновидности литературного произношения: московская, ленинградская, южнорусская, средневолжская и т. д. Особо надо отметить разновидности литературного русского произношения, возникающего в условиях двуязычия: на Украине, в Грузии, Литве, Татарии и т. д., а также в некоторых странах за пределами Советского Союза.

В каждой такой локальной разновидности литературного языка существуют различия в произношении между поколениями и между социальными группами.

Существуют вместе с тем внетерриториальные разновидности литературной речи: это сценическая и радиоречь. В действительности они внетерриториальны только в идеале; реально различаются нормы в разных театрах и внутри театров — у разных поколений.

Наконец, каждая из этих разновидностей должна быть изучена в ее стилистических вариантах.

Существенны лишь типические черты каждой из этих разновидностей произношения; следовательно, необходимо массовое фонетическое обследование. Один из способов такого обследования — чтение информантами специально подготовленного текста и запись этого чтения на магнитную ленту.

Недостатки этого метода существенны, но их можно значительно уменьшить (и даже свести к минимуму) двумя путями: а) составить текст, максимально непринужденный по стилю, требующий от чтеца непринужденности в его воспроизведении; б) отобрать таких чтецов, которые способны при чтении сохранять в наибольшей степени непринужденность обычного (нейтрального и разговорного) стиля произношения.

Такой текст был составлен. Первый вариант его состоял из отдельных фраз, разобщенных в смысловом отношении. При обсуждении текста¹ было решено,

* Развитие фонетики современного русского языка. М.: Наука, 1966. С. 173—181.

¹ В обсуждениях принимали участие сотрудники сектора современного русского языка Института русского языка и других секторов того же института. Особенно ценны были замечания Р. И. Аванесова, С. С. Высотского, С. И. Ожегова, А. А. Реформатского, В. Н. Сидорова.

что необходимо дать слитный, последовательный рассказ: рассыпанные фразы заставляют информанта разгадывать, зачем дана каждая фраза, что именно проверяется. Такие разгадки, правильные и неправильные, могут приводить к искусственному чтению отдельных слов.

Второй вариант представлял собой связный текст. В него надо было ввести и сугубо книжные, и очень разговорные, непритязательные слова — поэтому действующие лица неизбежно должны были состоять из книжников и простецов. Слова очень разнообразны по тематике, поэтому описывается экспедиция, путешествие — движение среди разных объектов; оно мотивирует введение в рассказ самых различных по значению групп слов.

При обсуждении второго варианта было высказано пожелание, чтобы текст был хотя бы элементарно сюжетный — иначе несвязность оказывается не полностью преодоленной. Только сюжет явится средством, полностью маскирующим фонетические причины выбора тех или иных слов.

Это требование было выполнено в третьем варианте, здесь публикуемом. Он достаточно насыщен в фонетическом отношении: около $\frac{2}{3}$ всех слов в нем несут орфоэпическую нагрузку, т. е. введены с целью установить произносительные варианты. Дальнейшее его сокращение (за счет $\frac{1}{3}$ балластных слов) не удалось: их уменьшение ухудшает естественность и непринужденность текста.

Какие же фонетические явления позволяет наблюдать наш текст?

1. Все гласные русского литературного языка представлены во всех позициях — и по отношению к ударению, и по отношению к соседству с твердыми или мягкими согласными. В частности дано значительное количество слов, важных для установления *йканья* или *эканья* в произношении информанта.

2. Даны грамматические формы, в которых после мягкого согласного может произноситься во флексиях [ъ]: *время, поле* (им., вин.; здесь же *поле* в предл. падеже), *капля, из камня, руководителям, вишням, тучам, вишнями, деверем, руководителем, с Антоновичем, принят, принято, ходят, водят* и др.

После [j] также во флексиях возможен (по одним свидетельствам) или невозможен (по другим) гласный [ъ]; проверка дана в ловах: *сучья, шалунья, варенье, третья, двое, хозяев, листьев, по листьям, деревьями, струями, зноем, учением*. Введено и слово *десять*, так как по некоторым данным и в нем возможен заударный гласный [ъ].

3. Представлено значительное количество слов, которые после [ш], [ж] в первом предударном слоге содержат фонему ⟨а⟩: *шапчонка, лошадей, шарохаются, шарами, шагаем, в шалаши, в шалашике, шалунья; жара, жасмин, жакет, жалеть, к сожалению*. Слова различны по частоте употребления и по стилистической окраске; в одних ⟨а⟩ находится перед твердыми, в других — перед мягкими согласными. Возможность вариантов в произношении таких слов общеизвестна.

4. Произношение [j̥], лабиализованного гласного переднего ряда верхнего подъема в позиции между мягкими (или после нулизованного ⟨j⟩, в конце слова), не раз описывалось фонетистами. Распространенность его требует особого изучения. В текст введены слова: *зреющее, спеющим, синюю, прежнюю, челюстями, чувствую, с нею, к сожалению, арию* и др.

5. Возмозно произношение [ä] после гласного в конце слова (в соответствии с ⟨ja⟩); йот в этом случае представлен не отдельным звуком, а также переднеязычностью [ä]: *окружающая, общая, утренняя, всегдашняя, потрескивая*. Эти слова, введенные в текст, позволяют установить, насколько типично произношение с [ä] в указанной позиции.

6. Произношение мягких или твердых согласных в положении перед мягкими особенно вариативно в современном русском языке. Наиболее сложные соотношения в группах «зубной + зубной» и «зубной + губной». Эти группы представлены большим числом слов, которые различны по частоте употребления, по стилистической окраске; в одних случаях эти сочетания принадлежат одной морфеме, в других — разъединены диэремами (разграничительными сигналами) разной силы: межморфемными, межсловесными.

а) Сочетания «зубной + зубной мягкий» представлены такими звуковыми последовательностями: [ст' — зд' — тс' — сн' — зн' — тн' — дн' — нс' — нт' — нд' — сл' — зл' — тл' — дл']: *вести, мастер, есть; здесь, сделать, везде, без дела; подсел; лесник, яснее, снять, с ним; наездник, попроказничать; о путнике, десантников, от него; проводник, последнее; в институте, пенсии, консервами, лентяй, талантлива, десанником; он-де; если, заросли, с маслицем, следуя, слева; возле, злясь, о козликe, разлилась; приветливая, отличный, петля, чуть ли; уродливая, вряд ли*. Введено слово *потолстеешь*, где [ст'] следует после [л]; фонетисты отмечали, что в этой позиции [с] часто остается твердым.

б) Сочетания «зубной + губной мягкий» представлены такими звуковыми сочетаниями: [сп' — св' — зб' — зв' — тв' — дв' — см' — зм' — тм' — дм']: *с ним, экспедиции, беспечности, испечь; светится, свежими, рассвет, с виду; в избе, взбирается; разве, резвее, безвозмездно; ветвей, ветвистыми, Матвей, листовенная, женственно, естественно; две; жасмина; измеряю, чрезмерно; отмечаю; подмел*.

в) Варианты [ц'т'в'] — [цт'в'] — [цтв'] возможны в словах *напутствие, приветствие, соответственная*.

г) Сочетания «губной + губной мягкий» представлены словами: *впереди, вбитая, о любви, ревмя, ливмя, бомбили, о бомбе*. В глаголе *бомбили* губной [м] находится почти во всех формах парадигмы перед мягким [б'] (исключение только *бомблю*); в существительном *бомбе*, напротив, большинство форм имеет [м] перед твердым [б], лишь в дат.—предлож. — [м']. Это внутрипарадигматическое влияние может в одном случае поддерживать и стимулировать

мягкость [м’], в другом же — твердость [м]. Различные случаи приняты во внимание и при подборе слов с сочетаниями типа «зубной + зубной» и «губной + губной» (см. выше).

д) Сочетания «зубной + переднеязычный мягкий» представлены словами *деницикам, женщина*.

е) Сочетания «губной + заднеязычный мягкий» (в настоящее время уже преодолевшие вариативность) представлены словом *тронке*. Произношение в этих сочетаниях мягкого губного маловероятно, оно возможно разве только у самого старшего поколения и то в редких случаях. Отсюда ограниченность примеров.

ж) В словах *Архангельское, ангел* возможен мягкий зубной [н’]; с целью проверить, как часто реализуется эта возможность, и введены данные слова в текст.

з) В фонетической литературе есть свидетельства, что губные перед мягкими зубными могут произноситься как полумягкие. С целью проверить это свидетельство (в целом мало вероятное) введены слова *завязтый, всех, ровнее, камни*.

и) Мягкость согласных перед [j] проверяется в тексте словами *объезд, съехали, навьючивает, в яме; съезжаем, съест, разъезжаются, подъехали, изямки*.

7. Произношение твердого или мягкого [р] — [р’] было лексикализовано в большинстве слов уже в начале XX в.; для современного русского литературного языка позиционная обусловленность [р’] минимальна. Подтвердить (или поколебать) это мнение могут также слова, введенные в текст: *вверх, сверху; церковь, церкви; Георгий, Сергеевич; торчит, ворчит, спорщик; задержало, поддерживает; гордиться, озорница, корзина, рассердился, сердится, верзила; вытерпел, сорви, армейский*.

8. Произношение мягких и твердых губных на конце слов и перед частицами проверяется такими примерами: *церковь, вплавь, семь, приготовьтесь*.

9. Произношение [цт] или [тст] покажут такие слова: *представляю, напутствие, соответственная*; ср. *подзадориваю* с подобными же (или невозможными) реализациями, но в виде звонких гласных.

10. Слова: *тщедушный, отчаянный, отчитывает, неусидчива, обидчива, отчетливее* — произносятся с [т] или [ч’] перед следующим [ш’] или [ч’]. Соотношение этих вариантов позволит изучить наш фонетический текст.

11. «Непроизносимые» согласные возможны в таких словах, включенных в текст: *известная, местность, прихвастнуть, жизнерадостна, властный, постная, участница, шестнадцать, поздно, наездник, бездна (хлопот), невестка, застлано, устлал, костлявый, студентка, немилосердный, голландский, под уздцы, солнце*.

12. Звуки [ш̣'] — [ш'ч'] представлены в тексте внутри морфем (в значительном количестве слов), а также на границах морфем (или морфемоидов) и слов: *объездчик, исчезает, веснушчатый, считает, через чащу* и проч.

13. Звуки [ж̣'] или [ж̣] представлены словами *выезжать, съезжаем, разъезжаются, забрезжил, брызжет, жжет, дрожжах, дождя, дождемер, дождик*.

14. Звуки [γ], [γ'] возможны в словах *когда, иногда, всегда, господа, благополучно, богатства, Бога, о Боге, Бог*.

15. Начальный [j] перед безударным гласным во многих словах оказывается факультативным: ср. произношение *ему, его, ее, еще, языческий*; также и интервокальный [j] непостоянен: *то есть, заявила* и проч. Все эти слова представлены текстом. Там же есть и слова *им, их* под ударением и безударные: [jím], [jíx] или [ím], [íx]; *нет их* — [н'эт jix] или [н'этыx].

16. Большое количество слов в тексте представляет потенциально долгие согласные на стыке морфем разного типа. Это позволит проверить, как реализуется потенциальная долгота таких согласных. Ср. потенциальное [н] в словах *неорганизована, легкомысленна, неожиданно, старинное, листовным, соответственная, с серебряными, экспедиционный, изоданный, раскрашенный* и проч. Ср. сочетание *ключ чуть-чуть журчит* с возможным произношением: [кл'úч'úч'út'], но возможно [кл'úч' ч'út'чút']?..

17. Введены в текст слова, которые могут иметь в произношении особые приметы «заимствованных слов»: *группу, геолог, геологией* (здесь же — *геофака*), *декан; профессор, консервами, пантеон, гастрономические, голландский, джем, Риголетто, романс, блокноте, экспедиционным, бухгалтером, жюри*.

18. Введены в текст и такие слова, для которых характерно разговорное, небрежное произношение, с редукцией до нуля отдельных гласных и согласных (это обычно наиболее ходовые, частотные слова): *все-т(а)ки, в(о)обще, с(о)средоточенно, с(о)ответственная, с(о)орудили, вид(и)мо, выдум(ы)вает, подзадор(и)вает, раскоманд(о)вались, оказ(ы)вается, нек(о)торые, тыс(я)чу, [тыш̣'у], с(ей)час = [ш̣'ас], зел(е)новато, зел(е)ни, з(а) завесой, пер(е)правляться, Никола(е)вна; слив(о)вые = [с'л'йввыц̣], вырисов(ы)ваются, из слив(о)в(о)-го = [ис'лйввв̣], пя(ть)десят = [п'иис'át], ше(сть)десят, хо(д)ят, пус(ть) = [пус'], *беспокойст(в)* и проч.*

Многие слова при разговорном произношении утрачивают слоговые сонорные: *рубль, Петр, мудрствовали*. Ср. возможное произношение [т'л'] в словах *наставительно, внимательно, решительно, самодеятельность* (может быть, так же и *руководителем?*).

19. Служебные слова (частицы, союзы, предлоги), имеющие произносительные особенности, отличающие их от неслужебных слов, тоже представлены в тексте (*да так жалобно* = [дътáк]..., *но он...* = [но óн] и т. д.).

20. В тексте представлены образцы тех грамматических форм, которые имеют вариативное произношение (хотя эта вариативность большей частью находится уже за пределами фонетических закономерностей и представляет собою грамматическую дублетность — именно дублетность аффиксов). Далее приводятся в качестве примера формы разного типа.

а) *попросят* = [папрóс'ут] или [папрóс'ът], *спорят*, *ссорятся*, *поводят*, *высят*, *варят*, *дышат*, *стоящий (парень)* = [стójúш'иѝ] или [стóжьш'иѝ], *хлопочут* = [хлápóч'ут] или [хлápóч'ът];

б) *строгий* = [стрóгъѝ] или [стрóг'иѝ], *языческий*;

в) *покрикивать* = [пакр'йквѣт'] или [пакр'йк'ивѣт'], *поскакивать*, *помахивает*, *потряхивая*;

г) *взялся*, *рассердился*; *расстаемся*; *пронесся*, *спасся*; *приходилось*, *обиделась*; *боялись*, *раскомандовались*; *приготовьтесь*; *злясь*.

21. Вариативно (из-за неустойчивости орфографической передачи) произношение слов *целуй*, *гарцевать*, *потанцевать* и под. Они даны в тексте.

22. Многие слова произносятся вариативно, с [ч'н'] или [шн]; стабилизированность того или иного сочетания в каждом случае определяется лексически. В тексте даны слова *скучно*, *конечно*, *пустячный*, *достаточно*, *нарочно*, *веревочные*, *гречневая*, *яблочное*.

23. Даны и другие слова, у которых произносительная вариативность лексикализована. Вот их список: *что*, *потому что*, *чтобы*, *помощник*, *мощный*, *сюда*, *поручика*, *юная*, *яствам*, *шествовать*, *чувствую*, *тягчайшая*, *легче*, *налегке*, *легкомысленна*, *день-деньской*, *лучше* (= [лúч'шъ] или [лúчшъ]), *ля-ля-ля* (= [la-la-la] или [л'а-л'а-л'а]).

Возможно, некоторые из указанных здесь вариантов являются мнимыми, невозможными (см., например, только что приведенное: [лúч'шъ], см. также § 9 и 10). Изучение записей текста и позволит с уверенностью это определить.

Текст обладает такими более или менее очевидными недостатками.

1. Слова, даже подлежащие непосредственному сравнению, часто находятся в этом тексте в синтаксически, интонационно различных позициях.

2. Синтаксически-интонационное построение текста вообще недостаточно нейтрально; идеальным был бы текст, где фразы текли бы достаточно плавно и единообразно (создавая этим сопоставленные интонационные позиции для многих слов текста).

3. Не даны полные серии звукосочетаний или слов, или грамматических форм даже там, где это особенно желательно. Например, даны не все сочетания зубной + губной мягкий; не все корни с фонемой ⟨ж⟩ = [ж'] или [ж̣]; не все типы сочетаний с частицей *-ся* (не представлены возвратные причастия) и т. д. При более искусном составлении текста, очевидно, можно было бы добиться более полного представительства упущенных здесь фонетических категорий.

4. Возможно (опять-таки при более искусном составлении текста) сокращение числа лишних, фонетически бессодержательных слов без ущерба для естественности и разговорности текста.

Несмотря на эти недостатки, сектором современного русского языка принят для работы публикуемый ниже экспериментальный текст. Большое количество записей его, характеризующих разновидности литературного произношения, позволит произвести отбор и затем сделать типизированные транскрипции каждой такой разновидности. Затем предстоит создать хрестоматию современного литературного произношения — сборник транскрипций одного и того же текста, полностью представляющий фонетическое варьирование русского литературного языка нашего времени. Работа эта может быть выполнена, разумеется, при участии значительного коллектива фонетистов.

Институт русского языка надеется, что в этой работе примут участие преподаватели вузов, работники языковедческих институтов.

Было уже совсем поздно, когда мы въехали в село Архангельское. Здесь нас ожидал проводник экспедиции — Петр Антонович, бывший лесник и лесной объездчик. Ему известна вся окружающая местность чуть не на тысячу верст, а уж на 600—700 — это наверняка! Теперь он на пенсии; скучно ему без дела, а силы-то еще есть: вот он и взялся вести нашу экспедицию. Невестка его, словоохотливая и приветливая женщина, явно гордится своим деверем. Она так и заявила: он-де может быть у вас даже главным вожаком, т. е., очевидно, руководителем экспедиции. Антонович и на самом деле мастер на все руки. Все сделает, что его ни попросят. А с виду неказист: тщедушный, костлявый, в изодранной шапчонке. Помощник проводника — Матвей, рыжий, веснушчатый верзила, и прихвастнуть любитель, и лентяй, каких поискать. А в нашу группу он принят, потому что отличный наездник: день-деньской готов он гарцевать на своем лихом скакуне. А уж спорщик завзятый: вечно они с Антоновичем спорят и ссорятся. Иногда яснее ясного, что Матвей неправ, а он все-таки стоит на своем.

Есть у нас еще Машенька, студентка-геолог. Знаю, что она охотница потанцевать, попроказничать, а как у нее дела с ученьем, с геологией не представляю. Декан геофака считает, что она умна, талантлива, но очень неусидчива и неорганизована. Чувствую, что нашим руководителям будет с нею бездна всяких хлопот и беспокойств. Но она отзывчива, жизнерадостна, женственна; она самая юная в нашей экспедиционной группе — и поэтому общая наша любимица.

Руководителем группы назначен Георгий Сергеевич, профессор; человек он строгий и властный.

Рассвет чуть забрезжил, в избе темно, а наш Антонович уже на ногах и всех нас будит: время нам выезжать. Матвей навьючивает на лошадей тяжелые корзины с консервами, а сам почти спит на ходу. На всех он натывается, злясь спросонья; лошади шарахаются от него. И, конечно, Антонович уже принялся покрикивать и сердиться: «Легче, легче: клади ровнее! Жалеть надо лошадей!» Кони наши поводят ушами и, видимо, соглашаются.

В избе все хлопочут и суетятся; ревмя ревет сынишка хозяев. Благодарим хозяйку и расстаемся. Последнее ее напутствие: «Ну, дай Господи, чтобы все у вас благополучно».

К сожалению, утренняя прохлада скоро исчезает. Солнце жжет все сильнее; камни уже дышат зноем. Лошадей с кладью ведем под уздцы, а самим пока что можно шествовать налегке, без груза. Маруся уже сняла жакет, Матвей куртку: жара становится немилосердной.

Дорога взбирается вверх. Слева от нее видна заброшенная церковь; на одном из стекол тускло светится раскрашенный ангел с серебряными шарами. По словам Антоновича, ее соорудили еще «в старинное помещичье время». Он наставительно бормочет, что в прежнюю пору люди боялись Бога, а не мудрствовали попусту; церкви строили.

Тут же на склоне высятся мощные, грубые, высеченные из камня уродливые фигуры. Маша внимательно их рассматривает и заявляет, что это языческий пантеон, то есть старинные боги. Антонович возмущается таким кощунством и отчитывает Машу: нечего-де она не знает о Боге, а еще выдумывает! Он явно рассердился, а Машенька обиделась (она у нас вообще чрезмерно обидчива).

Мы молча шагаем по тропке, следуя за Георгием Сергеевичем. И вот впереди, среди свежей зелени змеится широкая река. «Приготовьтесь: поплывем!» — кричит Матвей. Антонович не согласен: спокойнее отправиться в объезд. «Ага, испугался! Напрямик давай! Вплавь!» — подзадоривает Матвей. Напрямик до нашей цели — 57 верст, а в объезд 62. Выигрыш пустячный.

Неожиданно Матвея поддерживает Маня: видимо, она еще сердится и ей хочется позлить Антоновича. Разгорается спор.

Профессор приказывает: «Достаточно слов. Путь Матвей и Мария Николаевна едут прямо, а остальные в объезд».

«Раскомандовались тут некоторые», — ворчит нарочно громко Матвей...

И вот двое наших спутников решительно удаляются от нас...

Съезжаем в долину. Лошади, потряхивая поводьями, бегут резвее. Везде сливовые сады и заросли жасмина; дорога обсажена вишнями.

И вдруг — сверху капля, другая, третья... С севера все застлано темными тучами. Того гляди дождь... вот уже каплет, брызжет, льет — на дорогу, на зеленовато-желтое, тихо зреющее поле... За завесой дождя ничего не видно на этом бескрайнем поле.

Дождь ливмя льет: стучит по листьям, по спеющим вишням. Устанавливаем дождемер; сами укрываемся под мощными, ветвистыми деревьями. Но и под зеленым лиственным навесом — вода потоками, струями! Хлещет с ветвей, с листьев.

Дождик быстро пронесся. Через чащу листьев нам видно синюю полосу за тучами; тучи уходят. И мокрые сучья все отчетливее вырисовываются на небе. Снова солнце, но дорога тягчайшая. Ноги у коней то и дело разъезжаются. Приходится снять часть тюков и нести самим.

Вечером, наконец, отдыхаем в шалашике возле дороги. Шалаш крепкий: возле него — небольшая ямка; в ямке угли. Из ямки торчит палка, крепко вбитая в землю. К ней сверху привязаны две веревочные петли, чтобы вешать котелок. Кто-то позаботился о путниках...

Матвей и Маня, оказывается, еще не приехали. Вот тебе и сократили дорогу!..

Антонович и профессор варят обед; на прокисших дрожжах хотят поставить оладий и испечь пирожки. Вряд ли у них что-нибудь выйдет... Впрочем, Антонович на такие дела мастер.

Я подмел и вынес сор из шалашика, устал шалаш свежими листьями, сбежал за водой. Горный ключ чуть-чуть пробивается между камнями...

А наших все нет и нет. Профессор стал беспокоиться: после дождя река разлилась, а им переправляться — и не один раз... «Пожалуй, слишком строго я их наказал... По карте-то видно, какой путь...» — бормочет он.

Обед уже готов. Использованы чуть ли не все наши гастрономические богатства: здесь и борщ, и гречневая каша (не постная, а с маслицем), чай, к нему голландский сыр, яблочное варенье, булочки с начинкой из сливового джема... даже оладьи. Всего сразу и не съесть; и выглядит все аппетитно. Ждем, ждем Маню с Матвеем... Нет их. Всегда думал: легкомысленна Маша, несерьезна, егоза, озорница. А как сейчас не хватает ее беспечности! Бывало, на привале то туда она, то сюда, и все-то время распевает: «Ля-ля-ля! Ля-ля-ля!» А то вдруг запоет, шалунья, о сереньком козлике, да так жалобно! Или арию из «Риголетто», или романс «Ты не смей, не целуй, о любви не толкуй...!» В институте она у нас всегдашняя участница самодеятельности, и каждый раз без всякого жюри ясно, что она поет и играет лучше всех.

Беспокойство все сильнее. Антонович вдруг начинает хвалить Матвея: «Отчаянный он, сорви-голова! Все-то он туда-сюда поскакивает да плеточкой помахивает... Десантником в ту войну был. Стоящий парень! Я сам армейский, денщиком служил у поручика в 16 году. Месяцев, пожалуй, десять. Что вытерпел! И бомбили меня, и вообще... А я ни одной бомбе не дался. Ото всего спасся. А ведь Матвею нашему еще труднее приходилось».

Я сосредоточенно измеряю и отмечаю в блокноте высоту солнца. А тревога не проходит...

Только ночью подъехали, наконец, Маня и Матвей! Река разлилась, и это задержало их. Матвей подсел к нашим яствам, молчит и энергично работает челюстями. Маша щебечет, как ни в чем не бывало. После обеда Георгий Сергеевич просит Машу быть экспедиционным бухгалтером и казначеем. Она, как у нас принято, платит проводникам за день работы. Антонович бормочет, что он готов и безвозмездно... если люди хорошие...

Матвей работает помощником Антоновича и, естественно, получает меньше. Матвею это не нравится: разве Маня не знает, что ему достался более трудный путь? Значит, и плата должна быть соответственная... Ну, не бесстыдник ли?

Засыпая, Матвей бормочет: «Ходят-ходят целый день, водят-водят за собой, и за все — рубль двадцать... Цена не ахти... не потолстеешь». Утомились. Спим².

² Текст включает и один факт для лексического эксперимента: слово *деверем* в необычном значении. Введено в связи с изучением знакомства разных возрастных групп с традиционной терминологией родства (фиксировалась реакция информантов на это слово).

О разграничительных сигналах в языке*

Определение разграничительных сигналов

1. Слова и морфемы отличаются (с фонетической стороны) не только качеством фонем, но и их числом; ср. у Пушкина *Порою прям... порой упрям*¹: 6 + 4... 5 + 5. Ясно, что должны быть сигналы, которые разграничивают значимые единицы в речевом потоке, т. е. указывают число фонем в каждой из них.

В фонологической теории с самых первых ее шагов был поднят вопрос о таких разграничительных сигналах².

2. Рассмотрим здесь некоторые способы фонетического отделения слов. Дан ряд фонем: ⟨л'эчакрадó⟩. Предполагаем, что эта фонемная цепь подчиняется законам современного русского литературного языка.

Как видно из записи, в этом ряду девять сегментных фонем и два ударения (суперсегментные фонетические показатели). Следовательно, здесь два полнозначных слова. Раздел между ними может проходить в разных местах цепи. Рассмотрим все возможности.

* Вопросы языкознания. 1961. № 1. С. 3—19.

¹ Пример взят из статьи В. Чернышева «Заметки о делении слов в русском произношении», ИОРЯС, т. XVI, кн. 2, 1911, с. 65; ср. Чернышев В. Законы и правила русского произношения, 3-е изд. (пересмотр.), Пг., 1915, с. 68.

² Впервые фонологически этот вопрос освещен в работах И. А. Бодуэна де Куртенэ. См., например: *Baudouin de Courtenay I. Z fonetyki międzywyrazowej (äussere Sandhi-) sanskrytu i języka polskiego // Sprawozdania z posiedzeń Akademji umiejętności w Krakowie* (1894), 1895, с. 11—12. В этой работе автор исследует «психологические акценты» фонем, находящихся на границах слов. Он особо выделяет те фонетические взаимодействия, которые характерны только для сочетания фонем на стыке двух слов, и противопоставляет их взаимодействиям, возможным внутри слов. Этот фонологический аспект при изучении польского sandhi был утрачен в работах Т. Бенни и К. Нича на ту же тему. [Ср. Замечание Г. Улашина о недостаточном разграничении в работах Т. Бенни межсловесных sandhi-взаимодействий от возможных и в середине слова (см. «Książka», т. VI, № 9, 1906, с. 350).] Заслуги И. А. Бодуэна де Куртенэ в изучении разграничительных фонологических средств не были по достоинству оценены и впоследствии оказались забытыми. [По мнению К. Нича, например, Бодуэн оказался «недостаточно фонологичным» исследователем, так как упустил из виду роль разграничительных сигналов (см. «Język polski», XXVIII, 5, 1948, с. 155).]

а) ⟨л' э ч а к р а д | ó⟩ = [л' э ч' ь к р ь т | ó]. В сочетании *лечакрад* о фонема ⟨д⟩ реализуется звуком [т]; соотношение форм *лечакрад* — *лечакрада* — *лечакраду* (предполагаем, что данное слово — существительное) обнаруживает чередование [т] || [д] и вместе с тем выявляет границу слов в данном сочетании³. Далее, слогораздел [...ьт-о] возможен только при совпадении этого слогораздела с границей слова. Есть здесь и другие сигналы словесной границы (о них ниже);

б) ⟨л' э ч а к р а | д ó⟩ = [л' э ч' ь к р ь | д ó] или [л' э ч' ь к р л | д ó]. Первый вариант свойствен в современном литературном языке нейтральному и строгому стилям речи, второй — разговорному⁴.

В первом случае слоговые соотношения в этом отрезке по формуле А. А. Потемни следует изобразить так: 3|113. Фонетическая же модель русского слова (все слоги которого являются прикрытыми) — ...1231... Поэтому в нашем случае отвергаются предположения о делениях 3|113 и 31|13, так как выделенные отрезки (именно: 113 и 13) не отвечают фонетической модели русского слова. Остается одно приемлемое членение: 31|3. Итак, последний слог — отдельное слово. К этому же слогу-слову относится и [д]: это указано слогоразделом.

Однако в разговорном стиле, как сказано, возможно произношение [л' э ч' ь к р л | д ó], т. е. 3|23, со слабой редукцией 3-го (открытого!) слога. Эта последовательность слогов отвечает трем возможным членениям на слова: 31|23, 312|3 и 3|123. Но первое членение было бы оправдано лишь тенденциями строгого и нейтрального стилей: [л' э ч' ь | к р л д ó]; в разговорном типично иное: [л' э ч' л | к р л д ó]. Формула 31|23 могла бы стать актуальной и для разговорного стиля, будь второй слог в нашем сочетании закрытым: [л' э ч' ь к | р л д ó]; но слогораздел показывает, что это не так. Наконец, строению русского слова отвечало бы и членение [л' э | ч' к р л д ó], т. е. 3|123. Но такое членение сопровождалось бы изменением качества [е] (см. об этом дальше).

Следовательно, при произношении нашего сочетания в разговорном стиле данную словесную границу показывает: 1) [л] в третьем слоге; при этом звуке слоговая модель первого слова 312|, что характерно для разговорного стиля; 2) отсутствие [л] в третьем слоге с конца — это [л] отвечало бы членению 32|23; 3) слогораздел [...л - д ó], отсутствие оглушения [д], эксплозивный характер [д].

³ Об этом признаке границы русского слова (мена звонких согласных на глухие при наличии в языке и звонких и глухих фонем) см. Яковлев Н. Ф. Таблицы фонетики кабардинского языка, М., 1923, с. 70—71. Ср. характеристику подобных же явлений и в других языках: Hall R. A. The oaths of Strassburg: phonemics and classification // Language, vol. 29, № 3, 1953, с. 320.

⁴ Считаю, что для строгого стиля характерно произношение: [слáвь], [вóл'ь], [с'л'эвь]; в разговорном редукция гласных в последнем открытом заударном слоге меньше: [слáвл], [вóл'л], [с'л'эвл]; произношение же [с'эвл] (*сено*), [пóл'л] (*поле*) относится к просторечию.

Отсутствие этих показателей дало бы описанный выше случай «а»; 4) особое качество [ε]; при другом его качестве словесная граница проходила бы иначе: 3|123;

в) ⟨л' э ч а к р | а д о́⟩ = [л' э ч' ь к р | л д о́]. Слоговой характер [р] здесь особо значительный признак. Такое слоговое [р] (перед гласным!) возможно лишь в конце слова. Это слоговое качество сонорного обусловлено слогоразделом: [...ь к р - л...]⁵. Остальные признаки (например, слоговую модель отрезка) нет надобности снова упоминать;

г) ⟨л' э ч а к | р а д о́⟩ = [л' э ч' ь к | р л д о́]. Наиболее показательным признаком такой словесной границы является слогораздел [...к - р...]. Слоговая модель (31|23), конечно, и здесь должна быть принята во внимание. Но сама по себе последовательность слогов 3123 допускает разную интерпретацию при делении словесной цепи (и 3|123, и 31|23), так что основным показателем надо считать слогораздел. При указанной границе слов [к] может быть импловивным;

д) ⟨л' э ч а | к р а д о́⟩ = [л' э ч' ь | к р л д о́]⁶ или (в разговорном стиле) [л' э ч' л | к р л д о́].

Сначала о первом варианте произношения. Как его отличить от произношения по-другому разделенной цепи: [л' э | ч' ь к р л д о́]? Во-первых, по качеству [ε] в первом слоге. Ведь [ч'], находясь по ту сторону словесного раздела, не влияет на [ε], не делает его закрытым; войдя же в состав одного и того же слова, [ε] и [ч'] фонетически уподобляются, возникает аккомодация гласного [ε] перед [ч']. Далее, [ь] после [ч'] возможно лишь в результате грамматической аналогии, а она действует только на флексии — конечные элементы; следовательно, это [ь] принадлежит концу слова, а не его середине. Напротив, при словоразделе после [л'ε] должно вместо [ч'ь] появиться [ч'ь].

Теперь о разговорном стиле произношения. Оно соответствует слоговой модели: 3223. Отрезок 22 не может принадлежать одному слову, если все слоги прикрытые. Следовательно, словесная граница проходит между этими слогами. Слогораздел уточняет эту границу.

Во всех описанных случаях гласный между [ч'] и [к] может факультативно оглушаться как заударный (ср.: *топот*, *копоть* и пр.; заударные гласные здесь в разговорном стиле обычно глухи);

е) ⟨л' э ч | а к р а д о́⟩ = [л' э ч' | л к р л д о́]. Слогораздел [...ч' = л...]; [л] вслед за согласным в непервом предупредительном слоге. Этого достаточно для указания словесной границы;

⁵ Возможно и другое произношение: [л' э ч' ь к р | л д о]; при этом глухое [р] также покажет границу слова.

⁶ Данные слова представляются, как уже сказано, существительными; поэтому по типу [вól'ь], [пóл'ь] предполагаем произношение [ь] в последнем открытом слоге (влияние грамматической аналогии).

ж) ⟨л' э́ | ч а к р а д о́⟩ = [л' э́ | ч' ь к р л д о́].

Этот словораздел определяется отсутствием всех тех особенностей, которые отмечены при других словесных разделениях. Например, [ε] здесь незакрытое, [р] — неслоговое, слогорзделы не те, что в форме «е», и т. д.

3. Сопоставим все типы словоделений:

- а) л' э́ - ч' ь - к р ь т - | о́
- б) л' э́ - ч' ь - к р ь - | д о́
л' э́ - ч' ь - к р л - | д о́
- в) л' э́ - ч' ь - к р - | л - д о́
- г) л' э́ - ч' ь к - | р л - д о́
- д) л' э́ - ч' ь - | к р л - д о́
л' э́ - ч' л - | к р л - д о́
- е) л' э́ ч' - | л - к р л - д о́
- ж) л' э́ - | ч' ь - к р л - д о́

Первый звук всегда [л']; второй — то [ε], то [ε̃]; третий — всегда [ч']; четвертый — то [ь], то [ь̃], то [Λ]: пятый — [к]; иногда оно, возможно, имплозивное; шестой — [р] или [р̃]; седьмой — или [ь], или [Λ]; восьмой — то [т] (возможно, имплозивное), то [д̃] (эксплозивное); девятый звук всегда [о].

Из девяти звуков при изменении словораздела меняются в своем качестве пять (или даже шесть, учитывая возможность имплозивного [к]). Итак, каждый словораздел выражен вариативностью пяти звуков и, кроме того, вариативностью всех слогоразделов. Например, словограница после ⟨л'е⟩ сигнализируется: 1) открытым характером гласного [ε̃]; 2) слогоразделом после [ε̃]; 3) отсутствием слогораздела после [ч']; 4) гласным [ь]; 5) слогоразделом после [ь]; 6) отсутствием слогораздела после [к]; 7) отсутствием слогораздела после [р]; 8) неслововым характером [р]; 9) гласным [Λ] в третьем с начала слоге; 10) слогоразделом после [Λ]; 11) согласным [д̃]; 12) отсутствием слогораздела после [д̃].

Но все эти разные признаки являются в сущности одним и тем же. Открытый характер звука [ε̃] уже указывает, что [ч'] не относится к первому слогу. А слогораздел после [ε̃] неизбежно влечет за собой отсутствие слогораздела после [ч']. Признаки «2» и «3» имеют совместный характер: оба они неизбежны, если дан признак «1».

Открытый характер звука [ε̃] говорит, что после него проходит словесная граница; далее должен следовать слоговой отрезок 123. Это полностью определяет реализацию гласных фонем данного отрезка. Зная характер [ε̃] в первом слоге, мы уже сделали выбор звуков, реализующих гласные фонемы в следующих слогах. Из признака «1» вытекают сами собою признаки «4» и «9». Иначе говоря, не может быть двух отрезков с данной нам последовательностью фонем, чтобы эти отрезки отличались только открытостью-закрытостью ⟨е⟩ при неизменных качествах гласных в следующих слогах.

Итак, из признака «1» «выводятся» все остальные («2» — «12»). Но это не значит, что настоящим показателем словограницы является только это [ε]. Если другие показатели будут не те, какие описаны выше, они вступят в спор с показаниями [ε]; они будут говорить о других границах, и [ε] в таком случае будет заподозрено в своей правдивости, показания его будут признаны недостоверными. Граница между словами останется невыраженной. С другой стороны, не всегда можно выделить один признак, который повлечет за собой однозначное определение всех других. Такой признак можно найти в наших примерах при словограницах «а», «в», «г», «е» «ж», но его нет в случаях «б» и «д». И в этих случаях все указания на границы слов взаимосвязаны, но роль достаточного минимума выпала на долю совокупности каких-то нескольких микропризнаков.

4. В некоторых случаях разные комбинации признаков в равной степени можно считать «исходными», т. е. достаточными для восстановления остальных (например, при словоразделе «б₁» — [л' э ч' ь к р ь | д о́] из сочетания признаков: [ъ] в предударном слоге и слогораздел после этого [ъ] — выводятся все остальные признаки; но в качестве исходных можно взять и иные признаки: то же [ъ] и наличие [д] вслед за ним). Таким образом, границу между словами указывает сигнал, состоящий из целой цепи чередований⁷; эту единицу назовем *диэрем*⁸.

Система диэрем

5. Сегментные фонемы выстраиваются в определенную систему; подобно этому в каждом языке есть и система диэрем⁹. Например, в русском языке

⁷ В предельном случае этот ряд равен единице: ср. *сто квот* и *сток вот*; здесь лишь слогораздел указывает словограницу. Таким образом, разграничение групповых и единичных сигналов словесных границ (см. *Trubetzkoy N. S. Die phonologischen Grenzsignale // Proceedings of the 2-nd International congress of phonetic sciences, Cambridge, 1936, с. 46–47; ego же, Grundzüge der Phonologie // TCLP, 7, 1939, с. 249–253*), по крайней мере для таких языков, как русский, не имеет принципиального значения.

⁸ Ср. фонема, тонаема, хронема и пр. Другие варианты названий: *akcent psychiczny... granicy wyrazów* (И. А. Бодуэн де Куртенэ), *Grenzsignal* (Н. С. Трубецкой), *open juncture* (Дж. Трейджер и Б. Блох), *signifeme of juncture* (Д. Джоунз), фонема стыка и пр. Название *open juncture* плохо тем, что подчеркивает фонетическую сторону дела, а не фонологическую. Если сильно аспирированный согласный [t'] встречается только в начале слова, то артикуляционный переход от предыдущего звука к [t'], конечно, иной, чем к [t] — согласному неначала слова; но фонологически важно подчеркнуть как раз не наличие определенного артикуляционного перехода, непрерывности звукообразования в речевой цепи, а указание на ее прерывность, на наличие фонологически указанной границы. Попытки американских исследователей отграничить *open juncture* от *Grenzsignal* неубедительны (см. дальше).

⁹ О наличии в языках нескольких соотнесенных типов диэрем писали многие фонологи. См., например, *Moulton W. G. Juncture in modern standard German // Language, vol. 23, № 3, 1947, с. 225–226*.

диэрема, разделяющая полнозначные слова, имеет такие признаки: А) требует смены конечных звонких шумных на глухие; Б) устраняет уподобление согласных по мягкости; В) устраняет влияние мягких согласных на соседние гласные; Г) охраняет константность слога (ср. *ím-э-то-ль-стít*, а не: *í-мэ-толь-стít*); Д) замыкает ряд гласных, подверженных действию ударения данного слова; Е) не связана с паузой.

Диэрема, разделяющая приставку и корень, имеет такие признаки: \bar{A} , Б, \bar{B} , $\bar{Г}$, $\bar{Д}$, Е (здесь \bar{A} = не-А и т. д.). Диэрема, разделяющая синтагмы (например, обособленное определение и его контекст), имеет признаки: А, Б, В, Г, Д, \bar{E} и, пожалуй, Ж — интонационное выражение; тогда остальные диэремы характеризуются признаком $\bar{Ж}$.

Каждая диэрема может находиться в сильной и слабой позиции. Например, на стыке приставки и корня в ряде случаев нет выравнивания согласных по мягкости; ср. *подвел*, но *дверь*. Однако при контакте тождественных согласных: *подделатъ, рассеять, ввести* и пр. — такое выравнивание есть. Очевидно, здесь налицо слабая позиция для данной диэремы (т. е. она нейтрализуется; см. об этом дальше).

Суперсегментность

6. Одни фонологи считают диэрему суперсегментной, другие — сегментной единицей¹⁰. Типичный пример суперсегментных фонологических единиц — ударение. Звуки [ý] (ударн.) и [ÿ] (безударн.) не являются разными фонемами в русском языке, так как не встречаются в одной и той же позиции. В двухсложном слове ударность первого [ý] обуславливает безударность следующего, и наоборот; ср. *му́ку* — *муку́*; нет противопоставлений: *му́кÿ* || *муку́*, или *му́кÿ* |*му*|*кÿ*. См. об этом у П. С. Кузнецова в статье «К вопросу о фонологии ударения»¹¹. Вследствие этого ударность фонологически раскрывается только в ряду фонем.

Таков же и характер диэремы. В сочетании фонем ⟨л' é ч а к р а д ó⟩ первое ⟨е⟩ может быть открытым и закрытым; но, как показано выше, [ε] повлечет за собой одну систему реализаций гласных фонем и слогоразделов, а [e] — другую. [ε] и [e] невозможны здесь в пределах того же звукового контекста, следовательно, различительным является не само [ε] или [e], а вся звуковая цепь, в которую включены эти звуки.

¹⁰ См. например: *Trager G. L., Bloch B. The syllabic phonemes of English // Language, vol. 17, № 3, 1941, с. 226* (о суперсегментном характере диэремы); ср. *Jones D. The history and meaning of the term «phoneme», London, 1957, с. 19–20*. С другой стороны: *Moulton W. G. Juncture..., с. 220* (о сегментном характере диэремы). Ср. также: *Hill A. A. Juncture and syllable division in Latin // Language, vol. 30, № 4, 1954, с. 440*.

¹¹ «Докл. и сообщ. филол. фак-та МГУ», вып. 6, 1948.

7. Таким образом, выражение диэремы рассредоточено на протяжении ряда сегментных фонем (и притом выражается теми же звуками, которые представляют сегментные фонемы). Но диэрема указывает именно границу каких-то единиц (слов или морфем); в этом смысле она сосредоточена в определенной точке звукового ряда, она указывает разрыв в цепи сегментных фонем. Метафорически это можно описать так: в разных местах дороги стоят указатели, но все они указывают на одну и ту же точку на дороге (например, на мост). Следовательно, по строению диэрема суперсегментна («накладывается» на звуковой ряд), а по функции — сегментна (включается как равная в звуковой ряд).

8. Вопрос, однако, осложняется соотношением диэремы с паузой. Являются ли все многообразные разделительные показатели лишь заместителями (вариациями) паузы¹² или, напротив, сама пауза — лишь разновидность диэремы, равноправная среди других? Если пауза — основной вид диэремы, то диэрему следует по этому «сильному» представителю считать сегментной единицей. Ведь характеристика фонемы дается именно по ее положению в сильной позиции. Показательна следующая параллель.

Сегментная фонема — это отдельное звено в речевой цепи; она обладает в данной позиции своей «личной» внешностью и по ней опознается.

Вместе с тем, влияя на другие фонемы в речевом отрезке, она и через их посредство заявляет о себе. В слове *пять* фонема ⟨п'⟩ засвидетельствована и лично звуком [п'], и передней артикуляцией гласного [æ]. Возможны случаи, когда сегментная фонема редуцируется до нуля, но оставляет следы своего влияния на соседних звуках; эти звуки и свидетельствуют о наличии в модели слова данной фонемы. Так, в слове *солнце* [сѡнцѣ] напряженное [ѡ], возможное лишь в соседстве с ⟨л⟩, говорит о следующем фонемном составе слова: ⟨сѡлнцѡ⟩ (пример Н. С. Трубецкого). Здесь сегментная фонема представлена несегментно.

Диэрема внешне похожа на такую нулизованную фонему, но всегда отличается одним: у нее нет ненулевого выражения. У нее нулизация — не результат несчастливых позиционных обстоятельств. Если диэрема сопровождается позиционно обусловленной паузой¹³, т. е. сегментной единицей, то пауза оканчивается сегментным вариантом суперсегментной фонематической величины,

¹² Ср. наблюдения над «мнимыми паузами» у Л. В. Щербы («Опыт лингвистического толкования стихотворений», I — «Воспоминание» Пушкина, сб. «Русская речь», под ред. Л. В. Щербы, I, Пг., 1923). Ср. понятие о предположительных паузах (tentative pause) в работе Пайка (*Pike K. L. The intonation of American English*, Ann Arbor, 1947, с. 31–33); см. истолкование этого термина в значении «open juncture» в «Language», vol. 23, № 3, 1947, с. 263 (рецензия Р. Уэллса). Ср. *Bloch B. A set of postulates for phonemic analysis* // *Language*, vol. 24, № 1, 1948, с. 41.

¹³ Ср. *Солнце опускалось и Огромное оранжевое тускло горящее солнце || медленно опускалось в океан*. См. экспериментальные данные, говорящие о зависимости пауз от длины текста (на материале венгерского языка), в работе *Hegedűs L. On the problem of the pauses of speech* // *Acta linguistica*, t. III, fasc. 1–2, Budapest, 1953, с. 31. Па-

она является антиподом по отношению к случаям типа [сónць] (см. выше). Сама же по себе, взятая в сильной позиции¹⁴, диэрема, подобно подпоручику Кижэ, собственной фигуры не имеет.

9. Существует, однако, иной тип диэрем, которые включают паузу и в сильной позиции (см. выше в § 5 замечание о диэреме, обозначенной А, Б, В, Г, Д, Ē). Но и при наличии паузы (Ē) не отменяются другие признаки диэремы (А, Б, В, Г, Д); фонораздел и здесь оказывается не паузой самой по себе, а системой чередований (включая чередование: пауза¹⁵ || отсутствие паузы), которая распределяется по всей звуковой цепи, обнимающей оба контактных слова¹⁶.

Омонимия и полисемия в системе диэрем

10. Иногда для опознания словораздела нужны фонетические показатели за пределами контактных слов. Например, в сочетании [л' é ч' ь к р л д ó] звук [л] может быть признаком неконца слова только в том случае, когда какими-то другими показателями (за пределами данного отрезка) сигнализирован неразговорный стиль речи. Если же таких указаний нет, то это [л] оказывается двусмысленным.

узы, отличающиеся длительностью, если эта длительность обусловлена позиционно, представляют тождественную фонематическую величину (см. *Matthews H. A phonemic analysis of a Dakota dialect // JAL, vol. 21, № 1, 1955, с. 56, примеч.*). Напротив, паузная диэрема, которая в том же контексте может быть заменена беспаузой, должна рассматриваться как инвариант по отношению к этой беспаузой [*ср. книга брата... и книга — брата* (пример А. Н. Гвоздева)]. Другие примеры см. в работах А. М. Пешковского и А. Н. Гвоздева].

¹⁴ Сильная позиция налицо именно в случаях *книга брата...* и *книга — брата*, когда есть противопоставление диэрем двух типов; в случае же большей распространенности текста обе диэремы нейтрализуются ввиду обязательности паузного членения этого текста.

¹⁵ Следовательно, диэрема оказывается еще более бесфигурной, чем ее отражение на письме — пробел, т. е. нулевая буква. О соотношении диэремы и ее письменного отражения см.: *Бодуэн де Куртене И. А. Об отношении русского письма к русскому языку, СПб., 1912, с. 86 (ср. также с. 96—109); Яковлев Н. О принципах построения орфографии в национальных языках // Культура и письменность Востока, кн. 7—8, М., 1931, с. 74—78; ego же, Основы орфографии // Революция и письменность, № 1 (16), М., 1933, с. 31—32.*

¹⁶ По своему воздействию на сегментные единицы диэрема сама может быть подобна сегментной единице определенного типа. Например, в русском языке диэрема воздействует на соседей (т. е. на звуки, стоящие «рядом» с нею — конечные и начальные звенья смысловых единиц) подобно тому, как воздействуют согласные; ср. признаки А, Б, В и др. (§ 5). Однако паузный диэремный инвариант, включающий интонационные характеристики (см. § 5), явно несопоставим с сегментными фонемами, ни с гласными, ни с согласными; отсюда — стремление противопоставить его другим видам диэремы (см. *Bright W. The Karok Janguage, Berkeley and Los Angeles, 1957, с. 12—17.*)

11. Сигналы фонораздела могут быть омонимичны также и с целым рядом других показателей. Например, некоторые сочетания (в русском: твердый согласный + ⟨е⟩ и ряд других) указывают или на словесную границу, или на принадлежность слова к особой группе «книжных слов» (заимствований)¹⁷. Эта многосмысленность не дискредитирует фонематической правомочности диэремы (как предполагают некоторые фонетисты). В языке омонимичность настолько велика, что определить, каково значение каждой единицы, можно лишь путем многократных перекрестных сверок различных рядов показателей. Диэремы, разумеется, не являются исключением.

12. В других случаях сигналы фонограниц могут быть не двусмысленными, а двузначными, иначе говоря: они не омонимичны (или то или другое значение), а полисемичны (сразу и то и другое)¹⁸.

Разным функциональным разветвлениям языка свойственно разное выражение диэрем. Например, поэтической орфоэпии свойственно подчеркнутое, усиленное их выявление. Особое выражение диэрем в некоторых специальных разновидностях речи сигнализирует сразу и о членении речи, и о ее стилистическом разряде¹⁹.

13. Поэтическая орфоэпия требует в одних случаях усиления диэремных показателей, в других — ослабления. Восьмисложные пантарифмы Гумилева *Слышен свист и вой локобиля. || Дверь лингвисты войлоком обили совершенно отождествляются друг с другом (и слушатель дважды слышит вой локобиля)*, если не подчеркнуть контрастность фоноразделов в этих стихах, если прочесть их бытовым говорком. В других случаях необходимо ступшевать словоразделы; например: *Сирому — она нет, || Давит зло как тать его, || И один ответ: || Гнать, и гнать, и гнать его* (Минаев, Кумушки). Здесь необходимо ослабить разделы в сочетании *...и гнать его*, чтобы сквозь него просвечивала фамилия того, против кого направлена эпиграмма, — Игнатъева.

¹⁷ Об омонимии диэрем и показателей «заимствованности» слова см. *Trubetzkoy N. S. Grundzüge der Phonologie*, с. 259–260; ср. *Moulton W. G. Juncture in modern standard German*, с. 224; *Fowler M. The segmental phonemes of Sanskritized Tamil // Language*, vol. 30, № 3, 1954, с. 361–362.

¹⁸ Сопоставляя слово *голова* в разных контекстах, говорят о его полисемичности; с другой стороны, можно назвать полисемичной флексию у слов *иду, вода, злая*, поскольку каждая из них в любом контексте несет сразу несколько грамматических значений (например, у слова *иду* — лица, числа, наклонения). Здесь полисемия понимается в этом последнем смысле.

¹⁹ Ср. замечания о словоразделах в сценическом произношении: *Чернышев В. Законы и правила русского произношения*, с. 70. Ср. об изменении open juncture в разных стилях (и темпах речи, поскольку стили и темп речи известным образом связаны): *Stockwell R. P., Bowen J. D., Silva-Fuenzalida I. Spanish juncture and intonation // Language*, vol. 32., № 4, 1956, с. 648; *Hockett Ch. F. Peiping morphophonemics // Language*, vol. 26, № 1, 1950, с. 74–75.

Типичным для поэтической речи является именно усиление диэрем. Усиливаются и реальные фонетические показатели границ, и — в еще большей степени — намерение их продемонстрировать; замысел идет дальше исполнения²⁰. В поэтической речи дана установка на восприятие расчлененности текста; поэтому даже при отсутствии фонетических показателей словораздел, например в стихах с постоянной цезурой, опознается²¹. Поэтому опасность «сдвигов» в поэтической речи [*не придет он так же вот... Получается определенный живот* (Маяковский, Как делать стихи)] является, как правило, мнимой опасностью, если нет намеренной установки на каламбурную речь²².

14. При пении почти полностью отменяется аккомодация гласных соседним мягким согласным, ослаблена редукция. Все это стушевывает границы слов. Не случайно, что большинство свидетельств о сбивчивом восприятии границ слов — это примеры из певческой речи (ср. сдвиги в текстах романсов и песен: *И колокольчик, дарвалдая...; На нем флюгеране шумят; Сатанатам правит бал...*)²³.

Нейтрализация диэрем

15. Иногда диэремы исключают из числа различительных средств языка на том основании, что границы смысловых единиц не всегда бывают фонетически указаны в речевом потоке²⁴. Сравним, например, сочетания: *возьмите*

²⁰ Этот факт заставляет внимательно отнестись к попыткам изучить психологическую сторону диэрем; такой психологический подход к диэреме характеризует ряд бодуэновских и постбодуэновских исследований: см. уже упомянутую работу И. А. Бодуэна де Куртенэ (сноска 2); далее: *Якобсон Р. О.* О чешском стиле преимущественно в сопоставлении с русским, [Берлин], 1923, с. 29–30, и др.

²¹ Параллель: фонема ⟨з⟩ воспринимается говорящими как звонкое [з] даже в позиции оглушения; ср. обычные ошибки у малограмотных: *изкупать, безпутный*.

²² Мнение В. Я. Брюсова, отрицавшего значение «сдвигологии» для теории русского стиха, надо признать верным. См. его рецензию на книжки А. Е. Крученых, посвященные сдвигологии: «Печать и революция», 1923, № 1, с. 76–77. Об увлечении сдвигологией А. М. Горького см., например, Собр. соч., т. 24, 1953, с. 414; ср. замечание В. Б. Шкловского в его кн. «Поденщина» (Л., 1930, с. 190–191).

²³ См. *Д. Н. Ушаков*, Краткое введение в науку о языке, 7-е изд., М., 1925, с. 41–42. Ср. еще воспоминание И. С. Тургенева о детском восприятии *Вонмем!* во время церковной службы как *Вон, Мем!* [этот и ряд других примеров см. в кн. *К. И. Чуковского* «От двух до пяти» (1957, с. 76)].

²⁴ См. *Galton H.* On the supposed delimitative accent in West Slav // *Archivum linguisticum*, vol. 7, fasc. 2, 1955, с. 130; *его же*, Über das Prinzip rhythmischer Alternation im Slavischen // *Wiener slavistisches Jahrbuch*, Bd. V, 1956, с. 39. По мнению Гальтона, поскольку закрепленное ударение не всегда указывает на границу слова (ср. односложные слова в польском, проклитические образования в чешском), постольку оно... и не указывает на эту границу! В высшей степени неубедительный вывод. Действительно, в польском языке ударение обычно предупреждает, что через слог

сак — возьми тесак²⁵, возьмите сачок — возьми тесачок. Вторая пара сочетаний в разговорном стиле произносится так: [в л з' м' й т' ь с л ч' о к] — [в л з' м' й т' ь с л ч' о к]. Здесь ни явления слогораздела, ни слоговая модель слова, ни характер конечных звуков не указывают ту или иную границу слов. Итак, в отрезке [в л з' м' й т' ь с л ч' о к] нейтрализованы две диэремы 5|7 и 7|5: ⟨в о з' м' й т' е с а ч о к⟩ и ⟨в о з' м' й т' е с а ч о к⟩ (фонематическая транскрипция здесь дана упрощенно).

Очень часто не обозначена граница между сложным словом и полнозначным; ср. *ко льну* — *кольну*. Здесь нейтрализованы: положительная фонема словораздела (2|3) и нулевая фонема словораздела (|5|). Это — аналог к случаю *стлать* и *стать*, где нейтрализованы: сегментная фонема ⟨т⟩ и фонемный нуль (то и другое выражено нулем звука: []). В других же случаях служебное слово отделяется от соседнего полнозначного особыми показателями; ср. в русском передупрощенность союза *но* в любой позиции и т. д.

16. Нейтрализация сегментных фонем хорошо изучена; отрицают ее лишь те фонологи, которые озабочены сведением фонологии к элементарной фонетике. Но если законна нейтрализация для сегментных элементов, то законна она и для суперсегментных²⁶. Пусть даже в каком-то языке (например, фран-

последует конец слова; однако односложные слова не оправдывают этого ожидания и тем ослабляют делимитативную функцию ударения. Ср. *Stieber Z. Dwa problemy z polskiej fonologii...* (см. ст: «Fonologiczne sposoby oznaczania granicy słowa i morfemu w dzisiejszej polszczyźnie kulturalnej»), «Biul. Polsk. t-wa językoznawczego», zesz. VIII, 1948, с. 66. Но ударение в польском указывает границу слова не в одиночестве; ему помогает множество других явлений: мена звонких на глухие в конце слова, слогоразделы, ритмическая слоговая модель слова, особые случаи взаимодействия звуков на стыках слов (большое количество этих сигналов описано в работах И. А. Бодуэна де Куртенэ, Т. Бенни, К. Нича). Лишь когда все эти указатели оказываются обессилёнными, наступает нейтрализация диэрем (см. дальше об этом). В польском и чешском языках, по мнению Гальтона, ударение не указывает границы слова, так как другие языки обходятся без этой делимитативной функции ударения (в качестве примера указывается русский: *Galton H. Über das Prinzip...*, с. 478; ср. *его же*, *On the supposed...*, с. 127). Но эти языки не обходятся без системы диэрем, хотя выражается она иными средствами, не ударением.

²⁵ Примеры А. Н. Гвоздева.

²⁶ Примеры на нейтрализацию диэрем нетрудно найти во многих фонологических работах. К сожалению, факты, приводимые из русского языка, часто оказываются фонетически неубедительными (см. *Гвоздев А. Н. О фонологических средствах русского языка*, М.; Л., 1949, с. 104 и др. Гораздо тщательнее подобраны примеры у В. И. Чернышева; см. его «Заметки», с. 65, 67). Однако ни для одного языка нет последовательного описания позиций, в которых диэремы нейтрализуются. Более того, обычно не разграничивается нейтрализация диэрем и отсутствие диэрем [это характерно для всех исследователей open juncture (см. *Hockett Ch. A manual of phonology*, Baltimore, 1955, с. 168, 174); ср., впрочем, понятие intermediate juncture у Д. Джоунза (см. *Jones D. The hyphen as a phonetic sign // Zeitschr. für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft*, Bd. 9, Hf. 2, 1956, с. 104—105)]. Только у Н. С. Тубецкого, путем введения термина «нега-

цузском)²⁷ диэремы в большинстве случаев в речевой цепи нейтрализуются; и все же случаи, когда такой нейтрализации нет, заставляют и в описание этих языков ввести особую единицу — диэрему (ср.: во французском языке фонемы ⟨e⟩ и ⟨ɛ⟩ в большинстве позиций нейтрализованы, но это не дает основания заподозрить их фонологическую полноправность).

17. Ссылка «противников» диэремы на то, что при письменной передаче текста словоразделы без ущерба для понимания могут быть не обозначены (а морфограницы даже систематически не указываются), несостоятельна. Любое фонематическое средство, например гласные фонемы, или интонация, или ударение, может быть не передано на письме; это затруднит понимание текста, но не сделает его невозможным²⁸.

Каждая языковая единица в речевой цепи определяет другие единицы и сама ими определяется; контекст, как правило, достаточно могуч, чтобы косвенными (и затрудненными) способами подсказать нехватящие единицы.

18. Есть другое, более серьезное возражение против признания диэрем фонологическими единицами. Различительные элементы в языке функционируют в условиях взаимного противопоставления. Сигналы же границ, по словам Р. О. Якобсона, напротив, не создают системы противопоставлений; каждый

тивные сигналы границ», отделяется одно понятие от другого [см. *Trubetzkoy N. S. Die phonologischen Grenzsignale*, с. 47–48; *его же, Grundzüge...*, с. 255–259; см. также: *Sebeok T. A. Phonemics and orthography in Finnish // Acta linguistica*, vol. IV, fasc. 3, Copenhagen, 1944, с. 133 (диэрема рассматривается как фонологическая реальность также и в случае ее нейтрализации). Ср.: *Kahane R., Beym R. Syntactical juncture in colloquial Mexican Spanish // Language*, vol. 24, № 4, 1948, с. 388, *Haugen E. The syllable in linguistic description // For Roman Jakobson, The Hague, 1956*, с. 215].

²⁷ Представление о том, что во французском языке нет диэрем (благодаря единому для всей синтагмы ударению, отсутствию редукции, действию enchainement и т. д.), ошибочно. Ср. данные о противопоставленности во французском языке сочетаний: (*celui*) *qu'il aime* — (*celui*) *qu'i l'aime*, *ab ovo* — *à Beauveau* и пр. (*Malmberg B. La coupe syllabique dans le système consonantique du français // Acta linguistica*, vol. IV, fasc. 2, Copenhagen, 1944, с. 62. См. в этой работе библиографию).

²⁸ В первом издании «Слова о полку Игореве» напечатано: *...и схоти ю на кровать и рекъ...* Предлагались конъектуры: *...и схоти ю на кровать и рекъ...* «и взял он ту (славу) на смертную постель и молвил» (М. А. Максимович); *...исходить юна кровь, а тьи рече...* «исходит юная кровь, а он твердит» (Г. П. Штурм); *...и схоти юнак рова...* «лишь могилу добыл юный» (А. К. Югов); *...исхйти... юну кровь, а тьи рекль...* «источил юную кровь, а тот сказал» (М. В. Щепкина); *...и съ хотию на кровь, а тьи рекъ...* «с ближником на крови, а тот сказал» (И. Д. Тиунов) и мн. др. Подлинный текст было бы нетрудно восстановить, если бы: а) все сегментные единицы были переданы правильно, хотя бы при этом и отсутствовали достоверные указания на диэремы; или же: б) все диэремы (сигналы словесных границ) были бы достоверно указаны, пусть даже при этом в передаче сегментных фонем и были бы ошибки. Достаточно одного из двух, чтобы догадаться о целом. Но это-то как раз и указывает на однопорядковый (фонематический!) характер и того и другого.

из них непосредственно, сам по себе имеет разграничительную значимость²⁹. Действительно, диэрема лишь тогда может быть признана подлинно фонологическим средством, когда будут найдены противопоставления в системе разграничительных единиц. И эти противопоставления есть.

Можно, подобно американским фонологам, противопоставить *open juncture* (открытый переход, т. е. диэрему) его отсутствию — *close juncture* (закрытый переход)³⁰, и в звуковой цепи к *Ире* считать 5 фонематических единиц: ⟨к | и р е⟩, где «|» — *open juncture*; в звуковом ряду *Кире* — 4: ⟨к и р е⟩. При такой трактовке диэрема рассматривается как сегментная фонема. Однако, чтобы быть последовательными, сторонники этого взгляда должны были бы считать особой фонемой и *close juncture*, ведь и *close* и *open juncture* возможны в одних и тех же позиционных условиях³¹. Итак, в сочетаниях к *Ире* и *Кире*, учитывая *close juncture*, надо бы видеть одинаково 9 фонем ⟨|к-и-р-е|⟩ и ⟨|к-и-р-е|⟩³². Здесь *open juncture* (диэрема) имеет обозначение «|»; *close juncture*

²⁹ Jakobson R. Über die Beschaffenheit der prosodischen Gegensätze // *Mélanges J. van Ginneken*, Paris, 1937, с. 26–27. У фонологов пражской школы при изучении разграничительных сигналов в центре внимания было ударение (хотя уже в первых работах, касающихся этой темы, учитывались и другие разграничительные показатели). При изучении ударения схема анализа у пражцев такова: свободное (например, русское) ударение является средством различения слов; только закрепленное ударение имеет делимитативную функцию. Отсюда вывод: различительная и разграничительные функции имеют разную природу: лишь первая связана с системой противопоставлений. В этой схеме анализа есть ряд неточностей; они и приводят к ошибочному выводу [см. работы пражской школы: Jakobson R. Die Betonung und ihre Rolle in der Wort- und Syntagma-Phonologie // *TCLP*, 4, 1931; Trubetzkoy N. S. Die Quantität als phonologisches Problem // *Actes du Quatrième congrès international de linguistes*, Copenhagen, 1938, с. 118; *его же*. Grundzüge..., с. 241–242; но в то же время ср.: Jakobson R. Sur la théorie des affinités phonologiques des langues // *Actes du Quatrième...*, с. 53 (разграничительные сигналы в этой работе указаны в числе фонематических величин). Резкое противопоставление словоразличительной и словоразграничительной функции характеризует работы Е. Д. Поливанова (см. Polivanov E. Zur Frage der Betonungsfunktionen // *TCLP*, 6, 1936, с. 75–81; *его же*. Музыкальное слогуударение, или «тоны» дунганского языка // *Вопросы орфографии дунганского языка*, Фрунзе, 1937, с. 57].

³⁰ В некоторых работах этим терминам придается другое значение: *open juncture* — диэрема между синтаксическими целыми; *close juncture* — между словами и частями слов, при отсутствии паузы. См. статьи В. Остина, Г. Кинга (W. Austin, H. King) и др. в журнале «*Studies in linguistics*».

³¹ Например, отрезки [к' и р' и] — [к Ы р' и] отличаются только наличием и отсутствием диэремы (это выражается чередованиями: [к'|к], [и|ы]); все остальные их фонологические составляющие те же: ⟨к⟩, ⟨и⟩, ⟨р⟩, ⟨е⟩, ⟨|~⟩. Следовательно, здесь *open* и *close juncture* встречаются в тождественных позиционных условиях.

³² Возникает вопрос: считать ли единицу «*open juncture*» (диэрему) входящей в состав каждого слова; например: ⟨|ира|⟩, ⟨|к|ире|⟩ (или хотя бы слов определенного типа; последнее ограничение становится неизбежным, если не принимать во внимание нейтрализации диэрем), или же *open juncture* (диэрема) — элемент, стоящий между значимыми единицами, словами или морфемами: ⟨к | и р е⟩. Ср. параллель из иного

обозначается дефисом. Но это построение было бы явно искусственно. Можно предложить иную трактовку указанных фактов. С помощью словоразделов противопоставляются сочетания: ⟨—|— — —⟩, ⟨— —|— — —⟩, ⟨— — —|— — —⟩, ⟨|— — — —|⟩. Здесь: «—» — знак любой сегментной фонемы; «|» — знак диэремы³³.

Сокращенно это же можно записать так: ⟨1|3⟩, ⟨2|2⟩, ⟨3|1⟩, ⟨|4|⟩; цифры обозначают количество фонем до и после словораздела. Противопоставленность единиц: ⟨1|3⟩—⟨2|2⟩—⟨3|1⟩—⟨|4|⟩ полностью характеризует диэрему как фонематическую величину.

Отношение диэремы к варьированию фонем

19. Сравним несколько русских звуко сочетаний: 1) [фц], 2) [цф], 3) [цв], 4) [цв'], 5) [вц]. Первое часто встречается в середине слов: *овца, торговцы, литовцы, вцепиться*... Последнее сочетание невозможно: звонкие согласные в русском языке заменяются глухими, если сочетаются с последующим глухим. Сочетание четвертое: [цв'] фонетически возможно; оно представлено только в словах с корнем *цвет-*. Наконец, сочетания [цф] и [цв] фонетически возможны для русского языка, но ни в одном словаре нельзя найти слов с такими сочетаниями. Фонетическая их законность доказывается тем, что зубные перед губными и глухие перед глухими вполне правомерны в русском языке. То, что данные сочетания отсутствуют в русских словах, хоть сколько-нибудь распространенных, просто лексическая случайность, для фонетики безразличная³⁴.

Поскольку сочетания типа [цф], [цв] фактически не представлены в середине общераспространенных слов, фонологи иногда бывают склонны считать их сигналами фонограниц³⁵; но этот вывод неверен.

языкового яруса: *пришел бы узнать, пришел и узнал*; здесь *бы* входит в состав первого элемента синтагмы, напротив, *и* — межсловесная единица (см. *Hockett Ch. F. Peiping morphophonemica*, с. 71; *Trager G. L., Smith H. L. An outline of English structure*, Oklahoma, 1951, с. 35; ср. *Hamp E. P. Negau «harigasti» // Language*, vol. 31, № 1, 1955). Если же диэрему рассматривать (как это делается в данной статье) в качестве суперсегментной единицы, то снимается самая проблема, указанная здесь. Диэрема тогда стоит не «между» и не «в», а «над».

³³ Ср. ударение, которое противопоставляет единицы: ∪ | ∪ ∪ ∪, ∪ ∪, | ∪ ∪ ∪ ∪ | ∪.

³⁴ Стоит, скажем, появиться *Центральному всесоюзному объединению библиотек*, как сочетание [цв] будет представлено в аббревиатуре *ЦВОб*; произношение этого сочетания окажется совершенно естественным и никого из говорящих по-русски не затруднит.

³⁵ См. *Trubetzkoy N. S. Grundzüge...*, с. 247—249; *Benveniste E. Répartition des consonnes et phonologie du mot // TCLP*, 8, 1939; *Porru G. Anmerkungen über die Phonologie des Italienischen*, там же, с. 199—205; *Trager G. L., Smith H. L. An outline of English structure*, с. 38; *Hill L. A. The effects of clisis on the occurrence of clusters in English // Zeitschr. für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft*, Bd. 10, Hf. 4, 1957, с. 370—372; *Stieber Z. Dwa problemy...*, с. 74; *Bright W. The Karok language*, с. 7—27. В работах

Если сигнал **A** ни разу не встретился в сочетании с сигналом **B**, это еще не значит, что **A** сигнализирует **не-B**. Например, пусть некто ни разу не слышал, чтобы сигнал скорой помощи совпал с моментом, когда часы бьют 12. Но этот некто не вправе заключить: сейчас послышалась сирена скорой помощи — значит, не двенадцать часов. Если говорящий не знает случая, чтобы сочетание [цф] сопровождалось сигналом середины слова³⁶, то это не дает ему права заключить, что [цф] указывает «несередину», т. е. границу слова.

Словарь языка — незамкнутая система. Ни один говорящий не знает всех слов языка; при речевом общении каждый постоянно узнает новые лексические единицы (термины, имена и фамилии, названия местностей, индивидуальные новообразования и т. д.). В них всегда могут быть фонетически возможные, но ранее не встречавшиеся звуко сочетания (ср., например, фамилии *Цфасман*, *Цворка...*).

Иное дело, если сочетание не только не встречается, но и фонетически невозможно в середине слова. Например, сочетания [εч'] с открытым [ε] (см. пример § 2), или [фд], или [ъ...á] (в соседних слогах) невозможны внутри слова; они неизбежно будут преобразованы по фонетическим законам середины слова. Только такие сочетания и являются разграничительными сигналами³⁷.

20. Разумеется, статистически одни сочетания маловероятны внутри слова, другие — более вероятны. Сочетание [цф], например, весьма мало вероятно внутри слова. Но на фонологическом уровне вопрос решается по принципу «да или нет»: или используется в данном случае фонологическое средство, или нет. Вероятность появления [цф] в середине слова равна очень малой дроби, но это не значит, что при наличии такого сочетания фонораздел «почти присутствует». Или он есть, или его нет: он не может наличествовать на 98%. Имеют вес только 100%. А в таком случае сигналом фонограницы оказываются лишь сочетания, фонетически преобразуемые по законам середины слова³⁸. Из этого следует, что таким сигналом всегда будут чередования вариаций в

Штибера и Брайта уже указана необходимость разграничивать сочетания, фонетически невозможные в середине слова, и сочетания, лексически не представленные.

³⁶ Т. е. негативным сигналом границы, по Н. С. Трубецкому, или *close juncture*, по Дж. Трейджеру и Б. Блоху.

³⁷ Эм. Василиу совершенно верно замечает, что сочетания звуков, указывающие диэрему, надо рассматривать как мотивированные. См. его статью «Консонантные группы на соединении суффиксальных морфем» в «*Revue de linguistique*» (t. IV, № 2, 1959, с. 157—158). Но это и означает, что они позиционно обусловлены: следовательно, не представляют фонему в ее основном виде; т. е. эти сочетания звуков, указывающих диэрему, не являются сочетаниями свободных фонем.

³⁸ Таким образом, то, что Н. С. Трубецкой называл «фонематическими групповыми сигналами границ», на самом деле не имеет делимитативной функции. Может показаться, что этот вывод верен только для некоторых языков (с определенными моделями слога). В действительности он неизбежен для всех языков (хотя не всегда непосредственно и прямо вытекает из указанных выше оснований).

пределах одной фонемы, а не чередования фонем: например, появление [ε] там, где по законам внутреннего строения слова ожидалось [е] (см. все примеры, приведенные выше)³⁹.

21. Если словосочетания *подругу видеть* — *подруг увидеть* различаются словоразделом и он выражается чередованием [г] || [к], то, значит, [г] — [к] — представители одной фонемы. Фонетисты, пытавшиеся использовать этот пример, чтобы доказать наличие здесь чередования разных фонем, игнорировали особенности диэремы⁴⁰.

Если сравниваются сочетания типа *подругу видеть* — *подруг увидеть* и делается вывод, что они разграничиваются разными фонемами [г] и [к], то необходимо, с той же точки зрения, дать анализ следующим фактам. Словосочетания *твердит он о Савое* и *твердит «о» носовое* легко различаются на слух: [т' в' и ʔ р д' ъ т | ó н | л с л в ó ъ], [т' в' и ʔ р д' ъ т | ó | н ъ с л в ó ъ]. Различение здесь основано на несовпадении слогоразделов и на мене гласных [л] — [ъ]. Если быть последовательным, то, признав чередование фонем в *подругу видеть* — *подруг увидеть*, необходимо и здесь видеть чередование фонем [л] — [ъ]. Эти словосочетания, различаются «только» указанными гласными (не считая... диэрем).

³⁹ В одной из своих работ З. Харрис предлагает следующий анализ на строго фонематическом уровне (без обращения к морфологическим понятиям), который позволит расчленить определенным образом речевую цепь; причем это расчленение окажется адекватным тому, которое устанавливается на морфологическом уровне анализа. Дано выражение, например *He is clever* [h ɪ y z k l e v ə r]. Первый сегментный элемент [h]; сравниваем данное выражение с другими, начинающимися на [h]; выясняем, что после такого начального [h] могут следовать 9 гласных; итак, [h] охарактеризовано числом 9 (числом возможных преемников [h] в звуковой цепи). Далее, берем 2 начальных сегментных элемента [h ɪ]; сопоставляем с фразами, также начинающимися с [h ɪ]; возможно после этого отрезка 14 фонем; после [h ɪ y] — 29 и т. д. Получаем такую характеристику цепи:

[h ɪ y z k l e v ə r]
9 14 29 29 11 7...

Разделы проходят после сегментных единиц, определенных подъемом числовых характеристик, т. е. [h ɪ y - z - k l e v ə r] (см. *Harris Z. S. From phoneme to morpheme // Language, vol. 31, № 2, 1955, с. 193—194*). Очевидно, что этот анализ родствен выделению «групповых сигналов» у Н. С. Трубецкого; при всех существенных различиях и у Трубецкого, и у Харриса исследуется встречаемость соседних элементов в звуковой цепи (у Трубецкого в центре внимания качественная, у Харриса — количественная сторона явления). Эффективность обоих методов в принципе одинакова. Метод Харриса не позволяет определить многочисленные случаи нейтрализации диэрем; он непригоден из-за случаев омонимии. Например, слово *прототип* имеет такую характеристику:

п р о т о т и п
19 4 38 6 15 1 1 39

(цифры могут быть различны, в зависимости от характера фонематического анализа; здесь приняты методы американских фонологов). После *про-* указана граница, явно не отвечающая морфологическому членению слова.

⁴⁰ Ср. *Гвоздев А. Н. О фонологических средствах русского языка, с. 105.*

Еще пример: *решать эти алогические задачи и реша те теологические задачи*, т. е.: [р' и³ ш' а т' | э т' ь | л л л г' и ч' ь с к' ь и ь | з л д а ч' ь], [р' и³ ш а́ | т' э́ | т' ь л л л г' и ч' ь с к' ь и ь | з л д а ч' ь]. Эти словосочетания легко различимы на слух, разграничены разной системой слогоразделов и меной гласных: [à] — [а], [е] — [э]. Придется, если оставаться верным избранному пути, и здесь видеть чередование фонем [à] — [а] и т. д. Если же такой вывод сделать нельзя, то нет необходимости и в исходном варианте (с *подругой*) видеть чередование фонем [г] и [к]. Это чередование вариаций одной и той же фонемы, с помощью которого выявляется наличие (или отсутствие) сигнала фонограниц. И, очевидно, только так, а не чередованием самих фонем, может быть выражена диэрема⁴¹.

Различительная роль позиций

22. При обсуждении фонологической интерпретации сочетаний типа *подругу видеть — подруг увидеть, к Ире — Кире* и пр. было высказано мнение, что различительную силу в этих сочетаниях имеют позиции⁴². Мысль о различительной роли позиций очень важна и требует детализации.

Каждый звук в линейном речевом отрезке является функцией двух определяющих: заданной фонемы и фонетической позиции (в определенном стиле речи). В отдельных случаях влияние того или другого фактора равно нулю (данная фонема может не подчиняться влиянию позиций, или, наоборот, в данной позиции все фонемы нейтрализуются); но, как правило, определение звука обусловлено и тем и другим: и фонемной заданностью, и позиционным решетом, сквозь которое просеиваются фонемы.

23. Принято считать, что звуки являются выразителями именно фонемных единиц, а позиции — неизбежные условия такого выражения. Однако возможен и обратный взгляд: позиции — это выражаемые единицы, а фонемы — это условия их выражения, это комки глины, которые своими деформациями сообщают, что за позиция на них отпечаталась.

а) Предположим, дан фонемный ряд (хотя бы ⟨л' э́ ч а к р а д о́⟩). Зная систему языка, устанавливаем, какая конкретная звуковая цепь реализует этот ряд.

⁴¹ Конкретные описания диэрем в языках, как правило, указывают именно такие (внутрифонемные) чередования. См., например, для английского языка: *Bloch B., Trager G. L. Outline of linguistic analysis*, Baltimore, 1942, с. 35–36, 47; *их же*, *The syllabic phonemes of English*, с. 225–226; *Trager G. L., Smith N. L. An outline of English structure*, с. 38; *Jones D. The word as phonetic sign*, с. 100–104 (см. библиографию).

⁴² *Реформатский А. А. Фонологические заметки // ВЯ, 1957, № 2 (ср. его же, Обучение произношению и фонология... // Научн. доклады высшей школы. Филологич. науки, 1959, № 2, с. 150).*

б) Обратная задача: дан ряд позиций ⟨3. 3. 12. 22. 5. 23⟩. Каждая цифра обозначает позицию: например, «3» означает, что в данной позиции, разграничиваются 3 сегментных единицы⁴³. Начнем с конца: 23 — это число согласных, различаемых в конце слова. Цифра 5 может указывать только позицию для гласного под ударением; далее: перед всеми ударными гласными различаются 34 согласных (сильная позиция), и лишь перед [e] — всего 22. Следовательно, здесь как раз налицо [e]; 12 согласных различителей возможны только перед [ч']; таким образом выяснилось сочетание [ч'e]. Позиции 3.3 могут соответствовать только звуковым отрезкам [ш э^{bl}] или [ж э^{bl}]... Остальные числа (третье с начала и последнее) сообщают только, что здесь позиции для согласных. Будь словарь замкнутой системой, мы могли бы утверждать, что слово с этими данными уже определено: *жалычей*⁴⁴. Но словарь — незамкнутая система; можно ждать и таких слов, как *жанчек*, *шавчель* и пр. (фамилии, топонимы и пр.) — все они отвечают заданному числовому ряду.

Таким образом, зная позицию, но не зная заданного фонем, вполне точно звуковой состав слова восстановить мы не можем. Но ведь в таком же положении мы находимся, если знаем фонемный ряд, но не знаем позиций. Дана последовательность фонем: ⟨л' э ч а к р а д о⟩; не зная, находится ли ⟨e⟩ в позиции конца слова, мы не можем дать полную фонетическую интерпретацию этого ряда. Без указания на позиции он допускает множество интерпретаций (выше было указано их 7: см. § 3).

24. Итак, возможны два взгляда: 1) звуками в речевой цепи представлены фонемные инварианты; позиции — условия их выявления; 2) звуки в речевой цепи — лишь условия для демонстрации позиций (последние и являются инвариантными величинами); иначе: звуки — среда, в которой могут о себе заявить фонетические позиции, являющиеся подлинными различителями. Однако нельзя одновременно считать различителями и фонемы и позиции⁴⁵.

Далее можно утверждать, что описанное различие — не только разные взгляды на фонематические средства, но и объективно существующие две системы показателей. И та, и другая система, как было показано, несамодостаточны: не полностью определяют звуковой ряд. Нужно их взаимодействие, чтобы

⁴³ Везде имеется в виду русская фонемная система.

⁴⁴ *Сердцу обиды куклы обиды своей жалычей* (И. Анненский).

⁴⁵ Условлено, что некто, будучи на юге и желая дать утвердительный ответ, должен телеграфировать: «Здоров», желая дать отрицательный — «Болен». Если же отправитель телеграммы будет на севере, то «Здоров» означает отрицательный ответ, «Болен» — положительный. Прислана телеграмма «Болен». Зная, что некто на юге, пойдем, что ответ отрицателен (зная позицию, установили обозначаемое). Или: будучи уверены, что ответ отрицательный, определили, что некто на юге (зная обозначаемое, определили позицию). Но не зная ни условий, ни содержания ответа, никаких сведений не получим. Необходимо считать то или другое различительной величиной, но не то и другое вместе. Ср. *Гвоздев А. Н.* Обладают ли позиции различительной функцией? // ВЯ, 1957, № 6.

определить данный ряд: в этом, кстати, и заключается доказательство их объективного существования. Так как эти системы несамодостаточны и дополняют друг друга, то полезно, оставаясь в пределах одной из этих систем, ввести данные другой системы, но при этом необходимо переработать их в ключе дополняемой системы. Диэрема и есть позиционная единица, трактуемая в плане единиц непозиционных, фонемных (притом суперсегментных).

Диэрема и морфемы

25. Принципиально неверно рассматривать диэрему как морфологическую единицу⁴⁶. Появление определенных разграничительных сигналов неизбежно при соприкосновении в речевой цепи двух слов с определенным фонемным строем.

Все диэремные чередования имеют принудительный, автоматический характер, и уже поэтому диэремы следует считать единицами фонетическими, а не морфологическими.

Кроме того, разграничитель и разграничиваемые не могут быть явлениями одного ряда. В отрезке АА сочетающиеся единицы не могут быть разграничены введением между ними единицы того же порядка (А): ведь для отрезка ААА проблема разграничения решена не более, чем для отрезка АА. (Если межи, разграничивающие поля в какой-то болотистой местности, быстро заплывают и становятся незаметными, то нелепо советовать для разграничения вклинить между двумя полями еще какое-то поле.) Поэтому, чтобы разграничить две морфемы, нельзя использовать единицу того же порядка, т. е. морфему; следовательно, диэрема — не морфема.

Диэрема в широком смысле слова

26. Сейчас в научной литературе намечено употребление терминов *Grenzsignal*, *open juncture* в нескольких значениях: а) сигнал разграничения значимых единиц; б) более широко — вообще разрыв звукового взаимодействия в речевой цепи, т. е. отсутствие тех взаимовлияний, которые можно было бы предполагать, зная типичные фонетические модели данного языка; в) еще шире — просто условное средство обобщить несколько фонетических единиц, иначе не сводимых друг к другу.

⁴⁶ См. *Wells R. S. Immediate constituents // Language, vol. 23, № 2, 1947, с. 108* (автор предлагает рассматривать *open juncture* как морфему). Интересная дискуссия об использовании понятия *juncture* на морфологическом уровне содержится в статьях: *Harris Z. S. Morpheme alternants, с. 84; Hockett Z. S. Ch. F. Problems of morphemic analysis // Language, vol. 23, № 4, 1947, с. 323* (ср. его же статью «*Peiping morphophonemics...*», с. 66).

27. Используя термин в третьем, наиболее широком смысле, можно было бы историю ларингальной гипотезы свести к двум таким этапам:

1) было сделано предположение, что звуковые различия определенного типа ранее представляли фонемное тождество в особых позиционных условиях: перед диэромой разных типов. Различия звуковые (при наличии тождественных позиций) были переосмыслены как фонемные тождества (при наличии позиционных различий). Ценой увеличения позиций (диэром разного типа) достигнуто сведение равных сегментных единиц в фонемное тождество. Это соссоровская стадия в развитии ларингальной гипотезы;

2) предполагаемые диэремы были отождествлены с определенными сегментными единицами; это период работ Куриловича — Бенвениста. Представить сегментные различия при позиционном тождестве в виде сегментных тождеств при позиционных различиях, а затем эти позиционные различия материализовать в определенных сегментных единицах — вот плодотворный в данном случае путь исследования.

28. Во втором значении термин используется при описании действия грамматической аналогии. Например, появление [ъ] в заударных слогах хорошо отвечает такой формуле; «[ъ] выступает в позиции после твердых согласных, а после мягких только в слогах, включающих диэрему». Эта формула охватывает все случаи: не только такие, как *воля, поле, знамя, водят*, но и *сегодня, донельзя, принят, занят*⁴⁷. По-прежнему остается необъяснимым фонетически, каковы же здесь условия появления диэремы: почему она есть в *водят, стоят* и ее нет, например, в *хочет, знает*. Но это вполне отвечает характеру диэремы: как всякая самостоятельная фонематическая единица, она позиционно не закреплена. Если *з в у к и* позиционно связаны, то *ф о н е м а т и ч е с к и е* единицы являются свободными компонентами фонетического контекста, их появление не определяется позицией⁴⁸.

29. Наконец, наиболее узкое и «законное» значение этого термина: диэрема как разграничитель слов или морфем. Именно это основное значение вызывает возражения: законно ли при изучении фонетики использование данных, которые могут быть получены только при изучении языка на более высоком уровне, на уровне значимых единиц?

Определяя диэрему, пытаются следующим образом обойтись без понятия «граница слов (морфем, синтагм)»: 1) установлено, что при переходе от паузы

⁴⁷ Членимость данных слов допустима по одним морфологическим взглядам и недопустима по другим. Диэрема поддерживает одни морфологические теории и сопротивляется другим. (О значении морфологического членения для теории диэрем см. *Stieber Z. Dwa problemy...*, с. 72.)

⁴⁸ Явления, которые ранее пытались определить терминами грамматической аналогии, теперь нередко описывают с помощью терминов диэремы (см., например, *Moulton W. G. Juncture...*, с. 212—226; *Lehmann W. P. The Proto-Indo-European resonants in Germanic // Language*, vol. 31, № 3, 1955, с. 363—365).

к звуку и от звука к паузе имеют место одни явления (*open juncture*), а при переходе от звука к звуку — другие. Например, аспирированный согласный встречаем при переходе от паузы к звуку, неаспирированный — при переходе от звука к звуку; 2) обнаруживаем, что те явления, которые мы заметили на концах звукового отрезка (при переходе от паузы к звуку — от звука к паузе), встречаются и в середине. Это тоже *open juncture*⁴⁹. Нелогичность такого рассуждения бьет в глаза. Сначала нечто выделяется только на том основании, что не встречается в середине речевого отрезка; вслед за тем делается заявление, что это нечто встречается и в середине.

При этом говорится, что *open juncture* — не сигнал разграничения языковых единиц, а средство уменьшить число фонеморазличителей (например, в приведенном выше случае без использования понятия *open juncture* пришлось бы аспирированные и неаспирированные звуки считать разными фонемами). Но если в этом ценность диэремы, то надо использовать ее достоинства до конца. Не только [t] и [tʰ] следует объединить в одну фонему ([tʰ] есть ⟨t⟩ в сочетании с |), но и [t] — [d], звонкие согласные — это глухие в сочетании с диэромой особого типа: ⟨t + |⟩ = [tʰ]; ⟨t + ¦⟩ = [d]; далее, подлежат объединению взрывные и фрикативные: [s] = ⟨t + ||⟩; [z] = ⟨t + ¦ + ||⟩. Далее, [t, p, k] сводятся к ⟨t⟩ и двум новым видам диэрем. С помощью введения диэрем пяти разных типов можно свести количество коррелятивных фонем с 36 до одной⁵⁰. И тогда обнаружится простой смысл всей операции: мы каждую

⁴⁹ См. Hill L. A. Some notes on juncture // *Le maître phonétique*, № 105, 1956, с. 10—11. См. подобные же попытки определить диэрему без привлечения понятия «границы значимых элементов»: Moulton W. G. *Juncture...*, с. 225; Trager G., Bloch B. *The syllabic...*, с. 225; Trager G., Smith H. *An outline of English*, с. 38; ср. также в популяризации Г. Глиссона (см. его кн.: «Введение в дескриптивную лингвистику», М., 1959, с. 82). Замечания ряда исследователей, что явления *open juncture* встречаются не только на границах значимых единиц (см. Hockett H. Ch. F. *Peiping morphophonemics...*, с. 70; Trager G., Bloch B. *The syllabic...*, с. 225—226; Moulton W. G. *Juncture...*, с. 225), означают: 1) или омонимию диэремы с иными показателями, например показателями заимствования; 2) или наличие особых диэрем между частями членимых слов; 3) или указание на то, что фонетические показатели изменяются медленнее морфологических, отстают от них. Если признать, что *-a* морфологически уже не выделяется в слове *сегодня*, то присутствие диэремы перед ним говорит лишь о том, что фонетика не поспела за морфологией; налицо мнимая величина, и ее дальнейшее преодоление неизбежно в жизни языка. (Возможно и иное толкование описанного факта: [ъ] стало теперь фонетически закономерно после мягких согласных в заударных слогах; произошла переинтеграция позиционной системы русского языка.)

⁵⁰ См. Chomsky N., Halle M., Lukoff F. On accent and juncture in English // For Roman Jakobson, с. 66—67. Авторы справедливо полагают, что, используя понятие *open juncture* для уменьшения фонемных единиц, можно любые две (коррелятивные) фонемы свести к одной, но критериев такого сведения в фонетике не установлено (см. интересное обсуждение этой темы в статье Haas W. *Zero in linguistic description // Study in linguistics*, Oxford, 1957, с. 36—37).

фонему разложили на ее коррелятивные признаки; | — это обозначение звонкости, || — фрикативности и т. д. (есть и серия нулевых обозначений для указания глухости, нефрикативности, неаспирированности). Ни на шаг вперед в упрощении фонематической системы мы не продвинулись, а просто заменили одно обозначение другим. Более того: аспирированность—неаспирированность тоже попали в число коррелятивных качеств; это различие признано фонематическим, т. е. попытка упростить фонетическое описание с помощью введения *open juncture* без привлечения понятия конца слова не имела успеха⁵¹.

30. Само сомнение, нет ли порочного круга, когда мы в фонетическое исследование вводим понятие границы смысловых единиц, неосновательно. Если дана фонематическая транскрипция, включающая диэрему (например, ⟨л' é | ч а к р а д ó⟩), то налицо все необходимое, чтобы ее однозначно фонетически интерпретировать: эта фонематическая транскрипция не требует для своего истолкования никаких дополнительных сведений из области морфологии или лексики. Следовательно, для интерпретатора этой транскрипции никакого логического круга не существует. Но если нет при декодировании никакого логического круга, то его не было и при кодировании, т. е. при фонологической интерпретации звукового ряда.

Процесс анализа языковой системы идет так: установив некоторое минимальное число фонетических фактов, используют их для определения некоторых немногочисленных схождения и расхождения на морфологическом уровне; эти морфологические факты позволяют вернуться к фонетическому уровню и уточнить, расширить ряд ранее установленных фонетических фактов; это в свою очередь помогает расширить морфологическое изучение и т. д. Анализ, подобно челноку, снует между двумя уровнями (возможна другая, более привычная метафора: движется по спирали), а не вращается в логическом кругу⁵².

⁵¹ Поэтому правы те исследователи, которые подчеркивают, что при изучении диэрем необходимо прибегать к понятию границы слова (морфемы, синтагмы). См. *Chomsky N., Halle M., Lukoff F. On accent and juncture...*, с. 68–69; ср. упомянутую рецензию Р. Уэлса на кн. К. Пайка, с. 259; *Silva-Fuenzalida J. Syntactical juncture in colloquial Chilean Spanish // Language*», vol. 27, № 1, 1951. В отечественном языкознании прочно установилась традиция рассматривать диэремы (как бы они ни именовались в научных трудах) в связи с членением речи на смысловые единицы. Более того: диэремные явления учитываются при изучении именно этих смысловых единиц (см. *Виноградов В. В. О формах слова // ИАН ОЛЯ, 1944, вып. 1, с. 31–32*).

⁵² См. *Chomsky N., Halle M., Lukoff F. On accent and juncture...*, с. 67–68. Авторы пишут, что установить сегментные единицы невозможно, не зная суперсегментных; но суперсегментные устанавливаются только на основе изучения сегментных... Выход — в движении анализа по спирали: исходные данные о сегментных единицах — некоторые факты о суперсегментных — углубление сведений о сегментных и т. д. Это верное наблюдение свидетельствует о том, что и внутри фонетики неизбежно такое «снование» анализа.

*

* *

Диэрема — парадоксальная, многоликая, противоречивая фонологическая единица. Изучение ее во всей ее сложности только начато⁵³. Дальнейшее исследование ее причуд и капризов не может не быть важно и плодотворно для общей фонологической теории.

⁵³ Особенно важно диахронное изучение диэрем; здесь пока сделано очень немного. См.: *Jakobson R.* К odstaňování dlouhých souhlásek v češtině // *Slavia*, r. VII, seš. 1, 1928; *Трубецкой Н. С.* Об отражениях общеславянского *ę* в чешском языке // *Slavia*, r. VI, seš. 4, 1928; *Hill A.* Juncture and syllable division in Latin; *Lehmann W. P.* The Proto-Indo-European resonants in Germanic; *Winter W.* Juncture in Proto-Germanic: some deliberations // *Language*, vol. 31, № 4 (pt. 1), 1955; *Hill A. A.* Consonant assimilation and juncture in English: a hypothesis // *Language*, vol. 31, № 4, 1955; *Kuryłowicz J.* L'accentuation des langues indo-européennes, Krakow, 1952; ср. замечания *Трубецкого Н. С.* в работе «Die phonologischen Grenzsignale», с. 48–49.

О двух типах фонетических систем*

I. Изучение фонетических закономерностей может идти двумя путями.

II. П е р в ы й п у т ь: сопоставлять звуки в разных позициях. Например, сравнивая звуковые цепи *поток* — *потоки* — *потёк* — *потёки* — *источать*¹ — *текут* — *вытек*, замечаем, что чередуются звуки [o||o·||·o||ö||a||и³||^b]; чередование обусловлено позиционно: например, смена позиции *tat* на *t'at* влечет за собой чередование [o||·o...].

При сопоставлении звуковых единиц в разных позициях всегда существует только проблема их отождествления (а не разграничения). Действительно, представим, что дано: в позиции между *t* — *t* возможен звук α , между *t'* — *t'* — звук α' , т. е. существуют сочетания *tat* и *t'at'*. Если мы задались разграничить данные звуки, то от констатации самоочевидного факта далеко не уйдем. Мы останемся на уровне теоретически бесплодной эмпирии: в сочетаниях *tat* — *t'at'* все звуки (и первые, и вторые, и третьи) различны. Это наглядная бесспорность никак не связана с изучением функциональной стороны языка.

Наоборот, если это задача другая — попытаться свести в функциональное единство (отождествить) α и α' в позициях между *t* — *t* и между *t'* — *t'*, то нужно теоретическое углубление в объект; тождество α и α' не самоочевидно.

Каков принцип отождествления? Звуки, позиционно чередующиеся², отождествляются как функционально единая целостность. Так, признается, что [o||o·||·o||ö||a||и³||^b] — это фонема ⟨o⟩. Основания для такого отождествления: значимо только то, что избирается. Все что предопределено, т. е. не подлежит выбору, не имеет функции передавать значения. Теория информации это четко обосновывает.

Мена α — α' , если чередование позиционно, предопределена законами данного языка, значит, мена α — α' не значима и ее надо считать функционально несуществующей; надо абстрагироваться от различий в ряду [o||o·||·o||ö||a||и³||^b].

* Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. М.; Л.: Наука. 1977. С. 14—24.

¹ «Источать. 1. Лить из себя, испускать струями, каплями. *Горные расщелины источали целительную влагу*» (Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, Т. 1. М., 1935).

² Позиционное чередование — такое, которое не знает исключений.

Эта процедура оставляет место и для разграничения, но всего лишь как обратной стороны отождествления. Если не удалось (объективные факты не позволили) свести α и α' в фонемное единство, значит, $\langle \alpha \rangle$ и $\langle \alpha' \rangle$ разные фонемы.

Отношения, которые устанавливаются этим, первым путем, назовем парадигматическими.

III. Второй путь: сопоставлять звуки в одной позиции. Например, в русском языке перед [и] могут быть [г'] — [к'] — [х'], но не [г], [к], [х].

Если идем этим, вторым путем, то устанавливать тождества (т.е. [г'] с самим собой, с [г']) — задача, которую нельзя считать основной и самостоятельной.

Напротив, разграничение единиц здесь ставит ряд важных проблем. Согласные [г'], [к'], [х'] — не случайный набор единиц. Все они — заднеязычные (иначе — низкие компактные). При наличии этого признака — заднеязычности — признак мягкости (дизности) оказывается неизбежным, всегдашним, поэтому неразличительным. Он не выбирается говорящим, а навязан языком и поэтому как функциональная данность мертв. Схематически эти отношения (назовем их синтагматическими) можно изобразить так:

дизный	
компактный	высокий
низкий	вокальный
невокальный	

Схема показывает, что дизность заднебных согласных перед [и, э] — особый признак, он слитен с признаком гласного.

После того как установлены различия, можно, следуя этим (вторым) путем, определить тождества. Например, отождествить [г] — [г'], так как установлено, что твердость первого и мягкость второго нефункциональны, а остальные (функционально-существенные) признаки у них одни и те же.

Установление тождества здесь вытекает из установления различий. То, что не удалось признать хорошим разграничителем, признается тождественным в синтагматической системе звуковых единиц.

Описание синтагматической системы можно строить тройким образом: 1) либо перечислить сочетания, разрешенные законами языка: [г'и], [г'э], [к'и], [к'э], [х'и], [х'э]...; 2) либо дать таблицу возможных сочетаний:

1	[г]	[г']	...
2	—	+	...
[и]	—	+	...
[э]	—	+	...

3) либо сформулировать закон относительно классов звуковых единиц (или, что то же, их признаков): в русском языке перед высокими гласными низкие компактные могут быть только дизные³.

Рассмотрев эти три способа и убедившись, что они все позволяют определить закономерности, выявившиеся в условиях тождественной позиции, мы заметим, что те же синтагматические законы можно характеризовать как законы звуко сочетаний (а не звукочередований; это удел парадигматики).

IV. И первый (парадигматический), и второй (синтагматический) путь требует при изучении фонетической системы использовать понятие морфемы.

Фонетическая парадигматика велит, чтобы чередования изучались при сопоставлении тождественных морфем (точнее — морфов). Значит, отождествление в фонетике предполагает морфемное отождествление, морфемную парадигматику.

Фонетическая синтагматика может изучать законы сочетания звуков лишь при разграничении морфем, следующих друг за другом (не в реально произнесенном единичном звуковом куске, а в моделях сочетаний; конечно, модели соотнесены с реально звучащей речью)⁴.

Такое разграничение непременно надо сделать, так как законы сочетания внутри слова и на стыке слов совершенно различны; не отличая те и другие, мы не сможем узнать ни тех, ни других. Таким образом, разграничение в фонетике — а это и есть задача синтагматики — непременно связано с морфемным разграничением (т. е. с морфемной и словесной парадигматикой).

Иногда в этом видят недопустимое нарушение логической безупречности исследования: фонетика опирается на данные морфологии. Возражения необоснованны: морфология, грамматика вообще, не есть логическое продолжение фонетики; из фонетических законов и вытекают грамматические; следовательно, обращаться к морфологии, изучая фонетику, не значит создавать порочный логический круг.

V. Как видно из сказанного, можно дать или парадигматическое описание фонетики данного языка, или синтагматическое. Это — два разных описания.

Являются ли они двумя видами изображения одного и того же объекта или они объектно различны, т. е. связаны с двумя различными сторонами языка?

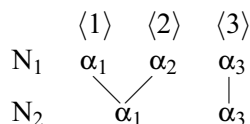
Если верно первое (два тождественных по содержанию, но различных по форме описания), то всякое полное описание синтагматических законов можно

³ Очень часто первый способ описания называют синтагматикой, а второй — парадигматикой, как будто между ними есть содержательное различие. И это еще не самый бессмысленный способ употребления данных терминов.

⁴ Замечание необходимое, потому что часто синтагматику в отличие от парадигматики понимают именно как реальную, эмпирически «одноразовую» последовательность звуков. На самом же деле синтагматика в ее научной реальности, так же как парадигматика, изучает законы языка, а не описывает данную реальную манифестацию этих законов.

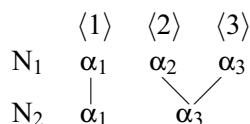
переформулировать в полное описание парадигматических законов, и наоборот. Но на самом деле такой адекватный перевод в ряде случаев оказывается невозможным.

В языке может быть такая система парадигматической нейтрализации:

Здесь в позиции N_1 различаются три фонемы; они реализованы звуками $\alpha_1 - \alpha_2 - \alpha_3$. В позиции N_2 нейтрализованы в звуке α_1 фонемы $\langle 1 \rangle$ и $\langle 2 \rangle$.

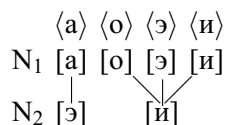
Но парадигматические отношения могут быть и другими:

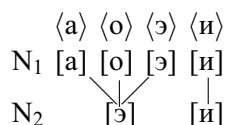
Синтагматическое описание не может различить эти два типа отношений. Оно в обоих случаях должно констатировать одно и то же: в позиции N_1 различимы $\alpha_1 - \alpha_2 - \alpha_3$, в позиции $N_2 - \alpha_1$ и α_3 , т. е. с фонетическими показателями, выражающими позицию N_1 , сочетаются три звука, а с показателями, реализующими позицию N_2 , — два звука.

Вот реальный пример подобных отношений. В русских говорах представлены такие типы парадигматических нейтрализаций.

Первый:

Второй:

В позиции N_1 (под ударением) все фонемы представлены особыми звуковыми единицами, нейтрализации нет. В позиции N_2 (между мягкими согласными в предупредном слого) некоторые фонемы парадигматически нейтрализуются, представлены одним звуковым показателем. Парадигматические ряды в первом и втором случаях разные:

1) [á] [э]	2) [á] [э]
[ó] [и]	[ó] [э]
[э́] [и]	[э́] [э]
[í] [и]	[í] [и]

Законы парадигматики в двух системах разные (первая свойственна вологодским говорам, вторая — широко распространенный тип эканья, одна из орфоэпических разновидностей литературного языка).

Синтагматика же в обеих системах зафиксировывает полное тождество. И там, и там в каждой позиции представлен один и тот же набор гласных различителей; следовательно, у них одинаковые (в обеих системах) наборы различительных признаков.

Из этого следует, что парадигматические и синтагматические описания не тавтологичны. Они представляют объективно различные типы закономерностей в языке.

VI. Этот вывод поддерживается историческим рассмотрением фонетических систем. Есть периоды в развитии языка, когда его фонетическое движение определяется законами парадигматики, и есть периоды, когда движущими являются синтагматические законы.

Развитие русской фонетической системы в последние два века определяется законом, который впервые сформулировал И. А. Бодуэн де Куртенэ: система гласных упрощается, система согласных усложняется. И упрощение, и усложнение являются парадигматическими. Число парадигматических нейтрализаций (т. е. совпадений в определенных позициях парадигмо-фонем) для гласных увеличивается, для согласных уменьшается. Все многообразие фонетических изменений в XVIII—XX вв. в литературном русском языке укладывается в рамки этого парадигматического закона (исключения совершенно единичны). Нет нужды здесь подробно характеризовать эти процессы, они уже описаны в свете бодуэновского закона⁵.

Объединить все эти процессы каким-либо синтагматическим законом невозможно.

VII. Напротив, развитие общеславянского языка и его продолжателей в течение нескольких веков, вплоть до эпохи падения глухих гласных, определялось синтагматическими законами. Все (или почти все) фонетические изменения вызывались двумя тенденциями: стремлением к построению открытого слога и стремлением к сингармонизму внутри слога.

Первая тенденция означает, что если звук имеет признак «вокальный», то и следующий звук того же слога должен иметь признак «вокальный», т. е. признак вокальности у них общий. Иными словами: после вокального звука в том же слоге вокальные и невокальные звуки не противопоставлены. Если у звука признаки «вокальный неконсонантный», то он заканчивает слог; значит, у следующего звука признак «консонантный».

⁵ См.: Русский язык и советское общество. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1958, с. 10—21.

Тенденция к открытости слога — это, иначе говоря, предсказуемость определенных признаков одного звука по признакам другого (предшествующего или последующего) звука, т. е. явление синтагматическое.

Таков же характер и второй, сингармонистической тенденции.

Так на синтагматической основе можно объединить различные процессы, определявшие фонетическую эволюцию общеславянского языка. Парадигматически же у этих процессов не найти ничего общего. Изменение у существительных с основой на -o- исходного сочетания (тематический гласный + флексия) = *os* → *us* → *ъ* привело к созданию открытого слога. Но парадигматически это было бессодержательное изменение. Позиционное чередование *s||*ноль не возникло. Вся парадигматика осталась неизменной.

Преобразование сочетаний *tort, tolt* в *trot, tlot*, или *trat, tlat*, или *torot, tolot* тоже синтагматически целесообразно, но парадигматически ничего не меняет, не создает новых цепей позиционно чередующихся звуков, не объединяется с другими изменениями никакой общей парадигматической тенденцией.

Перебирая все проявления устремленности к открытому слогу, замечаем, что в одних случаях устранялись согласные, мешающие слогу быть открытым, в других — добавлялись гласные, помогающие ему «открыться». Годились любые способы, лишь бы они потворствовали синтагматическим намерениям языка, и только им.

На протяжении этой долгой эпохи, от общеславянского языка до появления отдельных славянских языков, число согласных в общем увеличилось. Закон Бодуэна де Куртенэ как будто действовал и в эту эпоху. Но не в парадигматической его подлинно содержательной сути! И поэтому — непоследовательно и кривовато. Новые типы согласных появились в результате действия второй, сингармонистической тенденции. Они возникли как позиционно обусловленные вариации и варианты согласных фонем. В определенных позициях парадигматически совпали фонемы ⟨т⟩ и ⟨к⟩, ⟨с⟩ и ⟨х⟩, ⟨д⟩ и ⟨г⟩, ⟨з⟩ и ⟨г⟩. Можно было бы подумать, что действует тенденция к парадигматическому упрощению системы, т. е. к уменьшению числа парадигматических различителей в языке. Но следующий шаг эволюции опровергает такое предположение: ⟨ч⟩, бывший вариантом, фонологизируется, и число согласных парадигматических различителей возрастает! Явно никакого заранее обдуманного намерения в отношении парадигматических преобразований у языка не было. Его эволюция определялась синтагматическими тенденциями.

Надо сделать вывод: в одни эпохи изменения фонетической системы определяются синтагматическими закономерностями, в другие — верховодит парадигматика.

VIII. Перейдем к синхронным сопоставлениям.

Фонетика современного русского языка может быть описана парадигматически. Из такого описания можно вывести все его синтагматические законы.

Напротив, знание синтагматических законов современного русского языка не дает знания его парадигматических законов.

Безударный вокализм современного русского литературного языка в его синтагматике может быть описан только в виде громоздких формул, из которых вовсе не следует понимание его парадигматической организации. Напротив, простые и элегантные парадигматические закономерности русского вокализма позволяют полностью представить его синтагматику.

В русском языке возможно сочетание [ч'ч'] = [ч̄'], но не [т'ч'], не [т'ш'], не [ч'ш']⁶, не [тч'], не [тш']. Следуют ли из этих синтагматических отношений какие либо ясные парадигматические выводы? Читатель сам с легкостью убедится, что нет, так как он, по всей вероятности, и не сможет сделать эти выводы — и, конечно, не потому, что у него умения не хватит. Объективно нет достаточных данных для выводов.

Парадигматические законы современной русской литературной фонетики определяют ее синтагматические законы, но не наоборот.

IX. Иное совсем положение в современном французском языке. Парадигматически нейтрализуются такие гласные противопоставления:

1. [a] — [ɑ]. Но это противопоставление неустойчиво: одно и то же слово у разных индивидуумов может произноситься то с [a], то с [ɑ].

2. [e] — [ê], [e] — [e:]. Решить, однако, две это парадигмо-фонемы или три, невозможно. И не из-за лени языковедов — сами языковые отношения настолько двусмысленны, что объективно оставляют эти связи невыявленными⁷. К тому же противопоставление [e] — [ê] в сильной позиции все более утрачивается, становится факультативным.

3. [ö] — [ô], [ö] — [ö:]. Это чередование теперь во французском языке представлено очень слабо. Позиции различия редкостны, и некоторые из них недостаточно ясны: действительно ли они обуславливают противопоставление [ö] — [ô]⁸.

4. [o] — [ô]. Чередование, может быть, фонетическое, а может быть, морфологическое. Система языка не позволяет здесь сделать ясный вывод.

Итак, у французских гласных фонем «формы варьирования... часто носят неустойчивый факультативный характер... Такой характер варьирования дает основания некоторым исследователям предполагать морфологическую основу варьирования в тех случаях, когда оно наступает, считая фонетическим сохранение фонемы в своем основном виде»⁹.

⁶ *Флейтцик* = фле[йш']ик, *бриллиантик* = бриллиа[н'ш']ик.

⁷ *Кузнецов П. С.* К вопросу о фонематической системе французского языка, — в кн.: *Реформатский А. А.* Из истории отечественной фонологии. М., 1970, с. 192—194.

⁸ Там же, с. 195 (о произношении *prend-le*).

⁹ Там же, с. 197.

Покажем схематически, как позиционные чередования могут становиться «неявственными» и неотличимыми от грамматических. Чередование $\alpha^1 \parallel \alpha^2$ (в определенной позиции) безусловно позиционно, если представлено большим числом лексических единиц, притом все нарушения чередования происходят в определенных грамматических формах по законам этих форм. Например, русское чередование [з] || [с] (на конце такта) представлено огромным числом фактов типа *морозы* — *мороз*. Отступления типа [з] || [ш] встречаются в случаях типа *отрезать* — *отрежь*, но это всегда глагольные формы, и при наличии глагольных чередований *скакать* — *скачу* — *скачи* могут рассматриваться только как закономерное наложение грамматических чередований на фонетические. Таким образом, чередование [з] || [с] безусловно, позиционно.

Но если число чередований $\alpha^1 \parallel \alpha^2$ невелико, если в относительно многих случаях оно перебивается лексикализованными или грамматикализованными чередованиями $\alpha^1 \parallel \alpha^3$, $\alpha^1 \parallel \alpha^4$, $\alpha^1 \parallel \alpha^5$, то и «нормальные» случаи, за вычетом всех перебивов, т. е. случаи $\alpha^1 \parallel \alpha^2$, могут быть переквалифицированы в грамматикализованные и лексикализованные, могут рассматриваться в их ряду.

Таково положение во французском вокализме для ряда чередований. Другие чередования (например, [е] || [ê]) явно позиционны, но в этих случаях само противопоставление в сильной позиции оказывается факультативным — и тем самым чередование тоже факультативно.

Система парадигматических нейтрализаций и, следовательно, вся парадигматика гласных фонем во французском языке мало актуальна. (Это еще в большей степени относится к системе согласных фонем.)

Напротив, синтагматика имеет первостепенную важность. Сочетаемость звуковых единиц остро значима. Произношение внутри слова [o] перед [z] даст, например, ложные сведения о границе слова (внутри слова перед [z] может быть только [ô], не [o]). Так же исказит диэремные данные произношение [ô] перед [r].

Х. Как видно, языки могут быть либо преимущественно парадигматические, либо преимущественно синтагматические.

Это типологическое размежевание может отделять друг от друга родственные языки. Например, из индоевропейских французский, армянский — явно синтагматические языки¹⁰, русский, литовский — парадигматические.

Даже более тесное родство допускает такую типологическую контрастность: русский литературный язык, белорусский — парадигматические; украинский, сербохорватский — синтагматические языки. Польский язык, севернорусские говоры (ладого-тихвинской группы, где нет нейтрализации ⟨э⟩ — ⟨а⟩ под ударением) — промежуточные: у них синтагматичен вокализм, парадигматичен консонантизм.

¹⁰ То, что сказано о согласных французского языка, может быть в принципе повторено о согласных армянского.

XI. Это типологическое противопоставление языков имеет и практическое значение. В парадигматических языках орфография должна в принципе строиться так, как русская (такую орфографию называют фонематической; точнее — она парадигмо-фонематическая). В синтагматических орфография должна строиться так же, как в украинском или сербохорватском (такую орфографию называют фонетической, но на самом деле она синтагмо-фонематическая).

В прекрасной статье А. А. Холодовича «О проекте реформы корейской орфографии 1949 г.»¹¹ показано, что парадигматическая нейтрализация — характерный признак корейской фонетики, и на этом основании предложен принцип ее построения, который можно назвать последовательно парадигмо-фонемным.

XII. Чем объяснить такое типологическое разграничение языков?

Парадигматика определяется необходимостью отождествлять языковые единицы, синтагматика — необходимостью их разграничивать.

В каждом языке осуществляются две специфически языковые функции: называть и предицировать.

Назвать — значит выделить из всего что-либо одно, нужное для мысли; языковой единицей, сложной или простой, обозначить координаты чего-либо.

Прецировать — значит соединить два названия, выразив средствами языка, что соединение произведено сейчас, в текущей речи, говорящим, не представляет собою готовую спайку единиц.

Номинация (называние) в полной мере осуществляется, если единица, с помощью которой называют (или сочетание единиц, которое целостно называет), не впервые встречается говорящему/слушающему. Или целиком, или по частям она должна быть им, участникам речевого действия, уже знакома. Не может быть речевого акта, в котором все называющие единицы (слова, морфемы, из которых они состоят) употреблены в первый раз, — в таком речевом акте не будет выполнена функция называния.

Наоборот, вполне возможен акт речи, где все номинативные единицы уже знакомы, не раз употреблялись.

С другой стороны, не может быть речевого акта, в котором все предикативные единицы (предложения) предстают не как созданные в данной ситуации, а как по своей природе повторные, издавна сформированные, намертво связанные с данной ситуацией, всегда ее сопровождающие. Даже в таком речевом акте: — *Здравствуйте!* — обнаружена предикативная единица, заново созданная в протекающей ситуации: соединено — на глазах собеседника — выражение приветливости (внимания, уважения, дружеского расположения и их оттенков) с обозначением лица; это — две номинации; они соединены говорящим в то

¹¹ В кн.: Вопросы корейского и китайского языкознания (Учен. зап. ЛГУ им. Жданова, № 236. Сер. востоковедч. наук, вып. 6). Л., 1958. См. еще: *Холодович А. А.* Очерк грамматики корейского языка. М., 1954, с. 5–9, 15–31.

мгновение, когда он говорит: «Здравствуйте!». Название лица может быть дано в речи словесно (*Здравствуйте, Семен Семенович!*) или жестом, взглядом, всей ситуацией.

Вполне возможен акт речи, где все предикативные единицы новехоньки, ни разу не встречались ни говорящему, ни слушающему.

Таким образом, две важнейшие функции языка — номинация и предикирование, которые совместно обеспечивают обмен мыслями между говорящими, основаны одна на отождествлении единиц, другая на неотождествлении, разграничении. Тем самым эти две функции становятся актуальны для всех ярусов языка, и в том числе — фонетического.

XIII. Усиление одного устремления — к отождествлению единиц и усиление другого — к разграничению их составляют особую антиномию в развитии языка. Движение в одном направлении неизбежно приводит к смене тенденции и к движению в другом направлении. (В истории славянских фонетических систем такой перелом — эпоха падения глухих гласных.) Это обычная для языка форма движения: «Определяющей закономерностью является одна, и если на предыдущей стадии развития такую определяющей была закономерность А, то на последующей стадии, когда начинает действовать закономерность В, закономерность А уничтожается, устраняется, отрицается, но уничтожается, устраняется, отрицается как решающая, одновременно сохраняясь как подчиненная, побочная: она снимается»¹².

XVI. Типологические классификации языков могут быть построены в разных плоскостях. Языки парадигматические и языки синтагматические — одна из таких плоскостей.

XV. Возможно, что это типологическое разграничение верно не только для фонетики, но для грамматики.

¹² См. статью А. А. Холодовича в кн.: Языковедение и материализм. Вып. 2. М.; Л., 1931, с. 81—82.

О восприятии звуков*

Звуки языка ассоциативно связаны с незвуковыми представлениями. Эти связи более или менее одинаковы у большинства носителей данного языка, например — русского. Интересны ли эти факты для фонетики? Что они дадут для понимания звукового строя языка?

Сознание говорящих отражает объективно существующие закономерности в звуковой системе языка. Это отражение вряд ли может интересовать фонетиста как самостоятельный объект изучения. Но в качестве зеркала, отражающего тот объект, который исследует фонетика, для языковеда интересны и факты сознания говорящих. Опасно, если это зеркало становится единственным источником наших знаний о фонетической системе: но вместе с другими показаниями и оно может сослужить свою службу.

Например, фонетисты предполагают, что во многих языках дихотомически противопоставлены низкие и высокие звуки. К низким относятся губные и заднеязычные согласные, а также непередежные гласные; к высоким — все остальные. Главный упрек, который слышат создатели этой схемы, заключается в том, что это — умозрительная схема и существует она только в работах фонетистов; она приписана, навязана языку; в ней нет необходимости. Во многих случаях этот упрек справедлив: часто в фонетических работах разделение на низкие и высокие звуки используется просто как модная новинка, применение этих терминов не приносит никакой пользы по сравнению с привычными терминами. Но верно ли, что они во всех случаях нецелесообразны, что они навязаны языку и являются искусственной выдумкой лингвистов, старающихся все признаки звуков уложить в дихотомическое прокрустово ложе?

Нет, неверно. Это противопоставление функционально значимо в языке, поэтому отражается в сознании говорящих. А существование противопоставления «низкие — высокие» в сознании говорящих обнаруживается так: со всеми низкими звуками говорящие связывают одни представления (темного, глубокого, шероховатого и т. д.), со всеми высокими — прямо противоположные (светлого, высокого, гладкого и т. д.). Это — важное показание, раскрывающее, как отражено в сознании носителей языка его устройство; нет основания считать это отражение ложным.

Есть одна область речевого поведения, где противопоставленность низких и высоких сказывается очень ярко и определенно: я имею в виду русскую

* Развитие фонетики современного русского языка. М.: Наука, 1966. С. 155—162.

заумную поэзию во всех ее многообразных стилистических разветвлениях и школах. Здесь оставляется в стороне вопрос о художественной ценности зауми; произведения поэтов-заумников интересуют нас только как речевые проявления лиц, представляющих русскую речевую среду¹.

Разберем несколько примеров. Стихотворение Алексея Крученых «Глухо-немой»:

Муло́миг
 у́лва
 глулов кул...
 амул ягул валгул
 за-ла-о
 у гул
 волгала гыр
 марча

Если обозначить буквой *н* — низкие звуки, буквой *в* — высокие, то этот текст можно изобразить так:

нннннвн
 нннн
 нннннн ннн
 нннн ввннн нннннн
 вн-нн-вв
 н ннн

¹ Иногда заумь строится на воссоздании определенного эмоционального типа речи. Ср. у И. Зданевича:

ба́нька каку́йка визии́йка
 будю́титька ва́ська маму́дя
 ую́ля ава́йка выбитити́юшка
 аблю́ся сякава́ка мукигугу́ня...

Здесь «действительно много подмечено из детского лепета и фонетически вполне передан быстрый испуганный рассказ ребенка на его ребячьем языке», — пишет С. Третьяков. Ср. «Испуганную мещанскую песню» А. Крученых.

Иной эмоциональный тип речи воспроизведен в стихотворении «Болтовня» И. Зданевича

теоти пе́сти ве́стибирести
 пагани́нчики виести
 э́хчака чо́ка
 чо́ка сучо́ка
 ра́чики жва́чики ба́нчики ко́ка...

Стихотворение такого типа не использовались в работе, так как их соотнесенность с определенными типами эмоциональной речи, их имитационность может осложнить чисто фонетическую выразительность.

ннннннн ннн
ннввнн

Т. е. на 52 низких звука (включая [л]) — 6 высоких, т. е. отношение «низкие : высокие» = 90% : 10%. В норме же, в обычной речи, это отношение равно 50% : 50%.

Образ глухонемого дан огромным преобладанием низких звуков, скопление артикуляционно вязких, напряженных звукосочетаний.

У Александра Туфанова в стихотворении «Весна» иной эмоциональный тон и иное соотношение низких и высоких:

Сиинь соон сийй селле соонг се
сиинд сеельф сиййк сигналъ сеель
лийй левиш ляик лийсиньлюк
ляай луглет ляав лилийн лед

Здесь на 71 высокий звук — 24 низких, т. е. 75% : 25%. В обыденной речи соотношение не столь контрастно (см. выше).

Так как обычная наша речь дает большое преобладание согласных высоких над низкими (33% : 21%), то в зауми стал обычным выразительным приемом противоположный перевес — низких над высокими. Для того, чтобы сделать преобладание высоких экспрессивно-значимым, надо ощутимо превысить их нормальное господство в обыденной речи, т. е. почти вытеснить низкие согласные — внести в стих фонетическое однообразие (что и случилось у А. Туфанова). Напротив, низкие, более редкие в речи, могут, не угрожая однообразием, увеличить свою чистоту в тексте (не обязательно даже до степени преобладания над высокими) — и это будет восприниматься как значимая особенность текста. Например, в стихотворении Николая Церукавского «Боги неги...» преобладание низких согласных над высокими незначительно, но велик контраст с распределением низких и высоких в обычной речи, и поэтому стих воспринимается в окраске низких согласных:

Боги неги, боги буки,
Деревянный сброд.
Боги неги, вы в испуге
За побитый бутерброд...
Лежебоки, буки, маги,
Одураченные пни.
На песке и на бумаге
Лики тлеющей ступни.
Злые куклы наши боги,
Каждый бог и зол и худ,
Злые боги, куклы в ноги —
Вашу мерзкую труху.
Были боги, боги-буки,
Деревянный сброд.

А теперь дрожат в испуге
За побитый бутерброд.

(Стихотворение построено из обычных слов, но каждое из них берется только как фонетический «кортеж», и поэтому весь стих — демонстрация виртуозной зауми².) Здесь низкие слегка превышают 50% всех согласных, но на фоне обычного преобладания высоких они оказываются особо ярко окрашивающими стих.

Так же в стихе Велемира Хлебникова, описывающего грозу:

Гам гра гра ран ран.
Пи-пипизи...
Бай гзозгизи...
Вейгзозгива...
Гога, гаго...
Гаго, гога!
Зж. Зж.
Мн! Мн! Нм!
Мэ-момомуна...
Моа, моа,
Миа, сву.
Вей вай эву!..
Взи зоцерн. Вэ — церци.
Вравра, вравра!
Врап, врап, врап!...
Гугога. Гак. Гакри.
Вува вэво...
Цирцици!

Преобладание низких обычно в заумных стихах трагедийного характера, с общим «отрицательным» эмоциональным тоном, с тематикой бури, несчастья, неприятия мира, отчаяния и т. д. (см. выше стихотворение А. Е. Кручных «Глухонемой», В. В. Хлебникова «Гроза», Н. Н. Церукавского «Боги не-

² Так же построены некоторые стихи Алягрова (Р. Якобсона):

Кит ы так и н́кая
арияк
этикетка т́хая ткань тьяк
ткания кантик
а ó орш́ат кьянт и тюк
таки мяк
тмя́нты хня́ку шкя́м
анмя кыкь...

Ср. еще стихотворение И. Терентьева «Серенький козлик» и др.

ги...»)³. Но так же могут быть построены и юмористические стихи. Пример — из заумной комедии «Осел напрокат» Ильи Зданевича:

Ржа
 нанайп катáльчик ступь латухтítаса
 шушúкала багарóдикась ваванóсие
 агáиш агáиш
 мамсы́ка варáзи жудú
 чан
 дып
 мух
 го
 вагáпика кухáркая бастáвица
 панаклén ыфахудóкабля жрясь
 булúбля.

Здесь 100 низких звуков (гласных и согласных) и 55 высоких; преобладание низких, по сравнению с обычной речью, велико. Тем не менее это — очевидный отрывок из комедии; несомненна установка на комизм. Она определяется в первую очередь сочетанием заумных «корней» (первой части выделяемых тактов) с иллюзорными аффиксами, завершающими эти такты. Создается впечатление мнимосинтаксической речи. На фоне таким образом созданной комичности мрачный колорит, создаваемый огромным перевесом низких звуков, сам воспринимается как резко контрастный с общей заданностью текста и поэтому усиливающий комизм.

Тот же фонетический эффект используется и Алексеем Чичериным:

Дылда был тел, пыпател, пыпател, ды и падьдел пуд дел
 Жил: гол гыладал, пил обыли пуль, бил: был.
 Были у Дылды Нылды — йилдак в йилдак —
 так: ели-пили — храп били.
 Былда была — пот так допыла, топыла — Пульхерия Попыла.

Итак, заумь очень часто строится на резком преобладании низких звуков над высокими; реже — на резком преобладании высоких над низкими. В первом случае содержание стиха обычно направлено на объекты, имеющие «темную» эмоциональную окраску, во втором — «светлую». Эта контрастность смазы-

³ Нет необходимости предполагать, что поэты-заумники могут рисовать объект только через передачу эмоционального тона, связанного с этим объектом. Иногда предметное содержание передается иными путями (ср. характеристику стиля А. Крученых, данную Б. Пастернаком: «Там, где иной просто назовет лягушку, Крученых, навсегда ошеломленный пошатыванием и вздрагиванием сырой природы, пустится гальванизировать существительное, пока не добьется иллюзии, что у слова отрастают лапы»). Поэтому в стихах, посвященных объектам, которые освещены положительной эмоцией, преобладание высоких звуков вовсе не обязательно. Достаточно, что оно несомненно в некоторых стихах такого эмоционального тона.

вается, если сопоставлять в каждом тексте не низкие и высокие звуки, а отдельные группы: губные — зубные — переднеязычные — заднеязычные. Большей частью окажется, что в тексте губные незначительно усилены и заднеязычные незначительно усилены; лишь их объединение в одну группу обнаружит резкий перевес их над всеми остальными согласными. Контраст основан именно на единстве всех низких в противоположность высоким.

Все эти выводы законны, если приведенные тексты действительно выразительны, если они имеют предметную отнесенность (подразумеваю под предметом, конечно, не только вещь⁴. Иначе они окажутся опытами по нарочитой подборке звуков, и как нарочитую подборку эти тексты нельзя рассматривать в качестве показательного речевого свидетельства.

Был проведен такой опыт: 19 человек (студенты филологического факультета МГПИ) получили текст семи стихотворений, среди них — приведенные выше «Глухонемой» А. Е. Крученых, «Весна» А. П. Туфанова, «Гроза» В. В. Хлебникова, «Монолог из комедии» И. М. Зданевича и еще три стихотворения:

Василия Каменского «Каторжная — таежная»:

Шшо да шшо да не нашшоками
А впропольз брюшиной шша —
Жри хувырдовыми шшоками
Раздобыривай лешша⁵;

⁴ Но предметная отнесенность не должна основываться на ассоциациях с реально существующими словами. С. Третьяков писал: «Критик... не учуял большой остроты фонетического восприятия слов в строке:

сáрча крóча... (А. Крученых),

где есть и парча, и сарынь, и рычать, и кровь, смелым узором брошенные в ковровое пятно» (сб. «Бука русской литературы». М., 1923, с. 4—5). Именно поэтому стихи, рассчитанные на такое ассоциирование, и не могут быть материалом для чисто фонетического анализа (позволяющего установить некоторые факты звуковой системы через сознание говорящих).

Ср. еще у О. Розановой:

А Клемантина!
Уважь ат места!
Твой Чарный кварум
Горит якмясто!
Диванье море
Увает марем
Играэ звает
о
к
Марэм
Чарэм!

⁵ «Как ни расценивать „заумную“ литературу, отказывающуюся от самого могущественного свойства слова — от его значения, нельзя отказать в звуковой выразительности данному стихотворению» (Б. В. Томашевский).

Елены Гуро «Лес и озеро»:

Это ли. Нет ли.
 ...Шуют-шуют...
 Лулла, лолла, лулла гу
 Лиза, лолла, лулла-ли.
 Шуют-шуют,
 Ги-и; ги-и-у-у.
 Хей-гара.
 Тере-дере-дере...
 Холе-куле-нээ.
 Тио-и.
 ви-и...

Велемира Хлебникова (без названия⁶):

Эмч, Амч, Умч!
 Думчи, дамчи, дбмчи,
 Макарако, киочёрк!
 Цицилицы цицици!
 Рйчи чйчи ци-ци-ци.
 Ольга, Эльга, Альга!
 Пиц, пач, поч! Эхамчи!

Участникам опыта были сообщены названия стихов, но не сказано, какое название к какому тексту относится: это должны были установить они сами.

В последних двух столбцах отмечены ответы на вопрос: Выражает ли стих чувство радости, счастья, веселья? Отрицательные ответы — в столбце с минусом, положительные — в столбце с плюсом (не все участники опыта дали ответы на этот вопрос).

Участникам опыта было сказано, что некоторые стихи имеют одинаковые названия. Это подчеркивало и несоответствие числа текстов (7) числу названий (6). Таким образом, была стимулирована свобода в выборе названия для каждого стиха (не будь этого условия, каждый, приурочив шесть названий к текстам, седьмой стих должен был бы поневоле озаглавить оставшимся заглавием, т. е. выбор для названия последнего стиха был бы ограничен)⁷.

Результаты опыта таковы:

⁶ Это — монолог Эрота в «Досках судьбы», но предметная отнесенность монолога в тексте не раскрыта.

⁷ Этот же опыт был проведен с сотрудниками Института русского языка. Результаты в принципе такие же. В частности, стихотворение В. Хлебникова было оценено большинством как «Монолог из комедии». Это можно понять: стихотворение Хлебникова — отрывок из его поэмы. Поэма драматизирована: она состоит из реплик двух собеседников — Эрота и Венеры; приведенный стих — реплика Эрота.

Мифология у Хлебникова гротескна (см., например, его поэму «Венера и леший»); поэтому есть основания считать названное стихотворение «Монологом из комедии».

Тексты	Названия, данные текстам							
	1	2	3	4	5	6	—	+
1	9	0	4	1	2	3	13	—
2	0	7	0	2	0	12	4	13
3	2	3	5	2	3	3	6	6
4	2	0	0	15	0	2	7	5
5	0	0	0	2	17	0	18	—
6	5	5	0	3	0	6	4	—
7	1	1	4	12	0	1	3	4

Условные обозначения. 1 — «Глухонемой» А. Е. Крученых; 2 — «Весна» А. П. Туфанова; 3 — «Гроза» В. В. Хлебникова; 4 — «Монолог из комедии» И. М. Зданевича; 5 — «Каторжная—таежная» В. В. Каменского; 6 — «Лес и озеро» Е. Г. Гуро; 7 — «*» В. В. Хлебникова.

Результаты показывают, что для участников опыта эмоциональное и предметное содержание стихов было в большинстве случаев ясным. Очевидно, эти стихи могут рассматриваться как проявления стабильных, многим носителям русского языка свойственных фонетических восприятий. Сами эти восприятия отражают особенности русской звуковой системы. В частности, резкие сдвиги в этих стихах в сторону преобладания низких или в сторону преобладания высоких звуков говорят о том, что в сознании говорящих (*ergo*: в системе языка) существует дихотомическое противопоставление «низкий : высокий различительный признак».

Последнее замечание: в подсчетах у нас везде [л] (твердый боковой) отнесен к числу низких, хотя он и зубной. Основание для такого «пересмотра» вопроса о его характеристике дает именно стих: заумные стихотворения, где преобладают низкие, обычно насыщены и звуком [л]. Справившись в работах, посвященных спектрографическому исследованию русских звуков, убеждаемся, что отнесение [л] к низким возможно⁸.

Итак, мы использовали стих для того, чтобы подкрепить некоторые фонетические положения. Заумь (повторяю, что литературно-эстетические достоинства ее в этой статье не обсуждаются) оказалась особенно удобной для такого использования, так как в ней выбор звуков не обусловлен, не ограничен выбором значимых слов.

⁸ См.: *Romportl M. Zvukový rozbor ruštiny*. Praha. 1962, с. 133—134.

О том, как составлялся вопросник по произношению*

Языковые факты можно собирать с помощью анкет-вопросников.

Фонетические вопросники используются давно, и давно фонетисты смотрят на них с недоверием. Как знать, умеет ли отвечающий слушать свое произношение? Хочет ли он сказать правду или предпочитает из произносительных вариантов, ему известных, «присвоить» тот, который считает лучшим (более культурным, красивым, распространенным)? Понимает ли он, что произношение отличается от орфографической передачи слова — может быть, его спрашивают о звуках, а он отвечает о буквах? Сомнения эти основательны.

Приведу одну элементарную логическую задачу. «Пусть известно, что жители некоторого города А всегда говорят правду, а жители соседнего города Б всегда обманывают. Наблюдатель Н. знает, что он находится в одном из этих двух городов, но не знает в каком. Путем опроса встречного ему требуется определить, в каком городе он находится, или в каком городе живет его собеседник (жители А могут заходить в Б и наоборот), или то и другое вместе. Спрашивается, каково наименьшее число вопросов, которые должен задать Н. (на все вопросы Н. встречный отвечает лишь „да“ или „нет“)?»¹

Определяя энтропию предложенных опытов, узнаем, что оба вопроса выяснить, получив один ответ («да» или «нет»), нельзя. Надо задать минимум два вопроса и получить на них два ответа.

Но ведь если мы отвечающему предлагаем задание: Определите, мягко ли Вы произносите *Д* в слове *две* — мы именно и пытаемся получить такое «да» (или «нет»), которое отвечало бы сразу на два различных вопроса.

Действительно, задача одна и та же. Мы спрашиваем у отвечающего: правильно ли вы оцениваете свое произношение (живете ли вы в городе праведников или в городе лжецов) и так ли вы произносите данное слово. Первый вопрос отдельно не задан, но он неизбежно участвует в формировании ответа, того «да» или «нет», которое мы получаем.

Значит, надо разделить этот вопрос на два и отдельно на каждый из них получить ответ.

* Развитие фонетики современного русского языка: Фонологические подсистемы: Сб. ст. М.: Наука, 1971. С. 294—301.

¹ Яглом Д. М., Яглом И. М. Вероятность и информация. М., 1960. С. 107.

Как это сделать? Спрашивать напрямик, имеет ли отвечающий фонетический слух, бессмысленно. Девиз «ты сам свой высший суд» в этом случае неприменим.

Было сделано так: в вопросник ввели задания, правильный ответ на которые нам был заранее известен. В сочетаниях [с'т'], [з'д'] мягкость первого зубного (перед мягким вторым) обязательна в литературном языке. Задается вопрос: «Мягко или твердо Вы произносите С в слове *кость*?» Ответ: «твердо» — означает, что информант либо не слышит свое произношение, либо он владеет какими-то редкими диалектными речевыми навыками. И в том и в другом случае его ответы на наши вопросы (по крайней мере, о твердости—мягкости согласных) ненадежны, и они не могут приниматься во внимание. Ответ: «мягко» — означает, что информант слышит себя (и произношение его литературно). Тогда есть достаточные основания считать другие его ответы о твердости—мягкости согласных правильными.

Итак, задания в «Вопроснике по современному русскому литературному произношению» делятся на две группы: одни проверяют фонетические «полномочия» информанта², другие предназначены для выяснения его произношения. (Судя по предварительным данным, фонетическая глухота на согласные распространена несколько меньше, чем на гласные).

Но даже те, кто «допущен» к свидетельствованию о своем произношении, в ответах на отдельные вопросы могут не слышать себя, быть невнимательными, поддаваться гипнозу орфографии. Поэтому в вопроснике отвечающий часто вызывается на очную ставку с самим собой. Одно его показание проверяется другим. При этом вопросы задаются в разной форме, так что их идентичность остается в той или иной степени скрытой. Например, предлагаются такие вопросы:

30. Как Вы произносите:

с^бпинка или с^бпинка (*спинка*)?

с^б пивом или с^б пивом (*с пивом*)?

с^бпишет или с^бпишет (*спишет*)?

с^бпи или с^бпи (*спи*)?

.....

34. Сравните:

испечь — испортить

В каком слове Вы С произносите мягче? (Подчеркните это слово; если же разницы в произношении звуков С нет, то подчеркните оба слова.)

Оба вопроса устанавливают одно и то же: произношение зубного С перед мягким губным ПЬ. Но форма вопроса и заданные слова — разные. Во втором случае (вопрос 34) спрашивается менее категорично: не о том, какой согласный мягок, а о том, который из них мягче. Неудивительно, что есть (и не мало)

² Действенность этих вопросов обследовалась в некоторых коллективах филологов. Молодежь шуточно прозвала этот тип вопросов: «балда или не балда».

отвечающие, которые сообщают, что в словах *спинка*, *спи* они С произносят твердо, а в слове *испечь* у них С мягче, чем в *испортить*. Это означает, что на второй, более обходительный и деликатный вопрос, они ответили правдивее, чем на более категоричный. В самом деле: в *испечь* звуки С и ПЬ разделяет морфемная граница, в этих случаях всегда мягкость менее вероятна, чем в пределах одной морфемы (*спи*, *спинка*). Ожидалось бы, что большее число ответит, что мягко произносится *спинка*, *спи*, чем *испечь*. Если получилось наоборот — то, значит, второй (= 34) вопрос — более тонкое орудие обследования, чем первый (= 30). Этот тип вопросов был найден С. М. Кузьминой. Нужны, конечно, дальнейшие поиски наиболее действенных форм вопросов.

В других случаях вопрос варьируется, но слова берутся одни и те же:

25. Как Вы произносите:

з^вверь или з^ьверь (*зверь*)?

.....

39. Сравните:

зверь — звать

В каком слове Вы З произносите мягче? (Подчеркните это слово; если же разницы в произношении З нет, то подчеркните оба слова.)

Вопросы достаточно далеко расставлены (25-й и 39-й), чтобы исключить их влияние друг на друга.

Вот еще случай, когда отвечающий проходит двойную проверку:

36. а) Совершенно ли одинаково Вы произносите последние звуки в словах: он бы смог — промок?

Образуют ли эти слова в Вашем произношении точную рифму? Да. Нет. (Подчеркните.)

б) Одинаково ли Вы произносите последние звуки в словах:

засох — не мог?

Образуют ли эти слова в Вашем произношении точную рифму? Да. Нет. (Подчеркните.)

Если ответы верны, то предполагается, что ответ «да» на вопрос 36а предполагает ответ «нет» на вопрос 36б — и наоборот. Если дается два раза ответ «нет» или два раза ответ «да», то информант не слышит своего произношения.

Так же построены вопросы 46:

46. а) Полностью ли рифмуются (совпадают) в Вашем произношении концы слов: (берег) дикий } Да. Нет. (Нужное подчеркните)
(усыпан) брусничкой?

б) Совпадают ли по звучанию в Вашем произношении концы слов *ИсаКИЙ* — *всяКИЙ*? (Да. Нет.)

Известно, что в словах *жасмин*, *ужаснется*, *шатен* может произноситься (в литературной речи) и [а] и [ы⁹] в предударном слоге. С другой стороны, в этих же словах вариативны согласные, следующие после предударного гласного: произносится *жа[с']мин* и *жа[с]мин*, *ужа[с']нется* и *ужа[с]нется*,

ша[т']ен и *ша[т]ен*. Замечено, что гласный [ы³] произносится чаще, если после него следует мягкий согласный.

В вопроснике задаются такие вопросы:

27. Как Вы произносите:

жасмин: ж^эсмин или ж^асмин?

ужаснется: уж^эснется или уж^аснется?

шатен: ш^этен или ш^атен?

(Буквой «Э» над строчкой здесь обозначен звук, средний между Э и Ы)

44. Как Вы произносите слово *жасмин*:

жас^бмин или жас^вмин?

12. Как Вы произносите С в следующих словах:

ужас^бнется или ужас^внется?

.....

67а. Как Вы произносите следующие слова:

шаТЭн или шаТЕН?..

.....

Предположим, после подсчета ответов на эти вопросы окажется, что указанные типы произношения действительно связаны: если в вопроснике отмечена мягкость в этих словах, можем с достаточной уверенностью предполагать, что указан предупредительный гласный типа Э, т. е. [э^б] или [ы³]. В таком случае окажутся подтвержденными: 1) правильность высказанного выше предположения; 2) надежность результатов вопросника. Здесь ответы на один вопрос проверяют ответы на другой; при этом каждый из них является одновременно и проверочным, и несет самостоятельную информацию. Проверяется в этом случае не правильность данного ответа, а правильность ответов в их массе.

Введение перекрещивающихся вопросов о словах *жасмин*, *ужаснется*, *шатен* было предложено В. Н. Сидоровым (во время обсуждения проекта «Вопросника» в Институте русского языка АН СССР).

«Перекрестному допросу» подвергаются отвечающие при ответе на задания о безударных гласных после твердых шипящих. Задается вопрос:

9. Одинаковые ли гласные Вы произносите после Ш в словах *шалят* и *Шалятин*?

Да. Нет. (Нужное подчеркните.)

Общеизвестна фамилия *Ш[а]лятин*; произношение ее с [ы³] встречается исключительно редко. Она использована как эталон: с нею сравнивается вариативное по произношению слово *шалят*. Далее использованы другие типы вопросов, тоже выясняющих произношение безударных гласных (в слоге, непосредственно предшествующем ударному) после Ш, Ж:

11. Как Вы произносите гласный после Ж в следующих словах (подчеркните):

жара: ж^эра, или ж^ара, или ж^бра?

.....

20. Похож ли в Вашем произношении первый гласный в слове *жара* на первый гласный в слове *орать*? Да. Нет. (Нужное подчеркнуть.)

Вопрос задается в двух разных формах. Второй вопрос дает недвусмысленный, явный образец *орать* (с [а] или [л] в литературном произношении); с ним легко сравнить произношение слова *жара* (т. е. или *ж[а]ра* — с тем же гласным, что и в слове *орать*, или *ж[э^б]ра*, *ж[ы^з]ра*). Положительный ответ («Да») не может здесь быть спровоцирован орфографически: написания *жара* и *орать* по-разному передают предупредительный гласный. Тот же прием для той же фонетической темы (безударный гласный после твердых шипящих) еще раз:

16. Как Вы произносите гласный после Ш в слове *шаги*: ш^зги, или ш^аги, или ш^бги?
14. Похож ли в Вашем произношении гласный после Ш в слове *шаги* на первый гласный в слове *цедить*? Да. Нет. (Подчеркните.)

Недостатком вопросов этого типа является неопределенность слова «похож». Какое-то количество отвечающих (вероятно, небольшое), произносящих *ш[а]ги*, сочтет, что гласный здесь «неясный» и похож на неясный гласный в слове *цедить*. Так же сомнительно (т. е. вызывало бы колебания и сомнения отвечающих) было бы и слово «тождественен» вместо «похож». Выход может быть такой: предложить два образца, т. е. спросить: Похож ли в Вашем произношении гласный после Ш в слове *шаги* на первый гласный в слове *цедить*? Или он больше похож на первый гласный в слове *одни*? Проверка, однако, показала, что громоздкость сопоставления трех произнесений затрудняет многих отвечающих.

Однако в других случаях было найдено применение для проверки проверяемого произношения по двум камертонам:

22. Подчеркните слова (среди приведенных ниже), в которых Вы после Ц произносите гласный А или похожий на него звук:

цена	глянцевитый
царить	танцевать
поцелует	облицевать

Вначале даны два слова: *цена* — явно со звуком не [а] после [ц], *царить* — явно с [а]. Отвечающий должен не подчеркивать слова *цена* и подчеркнуть *царить*. Это покажет, что он понял задание. А далее все последующие слова он будет равнять по двум образцам; он понял, что значит звук типа [а] после [ц], и станет подчеркивать все похожее на *царить*.

Вопросник содержит 768 заданий. Не раз во время обсуждения вопросника поднимался вопрос о его разбивке на несколько отдельных частей (чтобы каждый информант получал более посильную, менее объемистую нагрузку). Но хотелось получить сведения о взаимосвязи разных сторон произношения, о типичных сочетаниях одних орфоэпических навыков (например, относительно мягкости согласных) с другими орфоэпическими навыками (например, относительно безударных гласных). Поэтому было решено вопросник оставить в его полной и целостной (не партиципированной) редакции. Ответы информантов

показали, что это был правильный путь. Обычно ответы даются на все (или почти все) вопросы³. Но тем важнее проверить, не утомляется ли внимание отвечающих, не начинают ли они отвечать механически на вопросы. Нужны средства, позволяющие установить, не принялись ли отвечающие, утомясь, механически подчеркивать в столбце с заданиями либо все слева, либо все справа. Для такой проверки даны особые вопросы:

28. Как Вы произносите:

в из^ббе или в из^ббе (*в избе*)?

из^ббить или из^ббить (*избить*)?

без^б берега или без^б берега (*без берега*)?

з^б берега или з^б берега (*с берега*)?

о коз^ббе или о коз^ббе (*о косьбе*)?

Здесь последний вопрос — на проверку внимания. Конечно, *ко[зб']е* никто не произносит, и притом всякий слышит, что в словах *ко[з'б]а*, *ко[з'б']е* согласный [з'] мягок (его мягкость не обусловлена позиционно). Это — задание не на проверку фонетического слуха и не для того, чтобы получить сведения о произношении. Это вопрос: а вы не пишете ли, уже не думая о задании?

Такие распознаватели внимательности информанта в вопроснике использованы, пожалуй, меньше, чем следовало бы. Возможность невнимательных ответов, может быть, была при составлении заданий преуменьшена.

Главный, однако, враг вопросников — грамотность информантов. Орфографическое внушение способно спутать все карты при собирании данных по произношению путем анкет. Здесь нужны очень продуманные методические приемы.

Дается, скажем, такое задание:

Как Вы произносите: громкий крик или громкай (громкий) крик? Подчеркните.

Даже если все отвечающие произносят *гром[кѣ]*, все-таки большинство подчеркнет написание *громкий* (а для произношения с [кѣ] предназначены в вопросе написания с *-кай*, *-кый*). Это легко понять: ведь свое произношение каждый привык связывать с орфограммой *громкий*, знает, что она «правильно» (им, информантом) читается *гром[кѣ]*; а другое написание — страшное, чтение его непривычно. Так-то и получали ответы, показывающие, что во всем побеждает ленинградская, буквенная норма произношения (а она в одних отношениях, действительно, побеждает, а в других нет).

Необходимо максимально снизить влияние орфографии на ответы информантов. Нельзя давать на выбор два написания, одно из которых привычно,

³ Хотя возможно, что «невозврат» значительной части вопросников, всегда, как показывает практика, неизбежный (даже если они кратки), увеличивается за счет тех, кто испугался слишком большого числа вопросов.

«правильно», а другое неорфографично, «неправильно». Обе прилагаемые формы должны быть в этом отношении уравниены; их нельзя обе сделать орфографическими, значит, надо обе сделать неорфографическими. Использовать разные приемы. Например, такой:

33. Как Вы произносите согласные в следующих словах:

о бом^ббе или о бом^ббе (*о бомбе*)?

об^бмяк или об^бмяк (*обмяк*)?

бом^ббить или бом^ббить (*бомбить*)?

Оба написания неорфографичны.

58. Как Вы произносите буквенное сочетание ЧН в следующих словах:

а) було^чная или було^шная?

взято^чник или взято^шник?

горчи^чник или горчи^шник?

Одно написание орфографично, но типографски оба поданы необычно, это разбивает автоматизм восприятия, заставляет оценивать написание с точки зрения данного задания. В данном случае этого достаточно, так как различие [ч'н] — [шн] фонематически значимо и легко опознается говорящими.

Тот же прием, в иной типографской интерпретации, использован в задании, где обследуется, как произносят, твердо или мягко, согласные перед Э:

арТЭрия или арТЭрия?

бакТЭрия или бакТЭрия?

брюНЭт или брюНЭт?

иНЭртный или иНЭртный?

иНЭрция или иНЭрция?

Иногда этот прием сочетается с использованием проверочных вопросов:

4. Как Вы произносите (подчеркните):

п^ошел или п^ашел?

т^опор или т^апор?

п^ором (на реке) или п^аром?

р^осказ или р^асказ?

Предполагается, что информант, заколдованный орфографией, подчеркнет: *пошел, топор, паром, рассказ*, а настоящий окальщик *пошел, топор, пором, росказ*. Впрочем, отношения [о—а] у литературно говорящих окальщиков (т. е. у тех, кто придерживается всех литературных норм, кроме одной: не владеть аканьем) очень и очень сбиты, — ср. произношение М. Горького, М. И. Калинина и др. «Литературные окальщики» могут произносить, очевидно, и *n[о]шел*, и *n[a]ром* (или вариативно: и *n[о]ром*, и *n[a]ром*). Вопросник их всех переведет в окальщиков, очарованных орфографией, т. е. приуменьшит число отклонений от нормы. Но лучшей формы вопроса найдено не было.

Объем вопросника большой; особенно важно было решить, как разместить задания, чтобы сделать утомление наименьшим. Мы обратились за советом

к Н. И. Жинкину; и он в подробном письме дал много ценных советов по «психологической композиции» вопросника.

Приемы проверки «фонетической вменяемости» информанта, о которых рассказано выше, помогают проверить каждый отдельный ответ — достоверен ли он. Есть и большая проверка — всего вопросника в целом. Например, спрашивается (в разных заданиях), мягко или твердо произносится [с] перед [л'] в словах *если* — *слива* — *слева* — *росли* — *слить* — *с Лизой*. Теоретически можно ожидать, что мягкость [с] в этих словах сохраняется не в одинаковой степени; в слове *если* она должна быть более устойчивой (и встретиться у большего числа лиц), чем в слове *слива*, в слове *слева* — более устойчивой, чем в слове *слева*, и т. д.

Если вся масса ответов подтвердит эти теоретические предположения, уточнив их, то, значит, вопросник не врет. И действительно, теоретические ожидания оправдались в очень большой степени. Значит, можно надеяться, что и в тех случаях, когда теоретически ответ не предвиделся, он отражает речевую реальность.

В вопроснике такого типа важно было так подобрать проверяемые слова, чтобы в минимальном их количестве отразить все существенные явления, фонетически изменчивые в нашу эпоху. В этой работе, в определении словесного репертуара вопросника, очень помогли советы Р. И. Аванесова, В. В. Виноградова, С. С. Высотского, С. И. Ожегова, А. А. Реформатского, В. Н. Сидорова.

О том, как кодировался фонетический вопросник*

Данные, полученные с помощью вопросников, имеют массовый характер. Они дают представление о том, как пользуются языком различные группы населения: возрастные, профессиональные и т. д. Реально данные вопросников — это море чисел. В настоящее время, после обработки в ЦСУ 11000 вопросников (не только фонетических), сектор современного литературного языка получил более миллиона чисел — для дальнейшей математической обработки и лингвистического осмысления. Естественно желание предельно механизировать обработку вопросников. Нельзя ли так составить анкеты, чтобы можно было, получив их от информанта, просто заправить в счетно-перфорационную машину — и после заправки, скажем, пятисот или тысячи вопросников, получить подсчет: сколько человек среди наших информантов в возрасте от 20 до 40 лет произносит [д]ве и сколько — [д']ве.

Можно представить себе такое решение этой задачи¹. Вопросник представляет собой длинную ленту, поперек ленты идут строчки — вопросы; около каждого вопроса (например, на левой стороне ленты) напечатаны два пустых квадрата. Если информант отвечает на вопрос «да», он должен зачеркнуть крестом левый квадрат, если «нет» — правый. Если не зачеркнуты оба квадрата (или оба зачеркнуты), то вопрос остался без ответа.

Тогда ленту можно заправить в счетно-перфорационную машину (определенного типа); два луча, скользя по левой стороне ленты, начнут считывать ответы «да», «нет» и «не ответил» (в зависимости от того, попадает ли этим лучам пустой или перечеркнутый квадрат). Технически такое решение вполне приемлемо.

Но оно вызывает психологические возражения. Операция: чтобы ответить «да», зачеркиваю левый квадрат — необычна для информанта. Инструкция неизбежно будет забываться в ходе ответа (а фонетический вопросник, как уже говорилось, велик: в нем более 700 заданий). Путаница неизбежна: будут зачеркивать «положительный» квадрат, считая, что дают отрицательный ответ, и наоборот. В принятой сейчас форме вопросника ответы даются информантами в привычном для них виде: нужно либо подчеркнуть один из двух

* Развитие фонетики современного русского языка: Фонологические подсистемы: Сб. ст. М.: Наука, 1971. С. 302—314. Статья написана в соавторстве с Г. А. Бариновой.

¹ При обсуждении ее были особенно ценными советы Г. П. Мельникова.

ответов, либо вписать его. Нет сомнения, что отвечающие имеют достаточный опыт в заполнении анкет; следовательно, занятие для них обычное и ошибки исключены едва ли не полностью. Очевидно, эта форма заполнения вопросника, удобная для информанта, и должна быть принята. Но она неудобна для машины. Вероятно, в дальнейшем будут найдены решения, удовлетворяющие и человека и машину; но пока полная механизация обработки вопросников невозможна.

Ответы, данные информантами, надо закодировать, условно обозначить цифрами, затем перенести эти цифровые обозначения на перфокарты, а уж их будет обрабатывать какая-нибудь перфорирующая машина. Вероятно, такая работа будет еще не раз применяться лингвистами; небесполезно поэтому поделиться нашим опытом по кодировке вопросников.

Принципы и приемы кодирования и структура инструкции во многом зависят от характера вопросов и расположения материала в вопроснике; поэтому при описании правил кодирования информации, получаемой из ответов на анкету-вопросник, придется говорить о содержании, цели и построении самих вопросов. Все вопросы основной части анкеты могут быть разделены на две группы: «независимые» и «зависимые»². При обработке ответов на «независимый» вопрос мы получаем частоту, характеризующую безусловную вероятность появления интересующего нас варианта произношения у определенной группы носителей языка.

При обработке ответов на «зависимый» вопрос мы получаем, кроме того, цифры, характеризующие вероятность появления данного варианта произношения при условии, что носители языка употребляют определенный вариант произношения другого слова. «Зависимые» вопросы отражают взаимосвязь отдельных ответов (и тем самым взаимосвязь самих фонетических фактов). Например, задается ряд вопросов о мягкости зубного перед губным согласным:

23. Как вы произносите согласные в следующих словах:

д^верь или д^бверь (*дверь*)?

д^ве или д^бве (*две*)?

под^виг или под^бвиг (*подвиг*)?

Можно предполагать, что в словоформе *две* мягкость окажется менее устойчивой и поэтому менее распространенной, чем в словоформе *дверь*. Ведь в словоформах *два, двух, двум, двумя, двое, двойка* и т. д. согласный [д] может быть только твердым (так как тверд следующий [в]); вся эта масса словоформ влияет на произношение словоформы *две*, и у нее [д] может оказаться твердым. Словоформа *дверь* такого «отвердительного» влияния не испытывает, у нее, вероятно,

² Эти термины условны и созданы для описания этапа кодирования, где обработка одного вопроса может зависеть от обработки другого. Существо дела лучше отражают слова «взаимосвязанные» и «несвязанные» вопросы.

более устойчиво традиционное мягкое произношение зубного согласного. Поэтому произношение словоформы *две* интересно изучать на фоне словоформы *дверь*: сколько лиц из тех, кто произносит *дверь* с мягким зубным, в слове *две* произносит тоже мягкий? Предварительное предположение: сравнительно многие. Далее: сколько лиц из тех, кто произносит *дверь* с мягким зубным, в слове *две* произносит твердый? Вероятно, некоторое число лиц в этой группе будет отмечено: ведь в слове *две*, предполагается, произношение твердого [д] более распространено, чем в слове *дверь*, т. е. некоторые произносят [д] *дверь*, но [д'] *ве*. Далее: сколько лиц из тех, кто произносит *дверь* с твердым [д], в слове *две* тоже произносит твердый? Предположительно: едва ли не все они. Наконец: кто из тех же лиц (с произношением [д] *дверь*) говорит [д'] *ве*? Возможно, это пустой класс, хотя, может быть, встречаются и такие чудачки.

По форме вопросы делятся на стандартные (большинство) и нестандартные. Есть два вида стандартных вопросов. Первый — требуется подчеркнуть один из двух или трех предложенных вариантов. Например:

10. Как Вы произносите С в следующих словах (подчеркните):

с^нег или с^бнег (*снег*)?

лес^ник или лес^бник (*лесник*)?

.....

11. Как Вы произносите гласный после Ж в следующих словах (подчеркните):

жара: ж^эра, или ж^ара, или ж^ира?

жалеть: ж^элеть, или ж^алеть, или ж^илеть?

.....

Причем левый из двух и крайние из трех вариантов обычно соответствуют более старой, традиционной норме произношения; правый же (или средний из трех) вариантов отражает новое произношение. Второй тип стандартных вопросов требует ответа «да» или «нет». Например:

14. Похож ли в Вашем произношении гласный после Ш в слове «шаги» на первый гласный в слове «цедить»? Да. Нет. (Подчеркните.)

или

9. Одинаковые ли гласные Вы произносите после Ш в словах «шаля» и «Шаляпин»?

Да. Нет. (Нужное подчеркните.)

Нестандартные вопросы отличаются от стандартных либо числом предлагаемых вариантов (больше трех), либо тем, что в них необходимо отдельно учитывать ответ и в тех случаях, когда подчеркнуты оба варианта, либо некоторыми другими особенностями. Вот некоторые примеры нестандартных вопросов:

- § 67 (б) строка 12: как Вы произносите: берет, бэрэт или берэт?

Другой пример:

40. Сравните произношение последних гласных в слове «поле»:

(град падал) на это поле 1

(работали) на этом поле 2

В каком случае, первом или втором, звук, обозначенный буквой «Е», больше походит на И? (От знака и проведите стрелку к 1-му и ко 2-му словосочетанию; если же в обоих случаях произношение последнего гласного одинаково, то проведите обе стрелки, к 1-му и ко 2-му.)

Примеры нестандартных вопросов и их обработки приведены также на с. 351.

Перейдем к описанию «Инструкции для кодирования фонетического вопросника». Всю инструкцию по кодированию фонетического вопросника оказалось удобно разбивать на две части.

Одна часть — меньшая по объему — содержит правила обработки стандартных вопросов. Она состоит лишь из двух пунктов: 1. Правила кодировки независимых вопросов; 2. Правила кодировки зависимых вопросов.

Обработка независимого вопроса заключается в том, что каждому ответу на вопрос приписывается соответствующая цифра в коде, независимо от того, какие цифры приписаны ответам на другие вопросы (содержательно: ответ на данный вопрос не требует сравнения с ответами на другие вопросы). Примеры стандартных независимых вопросов приведены выше.

Правила кодирования стандартных независимых вопросов см. в табл. 1.

Информантом в ответе на вопрос подчеркнуто	В коде
	записывается
«Да», левый из двух вариантов или крайний из трех вариантов	1
«Нет», правый из двух вариантов или средний из трех вариантов	2
Нет ответа	0

Но иногда встречаются анкеты, в которых подчеркнуты оба варианта (или даже три, если в вопросе их дается три).

Как поступить в этом случае?

Как уже говорилось на с. 348, левый или крайние варианты в стандартных вопросах отражают старую норму, правый или средний — новую. Значит, подчеркивание и левого и правого или и крайнего и среднего варианта говорит о том, что в речи информанта наблюдается колебание, т. е. ему свойственны обе нормы. В этом случае мы предпочитаем отнести информанта к представителям старой нормы, т. е. обрабатываем его ответ так, как если бы он подчеркнул только левый или только крайний вариант. Значит, мы сознательно увеличиваем процент информантов — представителей старой нормы. Это не страшно в том случае, когда цель работы — изучение развития произношения. Ведь если даже в этом случае число говорящих по-новому достаточно велико, значит, новое произношение действительно побеждает. Но если бы мы отнесли информантов с колеблющимся произношением к представителям новой формы,

мы рисковали бы констатировать победу нового произношения в случае, когда оно еще мало распространено.

Ответ на «независимый» вопрос не требует сравнения с ответами на другие вопросы; ответ на «зависимый» вопрос, напротив, должен быть соотнесен с ответом на какой-либо другой вопрос.

Правила обработки стандартных зависимых вопросов см. в табл. 2.

Таблица 2

Если у «у»* в коде	у «х»* подчеркнуто	В коде у «х»* записывается
1, 3, 5 (нечетные)	левое или крайнее слово	1
	правое или среднее	2
2, 4, 6 (четные)	левое или крайнее	3
	правое или среднее	4
0	левое или крайнее	5
	правое или среднее	6
Любая цифра	нет ответа	0

* Через х обозначен вопрос, подлежащий обработке («зависимый»), через у — вопрос, от которого «зависит» х.

Приведем пример обработки «зависимого» вопроса по этой схеме. Пункт 33В (т. е. третья строка 33-го вопроса) зависит от 33А (т. е. первой строки). Ниже помещены пять разных вариантов кода в зависимости от того, какие слова подчеркнуты в ответе (цифра кода ставится слева).

- 1) 33. Как Вы произносите согласные в следующих словах:
 - 1 а) о бом^ббе или о бом^ббе (о бомбе)?
 - 1 б) об^бмяк или об^бмяк (обмяк)?³
 - 1 в) бом^ббить или бом^ббить (бомбить)?
- 2) 1 о бом^ббе или о бом^ббе?
2 бом^ббить или бом^ббить?
- 3) 2 о бом^ббе или о бом^ббе?
3 бом^ббить или бом^ббить?
- 4) 2 о бом^ббе или о бом^ббе?
4 бом^ббить или бом^ббить?
- 5) 0 о бом^ббе или о бом^ббе?
6 бом^ббить или бом^ббить?

Вторая часть инструкции (о нестандартных вопросах) значительно больше первой по объему. Она представляет собой основной корпус инструкции («за скобки вынесены» лишь часто повторяющиеся указания на обработке стандартных вопросов — первая часть); здесь содержатся: 1) указание на то, какие

³ Далее эту строчку выпускаем, так как кодировка в не зависит от б.

вопросы анкеты подлежат кодированию и в какой последовательности они кодируются; 2) указание на то, какие из стандартно обрабатываемых вопросов зависимые и какие независимые; 3) для зависимых вопросов дается указание, от каких вопросов они зависят; 4) для нестандартных вопросов даются правила их обработки.

Ниже даны примеры нестандартных вопросов и их кодировки.

Некоторые вопросы, как уже говорилось, имели проверочный характер. С их помощью проверялось, насколько верно информант слышит себя, правильно ли он оценивает свои произносительные навыки. Это такие, например, вопросы:

1. Мягко или твердо Вы произносите звук С в слове «трость»? Мягко, Твердо. (Нужное подчеркните.)
2. Какой гласный в Вашем произношении больше похож на А: в первом слоге слова «ходить» или в первом слоге слова «ходуном»? (Подчеркните то слово, где 1-й гласный более похож на А.)
3. Что Вы произносите на месте предлога «С» в сочетаниях: «с Жней», «с жаром»?

Для этих трех вопросов принято одно обозначение из двух цифр (первая цифра определяется по ответам на первый и третий вопрос; см. табл. 3).

Эта кодировка по пятибалльной шкале отражает особенности работы, для которой собирался материал с помощью вопросников: хороший слух на твердость — мягкость был особенно важен, так как тема «твердость — мягкость согласных» стояла в центре внимания исследователей (а поведение свистящих и шипящих представляло второстепенный интерес).

Таблица 3

Варианты ответа	Кодировка	Варианты ответа	Кодировка
1. Мягко } 3. [ж]	= «5»	1. Твердо } 2. [ж] или [з]	= «2»
1. Мягко } 3. [з]	= «4»	1. Твердо } 2. [с]	= «1»
1. Мягко } 3. [с]	= «3»		

Не менее важен и другой момент, связанный уже с особенностями русской речи: возможно, хотя бы в особо замедленной и отчеканенной речи, произношение [з + ж], хотя такое произношение и искусственно; но невозможно в литературной речи произношение [з + д']; оно за пределами нормы и, по всей вероятности, встречается (не на стыке морфем) у литературно говорящих лиц лишь как уродливое исключение. Принять эту уродливость за норму — значит крайне отрицательно характеризовать свое восприятие речи.

Если нет ответа на третий вопрос, то:

при ответе: 1. Мягко = «3»

при ответе: 1. Твердо = «1».

Если нет ответа на первый вопрос (важнейший), то «0». Нулем всегда обозначается отсутствие ответа.

Вторая цифра в том же обозначении определяется ответом на второй вопрос:

Таблица 4

Варианты ответов	Кодировка
2. ходить	= «5»
2. ходуном	= «1»

Таким образом, если ответы на три первых (проверочных) вопроса такие:

1. Мягко

2. Ходуном

3. с — то они кодируются так: «31».

Другой пример:

1. Нет ответа

2. Ходить

3. ж — кодировка: «05»

Код ставится около второго вопроса.

Пятый и шестой вопросы посвящены ёканию — йканию:

5. Как Вы произносите слова (подчеркните):

«рябина»: ребина или рибина?

«часы»: часы или чисы?

6. Одинаково ли Вы произносите слова:

(дремучие) леса

и

(рыжая) лиса?

Да. Нет. (Нужное подчеркните.)

Эти два вопроса кодируются одной цифрой (ставится около вопроса шестого):

Таблица 5

Варианты ответов	Кодировка ответов	Символ ответа
5. рибина, чисы 6. Да.	= «5»	иканье
5. рибина, часы 6. Да.	= «4»	
5. ребина, чисы 6. Да.	= «4»	Два показания из трех — в пользу иканья

5. рибина, чисы		
6. Нет.	= «4»	
5. ребина, чесы		
6. Нет.	= «1»	эканье
5. рибина, чесы		
6. Нет.	= «2»	
5. ребина, чисы		
6. Нет.	= «2»	Два показания из трех в пользу эканья
5. ребина, чесы		
6. Да.	= «2»	

Любые другие ответы на эти вопросы кодируются нулем (= нет ответа).

Очень многие вопросы кодируются по принципу: если из двух предложенных написаний подчеркнуто левое, то ставится кодировка «1», если правое, то «2». Например:

15. Как Вы произносите *c* в следующих словах:

ес^бли или *ес^ли* (если)?

.....

Информант подчеркнул *ес^бли*; кодировка «1»

Вторая (основная) часть инструкции имеет вид:

...8, 10, 11, 12, АБВ, 13Б,

13А зависит от Б

В от Б

Г от В,

14,

15 зависит от § 13Б (с. 9)⁴,

16 АБВ

16 Г зависит от § 14 (с. 9),

17 А

I и II части инструкции отпечатаны отдельно, так чтобы кодировщик мог держать перед собой сразу обе. Он последовательно выполняет все операции, указанные в I части, а в тех случаях, когда там нет специальных указаний по обработке вопроса (это значит, что вопрос обрабатывается стандартно), он пользуется указаниями II части.

Работа кодировщика выглядит так:

Кодировщик последовательно просматривает II часть «Инструкции» (см. выше), встречается пункт 8. К нему нет специальных указаний, значит, это стандартный независимый вопрос. При его обработке следует руководствоваться указаниями I части «Инструкции» (см. с. 349). Пример кодировки.

⁴ Имеются в виду страницы инструкции.

8. Мягко или твердо Вы произносите Н в следующих словах:

бан^бтик или бан^бтик (*бантик*)?
 вон^бзить или вон^бзить (*вонзить*)?

Таким же образом кодируются пункты с 10 по 12В, так как при них нет специальных указаний. Далее в инструкции идет пункт 13Б. Это значит, что нужно пропустить в 13-м пункте первую строку (А) и обрабатывать вторую, пользуясь тем же методом:

13. Как Вы произносите С в следующих словах:

с^блева или с^блева (*слева*)?

1 с^блива или с^блива (*слива*)?

с^блить или с^блить (*слить*)?

с^близой или с^близой (*с Лизой*).

Далее в инструкции говорится: 13А зависит от Б; В от Б; Г от В. В I части инструкции кодировщик находит правила обработки зависимых вопросов (в статье на с. 350) и, пользуясь ими, обрабатывает 1-ю и 3-ю строку с учетом того, что в коде второй строки записана 1:

13. Как Вы произносите С в следующих словах:

1 с^блева или с^блева (*слева*)?

1 с^блива или с^блива (*слива*)?

1 с^блить или с^блить (*слить*)?

с^близой или с^близой (*с Лизой*)?

а 4-ю строку, с учетом того, что в коде 3-й строки записана 1:

.....

.....

1 с^блить или с^блить

2 с^близой или с^близой.

Далее в инструкции идет пункт 14, который обрабатывается как п. 8, 9... 13Б; за ним пункт 15, который кодируется как 13А, В, и т. д. В рассмотренном отрывке из II части инструкции нам не попалось ни одного нестандартного вопроса. Когда кодировщику встречается нестандартный вопрос, то все правила его кодировки приводятся тут же, рядом с его номером во II части инструкции. Кодировщик последовательно выполняет каждое из них (примеры см. на с. 351).

Основной части вопросника предшествует анкета, выясняющая сведения об информанте: возраст, родной язык, владение другими языками; образование и место, где оно получено; профессию; место, где прошло детство; места наиболее длительного пребывания; профессию родителей, местность, откуда происходят родители; слушает ли информант радио и смотрит ли телевизионные передачи.

Все ответы на перечисленные вопросы разбиваются на группы, например: **родной язык:** 1) русский, 2) нерусский, 3) русский + нерусский; **владеет ли другими языками:** 1) нет, 2) владеет славянским (славянскими) языком,

3) владеет европейским (европейскими) языком, 4) владеет славянским и европейским и т. д.; **образование:** 1) высшее, 2) среднее, 3) неполное среднее и т. д. Методика кодировки анкеты довольно проста:

Каждая группа ответов на определенный вопрос кодируется одним знаком (цифры от 0 до 9).

Например пункты 5 (профессия информанта) и 8 (профессия его родителей) кодируются так:

рабочий — 1	студент-нефилолог — 6
крестьянин — 2	студент-филолог — 7
служащий — 3	учащийся средней школы — 8
интеллигент-нефилолог ⁵ — 4	домашняя хозяйка — 9
интеллигент-филолог — 5	нет ответа — 0

Обычно для кодирования пункта хватает десяти цифр (от 0 до 9). В тех случаях, когда их недостаточно, каждый ответ получает двузначный код, например пункты: 4. Образование и место, где оно получено; 6. Место где прошло детство, и др. «географические» пункты кодируются так:

Москва — 11	Украина — 06
Московская область — 01	Белоруссия — 07
Ленинград — 02	Урал, Сибирь, Дальний Восток — 08
Среднерусские города — 03	Иноязычные республики (кроме Украины,
Север России — 04	Белоруссии) — 09
Юг России — 05	Нет ответа — 00

Несколько иначе кодируются ответы на первый вопрос — год рождения. XX век разбивается на десятилетия следующим образом: 1900—1909, 1910—1929, 1930—1939, и т. д. Каждое десятилетие кодируется третьей цифрой своих дат: 1900—1909 = 0, 1940—1949 = 4; 1960—1969 = 6. Все годы до 1900, независимо от десятилетия, получают в коде цифру 9.

Как видим, кодирование анкетных данных не представляет особой сложности, но много трудностей возникало при определении признаков, на основе которых ответы распределяются по группам. Признаки должны быть выделены так, чтобы отразить все наиболее существенные характеристики говорящих, которые могут влиять на их речь. При этом не должно получиться слишком много групп и число ответов в каждой группе не должно получиться слишком маленьким, так как в этом случае не удастся проследить влияние признака данной группы на произношение.

*

* *

⁵ К интеллигентам относим лиц, имеющих высшее образование.

Следует сказать еще и о этапе обработки вопросников⁶. Когда кодировка закончена, код из вопросников переносится на перфоленту, которая поступает в счетно-перфорационную машину.

Результаты подсчетов должны быть представлены в виде таблиц типа:

Таблица 6

Год рождения (анкета, вопрос 1)	Произносят ж ^а ра (в %)	Произносят ж ^{э(ь)} ра (в %)	Всего получено ответов
до 1900	84,0	16,0	173
1900—1909	84,3	15,7	178
1910—1919	84,1	15,9	172
1920—1929	90,0	10,0	447
1930—1939	90,3	9,7	1094
1940—1949 и т. д.	93,0	7,0	923

В первой колонке таблицы задается анкетный признак, в следующих колонках записывается количество различных произношений для каждой группы информантов. Такие таблицы составить довольно просто.

Но во многих случаях нам приходится выяснять, как влияет на произношение сложный признак (т. е. комбинация сразу нескольких признаков). Так, известно, что произношение [ш'] или [ш'ч'] (*щи, щука, считать* и пр.) часто зависит от того, где живет информант (москвичи произносят [ш'], ленинградцы [ш'ч'] и т. д.). Но произношение этих звуков зависит и от того, где информант провел свое детство и юность, в каком городе получил образование, из какой местности происходят его родители⁷, словом от целого ряда «географических» факторов (выделяемых по анкете).

Другой пример.

Произношение тех же звуков [ш'] и [ш'ч'] можно рассмотреть и в несколько ином аспекте. Как уже говорилось, ленинградцы, как правило, произносят [ш'ч']: [ш'ч'ука], [ш'ч'итáт']. Но с уверенностью это можно сказать лишь о самом старшем поколении. Большая часть молодежи говорит уже так же, как москвичи [ш']⁸. А какой вариант произношения предпочитает среднее поколение? Очевидно, и тот и другой.

⁶ Подробнее об этом этапе обработки см.: Граудина Л. К. Статистика и норма // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.

⁷ В статье Г. Н. Ивановой (Развитие фонетики современного русского языка: Фонологические подсистемы: Сб. ст. М.: Наука, 1971. С. 249) говорится, что потомственные молодые ленинградцы труднее переходят на новую норму, ([ш']), чем те, родители и деды которых прибыли в Ленинград из других местностей.

⁸ См. раздел «Фонетика» в монографии «Русский язык и советское общество» (т. IV, М., 1968), а также уже упомянутую статью Г. Н. Ивановой в сборнике «Развитие фонетики современного русского языка».

И в этом случае для того, чтобы выяснить истинную картину произношения, нужно проследить влияние на него сложного фактора, состоящего из двух простых: «географический» (местность, где живет информант) + возрастной.

Мы привели только два примера, но таких случаев гораздо больше. Для них необходимо было создать таблицы, учитывающие сложные факторы. Эти таблицы выглядят так (см. табл. 7).

Таблица 7

Из какой местности происходят родители (пункт 9)	Совпадает ли место наиболее длительного пребывания информанта (пункт 7) с местностью, откуда происходят его родители (пункт 9)	Год рождения информанта (пункт 1)	Произносят [ш']	Произносят [ш'ч']	Всего получено ответов
11 (Москва)	1 (совпадает)	9 0 1 2 3 4 5 6			
	2 (не совпадает)	9 0 1 2 3 4 5 6			
01 (Московская обл.)	1	деление то же, что и выше (от 9 до 6)			
	2	деление от 9 до 6			
02 (Ленинград)	1	деление от 9 до 6			
и т. д.	2	от 9 до 6			

Таблицы представляют собой конечный этап обработки данных, полученных при помощи фонетического вопросника. Дальше уже следует лингвистиче-

ская их интерпретация. В некоторых случаях может потребоваться перегруппировка данных (по сравнению с таблицами), но ее уже осуществляют вручную.

Частично данные, полученные при массовом обследовании произношения с помощью фонетического вопросника, уже нашли отражение в монографии «Русский язык и советское общество»; в настоящее время они используются в социолингвистическом исследовании на тему «Русский язык по данным массового обследования».

Поведение конечного двусонория*

Есть слова, которые оканчиваются двумя сонорными:

гимн, кремль, домр;

сонм¹, жанр;

фильм, волн¹;

шарм, горн, перл;

тайм, тайн, стоил, мойр.

Такие слова могут произноситься двояко: в одних случаях конечные сонорные образуют особый слог, в других — оказываются неслоговыми. От чего зависит выбор варианта? От индивидуальных привычек говорящего? От стиля речи? От ситуации? Это неизвестно.

Неясно и другое: как именно образуется слог. Возможны такие предположения: слоговым оказывается первый сонорный; слоговым является второй сонорный; слоговыми оказываются оба сонорные совместно.

Первое предположение можно проверить таким путем. Среди перечисленных сочетаний есть такие: ⟨jm⟩, ⟨jn⟩, ⟨jl⟩, ⟨jp⟩. В заударной части слова фонема ⟨j⟩, конечно, представлена звуком [и̣]. Это *и* неслоговой². Если такой звук получает качество слогообразователя, то он, естественно, становится гласным [и]: *и* слоговым. Тогда сочетание «⟨j⟩ + сонорный», произнесенное как слоговое, может быть принято аудитором за сочетание «⟨и̣⟩ + сонорный». И это окажется даже частым случаем, если: а) сочетание двух исходных сонорных нередко произносится как слоговое сочетание; б) притом нередко (или всегда?) слоговость создает именно первый сонорный.

Для проверки нашего предположения может быть проведен эксперимент: дикторы читают слова с сочетанием «⟨j⟩ + другая сонорная» (например, ⟨m⟩), аудиторы слушают эти слова, записанные на пленку, и передают их в орфографической записи. Тогда, если наше предположение верно, часть аудиторов должна записать указанное сочетание как «йм», а часть — как «им» или «ем» (оба буквосочетания передают заударный отрезок — [им]).

* Развитие фонетики современного русского языка: Фонологические подсистемы: Сб. ст. М.: Наука, 1971. С. 259—261. Статья написана в соавторстве с С. М. Кузьминой.

¹ Исход в виде согласных *-нл* и *-лр* русскими общеупотребительными словами, видимо, не представлен; нет конечных сочетаний типа «сонорный + ⟨j⟩».

² Различие между [и̣] и [э̣] нас в данном случае не интересует.

Рассмотрим разные возможности проведения эксперимента:

1. Предлагаются придуманные слова типа *Флейм, Грайн*. Однако эти слова, вероятнее всего, были бы восприняты как иноязычные фамилии и записаны как *Флейм, Грайн*.

2. Предлагаются придуманные слова типа *Флеим, Граэн*. В этом случае затруднения возникают при чтении: дикторы, оценив эти слова как иноязычные, могут произнести их с фонетическими особенностями, характеризующими подсистему редких слов, с ясными, слабо редуцированными [и], [э]. Ни одна из этих методик не дала бы возможности проверить выдвинутые предположения.

Нужны слова, которые могут быть восприняты и как иностранные фамилии (с сочетанием «⟨j⟩ + сонорный»), и как исконно-русские слова (с конечным сочетанием «гласный + [ь]+сонорный»). Мы взяли три глагола: *играем, клеим, ноем* и одно существительное — *раем*. Эти слова в нейтральном стиле произносятся с флексией [ьм].

Были даны два предложения: 1) *Мы здесь все вместе: я, Джонс, Смирнов и Грайм* и 2) *Мы здесь все вместе: я, Джонс, Смирнов — играем*³. Предложения прочли три диктора. Кроме того, дикторы прочли про себя еще 7 предложений, проговаривая вслух лишь последнее слово в каждом из них, именно: *Горак. Клеим. Хорт. Раем. Моэм. Войт. Ноем*. Среди этих слов нас интересовали 3 слова: *клеим, раем, ноем*. Нам хотелось проверить, могут ли эти слова восприниматься как иностранные фамилии *Клейм, Райм, Нойм*. Чтобы спровоцировать аудиторов на такое восприятие и были введены остальные 4 слова, подобранные с таким расчетом, что интересующие нас слова могли быть восприняты и как односложные и как двусложные, и как русские, и как нерусские. Эти «лишние» слова были и контрольными для аудиторов — они позволили проверить, слышит ли аудитор одно- или двусложность.

Если наше предположение верно (т.е. ⟨jm⟩ = [им]), то можно ожидать, что более или менее значительная часть аудиторов, во-первых, не услышит разницы между двумя предложениями (*Мы здесь все вместе...*) и, во-вторых, прослушав слова *клеим, раем, ноем*, запишет *Клейм, Райм, Нойм*.

Итак, были продиктованы два предложения, одно из них оканчивалось словом *играем*, другое — *и Грайм*. Из 9 аудиторов пять в обоих случаях записали одно и то же: *играем — играем* (или: *и Граин — и Граин*, или: *и Граэм — играем*, или: *и Граем — и Граем*). То есть в обоих предложениях заключительный отрезок признан тождественным, он опознан как «⟨и⟩ + носовой сонорный». Трое в обоих случаях записали: *и Грайн — и Грайн* или *и Грайм — и Грайм*. Один аудитор записал так: *и Грай — и Грайн*, но под *йн* поставил букву *e* — результат сомнений. То есть: в обоих предложениях заключительный отрезок признан тождественным, он опознан как «⟨j⟩ + носовой сонорный».

³ Мы просили дикторов читать небрежно, так как при «выразительном» чтении при распознавании двух последних слов могла помочь разная интонация предложений.

Те же 9 аудиторов, прослушав запись слова *клеем*, записали: *клеем* (трое аудиторов), *клеин* (один), *клейм* (двое), *клейн* (трое), т. е.: четверо услышали слоговой гласный [и], пятеро — [j].

Слово *раем* записали, отразив в записи [и], 4 человека: *раем*, *раим*, *раин*. Пять в записи обозначили [j] (*райм*, *райн*).

Слово *ноем* записали, отразив в записи [и], 3 человека: *ноэм*, *ноин*, *ноен*. Пять записали: *нойн*, т. е. обозначили [j]. Один дал оба варианта; его запись: *ноем*, *нойм*.

Итак, многие из аудиторов [j] в описанных сочетаниях принимают за [и], а [и] — за [j]. Продиктовано: *и Грайм* — пять человек из девяти услышало *играем*; продиктовано *клеем*, *раем*, *ноем* — пятеро услышало здесь фамилии *Клейн*, *Райм*, *Нойм*. Очевидно, в этой позиции нейтрализованы ⟨j⟩ и ⟨и⟩; и та и другая фонема могут реализоваться звуком [и]⁴.

Иначе говоря: сочетание двух сонорных, завершающее слово, может приобретать слоговой характер благодаря тому, что предпоследний сонорный становится слогаобразующим. Последний сонорный, вероятно, не может играть роль слогаобразователя. Но не может ли реализоваться третий случай: оба сонорных становятся совместно слогаобразующими: [горн̩]? Надо найти способы проверить это.

⁴ Возможно, надо принимать во внимание и другую нейтрализацию: в разговорной, аллегровой речи *играем* и под. могут произноситься как [игра́йм] (указано Г. А. Бариновой). Но в наших опытах стиль произношения фраз и слов не был разговорным.

О синтагматике гласных в говорах с диссимилятивным яканьем*

Р. И. Аванесов, рассматривая сочетания согласных в русском языке, делает такой фонологически важный вывод: некоторые из этих сочетаний «имеют, наряду с различиями в образовании входящих в их состав согласных, ту или иную свою общую характеристику, общие признаки, относящиеся к сочетанию в целом. Общими признаками сочетаний согласных в русском языке могут служить: 1) твердость—мягкость, 2) глухость — звонкость, 3) одновременно как твердость — мягкость, так и глухость — звонкость». Например, «сочетание [с'н'] в словах [с'н'ек], [с'н'ос] обладает мягкостью, которая является признаком всего сочетания, а не одного из его компонентов»¹.

Так для русского языка впервые была высказана мысль о том, что могут быть признаки, принадлежащие нескольким сегментам. В сочетании [с'н'] нельзя считать мягкость признаком [с'] и — отдельно — признаком [н']: нет в русском литературном произношении сочетаний [сн']; мягкость [н'] предопределяет мягкость предшествующего [с']. Признак мягкости разливается сразу на два сегмента...

Этот общий для двух сегментов признак может быть неоднородным, например, в сочетании [пн'] (*пней, о копне, лопнет, копни-ка*) твердость губного перед зубным [н'] — тоже признак, вызванный позицией. Перед [н'] не может быть мягких губных. Значит, здесь тоже есть общий признак, распространяющийся на два сегмента: твердость — мягкость. Ведь среди сегментных единиц существуют дифтонги — они качественно неоднородны на своем протяжении. Так же естественно существование неоднородных признаковых единиц («субфонем»)²:

* Русское и славянское языкознание: К 70-летию члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова. М.: Наука, 1972. С. 218—226.

¹ Аванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956. С. 225.

² Указывать дифференциальные признаки можно и в форме мужского рода — имеется в виду определяемое «признак», — и в форме женского рода — имеется в виду определяемое «субфонема». Кроме того, можно ориентироваться на форму субстантивного прилагательного в муж. роде. Здесь используем именно такую форму.

твердый — мягкий	
глухой	(звонкий)
взрывной	носовой
губной	зубной

Важно, что во всех этих случаях, если есть мягкость в одном сегменте, мягкость у соседа (в других сочетаниях, наоборот, твердость) является неизбежной, не свободно избирается, а навязывается законами русского языка.

Но ведь эти же рассуждения справедливы и для гласных. В словах: *лиса, глядят, песка, свежа́, вчера, писал, несла...* и т. д. гласные [и...á] находятся в таких отношениях: перед ударным гласным (здесь [á]) после любого мягкого согласного и йота могут быть звуки: [и, у]; ввиду того, что их только два, достаточно одной пары противоположных признаков, чтобы их разграничить. Значит, [и, у] в предударном слоге после мягких согласных можно характеризовать: нелабиализованный (= [и]) — лабиализованный (= [у]). Признак: гласный верхнего подъема здесь обусловлен позиционно, он должен быть «слит» с признаками тех звуков, которые вызвали данную позицию; вполне справедливо такое изображение этих двух гласных:

(верхний) — нижний подъем
нелабиализованный — (нелабиализованный)

/и ... á/

У /и/ существенный признак — только нелабиализованность (отличает его от /у/); верхний подъем — признак, обусловленный ударностью гласного в следующем слоге, он должен быть (как мягкость [с'] в сочетании [с'н']) слит с признаком соседнего гласного; напротив, у /а/ существенный признак — только нижний подъем; нелабиализованность — нерелевантна и слита с признаком «нелабиализованный» соседнего (безударного) гласного.

В говорах существует несколько систем яканья; попробуем применить к характеристике этих типов принципы, сформулированные Р. И. Аванесовым. Возьмем только одну позицию: гласные в первом предударном слоге после мягкого перед мягким согласным в говорах с диссимилятивным яканьем. Характеризуем шесть диалектных систем³.

1. Система определяется такими отношениями: если под ударением /и, у, э, ê, о/ (т. е. любой гласный, кроме /а/), то в предударном слоге между мягкими возможны гласные /и, у, а/. Когда же под ударением гласный /а/, то в предударном слоге (после мягких согласных перед мягкими) — только гласные /и, у/ (жиздринский тип яканья). То есть:

³ Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. М., 1949. С. 80–87, 92–94, 98–99; Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964. С. 45–53 (глава написана Т. Ю. Строгановой).

$\acute{y}, \acute{y}, \acute{\hat{e}}, \acute{e}, \acute{o} \subset \text{и, у, а}$
 $\acute{a} \subset \text{и, у}$

Итак, если под ударением / \acute{a} /, то возможны такие сочетания (учитывается только описанная предударная позиция): /и ... \acute{a} / /у ... \acute{a} /.

Схема ударных гласных:

у	и
о	{ \hat{e} э
а	

Введем обозначения:

\bar{H} — гласный нижнего подъема; $\bar{3}$ — закрытый гласный
 \bar{H} — гласный ненижнего подъема; $\bar{3}$ — незакрытый гласный;
 \bar{B} — гласный верхнего подъема; \bar{L} — лабиализованный гласный;
 \bar{B} — гласный неверхнего подъема; \bar{L} — нелабиализованный гласный.

Ударные гласные имеют такие характеристики:

$/y/ - \bar{H} \bar{L}$ $/\acute{e}/ - \bar{H} \bar{B} \bar{3} \bar{L}$
 $/и/ - \bar{H} \bar{L} \bar{B}$ $/o/ - \bar{H} \bar{B} \bar{L}$
 $/\hat{e}/ - \bar{H} \bar{B} \bar{3} \bar{L}$ $/a/ - \bar{H}$

Фонема / \acute{a} / характеризуется одним различительным признаком: нижний подъем.

В первом предударном слове (между мягкими) такая система гласных:

и	у
---	---

Их характеристики:

$/y/ = \bar{L}$
 $/и/ = \bar{L}$

Этих признаков достаточно, чтобы в описанной позиции разграничить / $y/ - /и/$.

Сочетание /и ... \acute{a} / тогда характеризуется так же⁴, как в литературном языке:

(ненижний) — нижний подъем
нелабиализованный — (нелабиализованный)
/и ... \acute{a} /

⁴ Согласные, разделяющие гласные, в схеме не учитываются. Фонемы берутся в косые скобки, так как речь идет только о синтагматике, и предмет рассмотрения — синтагмо-фонемы.

Более простое обозначение:

(Ñ) – Н
Л – (L̄)

/и ... á/

У сочетания /и ... á/ в жиздринской системе яканья оба признака растекаются на оба сегмента⁵.

2. Диссимилиативное яканье суджанского типа:

й, ý, с и, у, а
á, ó, é, э с и, у

Схема ударных гласных может быть представлена двояким образом:

у	и	или	у	и
ô	ê		о	ê э
а	э		а	

Для левой схемы характеристики фонем такие:

/y/ – Ñ Л /э/ – Н Ñ П
/и/ – Ñ L̄ /о/ – Н Ñ P̄
/ê/ – Н Ñ П /а/ – Н Ñ P̄

Здесь: П – гласный переднего ряда;

P̄ – гласный непереднего ряда.

Для правой схемы:

/y/ – В Л /э/ – Ñ V̄ L̄ Ñ
/и/ – В L̄ /о/ – Ñ V̄ Л
/ê/ – Ñ V̄ L̄ Ñ /а/ – Н

Проанализируем сочетание /и ... á/ по левой схеме:

⁵ Сочетание /у ... á/ в этой системе надо представить схемой:

(Ñ) – Н
Л – (L̄)

/у ... á/

Для других систем яканья не даем схем /у ... á/.

(\bar{H}) — H
(З) — $\bar{З}$
\bar{L} — (\bar{L})
(П) — \bar{P}

Напомним: предударный вокализм — такой же, как в предыдущей, жиздринской системе; возможны только гласные /и/, /y/.

Все признаки снова «растекаются» на оба сегмента. Для характеристики /и/ важен признак «нелабиализованный», а для /a/ этот признак несуществен; он предопределен всеми остальными⁶; для /a/ существен признак H (нижний подъем); а у /и/ соответственный признак \bar{H} (ненижний подъем) нерелевантен, так как в предударной позиции после мягких только и возможны гласные верхнего подъема, и т. д.

3. Третий тип диссимилятивного яканья (мягкие согласные перед и после предударного согласного) — та же позиция, что и в случаях 1 и 2:

й, ý, é, ê ⊂ и, у, а
ó, á ⊂ и, у

Под ударением гласные классифицируются так:

у	и

	ê
	э
о	а

Здесь:

/y/ = В Л /э/ = \bar{B} \bar{H} З
/и/ = В \bar{L} /э/ = \bar{B} \bar{H} $\bar{З}$
/о/ = Н Л
/а/ = Н \bar{L}

Система предударных гласных опять из двух единиц: /у, и/, и их характеристики по-прежнему (как и в других системах) состоят из одного признака: /y/ = Л, /и/ = \bar{L} .

Значит:

⁶ Ср. то же положение в сочетании [с'н']: мягкость [с'] обусловлена остальными признаками сочетания — зубным характером артикуляции обоих звуков и мягкостью соседнего сегмента.

В	($\bar{В}$)
($\bar{Н}$)	Н
$\bar{Л}$	$\bar{Л}$

/и ... á/

Здесь признаки «лабиализованный—нелабиализованный» не являются общими для обоих сегментов. Доказательство: можем заменить у левого сегмента $\bar{Л}$ на Л:

В	($\bar{В}$)
($\bar{Н}$)	Н
Л	$\bar{Л}$

и эта схема будет отвечать реальному в данном говоре сочетанию /у ... á/; можем заменить $\bar{Л}$ на Л во втором сегменте:

В	($\bar{В}$)
($\bar{Н}$)	Н
$\bar{Л}$	Л

и получим реальное для данного говора сочетание: /у ... ó/ — ведь характеристика /о/ у нас Н Л, а это и указано схемой.

4. Диссимильативное яканье мосальского типа:

í, ý, ó ⊂ и, у, а
 á, é, é ⊂ и, у

Схема ударных гласных:

у	и
о	$\hat{э}$
а	э

Иначе:

/y/ = В З $\bar{П}$ /ɨ/ = $\bar{В}$ З П
 /и/ = В П /о/ = $\bar{В}$ $\bar{З}$ П
 /о/ = В $\bar{З}$ $\bar{П}$ /а/ = $\bar{В}$ $\bar{П}$

Схема безударных гласных (в той же позиции) такая же, как в предыдущих случаях.

Тогда сочетание тех же гласных равно:

(В)	$\bar{В}$
П	$\bar{П}$

/и ... á/

Замена левого П на $\bar{П}$ дает /у ... á/; замена правого $\bar{П}$ на П дает /и ... $\hat{э}$ / или /и ... $\acute{э}$ /. Значит, действительно признаки передний (у /и/) и непредний (у /á/) являются их собственностью и не обобществлены у двух сегментов.

5. Диссимилятивное яканье щигровского типа:

$$\acute{и}, \acute{у}, \acute{э} \subset и, у, а$$

$$\acute{а}, \acute{о}, \acute{э} \subset и, у$$

Схема ударных гласных:

у	и
	$\hat{э}$
о	э
а	

Здесь:

$$/у/ = В \bar{П} \quad /э/ = \bar{В} П$$

$$/и/ = В П \bar{З} \quad /о/ = \bar{В} \bar{П} \bar{З}$$

$$/\hat{э}/ = В П \bar{\bar{З}} \quad /а/ = \bar{В} \bar{П} \bar{\bar{З}}$$

Система безударных, как в ранее описанных системах.

Следовательно:

(В)	$\bar{В}$
П	$\bar{П}$
(З)	$\bar{\bar{З}}$

/и ... á/

Один признак (передний — /и/, непредний — /а/) индивидуальный у каждого гласного, остальные общие.

6. Последний тип:

$$\acute{и}, \acute{у}, \acute{э}, \acute{о} \subset и, у, а$$

$$\acute{а}, \acute{э} \subset и, у$$

Следовательно:

у	и
о	ѐ
а	э

Иначе:

$$\begin{aligned} /y/ &= \text{В } \bar{\text{З}} \bar{\text{П}} & /ѐ/ &= \text{В } \bar{\text{З}} \text{П} \\ /и/ &= \text{В } \text{З} \text{П} & /а/ &= \bar{\text{В}} \bar{\text{П}} \\ /о/ &= \text{В } \bar{\text{З}} \bar{\text{П}} & /э/ &= \bar{\text{В}} \text{П} \end{aligned}$$

Поэтому:

(В) — $\bar{\text{В}}$	
П	$\bar{\text{П}}$

/и ... а/

Мы не утверждаем, что приведенная здесь трактовка является (среди синтагматических трактовок) единственно возможной. Важно, что она отражает факты языка, хотя, вероятно, есть другие зеркала, по-иному отражающие те же синтагматические закономерности.

Почему одно и то же сочетание [и ... у] в разных системах расценивается по-разному? Только потому, что различна ударная система гласных. Она состоит (во всех шести системах) из звуков: [и — у — о — ѐ — э — а], но позиционно эти звуки ведут себя по-разному. В каждой системе граница между верхними—нижними (неверхними) гласными проходит по-разному, и это определяется не их физической природой, а их позиционным функционированием. Зависимость такая: есть группа ударных звуков, включающая [á] (нижний гласный), — перед ними, в первом предударном слоге (между мягкими), невозможен [а]; есть другая группа ударных гласных, не включающая [á], — перед гласными этой группы как раз возможен [а]. Первая группа ударных — звуки [а]-образные, т. е. нижнего подъема, вторая — ненижнего подъема.

В разных диалектных системах состав этих групп различен, поэтому различна функциональная характеристика ударных гласных — в том числе [á], отсюда — и разная трактовка сочетания /и ... а/ в этих системах. Иначе говоря, при изучении синтагматических связей разные системы яканья находят свое отражение в том, как должны трактоваться признаки гласных, составляющих последовательность «предударный—ударный».

Обнаруживается, что принцип, примененный Р. И. Аванесовым при характеристике сочетаний согласных, универсален: он годен и для гласных, какой бы системе они ни принадлежали. Существенные парадигматические различия

в этих диалектных системах⁷ отражаются и в синтагматике звуковых признаков, как это показано выше, хотя синтагматическое описание отражает эти различия не так, как общепринятые описания.

Наконец, последнее: если бы мы рассматривали сочетание противоположного типа /а ... ѝ/, то оказалось бы, что признак нижнего подъема, свойственный /а/, не был бы трактован ни в одной системе как растекающийся на два сегмента. Иначе: появление /а/ перед ударной /ѝ/ не было бы признано в синтагматической фонетике позиционным явлением. Очевидно, фонетическая синтагматика и парадигматика не дублируют друг друга. Синтагматика не в силах показать, что в формах *пяски*, *пяску*, *нясут*, *няси* и пр. появление предударного [а] позиционно — только парадигматика проясняет эту закономерность. Парадигматика, в свою очередь, не позволяет понять, из скольких самостоятельных, независимых друг от друга различительных признаков состоит звуковой отрезок (например, отдельное слово), как они распределяются между сегментами. Совместно парадигматика и синтагматика полно характеризуют фонетическую систему языка или говора⁸.

⁷ Обычные характеристики систем диссимилятивного яканья являются парадигматическими: они исходят из понятия чередования (в безударных слогах под влиянием ударного). (Кстати, в этой статье описываются только те системы, у которых в предударном слоге между мягкими согласными ⟨и⟩ совпадает с ⟨а, о, э⟩; это их свойство легче всего характеризовать, как здесь и сделано, парадигматически. Иначе: описаны такие системы, как, например, обоянский тип, а не такие, как, например, задонский).

⁸ Термины «синтагматика» и «парадигматика» употребляются в том же смысле, как и в книге: *Панов М. В.* Русская фонетика. М., 1967.

О грамматических факторах развития фонетической системы современного русского языка*

1

Существуют ли внутренние тенденции развития, присущие фонетической системе языка? Факты как будто заставляют дать положительный ответ на этот вопрос. В общеславянском языке и далее в славянских языках на протяжении веков действовала тенденция (проявляясь во многих частных процессах) к построению слога по принципу возрастающей сонорности. Многовековым был процесс изменения согласных («второй сдвиг») в германских языках. Примеры таких тенденций многочисленны.

Возможна, нам кажется, и другая точка зрения. Фонетика не имеет своих собственных законов развития; она лишь отражает законы самодвижения грамматики, а так как тенденции внутренних грамматических изменений бывают длительны, единонаправленны в течение многих веков, то и фонетическое их отражение тоже окажется единонаправленным. Однако грамматическое развитие по своей природе сложно; исчезнувшие соотношения в синтаксисе, морфологии, словообразовании с трудом поддаются восстановлению — и вряд ли могут быть восстановлены в своей синхронной целостности для каждой из сменившихся эпох. Для фонетической системы, ввиду ее большей простоты, это сделать удастся. Поэтому нам часто не видна единонаправленность, последовательность в грамматическом развитии — и мы видим ее только во вторичном проявлении, в фонетическом отражении.

Прежде чем с этим предположением отправляться в глубь истории, надо рассмотреть материал более близкий и поддающийся учету во всей своей полноте. Можно ли все факты с о в р е м е н н о г о фонетического развития в русском литературном языке рассматривать как следствие развития грамматической системы (включая в грамматику и словообразование, и морфологию, и синтаксис¹)?

* Развитие фонетики современного русского языка: Фонологические подсистемы: Сб. ст. М.: Наука, 1971. С. 20—32. Статья написана в соавторстве с М. Я. Гловинской, Н. Е. Ильиной, С. М. Кузьминой.

¹ Впрочем, современные синтаксические тенденции развития еще очень неполно изучены, и далее речь о них не пойдет.

Другими словами, можно ли в фонетико-грамматическом развитии видеть единый целостный процесс — и не в силу изоморфности двух линий развития (фонетической и грамматической), а только из-за того, что подлинной жизнью живет грамматика, а фонетика только чутко отвечает на потребности грамматического развития и преданно следует за ней. Сама же она лишена своей, собственно фонетической истории, т. е. истории, направляемой ее собственной сущностью.

Мы попытаемся показать, что все значительные факты современной движущейся фонетики такую интерпретацию допускают. Все они могут рассматриваться как отголосок грамматического развития.

Конечно, подлинную проверку наше предположение пройдет лишь тогда, когда под этим углом зрения будет рассмотрен материал многих языков. Возможно, предположение окажется верным для некоторых периодов в развитии некоторых языков; изучение выяснит, каков механизм этого процесса. Пока же, как сказано, вопрос только ставится.

Каковы же основные тенденции грамматического развития в современном русском языке? Оно устремлено к аналитизму и агглютинативности (хотя есть и противотечения, направленные «встречь» этому потоку).

«Наиболее общей тенденцией развития современной словообразовательной системы, которая обнаруживается во многих частных процессах, является рост агглютинативных черт в семантике и структуре производного слова.

В каком значении применяется термин „агглютинативность“ по отношению к русскому языку? Агглютинативность понимается как свойство, противоположное фузии. В семантике производного слова она обнаруживается во взаимодозначном соответствии между означаемым и означающим, в „отдельности подачи элементов информации в составе словоформы“ (А. А. Реформатский), в структуре производного слова — в свободном „склеивании“ морфем, отсутствии явлений морфологического взаимоприспособления морфем при их соединении. Рост агглютинативности в семантике производного слова, т. е. рост отношений взаимодозначности между означаемым и означающим, способствует расчлененности слов на морфемы, так как с каждой морфемой связывается определенная часть значения слова; таким образом, семантическая расчлененность поддерживает структурную (термин „структурный“... понимается как относящийся к структуре языковых единиц, т. е. к их морфологическому строению)»².

Аналогом словообразовательной тенденции к агглютинативности является на уровне морфологии усиление явлений аналитизма³.

² См.: Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка. М., 1968. С. 9—10.

³ Подробнее см.: Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968.

Рассмотрим отражение этих грамматических тенденций: а) в области консонантизма общеупотребительных слов; б) в области вокализма общеупотребительных слов; в) в фонетической подсистеме редких слов.

2

Тенденция к усилению аналитизма и агглютинативности находит на фонетическом уровне свое специфическое отражение.

В словообразовании и морфологии эта тенденция выражается двояко: парадигматически — в стремлении к сохранению единообразного вида морфемы в разных словах; синтагматически — в более резком разграничении морфем. Эти две стороны связаны: и та и другая способствуют более прозрачной членности слова и в структурном и в семантическом отношении. Тем не менее эти две стороны, эти два проявления тенденции к усилению агглютинативности иногда вступают в противоречие друг с другом и обуславливают напряжение в системе (о чем будет сказано ниже).

Единообразный вид морфемы на фонетическом уровне может быть достигнут ослаблением позиционной зависимости звуков в потоке речи. Именно этот процесс и протекает в русском языке нашей эпохи в области согласных. Фонетические процессы, «разъедающие» стык корня и аффикса, ослабевают, стусеваются, благодаря чему морфемы начинают свободно «отслаиваться» одна от другой; роль дизремы, морфемного шва, возрастает. Покажем это.

1. В начале XX в. зубной согласный перед мягким губным и перед [j] на стыке приставки и корня произносился со смягчением: [з'б']*ить*, о[т'м']*ерить*, о[т'б']*ежать*, [ф'п']*ятером*, о[т'в']*ернуться*, по[д'j]*ехать*, [с'j]*емка*. Поэтому каждая приставка существовала по крайней мере в двух видах. Например, приставка *с* — в виде [с] и [с']: [с]*налить* и [с']*писать*. К середине XX в. зубные в этой позиции освободились от воздействия следующих согласных, в результате чего морфема (приставка) сохраняет свой единый облик независимо от мягкости—твердости губного согласного, с которого начинается корень. Агглютинативность торжествует.

Несомненно, на отвердение согласных перед следующим мягким губным (или [j]) повлияло письмо. Русское письмо носит фонематический характер: оно передает не позиционные изменения фонем, а единый обобщенный облик морфемы. Мягкость зубного перед мягким губным была позиционной и потому не отразилась на письме. Письмо, единообразно передавая морфему (в данном случае — приставку, независимо от твердости или мягкости ее последнего согласного), провоцировало единообразие произношения. Таким образом, письмо способствовало осуществлению тенденции к усилению агглютинативности. Влияние письма на произношение усилилось в наше время, процесс

утраты позиционной мягкости стал протекать убыстренно, но вызван он был самой системой языка: агглютинативными тенденциями в грамматике.

Тенденция к сохранению единого облика морфемы и к усилению роли морфемного шва, если она осуществляется путем ослабления позиционной зависимости фонетических единиц, создает напряжение в фонетической системе. Сначала, когда грамматическая тенденция к агглютинации начинает действовать, ослабление позиционного влияния сказывается только на морфемных швах. И тогда достигается: во-первых, единство морфемного облика, во-вторых, обозначенность морфемного шва.

Но в языке имеются «спорные» случаи: является ли данный отрезок приставкой или нет, вычленяется ли он с *с и н х р о н н о й* точки зрения. Например: *ответить, извинить, известия, издеваться, изверг, исчезнуть* и т. п.

Разные точки зрения лингвистов на морфологическое деление слова как раз и являются отражением этой разной степени вычленяемости, реально существующей в языке.

Новой тенденции сначала подчиняются только явно и очевидно вычленяемые приставки. У них в первую очередь упрочивается несмягчение, например, зубных перед начинающими корень мягкими губными. Начинают произносить *по[дв']есить* вместо прежнего *по[д'в']есить*, *о[тв']ести* вместо *о[т'в']ести*, *о[тм']ерить* вместо *о[т'м']ерить* и т. д., тогда как внутри корня эти же сочетания продолжают произносить по-прежнему, мягко. Затем в сферу действия этого нового закона вовлекаются и такие сочетания, которые лежат на стыке префиксоида и корня (или радикасоида), т. е. сочетания в таких словах, как *ответ, издеваться, изверг* (таких слов — огромное количество). Для этого есть грамматические основания. Эти префиксоиды часто обладают остаточной выделительностью, они в известном смысле подобны приставкам. Но, с другой стороны, префиксоиды — лишь отчасти морфемы, они с синхронной точки зрения и вычленяются и не вычленяются морфологически. Поэтому дальнейший путь — распространение фонетического новшества и на нечленимые сочетания. Другими словами, процесс идет так: сначала в словах типа *от-вести* потом — в словах типа *от-ветить*, наконец — в словах типа *от-твердеть*. Прежде всего отвердевают зубные перед губными на несомненных морфемных границах: произносят *о[тв']ести*, но все еще *о[т'в']етить* и *о[т'в']ердеть*. Затем *о[тв']ести* и *о[тв']етить*, но *о[т'в']ердеть*. И далее *о[тв']ести*, *о[тв']етить*, *о[тв']ердеть*.

Когда процесс завершится, т. е. когда морфологически стимулированное сочетание «твердый зубной + мягкий губной» победит во всех случаях, тогда одна из целей — единство морфемного облика — будет достигнута, но вторая цель — усиление роли морфемного шва — не будет достигнута. Почему? Потому что особые фонетические законы, действовавшие только на стыке морфем и

позволявшие свободно «разнимать» слова на морфемы, свободно распознавать морфемные стыки, перестают уже быть особыми.

Одно требование агглютинативности (единство морфемы или морфемоида) вступает здесь в противоречие с другим (усиление морфемных разграничений в слове).

Впрочем, сейчас контрасты произношения сочетаний «зубной + мягкий губной» внутри морфемы и на стыке морфем еще достаточно сильны⁴.

2. На стыках морфем значительно ослаблена ассимиляция согласных по признаку места и способа образования. В начале века при стечении фонем <с> и <ч>, а также <з> и <ч> происходило следующее уподобление: 1) звук [з] уподоблялся [ч'] по глухости, заменяясь звуком [с]; 2) [с] уподоблялся [ч'] по мягкости, заменяясь звуком [с']; 3) [с'] уподоблялся по месту образования звуку [ч'], в результате чего получилось [ш'ч']; 4) мягкий шипящий [ш'] полностью уподоблял себе [ч'] по способу образования, «поглощал» его. В результате одновременно действующих четырех позиционных замен (три из них — регрессивные, а последняя — прогрессивная) исходные звуки полностью заменялись другими, поэтому граница приставки и корня размывалась. Произносили: *ра[ш'ш']истить*, *и[ш'ш']исление*, *бе[ш'ш']естный* и т. д.

Сейчас, кроме указанного, существует и другое, более новое произношение: *ра[ш'ч']истить*, *и[ш'ч']исление*, *бе[ш'ч']естный*. Такое произношение — результат уменьшения позиционной зависимости согласных. Начальный согласный корня при этом вообще не претерпевает изменений, и корень остается «равным самому себе». Причем поскольку внутри морфемы не произносится сочетание [ш'ч'], а только [ш'], то сочетание [ш'ч'] служит сигналом морфемного шва, т. е. реализуется и другая тенденция агглютинативности.

Указанному процессу замены [ш'] на [ш'ч'] на стыках морфем тоже способствовало влияние письма. Но влияние это было разрешено внутренними тенденциями развития языка: тяготением морфемного строя слова к агглютинативности.

3. Как известно, в начале века сочетания фонем <стк>, <здк>, <стл>, <нтск>, <стн> упрощались; произносили: *неве[ск]а*, *громо[ск]ий*, *хва[с'л']ивый*, *гига[нс]кий*. Отсутствие упрощения у перечисленных согласных, характерное для современного произношения, также является проявлением на фонетическом уровне общей тенденции к сохранению морфемы в едином, неизменном виде. Ср.: *хва[ст]ать* — *хва[ст]ливый*, *арти[ст]* — *арти[ст]ка*.

Однако этот процесс протекает не так быстро, как кажется некоторым исследователям⁵.

⁴ См.: Русский язык и советское общество. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1968.

⁵ См.: Терехова Т. С. Произношение сочетаний трех согласных в современном русском литературном языке // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1966.

4. В современном русском языке есть звуковые единицы, выступающие как синонимы: [ш̣'] — [ш'ч'] ([ш̣'и — [ш'ч'и]) и [ж̣'] — [ж̣] ([jэж'у] — [jэжу]). Считается, что [ш'ч'] постепенно вытесняет [ш̣']; но тщательные исследования показали, что это не так. Внутри морфемы положение [ш̣'], напротив, упрочивается, на стыке же морфем действительно распространяется [ш'ч']. Одно, очевидно, находится в связи с другим: так как диеремы словообразовательно стимулированы, то нерационально терпеть [ш'ч'] не на стыке морфем; чтобы диеремное значение этого сочетания было абсолютно ясным и недвусмысленным, надо изгнать эти сочетания отовсюду, кроме морфемного шва. Это и происходит⁶.

Изучение взаимоотношений [ж̣'] — [ж̣] показывает, что действительно [ж̣'] постепенно уступает место своему сопернику [ж̣].

Все слова с [ж̣'] можно разделить на две группы. В первую войдут такие, у которых [ж̣'] чередуется с [зд] или [зг]: *брызжет (брызгать), визжит (визгливый), езжу (езда)*...

Ко второй группе относятся слова, которые содержат звук [ж̣'], не включенный в такое чередование: *задрезать* (не соотносится с *вдрезать*), *брезжит, возжи*. Оказывается, что первоначально процесс вытеснения звука [ж̣'] звуком [ж̣] шел одинаково в обеих группах (притом — одинаково медленно, неинтенсивно). Лишь у среднего и младшего поколения современных носителей литературного языка процесс вытеснения убыстрился; при этом он протекает явно интенсивнее в группе слов, где [ж̣'] чередуется с [зд, зг].

Иначе говоря: для старших поколений морфологическое влияние не было причиной, стимулирующей замену [ж̣'] на [ж̣], а у более молодых поколений эта причина является реально действующей.

Процесс вытеснения [ж̣'], более активный у молодых поколений носителей литературного языка, обусловлен (хотя бы в известной степени, т. е. наряду с другими причинами) обострением грамматического процесса выравнивания чередований. Это именно грамматическая, а не собственно фонетическая причина.

Возрастание агглютинативности в морфологии приводит к тому, что чередования, которые мешают отождествить морфемы, постепенно (очень медленно) устраняются. Все чередования можно разбить на три группы:

1. <ст> // <щ>, <зд> // <ж>, <ск> // <ш>, <зг> // <ж>;
2. <п> // <пл'>, <б> // <бл'>, <ф> // <фл'>, <в> // <вл'>, <м> // <мл'>, <т> // <ч>, <д> // <ж>, <с> // <ш>, <з> // <ж>, <к> // <ч>, <г> // <ж>, <х> // <ш>;
3. <п> // <п'>, <б> // <б'>... <т> // <т'>, <д> // <д'> (твердый // мягкий).

Последняя группа чередований не мешает отождествлять морфемы, не усложняет процесс этого отождествления: твердые и мягкие звуки фонетически

⁶ См.: Баринаева Г. А. О произношении [ж̣'] и [ш̣'] // Там же.

коррелятивны, т. е. связаны друг с другом уже на фонемном (фонетическом) уровне; такие чередования очень часты и употребительны. Чередования второй группы уже разобщают морфемы: они менее употребительны, чем чередования третьей группы, звуки фонетически не коррелятивны.

Еще больше «портят» агглютинацию чередования первой группы. Они несравненно менее часто употребляются даже по сравнению с чередованиями второй группы. Некоррелятивность их доходит до предела: здесь два звука чередуются с одним, у которого только одно общее качество со звуками, его заменяющими: звонкость или глухость. Наблюдения показывают, что чередования второй группы медленно вытесняются (пока что только на слабых участках системы) чередованиями третьей группы. Это — одно из проявлений грамматической тенденции к регулярности. Естественно, что чередования первой группы вытесняются чередованиями второй. Ввиду их сравнительной редкости вытеснение идет более или менее интенсивно. Чередования <ст> // <щ>, <ск> // <щ> переосмысляются в чередования <ст> // <сч>, <ск> // <сч>, т. е. приравняются к чередованиям второй группы <т> // <ч>, <к> // <ч> (при такой интерпретации этой морфологической мены согласных: <ст> // <сч>, <ск> // <сч> фонема <с>, естественно, в чередовании не участвует). Фонемное же сочетание <сч> может быть фонетически представлено и звуком [ш̄ʹ], и звуками [шʹчʹ]. Это выясняется из фонемных сочетаний на стыке морфем; *расчислить* — [рашʹчʹйсʹтʹ] *ить* или [раш̄ʹйсʹтʹ] *ить*, *без числа* — [бʹишʹчʹисл̄а] или [бʹиш̄ʹисл̄а] и т. д., поэтому смена [ш̄ʹ] на [шʹчʹ] не была непременным условием для того, чтобы чередования <ст> // <щ>, <ск> // <щ> понять по-новому, приравнять их к чередованиям второй группы. Они и без этой замены могут так быть истолкованы. Поэтому [ш̄ʹ] и не вытесняется из современной литературной речи, а, наоборот, все более монополично вытесняет конкурента [шʹчʹ]. Морфологических причин для изгнания [ш̄ʹ] не было, а фонетические отсутствуют.

Другое дело — звук [ж̄ʹ]. Его фонематически нельзя интерпретировать как <ж>, которое реализуется только как твердый долгий согласный [ж̄]. Им и должен был замениться звук [ж̄ʹ], если чередования <зд> // <ж̄>, <зг> // <ж̄> стали оцениваться как чередования <зд> // <зж>, <зг> // <зж>, т. е. приравняться к чередованиям второй группы <д> // <ж>, <г> // <ж> (ведь <з> при новой интерпретации в мене не участвует). Такая замена и происходит, хотя достаточно постепенно.

Морфологическое истолкование процесса объясняет и постоянство [ш̄], и неустойчивость [ж̄] в современном русском языке. Процесс усиления агглютинативности, тяготения к замене мало агглютинативных чередований более агглютинативными обостренно протекает именно в послеоктябрьское время. Поэтому-то смена [ж̄ʹ] на [ж̄] более интенсивно выражена у младших поколений (как показывают массовые наблюдения).

3

Рассмотрим с той же точки зрения процессы, характерные для вокализма современного русского литературного языка. Огромное большинство русских морфем состоит из нескольких согласных и из одного или нескольких гласных. Только флексии составляют исключение: очень многие из них состоят только из одного гласного. Это предопределило разные пути развития вокализма во флексиях и во всех остальных морфемах. В современном русском литературном языке одни и те же фонемы могут быть представлены разными звуками в зависимости от их принадлежности к основе или флексии.

1. Характеризуем реализацию фонем ⟨а, о⟩ после мягких согласных во флексиях существительных и глаголов.

Фонемы ⟨а⟩ и ⟨о⟩ входят в состав 12 флексий имени существительного. В настоящее время в имени существительном флексия в целом противопоставлена основе. Конечный согласный основы не сигнализирует о морфемном шве перед флексиями, которые включают в свой состав фонемы ⟨а⟩ и ⟨о⟩; поэтому естественно, что в роли показателя морфемного шва выступает первый гласный звук флексии. По нашему мнению, это обстоятельство обуславливает особенности реализации фонем ⟨а⟩ и ⟨о⟩ во флексиях существительных после мягких согласных. В такой позиции они представлены звуком [ъ] в десяти флексиях из 12.

Звук [ъ] реализует фонемы ⟨а⟩, ⟨о⟩ в двух флексиях. Одна из них — флексия существительного творительного падежа единственного числа женского рода: *ды[н'ъѝ]-(-дин'ој)*. Второй является флексия творительного падежа множественного числа.

По старой московской норме она произносилась со звуком [ъ] — *ды[н'ъ]ми, коло[с'ѝ]ми*. Позднее исследователи отмечали колебания между звуком [ъ] и звуком [ь] в этой флексии. Так, Р. И. Аванесов говорит о возможности произношения флексии *-ями* со звуком [ъ]. По данным двух массовых экспериментов С. М. Кузьминой звук [ъ] в этой флексии абсолютно преобладает. Очевидно, в наше время нормальным обликом этой флексии (в ее безударном варианте) надо считать такой: *-[ъ]ми*.

В существительных типа *ды[н'ъѝ]*, *ды[н'ъ]ми* морфемный шов фонетически полностью обесцвечен. (Напоминаем, что фонемы ⟨а⟩ и ⟨о⟩ обычно представлены звуком [ъ] и в основе слова.) Морфемная отдельность флексий в формах типа *ды[н'ъѝ]*, *ды[н'ъ]ми* проступает отчетливее только при сопоставлении их с формами других падежей, а фонетически она не сигнализирована.

Остальные 10 флексий четко отграничены от основы благодаря тому, что фонемы ⟨а⟩ и ⟨о⟩ представлены в них звуком [ъ]. Реализация фонемы ⟨о⟩ звуком

[ъ] после мягких согласных в заударных слогах не только не поколеблена в последние полвека, но еще более упрочилась⁷.

Во флексиях осуществляется (после мягких согласных) тенденция разграничивать гласные ⟨э⟩ и ⟨о⟩; ⟨э⟩ и ⟨а⟩; ⟨и⟩ и ⟨о⟩; ⟨и⟩ и ⟨а⟩. В некоторых формах есть противопоставление ⟨о⟩ и ⟨а⟩ (ср. *едем, камнем, дыням, баням*) — своеобразное флексивное «оканье». В основах, как известно, после мягких согласных эти противопоставления нейтрализованы. Иначе говоря, во флексиях реализуется иная фонетическая закономерность, чем в основах.

Большинство флексий при этом получает под ударением и без ударения более или менее единообразный фонетический облик. Например, флексия ⟨о⟩ в словах *поле, сено* выражена одинаково звуком [ъ], флексия ⟨э⟩ (*на этом поле, в сене*) — звуком [и]. Таким образом, флексия им.—вин. пад. и под ударением, и без ударения представлена гласным непереднего ряда (ср. *село — поле, сено*), а флексия предложного падежа — и под ударением, и без ударения — гласным переднего ряда (*в селе — на этом поле, в сене*). Этим обеспечивается укрепление одной из упоминавшихся тенденций агглютинации: стандартизации, уединоображивания фонетического облика морфемы.

Достигнуто и другое требование развивающейся агглютинативности: четкое разграничение морфем, усиление диэрем. Звук [ъ] в основе слова не встречается после мягких согласных, поэтому его появление в звуковом потоке после мягкого согласного означает морфемный шов на стыке основы и флексии. Предположим, произносят [кóс'ът] (*кóсят*), [с'эм'д'ис'ит] (*семьдесят*) — в обоих случаях в заударном слоге реализована фонема ⟨а⟩. Но законы реализации различны. Различие говорит о том, что в одном случае ⟨а⟩ принадлежит флексии, в другом — основе. Очевидно, распространение йканья может рассматриваться как процесс, помогающий разграничивать две части слова: флексию — нефлексию. Йканье характеризует именно нефлексию. Но этот процесс — победа йканья над эканьем — заслуживает более подробного рассмотрения.

2. Еще в начале XX в. после мягких согласных различались фонемы неверхнего подъема ⟨а⟩, ⟨о⟩, ⟨э⟩ (они реализовались звуком [э^н]) и фонемы верхнего подъема ⟨и⟩ (= [и]). Это так называемое эканье. В то же время в других неударных слогах уже в начале XX в. (и может быть, раньше) господствовало йканье. Ударение в русском языке подвижно: в разных словоформах оно падает на разные морфемы и даже в одной и той же морфеме — на разные слоги. Приставка *пере-* выступает, например, в таких разновидностях: [п'эр'ь]-, [п'э^нр'э]-, [п'ьр'э^н]-, [п'ьр'ь]-, т. е.⁸ /п'эр'и/ — /п'эр'э/ — /п'ир'э/ — /п'ир'и/: *пéредан, пeрeвран, пeрeдáть* и *пeрeврáть, пeрeдaвaть* и *пeрeвирaть*. Поэтому соседство

⁷ См.: Русский язык и советское общество. Фонетика...

⁸ В косых скобках дается транскрипция синтагмо-фонем, в ломаных — парадигмо-фонем.

эканья и иканья в пределах одной и той же основы создавало грамматическое напряжение: оно создавало слишком сложное варьирование морфем. Под влиянием грамматической тенденции к установлению единообразного облика морфем одно из этих явлений — иканье или эканье — должно было одержать верх. Победа осталась за иканьем.

При победе иканья было преодолено и одно частное препятствие для роста агглютинативности. В русском языке есть несколько десятков (около 90) глаголов, притом большей частью очень употребительных, типа: *прибирать* — *приберу*, *умирать* — *умереть*, *протира́ть* — *протереть*, *отдира́ть* — *отдеру* и т. д. При экающем произношении состав корня вариативен (см. выше определение эканья); при икающем он почти полностью стабилен. Ударные варианты этих корней в глаголах не встречаются, а в именах (достаточно немногочисленных) они представлены либо с [í]: *проти́рка*, либо с [ó] (*те́рка*), но в последнем случае вариант корня может включать несомненно нефонетическое чередование согласных фонем, ср. *прибирать* — *приборка*; значит, есть мотивировка и гласный рассматривать как оправданный нефонетическим чередованием.

Таким образом, в основе слова изменения в вокализме ведут к сокращению числа произносительных вариантов одной и той же морфемы.

3. Очень заметно в языке последних десятилетий такое изменение: раньше после [ж, ш] в первом предударном слоге в соответствии с ⟨а⟩ произносился гласный [э^в] или [ы^э]. Теперь в большинстве слов произносится [а]. Причина изменения — та же, что и в случае победы иканья: новая произносительная норма определяет большую фонемную стабильность корня. Прежнее произношение (еще не совсем исчезнувшее из литературного языка; оно свойственно старшему поколению его носителей): [жа́ркъ] — [жэ^вра́], т. е.: /жа́р/-, /жэ́р/-; [ша́гъм] — [шэ^вга́т’], т. е. /ша́г/-, /шэ́г/- и т. д. Новая норма выравнивает этот синтагмофонемный разноречивый, и корень получает единообразный вид: /жа́р/-; /ша́г/- . Этим удовлетворяется одна из указанных выше агглютинативных тенденций.

4. Тенденция к усилению аналитизма определила формирование класса аналитических прилагательных⁹. Сочетания единиц: *профбилет*, *совпечатать*, *комсубботник*, *телепередача*, *электростанция*, *лесозаготовки*, *нефтепродукты* и т. д.¹⁰ стали оцениваться в грамматической системе современного русского языка как словосочетания, как существительное с предшествующим аналитическим прилагательным: *проф-*, *сов-*, *кол-*, *теле-*, *электро-*, *лесо-*, *нефте-* и пр. Грамматические показатели у таких прилагательных ослаблены, системы флексий нет. Тем важнее вспомогательные, вторичные показатели: фонетические сигналы отдельности слова у этих прилагательных. В частности, у них

⁹ См.: Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис...

¹⁰ Подробнее см. в указанной книге.

не редуцируются ⟨а⟩, ⟨о⟩, ⟨э⟩, как у всех настоящих слов, когда они односложны. Ср.: *вот он, вот он; но он; то ты; то я* и т. д. Как видно из примеров, ударность при этом может и отсутствовать, а редукции безударных гласных у этих слов все же нет. Так же поступают и аналитические прилагательные. Например, в сочетании *профбилет*, первое слово *проф-* обычно безударно, но сохраняет нередуцированное [о].

Формирование аналитических прилагательных, их распространение в современном русском языке и речи обусловило повышение ценности таких показателей отдельности слова, как безударные нередуцированные гласные. Случаи, когда такие гласные не имели функцию показателя отдельности, оказались нежелательными: они делали показания нередуцированных безударных гласных многозначными и поэтому неопределенными. И надо ожидать, что нередуцированные ⟨о⟩, ⟨а⟩, ⟨э⟩ в безударных слогах, не имеющие функции показывать, что слог, в который они входят, принадлежит отдельному слову, в современном русском языке будут постепенно снижаться. Это должно быть так, если действительно грамматические потребности диктуют фонетике направление ее изменений. Так оно и есть; материал, реализующий этот процесс, рассматривается в следующей главе, посвященной фонетике особых лексических групп.

4

Определяющее воздействие грамматической тенденции на фонетику подтверждает также судьба так называемых фонетических подсистем. Эти подсистемы реализованы в особых слоях лексики (терминология, заимствования, топонимика, аббревиатуры).

Перечисленные группы слов имеют такие грамматические особенности, из-за которых их целесообразно рассматривать за пределами общей морфологической системы. Сюда относятся отсутствие склонения у некоторых имен (*пальто, кофе, беж*), особые префиксы и суффиксы, иные условия вычленяемости морфем.

Если предполагать, что фонетическое развитие связано с потребностями грамматики, то естественно грамматически особые подсистемы рассматривать и как особые фонетические подсистемы.

Обратимся к фонетическим отличиям подсистемы заимствованных слов. Рассмотрим два явления в их произношении: долгие согласные и твердые согласные перед ⟨э⟩, а также некоторые более частные факты.

1. Вот данные наблюдений над заимствованными словами с долгими согласными в произношении старшего и младшего поколения москвичей¹¹.

¹¹ Абсолютные цифры обозначают общее количество произнесений (все долгие во всех словах всеми дикторами). Подробнее об этих наблюдениях см. в статье М. Я. Гловинской в сб.: Развитие фонетики современного русского языка. М.: Наука, 1971. С. 54.

Таблица 1

	Долгие согласные	То же (в%)	Краткие согласные	То же (в %)
Старшее поколение	928	51	866	49
Младшее поколение	1367	46	1586	54

Различие между строками статистически значимо: количество долгих в произношении младшего поколения по сравнению со старшим сократилось (на 5%). Это различие покажется еще резче, если учесть, что в нашу эпоху усилилось влияние письменной речи на устную, которое должно было бы привести к обратному явлению: сохранению долгих согласных в произношении.

Чем можно объяснить неустойчивость в произношении долгих согласных в заимствованных словах? Никаких чисто фонетических предпосылок к этому нет, так как в принципе в русском языке долгие возможны; ср., например, долгие на стыке морфем: *оттянуть*, *рассмотреть*, *картинный*, *учится* и пр. Убывание долгих согласных в произношении можно объяснить только действием грамматической тенденции. Действительно, долгий согласный в русском языке служит показателем стыка морфем, а распространение произношения долгих согласных в корнях заимствованных слов привело бы к потере ими этого своего значения.

2. Приведем теперь данные нашего опыта по несмягчению согласных перед ⟨э⟩.

Таблица 2

	Твердые согласные	То же (в %)	Мягкие согласные	То же (в %)
Старшее поколение	7108	73	2624	27
Младшее поколение	7538	72	2851	28

Проверка показала, что различие между строками статистически не значимо. Количество твердых согласных перед ⟨э⟩ у младшего поколения не сократилось по сравнению со старшим.

Такая устойчивость тоже может быть объяснена морфологической тенденцией. Накопление слов с твердым согласным перед ⟨э⟩ приводит к тому, что эта позиция становится сильной для согласных по твердости—мягкости, мягкость согласного перед ⟨э⟩ оказывается фонетически необусловленной. Поэтому в таких случаях, как *тю*[р'э] — *по*[р'э], *со*[тэ] — *ко*[т'э], *кана*[пэ] — *сто*[п'э], т. е. когда в открытом слоге слова оказываются возможными и твердые и мягкие согласные, мягкость согласного перед ⟨э⟩ грамматикализуется, становится показателем морфологического стыка.

3. Устойчивое произношение слов нашей подсистемы с мягкими ⟨к'⟩ и ⟨г'⟩ перед низкими гласными (примеры: *маникюр*, *ликёр*, *гяур*, *кяриз*) укрепляет

формирующуюся в основной системе фонематическую самостоятельность ⟨к'⟩ и ⟨г'⟩, и это на морфологическом уровне приводит к выравниванию глагольных основ и устранению морфологических чередований, ср. *ткет*, *берега*, *жгя* и проч., т. е. к удовлетворению одной из агглютинативных потребностей языка.

Таковы факты, подтверждающие наше исходное положение. Есть, однако, факты, и противоречащие ему.

Рассматриваемой грамматической тенденции противоречит устойчивое произношение широкого круга слов с мягкими губными и зубными перед ⟨у⟩, например *бюллетень*, *бюро*, *бюрократ*, *бюст*, *коммунике*, *сюрприз* и т. д. В основной фонетической системе мягкость губного или зубного перед ⟨у⟩ является сигналом о морфологическом стыке, так как за исключением единичных слов они встречаются только перед флексией -у. С широким усвоением слов с мягкими губными и зубными перед ⟨у⟩ в корне исчезает один показатель морфемного шва.

Общий вывод нашего обзора достаточно прозрачен: все существенные изменения в фонетике современного русского литературного языка за последние пять-шесть десятилетий можно рассматривать как следствие грамматических процессов.

Об одном из возможных описаний фонетической системы русского языка*

Есть проекция Меркатора для географических карт. Параллели и меридианы пересекаются под прямыми углами. На таких меркаторских картах Гренландия больше Австралии. По справочнику можно узнать, что Гренландия на самом деле гораздо меньше Австралии. Значит ли это, что карты с проекцией Меркатора неверные? Нет, они верные. Они никого не вводят в заблуждение. При взятом методе изображения Гренландия должна оказаться больше Австралии. И для некоторых целей меркаторова проекция лучше всего. Моряки любят ее.

Картографам давно известно, что одно и то же можно изобразить по-разному, одно изображение будет очень отличаться от другого, но каждое окажется полезным в какой-то своей области. К этой мысли надо привыкать и лингвистам. Два описания могут быть разительно несходны, но оба дадут верные и полные сведения, например, о фонетике языка.

В 1957 году А. А. Реформатский писал: «Не только фонемы, но и позиции соотнесены со смысловразличием»¹. Эти слова рисуют возможность особого, непривычного способа описания фонемной системы. Непривычного, но для решения некоторых задач, возможно, наиболее целесообразного.

Обычно связь фонем и позиций рассматривается так. Фонемы — это тесто, это пластичная масса, на которой позиции оставляют свои отпечатки. Иной раз отпечаток может быть таким резким, что фонема в своей «самости», «особливости» уже плохо узнается, тесто резко деформировано (размазано, пережжено, съедено).

Но можно дело повернуть иным концом. Различители — именно позиции. Их набор и составляет индивидуальный облик каждого слова и морфемы. Въявь, как части звуковой цепи, они не даны. Они обнаруживаются в звуках — средствах опознания позиций. Позволю себе такое сравнение, чтобы наглядно представить этот взгляд на облик слова. Вот ряд пробирок, все они наполнены бесцветной жидкостью. Но стоит опустить лакмусовую бумажку в каждую

* Проблемы теоретической и прикладной фонетики и обучение произношению: Материалы межвузовской научно-методической конференции. Ун-т дружбы народов им. П. Лумумбы. М., 1973. С. 8—10.

¹ См.: Реформатский А. А. Фонологические заметки // Вопросы языкознания. 1957. № 2. С. 101.

пробирку — и бумажки окрашиваются в разные цвета. Первая пробирка окрашивает бумагу в желтый, вторая — в красный, третья — в синий цвет. Рядом стоит другой набор пробирок, тоже с бесцветными жидкостями. Лакмусовая бумажка обнаруживает, что здесь иной порядок жидкостей: первая пробирка с жидкостью, которая заставляет лакмусовый индикатор зеленеть и т. д.

Ряды пробирок могут быть означающими. Какие-то означаемые различаются этими рядами, собственно жидкостями в пробирках. Их различия мы выявляем с помощью лакмусовых бумажек.

Так можно смотреть и на слово. В слове [мы] — две различительные единицы (две пробирки). Пронумеруем их: первая, вторая. Сами по себе они слухом не воспринимаются. Нельзя произнести, например, единицу вторую, то есть определенную позицию. Позиция непроизносима. Но можно использовать лакмусовую бумажку: предшествующий звук [м]. Он обнаружит, что 2-я позиция — та, которая не требует огубления согласного; не требует его смягчения и т. д. Эти качества позиции, обнаруженные на звуке [м], на лакмусовой бумажке, позволят установить, что наличествует гласный — не [о], не [у], не [э]... Круг возможных звуков ограничен позицией; при достаточно полном учете возможностей каждой позиции, вероятно, ограничение доходит до точного указания на один единственный звук (впрочем, это не является необходимым, как увидим дальше).

Такой взгляд — когда различителями оказываются позиции — может показаться смутным, неясным, нечетким и потому неприятным. Думаю, что такое впечатление даже неизбежно, но, может быть, только на первых порах.

Чтобы преодолеть это эмоциональное отталкивание, напомним: приходится допустить такой взгляд даже при обычном изучении фонетики. Неизбежно это. Такой взгляд, то есть возведение позиций в ранг полномочных различителей, проникает в обычную фонетику под названием пограничных сигналов.

Например, есть фонетический закон: перед мягким зубным может быть только мягкий зубной (точнее: из зубных — одни лишь мягкие). Сотни примеров подтверждают действенность этого закона: *бант — о банте, хвост — на хвосте, романс — о романсе, узда — уздечка, лист — листик, сон — во сне, грязный — грязнить, косный — коснеть, морозный — морознее, лес — лесник* и т. д. Как только после зубного становится мягкий зубной — первый тоже меняет твердость на мягкость.

Но этому закону противоречат такие факты: *паровоз тянет поезд* (сочетание [ст’]); *роман серый* (сочетание [нс’]), *вопрос деловой* (сочетание [зд’]), *он тихий и смирный* и т. д.

Оказывается, в сочетаниях зубной + зубной мягкость второго в одних случаях влечет за собой мягкость первого, а в других не влечет. Никак нельзя обнаружить, чтобы вторые сочетания были как-то наглядно отличимы от первых. Ни паузы, ни чего-то подобного паузе нет. Приходится говорить: в середине

слова действует закон уподобления, а перед словоразделом — не действует. Зубной в одном случае стоит перед зубным, в другом — перед стыком слов, диэремой, пограничным сигналом². Физическое реально-звуковое соседство то же; чтобы указать на обусловленность различия, приходится в ряд звуков вводить диэрему. Но диэрема — это, строго говоря, позиция, понятая как единица в звуковой цепи. Ее приходится вводить в ряд фонемных единиц, так как иначе нельзя сформулировать всем известные законы — при обычной точке зрения, когда фонемы считаются различителями.

Знаменитый парадокс А. Н. Гвоздева: [кыр'и] — [к'ири], который так блестяще решил А. А. Реформатский, имеет ту же природу. Приходится различать два сочетания ⟨к#и⟩ и ⟨ки⟩. Или говорить: [к] на конце слова ведет себя не так, как в середине. А что такое конец слова? Как он себя выявляет? Только той самой особенностью чередования, о которой идет речь: вызывает после ⟨к⟩ сдвиг в артикуляции [и], превращение [и] в [ы]. Другим способом он себя не проявляет. Именно как те пробирки, которые сами наполнены жидкостями, которых глазом не различить, но которые по-разному изменяют лакмусовые бумажки. Слова: *Кире* — *к Ире* — не отличаются по составу фонем. Чтобы описать их явную нетождественность, нам приходится в ряд различителей вводить диэрему, позицию, знак словесного стыка, и эту позицию рассматривать как сегментный (или суперсегментный) элемент. Здесь-то, анализируя этот пример, А. А. Реформатский и сказал, что не только фонемы, но и позиции — смысло-различители.

Если в обычную фонетику, в обычное описание фонем приходится волевым усилием вводить единицу — позицию, диэрему, трактуя ее как фонему, то естественно попытаться построить описание звуковой стороны языка как системы позиций — смысло-различителей.

Надо сочинить какой-нибудь термин. Это понятие: «позиция, рассматриваемая как различительная единица» — надо как-нибудь назвать. Возникает трудность. И вот почему. Термины множатся на глазах. Говорят, если бы саранче дать свободно размножаться, то она заполнила бы все — и в очень короткое время. Термины в языкознании обнаруживают саранчовый характер. Носятся тучами. Их все больше. При виде нового термина лингвист чувствует легкое головокружение и тошноту.

² Можно сказать так: только тот зубной уподобляется по мягкости следующему зубному, который не стоит в конце слова. Без диэремы обошлись. Но что значит: в конце слова? Фонетического слова, такта? Или смысловой единицы? Известно, что фонетическое слово и словоназывная единица — не одно и то же. При определении фонетической позиции, наверное, естественно исходить из такта, из фонетического слова. Однако граница между тактами может быть показана именно сочетанием: зубной твердый + зубной мягкий (*принес лису* [сл']. Ср.: *принес ли* [сл'], где один такт, а не два, но *слива*, где [с'л']).

Как быть? Как ввести термин и не вводить его? Как ввести термин, не загружающий память фонетиста? Минимально отличный от термина фонема? Это можно сделать так: корень *фон* вывернуть наизнанку. Наша единица будет называться нофема. Потом увидим, что такой термин хорош и по самой природе нофемы: она — антипод фонемы, она — фонема, вывернутая наизнанку.

Как из позиций сделать слово? Обычную фонемную транскрипцию легко превратить в звукоряд. Как нофемную транскрипцию превратить в обычную, звуковую, фонетическую? Дано:

$$X^1 X^2 X^3 X^4.$$

Здесь: X^1 , X^2 , X^3 , X^4 — обозначение позиций.

X^1 : позиция, которая, действуя регрессивно, требует, во-первых, превращения свистящих в шипящие (то есть, требует сдвижения зубной артикуляции в передненебную), во-вторых, превращения глухих в звонкие. У этой позиции, следовательно, два различительных признака.

X^2 : позиция, которая действует регрессивно и требует сильной лабиализации соседа слева.

X^3 : позиция, которая регрессивно укорачивает звук (регрессивно: то есть, соседа слева).

X^4 : позиция, которая не допускает мягкости предшествующего согласного (регрессивное действие), а прогрессивно допускает единицу, не зависящую от позиционных воздействий.

Последний псевдоним тут же раскроем: единица, не зависящая от позиционных воздействий, — это пауза. Следовательно, позиция X^4 — это конец слова. Он предполагает после себя паузу.

Самое слово легко разгадать: [жук].

Позиция X^4 , предпаузная, не допускает мягкости перед паузой; это возможно, если в конце слова стоит [к] или [г] (твердость их в этом случае позиционна).

Позиция X^3 — та, которая укорачивает гласный. Известно, что взрывные способствуют краткости предшествующего гласного (без труда можно заметить на слух, если взрывной долгий: *сядьте, поддан, оттиск*). Следовательно, здесь (сочетаем вместе показания X^4 , X^3) — не [х], а [к].

Позиция X^2 — та, которая требует сильной регрессивной лабиализации. Это позиция перед [х]. Позиция X^2 определяет наличие [у] в звуковой цепи.

Позиция X^1 — озвончающая. Значит, начало слова занимает звонкий шумный. Она же опередненебливающая. Ergo: в начале слова стоит [ж]. Перед ним, действительно, осуществляются все описанные перемены: *Этот хитрый ваш жук; у вас жук на шее*.

Так нофематическая транскрипция превращается в звукоряд.

В мои задачи сейчас не входит полное законченное описание совокупности нофем русского языка. Это особая и длительная работа. Мне хочется только показать возможность такого описания и его достоинства.

Очевидно, многие — или все — слова русского языка можно интерпретировать таким же образом: через набор нофем.

Понимаю, что возникает много сомнений, и хочу на некоторые из них ответить.

Узнаются ли, воспринимаются ли говорящими эти миниперцептивные, часто микроскопические позиционные различия? Например, различие в длительности гласного перед щелевым и перед взрывным. Ведь экая малая разница!

Она узнается говорящими. В системе нофем учитываются, конечно, только стабильные признаки, только те, которые свойственны не одному, а всем говорящим (или их огромному большинству) — тогда предполагается, что у меньшинства эти отличия могут каким-либо образом компенсироваться.

Что значит: в русской речи гласные короче — немного — перед взрывными (сравнительно с теми случаями, когда гласный не подвергается соседству со взрывным)? Так произносит не один человек; так произносят: я, ты, он, мы, все.

Всеобщая особенность эта не определена строением органов речи. Перед взрывным можно артикулировать и длинный и короткий гласный. Может быть, такое произношение связано с особенностями речевого дыхания, с распределением воздушной струи по слогам? Но в разных языках разное слоговое деление, разное распределение дыхания по слогам. Значит, русскому речевому дыханию надо научиться. Каждому говорящему надо научиться перед взрывными немного покороче произносить гласный, чем перед щелевыми. И, поскольку эта черта типическая для русского произношения, всем удастся этому научиться. Как? По слуху. Ребенок корректирует свое произношение до тех пор, пока у него не будет получаться в слуховом отношении то же, что у других, говорящих по-русски. Тончайшие перцептивные приспособления звуков, которые установились как типические для русского языка, могли установиться только с помощью слухового восприятия, при всеобщем признании (чисто моторном признании) стабильности, надындивидуальности, обязательности такого произношения в русском языке.

С точки зрения привычных взглядов, лабиализация согласных перед [у, о] — незаметная и вообще пустяковая черта. Кто ее замечает? Очевидно, все, если она присуща всем говорящим по-русски как на родном языке. (В других языках такой лабиализации нет.)

Показателен такой факт. Гласные [е—ê] указывают, что позиции, в которых эти гласные находятся, различны (то есть указывают, что в составе слова — разные нофемы). Например, различаются:

- 1) *протеть ли* — инфинитив с частицей;
- 2) *протет ли* — причастие с частицей;
- 3) *про петли* — с [т'], предлог с существительным;
- 4) *про петли* — то же, но с твердым [т].

Здесь [т'] и [л'] образуют один слитный согласный взрывно-боковой с общей, единой выдержкой. Мягкость (или полумягкость, или твердость) взрывной части слышится очень плохо. Возможна широкая вариантность произношения. В случае пропеть ли (инфинитив + частица) опознать [т'] помогает аффрицированность взрывного, если она есть; в этом случае, конечно, взрывно-бокового согласного не создается, а налицо два зубных. Но такое произношение — не обязательно, часто говорят без аффрицированности: пропе[тл']и.

Еще Д. Н. Ушаков советовал фонетистам в этом случае слушать не согласный, а предшествующий гласный [э] или [э̞]: на нем отражается мягкость или твердость согласного соседа. При мягком произносится [э̞] (закрытое). Это позиционное воздействие [т'] в данном случае гораздо легче воспринимается, чем сама реализация ⟨т'⟩. И до сих пор, и сейчас узнавать [т'] или [т] в этой позиции, т. е. произношение *не[т']ли* или *не[т]ли*, учат по [э—э̞] (об этом пишет в работах по орфоэпии Р. И. Аванесов).

Нофема оказывается проще и доступней, чем фонема. Ведь восприятие закрытости [э̞] — это регистрация позиции, в которой находится ⟨э̞⟩; то есть: регистрация нофемы, позиции, понятой в ее различительной функции.

Можно было бы привести немало фактов из области разговорной фонетики, то есть из фонетики разговорного русского языка — там часто воспринимается именно нофема, а не фонема. Но это — особый разговор. Вывод такой: нофема вполне доступна восприятию, не менее доступна, чем фонема. Другое сомнение такое. Фонем как-никак около 40 (в русском языке). А сколько нофем? Хватит ли их для разграничения слов?

Их немало. Диэремы в обычном описании фонемного строя — чужаки, это нофемы, приглашенные в семью фонем только по необходимости. Без них нельзя описать фонемный строй языка. Но в системе нофем диэремы — у себя дома. Сигналы: конец слова, стык полных слов, стык морфем, стык предлога со словом, стык слова с частицей — все это полноправные нофемы. 5 диэрем, существующих в русском языке, — это 5 полноправных (и очень функционально нагруженных) нофем.

Слогоделение — важный поставщик нофем. В словах: *полка, коршун, лента, немцы* — указание на слогораздел уже в очень значительной степени характеризует согласный звук. Это сонорный. Остается по воздействию на предшествующий гласный определить его полностью (делает артикуляцию гласного сильно напряженной? Значит, это [л] и т. д.).

Слогораздел — особенность произношения, которая хорошо воспринимается на слух. Отступление от верного слогоделения болезненно удивляет нас. По тонкому наблюдению А. А. Реформатского, мы чувствуем английский акцент, например, в пении Поля Робсона в первую очередь из-за английского слогоделения. Фонетисты могут спорить о нормах русского слогораздела; научно,

понятно здесь многое не установлено. Но это не мешает нашему практическому, речевому владению нормой, не мешает использовать такое значение (практическое) для различения, для опознания слов.

Далее. Едва ли не всякое сочетание гласного с согласным дает: на гласном — характерные отпечатки данного именно согласного, на согласном — отпечатки данного гласного. Опыты Н. И. Дукельского и других фонетистов дают для такого заключения достаточный материал.

Все сказанное позволяет предполагать, что нофем в русском языке два или три десятка, то есть более чем достаточно для различения слов. (Известны системы восприятия, при которых осуществляется удовлетворительное различение русской речи при наличии всего пяти различителей.)

Повторяю, что в состав нофем должны быть включены любые перцептивные отпечатки одного звука на другом, различные факты слогаделения, все диэремы.

Теоретически, однако, надо считать возможными и такие случаи. Два звука, *x* и *y*, дают (в определенной позиции) совершенно одинаковый отпечаток на соседних звуках.

Предположим, что [т] и [ц] неразличимы, тождественно отражаются в каком-то своем окружении. Реально в определенном слове произнесено ...[т]... Мы описываем позицию x^{10} для этого [т]. Описание позиции содержит указание на такие ее черты, которые могут проявиться при наличии в тексте [т]. Но и [ц] выявит, обнаружит, реализует эту же самую позицию. Значит, по наличию позиции x^{10} нельзя решить: [т] или [ц] налично в тексте. Такие трудные задачи при описании системы нофем надо решать так же, как они решаются при описании системы фонем.

Надо фонематически разграничить (снова вспоминаю работу А. А. Реформатского «Фонологические заметки») [кыр'и] — [к'ыр'и]. Обычный речевой слух говорит, что эти две единицы различаются. Значит, у них не одинаковый состав фонем (ведь различитель — это и есть фонема). Тщательно сделанная фонемная транскрипция подскажет, что в том и другом случае фонемный ряд один и тот же ⟨кир'и⟩. Надо ввести в этот ряд знак словесного стыка. Тогда: [кыр'и] = ⟨к#ыр'э⟩; [к'ыр'и] = ⟨кир'э⟩. Что мы сделали? Мы в ряд фонем ввели фиктивную единицу. Мы позицию представили как особь в последовательности звуков, реализующих фонемы. По существу позицию мы стали рассматривать как нечто одноприродное с фонемами ⟨к⟩, ⟨и⟩ и т. д. Слова могут отличаться фонемами ⟨а⟩, ⟨о⟩, ⟨э⟩ и т. д., их наличием и отсутствием, а также наличием — отсутствием пограничного сигнала, открытого перехода, диэремы. Диэрема в описании фонем — мнимая величина; вроде $\sqrt{-1}$. Но неизбежная при описании фонемной системы. Без нее обойтись нельзя. Это — основание для включения ее в число фонем.

Применим этот опыт к описанию системы нофем. Оказалось, что различаются на слух 2 звуковые цепи. В составе одной —

...[т]...,

в составе другой —

...[ц]....

Набора нофем недостаточно для различения. Надо ввести мнимые единицы. В описании фонем есть единица, которая есть позиция, представленная как фонема. Здесь мы вводим в описание нофем единицу, которая есть фонемное различие, представленное как позиция.

В описании будет сказано: есть позиция X^1 . Ее наличие указывает на звуки [т] или [ц]. В этом же слове есть позиция X_{100} ; перед ней не может быть аффрикаты³; выбор произведен: в слове дан согласный [т], а не [ц]. Позиция X_{100} — мнимая величина.

Особенно целесообразным может быть нофемное описание для поэтической речи. С. И. Бернштейн заметил, что в стихе бывают значимы нерелевантные (с точки зрения фонологии) признаки звуков. Однако с точки зрения нофонологии именно они считаются значимыми и должны быть полностью учтены.

Вот один пример:

Где безбрежный океан,
Где одни лишь плещут волны,
Где не ходят челны,
Там есть фея Кисиман.
На волнах она лежит,
Нежась и качаясь,
Плещет, блещет, говорит —
С нею фея Аtimaис.
Аtimaис, Кисиман —
Две лазоревые феи,
Их ласкает океан.
Эти феи ворожеи...
К берегам несет волну,
Колыхаясь, забавляясь,
Ворожащая луну
Злая фея Аtimaис.

(Ф. Сологуб)⁴

Стихотворение инструментовано на «сдвиг ударных гласных кпереди». В первых, под влиянием следующего мягкого согласного: *плещет, блещет, лазоревые, ворожащая, эти...* Во-вторых, под влиянием следующего переднего гласного: *феи-[ф'эи], фея-[ф'эя], с нею-[с'н'эу], касаясь, Аtimaис, ласкает, ворожеи, колыхаясь, забавляясь, злая...* (некоторые из этих слов повторяются по

³ Ср. выбор [к] в виде двух ступеней (*жук*).

⁴ Это стихотворение цитировано в «Русской фонетике», но с другой целью.

несколько раз). Действуют разные причины сдвига гласных; важен результат их действия: гласные становятся дизными. Продвинутость кпереди у гласных, дизность — признак, который может рассматриваться как существенный только нофологией.

Вероятно, справедливо мнение С. И. Бернштейна (высказанное им имплицитно в одной из статей) о том, что есть поэты, для которых важнее фонемные сущности, и есть поэты, которые чутки к сущностям фонемным.

О разграничении сегментных и суперсегментных единиц*

В 1948 г. была опубликована статья П. С. Кузнецова «К вопросу о фонологии ударения», содержащая ответ на один давний и острый вопрос.

Каждый из нас интуитивно знает, что слова (и большие единицы) могут друг от друга отличаться звуками, а могут ударением, интонацией. Говоря научно, есть единицы сегментные (то есть звуки) и есть суперсегментные, и мы ясно чувствуем резкое различие между ними. Звуки — действительно как бы сегменты, отрезки, части, из которых составлены слова. Суперсегментные единицы — ударение, интонация и т. д. — кажутся чем-то существующим вне, поверх сегментов. Так говорит нам интуитивное представление. На чем оно основано?

Казалось бы, все фонетические различия можно свести к различиям в сегментах. Так, словоформы *му́ку* — *муку́* отличаются гласными как первого, так и второго слога, поскольку, в частности, согласно исследованиям Н. И. Жинкина, ударные и безударные гласные «того же» качества на самом деле тембрально различны.

Почему же наша интуиция усложняет дело и хочет видеть здесь различие в размещении ударения, то есть в суперсегментной единице, заставляет наряду со звуками вводить особый класс единиц — суперсегментных? Ответ дает упомянутая статья П. С. Кузнецова, положения которой важны для лингвистической теории в целом, для анализа языковых единиц любого яруса.

П. С. Кузнецов разграничивает единицы сегментные и суперсегментные следующим образом. Предположим, в языке есть элементы А и Б, и мы не знаем, представляют они единицы сегментного или суперсегментного типа.

Нам известно (потому что мы изучили тексты), что в этом языке есть такие сочетания единиц А и Б: А + Б, А + А, Б + А, Б + Б. То есть осуществлены все возможные сочетания «по два». В этом случае в одной и той же позиции (например, после А) встречаются и А, и Б. Более того, в каждой позиции возможны оба элемента; и А, и Б. Тогда А и Б хорошо вычлениются. Они особые сегментные единицы. Сочетания А + Б, А + А, Б + А, Б + Б — это сочетания сегментных единиц.

* Исследования по славянскому языкознанию: Сб. ст. / Под ред. В. П. Гудкова. М.: МГУ, 1984. С. 58–66.

Пример 1. Элемент А представлен звуком [о], элемент Б представлен звуком [н]. Тогда возможны все сочетания по два: [он] (*он, сон, солнце*); [оо] (ООН, *Коонен, Моор*); [но] (*нос, кино, предлог но*); [нн] (*Анна, манная, конный*). Итак, звуки — сегментные единицы.

Но может быть и другой случай. Из четырех сочетаний АБ, АА, БА, ББ в языке могут быть реализованы только два: А + Б и Б + А. Такой же случай: из четырех теоретически возможных сочетаний язык позволяет реализоваться только сочетаниям А + А и Б + Б. В обеих разновидностях этого случая единицы А и Б не встречаются в одной позиции. Например, если даны только сочетания А + Б и Б + А, то после А может быть лишь Б, единица же А в этой позиции (после А) не встречается.

Пример 2. А = ' (ударный слог), Б = ∪ (безударный слог). В двусложных словах возможны сочетания либо ' ∪ (*му́ка, сла́ва, хо́дит*), либо ∪' (*мука́, трава́, сиди́т*). Двусложных слов со строением ∪ ∪ или '' нет.

«Исходя из понимания фонологических различий как звуковых различий, независимых от положения звука в слове, рассматривать ударение как признак отдельной слоговой фонемы невозможно. Установить, что два разных звука данного языка являются двумя разными фонемами, мы можем лишь в том случае, если два звука могут быть противопоставлены друг другу в тождественной позиции, так как лишь в этом случае можно доказать, что различие их позиционно не обусловлено», — писал П. С. Кузнецов¹. Итак, ударение — суперсегментная единица, и наша интуиция верно воспринимает это. Теория П. С. Кузнецова превращает смутное интуитивное знание или, скорее, «предзнание» в подлинно научное постижение объекта.

Если таким образом трактовать суперсегментность, то не следует ли понятие суперсегментной единицы распространить на некоторые признаки звуков в звукосочетании? Некоторые лингвисты (например, Ч. Хоккет) предлагают в сочетаниях типа [пт] (*птаха, роптать*), [тк] (*ткать, споткнуться*) считать глухость суперсегментной: если один взрывной — глухой, то и соседний — тоже глухой. Обозначим: А — глухость, Б — звонкость. Тогда возможны такие сочетания взрывных: А + А, Б + Б [пт] и [бд]. Иначе говоря, невозможен выбор между глухостью и звонкостью, если дано, что один из двух соседних взрывных — глухой. Это правильное, на первый взгляд, рассуждение П. С. Кузнецов отверг. Он утверждал: «Ясно, что здесь речь идет совсем о других отношениях, чем те, которые я рассматривал выше»², то есть отношения не суперсегментные.

Тридцать лет тому назад такой вывод был приемлем. Существовала только артикуляционная классификация звуков языка. Большинство ее членений не было дихотомическим; не сводилось к наличию А и Б. Только глухость-

¹ Кузнецов П. С. К вопросу о фонологии ударения // *Реформатский А. А.* Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. М., 1970. С. 362–363.

² Кузнецов П. С. Указ. соч. С. 365.

звонкость и твердость-мягкость в этой классификации были признаками дихотомическими. Их можно было рассматривать (в отдельных сочетаниях) как суперсегментные, как разлитые на два или несколько сегментов³.

Но все другие фундаментальные признаки согласных: степень сонорности, способ и место артикуляции и почти все признаки гласных в этой классификации не были дихотомическими. Они не могли рассматриваться как суперсегментные. Например, перед шипящими в русском языке возможны шипящие и невозможны свистящие: *с жаром, с шумом, разросшийся, выросший; ну, и мороз же* и т. д. произносятся с долгим [ш̄] и [ж̄], то есть с [ш] перед [ш] и с [ж] перед [ж].

Так же, как глухой согласный насильственно распространяет свою глухость на предшествующий шумный, так и шипящий заставляет свистящего соседа стать шипящим. Следовательно, переднебность — общее, суперсегментное свойство двух согласных [ш + ш] (например, в слове *росшивни*)⁴.

Но это не так. Сравним с ударением. Если в двусложном такте второй слог ударный, то из этого следует, что первый — безударный, ведь сочетание Б + А (безударный + ударный слог) в языке узаконено, но нет А + А; оба слога одного слова не могут быть ударными. По одному элементу с уверенностью предсказывается другой. Так же и глухость: в сочетании двух шумных можем по глухости второго предсказать глухость первого. Иного быть не может.

Можно ли в сочетании шумных, если второй — шипящий, предсказать, что и первый — шипящий? Свистящие исключены, невозможны. Однако не исключены зубные и заднебные. Дано: сочетание [ш + ш] (*росшивни*); запрещено: сочетание [с + ш]; но могут быть также сочетаны [ф + ш] (*упавший*) и [х + ш] (*засохший*). Схематически: возможно сочетание А + А (шипящий + шипящий), невозможно по законам современного русского языка Б + А (свистящий + шипящий), но суперсегментности — предсказуемости одного элемента по другому — нет, так как существуют сочетания В + А, Г + А... Итак, в сочетании типа [ш + ш] (*росшивни*) шипящая (переднебная) артикуляция не принадлежность сразу двух сегментов, она не суперсегментна, она принадлежит каждому сегменту в отдельности. Суперсегментности мешает то, что кроме А и Б есть еще В, Г (то есть признаки: губной, заднебный) — то, что этот классификационный ряд не дихотомичен.

В 1948 г. признаки фонем было нецелесообразно представлять как суперсегментные: это представление было непригодно для большинства артикуляционных признаков и не вело к принципиальному упрощению фонетического

³ Впервые последовательно так их характеризовал (в качестве суперсегментных) Р. И. Аванесов. См.: *Аванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка*. М., 1956.

⁴ В качестве примера взято слово, где в современном русском языке нет стыка корня и приставки: *росшивни*. Впрочем, это в данной связи не существенно.

описания. В середине 50-х г. появляется новая классификация звуков языка: акустическая. Она дихотомична. Это сразу меняет взгляд на фонетические единицы языка. Все признаки звуков оказались в принципе суперсегментными.

Вернемся к нашему примеру, к сочетанию двух шипящих. Его трактовка коренным образом меняется. Закономерность формулировалась так: если есть второй шипящий, то первый — какой угодно, но не свистящий. Теперь сформулируем закон сочетаемости по-другому. Переднеязычные, по акустической классификации, — высокие компактные (и притом — невокальные). Если есть два высоких (невокальных), из которых второй — компактный, то и первый — компактный. Формулировка показывает, что в этой позиции невозможны свистящие, так как они как раз некомпактные.

Новая формулировка полностью исключает из закономерности губные и заднеязычные. Правило дано для высоких. Губные и заднеязычные — низкие. Сказав, что закономерность относится к высоким, мы устраним губные и заднеязычные из нашей формулировки (отражающей объективную языковую закономерность). Они теперь не мешают признать общий признак двух сегментов — компактность — суперсегментным. У высоких невокальных наличие признака компактности (второго сегмента) неизбежно влечет за собой наличие того же признака компактности у предшествующего сегмента. Если бы предшествующий имел признак, противоположный компактности, то он был бы свистящим, а свистящие здесь запрещены. Таким образом, суперсегментным признаком оказывается «компактность».

В сочетаниях [нт], [нд] суперсегментны признаки диффузности. У двух соседних смычных (прерванных): если первый носовой, а второй шумный, диффузность одного из сегментов влечет за собой диффузность другого⁵. Значит, этот признак здесь является единым, целостным для двух сегментов.

Суперсегментным может быть признак «вокальность». Последние слоги в словах *психиатр*, *педиатр* и *оператор*, *манипулятор* произносятся одинаково: ...[т^вр]. И то, что обозначено буквами «тр», и то, что обозначено буквами «тор», произносятся с кратким гласным [ʊ] перед конечным сонорным. (Возможно глухое произношение конечного сонорного, тогда нет гласного перед ним, но тогда нет и признака вокальности у глухого [р].) А если это так, неизбежен признак вокальности, разлитый на оба конечных сегмента.

*

* *

Рассмотрим следующую закономерность: в сочетаниях «зубной + мягкий зубной» первый зубной (если он не боковой) тоже должен быть мягким. Иначе

⁵ См.: Аванесов Р. И. О соотносительном ряде носовых согласных фонем по признаку «дентальность — лабиальность» // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1966.

говоря: дизонность в сочетании двух высоких диффузных звуков суперсегментна. Два сегмента обладают общей мягкостью.

В сочетаниях «губной + мягкий зубной» первый согласный — губной — непременно твердый, если их не разделяет диэрема (перед частицами *-ся, -те, -ка* закон не действует: *приготовься, приготовьте, приготовь-ка, познакомься, познакомьте, познакомь-ка*). Например, в словах *птица, лапти, аптека, в Египте* везде произносится [птʰ], притом твердость первого, губного согласного обусловлена мягкостью второго, зубного согласного (вообще: любого не мягкого губного). И здесь признак мягкости-твердости разлит на два сегмента:

твердость = мягкость	
губной	не губной

(Это же отношение легко представить в терминах акустической классификации; ведь признаки твердости-мягкости дихотомичны в обеих классификациях.)

Здесь суперсегментный признак неоднороден на своем протяжении, он начинается твердостью, а кончается мягкостью. Это аналог дифтонгических фонетических единиц на уровне звуковых признаков.

*
* *

Проанализируем более сложный случай «разливания» акустического признака на два сегмента. Речь пойдет о признаках «низкая — высокая тональность».

В современном русском языке невозможны сочетания [стн], [здн]⁶. Возможны только [сн], [зн].

Попытаемся схематически изобразить описанные факты:

непрерывный		прерванный
высокий	высокий	высокий
диффузный	диффузный	диффузный
(консонантный) невокальный	(консонантный) невокальный	консонантный вокальный

Эта схема исключает сочетания [стн], [здн], допуская, однако, [ссн], [ззн]. Но рядом с консонантным невозможны двухконсонантные сегменты, у которых все признаки одинаковы. То есть долгие согласные не могут (внутри морфемы) находиться рядом с каким-то согласным. Значит, схема неудовлетворительна и

⁶ В искусственно книжном произношении может быть [здн], но, на наш взгляд, оно не стало устойчивым речевым (тем более языковым) фактом.

нуждается в замене. Между [с... н] и [з... н] невозможны все высокие, то есть: [т, д, с, з, ц, л, ш, ж, ч, р], а низкие возможны: *распнуть, пискнуть, взвизгнуть, изгнать*⁷.

Следовательно, признак «низкий» у второго сегмента в сочетаниях [спн], [скн], [згн] является несвободным, он навязан сочетанию всеми остальными составляющими этого сочетания. Надо показать на схеме невыборный характер признака «низкий», слив его с признаками следующего сегмента (у нас всюду в сочетании двух согласных обуславливающий сегмент — второй из каждых двух). Окончательная схема:

непрерывный	прерванный	прерванный
высокий	низкий —	высокий
диффузный	компактный	диффузный
(консонантный) невокальный	(консонантный) невокальный	консонантный вокальный
(с)	к	н)

Для проверки возьмем признаки «низкий — высокий» и «диффузный — компактный», обозначив их буквами [н] и [в], [д] и [к]⁸. Тогда изображенный выше трехсегментный отрезок будет равен:

$$\begin{array}{c} \text{в} \quad \boxed{\text{н} - \text{в}} \\ \text{д} \quad \text{к} \quad \text{д} \end{array}$$

Меняя по одному признаку, получим такие сочетания:

- 1) н [н] в 2) в [н] в 3) в [н] в
 д к д к к д д ђ д
- 4) в [н] н 5) в [н] в
 д к д д к к

В рамку взят признак «н» как незаменяемый. Все остальные можно менять, получая реальные для современного русского языка звуковые сочетания: 1) *гафкнуть*; 2) *нишкни*; 3) *распнуть*; 4) [скм]; 5) *искра*. Сочетание [скм] в

⁷ Слово *распнуть* в современном языке непроизводное, сочетание [спн] не разбито морфемной границей, поэтому можно полагать, что морфемная расчлененность сочетания «[с] или [з] + низкий + [н]» не является необходимым условием существования таких сочетаний.

⁸ Мы отвлеклись здесь от признаков «прерванный — непрерывный», полагая, что не в них дело; ведь во втором сегменте всякие высокие, и прерывистые, и непрерывистые, оказываются нереальными.

реальных словах, вероятно, не представлено, но легко установить его фонетическую законность⁹.

Все элементы заменимы. Только во втором сегменте «н» (в рамке) нельзя заменить на «в»; получится [стн], [здн], а их-то и не бывает. Значит схема верна: у второго и третьего сегмента признак «низкий—высокий» является целостным, нечленимым, общим для обоих сегментов. Невозможность [т, д] в середине сочетаний [с...н], [з...н] никак не отражается на трактовке самих сочетаний [сн], [зн] (в словах, например, *местный, проездной*):

непрерывный	прерванный
высокий	высокий
диффузный	диффузный
(консонантный)	консонантный
невокальный	вокальный
(с	н)

Невозможность [т, д] в середине сочетаний [с...н], [з...н] отражается в трактовке совсем иных сочетаний — [спн], [збн]. Налицо системность языка: все его звенья взаимно связаны, и невозможность сочетаний [стн], [здн] затрагивает характеристику сочетаний [спн], [збн].

*
* *

Итак, в принципе все звуковые признаки можно представить как суперсегментные... Во всяком случае акустическая классификация фонетических единиц, строго дихотомическая, этому не ставит никаких препятствий.

Возможно возражение: есть немало случаев, когда звуковой признак явно принадлежит только одному сегменту. Например, в слове [дам] гласный [а] не влияет на различительные признаки соседних согласных, не определяет, не предсказывает их, а согласные равнодушны к признакам [а]. И таких случаев в любой речевой цепи очень много. Так имеются ли достаточные основания считать акустические признаки звуков суперсегментными единицами?

Да, имеются. Ударение — бесспорно суперсегментная единица. Такая квалификация не опровергается существованием большого количества односложных слов типа *сон, путь, там, ты, сто, бел, тих, сядь, стой, бац* и т. д. Наличие противопоставлений *му́ку — муку́* обязывает нас считать ударение суперсегментной единицей. Определение П. С. Кузнецова, позволяющее открыть специфику суперсегментных единиц, вообще не учитывает случаи их «одинокого» появления, когда нечто является без сопровождения других единиц.

⁹ См.: *Панов М. В.* Русская фонетика. М., 1967. С. 79 и сл.

Итак, формулировка П. С. Кузнецова, приложимая к суперсегментным единицам, оказалась пригодной и для дифференциальных признаков, из которых состоят звуки. Суперсегментным в языковой цепи оказалось все: интонация, ударение, слогостроение, звуковые признаки. Помимо этого в звуковой цепи (в русском языке) и нет никаких иных дифференциальных единиц!

Мы пришли к выводу, который резко противоречит интуиции, не воспринимающей интонацию и ударение, с одной стороны, и звуки (состоящие из акустических признаков), с другой, как явления одной природы. Интонация противится стиранию границ между суперсегментным и сегментным в языке.

Вероятно, граница между теми и другими единицами лежит в их функционировании, в их позиционном поведении. Ударение может различать многосложные такты: например, *му́ку* и *муку́*. Оно может падать и на односложный такт: *мук*. В последнем случае два типа ударений: *му́ку* — *муку́* — нейтрализованы¹⁰. Ударение здесь лишается своей дифференциальной функции. Если ударный слог = А, безударный = Б, то их различительная функция полностью проявляется в сочетании АБ и БА и нейтрализуется в единице А.

Иное дело звуковые признаки. Мягкость и твердость вполне различительны, когда они принадлежат отдельно каждому сегменту. Возьмем сочетание [с'к] в слове *Васька* и [ск] в слове *маска*: здесь мягкость или твердость [с—с'] избирается независимо от соседнего сегмента, и она — различительна. В слове *мостик* согласный [с'] тоже обладает мягкостью, но она — от соседа (перед мягким зубным зубной обязан быть мягким). Поэтому она (перед [т']) — неразличительна. Здесь не может быть твердого [с]. Налицо признак, разлившийся на два сегмента. Если А — мягкость зубного, Б — твердость зубного, то возможны только сочетания АА и ББ, и в них нейтрализуются данные признаки¹¹.

Итак, есть единицы суперсегментные, те, строение которых описал П. С. Кузнецов. Единицы типа АБ и БА (или, в другом случае, АА и ББ) — не членимые на А и Б; такой вид они имеют в сильной, различительной своей реализации. Они могут нейтрализоваться (например, если речь идет об ударении, в позиции односложного такта). Тогда они не распространяются на несколько сегментов. Сильная реализация такой единицы — суперсегментна, нейтрализованная — сегментна.

Есть и другие единицы, которые в сильной позиции являются сегментными, а в слабой образуют суперсегментные сплавы. Эти единицы — различительные признаки звуков и, следовательно, сами звуки.

¹⁰ См.: *Якобсон Р. О.* О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским. М.; Берлин, 1923.

¹¹ Конечно, для одного из сегментов, а не для всего сочетания: АА как целое отличается от ББ (ср. *чист* и *чисть*).

О значении морфологического критерия для фонологии*

Нужен ли морфологический критерий при исследовании фонемной системы языка? Разные фонетисты на это отвечают по-разному. По мнению одних, такой критерий не нужен, по мнению других — он необходим.

«Нет оснований связывать функционирование фонем с морфемами», — пишет А. Н. Гвоздев¹. В. И. Лыткин противопоставляет фонематическую и «морфематическую» транскрипции², считая, что фонематическая транскрипция должна быть свободна от всякой оглядки на морфемный состав слова. По мнению А. И. Смирницкого, «...если слово *медь* транскрибируется как [m'et'], то в транскрипцию вносится момент фонетического эмпиризма; но если это слово транскрибируется как [m'ed'], то транскрипция осложняется морфологическими соображениями (сопоставлением с *меди*, *медью*, производимым в сущности в плане морфологического, а не фонетического анализа»³. Такое вторжение морфологии в область фонетики кажется проф. Смирницкому незаконным). Против морфемного критерия высказывается Л. Р. Зиндер⁴. Отказывается от морфологического критерия в фонологии (называя его «генетическим») и С. К. Шаумян [...].

Другие исследователи (Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров, А. А. Реформатский, П. С. Кузнецов) считают строго необходимым при фонологическом анализе учитывать морфологические связи слов⁵.

Все противники морфологического критерия в фонологии определяют фонему как «звуковой тип». «Совокупность всех разновидностей одной группы звучаний составляет фонему», — пишет В. И. Лыткин. «Критерием объединения звучаний в одну группу является их... артикуляционно-акустический

* Известия АН СССР, ОЛЯ, 1953, т. XXII, вып. 4, с. 373—377.

¹ Гвоздев А. Н. К вопросу о системе фонем современного русского литературного языка // О фонологических средствах русского языка. М.; Л., 1949, с. 11 (ср. с. 58, 59).

² Лыткин В. И. Фонема и научная транскрипция звуков // РЯШ, 1946, № 3—4, с. 11.

³ Смирницкий А. И. Фонематическая транскрипция и звуковые типы // Вестник Московского ун-та, 1948, № 7, с. 25.

⁴ Зиндер Л. Р. Существуют ли звуки речи // Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1948, № 4, с. 302.

⁵ См.: Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945, с. 44; Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1947, с. 88.

признак...», — продолжает он же⁶. С В. И. Лыткиным согласны и Л. Р. Зиндер, и А. Н. Гвоздев⁷, и все их единомышленники в фонологических вопросах. Позиция этих исследователей вполне логична: если фонема — звуковой тип, то классификацию фонем надо строить на основании акустико-артикуляционных признаков, а морфология здесь ни при чем.

Казалось бы, так. На самом же деле все гораздо сложнее. Возьмем простой пример. В русском языке противопоставлены звонкие и глухие согласные, например *п* и *б*. Но оказывается, что перед гласными взрывной согласный звук не может остаться глухим — он приобретает слабую озвонченность. В слове *тот* первый и последний согласные не тождественны по звонкости.

В русском языке существует не две, а три основные градации согласных по признаку звонкости-глухости. **Первая ступень**: полная глухота, полное отсутствие звонкости у согласных. Такое абсолютное оглушение встречаем у согласных звуков в конце слова, перед другими согласными (не звонкими!), перед сонорными, перед оглушенными гласными: [л'к'оп], [т'р'о́пкь], [к'р'э́пкь]. **Вторая ступень**: слабая озвонченность. Это озвонченность глухих согласных перед гласными. В этом положении у взрывных глухих согласных момент взрыва совпадает с началом вибраций голосовых связок, т. е. с началом гласного⁸. У проточных глухих согласных, стоящих перед гласными, начало может быть совершенно глухим, но исход артикуляции всегда сопровождается слабым озвончением; и здесь сквозь глухой согласный просвечивает начало гласного. Наконец, **третья ступень** «звонкости-глухости» согласных — это полная звонкость, которой обладают звонкие согласные не в конце слова и не перед глухими.

Между этими тремя основными ступенями есть еще множество переходных. В безударных слогах звонкие согласные могут умерять свою звонкость. В конце концов, если мы произнесем с силой и напряжением всех речевых органов слово *помпа* и, наоборот, вяло и ненапряженно слово *бомба*, то звучание [п] и [б] во втором слоге сближается до предела.

Следовательно, от *б* до *п* в языке оказывается непрерывная шкала звуков: *б*¹ [ба!], *б*² [бак], *б*³ [бык], *б*⁴ [ба́бл], *б*⁵ [ры́бл], *б*⁶ [ры́бьм], *б*⁷ [ры́бьк], *п*⁸ [пас!], *п*⁷ [пар], *п*⁶ [пыл], *п*⁵ [па́лл], *п*⁴ [па́пьм], *п*³ [ша́лкл], *п*² [ша́льк], *п*¹ [лоп].

⁶ Лыткин В. И. Указ соч., с. 7–8.

⁷ См.: Зиндер Л. Р. Критические заметки по поводу некоторых фонетических работ // Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1949, № 1, с. 81–82; Гвоздев А. Н. Указ. соч., с. 5.

⁸ «Нет возможности отделить друг от друга момент рекурсии согласного и произношения последующего гласного уже потому, что, как известно, гласный звук совпадает по времени с рекурсией предшествующего согласного» (Киторман Б. П. К вопросу о длительности звуков в русском языке // ИОРЯС, 1905, № 4, с. 94).

Это частный случай общей «тенденции начать рекурсию второго звука раньше рекурсии первого» (Крушевский Н. В. Антропофоника // РФВ, 1894, № 1–2, с. 74).

Новое качество появляется не внезапно, не разом, а постепенно накапливается; между двумя полюсами встречается множество переходных случаев.

Было бы ясно, где появилось новое качество согласного, если бы оно возникло в форме **внезапного** скачка, взрыва, разорвав постепенную непрерывность звуковой цепи [б¹ — п¹]. Но «скачок» здесь протекает в непрерывном ряду форм, и поэтому его нельзя указать пальцем: вот он! Такие «замедленные скачки», как известно, не редкость в языке. Они целиком характеризуют диахронию языка, а диахрония накладывает отпечаток и на синхронию.

Легко сказать: «Комбинаторные варианты данной фонемы не выходят за ее пределы»⁹. Но как определить эти акустические пределы? Где проходит граница: между [б⁵] и [б⁶]? между [п¹] и [п⁶]? С акустической точки зрения это равновозможно, так как эти границы равновелики.

Итак: даны два акустических типа: [п] и [б]. Требуется (не прибегая к морфологическому критерию) распределить между этими двумя типами все встречающиеся в нашем языке варианты [п — б]. У этой задачи оказывается бесчисленное количество решений, т. е. **ни одного**.

«Фонетический диапазон вариантов одной фонемы может быть очень широким, но все же имеет определенные границы, — рассуждает Л. Р. Зиндер. — Этот диапазон лимитируется акустико-артикуляционными свойствами вариантов всех прочих фонем данного языка»¹⁰. Значит так: диапазон фонемы [п] определяется диапазоном фонемы [б]. А диапазон фонемы [б] определяется, конечно, диапазоном фонемы [п]. Все это неутешительно.

Вопрос полностью выясняется, если мы вспомним **о морфологическом критерии**. В слове *шапка* звук [п³] мы отнесем к фонеме [п], так как в той же **морфеме** в независимом положении встречаем звук [п⁴], «чистое» [п] (ср. *шапник, шапный* и пр.). В словах *от улицы, от огня* звук [т] слабо озвончен, занимает среднее положение между [т] и [д]. И мы относим этот звук к акустическому типу [т] только потому, что эта же морфема (в данном случае совпадающая со словом) *от*, будучи поставлена в иное фонетическое окружение (*от рыбы, от мыса*), позволяет определить, что данная согласная фонема в независимом положении превращается в [т].

Факты показывают, что, даже признав правильным определение: «фонема — звуковой тип», мы все равно не можем произвести фонемного анализа без помощи морфологии.

Особенно много затруднений доставляет врагам морфологического критерия в фонологии редуцированный гласный (среднего ряда, среднего подъема, нелабиализованный). У этого звука [ъ] столько же прав объединиться в один акустический тип с [а], сколько с [ы]. В. И. Лыткин провозглашает единство этого звука с [ы], а транскрибирует как когда: то [вóл'на] и [пláвна], то

⁹ Зиндер Л. Р. Вопросы фонетики. Л., 1949, с. 25.

¹⁰ Зиндер Л. Р. Существуют ли звуки речи, с. 300.

[в'ил'ич'авыйы]¹¹. Л. В. Щерба приравнивает этот звук к *a*: ср. [фпадлуннам мире] и пр.¹² Так же делает и Л. Р. Зиндер [по полю, аб этам] и другие ученики акад. Щербы. Транскрибируя так, забывают одно очень ценное наблюдение, сделанное знаменитым русским фонетистом: «...В русском языке... заударные слоги являются и психически слабыми слогами, не способными к прояснению (за исключением слогов, имеющих морфологически-синтаксическое значение); все предударные слоги способны к двоякому произношению — слабому и сильному, расчлененному»¹³. Следовательно, есть слоги, где редуцированные не способны к расчлененному, сильному произношению, к прояснению. Это наблюдение сделано Л. В. Щербой.

Выходит, что [ъ] — это [ъ]; не годится приравнивать его ни к [a], ни к [ы]: это особый акустический тип. Но особой фонемой его нельзя объявить: этот звук никогда не встречается в сильной позиции, в независимом положении, никогда сам по себе не служит смысловоразличению (фонематически не противопоставлен другим гласным). Итак, мы попытались стать на ту точку зрения, что фонема — звуковой тип, и только. Оказалось, что даже с этой точки зрения для фонемного анализа необходима помощь морфологии. Есть множество «срединных» звуков, которые легко отнести и к тому и к другому акустическому типу. Акустические типы вообще не отделены перегородками.

Морфологический критерий вводится для того, чтобы быть уверенным, что изучаются именно **позиционные** изменения **того же** звука: звук тот же (в принципе!), так как та же морфема; поэтому все его изменения даны не смысловыми, не смысловоразличительными функциями звука, а только позиционными. Морфема — та же; значит, нет влияния семантических разграничений; значит — все изменения звуков имеют **чисто фонетический** характер. Морфологический критерий в фонологии — это не измена фонетике, а преданнейшая служба ей.

Морфологический критерий — и только он! — позволяет установить **позиционные изменения** звуков, отделить их от фонемных чередований и, в конце концов, определить «диапазон» каждой фонемы.

Припомним, как был использован морфологический критерий при решении вопроса о фонемном характере «срединных» звуков. Мы искали такого положения данного звука (в составе данной же морфемы, но в разных словах), чтобы он стал в независимую, сильную позицию. Тогда только выяснялась и фонемная природа данного звука. То есть, иначе говоря, мы принуждены были, определяя фонемный характер данного звука, возводить его к основному

¹¹ Лыткин В. И. Указ. соч., с. 11.

¹² Щерба Л. В. Фонетика французского языка. М., 1948, с. 23.

¹³ Щерба Л. В. Опыт лингвистического толкования стихотворений // Русская речь, 1923, с. 41–42; ср. «Когда неударяемое *o* следует за ударяемым слогом слова, то уподобление его звуку *a* отнюдь не допускается» (РФВ, 1891, № 3, пед. отд., с. 12, П. Е. Ельсин); ср.: Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М., 1950, с. 33.

варианту. Без этого нельзя выяснить, какая это фонема, **даже если определять ее как акустический тип**: неясен акустический диапазон фонемы. Но если мы самими фактами языка **вынуждены** были таким способом, при помощи морфологии, определять фонемы, то, очевидно, этот морфологический метод должен быть выдержан последовательно. Фонемный характер данного звука определяется приведением его к той форме, которую дает независимая, сильная позиция.

Все фонологи применяют морфологический критерий. Только одни явно, другие исподволь, одни последовательно, другие нет, одни сознательно, другие вопреки своим теоретическим высказываниям.

Л. В. Щерба определял фонему как акустический тип и поэтому отвергал морфологический критерий в фонологии. Но практически он им широко пользовался. Он, например, пишет: «Во французском приходится различать две фонемы „œ“: одна, которая никогда не выпадает и которую мы и будем обозначать через „œ“, и другая, которая в потоке речи может выпадать при известных условиях и которую, хотя она чисто фонетически и совпадает с первой, мы будем обозначать через „ə“. Возьмем два глагола: „pœple“ (*peupler*) и „dœmã:de“ (*demande*); в начальных слогах у них приносятся совершенно одинаковые гласные, но стоит прибавить впереди предлог à, чтобы картина изменилась: в первом случае получится „arpœple“, а во втором „admã:de“, которое мы будем изображать „ad(ə)mã:de“. Таким образом, фонемой „ə“ называется такое „œ“, которое в известных условиях чередуется с нулем звука»¹⁴. Следовательно, Л. В. Щерба признает, что 1) две фонемы могут совпадать в одном звуковом варианте; 2) различить фонемы можно лишь при сравнении разных лексических образований, включающих ту же морфему. Интересной особенностью описанных Л. В. Щербой фонем является то, что одна из них в сильной позиции реализуется нулем. Ничего принципиально невозможного здесь нет.

Как видно, без морфологического критерия в фонологии не обойтись. Вместо того чтобы использовать его тайком от себя, следует **последовательно** применять его при фонологическом исследовании. А в этом случае придется отказаться от определения фонемы как акустического типа.

[Отклики на статью С. К. Шаумяна «Проблема фонемы», «Известия АН СССР, ОЛЯ», 1953, т. XII, вып. 4, с. 373–377].

¹⁴ Щерба Л. В. Фонетика французского языка, с. 101.

Фонетические «фантомы F»*

I

Поэтическая речь знает: метафору, сравнение, синекдоху, метонимию и т. д. К этому ряду современная поэзия добавляет нечто новое, особый способ изображения мира, который можно было бы назвать «поэтическое моделирование»¹.

Пример: стихотворение Андрея Вознесенского «Париж без рифм». Берется два состояния объектов: реальное, известное нам по нашему бытовому опыту, — и другое, воображаемое, созданное по модели: объект минус его оболочка. Сквозь эти два состояния поэт прогоняет весь мир: Париж (здания которого «продраивает душ Шарко»), комнаты в домах, чай в чайнике, водопроводный поток, собор Парижской богородицы, статуи, человек, чернубурка, мысли в черехах, звук саксофона... Мир взят в процессе его — в прямом смысле слова — разоблачения. Он объединен общей моделью его образной перестройки.

Фантастическая литература, которая сейчас особенно твердо заявила о своих художественных правах, дает широкий простор этому особому видению мира, «поэтическому моделированию». Какой-то признак знакомого, общего нам всем мира меняется на иной (например, трехмерность — на двухмерность, как в очень смелом повествовании Чарльза Говарда Хинтона «Эпизод во Флетленде»²), или наличие силы тяжести — отсутствие силы тяжести и пр. Результаты мены прослеживаются на массе объектов, во множестве ситуаций.

Такой взгляд делает художественную литературу дружественной и близкой науке (недаром жанр, особенно склонный к такому функциональному перевертыванию мира, называется **научно-фантастическим**). Плодотворной может оказаться следующая попытка: отношения, вживленные писателем с помощью художественного моделирования, перенести в определенную научную область; проанализировать в ней ту модель, которая найдена образным творчеством. Не откроет ли это новые аспекты в объекте научного исследования? Если такая

* Предварительные публикации. Вып. 74. М.: Ин-т русского языка, 1974. С. 30–36.

¹ Люди крепкого закала сразу скажут: ничего в этом моделировании нет нового, все это уже было. Да, было; но другое.

² См.: Квант. 1970. № 2.

попытка будет сделана, как говорится, *अपूर्णा ल्यप्ते*³, тщательно, продуманно, то, возможно, откроются возможности более тесного, чем сейчас, сотрудничества художников и ученых.

Очень уместно сделать одну из таких попыток в препринте, посвященном чествованию А. А. Реформатского. Именно он, А. А. Реформатский, в своих работах дает прекрасные образцы использования опыта художественного творчества в интересах науки.

Итак; «поэтическое моделирование» и фонетика.

II

Фонология знает, что есть фонемы, выраженные звуковым нулем. Шире: функциональные единицы, которые бестелесны. Это — фонологические поручики Кижэ, особи, «фигуры не имеющие».

Роман Станислава Лема «Солярис» наводит на мысль, что может быть и противоположный случай. В романе говорится о «фантамах F»: это люди, но люди только по всему внешнему, по тому, что не является сутью человека; именно человеческой сути они лишены. Они поручики Кижэ наоборот.

Нет ли фонетических «фантомов F»?

В русских говорах на Колыме есть такое позиционное чередование:

Не между [с] и [р]	Между [с] и [р]		Не между [з] и [р]	Между [з] и [р]
—	[т]		—	[д]

Говорят: *на руке — с-т-рук, с-т-рукой;*
о рыбе — с-т-рыбе (род. пад.);
нарезать — стрезать;
по рукам — из-д-рук;
о рыбе — из-д-рыбе (род. пад.)
через-д-реку;
раздрезать и т. д.⁴

Согласные [с] и [р], [з] и [р] не могут быть соседями.

Чередование возникает даже на границе предлога и знаменательного слова; это надежный признак, что чередование позиционно, безысключительно.

Такие эпентетические [т]- и [д]-единицы, противоположные по своему поведению фонемам ⟨т⟩ и ⟨д⟩ в словах *звездный, уездный, страстный, честный*.

³ in optima forma (хинди).

⁴ *Богораз В. Г.* Областной словарь колымского русского населения. СПб., 1901. С. 8.

В случаях *из-д-рук* и под. есть фонетическое нечто, но оно не выражает фонемно-сущностной единицы. Оно фонемный мираж, созданный позицией. У него нет фонемного права существовать, оно — «фантом F».

Другой случай: в словах типа *льстить, мстить, рты, мхи, миистый* перед начальным сонорным (как показывают приборы) тянется гласный: [^bл'с'т'йт'], [^bрты]. Его бы хватило для образования слога. Ан нет! В этом случае он не идет в счет слогов. *Льстить, рты* — односложные слова. Этот гласный — позиционная неизбежность. Здесь он возникает в позиции: между паузой и сочетанием «сонорный + шумный согласный».

Гласный и есть... и как бы нет его. Физически он существует, но по своей языковой сути, по функции — его нет. Поэтому и не образует слога. Ну, не фантом ли F!

Таких единиц в языках немало. Они — не редкие пришельцы, а постоянные участники языковой манифестации. В конце концов, все переходные от звука к звуку, глайдовые элементы — фантомы F.

С. Лем показывает, что судьба фантомов F может быть двойкой: либо они очеловечиваются (оболочка наполняется сутью), либо кончают жизнь самоубийством. Эти же два пути открыты и перед фонетическими фантомами F.

Чередование может утратить позиционный характер. Новообразования станут уже допускать соседство [с] и [р], [з] и [р]. Тогда прежние фантомные [т] и [д] станут обычными представителями фонем ⟨т⟩ и ⟨д⟩; оболочка наполнится сутью.

Например, в литературном языке есть слово *встреча*; в нем — фонема ⟨т⟩, по происхождению — фантом F; ср: *во сретение, Сретенка* и пр. Сейчас это обычная, полноправная фонема ⟨т⟩, поскольку колымского чередования современный литературный язык не знает. Это путь «очеловечивания» (resp. «офонемливания») фантомов F.

Другой путь — самоубийство. Под влиянием литературного языка может постепенно распространяться произношение: *из-рук, с-рукой*. Фантомы F как будто станут лениться выходить на работу. Тут бы их и предостеречь: Берегись! Quo vadis? Пропадешь! Если процесс будет продолжаться, то все фантомы (этого типа) понемножку исчезнут.

Как и в повести Лема, с фонетическими фантомами могут быть трудные, мучительные случаи. В словах *смотр, педиатр, (пяť) вѣтл, вопль, песнь, ритм* перед последним сонорным (если он не оглушается) может являться краткий гласный: [смóтьр], [в'óтъл]⁵. В нейтральном (не книжном) стиле, при небыстром темпе произношения он даже непременно явится. Имеет ли этот [ъ] статус фонемы? Или он — фантом F?

⁵ Впрочем, краткость его не больше, чем у обычного гласного [ъ] в этом положении; исходы слов *педиатр* и *авиатор* произносятся одинаково.

Поскольку он — неременная вставка, это хочется считать фантомом. Но в этой же позиции возможен [у]: *контр* (напр., в словосочетании *контр-предложение*) и *контур*. Обнаруживается различительная функция этого [ъ]... Еще важнее, что *О* и фантом реализуются здесь одинаково: *ритор* = [р'йтър] (ср. *ритора* здесь [ъ] остается, а ведь позиция уже не требует гласного, значит, и в *ритор* гласный [ъ] — не порождение позиции; он представляет фонему ⟨о⟩, ср. *риторика*). Но слова *ритор* и *литр* произносятся (в их заударной части) одинаково! Как же быть: считать [ъ] в *литр* — фантомом? а в *ритор* — правомочной фонемой? А можно ли доказать, что в *литр* гласный [ъ] не представляет ⟨о⟩?

Когда-то автор этих строк писал в своей работе (кандидатской диссертации), что превращение [ъ] в фонему в случаях [смóтър] еще нельзя считать реальностью, ввиду навязанности, обязательности гласного в этой позиции.

А. А. Реформатский, прочитав диссертацию, сказал примерно так:

— Как же определить, когда этот гласный станет фонемой? Ведь он защититься-то и получить диплом не может! У него нет документа, чтобы свидетельствовать о себе. Вы судите лучше о нем по его поведению!⁶

С. Лем тоже исследует случай, когда фантом F приобретает статус человека, и тоже обсуждается вопрос, как узаконить, как признать этот факт совершившимся. Герой повести хочет вернуться на Землю с женщиной, которая была фантомом F — была, но стала человеком: «Мы много говорили о том, как будем жить на Земле, как поселимся где-нибудь у большого города и никогда уже не покинем голубого неба и зеленых деревьев, вместе выдумывали обстановку нашего будущего дома, планировали сад и даже спорили о мелочах... о живой изгороди... о скамейке... Верил я в это, хотя бы секунду? Нет. Я знал, что это невозможно. Потому, что даже если бы она могла покинуть Станцию — живая, то на Землю может прилететь только человек, а человек — это его документ. Первый же контроль прекратил бы это путешествие».

Феномен F и документ... Один и тот же аспект у Реформатского и у Лема. Фантомы перестают быть фантомами: документ ли должен это устанавливать? Документ — всегда механическое порождение, механическое следствие ситуации: проживаешь там-то — получай справку, что проживаешь там-то.

Если фантомы перестали быть фантомами, т. е. механическими порождениями ситуации, то об этом нельзя судить по мертвому документу, по механическому порождению ситуации: он не способен отразить преодоление такой ситуации. Стал ли гласный [ъ] в слове *смотр*, *вётл* фонемно существенным, не определить по показаниям аппарата, по документу. Надо исследовать его поведение. В нашем случае: [ъ] — фантом может доходить до нуля, а [ъ] —

⁶ Позднее А. А. Реформатский посвятил этому вопросу статью «Слоговые согласные в русском языке» (см.: Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971).

нефантом не может (в нейтральном стиле произношения в указанной позиции). Поэтому слово *педиатр* может восприниматься и как *педиатор*: фантом колеблется меж нулем и [ъ]; но *ритор* не воспринимается как *ритр*. Значит, фантом пока еще в этом случае остается фантомом: его поведение не то, что у гласного, представляющего фонему.

Случай — частный для языка, окраинный, маргинальный; нам же был важен принцип, позволяющий решить: фантом или нет. Решение надо искать по Реформатскому и Лему; не считать, что все решают сами по себе спектрограммы и осциллограммы, «документальные свидетельства» — надо изучать позиционное поведение единиц (конечно, и с помощью приборов).

С. Лем дает детальную классификацию фантомов F; среди них есть *gó-rodrzewy, długonie, grzybiska, symetriady, mimoidy...* Фонетические фантомы F едва ли не все — мимойды. Мимойды, по Лему, непременно подражают, уподобляются чему-нибудь соседнему. Так и фонетические фантомы: в сочетании [стр] средний (фантомный) согласный — глухой твердый зубной, как сосед слева; он смычный, как сосед справа. И такое уподобление соседям — обычно для этих единиц. А *gó-rodrzewy* и *grzybiska* среди них не встречаются.

III

По повести Лема был написан киносценарий и поставлен фильм; автор его — Андрей Тарковский. Это — другое произведение, с иной сутью. Лем исследует возможности встречи с нечеловеческим разумом. Он показывает, как трагично может быть непонимание двух разумов — человеческого и иного. По Лему, феномены F, созданные внечеловеческим разумом, — не кара, не возмездие людям; может быть, они — даже дар Океана-мыслителя. Эти фантомы, возможно, мучат землян не по замыслу их разумного создателя. Так у Лема. Трагична невозможность контакта.

У А. Тарковского — две идеи, одна вложена в другую (принцип матрешки). Наружная и более простая: океан — внешняя среда; будьте разумны в отношениях с нею, не разрушайте ее! Это созвучно с сегодняшней газетой и легко доходит.

Другая идея — более глубокая, более напряженная. По Тарковскому, фантомы F — возмездие Океана. Сарториус, один из землян, пытался жестко (мощными убивающими излучениями) действовать на Океан. Он руководствовался принципом: если океаны не сдаются, их уничтожают. Океан ответил карой — послал фантомы F. Землянам стало не в мочь. Снова они думают о жестокостях, но ничего не могут сделать. Конфликт становился безысходным.

И только герой повести Кельвин — единственный человек *τὰ οἰκτρά συλλετός εἶναι καὶ τὰ μῆ*. Он вне жестокости. Он полюбил Хари, мучительный

фантом, посланный мыслящим Океаном. Стремление Кельвина и Хари помочь друг другу, общие поиски выхода из трагической неблизости — все это приводит к возможности понять иной мир. Последняя сцена: Кельвин, в прошлом тоже сторонник жестокости, приходит к Океану (вернее — к фантому, созданному Океаном) покаяться в этом прошлом.

Таков путь: от ненависти к близости и пониманию иного мира, иного сознания.

Все в звуковой материи языка делят обычно на фонологически существенное, релевантное, входящее в оппозиции — и фонемно-несущественное, нерелевантное, не составляющее оппозиций. Недружелюбное, злорадно-глумливое отношение, презрение к нефонологическим элементам в звуковой цепи — вот норма для большинства фонологов.

Фантомы F — предел нефонологичности, они могут казаться просто болезнью языка. И, может быть, стыдной болезнью. Они бесполезны для различения слов. Фонологи злобно рычат, встречаясь с этими фантомами. Напрасно! Фантомы эти объединяются... в особую фонемную единицу!

Предположим: есть звуки T_1 , T_2 , T_3 . В сочетании $T_1 + T_2$ появляется фантом N: $T_1 N T_2$; в сочетании $T_1 + T_3$ появляется фантом M: $T_1 M T_3$, в сочетании $T_2 + T_3$ появляется фантом L: $T_2 L T_3$... Ясно, что существует позиционное чередование: $N \parallel M \parallel L$. Как позиционно-чередующиеся единицы, они должны быть объединены в общую функциональную единицу... какую? Нулевую фонему! Она представлена рядом позиционно чередующихся звуков (поэтому — фонема), но не имеет обычной функции фонемы (различать и отождествлять значимые единицы), поэтому — нулевая. Прошу любить и жаловать!⁷

Обычной функции не имеет... А какую же функцию имеет эта нулевая фонема? Неизвестно. Недружелюбное, озлобленное отношение к нулевым фонемам не позволило взглянуть на них если не с участием, то хотя бы (как минимум) лояльно. Но пылливо.

Лояльное (еще лучше дружелюбное) отношение к фантомам позволит систематически, серьезно, углубленно их исследовать, как принято говорить — *உரிய தரத்திலில்*⁸.

Как уже говорилось, они — не редкость, они — постоянное звено, клетка, ткань в языковой системе. Очевидно, они зачем-то нужны. Пока мы все по отношению к нулевым фонемам — Сарториусы. Фильм А. Тарковского зовет нас к иному подходу. Спасибо этому фильму. (Но цвет в нем все-таки ужасен.)

⁷ Можно показать именно с помощью нулевой фонемы, что если в фонологической синтагматике действует равенство $2 - 1 = 0$, то в парадигматике действует равенство $2 - 1 = 2$. Но об этом — особый разговор.

⁸ in optima forma (тамилск.).

*

* *

Довесок. (Или, говоря более строго — Post scriptum.) Пока очевидно одно достоинство фантомов F: они позволяют хорошо, глубоко рифмовать. На Колыме или где-то около поют озорную частушку, где рифмуются слова *костру* — *остру*. Без фантомов рифма была бы хуже.

О слогоделении в русском языке*

О слогоделении в русском языке писали В. К. Третьяковский, М. В. Ломоносов, А. А. Барсов, А. Х. Востоков, А. А. Потебня, И. А. Бодуэн де Куртенэ, В. А. Богородицкий, А. И. Томсон, Л. В. Щерба, Р. И. Аванесов и многие другие языковеды. Выяснилось, что в сочетании ...ГСГ... согласный относится ко второму слогу. Остальные случаи вызывают разноречивую оценку.

Нет сомнения, что вопрос о слогоделении связан с вопросом о природе слога. В современной лингвистике господствуют три теории, по-разному освещающие природу слога.

Первая теория слог рассматривает как волну сонорности. Эта теория с наибольшей полнотой представлена в работах Р. И. Аванесова [Аванесов 1954; Реформатский 1967, с. 189—192]. Она отвечает огромному количеству фактов и дает хорошее решение для ряда сложных проблем.

Выразим сонорность звуков в баллах: гласные = 4, сонорные согласные = 3, звонкие шумные согласные = 2, глухие шумные согласные = 1. Под сонорностью понимается то, что обычно вкладывается в этот термин: степень участия тона в образовании звука.

Тогда звуковую последовательность, например, такую:

...с вредными примесями...

1 234234 34 134341434

можно представить в виде ряда чисел, показывающих степень сонорности. Сколько волн сонорности — столько слогов.

Граница между слогами, по этой теории, проходит в местах наибольшего сонорного контраста.

Теория эта вызвала критические замечания, не всегда обоснованные. В одной статье читаем: «...Устанавливаемые Р. И. Аванесовым 3 градации (на самом деле — 4. — М. П.) звучности не являются фонетически исчерпывающими — среди сонорных согласных плавные и носовые имеют разные степени звучности, а среди шумных глухие (смычные. — М. П.). Щелевые также не являются идентичными друг другу по этому признаку... В результате такого „загрубления“ классификации в ряде работ предлагается слогоделение, нарушающее основной принцип восходящей звучности: *до-ска* (*с* — более звучный, чем *к*), *ка-рман* (*р* — более звучный, чем *м*)» [Бондарко, Павлова 1967, с. 12].

* Проблемы фонетики 2. М., 1995. С. 29—42.

На самом деле взрывные и щелевые, например [с] и [к], по сонорности не отличаются друг от друга. В согласных [с] и [к] участие тона в равной степени нулевое. Они различаются по слышимости, могут различаться по громкости и т. д. Все это верно, но в основу рассматриваемой теории слога положена только сонорность звуков. Поэтому членение *до-ска* вполне отвечает теории; слогораздел — в месте наибольшего сонорного контраста: 24 — 114.

Что же касается носовых и плавных, то действительно: плавные [л — л' — р — р'] сонорнее носовых [м — м' — н — н']. В более детальной классификации их нужно оценить разными баллами: плавные 3, носовые — $2\frac{1}{2}$ (два с половиной). Разумеется, существо теории это ничуть не колеблет¹.

Вот несколько наблюдений. Слово *корм* — односложно: его формула 1432. Одна волна сонорности. Слово *Кимр* (*— Вы живете в Кимрах? — Не знаю никаких Кимр...*) при естественном произношении двусложно; и это понятно именно с точки зрения теорий сонорности слога: *Кимр* — $142\frac{1}{2}3$, две сонорные волны, с разделом между 4 — $2\frac{1}{2}$.

Еще пример: *волн* — односложно; но сочетание *волн* — несомненно, двусложно².

Так дополнительные факты, которые поверхностному взгляду могут показаться «опровержением» сонорной теории слога, на самом деле являются ее подтверждением.

Но эта теория знает и свои настоящие трудности. В словах *ветвь*, *ветх*, *букв...* последние сочетания глухих согласных создают слог: *ве*[тф'], *ве*[тх], *бу*[кф]. С точки зрения теории слога как волны сонорности это необъяснимо. Теория здесь дает осечку.

Вторая трудность такая: по этой теории слогораздел проходит в месте наибольшего сонорного контраста звуков. Например, в словах *о-бсто-я-тель-ство*, *ра-бских* и под. слоговая граница находится перед глухим согласным; сочетания [пст], [пск] отходят к следующему слову.

В русском языке нет фактов, которые противоречили бы такому решению. Но известно, что в других языках слоговая граница в звуковых сочетаниях такого же типа может быть иной. Например, во французском языке слово *s'abstenir* членится как *saps-te-ni:t* [Щерба 1953, с. 81]. Слогораздел проходит не в месте наибольшего сонорного контраста (напротив, здесь никакого контраста нет: слоговая граница разделяет [р] и [s] — оба они глухие шумные, то есть оба на нулевой ступени сонорности). Если действительно слоговая граница проходит

¹ Неслучайно при разработке шкалы акустические дихотомии отдельно фиксируют вокальность звука и отдельно — его прерванность — непрерывность.

² Ввиду того, что процесс слогоделения в очень высокой степени автоматизирован, для демонстрации его можно брать и искусственные звукосочетания.

в месте наибольшего сонорного контраста, то каждый данный звукоряд (например, гласный + [пст] + гласный) всегда во всех языках должен члениться на слоги одинаково³. На самом деле, как видим, этого нет.

Другая теория рассматривает слог как волну эксплозии—имплозии, как волну степени раскрытости звука. В четкой и полной форме эта теория была сформулирована Ф. де Соссюром.

Каждый звук может произноситься и имплозивно («смыкательно») и эксплозивно («размыкательно»). Например, в сочетании [ап-па] первый согласный произносится в момент смыкания речевых органов — воздушный тракт в ротовой полости сужается, второй согласный, наоборот, размыкательный. Слог — волна эксплозии—имплозии. Если обозначим значком < эксплозивный звук, значком > — имплозивный, то схему слогового строения можно изобразить так:

в е т в и, в е т в ь...
<>><> <>><

Слогораздел — там, где эксплозия сменяется имплозией.

Эта теория помогает понять, почему слова типа *ветвь* двусложны. Произношение [т'] (или [т]) требует смыкания органов речи. Речевой тракт полностью перекрыт. Для [ф'] его надо приоткрыть, начать эксплозию, смык заменить щелью. А начало эксплозии — это начало нового слога.

Поскольку каждый звук может произноситься и эксплозивно, и имплозивно, постольку этой теорией оправданы также и разные типы слогоразделов в разных языках.

Однако и эта теория знает свои трудности. Если сочетание [т'ф'] в конце слова образует слог, то также особый слог должно образовать в начале слова обратное сочетание; «щелевой + взрывной». Слова *сто*, *штык*, *встал* должны быть двусложными, но этого нет. Объяснить эти факты с точки зрения теории волны эксплозии—имплозии трудно⁴.

Правда, сторонники этой теории делают оговорку, что при анализе эксплозии—имплозии надо всегда учитывать лишь ту часть артикуляции, которая функционально значима. Однако это пожелание-указание нелегко поддается реализации. Как определить, какая часть артикуляции функциональна? Неясно. Более того: примеры, приведенные самим Ф. де Соссюром (начиная с исходного: [ап-па]), как раз исходят из такого раскрытия или смыкания артикуляции,

³ Впрочем, разделы «гласный || + [пст] + гласный» и «гласный + [пст] || + гласный» по теории одинаково законны: они проходят в местах наибольшего сонорного контраста. Но в языках встречаются, как мы видели, и другие слогоразделы.

⁴ Издатели соссюрского курса в примечании пишут: «Выводы, извлеченные исключительно из момента открытости, не могут быть применены ко всем реальным случаям без исключения». Например, в *trya* звуки *try* должны бы образовывать идеальные непрерывные звуковые цепи, но — не образуют [см. Ф. де Соссюр, 1933, с. 70].

которые позиционно обусловлены и, следовательно, функционально незначимы. Например, в сочетании [ап-па] первый согласный [п] — смыкательный, импловзивный, и это только потому, что он находится перед [п], перед согласным; второй согласный [п] — размыкательный, эксплозивный, и всегда согласные перед гласным эксплозивны — это их позиционно-обусловленный признак⁵.

Следовательно, оговорка о позиционной значимости (или незначимости) отдельных частей артикуляции так и повисает в воздухе.

Третья теория рассматривает слог как волну мускульного напряжения. Суть ее в том, что всякий согласный может иметь формы:

«а) сильноконечную, когда конец согласного сильнее его начала...; сильноконечные образуют начало слога; б) сильноначальную, когда конец согласного слабее его начала...; сильноначальные образуют конец слога» [Щерба 1953, с. 80]⁶. Сильноконечный согласный (или группа согласных) + гласный + сильноначальный согласный образуют слог; он — волна с максимальной напряженностью на своем гребне (который образован гласным) и со снижением напряженности на «впадинах», слогоразделах.

Эти теоретические основания не совсем ясны. О какой напряженности идет речь? Известно со времен И. А. Бодуэна де Куртенэ, что напряженность гласных и напряженность согласных имеют различную природу. Для согласных нужна напряженность локализованная, сосредоточенная в одной точке «говорильного аппарата». Например, при произношении [т] напрягается кончик языка. Для гласных нужна напряженность, разлитая по всей ротовой полости, но в каждой данной точке меньшая, чем та, которая нужна для локализованной напряженности согласных⁷.

Значит, если рассматривать слог СГС с точки зрения согласной напряженности, то он начинается сильным своим элементом (С), за ним следует, в связи с разлитием напряжения повсеместно, более слабый момент (Г), затем — снова сильный (С). Волны напряженности не получается. Скорее можно говорить о волне расслабленности (и тогда первый согласный в слогe должен быть слабоконечный).

Это — с точки зрения согласной напряженности. Гласная же напряженность, разлитая повсюду, даст иную картину. Выберем какую-нибудь точку речевого аппарата, затрагиваемую только гласным напряжением, например, внутреннюю стенку щеки. При произношении гласного она напрягается (несильно, так как напряжение разлитое), при произношении согласных напряжение исчезает. Сильноначальность и слабоконечность согласных для щеки (то есть для

⁵ Правда, эта позиционная точка зрения Ф. де Соссюра проведена не вполне последовательно (особенно в отношении гласных).

⁶ Теория Щербы перекликается со взглядом М. Граммона.

⁷ Эти взгляды Бодуэна де Куртенэ разделяет и Щерба, как видно из его работ.

разлитой, для среднеарифметической напряженности) безразлична. Снова не получается волны, охватывающей согласные и гласный.

Сложить эти две напряженности тоже не представляется возможности, ввиду их очень разного характера и разномасштабности.

Поэтому теоретическая основа этого взгляда остается неясной.

Неясна и его фактическая основа. Никакими экспериментальными (то есть инструментальными) наблюдениями эта теория не подтверждена. Наблюдения неинструментальные? Но вряд ли возможно заметить путем самонаблюдения, что в слове *ла́ска* звук [с] является сильноначальным, а в слове *ласка́ть* — сильноконечным. (По Л. В. Щербе, членимость на слоги зависит от места ударения: *ла́с-ка*, но *ла-ска́ть*.) Нет также фактов, которые другие теории не могли бы объяснить, а эта — могла.

Полагаем, что данный взгляд на слогоделение и не обоснован и бесплоден.

Разногласие во мнениях о слоге и о слогоразделе заставляет многих лингвистов с надеждой ожидать новых экспериментальных (= инструментальных) работ на эту тему. Поэтому с большим вниманием была встречена статья Л. В. Бондарко и Л. П. Павловой «О фонетических критериях при определении места слоговой границы» [Бондарко, Павлова 1967].

Давно высказано предположение, что в закрытом слоге длительность гласного меньше, чем в открытом. Нельзя ли по длительности гласного определить, где проходит слогораздел: *ни-тка* или *нит-ка*. Авторы статьи провели инструментальные наблюдения, сравнив длительность гласного в таких парах слов: *ниток* — *нитка*, *ступок* — *ступка*, *банок* — *банка*, *банек* — *банька*. «Полученные данные были подвергнуты статистической обработке, которая показала, что имеющиеся различия в длительности гласных перед одним и двумя согласными являются случайными» (с. 15). Кажется, ясно: критерий дал осечку, он не годится. Нельзя использовать критерий, который дает случайные результаты.

Иначе говоря: неизвестно, является ли действенным критерий, и неизвестна природа явлений, которые подвержены действию критерия. Будь в наблюдаемых фактах, установленных с помощью определенного критерия, какое-то различие, стало бы ясно: критерий действенен, он смог что-то разграничить; далее остается только осмыслить, какова природа этого разграничения. Авторы же статьи остались при двух неизвестностях, следовательно — никакие выводы здесь невозможны.

«Если для слуха некоторых исследователей, — пишут авторы, — кажется очевидной разница в слогоделении в таких парах, как: *ка-зна*, но *фан-за*, *лы-жня*, но *хан-жа*, то не связано ли это ощущение с какими-то изменениями относительной длительности слогов в слове?» (с. 15). Добавим: исследователи, которые членят на слоги таким образом: *фан-за*, *хан-жа* — это все исследователи от В. К. Третьяковского до наших дней. Они все — некоторые.

Авторы рассматривают членение типа *фан-за* как иллюзию, кажимость (хотя они не доказали, что это — кажимость); они хотят доискаться ее причины. Посчитали, как будут соотноситься длины слогов при членении *фан-за* и *фан-за*. Оказалось, что при членении *фан-за*, *хан-жа* длина первого слога сильнее отклоняется от «эталонной», от средней длины слога, чем при другом членении. Возможен один логически подготовленный вывод: ничего установить не удалось. Вполне возможно, что в языке одни типы слогов длиннее, чем другие. Авторы же делают вывод, логически никак не подготовленный: оказывается, теперь есть «возможность сделать вывод, что и с точки зрения сохранения общего ритмического рисунка слова членение на открытые слоги более приемлемо, чем установление слоговой границы между двумя согласными, которое резко нарушает типичную структуру» (с. 15).

Авторы исходят из того, что есть в русском языке тенденция сохранять одинаковую длительность слогов, даже если они имеют разное строение (состоят, например, из разного числа звуков). И, приняв за достоверное существование этой тенденции, они считают истинным такой слогораздел, который лучше отвечает этой тенденции. Но существование самой такой тенденции не доказано. Более того, доказать ее реальность возможно только после того, как будет определено место слогораздела. Ведь для заключения о том, есть такая тенденция или ее нет, надо сопоставлять слоги разного строения, а слоги можно выделить, если уже знаешь их границы. Следовательно, предложенный критерий совершенно не годится, в основу его применения здесь положен порочный логический круг⁸.

Общий итог этой части статьи: «...Прямой зависимости между характером слога и длительностью гласных нет» (с. 15). На нет, как говорится, и суда нет.

Далее в статье описывается применение другого критерия: «С точки зрения спектральных характеристик одним из важнейших признаков наличия или отсутствия слоговой границы является характер перехода к следующему согласному» (с. 16). Разбираются слова *со-ра*, *сор-та* и *сор*. Можно было ожидать, что окажется установленным различие между переходом к согласному в слове *со-ра* и в слове *сор*. В одном случае первый слог бесспорно открыт, во втором бесспорно закрыт. Тогда, сравнив с двумя образцами слово *сор-та*, можно будет сделать вывод, как это слово членится. Здесь нас ожидает разочарование. «По характеру перехода наблюдается полное совпадение не только в словах *со-ра*, *сор-та*, но и в слове *сор*» (с. 16). Печально! Авторы спешат поправить дело: «Это наводит на мысль, что в последнем случае нет тесной связи между гласным и следующим согласным» (с. 16), и [р] образует слог. Читателя это наводит на другую мысль: если [р] в слове *сор* образует слог и

⁸ Слова: «И с точки зрения...» (см. цитату) — заставляют читателя думать, что уже раньше в статье каким-то иным способом доказано, что слогораздел проходит после гласного. Но это просто неудачное выражение. В статье мы такого вывода не найдем.

самое слово, значит, двусложно, то, очевидно, авторы слогом называют совсем не то, что другие люди.

Что именно — неизвестно⁹.

Здесь сказалось коварство наименования. Увидев на спектрограмме нечто, разделяющее, разграничивающее форманты, авторы статьи назвали это нечто слогоразделом (хотя деление на слоги — не всякая перемена в речевой цепи, а специфическая, именно та, которая разделяет звукоряд *со-ра* и не разделяет звукоряд *сор*). Далее им пришлось считать слогом [р] в слове *сор*. Но едва ли не любая строка, написанная ямбом (хореем и т. д.), протестует против этого:

Но вреден север для меня...

Если верить авторам статьи, *север* — трехсложное слово: ◡◡◡, и ямб у Пушкина не получился. Нет, получился.

Читаем дальше: «Однако каким бы образом ни был связан конечный согласный слова с предшествующим гласным, это не влияет на характер связи аналогичных звуков не в конце слова. В словах типа *ды-ма* и *ды-мка*, *ни-ток* и *ни-тка* и т. д., наблюдаются идентичные переходы от гласного к следующему согласному, характер которых не свидетельствует о наличии более сильной связи гласного с первым согласным в сочетании» (с. 17). Оказывается, случай типа *сор* нам вообще не важен («каким бы образом ни был связан конечный согласный», см. выше). На самом деле сравнить случай *сор* со случаями *сора* и *сорта* — единственная возможность установить, что явления связанности–несвязанности определенных образований на спектрограмме имеют отношение к слогеделению.

Все же «слог», состоящий из согласного (в конце слов, например, [р] в слове *сор* и даже глухой шумный в этой же позиции), беспокоит авторов. Выход они ищут в том, чтобы сказать: этот конечный согласный вообще не похож на согласные в других позициях (с. 16). Пусть так, но логически этот факт никак не оправдывает все остальное теоретическое построение.

Концовка статьи: «Если понимать слог как минимальную произносительную единицу, то существование закрытых слогов, по крайней мере в позиции не конца слова, нужно признать фикцией, так как нет никаких фонетических признаков, которые позволяли бы нам выделить эти неконечные закрытые слоги» (с. 19). Оговорка «по крайней мере в позиции не конца слова» не вызвана рассмотренными фактами и теоретическим построением; напротив, это уступка общепринятому пониманию слога.

Авторы отождествляют две формулировки: «в опыте не установлены различия между двумя объектами» и «два объекта не имеют различий». В словах

⁹ Авторы готовы видеть «согласный слог» и там, где слово кончается глухим шумным. Т. е. не только *сор*, но и, скажем, *сок* — двусложны.

sora и *sop* не удалось установить различий в связях согласного [p] с предшествующим гласным; тогда равновозможны такие выводы: 1) так как *sora* — двусложное слово, то и *sop* — двусложно (к такому выводу приходят авторы статьи); 2) так как *sop* — односложное слово, то и *sora* — односложное. Последний вывод является совершенно неправомерным, так как хорошо известно, что в *sora* — два слога. Но в той же мере — ни больше, ни меньше — неправомерен и первый вывод, поскольку бесспорно, что *sop* — слово в один слог; стих тому свидетель. Почему из двух недоказанностей предпочтение дано одной?

Не удалось установить, что граница проходит между *хан-жа*, *фан-за*, но ведь не удалось установить и то, что граница иная: *ха-нжа*, *фа-нза*. Нет доказательств существования звуковой связанности *-нжа*, *-нза*. Почему же из двух недоказанностей принимается вторая?

Ввиду логической несостоятельности, выводы, представленные в статье Л. В. Бондарко и Л. П. Павловой, принять нельзя.

Иногда хотят спасти эту теорию («все русские слоги — открытые»), разграничивая слоги артикуляционные и слоги акустические. Открытыми являются слоги акустические. А лежат в основе, например, русского стиха слоги артикуляционные. Разберем это предположение.

Допустим, что есть какие-то артикуляционные, двигательные слоги, отличные от акустических, слышимых. Различны они по составу у разных представителей русской литературно-говорящей среды или одинаковы? Являются они надындивидуальными или остаются на уровне личных привычек? Если различны (то есть, нет общих законов деления слов на артикуляционные слоги, и каждый делит их на свой образец), то нет общеязыковой нормы; вместо нее — масса индивидуальных говорений — и, следовательно, господствует хаотический беспорядок в артикуляционном слогоделении. Тогда эти слоги не принадлежат языку.

Если же эти акустические слоги в каждом языке имеют свои общепринятые нормы, то возникает вопрос: как они усваиваются, как передаются от поколения к поколению, как выравниваются до состояния нормы? Чисто природным, «естественным» этот процесс быть не может, хотя бы потому, что в разных языках законы слогоделения различны. Усвоение артикуляционных слогов возможно только тем же путем, каким идет вообще усвоение артикуляций: по слуху. А это и означает, что артикуляционные слоги передаются с помощью слуховых слогов; следовательно, те и другие находятся в полной корреляции. При этом любые особенности артикулируемых слогов могут быть переданы от одного говорящего к другому только в том случае, если они отражены в слуховых акустических слогах, ведь иного пути для передачи нет.

Из этого следует, что любая особенность артикуляционных слогов, если она становится нормой, должна отразиться в акустических слогах. Так же,

как это происходит и со звуками. И как мы не ведем двойной счет для особых акустических звуковых единиц языка и для особых артикуляционных звуковых единиц, так это разграничение не пройдет и для слогов.

Сейчас многие исследователи пишут о том, что к понятию слог следует подойти фонологически. Но как это сделать? Как будто, ясно, что слог не фонологическая единица. Если дан ряд, в котором обозначены звуки (или даже только некоторые качества звуков, например, их сонорность), то эта цепь в русском языке определенным образом распадается на слоги. Слог оказывается производной величиной, целиком обусловленной качествами сегментных единиц — звуков. Поэтому не может быть двух различных слов в русском языке, которые различались бы только слогоразделом¹⁰.

Однако фонологический подход к слогу возможен и, думается, плодотворен. Пусть дан ряд звуков, каждый из которых имеет определенную степень («балл») сонорности. Если балл сонорности у них снижается, под влиянием темпа речи, установки на ее разговорность и т. д., то это не влияет на слогообразующие функции каждого звука. Пример: в слове *орешек* последний слог может быть целиком глухим, [ар'эшк]; но глухой [р], имеющий низший балл сонорности, все же выполняет роль слогообразующего звука. То есть позиционные видоизменения звуков (определяемые суперсегментной характеристикой всего высказывания как разговорного) не влияют на их словообразовательный статус. Позиционные изменения, как известно, никогда не определяют фонемную суть единиц.

Будем исходить из сонорной теории слога, она наиболее полно отвечает фактам языка. Препятствием для нее являются (как уже говорилось) слова типа *ветвь*: «Гудевший, как ветвь жуком» (Б. Л. Пастернак); два слога. Посмотрим на это препятствие с фонологической точки зрения.

А. И. Томсон писал: «В словах, как ...*пташка*, *ткать* и пр. те части, которые отделены затвором затворного согласного от следующего звука (в данных словах звуки... п-, т-), до некоторой степени чувствуются слабыми побочными самостоятельными слогами и не без усилия объединяются действием выдыхательного слогового усилия с соседним слогом» [Томсон 1910, с. 221; ср. Аванесов 1956, с. 45–46].

Особенно ясно это воспринимается, если такие согласные сочетания стоят после ударного гласного в конце слова. Сравним искусственно составленные слова *опт*, *отп*, *окт*, *отк*. Вот ямбическое двустипшие:

Отважный Опт велел войскам
Атаковать врага.

¹⁰ Случаи типа *контракт* и *контр-акт* не в счет: их различает наличие—отсутствие диэремы (после [р]), межсловного пограничного сигнала, и только поэтому возникает различное членение на слоги.

Слово [опт] легко укладывается в ячейку размера, рассчитанную на один слог.

Отважный Отп велел войскам
Атаковать врага.

Слово [отп] явно не укладывается в один слог¹¹, ямб сбит. Его можно поправить так:

Отважный Отп приказал
Атаковать врага.

То есть приготовить слову [отп] двусложную ячейку в стихе.

Точно так же:

Отважный Окт велел войскам
Атаковать врага.

Ямбическая метрика выдержана.

Отважный Отк велел войскам
Атаковать врага.

Ямб сбит лишним слогом; слово [отк] — двусложно.

Почему сочетания [пт], [тк] более явно двусложны, чем сочетания с обратным расположением согласных? Между [п] и [т] (или между [т] и [к]) возникает пазвук. Он подобен глухому гласному.

При передвижении артикуляции спереди кзади (например, от губной артикуляции к зубной или от зубной к заднеязычной) всегда бывает момент, когда воздушная струя продолжает, как всегда при говорении, изливаться через ротовую полость, но передней смычки уже нет, а более задней — еще нет. Этот отрезок воздушной струи чист от согласных шумов. Он ничем не отличается от глухого гласного, возможного, например, в слове [бабушкѣ], [ар'эшѣк] и под.

А если артикуляция переносится кзади кпереди, как в сочетаниях [тп], [кт]? Пазвука нет. Ведь в этом случае воздушная струя, которая несет звуковую волну из глубины ротовой полости, перехватывается и подсекается затвором в более передней части рта. Вторая смычка как бы забегает впереди той части воздушной струи, которая могла бы прорваться между двумя затворами. При перенесении артикуляции кзади так сделать нельзя (мы говорим о русских артикуляционных навыках): забежать вперед и подсесть, уменьшить «кусочек» воздушной струи здесь невозможно¹².

С другой стороны, перемена органа артикуляции (например, когда язычная артикуляция сменяется зубной) способствует тому, что проскальзывает часть

¹¹ Можно уложить в один слог, если обмануть слушателя, читая: «Отважный Оп|велел войскам» — изменен слогораздел. Артистам известен этот прием.

¹² Та же закономерность прослеживается и на щелевых. *Осх* «двусложнее», чем *Охс* (попробуйте подставить эти слова в пробное двустипение). Так же *Ошх* и *Охи*.

воздушной струи, которая не встречает препятствий в ротовой полости и тем самым создает эквивалент гласного.

Сочетания согласных, находящиеся в предударной части слова, произносятся более энергично, артикуляции сменяются быстрее, чем заударные, и прорыва воздушной струи (достаточной, чтобы принять ее за глухой гласный) не происходит.

Следовательно, слово *ветвь* потому двусложно, что между двумя конечными согласными проскальзывает воздушная беззвучная струя, подобная той, которая есть при произношении *орешк*[ʁ]к; произносится: *вет*[ʁ]вь. А если [ʁ] в *орешек* может играть роль слогообразующую, то он же и в *ветвь* будет ее играть.

Случай со словами типа *ветвь* понятен с точки зрения теории сонорности слога, если сонорность рассматривать фонологически. Итак, слог — волна сонорности. При этом следует учитывать фонологически законные эквиваленты сонорности, например — глухие гласные.

Противоречит теории сонорности такой факт: оказывается, наряду с делением на слоги *мор-жи*, возможно и деление *мо-ржи*, *ко-ржик*, *со-ве-рши* и под. Возникают слоги типа *-ржи*, *-рши*, которые являются не волной сонорности, а впадиной сонорности: 324, 314.

Как рассматривать эти случаи? Очевидно, тоже с фонологической точки зрения. Есть слова *льды*, *ржи*, *льстец*, *лицу*, *рты* и под. Они — тоже впадины сонорности. Однако именно фонология помогает понять, почему сонорность первого согласного не идет в счет [см. Панов 1967, с. 176]¹³. В словах типа *рты* [ʁты] перед сонорным находится краткий гласный [ʲ]. У него высший балл сонорности, он — слогообразующий. Но он — вне системы, он не функционален. Он не выбирается, а навязывается законами позиционных чередований (ср. [p] || ʰp] в словах *рот* — *рты*, *срывать* — *рвать* и под.). Как стоящий вне функционально-значимых единиц, этот слогообразующий гласный фонологически игнорируется в звуковой цепи, а вместе с ним полностью дисквалифицирован и тот слог, который он образует. Речь здесь идет не о капризах индивидуального восприятия звуковой стороны речи, а о системно-обусловленном, языковом исключении данного гласного из числа функционально-значимых единиц.

Таким образом, фонемные последовательности ⟨ржи⟩, ⟨рти⟩, ⟨л'ди⟩, ⟨л'ш'у⟩ (*ржи*, *рты*, *льды*, *лицу*) признаются односложными. Тогда естественно такую же последовательность в слове, например, *моржи* тоже считать односложной, а отсюда — слогораздел *мо-ржи* (то есть [ма-ржы]).

Этот факт показывает, что может быть большое разнообразие в членении речевой цепи на слоги и с точки зрения сонорной.

¹³ Мнение, которое в этой книге высказано предположительно, есть основание высказать сейчас более категорично.

Таким образом, сонорная теория слога, в ее фонологической интерпретации, позволяет объяснить все факты русского слогаделения.

Разумеется, нужны экспериментальные наблюдения, раскрывающие все акустико-артикуляционные особенности слогаобразования¹⁴; разумеется, эти наблюдения должны быть квалифицированно, логически правильно истолкованы. И фонологически осмыслены.

Литература

Аванесов Р. И. О слогоразделе и строении слога // ВЯ. М., 1954. № 6.

Аванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.

Бондарко Л. В., Павлова Л. П. О фонетических критериях при определении места слоговой границы // Русский язык за рубежом. М., 1967. № 4.

Панов М. В. Русская фонетика. М., 1961.

Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1967.

Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933.

Тамсон А. И. Общее языковедение. Одесса. 1910.

Щерба Л. В. Фонетика французского языка. М., 1953.

¹⁴ Отражается ли сонорность звуков на спектрограмме? Безусловно. Но прямой наглядностью это отражение не обладает (нельзя просто окинуть глазом спектрограмму и сказать, на этом ее участке сонорность менее выражена, чем на предыдущем). Нужно разработать методику, позволяющую достоверно определять по спектрограмме степень сонорности звука.

О строении заударной части слова*

Недавно было установлено (замечательными исследованиями Н. И. Жинкина)¹, что ударный гласный не всегда сильнее, громче безударных того же слова. Каждый качественно особый гласный имеет (при данной общей громкости высказывания) свой порог ударности. У [и] порог ниже, чем у [а]; поэтому в словах *па́ли, си́ла* [и] может быть менее громким, чем [а], но порог ударности у [и] низок, и если при данной силе он достигнут, то гласный [и] воспринимается как ударный. Напротив, [а] при объективно большей громкости будет восприниматься как безударный, если порог ударности этим гласным еще не достигнут.

В заударной части слова не все гласные обладают отсутствием ударности в равной степени. В фонетической литературе не раз отмечалось, что последний слог сильнее остальных заударных — особенно, если он открытый. Остальные располагаются по схеме: ...134121212... Здесь ударный слог — 4, заударные — 1 или 2. Верно ли это предположение? Проверить это было бы важно.

И в заударной части слова гласные достаточно пестры и различны по тембру; и у них разграничение «безударность — четвертьударность» зависит, очевидно, от порога, который у каждого гласного может быть свой.

Можно установить, каков порог «четвертьударности» (иначе говоря — слабейшей ударности, в отличие от полной безударности), если известно, какие места в заударной части обладают большей силой (= 2), какие меньшей (= 1). Можно, напротив, установить, каковы эти места: 121212 или 122122..., или 111111, или 212212..., если известен порог полуударности. Но одновременно то и другое узнать невозможно.

Порог слабейшей ударности можно узнать только с помощью инструментальной фонетики. Но какое место воспринимается как самое сильное из самых слабых (= 2), можно узнать лишь путем изучения, как говорящие воспринимают заударную часть слова, как они оценивают ее фонетическую сторону. Здесь важны: а) показания стиха, так как в стихе отражено очень обостренное восприятие слоговой структуры слова, б) непосредственные оценки носителей языка своего фонетического восприятия.

* Проблемы современной филологии: Сборник статей к семидесятилетию академика В. В. Виноградова. М.: Наука, 1965. С. 208—214.

¹ Жинкин Н. И. Механизм речи. М., 1958.

Прежде чем использовать какой-либо прием, надо проверить его надежность. Общеизвестно, что в дактилических окончаниях $\acute{\sim}\sim$ последний слог сильнее предпоследнего²: 412. Мы обращаемся к составной рифме типа *миноносочки — на нос очки*. Здесь слово, имеющее дактилическое окончание, рифмуется с сочетанием *на нос очки*, вторая часть которого — отдельное двусложное слово. Как двусложное, оно может быть или ямбического, или хореического типа (*миноносочки — на нос очки*, или *оспочки — губит мороз почки*). Какой же тип чаще встречается в русском стихе? Выясним это на достаточно большом материале, на рифме разных поэтов. Только это даст уверенность, что мы исследуем закономерности языка, а не стиль отдельного писателя или даже произведения.

Мы должны отклонить тот материал, который дают стихи ямбические и хореические. В них расстановка ударений через слог (*на н^{ос} очк^и*) может быть вызвана ритмическим заданием стиха. Нужны мастера свободного стиха или по крайней мере паузника; нужны поэты, в массовых размерах использовавшие составную рифму. Мы остановились на стихах В. В. Маяковского, В. В. Хлебникова и Н. Н. Асеева, систематически работавших над составной рифмой.

У Маяковского множество рифм типа *довелось ему — минонос^ему, потеете — те и те, икон чело — окончило, дешево — найдешь его, в воздухе — в звезд ух^е* и т. д.

На двести рифм типа $\acute{\sim}\sim \parallel \acute{+}\sim\acute{}$ у Маяковского всего шесть рифм типа $\acute{\sim}\sim \parallel \acute{+}\acute{\sim}$: *ох, эта — хохота* (I, 221)³; *из-за гор через — корчились* (I, 242); *проекторы — на ноже который* (I, 245); *мест ими — манифестами* (II, 117); *одно это — дредноута* (II, 287); *лез ими — железами* (IV, 53).

Анализ рифм других поэтов приводит к такому же выводу: дактилическое окончание обычно разлагается в другой рифменной части надвое, на ударный слог одного слова плюс ямбическое слово. Иная конструкция — редкость. Значит, факт, установленный нами, — не явление индивидуального стиля. Он отражает определенную особенность языка, типичную черту русского слова: в дактилическом исходе последний слог сильнее предпоследнего. Предпослед-

² Еще А. А. Потебня писал: «На третьем за ударяемым (считая первым ударяемым. — М. П.) сила такая же, как на втором или *малым чем больше*, так что формула будет 3,1,1» (курсив мой. — М. П.). См.: Потебня А. А. О звуковых особенностях русских наречий // Филол. записки. 1865. Вып. 1. С. 63; см. еще: Корш Ф. Е. О русском народном стихосложении // Изв. ОРЯС. 1897. Вып. 2. С. 23; Чернышев В. И. Законы и правила русского произношения // РФВ. 1905. Вып. 3—4, педагогический отдел. С. 16, 21; Кошутый Р. Грамматика русскогo языка. Т. I. Пг., 1919. С. 63, 83; Ушаков Д. Н. Краткое введение в науку о языке. Пг., 1915. С. 42; Богородицкий В. А. Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных. Казань, 1930. С. 224, 229, 236.

³ Маяковский В. В. Собр. соч.: В 12 т. М., 1939—1949.

ний слог дактилической рифмы обычно находит соответствие в безударном слове другой рифменной пары, а последний — в ударном⁴.

И Маяковский, и Асеев иногда пользовались и такими рифмами: *радости — подрасти, идти — шестидесяти, дорости — премудрости, доводы — до воды, одному — голодному* (В. Маяковский); *ушкуй — девушку, лучи — выручим, штыки — все-таки, весели — выбросили* (Н. Асеев).

Эти примеры явно опровергают мнение Н. А. Соколова, что «объединение разноударных слов... не дает рифмы»⁵.

Звуковое подобие последних слогов легко воспринимается. Заметим, что во всех таких рифмах сочетается дактилическое окончание с мужским: нет рифмовки женского с мужским.

Благодаря этому возможна рифма, где нет совсем совпадающих ударений — и все же она воспринимается как рифма:

Хлеб на́ стол вы́ложен; щи — на́!
Говорят, что красивая же́нщина...
(В. В. Хлебников)⁶

Ударный слог одной рифмы (*на*) отзывается в полуударном другой; наоборот, полуударный слог в первой рифме (*жен*) соответствует ударению во второй — и рифма осуществляется.

Не будь последний слог дактиля весомее, чем предпоследний, все описанные явления стиха не были бы возможны.

Обратимся и к другому приему, который впоследствии сослужит нам верную службу. Прием этот сначала может удивить своим «субъективизмом»...

Возьмем какие-нибудь трехсложные слова с ударением в начале или на конце: *Африка, абрикос; Азия, Вытегра, Уругвай*⁷. Попробуем сначала произнести

⁴ Мы не касались составных рифм с отношением частей: $\sim\sim|\sim+\sim$. Здесь нет выбора: поскольку художественным стилем задана составная рифма, постольку языку приходится применяться к ней, у языка здесь нет возможности рифму приспособить к себе. Если же составная рифма разделена между словами не на 2+1, а, наоборот, на 1+2 (или на 1+1+1, причем средний слог является проклитикой к последнему односложному слову: *строй у нас — благоустроено-с*), то последнее двухсложное слово может быть и ямбическим, и хореическим — и язык «выбирает», что ему удобнее.

⁵ Соколов Н. А. О рифмах Маяковского // Литературная учеба. 1938. № 10. С. 54. — Слова Соколова справедливы по отношению к таким рифмам: *пóлогом — полóгом* (В. Брюсов), *земли́стый — листы́* (Божидар). Здесь рифма исчезает — вернее, превращается в консонанс, так как перекличка согласных остается. Ср.: «Различие в ударении сразу уничтожает... чувство рифмы (исту́пленный — иступле́нный)» (*Сабанев Л.* Музыка речи. М., 1923. С. 164).

⁶ Ср. в экспериментальном двустишии:

Дом вроде маленького выглядит адка,
Когда резвиться станет наше дитяtko...

⁷ Лучше брать такие слова, которые не имеют однокоренных родственников: ведь ассоциация с последними могла бы извратить результаты опыта. Например, в ряду

их, перенеся ударение на один слог вправо или влево (к началу или концу). Это новое, «экспериментальное» произношение кажется очень странным и комичным. Теперь попробуем перенести ударение на два слога вправо и влево (при этом слово-анапест становится дактилем, а слово-дактиль становится анапестом). Слова кажутся гораздо менее неестественными, гораздо более близкими к «норме», чем в первом случае. И это не случайное, мимолетное впечатление: в с е г д а, во всех случаях при сравнении подобных искусственно-экспериментальных форм мы отдаем предпочтение тем, где ударение перенесено не на соседний слог, а через него. Текущее, ненадежное, обманчивое субъективное ощущение оказывается все же достаточно постоянным, надежным, верным. Как же его объяснить? В слове дактилического типа последний слог — полуударный. Когда мы переносим на него ударение, он деформируется не очень сильно: полуударность изменяется в ударность.

Наше утверждение, что *Уру́гвай* «страннее», чем *У́ругвай*, субъективно. Необходимо его «объективизировать».

Наш метод «объективизации» был прост. Большому числу лиц были розданы карточки со словами: *попугай*, *Уругвай*, *Парагвай*; *Мексика*, *Африка*, *Токио*.

Участников опыта мы просили прочитать вслух каждое слово, потом произнести его, изменив в нем ударение, поставив его последовательно на всех слогах. После этого надо было указать на листке, какая форма показалась наиболее странной. Результаты опыта см. ниже в таблице⁸.

Слово	Число человек, указавших		Число человек, не сделавших выбора
	слово амфибрахий	не слово амфибрахий	
<i>попугай</i>	56	16	11
<i>Уругвай</i>	72	8	3
<i>Парагвай</i>	62	15	6
<i>Мексика</i>	53	19	11
<i>Африка</i>	59	13	11
<i>Токио</i>	26	39	18

Оказалось, что громадное большинство видит в амфибрахийных формах наиболее странные образования. Наоборот, перенесение ударения на два слога (т. е. формы в т о р и ч н о дактилические или в т о р и ч н о анапестические) кажется сравнительно более естественным.

вы́литый — *вылі́тый* — *вылитой* 2-я форма может не показаться странной по ассоциации со словами *нали́тый* (при более частом *налі́тый*), *за́литый* (и *залі́тый*).

⁸ Те, кто не мог решить, какая из форм более странна, подчеркивали обе, если считали их в одинаковой мере странными, и не подчеркивали ни одной, если не считали ни одну из них кричаще странной.

Исключение составляет лишь последнее слово: *Токио*. Причины этого исключения более или менее ясны. Это слово произносится обычно без качественной редукции последнего гласного: *То́ки[o]*. При перенесении ударения на один слог получаем форму: *T[o]ки́[o]*, тоже без аканья, без качественной редукции. Если же дадим ударение на последнем слоге, то первый легко превращается в редуцированный: *T[ъ]кио*. Это нарушает обычные звуковые ассоциации, переключает слово из одного произносительно-стилистического ряда в другой, упрощенный, просторечный, в котором это слово обычно не бытует.

Все факты опыта в целом подтверждают объективность наших в начале чисто субъективных наблюдений.

Нас не должна особенно смущать искусственность перенесения ударения со слога на слог. В живой речи такие вещи встречаются гораздо чаще, чем кажется на первый взгляд. Еще Л. В. Щерба указывал, что в аффективной речи, при особом подчеркивании, при выкрике и т. д., слова типа *Сатана!* могут наиболее резко выделять по силе первый, а не последний слог⁹. Об этом же говорит Л. Р. Зиндер: «В ораторской речи пользуются смещением ударения в слове в том случае, если это слово нужно особо подчеркнуть, например: *пятилетний план... реконструкция*»¹⁰.

Неправильное ударение — повод для шуток, поэтому оно часто каламбурно используется на эстраде, в поэзии и т. д. И при этом комический эффект всегда создается именно перенесением ударения на соседний слог; перенесение ударения через слог недостаточно странно, недостаточно, комично¹¹.

Целым рядом наблюдений и опытов мы попытались доказать, что в дактилическом слове последний слог сильнее предпоследнего и в этом смысле может называться полуударным. Может показаться, что мы с завидной настойчивостью ломимся в открытую дверь и отпирали ларчик, который «просто открывался». Ведь мы говорили о фактах, уже давно ни у кого не вызывающих сомнений: о том, что последний слог дактилического окончания полуударен. Назначение этих наблюдений именно в том, чтобы проверить надежность некоторых методов изучения, доказать их доказательность. И в дальнейшем эти методы, завоевав доверие на простых и бесспорных фактах, сослужат нам

⁹ Щерба Л. В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. Пг., 1912. С. 154.

¹⁰ Зиндер Л. Р. Вопросы фонетики. Л., 1949. С. 43.

¹¹ Ф. Е. Корш приводит такую песню (конечно, шуточную): «О́дна но́га ко́роче (т. е. по выговору «адна нага кароче»), А другая длиньше...» (Корш Ф. Е. Об ударениях в русских песнях и стихах // Сборник ОРЯС. Т. 70. С. 211). Ср. примеры подобного рода у В. И. Чернышева (Ударение в песнях // Там же. С. 203–204). Ср. каламбур в конце 2-й главы «Улялаевщины» И. Л. Сельвинского.

Переакцентуация слов встречается в романах Глинки, Даргомыжского и пр. (см.: Зарицкая Р. И. Балакирев и его романы // Русский романс. М., 1928. С. 81).

верную службу там, где явления сложнее, где другие способы наблюдения отказывают в работе.

Перейдем к изучению слов с заударной частью в три и больше слогов. Таких слов не очень много, слуховой анализ их особенно сложен.

Надо опереться на какие-то надежные, зарекомендовавшие себя методы. Здесь-то нам и пригодится то, что сделано раньше, те методы, которые были выверены и разработаны на бесспорных и многочисленных фактах.

Нам и здесь поможет составная рифма. У В. Маяковского: *вон она — Оуэна, две ночи ради — очереди, очереди — ночь ради, ввысь поведи — в исповеди, волны его — словомолниево, Сухарево — во весь дух ревут, никогда еще — голодающие, до чего доросли — водоросли, надо еще — главнокомандующий, молодости — мола достиг, полосы деньки — сытенькие, молот и стих — молодости, от крови щеку — кровельщику, рай его — отстраивая, если вас — отстреливаясь, дрова — Сидорова, война еще — воняющая.*

У Н. Асеева: *бока свои — показывая, бань его я — вызванивая, волн ямы — молниями, заманивает — сама она, меня еще — неизменяющая, увядающая — не беда еще, рука твоя — перекачивая.*

У В. Хлебникова: *тетерева — лета реву, хуже лица — жужелица, рак, овен — раковина, стоимости — стой и мости, барыш с нами — барышнями, ненависти — сена везти, ненависти — ныне вести, верующих — меру ищи, верующих — меру ищем, шума ищу — думающим, глаза никого — Коноплянниковой, туловища — дула вещи, в ухо реву — Сухаревой, много Нева — Строгонова, рукописи — наука, паси, лужи лица — жужелица, книга лица — пигалица.*

Примеров немного, и в этом отношении материал менее показателен, чем раньше. Но именно в сравнении с этим прежним материалом и немногие примеры, показанные сейчас, становятся красноречивыми. Когда исследовались слова с дактилическим окончанием, то оказалось, что на 200 с лишним рифм у Маяковского только шесть имеют ударное соответствие с предпоследним слогом дактиля; у Асеева на 50 рифм — один случай рифмовки дактиля с хореем. Совсем иное дело — слова с заударной частью в три слога (...[˘]˘˘). Оказывается, первый заударный слог по-прежнему не получает ударного отзвука в той рифменной паре, которая разлагается на два слова. Последний же и предпоследний заударные слоги почти в равной степени (60% на 40%) могут иметь ударное соответствие в составной части рифмы. Характерны дублеты с колебанием показаний: *ненависти — сена везти́, ненависти — ныне ве́сти, хуже лица — жужелица, книга лица — пигалица.*

У Асеева рифма двулика: *бань его́ я́ — вызванивая.* Здесь и предпоследний, и последний слог имеют ударные соответствия в другой рифменной паре.

Схемой наши выводы можно выразить так: ...4122 (или: ...4123). Последний слог оказывается усиленным, потому что он последний; предпоследний получает усиление как второй заударный.

Рифмы типа *о́куни — окуни́* помогли нам убедиться, что в дактилическом слове последний слог полуударный. Гипердактилическая рифма встречается редко; поэтому немного может сказать нам она о заударной части из трех слогов. Но кое-что все-таки может. У Маяковского встречаем:

Святейшие!
Идите в светлейшие мощи *опрáвить*,
почище начистьте *дни-ка*.
Глаголет Гавриил —
грядет
больше, чем дюжина *праведников*.

Есть и ряд других рифменных примеров у этих трех поэтов, показывающих, что в гипердактилических окончаниях усилен второй послеударный слог.

Обратимся к другому методу, проверенному раньше. На этот раз участникам опыта были предложены такие слова: *комендатура*, *администрация*, *перпендикуляр*. Участники опыта должны были прочесть их с ударением на первом слоге, потом — на втором и решить, какая из этих форм более «режет слух», более необычна.

При перенесении ударения на первый или второй слог у этих слов появлялась длинная заударная часть. По общему заударному стереотипу в этой части возникают полуударения. Опыт показывает, как они распределяются.

Вот результаты опыта:

Слово	Число человек, указавших		Число человек, не сделавших выбора
	ударение на 1-м слоге	ударение на 2-м слоге	
<i>комендатура</i>	13	16	0
<i>администрация</i>	21	8	5
<i>перпендикуляр</i>	5	23	0

Данные опыта исключительно интересны. Формы *к[ó]мендатура* и *ком[é]ндатура* получили приблизительно равное число голосов.

В слове *комендатура* (в нормальной, исходной его форме) один заударный слог. Именно как последний он сравнительно сильный; поэтому оказалось, что и предпоследний (◡◡◡◡) и последний слог (◡◡◡◡) могут принимать на себя полуударение в экспериментальных формах, не превращая слово в «чудище лаяй».

В слове *администрация* два слога заударных; последний, сильный заударный не соседил с ударением, поэтому в экспериментальных новообразованиях он не «перетягивал» к себе ритмического полуударения. Результаты получились достаточно яркими и однозначными: менее странной для подавляющего

большинства показалась форма: адми́нистра́ция с распределением полуударений: ◡◡◡◡◡; слог с бывшим ударением (◡) совпал с слогом полуударным, и поэтому новая форма не странна. В слове *перпендикуляр* при отсутствии заударной части, которая могла бы вносить раздор в полуударные слоги экспериментальных форм, результат опять ясен: на этот раз менее странной почти всем показалась форма *пéрпендикуля́р* = ◡◡◡◡◡.

Мы предположили, что полуударения в заударной части располагаются так: ◡◡◡◡◡... Подтверждением этой мысли, нам кажется, служит опыт с переносом ударения. Наименее странными, наиболее естественными нам кажутся те формы, где бывшее ударение совпадает с местом предполагаемого нами полуударения (или четверть-ударения).

Заударная часть оказывается ритмичной. Вот формула для слова с 4-сложной и 5-сложной заударной частью: 51213; 512123... (Предударный слог в этой формуле следовало бы обозначить цифрой 4).

Вероятно, на основании этих ритмических слабых полуударений и строится в значительной части ритмика ямба и хорea (как это и предполагал Г. Шенгели).

Ср. такое четверостишие:

Бригада наша, отступая,
Распалась вся, исчезла вся;
Неудовлетворительная —
Расформировывается.

«Последняя строка ровна и дает созвучие, предпоследняя — скорёжена»¹².
Изменить последнюю строку легко:

Неудовлетворительна —
Расформировывается.

Скорeженность исчезла. Слово *неудовлетворительная* имеет такую заударную часть: (5)123; в ином (стиховом) обозначении: ◡◡◡◡. Слово *неудовлетворительна* не ломает ритма, так как его заударная часть такова: (5)12 (или 513); ◡◡◡. В слове *расформировывается* заударная часть имеет такую формулу: (5)1213, и это дает стиху ритмическую опору (◡◡◡◡◡).

В этом же плане интересен материал гипердактилических рифм. Стихотворение Брюсова «Ночь» («Ветки темным балдахином свешивающиеся...») содержит рифмы с заударной частью в 6, 5, 4, 3, 2, 1 слог. При чтении стиха слух легко выделяет окончания с пятью и тремя неударными слогами, как ритмически неполноценные. Это опять-таки потому, что в этих рифмах п о с л е д н и й слог, произносительно с и л ь н ы й, по стиховой (хореической) схеме должен быть слабым.

¹² Шенгели Г. А. Трактат о русском стихосложении. М., 1923. С. 32–34.

Это стихотворение Брюсова имело экспериментальный характер: поэт намеренно демонстрировал различные типы рифм. В других, не «экспериментальных» стихах Брюсов нередко использует рифмы с длинным шлейфом, но избегает «скореженных» окончаний (см. стихи «Холод», сб. «Все напевы»; «Длитесь, мгновения!», сб. «Опыты» и др.).

Заметно на слух, что противопоставление ритмически сильных и ритмически слабых заударных слогов тем меньше, чем дальше они отстоят от ударения. В словах, например, *Всеволодовичами, раскачивающаяся, чувствованиями, взяточничествами, скрадывающемся, воспитывающаяся* и прочих можно уловить различие между первым и вторым заударным слогом; но различие между третьим и вторым с к о н ц а слогами слухом совершенно не улавливается. Наоборот, последний слог сохраняет свою силу, подавляет своим весом и второй, и третий с конца заударные слоги.

Можно считать, что описанные факты достаточно объективно показывают, каково строение послеударной слоговой части слова в литературном языке. В этой части строго ритмично

От слога, что в слове усилен,
Бьются всплески и в смежных слогах.
(И. Коневской)

Московская фонологическая теория сегодня*

Задуманная работа представляет собою обзор исследований по фонологии, выполненных за последние годы в традициях Аванесова — Сидорова — Реформатского — Кузнецова; в основном — на материале русского языка. Последние полтора десятилетия для фонологов-«москвичей» были полны плодотворных и напряженных поисков. Однако лингвистическим кругам результаты этой работы остаются малоизвестны. Рассказать об основных направлениях этих поисков — задача обзора.

Обзор ведется «изнутри», то есть с точки зрения Московской лингвистической школы; авторы обзора — активные работники этой школы.

1. «Основ основное». Система главных понятий московской теории фонем. Взаимосвязь этих понятий. Классическая теория 30-х гг.: что осталось незыблемым?

2. Понятие позиционного чередования. Поиски точного определения этого понятия. Разграничение позиционных, фонетических и позиционных морфологических чередований. Разграничение чередований в пределах фонем (чередование аллофонов) и чередований фонем.

3. Понятие позиции. Расширение этого понятия в работах последних лет. Плюсы и минусы такого расширения. Например: установлено, что «порог» ударности у разных гласных — различен (Н. И. Жинкин). Насколько плодотворна такая трактовка: порог ударности *позиционно* обусловлен качеством гласной? Попытки применения понятия позиции к суперсегментным единицам.

4. Функции фонологических единиц. Ср. у А. А. Реформатского: фонемы служат для *складывания и различения* слов... Фонемы — в связи с отождествлением и различением слов. Делимитативная функция фонологических единиц. Их экспрессивная и стилистическая функции.

5. Типы фонологических единиц. В поле зрения фонологов оказались разные их типы. Соотношение фонологических единиц с незвуковыми средствами общения в процессе речи.

* Фортунатовский сборник: Материалы научной конференции, посвященной 100-летию Московской лингвистической школы. 1897—1997 гг. М., 2000. С. 344—348.

Этот план был составлен М. В. Пановым и поддержан многими московскими лингвистами.

6. Определение состава фонем в конкретном языке. Трудные случаи установления числа фонем. Вопрос, поставленный еще Л. В. Щербой: как определить направление влияния, что чем обусловлено; например: в сочетании «согласный + гласный» идет ли влияние слева направо или справа налево? Современные пути решения этого вопроса. «Метафонема».

7. Фонема в сильной позиции. Комплексная сильная позиция. Разграничение перцептивно сильных и перцептивно слабых позиций. Споры вокруг этой проблемы. Факультативные фонемы. Орфоэпический угол зрения на эти вопросы.

8. Нейтрализация. Строгое разграничение пражской и московской интерпретации этого понятия. Возможны ли фонемы как полноценные языковые единицы, представленные во всех типичных позициях, у которых, однако, нет ни одной сильной позиции? (= проблемы «мниофонемы»). Обсуждение этой проблемы на материале русских говоров. Типы нейтрализации. Нейтрализация суперсегментных единиц.

9. Способ определения фонем в слабых позициях. Сложные случаи их идентификации. Поиски новых методов и приемов установления фонем в сигнификативно слабых позициях.

10. Проблема гиперфонемы. Разные истолкования этого понятия у основоположников московской теории фонем. Продолжение обсуждения этого вопроса в последние годы. Соотношение данного понятия с понятием архифонемы.

11. Смысл нейтрализации. По закону И. А. Бодуэна де Куртенэ, в русском языке много веков проявлялась тенденция: уменьшать различительную силу гласных, в том числе — путем нейтрализации. Зачем это нужно языку? Какова функция нейтрализации? Как они связаны с коммуникативной сущностью языка? Примитивные представления о том, что нейтрализация — порча языка, как будто оставлены. Чем их заменить?

12. «Морфемный критерий» в фонологии. Былые протесты против него как незаконного в фонологии. Разработка основания его необходимости в московской теории фонем. Новые пути использования «морфемного критерия».

13. Дифференциальный признак в системе понятий московской фонемной теории. Отрицание их выделимости в «московской» фонеме (В. Н. Сидоров). Защита их правомерности в московской теории фонем (А. А. Реформатский). Продолжение разработки этого вопроса.

14. Координация «московских» взглядов с пражской теорией фонем. Работы, в которых предприняты попытки: а) строго разграничить московскую и пражскую теорию; б) синтезировать их.

15. Звук языка. «Московские» подступы к решению этого вопроса.

16. «Долгий компонент» как особая разновидность дифференциального признака. Обусловлен ли он позиционно? Разное решение этого вопроса для сегментных и суперсегментных единиц.

17. Сегментные и суперсегментные фонологические единицы. Принципиальное их разграничение нашло себе место в работах П. С. Кузнецова. Продолжение этой работы в последующие годы. Классификация суперсегментных единиц. Попытки все единицы фонетического строя языка представить как виды суперсегментов: звуки, т. е. сегментные единицы, разлагаются на дифференциальные признаки, а эти последние понимаются как «долгие компоненты» разного вида; как частный случай — «одноместные». Критика такого подхода с позиционной точки зрения.

18. Интонация. Изучение ее как различительной единицы. Использование методов, применяемых при изучении звуков (фонем). Количество интонационных конструкций — различителей в языке. Их дифференциальные признаки. Типы сочетаний интонационных конструкций. Проблемы нейтрализации в области интонационных единиц.

19. Ударение. Попытки его определить были бесплодны, пока к нему не подошли позиционно: порог «ударности» оказался обусловленным (закрепленным за) определенным типом гласного. Порог ударности в позиции гласного *a* не тот, что порог ударности в позиции гласного *u*, и т. д. (Н. И. Жинкин). Комплексные дифференциальные признаки ударности. Сопоставление с комплексными признаками фонем. Типы ударения в разных языках, разная фонологическая природа ударений.

20. Пограничный сигнал (диэрема). Внутренняя парадоксальность и противоречивость этой единицы. Ее необходимость при описании фонетической системы языка. Система диэрем. Их «дифференциальные признаки».

21. Понятие фонетической подсистемы (в пределах языковой системы). Необходимость учитывать разные подсистемы при изучении языка. Фонологические различия между подсистемами в языке. «„Фонема“ *ы* в начале слова: поселок Ырбыр-куде, ст. Ылйыз».

22. Фонетика и фонология изолированных лексических групп: заимствованных слов, междометий, терминов, собственных имен, топонимов и т. д.

23. Фонетика аффиксов. Особенности реализации фонем во флексиях.

24. Стилистическая фонология. Нейтрализация в разных стилях. Есть ли в современных произносительных стилях «высокие» и «сниженные» приметы? Развенчание «полного» и «неполного» произносительных стилей как стилистически значимых явлений. Принципы построения фонетической и фонологической стилистики.

25. Поэтическая речь. Преобразование в ней законов фонетики бытовой речи.

26. Театральное произношение. Его фонетико-фонологические проблемы.

27. Разговорный язык. Законы его фонетики. Его система фонем обладает статусом самостоятельности по отношению к кодифицированному литературному языку.

28. Фонологические аспекты русской орфоэпии.

29. Фонетическая социолингвистика. Избирательность социальных слоев к произносительным нормам и вследствие этого — разные состояния фонологической системы в разных стратах.

30. Понятие «диалектного языка», введенное в науку Р. И. Аванесовым. Оно вырастает из фонологических понятий: фонема ⟨o⟩ реализуется звуком [o] в позиции такого-то говора, в таком-то безударном слоге. Соответственные явления в говорах и «соответственные» явления в разных позициях в пределах одной системы.

31. Проблемы целостного описания фонетической системы данного языка (диалекта, системы говоров). Обусловленность одних сторон фонетической системы другими ее сторонами.

32. Анализ фонетических систем других языков (кроме русского) методами «московской» фонологии.

33. Теория письма и система фонем.

34. Изучение морфологии методами «московской» фонологии.

35. Изучение грамматики методами «московской» фонологии.

36. Проблема синхронии и диахронии применительно к фонологии. В. Н. Сидоров об этой проблеме. Ее реализация в работах «московских» фонологов.

37. Методика различения мертвого и живого в данном состоянии языка.

38. Изучение зародышевых явлений в данном состоянии языка. Оговорки, произносительные промахи в речи — намек на будущую закономерность.

39. Скрытый (латентный) период в формировании фонетического новшества. Обусловленность этого скрытого периода системным характером языка.

40. Фонологические причины изменений в звуковом строе языка. Закон И. А. Бодуэна де Куртенэ, современное состояние его изучения.

41. Связь внутренних и внешних причин фонологических изменений. Анализ этой связи в работах «московских» фонологов.

42. Влияние на фонологические изменения других ярусов языка. Самостоятельность и несамостоятельность исторического движения фонетической системы.

43. Сопоставление с иными коммуникативными системами: нейтрализация знаков (в «московском» смысле слова) в несловесных видах общения (жесты и т. д.).

44. Методы фонетических наблюдений.

Инструментальная фонетика. Установление одного изолированного фонетического факта не есть еще научная констатация. Необходимо сопоставление фактов. При этом: если определяются различия между фонетическими языковыми единицами, то надо их сравнивать в тождественных условиях.

Установление тождественности каких-либо единиц фонетического строя тоже требует учета позиционных условий. Если этим пренебрегать, получится такая бессмыслица: желая опровергнуть известную классификацию Р. Якобсона, Г. Фанта и М. Хале, определяют форманты согласного [с] в окружении низких гласных, а форманты согласного [х] — среди высоких. После такого бессмысленного сравнения делают вывод, что [с]-де вовсе не высокий, а [х] совсем не низкий согласный. Московские фонологи, работающие в области инструментальной фонетики, таких ошибок не делают. Они последовательно учитывают позиционные характеристики звуковых единиц. Это ведет к полноценным фонологическим выводам.

45. Слуховые методы фонетического наблюдения. Здесь надо обратить внимание на широкое использование неинструментального эксперимента. Неинструментальный слуховой эксперимент позволяет выдвинуть на первый план функциональные качества звука: испытывается не тонкость слуха информанта, а его языковые оценки фонетических единиц.

46. Массовый опрос. Метод вопросников. Их усовершенствование. Использование в вопроснике позиционных моментов, увеличивающих надежность ответов.

О причинах фонетических изменений*

Произносительная сторона каждого языка непрестанно меняется, однако в большинстве случаев фонетисты бессильны объяснить, почему произошло каждое данное изменение. Более того: непонятен смысл фонетической изменчивости языка в целом. Нетрудно объяснить, почему происходят изменения в лексике: появляются новые предметы, которые надо назвать, формируются новые понятия, требующие выражения, меркнут эмоциональные краски слов — и требуют подновления... Поэтому появляются новые слова и новые их значения. Но почему неизбежно изменчиво произношение — в каждом языке, в каждом диалекте?

Напрашивается простой, житейски-непритязательный ответ: все в мире меняется; естественно, что меняются речевые произносительные навыки. Этот ответ не учитывает особое положение языка в общественной жизни. Есть такие установления, важные для общественной деятельности человека, которые тщательно оберегаются от всяких изменений. Например, эталоны единиц измерения — эталон метра и т. д. Они должны быть неизменны, и общество оберегает их неизменность. Более того, изменение их материального воплощения связано со все более строгим требованием неизменности их сути. Когда-то эталоном метра был металлический стержень, хранящийся в особых стабильных условиях в Париже, теперь это такое-то количество определенных электрических волн.

Язык относится именно к таким общественным установлениям. Он полноценно выполняет свое назначение в том случае, если остается (в области произношения) неизменным. Представим, что телеграфный код непрестанно меняется, причем — самопроизвольно, без целенаправленной людской воли; ведь именно так меняется фонетическая сторона языка! Пользоваться телеграфом было бы очень сложно.

То, что изменение произношения (во времени и в пространстве) — помеха для функционирования языка, особенно если он обслуживает высшие общественные потребности, доказывают литературные языки. У них процесс звуковых изменений замедлен, тормозится именно потому, что они — орудия

* Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. М., 1988. С. 41—55.

культуры. Вместе с тем в этих языках преодолевается изменчивость произношения в пространстве: литературный язык в принципе не имеет диалектов.

И то и другое вызвано основной функцией языка: соединять людей в процессе общения. Общение состоится, если все говорящие имеют одну и ту же знаковую систему, и чем ее одинаковость выше, тем лучше для общения. Если у старшего поколения произношение не то, что у младшего, то это можно рассматривать как частную порчу средства общения; это похоже на телеграфный код, самопроизвольно изменившийся у одних телеграфистов и оставшийся неизменным у других.

Нет, нельзя остаться при убеждении, что произношение меняется, потому что не может не меняться. Изменения звуков в языке либо порча (но их повсеместность не позволяет согласиться с такой оценкой: разве фонетическая история языка может сводиться к его порче?) или они имеют смысл, т. е. определяются самой сутью языка, его работой.

Было немало попыток понять общие причины фонетических изменений. Напомним некоторые из этих попыток.

1. Принцип экономии произносительных усилий. Некоторые изменения отвечают такому принципу. Если гласный [o] заменяется гласным [ъ] ([гóлос] → [гóльс]), то происходит уменьшение произносительных усилий: гласный [o] требует лабиализации и сдвижения языка назад, а гласный [ъ] не требует ни того, ни другого: он артикулируется с нейтральным положением языка.

Но многие изменения в произношении требовали, наоборот, увеличения мускульной работы. Н. С. Трубецкой показал [1960. С. 91], что нейтрализация гласных происходит в звуках либо нижнего, либо верхнего подъема. Так, в русском языке нейтрализация ⟨a⟩ и ⟨o⟩ приводит в одних позициях к [a] (после твердых согласных), в других — к [и] (после мягких согласных): *но́ша* — *ношú*, *нѐс* — *несѐт*.

Нейтрализация звуковых единиц всегда исторически вторична сравнительно с этапом «не-нейтрализации», различения единиц в данной позиции. Следовательно, развитие шло от [o] к [a], от [o] к [и]. Ясно, что данная закономерность противоречит предположению, будто суть изменений — в экономии артикуляционных усилий. Если считать верхний подъем гласных очень экономным: не нужна активность мышц, ведающих открытием ротовой полости, то неэкономен нижний подъем. Если видеть особую мускульную экономию в нижнем подъеме: нет необходимости утруждать мышцы — закрыватели ротовой полости, то неэкономен верхний подъем. Но предпочтение при нейтрализации отдается и тому и другому подъему... Экономии, как ни считать, нет.

Экономнее всего был бы средний подъем, но он-то и не дает нейтрализации. Или дает временно, как переходный этап: вспомним «óканье» для безударных гласных в русском языке XIX в.

Но самое главное возражение против теории «экономии произносительных усилий» — другое. Труднее всего та работа, которая непривычна. Именно она требует наибольшей траты усилий. Это верно по отношению к любому действию, в том числе и даже особенно — по отношению к артикуляционной работе. Якут, обучаясь русскому языку, *стол* превращает в *истол*, *круг* — в *икруг*. Родной язык не научил его произносить начальные сочетания двух согласных, и это ему исключительно трудно. Появляется лишний звук, протетический гласный *и*, для него нужна особая артикуляция, дополнительный расход энергии, и именно поэтому артикуляция стала легче!

Конечно, усвоение слов чужого языка и внутриязыковые процессы изменения произношения — явления разные. Но наше сравнение показывает, что произносительная трудность имеет природу не физиологически-мускульную, а иную: она определяется владением определенной звуковой системой. Легко все, что отвечает усвоенной системе произношения; трудно то, что не находит в ней опоры. Привычное и есть легкое. Поэтому если бы экономия произносительных усилий действительно была главным двигателем фонетической эволюции, то этой эволюции не было бы. Идти проторенным путем, а не новой дорогой — значит сэкономить силы.

О том, что упрощение артикуляций не является общим стимулом изменений, говорят случаи заменительных, компенсирующих новаций. Что-то изменилось (пусть даже упростилось), но изменение-упрощение компенсировано — введено усложнение артикуляции, восполняющее утрату. В древности у восточных славян гласный носовой [ɔ] изменился в [y], гласный носовой [ɛ] — в [a], т. е. звук среднего подъема превратился в звук верхнего подъема; в другом случае средний подъем заменен нижним. Опять никак не свяжешь с экономией произносительного труда!

А. М. Сухотин в своих лекциях (1938 г.) так объяснял эту замену. Назализация акустически понижает звук, его тембр. Поэтому, когда назализация исчезла, появилась тенденция возместить ее утрату, понизить тембр звука: гласный [ɛ] перевести в более низкий по тембру звук [a], гласный [o] — в более низкий по тембру звук [y].

Таким образом, желанной оказалась константность звучания, и для нее было не жалко усложнить артикуляцию.

Иногда объясняют: произношение меняется во время передачи языка от поколения к поколению. Дети говорят не совсем так, как родители: тут и происходит упрощение артикуляций. Изменение наступает не после усвоения артикуляционных навыков и стабилизации их, а во время овладения ими. Однако «упрощаются» не любые, а определенные артикуляции, и изменение идет в одну сторону у всех говорящих на данном языке, оно закономерное и единонаправленное. Как дети сговариваются так согласованно работать? Нет, и дети

не помогут свести фонетическую эволюцию к экономии произносительных усилий.

Причина фонетических изменений простая, писал Е. Д. Поливанов: человеческая лень. Нет, не лень. Люди не ленятся работать языком.

Представление, что суть фонетических процессов в упрощении артикуляций, предполагает ряд:

$$A_n + A_{n+1} + A_{n+2} + A_{n+3} + A_{n+4} \dots,$$

где каждый член — определенное состояние артикуляции. При этом A_{n+2} проще, чем A_{n+1} , требует меньше энергии; A_{n+1} проще, чем A_n ... Но этот же ряд может быть характеризован и так: каждый предыдущий член сложнее последующего... Этот ряд, уходя в дали прошлого, должен приводить к изрядно сложным артикуляциям. Как же такие артикуляции, в древности очень сложные, могли возникнуть? Почему язык начинал с невероятной сложности? И могла ли эта сложность быть такой мощной, что ее упрощение и составило фонетическую историю человеческих языков? Пока не будет выяснено, почему язык древнейших эпох обладал такой артикуляционной сложностью, что ее упрощение затянулось на века, до тех пор гипотеза экономии артикуляционных усилий не может считаться средством объяснить причины языковой произносительной эволюции.

2. Принцип экономии фонем и их различительных признаков. Предполагается, что существенная сторона фонетической эволюции — исчезновение фонем (и как следствие этого — определенных произносительных признаков), которые по каким-либо обстоятельствам оказались слабыми: либо они редки в речевом потоке, либо слаба их различительная нагрузка, либо мало слов, включающих такие звуки, либо они слабы, потому что сформированы признаками, не представленными в других фонемах.

Все это реальные причины угасания и «пропажи» звуков в языках. Например, [ж':] в русском языке дышит на ладан, потому что:

1) в речевом потоке встречается редко. Взяв сборник какого-нибудь поэта, мы найдем в нем много стихотворений, которые совсем не включают звука [ж':]. Но вряд ли есть стихотворения без звуков [с — с' — т — т' — н — н' — j];

2) образует мало словоформ, которые отличались бы от других словоформ только звуком [ж':] (типа *жжёт — счёт*);

3) мало словоформ, включающих этот звук;

4) «долгота + мягкость» — комплексный признак, который есть только у звуков [ж':] и [ш':].

Поэтому с согласным [ж':] спорит его активный соперник [ж:], который может трактоваться как [жж], т. е. как сочетание двух звуков. А звук [ж] частотен в текстах, образует много минимальных пар (*жар — шар* и т. д.), входит во многие словоформы, обычен по своим признакам...

Все эти факторы надо принимать в расчет. Но вряд ли уменьшение числа единиц можно считать фактором, направляющим общую эволюцию звуковых систем, — во всех языках или в какой-либо их значительной части.

Уменьшение числа различительных единиц (в нашем случае — звуков) ведет к тому, что снижается средняя информация, передаваемая каждым знаком. Для слушателя это плохо. Речевое общение происходит в переменчивых условиях, часто сопровождается сильными помехами, и поэтому понижение уровня информации (уменьшение числа бит, приходящихся в среднем на один знак) вряд ли можно считать постоянно положительным фактором.

И действительно, в истории любого языка, изученного на протяжении длительного времени, есть и факты уменьшения числа различительных признаков, и факты увеличения их числа. Показательна в данном отношении история русского языка.

Соотношение кода и текста связано ясной закономерностью: увеличение кода позволяет сократить текст; уменьшение кода требует удлинения текста. Это неизбежно, если все остальные условия общения остались неизменными. Примеры из истории письма: переход от иероглифики к буквенному письму ведет к сильному сокращению кода (письменных знаков не тысячи, а десятки) и удлинению текстов (было: сколько слов — столько знаков в тексте; стало: сколько звуков — столько знаков в тексте, следовательно, в несколько раз больше, поскольку слова обычно состоят из нескольких звуков).

В языке же при уменьшении числа различительных единиц, иначе говоря — при сокращении кода, не происходит удлинения текстов. Часто происходит, наоборот, их сокращение. Например, падение в древнерусском языке гласных [ъ] и [ь] привело как раз к укорачиванию слов: *сънь* → *сон*, *днь* → *день*. Это означает, что «все остальные условия» не остались неизменными: может быть, изменилась необходимость в определенном уровне информации, говорящие (вернее — слушающие) стали довольствоваться менее высоким уровнем; почему? Пока этот вопрос остается без ответа, неясен сам принцип «сокращения кода», т. е. принцип экономии фонем и их различительных признаков. Есть еще какое-то обстоятельство, которое позволило, сокращая текст, не увеличивать объем текста. Не в нем ли подлинная причина изменений?

3. Принцип симметрии. Представим, что звуки какого-то языка хорошо представлены такой матрицей:

	а	б	в
А	1	2	
Б	3		4
В	5	6	

Здесь а, б, в — определенные звуковые признаки, например у гласных — три разных подъема языка; А, Б, В — другой ряд признаков тех же звуков, например передний, средний и задний ряд артикуляции. Предполагается, что звук 4

испытывает большое желание сдвинуться в соседнюю левую клетку, т. е. изменить свою артикуляцию.

А если матрица такая:

	а	б	в
А	1	2	3
Б	4	5	
В			6

— то звук б устремится в клетку под звуком з.

Почему он одержим таким желанием? Ведь положение двух звуков, стоящих в наших матрицах на отлете, как будто выигрышно: они значительно отличаются от других звуков, поэтому им легко выполнять роль различителей слов. После передвижки их «особливость» уменьшается.

Вероятно, прав был В. Н. Сидоров, считавший это объяснение совершенно искусственным. Даже в проницательной и глубокой книге А. Мартине [1960] о причинах фонетических процессов нет убедительных примеров, демонстрирующих этот принцип: все случаи, приводимые автором, допускают иное объяснение, притом более обоснованное. Из примеров, данных у Мартине, следует: артикуляция изменяется в двух случаях: во-первых, если есть соседняя пустая клетка, во-вторых, если есть соседняя занятая клетка. В последнем случае данный звук совпадает с другим. Распространеннейшее явление! В совокупности оба эти случая доказывают, что свободная соседняя клетка — не причина изменения. Ср.: доказано, что данное заболевание появляется в присутствии микробов особого типа, а также в их отсутствие. Очевидно, микробы данного типа — не причина заболевания.

Как возникло мнение, что звуки стремятся в каждом языке составить симметричную таблицу? После И. А. Бодуэна де Куртенэ и Ф. де Соссюра в лингвистике стали говорить о системных связях между единицами языка. Системой назвали совокупность взаимосвязанных единиц, так что статус каждой единицы определяется наличием всех остальных единиц данной совокупности. Понятие сложное. Оно вовсе не сводится к симметрии.

Вот наглядное пособие, хорошо демонстрирующее системные отношения: в большой стеклянный сосуд помещены два детских надувных шара; каждый можно надувать то сильнее, то слабее; в этом сосуде они уже не шары — форма каждого из них зависит от соседа, от его упругости, от его размера и т. д. Стоит сильнее надуть один шар, и изменится форма и положение в сосуде другого. Но симметрии, как правило, никакой не будет.

Трудное понятие системы — одно из основных в языкознании. И его освоение, во всей его диалектической гибкости, идет с большим трудом. Возникло желание заменить его более легким — симметрией. Если матрица заполнена хорошо, плотно, без пустых клеток, то она и есть-де система. Если неплотно, несимметрично — система нарушена; это, оказывается, узус строит козни системе.

Было истрачено много усилий, чтобы доказать склонность звуков к симметричному размещению. Но если не вульгаризировать понятие системы, то остается совершенно необъяснимой такая тяга звуков языка становиться в строй. Видимо, в действительности такого стремления и нет.

Заметим мимоходом: стоять особняком в матрице — не значит ли иметь уникальные признаки, не повторяющиеся у других звуков? Часто это именно так и будет. Тогда данный случай растворяется среди тех, которые характеризуются в п. 2.

Проблемы по существу две. Первая — определить причины отдельного фонетического изменения.

В сочетаниях «губной + мягкий заднеязычный» первый согласный должен непременно быть мягким: *се[м']ги, не[м']ки, на Покро[ф']ке, в коро[п']ке, А[в']гиевы конюшни...* Закономерность была живой еще в конце 20-х — начале 30-х годов нашего века. Потом такое произношение быстро схлынуло и стала господствовать другая норма: губной в таком соседстве стал произноситься твердо. В чем причина такого «атомарного» изменения? История произношения, т. е. история фонетических систем, должна ответить на множество таких вопросов.

Но такое изменение не обособлено, не единично. Во многих других сочетаниях согласных произошла замена мягкого согласного на твердый. Процессы находятся на разных ступенях своего развития, исход их еще далеко не всегда вполне ясно определен. Но тем не менее ясно, что наличествует какая-то общая тенденция, объединяющая разные изменения.

В общеславянском языке известны процессы, объединяющие многие частные, отдельные фонетические изменения: во-первых, тенденция к открытости слога, во-вторых, стремление к образованию сингармонических слогов. Существует убедительное мнение, что обе эти комплексные закономерности можно рассматривать как проявления более общей единой закономерности.

Язык, переходя от одного фонетического процесса к другому, движется в одном направлении. В чем причина такого многочленного изменения? Что движет фонетическую систему через ряд однотипных перемен? Вот вторая проблема. Она особенно важна. Она ведет к освещению наиболее глубоких причин фонетической эволюции.

Чтобы понять, в чем причина долговременных, «серийных» изменений в произношении, надо в самой жизни общества найти такие долговременные изменения, которые могли бы воздействовать на язык.

Вероятно, справедливо мнение, что темп общественной жизни все время убыстряется. Произведения композиторов XVIII в. сейчас играют в более быстром темпе, чем обозначили в нотах сами композиторы: вместо *largo* играют

adagio, вместо adagio — andante. Очевидно, сознание, какой темп наиболее отвечает данному произведению, изменилось; это — влияние убыстряющегося темпа жизни.

Когда в 1935 г. были пущены первые линии московского метро, движение эскалатора казалось очень быстрым. Но через короткое время оно было еще ускорено, и москвичи быстро привыкли к новой скорости «лестницы-чудесницы». После войны движение эскалатора было снова ускорено. Вначале пускали рядом две лестницы, движущиеся вниз: одна — со старой, привычной скоростью, другая — убыстренная. И большинство пассажиров терпеливо спускалось на медленном «конвейере». Постепенно росло число любителей быстрой езды, пока медленный эскалатор совсем не опустел. Можно было бы привести и другие примеры, подтверждающие, что общественная жизнь, в ее повседневных проявлениях, в бытовых действиях, постепенно убыстряется. Не влияет ли это на произношение? Так как этот процесс единопавлен — в каждую эпоху, видимо, растет стремительность жизни, — то это могло бы объяснить единопавленность многих фонетических изменений.

Убыстряется поведение людей — убыстряются артикуляции, они становятся «укороченными», сокращенными, а это преобразует звучание речи... Но, видимо, такой прямолинейной связи нет. Некоторые русские диалекты имеют высокий темп речи, но сохраняют всю четкость артикуляций. Заметим, что эти говоры — окающие: безударные гласные четко отличаются друг от друга, качественной редукции нет, ясность и полновесность артикуляций полностью сохраняется, хотя «безударные слоги произносятся со значительно меньшей экспираторной силой и длительностью, чем слог ударенный». Темп речи высокий. «Это создает впечатление скороговорки» [Пауфошима 1980]. Как будто швейная машинка работает, — так описывал свое впечатление от этих говорков в своих лекциях Р. И. Аванесов. Таковы некоторые русские говоры Карелии.

Таким образом, быстрый темп речи вовсе не влечет размытости, ослабленности, упрощения артикуляций. Оканье (произношение, которое ограничивает редукцию безударных гласных) не связано с более медленным темпом речи, аканье (все виды его обнаруживают склонность к редукции гласных) не связано с быстрым темпом.

Темп французской речи значительно более быстрый, чем русской, но на напряженности и четкости артикуляций это не отражается.

Следовательно, ряд зависимостей, который мы пытались построить: убыстрение темпа общественной жизни — убыстрение темпа речи — усиление артикуляционной «экономии» — на самом деле не имеет места.

Итак, первая попытка найти в жизни общества такое долговременное единопавленное изменение, которое оправдывало бы и объясняло изменения в произношении (тоже долговременные и единопавленные), оказалась неудачной. Продолжим наши поиски.

Люди окружены океаном самых разных знаков. Естественно было бы предположить, что так же, как человек совершенствуется в использовании транспортных средств, бытового оборудования и т. д., он век за веком овладевает все более высоким умением использовать знаки.

Всякая знаковая система, используемая человеком, несет избыточную информацию. Она необходима: не будь избыточной информации, любая оговорка, ослышка, опечатка, «оглядка» привели бы к приему ложных сообщений. Но как велика должна быть эта избыточная информация, это превышение над уровнем необходимой информации, чтобы речь-письмо воспринимались в данную эпоху, в данном обществе легко, без затруднений? Вероятно, это превышение исторически изменчиво.

Возьмем в качестве примера одежду. Значение «мужчина» — «женщина» в XVIII в. передавалось бóльшим количеством примет одеяний, чем в XIX в., и еще меньше этих примет в современном костюме. Ср. женские портреты Рокотова или Левицкого — «Курсистку» Ярошенко и другие женские портреты передвижников — современные джинсовые, брючные и т. д. костюмы женщин. В каждую эпоху есть своя мера признаков, достаточных для того, чтобы «прочсть» костюм.

Итак, предполагается, что уровень информации, которую — в среднем — несет звук, исторически изменчив; и он постоянно, от эпохи к эпохе, понижается. Сам процесс можно представить таким образом.

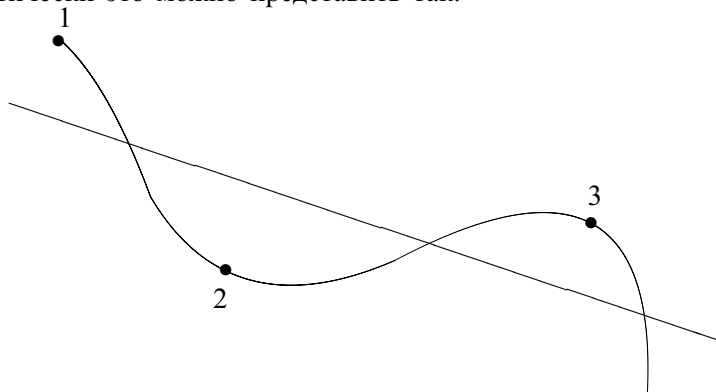
Совершенствуется общественное умение воспринимать знаковые системы; уровень необходимой информации, которая нужна для верного восприятия речи, постепенно для каждой единицы снижается; появляется возможность упростить строение этих единиц — звуков и, следовательно, слов, поскольку слова состоят из звуков.

Эта потребность упрощения пускает в ход позиционный процесс: в определенных позициях звуки или исчезают, или теряют различительные признаки (происходит нейтрализация фонем). Позиционный процесс, как ему и положено, охватывает звуки, подлежащие позиционной замене не в некоторых, а во всех словах, где налицо данная позиция; он не прекращается и тогда, когда уровень нужной (пониженной) информации достигнут. По известной фольклорной формуле: «Он кончает не тогда, когда сыт, а когда — всё». Процесс не может быть остановлен, когда достигается желанный уровень средней информации. Признак такой-то утратит свою различительную силу (перестанет нести информацию) только в том случае, если он будет полностью определен, обусловлен позицией, т. е. будет дан всегда, когда дана позиция — во всех словах языка.

Следовательно, процесс, продолжаясь до своего необходимого завершения, может снизить среднюю информацию произносительных единиц до нежелательного уровня, более чем это желательно и приемлемо в данную эпоху. Тогда

вступают в силу другие языковые процессы — повышающие этот уровень. Но и здесь колебание может оказаться чрезмерным, несоизмеримым с исторически определенной «информационной потребностью».

Схематически это можно представить так:

Наклонная прямая представляет исторически понижающийся средний уровень информации, которую несут фонетические единицы. Около этой прямой колеблется волнистая линия, она изображает реальную информацию, несомую звуками. Участок, отмеченный цифрой «1», показывает уровень, превышающий необходимый; запущен позиционный процесс, снижающий уровень реальной информации (количество битов, в среднем несомых звуком) до желательного уровня. Но позиционное преобразование продолжается, а информация снижается ниже искомого наиболее благоприятного для общения уровня; поэтому включены языковые механизмы, повышающие этот уровень, — часть, отмеченная цифрой «2», и т. д.

Приведем пример такого процесса. Фонетические изменения в русском языке следуют «закону Бодуэна де Куртенэ»: система гласных упрощается, т. е. гласные несут все меньшую информацию, система согласных усложняется, т. е. они несут все большую информацию. Этот закон проверен для древнейших периодов русского языка XII—XVII вв. Но он действует и в XVIII—XX вв. [см. Аванесов 1949. С. 59].

Перечислим некоторые факты, отвечающие закону Бодуэна де Куртенэ. Вначале — те, которые относятся к изменениям гласных, потом — к изменению согласных. Курсивом указаны социальные факторы «одноразового действия», т. е. повлиявшие именно на данное частное изменение.

1. Экающее произношение, при котором различаются безударные ⟨э⟩—⟨и⟩, сменяется произношением йкающим, где ⟨э⟩—⟨и⟩ нейтрализованы, не различаются. Конец XIX — начало XX в.

Влияние московского просторечия.

2. «Высокое оканье», свойственное церковной проповеди, торжественным речам («официальные приветствия»), поэтической речи, сменяется аканьем,

неразличением ⟨а⟩—⟨о⟩ в безударных слогах. Оно начинает господствовать во всех стилях.

Секуляризация литературного языка, его отделение от церковного красноречия; в поэзии — угасание классицизма с его нормами декламации.

3. Во флексиях, в заударных слогах, различие ⟨а⟩—⟨о⟩ после мягких согласных (ср. *медвѣдям* — [ѣм] во флексии; *медвѣдем* — [ѣм] во флексии) уступает место их неразличению. Середина XX в.

Влияние аллегорической речи в особых речевых ситуациях.

4. В предударных и в заударных слогах (но не во флексиях) спорадически возникают случаи межслогового выравнивания гласных: безударные подравниваются к ударному и друг к другу. Середина — вторая треть XX в. Явление представлено на уровне оговорок и не стало закономерностью [Пауфошима 1980].

Это — изменения, касающиеся гласных. Далее — о согласных:

5. До середины — конца XIX в. в обычной литературной речи (не в ораторской) были невозможны сочетания двух тождественных звуков, их удвоение, даже на стыке значимых единиц; совпадало произношение *вышине* — *в вышине*, *подтащит* — *потащит*. В конце XIX — начале XX в. такие долгие, двойные, с затянутой выдержкой согласные становятся обычными.

Под воздействием письма; под влиянием ораторской и вообще публичной речи.

6. На стыках приставки и корня произносилось: *ра[ш':]истить*, *и[ш':]ислять*, *бе[ш':]естный*, и так же: *ра[ш':]ет*, *ра[ш':]у* (от *растить*) — в составе корня, не на стыке морфем. Не было фонемных противопоставлений: ⟨ш⟩—⟨сч⟩, ⟨зч⟩. В 20—30-е годы XX в. укрепилась новая норма: не на стыке произносится [ш':], на стыке — [ш'ч']. Налицо противопоставление отмеченных фонемных единиц.

7. Мягкие согласные [к' — г' — х'] возможны только перед гласными переднего ряда; так было до 20—30-х годов нашего века. Затем появились слова: *киоскёр*, *паникёр*, *бракёр*, *маникюр*, *педикюр*; новообразования, пришедшие из диалектов: *ткѣшь*, *ткѣт*, *ткѣм*, *ткѣте*.

Заемствование лексики из других языков, влияние диалектов.

8. В сочетаниях «зубной + мягкий губной» первый согласный (зубной) был непременно мягким; это была слабая позиция для различения твердых—мягких зубных. Позже — 30—80-е годы XX в. — оказались сосуществующими две модели: в одних словах согласный зубной, как правило, мягкий (*разве*, *извините*), в других — твердый (*развитие*, *известие*). Появилась возможность различения твердых—мягких согласных там, где ранее его не было.

Взаимодействие диалектов.

Некоторые из названных процессов, несомненно, вызваны грамматической аналогией. Но само усиление влияния грамматической аналогии может расцениваться с социологической точки зрения: она действует в условиях понижения

традиционной устойчивости языка и более активна при смене социального состава носителей культурной речи.

9. В некоторых сочетаниях — ⟨стк⟩, ⟨нтк⟩ — непронизносимые согласные «проявились», стали произноситься. Возникли возможности противопоставления: ⟨стк⟩ — ⟨ск⟩, ⟨нтк⟩ — ⟨нк⟩ (*стамеска — невестка, лаборантка — изнанка*). XX в.

Усиление влияния письма, связанное с распространением грамотности.

10. Сочетания «взрывной заднеязычный + смычный определенного типа» были в XVIII—XIX вв. невозможны. Произносили: *кто, х тем* (XVIII—XIX вв.), *х чему* (до начала XX в.), *х кому* (до 30-х годов XX в.). Сейчас сочетания *кт, кч, кк* разрешены нормами языка. Случаи типа *лехче, мяхкий* — факт не фонетики, а лексики. Таким образом, в позициях перед [т — к — ч] оказались противопоставленными [к] и [х].

Видно, что во многих случаях новшества в группах согласных не могут способствовать большим изменениям в речи и не повлияют сколько-нибудь значительно на уровень информации. Это и понятно. Конечно, фонетические изменения не являются «зрячими», они не направлены к сознательной цели, они вообще не телеологичны. Поэтому ряд процессов фактически не дает существенного вклада в изменение информации. Но в общей массе фактов и эти мелкие детали должны быть учтены.

Описанные процессы — хорошая иллюстрация к схеме, приведенной выше. Гласные изменения — это волна, которая в основном приходится на XVIII—XIX вв.; согласные изменения — волна, которая приходится на конец XIX и на XX в. Гласная волна дает уменьшение информации, притом значительное. Особенно оно значительно при победе иканья. Очевидно, реальный уровень информации спустился ниже желательного. Поднимается другая, согласная волна, которая дает увеличение информации, пока еще незначительное, но явно направленное в сторону, противоположную прежней волне.

Характерная деталь. На XX в. падает одна значительная «гласная» перемена: раньше после твердых шипящих передненёбных в первом предударном слоге были возможны три гласных: [э^{bl} — ы — у]: *шары* и *шесты, широк, шутить*. По новой норме их четыре: [а — э^{bl} — ы — у]: *шары* (с [а]), *шесты* (с [э^{bl}] или [ы³]), *широк, шутить*. Значит, это «гласное» изменение, попав в волну увеличения информации, изменило закону Бодуэна де Куртенэ и включилось в общую работу по увеличению различителей в известных позициях.

Отношение к росту или уменьшению информации в каждой волне единонаправленно и целостно. Напротив, частные социальные причины пестры и разномастны. Видно, что они выступают как вспомогательные средства, актуализированные более глубокой, «информационной» причиной.

Вначале фонетическое изменение наступает в определенной позиции. Потом оно может распространиться на другие позиции. В некоторых случаях оно

охватывает все возможные позиции, и тогда звук изменяется в языке в целом. Перестал существовать старый звук, на его месте появился новый.

Таким образом, фонетическое изменение имеет позиционный характер. Позиционные же изменения хочется рассматривать как обусловленные артикуляторно. Например, в соседстве оказались твердый и мягкий согласный. Мягкий передает свою мягкость соседу. Это ассимиляция. Или рядом находятся два взрывных. Второй у первого отбирает взрывность, превращает его в щелевой; называется — диссимиляция. Сильный, ударный гласный ослабляет предшествующий безударный — редукция. Везде как будто требования предъявляет артикуляция, отвечает на него другая артикуляция — в силу своего родства, подобия с влияющей артикуляцией. Обязательна ли эта закономерность? Не может ли быть так: вызывающее качество — взрывной характер артикуляции, а вызванное — мягкость соседнего звука? Вызывающее качество — зубная артикуляция, а вызванное — аффрикативность соседа? Иначе говоря: одна артикуляция вызывает вовсе не подобную ей другую, соседнюю или не соседнюю, артикуляцию.

Если бы такие случаи были, то надо признать, что в основе всех позиционных взаимодействий лежит вовсе не артикуляционная потребность, не физиология «заводит» этот механизм.

Такие случаи есть. Например, в современном русском языке любой негубной согласный обуславливает твердость предшествующего губного. Признак обуславливающий: место артикуляции. Признак обусловленный: твердость, т. е. отсутствие палатализации. Место артикуляции и палатализация — в принципе различные артикуляционные особенности. А здесь они находятся во взаимодействии. Сами термины «негубной» и «твердость» здесь используются, чтобы назвать класс звуков, но не затем, чтобы объяснить механизм взаимодействия.

Но, пожалуй, эту закономерность можно переформулировать по-другому: в сочетании согласных только перед мягким губным может быть мягкий губной. Эта формулировка обнаруживает, что все-таки данная закономерность может трактоваться как основанная на артикуляционном выравнивании. Вместе с тем возможность переформулировок показывает, что обычные ссылки на физиологические основы звуковых замен не обладают полной непреложностью и логической обязательностью.

Приведем другой пример, который заставит нас признать, что не в физиологических уподоблениях (или расподоблениях) суть позиционных закономерностей. В современном русском языке запрещено сочетание мягких зубных с дрожащими, т. е. сонорными переднеязычными согласными. Соседство [т' — д' — с' — з' — н'] с [р — р'] в пределах одного современного русского слова невозможно. Здесь никак нельзя видеть «естественные» физиологические

мотивировки фонетической закономерности. Эти сочетания не по зову артикуляционного подобия изгнаны: во-первых, звуки, обуславливающие немягкость, сами могут быть и твердыми, и мягкими: [р — р’]: *тройка, три; друг, ноздри; сразу, срез; зрак, зря...* Во-вторых, позиционная закономерность требует здесь условия: дрожащий согласный, но это качество не имеет никакого сходства ни с одним признаком обусловленных звуков — среди них как раз нет дрожащих.

Известно, что следует различать два случая: сочетание единиц не представлено лексически и сочетание единиц невозможно по законам данного языка. Что в данном случае: сочетание «мягкий зубной + дрожащий» не представлено лексически, просто не нашлось слов с таким сочетанием или оно запрещено фонетическими законами современного русского языка? Верно второе: отсутствует целый класс звуков — все мягкие зубные¹, а это и означает, что дана закономерность, не случайное стечение фактов.

Как могла установиться такая закономерность? В древнерусском языке был материал для позднее запрещенных сочетаний: ТЪРУ, ДЪРАГИ, ПРОЗЪРЪТИ и т. д. Они могли бы дать сочетание мягких зубных с дрожащими после падения редуцированных гласных. Но таких случаев было немного. Наоборот, сочетания твердых зубных перед дрожащими были многочисленны. Поэтому малочисленная группа уподобилась более представительной — в условиях, когда было необходимо понизить общий уровень информации звуков языка.

Никто не игнорирует, конечно, акустико-артикуляционную природу фонетических единиц: ведь речь идет лишь о строго определенной их группе, о зубных согласных. Все дело в том, что акустико-артикуляционные качества влияющих звуков не связаны «напрямую» — ни по принципу подобия, ни по принципу противоположности — с качествами звуков, вызванными позиционным воздействием.

Таких случаев немало. Известный «закон руки» — хороший пример такой же «неартикуляционной» закономерности: после звуков *i, u, r, k* согласный *s* изменялся в *ch*, если дальше не следовал глухой взрывной *t, p, k*. Переход *s* в *ch* артикуляционно вполне естествен и понятен: звуки эти похожи, и во многих языках отмечен такой переход (обычно через ступень *ʃ*). Можно понять, почему глухие взрывные согласные выступают как стабилизаторы артикуляции, «укрепители» *s*. Но невозможно на артикуляционной базе объяснить, почему объединились в своем воздействии на *s* такие разные звуки, как *i, u, r, k*. Как бы мы ни искали, между ними нельзя найти артикуляционного или акустического сходства. Не шел ли процесс в два, близких по времени этапа, настолько близких, что их хронологическое отстояние сейчас невозможно установить? Первый этап — воздействие *i, u, r*. Их все можно рассматривать как гласные,

¹ Кроме [л’]; ср. *кольраби*, но сонорные боковые во всех позициях ведут себя иначе, чем остальные зубные; в русском языке они составляют особый класс звуков. Обратим внимание хотя бы на то, что ⟨л—л’⟩ ни в одной позиции не нейтрализуются.

у которых очень значительно участие тона, а среди гласных они выделяются наименьшим расходом воздуха, максимальной (для гласного) закрытостью. Отдельно происходил процесс изменения *s* под влиянием *k*. Мы разбили одну артикуляционную группу на две, добившись большего артикуляционного сходства внутри подгрупп. Но остается по-прежнему неясно, почему *k* действовал так же, как другие три звука, ничуть на него не похожие.

Затем: почему эти звуки требовали изменения *s* в *ch*. Видимой связи между *i-ch*, *r-ch*, *k-ch*, *u-ch* нет. Ни по сходству, ни по явной противоположности. Почему им оказалось лучше быть в соседстве с *ch*, чем с *s*? Чисто артикуляционное объяснение здесь, пожалуй, невозможно.

Без предположения о снижении необходимого уровня информации такие случаи трудно объяснить.

Итак:

1. Язык — важнейшее средство человеческого общения, это его важнейшая функция. Она требует различения в речи значимых единиц.

Этой функцией языка обусловлена и его фонетическая эволюция: меняется уровень удобного различения слов, и от этой основной причины, прямо связанной с функцией языка как средства общения, зависят все остальные, частные причины. Они могут быть деятельными участниками фонетической эволюции, но не они ее застрельщики: основная причина дает им санкцию для активного действия.

2. И частные социальные причины, определяющие единичные звуковые изменения, и артикуляционные сходства-различия тогда оказываются правомочны, когда они действуют в пользу основной причины. Они играют роль пускового механизма, но не от них исходит энергия, обеспечивающая движение.

3. Сейчас определить, каков уровень информации, в среднем необходимой для звуковой единицы в данную эпоху, вероятно, невозможно; нужна фонетическая интерпретация и анализ очень большого количества текстов. Но в принципе это достижимо.

Следует вычислить, какова величина средней информации, которую имеют фонетические единицы, отдельно для трех смежных эпох. Это даст характеристику трех волн — 1, 2 и 3. Между 1 и 2, между 2 и 3 лежат точки прямой, показывающей желательный уровень информации. Если точки этой прямой составят снижающуюся линию — для разных сопоставляемых эпох, в развитии разных языков, — то наша гипотеза подтвердится.

Действительно ли есть такая внутренняя пружина, которая, раскручиваясь, формирует в разных социальных условиях единую цепь фонетических процессов? Будущее покажет.

Литература

Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. М., 1949. Ч. 1.

Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960.

Пауфошима Р. Ф. Активные процессы в современном русском литературном языке: Ассимилятивное изменение безударных гласных // Изв. СЛЯ. 1980. Т. 39. № 1.

Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960.

Русские гласные, просеянные сквозь испанское фонетическое сито*

Лабиализованность в безударных слогах, увы, вымирает. Речь, конечно, идет о русском языке. После мягких согласных даже у безударного гласного [y], единственного лабиализованного в безударном положении, огубление постепенно утрачивается. Для заударных слогов это уже не раз отмечалось; но и предударные [y] постепенно делабиализуются. Таково слуховое впечатление — может быть, субъективное. Как его объективировать, как доказать его соответствие фактам? Есть ли какая-нибудь объективная шкала лабиализации, примерив к которой наш предударный гласный [y], можно было бы сказать, что он значительно менее лабиализован, чем ударный? (На небольшую разницу согласны все.)

Можно сделать так. В испанском языке [y] более лабиализован, чем в русском¹. По испанской шкале русский ударный гласный [y] явно лабиализован (носители испанского языка этот гласный оценивают именно как [y]). Как они оценят безударные, в том числе предударные, гласные [y] в русских словах (после мягкого согласного)? Было записано на магнитную ленту произношение предложений: 1) *Он приехал в захолустную деревушку Пьюрга; Ты разве не знаешь? Это Мишка Пюргинский; Что это за село? Кажется, Пюргинское;* 2) *Он был русский, но фамилия его была Мюрга; Позовите Василия Мюргинского; Поезд подошел к станции Мюргинская.*

Фразы произносили преподаватели Университета дружбы народов им. П. Лумумбы, носители русского литературного языка, коренные жители Москвы: 4 женских голоса и 1 мужской. Фразы прослушивались студентами университета, носителями испанского языка, чилийцами и мексиканцами.

Итоги сначала подводились отдельно для чилийцев и для мексиканцев; когда оказалось, что они качественно тождественны, они были объединены. Фраза каждого из пяти дикторов (лента прокручивалась на магнитофоне) повторялась 5—6 раз, так что студенты могли прослушать слово 25—30 раз. Фразы

* Развитие фонетики современного русского языка: Фонологические подсистемы: Сб. ст. М.: Наука, 1971. С. 264—267. Статья написана в соавторстве с О. И. Чечиным.

¹ См.: Саломатина Л. К. Сравнительный анализ ударных гласных испанского и русского языков // Уч. зап. I МГПИИ. 1960. Т. XX. С. 147.

с необходимым пропуском экспериментальных слов были заранее написаны на доске.

Опыт дал следующие результаты. Слово *Пюрга* записывалось так: Piurga, Piorga, Fiurga. Все они расцениваются как записи, передающие мягкость согласного и лабиализацию гласного.

Слово *Пюргинский* записано так: Piurginski, Piorginski [п'у], Pirginski, Pierginski [п'и], Purginski [пу], Perginski, Parginski [пи] (в скобках отмечено, как оценивалась фонетическая сущность этих записей). Так же оценивались написания других слов. Оценки основаны на учете фонетического слуха носителей испанского языка. Выбраны были предшествующие губные согласные, чья мягкость легче воспринимается иноязычным ухом, чем мягкость, например, зубных или переднеязычных). Согласные в сочетании с гласным *e* имеют в испанском языке очень незначительную степень палатализации; поэтому написания *Pe...* рассматривались как отражение невосприятия в данном случае мягкости согласного. Напротив, написания *Pi...* оценивались как отражающие мягкость губного, так как в испанском языке, как и во многих других, мягкость согласных перед *i* значительно больше, чем перед *e*².

Всего было проведено три эксперимента — с 5, 3 и 4 информантами; данные этих опытов см. в табл. 1–3.

Таблица 1

	n'y			n'u		ny		ni		
<i>Пю́рга</i>	5	3	4							
<i>Пюргинский</i>	3	2	2	1	1	1		1		1
<i>Пюргинское</i>	2	1		1	2	1	1	2	1 ³	

Таблица 2

	m'y			m'u		my		mi		
<i>Мю́рга</i>	5	3	4							
<i>Мюргинский</i>	1	3	2	1		2			2 ⁴	
<i>Мюргинское</i>	2	3	2	1		2			2	

Таблица 3 (итоговая)

	n'y, m'y	n'u, m'u	ny, my	ni, mi
<i>Пю́рга</i>	12			
<i>Пюргинский</i>	7	2	1	2

² Буквосочетания *Pe*, *Pa* рассматриваются как отражение звуковосприятия [пи], т. е. мягкость [п'] не была воспринята аудиторами, а далее был услышан гласный нелабиализованный (ошибка в оценке его подъема нас не интересует).

³ У одного из участников третьего опыта последнее слово записано с пропуском гласного.

⁴ У одного из участников первого опыта второе слово не записано.

Таблица 3 (итоговая) *Продолжение*

	<i>n'у, м'у</i>	<i>n'и, м'и</i>	<i>пу, му</i>	<i>пи, ми</i>
<i>Пюргинскóе</i>	3	3	2	3
<i>Мюрга</i>	12			
<i>Мюргинский</i>	6	3		2
<i>Мюргинскóе</i>	7	3		2

В другой серии опытов давались такие фразы: *Мне кажется, его звали Фюрга; Неправда, его звали Фюргинц; Не Фюргинц, а Фюргинскóй; Я думаю, никто из вас не прав; Его звали Йфюргин*. Результаты опыта:

Таблица 4

	<i>ф'у</i>			<i>ф'и</i>			<i>фу</i>			<i>фи</i>		
	4	5	4									
<i>Фюрга</i>												
<i>Фюргинц</i>					2	2				4	3	2
<i>Фюргинскóй</i>					2	1				4	3	3
<i>Йфюргин</i>				1	1					3	4	4

Обобщая:

Таблица 5

	<i>ф'у</i>	<i>ф'и</i>	<i>фу</i>	<i>фи</i>
<i>Фюрга</i>	13			
<i>Фюргинц</i>		4		9
<i>Фюргинскóй</i>		3		10
<i>Йфюргин</i>		2		11

Выводы:

1. При записи ударных гласных все информанты отмечают и лабиализованность [у], и мягкость согласного перед ним.

2. В безударных слогах лабиализованность отмечается гораздо реже (для слогов с предшествующим [ф'] вообще не отмечается). Очевидно, по испанской фонетической шкале этот гласный не должен оцениваться как лабиализованный, его огубленность находится ниже необходимого порога (а по русской мерке он, конечно, лабиализован).

3. Мягкость согласного в безударных слогах отмечается реже, чем в ударном. Очевидно, справедливо мнение (впервые высказанное, кажется, В. Шерцлем) о меньшей смягченности согласных в безударных слогах (сравнительно с мягкостью в ударных).

Итак, испанское фонетическое сито (оценка границы между лабиализованными—нелабиализованными гласными верхнего подъема) разделило два гласных: [у] ударный и [у] безударный (в двух разновидностях: пред- и послеударной). Лабиализация безударных оказалась меньше: ниже порога, отделяющего для испанцев огубленные звуки от неогубленных.

О балансе внутренних и внешних зависимостей в развитии языка*

«Общее направление развития одного и того же языка к единству, проявляющемуся в достижении все большей и большей сбалансированности внутренних вариаций языка внешней вариативностью его функциональной системы, можно считать основной закономерностью языка как некоего идеального объекта исследования», — писал Г. В. Степанов в своей книге «К проблеме языкового варьирования»¹. Да, вопрос о «балансе между потенциальными возможностями внутривидовых и внешневидовых вариаций»² является одним из самых существенных в языкознании.

Попытаемся рассмотреть его на истории русского литературного произношения XVIII—XX вв. Перечислим те внешние, социальные факторы, которые способствовали рождению произносительных вариаций; потом опишем внутривидовые вариации, возникшие в процессе фонетического самоизменения языка; попытаемся понять их связь, их баланс.

Итак, социальные факторы, влиявшие на русское литературное произношение.

1. Постоянный приток в города жителей деревни создал энергетическое взаимодействие диалектов и литературной речи. Менялось направление, менялась сила этих потоков — менялось и воздействие их на литературную речь. Справедливо считается, что некоторые различия в московской и ленинградской орфоэпической норме вызваны разным диалектным окружением.

2. Р. Кошутич пришел к выводу, что некоторые особенности литературной речи возникли под влиянием «челяди» — прислуги, демократических низов Москвы. И даже так: ребенок в дворянской семье, общаясь постоянно со слугами, усваивал черты их произношения, например нейтрализацию ⟨и—э⟩ в безударных слогах. Взрослея и меняя свою речевую среду, он от этих плебейских черт произношения освобождался (йканье изживалось). Постепенно эти черты детской речи становились все более «взрослыми», удерживались в зрелом возрасте — йканье в конце концов победило.

* Res philologica. Филологические исследования: Памяти академика Георгия Владимировича Степанова. М., 1990. С. 200—207.

¹ Степанов Г. В. К проблеме языкового варьирования. М., 1979. С. 5.

² Там же. С. 4.

Так литературное произношение постоянно испытывало давление городского просторечия.

3. «Что ни город, то норов», говорит пословица. Города — более или менее обособленные людские вместилища. Складываются веками и оказываются то более, то менее устойчивыми их произносительные различия.

Известно орфоэпическое «соперничество» Москвы и Ленинграда (Петербурга). Существует южнорусский вариант литературного произношения. Все эти локалы влияют друг на друга, создавая новые сочетания норм.

4. Взаимовлияют друг на друга языки народов России, языки народов Советского Союза. В XVIII веке было существенным влияние украинского языка на речь петербуржцев и москвичей, носителей литературного языка: украинское духовенство играло значительную роль в становлении речевой культуры в эпоху Петра I и его преемников. Украинский язык поддержал некоторые произносительно-вариативные нормы нового литературного русского языка. Например, он явно протекционировал фрикативному произношению *з*. В нашу эпоху русский язык выступает как средство межнационального общения. В национальных республиках СССР возникли стабильные центры русской речи. Как показывают наблюдения, значительная часть национальной интеллигенции безукоризненно владеет русской речью, русским произношением. Причем эта речь особенно строго выверена по авторитетным образцам: по орфоэпическим словарям и руководствам, по речи лучших артистов, известных радиодикторов и т. д. Эти национальные орфоэпические центры гораздо более «правоверны» в произносительном отношении (например, более последовательно выдерживают классические «ушаковские» нормы), чем многие русскоязычные области. Таким образом, они — важный фактор, стабилизирующий русское произношение нашего времени.

5. Близкое знакомство с европейскими языками было обычно для русской интеллигенции XVIII—XIX — начала XX в. Отсюда — частые инкрустации, вставки в русскую речь иноземных слов и словосочетаний, их частичное обрусение, их заимствование — все же с чертами иноземной фонетики — в русский язык. Многие бытовые слова прошли этот путь. Некоторые произносительные черты, свойственные заимствованиям, оказались неустойчивыми (произношение безударного [o]; пример: *модель*), а другие выжили и укоренились (произношение твердых зубных согласных перед [э]; пример: *модель*).

6. Устойчивость семьи и семейных традиций — это шанс для выживаемости культурных орфоэпических норм. Когда в наше время встречаешь человека, говорящего строго орфоэпически, то почти всегда он — из семьи, принадлежащей к интеллигенции в нескольких (в двух и более) поколениях.

7. Школа тиражирует речь учителя. Хорошо учат преподавателей, значит орфоэпия торжествует. Диалектная речь учителя — это бедствие. Закрытые и полузакрытые учебные заведения часто создают свои жаргоны, свои типы

говорения. Воспитанников Петербургского юридического училища (привилегированное высшее учебное заведение) узнавали по произношению. Известны особенности произношения семинаристов, воспитанников духовной академии. Эти обособленные манеры произношения вызывали чаще всего отталкивание в широкой культурной среде и тем влияли на оценку фонетической стороны языка и, следовательно, на самую речь.

8. Театр... театралов не так много: отдельные чудаки. Но Малый театр называли вторым университетом в Москве; он приобщал к русской культуре, к великолепной русской речи. И всякий профессиональный театр помогает росту речевой культуры, влияет на произносительные привычки... Не только профессиональный. Самодеятельные артисты, в одном из районов на Псковщине, играют «Горе от ума». И хотя в быту они обычно цокают, на сцене всегда говорят: Чацкий, и вообще избегают смешения [ч] и [ц]. Так или иначе это скажется и на их обычном бытовом речевом поведении.

9. Радио и телевидение — главные собеседники нашего современника. От радиоприемника, от телевизора он ежедневно слышит больше слов, чем от любого другого участника своих разговоров. Поэтому союзное вещание могло бы влиять на нормы произношения, если бы... не представляло собой полного хаоса. В 40–50-х гг. главным консультантом радио в вопросах орфоэпии был С. И. Ожегов, и речь радиодикторов была более окультурена. Публичная речь — не то, что болтовня на кухне; нужны, конечно, не котурны, но особая дистанция, отстояние от бытовой речи, нужна особая культура говорения. С. И. Ожегов последовательно проводил линию на сближение московских и ленинградских орфоэпических норм, но преимущество отдавал все же московской (хотя сам он — по воспитанию, по своим пристрастиям — ленинградец). Пример, достойный памяти и подражания. В современном сближении этих двух норм, думается, есть заслуга С. И. Ожегова.

10. В зависимости от социальной обстановки на произношение то больше, то меньше влияет письмо. Оно влияет сильнее, когда литературно говорящая среда получает много новобранцев. Так, время 20-х гг. дало несколько новшеств «буквенного» происхождения: *коришневое* стало *коричневым*, *сердешный друг* — *сердечным другом*.

11. Все время действуют соответствующие академии, институты, информационные базы, методические отделы, опорные пункты, которые непрестанно дают консультации по русскому языку. Видимо, с определенной пользой для русского произношения. Несомненно плодотворно действие орфоэпических словарей.

12. Изменчив уровень культуры населения. Обязательный круг чтения, широта или узость интересов, обязательность или факультативность определенных знаний — все это меняется в каждую эпоху или «промежуток». Постоянно

меняется круг слов, введенных в общественный кругооборот и требующих новых навыков их произношения. Когда в школьные программы входила трагедия Шекспира «Гамлет» (а такое время было), то *Горацио* (с безударным [o]) — стало словом, которое произносили, вероятно, в каждой семье. В других условиях это, может быть, оказало бы сильную помощь оканью. Но в XX в. дело оканья в литературном языке было уже проиграно, и даже *Горацио* ему не помог.

13. Меняется общественный авторитет определенных социальных групп, и вместе с тем меняется сила их орфоэпического влияния на язык. Когда в 1920—50-х гг. хотели принизить значение классических произносительных норм, то непрестанно повторяли, что они — порождение дворянско-буржуазной среды. К счастью, этому поверили немногие.

Вот некоторые социальные генераторы, порождающие, поддерживающие, тормозящие, изменяющие произносительные нормы. Надо признать, что их обзор сделан сумбурно и логически непоследовательно; такое изложение должным образом отражает сам хаотический процесс социального действия на язык. Ведь каждая из упомянутых социальных сил действует в разные эпохи по-разному, то в одну, то в другую сторону. Броуново движение. Мы могли бы предположить, что и смена орфоэпических норм имеет такой же непредсказуемо-капризный и бессмысленно-суетливый характер.

На самом деле этого нет. Фонетические перемены в русском литературном языке имеют направленный характер. Выделим три внутренне закономерных движения в истории русского произношения, разных, но не противоречащих друг другу.

I. На уровне звуковых единиц. Они подчиняются закону Бодуэна де Куртенэ: во всех позициях число гласных уменьшается, число согласных увеличивается.

а. В первой половине XVIII в. в некоторых позициях различались фонемы [э] и [ӣ]. Первая в письме обозначалась буквой Е, вторая — буквой ѣ. К концу XVIII в. это различие исчезает, обе фонемы сливаются в одну: ⟨е⟩.

б. В XVIII в. оканье было узаконено для высокого стиля. Торжественные оды читали окая, т. е. различая в безударных слогах ⟨а⟩ и ⟨о⟩. В начале XIX в. это отошло: две указанные фонемы в позиции без ударения стали реализовываться одинаково. Следовательно, количество гласных различителей в безударных слогах уменьшилось.

в. Эканье в конце XIX — начале XX в. сменилось йканьем. Эканье — различение в безударных слогах после мягких согласных ⟨и⟩, с одной стороны, и ⟨э, о, а⟩ — с другой. Иканье — неразличение в данной позиции всех четырех гласных фонем.

г. В безударных окончаниях имен и глаголов, после мягких согласных, когда-то различалось больше гласных, чем теперь. Перелом произошел, как показывают исследования С. М. Кузьминой, в первой трети XX в.

д. В XIX в. достаточно устойчиво сохранилось [o] безударное в заимствованных словах (*поэт, торшер*). Позже и на эти слова распространилось аканье.

е. В XIX—XX вв. все чаще встречаются как речевые варианты случаи редукции безударных гласных до нуля (*напортники, всё-тки, выслушивается*).

ж. Встречается в качестве оговорок, но у каждого нового поколения все чаще, уподобление соседних безударных гласных; видимо, эта речевая черта бесперспективна, т. е. не может стать языковой нормой, но как показатель общей тенденции — сокращать информационную нагрузку гласных — и она имеет вес. Массовый характер таких оговорок показала в своих исследованиях Р. Ф. Пауфошима.

з. «Разговорный язык» (исследованный в работах группы Е. А. Земской), который стал особенно актуален в наше время в виде средств повседневного общения, особенно безжалостно поступает с индивидуальными различиями гласных.

и. Еще недавно, в первой трети нашего века, после согласных [ш, ж] различались три безударные гласные: [у, ы, ы^б], теперь к ним прибавилась четвертая: [а]. Раньше произносилось [жы^бра], теперь — [жара]. Это единственный случай среди изменений гласных в XVIII—XX вв., противоречащий закону Бодуэна де Куртенэ.

Следовательно, число гласных постепенно уменьшается. Наоборот, число согласных различителей постепенно возрастает³.

Оказывается, фонетические изменения определенных языковых систем в определенное время (в течение трех веков) являются единонаправленными. В нашем случае они все объединяются законом Бодуэна де Куртенэ. Используя материал, который рождается в социальных пертурбациях, язык последовательно развертывает свои внутренние закономерности. Эти закономерности, очевидно, обладают селективной способностью: отбирают из наличных вариантов именно такие, какие идут им на пользу. Внутренние и внешние стимулы развития языка разделили работу между собой: внешние предлагают большой выбор реализаций, внутренние протекционируют тем, которые позволяют сделать шаг в избирательном направлении.

II. На уровне звуковых единиц. Здесь тоже заметно движение в одну сторону: усиливается значение немаркированных единиц. Немаркированная единица — та, которая имеет нулевой признак.

Согласные [т—д], [с—з], [ш—ж] образуют пары; эти пары несимметричны: [д, з, ж] обладают признаком звонкости; [т, с, ш] — нулевым признаком. Не глухостью, а «неучастием в звонкости». Доказательство: согласные [т, с, ш] (и другие глухие) выступают в конце слова, в позиции неразличения глухости /

³ Подробнее см. об этом в кн.: Русский язык и советское общество. М., 1967.

звонкости; поэтому у согласных этого типа глухость — знак нулизации признака. Следовательно, [д, з, ж] и [т, с, ш] различаются как единицы, обладающие признаком звонкости, и единицы, не обладающие им.

Подойдем с этой меркой к твердым и мягким согласным⁴.

Твердые и мягкие согласные в позициях нейтрализации представлены то твердыми согласными (например, губные согласные перед негубными), то мягкими (например, зубные перед мягкими зубными). Следовательно, в системе языка ни те, ни другие не являются немаркированными по твердости—мягкости. Ни те, ни другие не специализированы для реализации беспризнаковости — беспризнаковость у них обусловлена только позицией, а не их языковым статусом.

Так было еще в первой трети XX в. Далее произошли изменения. Ряд позиций, в которых ранее осуществлялась нейтрализация твердых / мягких и которые, следовательно, были существенны для определения маркированности или немаркированности признака, стали сильными. (Об этом сказано в ряде фонетических исследований.) Они потеряли голос при решении вопроса о немаркированности. И это именно те позиции, где нейтрализованные согласные были мягкими.

Но произошли и странные изменения. В сочетании «губной согласный + мягкий заднеязычный» первый звук был непременно мягким. Произошло изменение: губной в таких сочетаниях стал твердым: на *Покровке*, у *немки*, к *семге*, на *прилавке*, при *переподготовке*, *нивхи*... И эта новая норма в кратчайший срок — 20—30 гг. нашего века — стала устойчивой и безвариантной. В чем смысл изменения? Позиция как была, так и осталась неразличительной, ради чего же сменилась норма?

Смысл в том, что теперь во всех позициях нейтрализации по твердости / мягкости нейтрализованная единица представлена твердым согласным. Твердость становится знаком немаркированности по данному противопоставлению.

Пока еще осталось одно препятствие: перед мягкими зубными из зубных могут быть только мягкие. Но и здесь есть новшества: распространяется твердое произношение зубных перед зубными в некоторых словах (*вонзить*, *транзистор*, *народ манси*...). Если такое произношение упрочится, то окажется, что в одних словах перед мягкими зубными произносится мягкий зубной (*пенсия*, *в жизни*), а в других словах — твердый (*вонзить*, *транзистор*). Позиция станет сильной и «уйдет в сторону». В слабых позициях останутся только твердые согласные, они окажутся немаркированными. Развитие идет в эту сторону.

Есть и другие процессы такого же типа.

⁴ Н. С. Трубецкой считал, что те случаи, когда данный признак непосредственно обусловлен ассимиляцией, не являются существенными для определения немаркированности. Это мнение, на наш взгляд, не является бесспорным, однако здесь нет возможности подробно разбирать этот вопрос.

III. На уровне целых высказываний, «устных текстов». В течение всех трех веков, XVIII—XX, идет волнообразная смена установки на экспрессию и установки на норму. Если господствует экспрессивная фонетика, то в речи много вставок из иносистем — для выразительности, эмоциональной свежести, для «остранения» речи. В высказывания вносятся и диалектно-произнесенное слово, и фонетически-причудливый неологизм, и недоосвоенный барбаризм (притягательна сама внезапность зарубежных звукосочетаний), и образно-наглядные звукоподражания, и особые индивидуальные наименования с ласкательной («себятулинка любатосия» А. Белого) или, наоборот, бранной фонетикой, и торжественно возглашаемое Слово. Норма существует, но ценятся отступления от нее.

В иную, в следующую эпоху — противоположные устремления: ценится норма, ее категоричность, ее конструктивная ясность и определенность.

В экспрессивный период особенно активно воздействие на речь социальных факторов; кажется, что они стали хозяевами положения в языке, в произношении. Но отбор «на пользу» фонетической системе осуществляется и в этот период. В следующий, нормативный период идет жестокое усмирение тех социо-воздействий, которые могут помешать кодификации языка.

Итак, эпоха экспрессии сменяется нормативной; значит ли это, что сметаются все вольности предыдущей? Нет, они канонизируются в разных типах речи, каждый из которых получает свою кодификацию. Каждая эпоха нормативности — это новое разделение на узаконенно сосуществующие типы речи.

Эпоха Петра I — разгул экспрессивной речи; экспрессивна, разумеется, и фонетика. Резкие перебивы церковнославянского и просторечно-русского, высокого и гаерского, интимного и площадного (например, в письмах Петра I)⁵.

Следующий период — ломоносовский: высокий подъем нормативности. Теория трех стилей утихомирила речевое буйство и развела по разным текстам, по разным типам речи то, что перед этим соседствовало в одном тексте (в одном устном высказывании).

Сентиментализм, предромантизм, романтизм — снова, на иной ступени, господство экспрессивной фонетики. (Мы упоминаем литературные течения, но имеем в виду всю культурную речь эпохи; название условное.) Письма этого периода донесли до нас дух бытовой речи, где нет ни чопорности, ни однотонности, ни пристрастия к норме.

Следующая эпоха (творчество А. С. Пушкина 30-х годов, Лермонтов, Тютчев, журнальная проза 30—50-х годов, «Словарь церковнославянского и русского языков» 1847 г.) укрепляет норму; появляются новые функциональные

⁵ Рассматривая письменные источники, мы видим в них свидетельства об устной речи.

размежевания, новые нормативные полюсы в произношении. Фонетика поэтической речи, и ранее имевшая свои особенности, стала ясно противопоставляться художественной и нехудожественной прозе, фонетически слившейся с бытовой речью.

Эпоха демократических реформ снова дает взрыв экспрессии. В устную речь вносятся произносительные элементы разной социальной ориентации. Открытое судоговорение, споры на сходках, публичные чтения, общедоступные лекции, многообразные диспуты — все это пестрые речевые образования, в том числе и фонетические.

Но в этой эпохе зреет и ее исход: торжество нормативности в 80—90-е годы, причем нормативности часто застойно-бесплодной. Но движение предыдущей эпохи все же не просто смиряется, а отливается в нормы ораторски-публичной речи, отличной от бытовой. Произносительные нормы общественного выступления канонизируются, противопоставляясь бытовым. Театральная речь образует между ними связующее звено.

Следующая эпоха, до конца (или до середины?) 30-х годов XX в. — экспрессивность. Регламент, норма, закон — с 30-х годов до настоящего времени (новая эпоха запаздывает). Речь очень часто является мероприятием. Канцелярское произношение по бумажке вторгается в быт (уже, конечно, без бумажки). Так, в выступлениях общественных деятелей появляется буквенное (не диалектное) оканье. В противовес канцелярски-конторскому говорению в это же время распространилась, упрочилась, привлекла внимание лингвистов разговорная речь, стали проявляться ее нормы (работы Е. А. Земской и ее сотрудников).

Всеобщая карусель, хоровод, ярмарка разнонаправленных фонетизмов, их сплетение, их борьба и братство — в экспрессивный период. Разъединение элементов речи — в следующую, нормативную эпоху, отчисление их в разные четко отделенные речевые подразделения и выработка в каждом из них своих особых норм.

Итак, три типа исторических изменений в русском литературном произношении последних трех веков. Куда же устремлены эти изменения? Чем направляется это движение? Какова причина, какова цель этой динамики? Современная лингвистика не готова судить об этом. Научно-популярная идея всеобщего прогресса («язык становится все лучше и лучше») вызывает сомнения. «В оптимистических концепциях эволюция языка связывалась с общим великим законом усложнения материи и идеальной сферы деятельности человека и определялась как прогресс: более развитому мышлению и сознанию необходимо должен соответствовать более содержательный и лучше устроенный механизм языка... Подобно биологу, спрашивающему, „по какому праву млекопитающее — будь то даже человек — более прогрессивно и более совершенно, чем пчела или роза?“, лингвист может усомниться в своем праве поставить литературный национальный язык выше бытового диалекта или жаргона.

Многие биологи отвечают отрицательно на вопрос о том, прогрессирует ли жизнь в своих превращениях, и утверждают, что, начиная с некоторой степени дифференциации материи, нельзя научно установить никакого первенства среди таких выдумок природы, как млекопитающее, насекомое, цветок или кристалл»⁶. Эти слова академика Г. В. Степанова имеют принципиальное значение: они содержат совет требовательно употреблять понятие «прогресс» в лингвистических исследованиях; они призывают искать подлинные причины и стимулы языкового развития.

⁶ *Степанов Г. В.* К проблеме языкового варьирования. С. 4.

О русской орфоэпии*

Почему необходимо единство произносительных норм в литературном языке? Разговаривают акальщик с акальщиком¹. Они не замечают своего произношения, они могут быть целиком увлечены разговором, его содержанием — и только им. Так же хорошо себя чувствует и окальщик, говоря с окальщиком. Но стоит встретиться и перекинуться словом акальщику и окальщику, и они поневоле обратят внимание на разницу в произношении. Они почувствуют свою речевую рознь, и к этому будет приковано их внимание. Внимание удвоится между содержанием речи и ее произносительной стороной — восприятие содержания от этого не выиграет. Более того, акальщик, говоря с окальщиком, вспомнит, как ему хорошо было с акальщиком, и сделает вывод (большой частью подсознательный и поэтому особенно устойчивый): акать — хорошо, акать красиво. А окальщик на том же основании приходит к выводу о достоинствах оканья.

Значит, в разговоре, в речевом акте, выявляется необходимость единой языковой нормы, но внутри речевого акта нет никаких оснований избрать одну из нескольких норм-соперниц. Напротив, сам речевой акт порождает иллюзии: каждый считает чужую норму ухудшающей общение и поэтому плохой; каждый тянет в свою сторону. Основания для выбора нормы лежат вне речевого акта.

Они, в первую очередь, определяются законами развития языка. В современном русском литературном языке действует закон И. А. Бодуэна де Куртене: система гласных в ходе исторического развития языка упрощается, система согласных — усложняется. Усложняется, т. е. число согласных — различителей в некоторых позициях увеличивается. Приведем пример. В начале нашего века действовал закон: перед мягкими губными зубные всегда произносятся мягко (это не касается бокового звука [л]). Говорили: *з^бверь, з^бвезды, раз^бве, раз^бвит, из^бвесть* и т. д.; перед мягким [в^б] произносили мягкий же [з^б]. Из двух зубных согласных — [з^б] и [з] — в этой позиции, перед мягкими губными, был возможен только [з^б]. Сейчас норма меняется. Она еще «в пути», итоги развития не определились, но направление ясно: одни слова произносятся с [з^б] перед

* Русский язык в национальной школе. 1971. № 3. С. 8—16.

¹ Аканье — норма литературного языка, оно представлено и во многих говорах. Оканье — достояние других народных говоров.

[в^б], например *раз^бве*, другие — с твердым [з] перед мягким [в^б]: *развит* (позиция одна и та же — перед [в^б] внутри морфемы; для современного русского языка — бесприставочное слово).

Еще пример. Сейчас говорят: *во тьме, снег летья летит* (с мягкими зубными [т^б] перед мягкими губными [м^б]), но *о ритме, затмить* — с твердым [т] в той же позиции (в пределах одной морфемы, перед [м^б]). Но хорошо известно, что не так давно, всего лет пятьдесят-шестьдесят назад, говорили: *о рит^бме, зат^бмить* — с мягким [т^б]. Теперь в это верится с трудом — так меняется со временем произносительная норма.

Это частное проявление закона Бодуэна де Куртенэ; закон проявляется ещё во многих изменениях русской фонетики за последние века. Очевидно, противодействовать ему бесполезно: это объективная языковая закономерность, поэтому неправильно было бы в орфоэпических руководствах запрещать произношение [з]верь, [з]везды, ра[з]вит — с твердым [з]; хотя это и «новинка» в нашей фонетике, но, видимо, прочная новинка.

Итак, решая вопрос о том, что считать хорошим и что плохим в произношении, мы должны исходить из объективных законов развития языка. А чем обусловлены сами эти законы, в чем их содержательная сторона? Почему они такие, а не другие?

Говорящий и слушающий имеют общие речевые интересы: и тот и другой хочет, чтобы была верно передана какая-то информация. Но у них есть и различные, даже контрастные интересы. В интересах говорящего упростить «выдачу» информации, сделать произносительную сторону речи более простой, экономной, легкой. А слушающий хочет упростить «прием» информации: он хочет получать сообщение с достаточным количеством «избыточной информации»², чтобы иметь гарантию правильного восприятия слов и предложений.

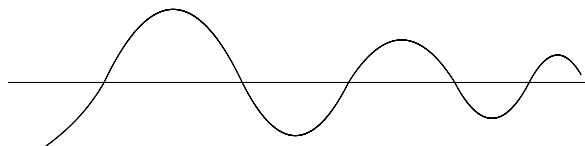
Давно установлено, что многие фонетические изменения можно объяснить законом «экономии произносительных усилий». Это и есть изменения «в пользу говорящего». Е. Д. Поливанов, со свойственной ему парадоксальностью, объявил, что причина фонетических изменений — человеческая лень (т. е. лень именно говорящего).

С другой стороны, есть изменения, всякие расподобления в звуковой цепи, которые вызваны стремлением, напротив, дать больше зацепок слушающему, чтобы ему было легче узнавать слова и сочетания слов.

Каждый человек бывает и говорящим и слушающим; каждому важны интересы и того и другого. Поэтому развитие фонетической стороны идет так.

² Избыточная информация в языке не беда, а благо. Плохо, например, если в языке слишком много слов, слабо по своему звуковому составу отличающихся друг от друга: будет много ослышек, будет неверный прием информации. Хорошо, когда у слов не одно отличие (например, один звук или только ударение и т. д.), а несколько.

До известного момента звуковые последовательности упрощаются, усиливается редукция, ассимиляция и т. д., все больше звуковых единиц нейтрализуется, совпадает друг с другом. Это движение в интересах говорящего, оно доходит до какой-то ступени, когда оказываются нарушенными интересы слушающего. Развитие поворачивает в другую сторону: увеличивается дифференцированность звуковых отрезков в цепи, идет их расподобление и — очень важно! — увеличение числа звуков, возможных в одной позиции. Так маятникообразно движется развитие языка. Но при этом фонетика, взаимодействуя с изменяющейся лексикой и грамматикой, не возвращается к старому состоянию; идет подлинное движение, историческое изменение фонетики:

Например, в русском языке XVIII—XIX — начала XX в. особенно были сильны тенденции к упрощению системы гласных. Увеличивалась их редукция, их нейтрализация (совпадение друг с другом) в разных позициях³. Развитие шло явно в пользу говорящего. Закон экономии произносительных усилий торжествовал. В дальнейшем движение изменило свой характер: фонетические процессы касаются согласных и лишь в небольшой степени — гласных. Об одном из них мы уже говорили, есть другие. Эти изменения (усложнение системы согласных) не подчиняются закону экономить произносительные усилия, наоборот, они заставляют их транжирить⁴. Они идут в пользу слушающего. Может быть, поворот в развитии надо связать с новыми социальными формами существования языка. После революции особый вес получили общественные формы речи, рассчитанные на широкую аудиторию; это, видимо, способствовало повороту в сторону интересов слушающего. Но история языка сложна; признаки этого поворота заметны уже в самом начале века; маятник пошел в другую сторону, социальные влияния только ускорили его ход. Заметим, что оба качания маятника отвечают закону Бодуэна де Куртенэ.

Если помнить о законах внутреннего развития языка, то такие новые нормы, как утрата мягкости согласными в некоторых сочетаниях с другими согласными, распространение нейтрализации ⟨и—э⟩ («иканье») заслуживают поддержки. За ними — будущее.

³ Подробнее об этом смотри в кн.: Русский язык и советское общество. Фонетика. М., 1968.

⁴ Можно подумать, что изменение сочетания [з^бв^б] в сочетании [зв^б] экономит произносительные усилия: то надо было приподнимать переднюю часть языка к твердому небу на протяжении двух звуков, а теперь — только для звука [в^б]. Но твердость русских согласных тоже связана с дополнительной работой: надо приподнимать заднюю часть языка по направлению к мягкому небу. Выигрыша нет. Есть проигрыш: трата произносительных усилий на перемену артикуляции.

Но решая вопрос о том, какие нормы предпочтительнее, мы не имеем права забывать, что литературный язык имеет культурно-историческое значение. Мы и сейчас слышим речь Пушкина, Баратынского, Тютчева, Лермонтова, Некрасова, Фета, Блока. В звуковой своей стороне она закреплена стихом. В поэтической речи наиболее полно, наиболее многообразно реализуется язык: то, что в бытовой, будничной речи является малосущественным, в поэзии может приобретать значение выразительного средства, становится содержательным.

В поэтической речи полностью преодолевается антагонизм говорящего и слушающего. Говорящий не может слишком небрежничать: произносительная сторона в стихотворении содержательна, она входит в общий поэтический замысел. Если поэтическая строка построена на повторе гласных [э], ударных и безударных, то «икающее» чтение этой строки (когда все безударные [э] превращаются в [и³]) наносит ущерб поэтической фонике, тем самым и всему стихотворению как целому. Думается, И. Шляпкин был прав, считая, что стихи А. Майкова требуют «для красоты звука» произношения слова *бездной* с [д]:

Неужли в миг, когда над бездной
Уже стоит он, ты ему
Не бросишь луч свой с тверди звездной
На всю им пройденную тьму?

А слушающий, если он слушает поэтическую речь, не может требовать большей расчлененности и «явственности» при исполнении стиха, чем этого требует поэтический замысел. Слушающий, может быть, привык слышать (и произносить) *неве[стк]у* (так сейчас обычно и произносят). Но пушкинскую рифму *невестку — блеску* («Будрыс и его сыновья») он хочет слышать (и когда стих читают другие, и когда он сам читает его — слышать внутренним слухом) с сочетанием [ск]. Стих здесь не допускает более внятного, более «явственного» произношения, иначе неряшливой будет рифма (Пушкин этого не любил).

Русская поэзия XIX—XX вв. — наша гордость, наше бесценное богатство. Мы хотим слышать русский классический стих во всей полноте его обаяния и силы. И чем дальше идет время, тем больше это общее желание. Рост общенародной культуры всегда связан с ростом внимания к культурному наследию. Естественно желание сохранить старинную деревянную архитектуру, русскую народную живопись прошлых веков; сохранить русский стих, уберечь его от зуба времени — тоже естественное и понятное желание.

Замечено, что с ходом времени темп языковых изменений в фонетике замедляется. Чем больше накапливается культурных ценностей на литературном языке, тем медленнее в нем происходят перемены. Новые, молодые поколения не хотят расставаться с этими культурными ценностями; они не склонны отказываться от языковых норм, воплощенных в этих ценностях⁵.

⁵ «Развитие языка заключается, в частности, в том, что он все меньше развивается», — пишет Л. П. Крысин («Лит. газета», 13.1.1971). Как ни парадоксально это

Итак, если мы хотим в полной мере быть владельцами культурных богатств, мы должны с особым вниманием относиться к традиционным произносительным нормам, пушкинским, лермонтовским. За ними — прошлое, которое мы ценим.

Язык — не одноэтажный сарайчик: язык — многоэтажное здание. В нем присутствуют разные подсистемы, функциональные разновидности. В разных сферах языкового общения могут существовать разные нормы. Не следует торопиться и отказываться от «устарелой» нормы: она еще послужит в каких-то особых разновидностях языка.

Это ли не противоречие: мы должны покровительствовать одним нормам, потому что они ведут в будущее, мы должны быть склонны к другим, потому что они связаны с прошлым? Да, это противоречие, и его можно разрешить только диалектически.

*
* *
*

Театр имеет право на произношение, но во всех частностях совпадающее с бытовой речью. Театральная речь — праздничная. Даже в бытовых ролях артист использует «полный» празднично-полновесный произносительный стиль. «...Создается как бы противоречие между реалистическими стремлениями театра к воспроизведению живой речи в ее разговорном стиле и условиями сцены, требующими от актера полного стиля. Это противоречие преодолевается мастерством актера... Именно интонацией, окрашивающей всю речь актера в целом, он создает впечатление, что говорит языком разговорного стиля»⁶.

В репертуаре каждого театра есть и классические и современные пьесы. «Бориса Годунова», драмы Островского нельзя играть в нормах современной бытовой речи. Неужели театр должен иметь две нормы — одну для классических пьес, другую — для современных? Это невозможно. Очевидно, театральная речь должна ориентироваться на наиболее традиционные варианты, существующие в живом произношении. Они наиболее традиционны, поэтому

мнение, с ним приходится согласиться. Л. П. Крысин цитирует очень убедительное мнение А. М. Пешковского: «Если бы литературное наречие изменялось быстро, то каждое поколение могло бы пользоваться лишь литературой своей да предшествующего поколения, много двух. Но при таких условиях не было бы и самой литературы, так как литература всякого поколения создается всей предшествующей литературой. Если бы Чехов уже не понимал Пушкина, то, вероятно, не было бы и Чехова. Слишком тонкий слой почвы давал бы слишком слабое питание литературным росткам. Консерватизм литературного наречия, объединяя века и поколения, создает возможность единой мощной многовековой национальной литературы» (там же).

⁶ Ильинская И. С., Сидоров В. Н. О сценическом произношении в московских театрах // Вопросы культуры речи. Вып. 1. М., 1955, с. 154.

они наиболее близкий путь к классике, но они живые, не кажутся анахронизмом, не режут ухо. В бытовой, повседневной (но литературной) речи сейчас существует и «эканье», и «иканье»⁷, но «иканье» распространено шире. Театр, однако, поступит верно, ориентируясь на «эканье»: это праздничное произношение, и оно не покажется экзотикой, нарочитой стилизацией, манерностью: такое произношение встречается и в быту, пусть оно и не господствует.

Театр, несомненно, оказывает влияние на произношение, особенно, в наше время, когда театральные постановки транслируются по радио⁸. И понятно почему. Можно рассказать о таком реальном случае. Несколько студентов после концерта Д. Н. Журавлева заявили, что произношение слов с [ж^б] мягким (e[ж^б]y, бpe[ж^б]um) — красиво, хотя сами они говорят e[ж]y, бpe[ж]um. Обаяние актерского исполнения стиха, эстетическое впечатление от этого исполнения окрасило и орфоэпическую форму речи; положительная оценка речи артиста была перенесена на произношение. Как видно, театр — могучий воспитатель речевых норм.

Мы говорим, что в речевом акте нет основания для выбора нормы. Но есть исключения. Такое исключение — речевая ситуация: артист — слушатель.

Все сказанное определяет строение самих орфоэпических рекомендаций. Они не всегда двухступенчатые: такое произношение запрещено в литературном языке, а такое рекомендовано; оно часто должно быть трехступенчатое: одно запрещено — другое допустимо — третье рекомендуется. Рекомендовать надо живую традиционную норму, хотя бы она и не была наиболее распространенной. Рекомендация и даст ей большую устойчивость, позволит отдалить время, когда она будет разрушена (и вместе с тем понесут ущерб и художественные тексты, созданные мастерами прошлого). Допустимыми надо считать те новшества, которые отвечают объективным законам развития языка, но еще не стали полностью господствующими. Все остальное (просторечное диалектное, новинки-однодневки, т. е. не одобренные законами развития языка) оценивается отрицательно. Предлагается, таким образом, не торопиться хоронить орфоэпически-традиционное. Экономическая реформа познакомила нас с ситуацией, которая сначала показалась нам парадоксальной: по некоторым изделиям было запрещено перевыполнять план. Пора привыкнуть к этой мысли: не везде нужно перевыполнение. Перевыполнение плана в области фонетического развития тоже никому не нужно. Мы радуемся бурному развитию в промышленности, в

⁷ «Эканьем» называем различие ⟨и — э⟩ в безударных слогах (собственно, в первом предупредном). При «эканье» произносят: м^билá, но м^бэлá; при «иканье» ⟨и — э⟩ совпадают в звуке типа [и]: м^билá произносят и для мелá, и для милá.

⁸ Лингво-статистическое исследование показывает, что радио влияет на произношение. Обследование речи лиц, которые часто (ежедневно) слушают радио, и лиц, редко слушающих радио, позволило установить, что на первых, несомненно, оказывают воздействие произносительные радио-нормы. (Подробнее об этом см. в работах С. М. Кузьминой.)

науке, мы ценим новые успехи в спорте. Чем быстрее идет развитие в хозяйственной деятельности, научной и многих других, тем лучше. Но этот взгляд нельзя переносить на язык. Бурное пополнение лексики (полноценными, нужными словами) — хорошее дело. Но бурное фонетическое развитие, быстрая смена произносительных норм — это зло. Это разрыв с прошлым, в первую очередь с художественными ценностями, созданными по законам «старых», традиционных норм.

Но дело и не только в искусстве. Специалисты-акустики сделали все, чтобы восстановить звукозапись речи В. И. Ленина. Понятно желание слышать эту речь и понятно желание самим говорить этой речью, по ее нормам и законам. Хочется это прошлое оставить в сегодняшнем повседневном языке.

Н. Д. Андреев решил «выяснить опытным путем», как говорят люди: *октябрьс[к^б]ий*, *балтийс[к^б]ий* и т. д. с [к^б] мягким, или же у прилагательных с исходом на *-кий* произносят [к] «Чтобы обеспечить достаточную надежность получаемых результатов, условия опыта были максимально приближены к условиям естественного диалога»: Н. Д. Андреев останавливал прохожих на Комсомольской площади в Москве и спрашивал, указывая пальцем на Октябрьский, Ярославский или Казанский вокзалы, какой это вокзал. Оказалось огромное большинство произносит эти прилагательные с мягким [к^б]: из 2280 человек только трое произнесли с твердым [к] (*Казанс[кый]*). «В число трех лиц, употребивших во время опыта устарелое произношение, вошли: две женщины (сторожиха, примерно 55—60 лет, а также особа, назвавшая себя монашенкой и сообщившая в беседе, что ей уже восьмой десяток) и один мужчина (видный языковед старшего поколения)»⁹.

Непонятно, зачем ставился этот веселый эксперимент. Что произношение таких прилагательных с [к^б] в именительном падеже единственного числа мужского рода преобладает в бытовой речи — общепризнанно. Нет ни одного орфоэпического руководства, где бы это не признавалось¹⁰. Н. Д. Андреев хотел это установить точнее, в процентах? На вокзальной площади этого не установишь. Существует литературный язык, не исчезло еще городское просторечие, есть диалекты. Они различны; не одинакова у них и частота разных речевых вариантов. На вокзальной площади не определить, какую систему представляет данный товарищ. По данным статьи, произносит [кый] приблизительно 0,1 %. Где: в литературном языке? в просторечии? Неизвестно. Нет, никакой точности не получилось.

⁹ Андреев Н. Д. Об одном эксперименте в области русской орфоэпии // Вопросы культуры речи. М., 1963, с. 51.

¹⁰ Например, в книге Р. И. Аванесова «Русское литературное произношение» (М., 1968) говорится, что произношение с [кый] в мужском роде является нормой только в сценической речи (с. 168).

Н. Д. Андреев подводит итоги: «Экспериментально доказано, что произношение слов, оканчивающихся на *-ский*, которое употребляют еще актеры академических театров Москвы и дикторы центрального радиовещания, противопоставляет их основной массе носителей русского языка»¹¹.

А. В. Суперанская изучала произношение прилагательных типа *ярославский, казанский* у московских студентов. Это ведь более надежные носители литературного языка, чем случайные прохожие. И у нее получились данные не столь безнадежные. С твердым [к] эти слова произнесли 5—7% отвечавших. У старшего поколения интеллигенции процент был бы еще выше.

Нам кажется верной рекомендация сохранять произношение *креп[к'ьй], стро[г'ьй], вет[х'ьй]* (им., муж.) в театре, телевидении, на радио. Оно встречается в живой речи (пусть значительно реже, чем произношение *креп[к'ий], стро[г'ий], вет[х'ий]*). Оно, еще бытующее в обыденной речи, не может вызвать недоумения и на сцене. Слушатель оценивает его как стилистическую примету публичной, сценической речи. Если театр и радио сохраняют это произношение, то не кажутся архаическими или странными рифмы Пушкина:

Печальный остров — берег дикий
Усеян зимнею брусникой...

Исчезновение таких произносительных форм из радио- и театральной речи означает падение их употребительности в речи бытовой, означает «порчу» многих стихотворений Пушкина и других русских поэтов, означает разрыв одной из нитей культурной орфоэпической традиции.

Театр и радио имеют право поддерживать традиционную орфоэпическую норму, даже если она не является наиболее распространенной. Это — на пользу непрерывности культурной традиции.

Л. В. Щерба писал: «Когда чью-либо речь характеризуют словами: Он говорит литературно, — то это именно и значит, что он говорит согласно традиционным нормам».

*
* *

Не только поэзия и театр требуют бережного отношения к орфоэпической традиции.

В наше время русский язык стал вторым языком (даже вторым родным) для многих миллионов людей. «Новая, социалистическая Москва, а вместе с нею и весь Советский Союз строят новую жизнь, а вместе с нею новый русский литературный язык, и выковывают новое образцовое русское произношение... Участие в этом языковом строительстве принимают и многие представители

¹¹ Там же, с. 52.

братских народов и народностей, входящих в наш великий Союз и в той или иной степени приобщающихся к русскому языку»¹². Слова Щербы долго вызвали недоумение: как могут представители иноязычных кругов участвовать в русском орфоэпическом строительстве? Но Л. В. Щерба оказался прав.

В последнее десятилетие было произведено массовое обследование, в разных местностях, носителей русского литературного языка¹³. Изучалось и произношение в национальных центрах, в столицах советских республик, где существует длительная традиция русской речи. Результаты опроса очень существенны. В Алма-Ате, Тбилиси, в других городах, где русский язык существует у значительной части населения как второй родной, устойчивость московской традиционной нормы в произношении оказалась большей, чем даже в самой Москве (обследовались лица, с детства владеющие и национальным и русским языком). И это понятно. Для тех, кто живет в этих городах, авторитет радио, авторитет театра исключительно высок. По ним выверяется русская речь. Мотивировка, которая учитывается (часто бессознательно) москвичом или ленинградцем: так говорю я и мои знакомые, значит, это верно — такая мотивировка в местностях, где есть двуязычие, значительно ослаблена. Отсюда — непрерываемый авторитет театрального и радиопроизношения. Отсюда — строгая орфоэпическая традиционность. Этот процесс надо считать глубоко положительным. Распространение русского языка, появление все новых центров, где русский язык используется как второй (после национального), идет на пользу устойчивости произносительных норм, поддерживает их традиционность. А, как уже сказано, это — достоинство для орфоэпии. «Русский язык, конечно, является родным для русских, но он должен сделаться, и делается на самом деле и международным языком социалистической культуры, по крайней мере, для всех народов СССР. Мы, конечно, не можем изменить нашего языка для наших сограждан, но мы можем подумать о том, чтобы впредь не поощрять тех изменений в языке, которые, ничего не прибавляя в смысле выразительности, затрудняют усвоение языка»¹⁴. Прекрасные слова.

*

* *

«Большинство так говорит» — многим кажется, что в орфоэпии это важнейший аргумент. А как определить большинство? Обычно имеют в виду десяток своих знакомых. Или строят (пусть полусознательно) такой силлогизм: так

¹² Щерба Л. В. О нормах образцового русского произношения // Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с. 111.

¹³ О методике см.: Развитие фонетики современного русского литературного языка. М., 1966.

¹⁴ Щерба Л. В. Литературный язык и пути его развития. Там же, с. 140.

произносить, как я, хорошо; люди — не дураки, и знают, что хорошо и что плохо: значит все (большинство?) говорят так же, как я. Примеров можно было бы привести немало.

На месте буквы *щ* одни произносят согласный [ш̄^b] (долгий мягкий шипящий), другие — [ш^bч^b] (сочетание звуков). Второе произношение издавна свойственно Петербургу — Ленинграду, а Москва говорит: *и*[ӣ^b]у, [ӣ^b]и (*ищу*, *щи*).

В наш век произношение [ш̄^b] подвергалось жестоким нападкам. Мотивировка: господствует произношение [ш^bч^b]; за него стоит большинство. П. Я. Черных в рецензии на «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова писал: «Очевидно, составители словаря и редактор стоят на той традиционной точке зрения, что образцовым русским произношением необходимо считать московское произношение со всеми его специфическими особенностями. Поэтому они рекомендуют, например, слово *щука* в виде [ӣ^b]ука с долгим мягким [ш̄^b]. Но кто же теперь так произносит?..»

Позднее, в 60-х годах, было проведено широкое обследование, как люди действительно произносят: [ш̄^b] или [ш^bч^b]. Оказалось: чем моложе говорящие, тем шире у них представлено [ш̄^b]¹⁵. Это не только в Москве, но и в Ленинграде¹⁶. Значит [ш̄^b] не исчезает, а, напротив, наступает на [ш^bч^b].

Так бывает часто: ссылка на большинство основывается только на желании утвердить свою родную фонетическую норму и потеснить другие. (В современном русском литературном языке, при объективном подходе, нам кажется, надо рекомендовать произносить [ш̄^b]¹⁷.)

*
* *
*

Иногда считают, что выбирать (из нескольких соперничающих вариантов) надо тот, который сближает произношение с письмом.

В литературном языке господствует аканье, а письмо у нас... «окающее». На конце слова и перед глухими согласными мы оглушаем звонкие шумные согласные, а на письме они передаются как звонкие. И, самое удивительное,

¹⁵ См.: *Баринова Г. А.* О произношении [ж̄^b] и [ш̄^b] // Развитие фонетики современного русского литературного языка. М., 1966, с. 35.

¹⁶ Наблюдения Г. Н. Ивановой-Лукьяновой.

¹⁷ Автор одной из рецензий на новый экспериментальный учебник русского языка радуется, что в этом учебнике нет ни слова о звуке [ж̄^b]. Одни его произносят, другие нет; поэтому, по словам рецензента, составители учебника поступили осторожно, убрав упоминание о таком произношении. Сомнительная «осторожность»! Спорят о каком-нибудь старинном здании: одни считают его художественно ценным, другие не ценят; из осторожности... решили срыть. Так же осторожны и те, кто решил умолчать о норме, заслуживающей поддержки. Для театра и радио она остается живой. Вот-то будут удивлены бедные ученики, от которых утаили [ж̄^b], услышав его по радио! Ведь в школе по учебнику их осторожно отучивают от традиционного [ж̄^b].

письмо здесь вовсе не влияет на литературное произношение! И всегда: если фонетическое чередование позиционно, т. е. не знает исключений, то на него письмо влиять не может. Замена ударного [о] в безударных позициях на [а] или замена звонких глухими (в указанных выше позициях) — это чередования позиционные. Здесь не может быть влияния письма на язык, не возникает особого варианта, близкого к письму, и выбирать не из чего.

В каких же случаях у нас есть выбор из двух вариантов, один из которых близок к написанию (и, очевидно, возник под влиянием письма)? Вот в каких: говорят: [ч]то, [ч]тобы, коне[ч]но, ску[ч]но; литературным является произношение этих слов с [ш]. Говорят: сине[з]о, добро[з]о, забывше[з]о... (вместо литературного произношения этих слов с [в]). Все это орфоэпические мелочи; но и они показательны: ведь ни один орфоэпист не станет пропагандировать эти, близкие к написанию, произносительные варианты.

Есть область, где влияние письма считают значительным: произношение мягких согласных перед мягкими. Говорят по-разному: есте[с^бт^бв^б]енно и есте[ств^б]енно, [д^бв^б]ести и [дв^б]ести, ле[з^бв^б]ие и ле[зв^б]ие, [с^бл^б]езы и [сл^б]езы, сча[с^бл^б]ивый и сча[сл^б]ивый и т. д. Думают, что произношение с твердым согласным (перед мягкими) появилось и распространяется под влиянием орфографии.

Напомним: пока чередование позиционно, оно не осознается говорящими, попросту не замечается ими, и разрыв между письмом и произношением остается вне поля их зрения. В XVIII—XIX вв. многие писали, не соблюдая строго орфографических правил (притом — люди литературно говорящие); но и у них редчайший случай — написания типа *двести*, *лезвие*, *после*, *о ленте* и т. д. Мягкость согласных, позиционно обусловленная, не замечалась и не обозначалась. В наше время такие ошибки известны всякому учителю: очень многочисленны. Причина понятна. В наши дни мягкость согласного перед другим мягким согласным во многих сочетаниях перестала быть позиционной.

Написания *двести*, *лезвие*, *слезы* и т. д. одинаково хорошо отвечают произношениям [д^б]вести и [д]вести, ле[з^б]вие и ле[з]вие, [с^б]лезы и [с]лезы и т. д. Первое произношение (с мягкими согласными) полностью соответствует написаниям, потому что мягкость здесь позиционна, а такая мягкость не замечается говорящими и не требует орфографического отражения. Второе произношение, возникшее после того как чередование твердых с мягкими потеряло позиционный характер, не менее хорошо отражено в орфограмме: мягкости нет, и она не указана в написании. В этом случае нельзя сблизить с орфограммой ни один из произносительных вариантов: они оба вполне отвечают орфограмме¹⁸.

¹⁸ Неверно и мнение, будто произношение [д]вести, ле[з]вие, [с]лезы появилось под влиянием правописания. Это прямо вытекает из сказанного: орфограмма *двести* прекрасно передает произношение [д^б]вести (так же хорошо, как орфограмма *голова* передает акающее «исполнение» этого слова). Кроме того, произносят *ра[з^бв^б]итие*

*
* *
*

Выбирая, какую норму произношения рекомендовать, мы должны считаться с разными доводами. Если расположить эти доводы в иерархическом порядке, то получится такая шкала. Норма предпочтительна, если она:

- А) отвечает традиции литературного языка (20)¹⁹;
- Б) соответствует объективным законам развития языка (8);
- В) распространена (8)²⁰;
- Г) соответствует орфографии (5).

Здесь справа поставлены индексы. Они имеют чисто условное значение: они должны символизировать относительную силу, значительность каждого критерия. Например, индекс 20 означает, что сила критерия А значительно превышает силу критерия Б, имеющего индекс 8.

Не обидно ли, что соответствие письму оценивается так низко? Напомним, что речь идет в первую очередь о написаниях *что, чтобы, синего, идущего*, и станет ясно: жалеть, что оценка занижена, не следует. В других случаях соответствие письму всегда сопровождается более высокими доводами «за».

Видно, что традиционная норма с легким сердцем может быть отвергнута, если она не перспективна с точки зрения законов развития языка, не распространена и не орфографична.

В национальных республиках эта шкала может быть дополнена еще одной ступенью:

- Д) отвечает произносительным навыкам, существующим в родной речи (5).

Шкала показывает, что бесспорно должны быть рекомендованы: аканье (А + Б + В, т. е. $20 + 8 + 8 = 36$); различие безударных ⟨и — е⟩ (А + Б + $\frac{В}{2}$ + Г, т. е. $20 + 8 + \frac{8}{2} + 5 = 37$); сохранение мягкости зубных перед мягкими зубными (А + В, т. е. $20 + 8 = 28$).

Противоположные, контрастные нормы: «оканье» (В + Г = 13), «иканье» ($\frac{А}{2} + Б + \frac{В}{2} = 22$), твердость зубных перед мягкими зубными ($\frac{А}{2} + \frac{В}{2} + Г = 19$) — имеют меньше оснований, чтобы их поддерживать.

Остальные нормы не обладают такой бесспорностью и могут в разных национальных республиках несколько варьироваться (напомним, что выбор идет из литературных норм-соперниц, поэтому такое варьирование не приведет к отклонениям от допустимого в литературном языке).

и *pa[зв^б]итие*, но только *pa[з^бв^б]е*; [*с^бл^б]*езы и [*сл^б]*езы, но только *e[с^бл^б]и*, *no[с^бл^б]e* (совершенно нелитературны *e[сл^б]и*, *no[сл^б]e*). Орфограммы одинаковы, а результаты различны. Явно, не они, не орфограммы, виновники «отвердения».

¹⁹ Если традиция не глубокая (сравнительно с конкурирующей нормой), то индекс $\frac{А}{2} = 10$.

²⁰ Если норма распространена, но не господствует (ею пользуются 30–40–50% говорящих), то индекс $\frac{В}{2} = 4$.

О влиянии грамматической аналогии на произносительные нормы в современном русском литературном языке*

І. «Подстановка» звука после мягких согласных

В современном русском литературном языке на качество заударных гласных оказывает сильнейшее влияние так называемая грамматическая аналогия. Это влияние характерно именно для заударных позиций, так как в заударном положении постоянно оказывается ф л е к с и я, очень важная и очень подвижная, «г и б к а я» грамматическая часть слова¹. Это — причина морфологическая; она является ведущей. Но, кроме того, есть и причина фонетическая: заударная часть слова отличается особой зыбкостью, вариативностью, изменчивостью. Фонетическое своеобразие заударной части слова позволило реализоваться морфологической аналогии.

Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы: а) выяснить, в каких случаях (в каких грамматических формах) грамматическая аналогия влияет на нормы произношения; б) установить, насколько типичны эти нормы произношения для современного литературного языка и какому стилю речи они отвечают²; в) попытаться определить причины, которые обуславливают грамматическую аналогию («подстановку» звука).

Особую трудность представляет определение т и п и ч н о с т и того или иного произносительного варианта.

Можно ли довериться случайно услышанным фактам произношения? Нет, и вот почему.

* Ученые записки Московского городского педагогического Института им. В. П. Потемкина. Кафедра русского языка. Т. XLII, вып. 4. М., 1957. С. 3—34.

¹ В основе слова эти явления морфологического уподобления приобретают совсем особый характер, проявляясь как «народная этимология» или как выравнивание непозиционных чередований (ср. *ткёт, руке*).

² Мы будем различать разговорный, нейтральный и строгий стиль (они соответствуют просторечному, разговорному, академическому стилям, указанным в кн. проф. Р. И. Аванесова «Русское литературное произношение». 1950).

Обычно мы не замечаем звуковой стороны речи, если она выдержана в привычных для нас нормах. Ведь мы слушаем обычно, что говорит собеседник, а не как он говорит. Но любое отступление от норм сразу привлекает к себе внимание. Окальщик с окальщиком и акальщик с акальщиком говорят, не обращая внимания на звуки своей речи. Но стоит заговорить окальщику с акальщиком, как оба они будут неприятно поражены «неправильностью» речи собеседника.

Иначе говоря, наш слух обладает силой избирательности. Он отмечает то, что несвойственно нашей речи. Поэтому можно тысячи раз слышать произношение [пóл'ь] (именительный падеж) и не замечать его; услышать десять раз произношение [пóл'ь] (тот же именительный падеж) — и внимание на нем остановилось, отметило его. Готов вывод: господствующим сейчас становится произношение [пóл'ь], вывод совершенно неправильный. Это — медвежья услуга избирательности нашего слуха. Она мешает правильно отмечать господствующее, типичное в произношении.

Поэтому нами был избран иной путь наблюдений. Изучалось произношение о п р е д е л е н н о г о, достаточно большого (более 80 человек) коллектива, члены которого свободно владели современным русским литературным языком. Это были ученики 9—10-х классов одной московской средней школы. Каждый член этого коллектива произносил определенные формы слов и предложений (при чтении стихов наизусть, по особой просьбе экспериментатора, при ответе на вопросы и т. д.). Таким образом парализовалась избирательность нашего слуха (факты речи были записаны подряд, независимо от того, привычны они или нет для речи экспериментатора) и выяснялась степень типичности того или иного варианта для современного произношения. Наблюдение протекало в достаточно естественных условиях, чтобы установить стилистическую характеристику данного варианта произношения.

Далее излагаются факты, которые были получены при этих наблюдениях.

2. Известно, что после мягких согласных в заударной части слова, если действие фонетических факторов не осложняется иными влияниями, закономерно произнести гласный [ь] (верхне-верхне-среднего подъема, переднего или передне-среднего ряда), и в закрытых слогах: *вы*[св'ьрл'ьн], и в открытых: *вы*[п'ьл'ьл'ь].

Посмотрим, какие изменения вносит в эту фонетическую закономерность вторжение морфологических влияний.

Если данная флективная морфема нигде (ни в одном слове) не представлена под ударением, а всегда остается заударной, то морфологических помех для действия фонетических факторов в их чистом виде не возникает — и неизбежно после палатализованных и палатальных согласных появляется гласный [ь].

Например, существительные с суффиксом *-анин* (именительный падеж единственного числа) имеют в именительном падеже множественного числа

суффикс и флексию *-ане*. Последний звук этой формы — всегда заударный, поэтому он дан в качестве [ь]: иных вариантов последняя фонема в данной морфеме не имеет³.

Последняя фонема в окончании глаголов второго лица множественного числа в изъявительном наклонении представлена звуком [ь], так как всегда остается в заударном положении: *сиди[т'ь]*, *ходи[т'ь]*. То же надо сказать о подобной форме повелительного наклонения: *сидите*, *ходите*⁴.

Во всех перечисленных случаях (их можно было бы увеличить) морфологические влияния исключены, потому что к безударному звуку этих морфем нигде не встречаем ударной параллели.

3. Но возможен и противоположный случай (он-то как раз и составляет обычное явление): гласный звук, следующий после мягкого согласного, в данной морфеме бывает то неударным, то, в других лексемах, ударным.

В этом случае оказывается важным выяснить, как о в же этот ударный звук.

Если это гласный верхнего подъема, то он обычно не подвергается качественной редукции и в безударном варианте морфемы⁵; поэтому безударный вариант фонемы в этом случае не хуже ударного исполняет обязанности различителя морфем и слов. Морфологическое вмешательство в таких случаях не нужно и не имеет места.

Вот пример: существительные третьего склонения во всех косвенных падежах единственного числа (кроме, разумеется, творительного и винительного) имеют окончание [и], [ы] (*ржи*, *лжи*, *шести*, *печи*). Поэтому и безударные окончания в данной грамматической форме сохраняют «и-образный» редуцированный звук ([ь]).

4. Безударному гласному может соответствовать в других словах (но в той же морфеме) ударный звук [é]. Например, окончание родительного падежа существительных с «мягкой» основой⁶ во множественном числе может выступать в вариантах [эй] — [й]: *лебедéй* — *олéней*.

В предложном падеже существительных мужского и среднего рода; в предложном и дательном существительных женского рода окончание, орфографически обозначаемое буквой *e*, может быть не только ударяемым, но и безударным — [é] и [ь]: *в золе*, *в газете*, *на работе*, *в сене*⁷ и пр.

³ См. *Аванесов Р. И.* Русское литературное произношение. М., 1950, с. 41.

⁴ Там же, с. 42.

⁵ В закрытых слогах [у] после мягких согласных может иногда сильно редуцироваться, но это характеризует не все стили речи. См. ниже.

⁶ Т. е. с основой, оканчивающейся на палатализованный звук.

⁷ См. *Аванесов Р. И.* Русское литературное произношение. М., 1950, с. 42; *Ушаков Д. Н.* Русская орфоэпия и ее задачи // Русская речь, Новая серия, вып. 2, 1928, с. 24.

Ударному окончанию сравнительной степени — *смелей* — отвечает в других словах безударное — *упрямей*.

Во всех этих случаях нет никаких морфологических влияний; «подстановка звука» отсутствует. Иначе говоря, фонема Е в заударном положении всегда представлена звуком [ь]⁸.

Только в том случае, если неударный вариант фонемы чередуется в той же морфеме с ударным («основным») вариантом [á, ó], возможна подстановка звука в заударной части слова. Или, говоря другими словами, только фонемы А и О допускают морфологическое влияние в безударной флективной морфеме.

Следовательно, для подстановки звука необходимо, во-первых, чтобы была налицо ф л е к т и в н а я морфема. Во-вторых, она должна быть безударной (т. е. заударной), в-третьих, гласный этой морфемы, подлежащий подстановке, должен следовать за палатализованным звуком (палатализованность согласного в данном случае всегда является не позиционной, а фонематической). Значит, будь этот безударный гласный обусловлен чисто фонетически, он неминуемо предстал бы в виде [ь]⁹.

В-четвертых, эта безударная флексия должна быть синонимична с ударной флексией, тождественной с безударной по ф о н е м н о м у составу¹⁰.

В-пятых, нашему безударному гласному должны соответствовать в синонимической ударной флексии гласные О или А, т. е. гласные ряда «непереднего», подъема «неверхнего»¹¹.

Достаточно ли этих условий, для того чтобы вместо [ь] был подставлен другой звук? Надо проверить.

Прилагательные женского рода в родительном, дательном, творительном и предложном падежах имеют или ударное окончание [óй] или же (после основы на палатализованный согласный) безударное [ьй]: *седóй, молодóй — прéжней, дочéрней*. Здесь налицо все указанные выше условия. А подстановки звука нет.

Другой пример. В глаголах *выведет, вынесет, выгребет, вывезет* и пр. флексия следует за мягким согласным основы, безударна, имеет синонимическую флексию [óт] (ср.: *ведет, несет* и пр.). Тем не менее подстановки нет.

Очевидно, перечисленные выше необходимые условия не являются еще достаточными, чтобы потребовать подстановки звука. Чего же еще не хватает?

⁸ Звук [ь] может в некоторых случаях (в открытом слоге конца такта, в строгом стиле) заменяться более открытым звуком. Это общеизвестно и в дальнейшем нигде не оговаривается.

⁹ Если, разумеется, не считать [у], «исключенного из игры».

¹⁰ Однозначность (синонимичность) и тождественный фонемный состав двух флексий, встретившихся в речи, позволяют их отождествить, признав одной и той же единицей языка. Следовательно, наше «в-четвертых» можно сформулировать так: эта флексия должна встречаться и под ударением (в других словах).

¹¹ Эти гласные легко обобщить и по-другому: это — гласные, качественно редуцирующиеся в известных позициях и не палатализирующие перед собой согласных.

6. Не хватает еще двух условий. Мало того, что безударная флексия указанного фонетического типа должна иметь синонимическую ударную флексию с гласным [ó] или [á]. Это — «полюс притяжения», и он, разумеется, необходим. К нему тянется, ему уподобляется наша безударная флексия. Но также нужен и «полюс отталкивания»: другая безударная флексия, не синонимичная с данной, но омонимичная с ней. (Вернее, она была бы омонимична, если бы действовали только фонетические законы, если бы не было «подстановки» звука.) Это шестое условие.

И эта омонимическая безударная флексия уже не должна иметь ударной параллели с гласными [ó], [á]. Это седьмое условие.

Иными словами, если две безударные флексии со звуком [ь] омонимичны, а их же ударные синонимы не омонимичны, образуя фонемное противопоставление по принципу: с одной стороны — гласный «непереднего» ряда, а с другой — гласный переднего ряда, то во флексии, имеющей ударную синонимическую параллель с гласным непередним, возникает звук [ь], т. е. она разомонимичивается с другой безударной флексией. Таким образом, фонемы А, О, с одной стороны, и Е, И, с другой, оказываются в этом случае противопоставленными.

Понятно, что в формах *синей*, *прежней* не могло появиться подстановки звука, так как нет «полюса отталкивания». То же следует сказать о формах *вынесет*, *выведет* и пр. (разграничения с флексией [ит] — *высидит*, *сидит* и пр. — разумеется, нет, так как эта флексия синонимична с флексией [ó]).

Достаточно ли указанных 7 условий, чтобы подстановка звука совершилась? Проверим.

В творительном падеже единственного числа существительных второго склонения окончание может быть или ударным — [óй]: (*водой*, *землей*), или безударным — [ьй] (после палатализованных согласных): *каплей*, *яблоней*. Таким образом, «полюс притяжения» налицо (флексия [óй]). Есть и «полюс отталкивания»: омонимические флексии, синонимичные с ударными флексиями [éй]. Это, во-первых, формы *олéней* (ср. *конéй*, *ковшéй*), во-вторых, *грязéй*, *болéзней* (ср. *печéй*, *мышéй*); в-третьих, *красíвей*, *интерéсней* (ср. *смелéй*, *быстрéй*). Все 7 условий налицо, а подстановки звука нет. Почему? Потому, что во всех случаях нет возможности присоединить наши флексии (фонематически их можно транскрибировать так: ОЙ — ЕЙ) к омонимическим основам¹². Это последнее, восьмое условие: описанные выше флексии разграничиваются с помощью «подстановки звука» только в том случае, если они могут присоединяться к омонимическим основам. Здесь возможны два случая: это — основы одной и той же лексемы, т. е. окончания

¹² Формы *юношей* (творительный падеж единственного числа) и *юношей* (родительный падеж множественного числа) единичны. Форма *цаплей* (родительный падеж множественного числа) вытеснена формой *цапель*, которая уже не омонимична с творительным падежом единственного числа. То же *туфлей*, *туфель* и пр.

принадлежат одной парадигме. В этом случае при наличии всех указанных условий подстановка звука, т. е. грамматическая аналогия не и з б е ж н а.

Если же флексии, отвечающие всем указанным условиям, не принадлежат одной парадигме, иначе говоря, если омонимические основы, к которым они присоединяются, не принадлежат одной лексеме, то подстановка звука в о з - м о ж н а¹³.

При отсутствии этих 8 условий подстановка звука невозможна. К таким выводам приводят нас наблюдения.

7. Обратимся к частным фактам, к конкретным случаям «подстановки» звука.

Существительные второго склонения в единственном числе, в именительном падеже имеют окончание *а*. Оно может следовать и за веларизованным и за палатализованным согласным, а также и за палатальным [j]¹⁴: *вода, земля, семья*. Совершенно синонимично этому окончанию и другое, безударное: *зона, воля, лгунья, армия*.

В дательном и предложном падежах единственного числа эта же парадигма дает окончания: 1) [é] (*земле, семье*) и 2) синонимическое безударное окончание (*воле, лгунье, армии*).

Итак, налицо: 1) флективная морфема, обозначающая именительный падеж единственного числа существительных женского рода; 2) эта морфема в ряде случаев (как раз и подлежащих рассмотрению) следует за палатализованным звуком основы; 3) эта морфема дана в безударном варианте; 4) у безударного варианта морфемы есть ударная параллель, ударный синоним [á], звук «непереднего» ряда (это уже 5 условие). Наконец, у безударной флексии, если бы она была предоставлена фонетическим закономерностям, была бы омонимическая флексия в той же парадигме — дательном и предложном падежах. И этот безударный омоним имеет ударный вариант, не омонимичный с ударным вариантом нашей флексии. Все условия даны.

Флексия в словах *воля* и под. представлена не звуком [ь], а звуком [ъ].

Это относится ко всем стилям: и к строгому, и к общему, и к вольному; настолько сильна в данном случае роль «аналогии» и противопоставления.

9. Языковедами уже давно отмечено, что слова типа *воля* произносятся: [вóл'ъ]. Ф. Е. Корш в 1902 г. писал о гласной [ъ]: «...После мягких эта гласная устойчива чуть ли не исключительно там, где она поддерживается грамматической аналогией». Далее приведены примеры: [д'ád'ъ, дáчь] (*дядя, дача*)¹⁵.

¹³ При этом подстановка в данных грамматических формах осуществляется не только у тех лексем, которые имеют омонимы, но у всех. Это — результат грамматического выравнивания форм. Например: не только *синями* (творительный падеж множественного от *силь*) с [ъ] во флексии, ср. *синими*, но и *мелями* тоже с [ъ] и пр.

¹⁴ В заударном слоге [j] обычно редуцируется, превращаясь в [й]; так как этот процесс для нас в известной степени безразличен, то в транскрипции мы его не отмечаем.

¹⁵ Корш Ф. Е. О русском правописании // ИОРЯС, 1902, вып. 1, с. 60.

Д. Н. Ушаков в 1928 г. писал о произношении [вól'ь] в своей известной статье «Русская орфоэпия и ее задачи»¹⁶.

Как уже отмечалось, сохраняется в полной мере эта норма и сейчас. При наблюдении за произношением слов *воля* и *Валя* восемьдесятю человеками мы не встретили ни одного случая, когда бы произнесено было [вól'ь], [вáл'ь]. Наоборот, полностью господствовали звуки [ь, ь*]¹⁷ и даже [а] (последнее редко).

10. Наоборот, произношение слов данного типа в дательном и предложном падежах никак не разграничивается; места для морфологической дифференциации не нашлось, так как не было необходимых фонетических условий: ударные варианты морфем в данном случае омонимны. Отсутствие фонетических условий начисто отрезает путь к морфологическому разграничению омонимичных безударных флексий¹⁸.

Не встречается и у фонетистов XIX века каких-либо замечаний об отступлении в данном случае от чисто фонетической нормы.

11. В словах типа *поле*, *море* последний гласный, представляющий флексию, — [ь]. Эта «подстановка» совершенно оправдана теми условиями, которые были сформулированы выше. Нашему безударному гласному соответствует в ударном варианте этой флексии звук [о] (ср. *звено*, *бельё*, *сырьё*)¹⁹. Следовательно, в орфограммах *поле* и пр. буквой *е* обозначен один из вариантов фонемы О²⁰. В предложном падеже эта же буква *е* обозначает вариант фонемы Е. Отсюда следует вывод, что *поле* как именительный — винительный падеж должно быть морфолого-фонетически разграничено с *поле* — предложным падежом: с одной стороны: [пól'ь] — с другой: [пól'ь]. Наоборот: именительный и родительный падеж указанных слов должны быть омонимичны: родительный падеж единственного числа имеет такие же веские основания получить «подставленный» звук [ь], как и именительный.

Эти фонетические отношения между падежными формами действительно существуют, что давно уже было подмечено фонетистами. Ф. Е. Корш писал: «...Конечное *е*²¹ ср. рода превратилось в неопределенный звук [т. е. ь] именно

¹⁶ См. сб. «Русская речь», Новая серия, вып. 2. Л., 1928, с. 24. См. также Кошутин Р. Грамматика русского языка. Пг., 1919, с. 94; Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М., 1950, с. 39.

¹⁷ Знаком [ь*] обозначаем очень открытый оттенок звука [ь] («ь, склонное к а»).

¹⁸ Ср. также формы: *воле* — *воли* (родительный падеж единственного числа и именительный множественного), и пр.

¹⁹ Обособленные лексемы *бытиё* и *житиё* не имеют решающего значения.

²⁰ Слово *ученьё* в фонематической транскрипции передается так: *ученьЮ* (Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка, 1945, с. 66). Ф. Е. Корш предлагал писать: *смятенью*, *розмышленью* и пр. (О русском правописании, с. 91).

²¹ На месте, где сейчас [ь], Ф. Е. Корш всегда ставит [е].

вследствие того, что мягкое склонение (на *e*) преобразовалось по твердому (на *o*) ... в прочих же случаях *e* и в конце сохранило свой исконный звук»²².

В 1905 г. Р. Ф. Брандт предлагал в предложном падеже писать *в моря, в поли, в гори*, а «в назывно-винильном истинно-русское окончание *e*: в море, в поле, в горе»²³. Через несколько лет он опять повторяет свое пожелание: «...Следовало бы ввести также безударное „ё“, фонетически равное „я“: „синее морё“, „морём“»²⁴.

Ср. у В. И. Чернышева: «Конечное *e* в существительных и прилагательных среднего рода звучит чаще всего как *я*: иду в по́ля, смотрю на синия мо́ря, у меня большо́я го́ря и под., так что именительный падеж (поле) и родительный (поля) в произношении не различаются»²⁵.

А. А. Шахматов берет под сомнение записи Ф. Финка²⁶: *pól'i, gó'r'i* (именительный падеж единственного числа), *gog'e* (родительный падеж единственного числа)²⁷. Впрочем, Финк записывал не московскую, не литературную речь.

А. М. Пешковский в статье «10 000 звуков», объясняя затранскрибированный текст, пишет: «Гласный *ь* не обозначается мной как *ь* в таких случаях, как „поле“, „добро“»²⁸.

Г. О. Винокур: «Под влиянием произношения мыл[ъ] ... мы произносим по́л[ъ] ... вместо ожидаемого по фонетическим условиям по́л[ъ]..., — звук [ъ] переносится в силу грамматической аналогии в такое положение, где должен был бы звучать [ъ]»²⁹.

Тот же факт отмечает Р. И. Аванесов³⁰, С. И. Бернштейн³¹, Д. Н. Ушаков³² и др.

Эта норма действует и в настоящее время с достаточной обязательностью: если в вольном стиле иногда и встречаем произношение во́л[ъ] (именительно-винительный падеж), то только потому, что в этом стиле чаще встречаются,

²² О русском правописании, с. 67–68.

²³ Брандт Р. Ф. Нечто о правописной реформе // РФВ, 1905, вып. 2, с. 18–19.

²⁴ Брандт Р. Ф. Удобочитаемость как желательный принцип правописной реформы // РФВ, 1908, в. 3, с. 44.

²⁵ Чернышев В. И. Законы и правила русского произношения // РФВ, 1905, вып. 3–4, пед. отдел, с. 22; ср. Р. Кошутич: пол'ь («у локалу») и пол'ъ («поля»). Грамматика..., с. 95; ср. Соболевский А. И. Опыт русской диалектологии, 1910, с. 10.

²⁶ Fink F. N. Zwei russischen Märchen in phonetischen Schreibung. Phonetische Studien. В. IX. 1896, с. 3. слл.

²⁷ См. рецензию А. А. Шахматова на работу Финка в ИОРЯС, 1897, вып. 1, с. 212.

²⁸ Пешковский А. М. 10000 звуков. Сборник статей, 1925, с. 174.

²⁹ Винокур Г. О. Русское сценическое произношение, 1948, с. 55.

³⁰ Аванесов Р. И. Русское литературное произношение, 1950, с. 40.

³¹ См. РЯВШ, 1946, № 3–4, с. 84.

³² Ушаков Д. Н. Краткое введение в науку о языке, 1915, с. 91 (звук [ъ] обозначен знаком «ъ»).

более терпимы оговорки и «проговорки». Замечание некоторых исследователей, что традиционная норма сменяется сейчас новой (пó[л'ъ])³³, нам кажется, неверно. Во время наших наблюдений за произношением слов *поле*, *море* мы заметили: 1) произношение пó[л'ъ], мó[р'ъ], численно преобладающее (44 человека); 2) произношение пó[л'ъ*] (18 человек); 3) наконец, у 18 человек произношение последнего звука было настолько кратким, что определить его не удалось; на слух воспринималось нечто вроде [пол'], [пóл'ъ] или [пóл'ъ]. Ясных случаев произношения [пóл'ъ] в именительном и винительном падежах мы не наблюдали³⁴.

12. Существительные типа *учитель*, *медведь* и пр. в творительном падеже единственного числа и дательном множественного произносятся так: учите[л'ъ]м, медве[д'ъ]м. Так же произносятся эти слова в дательном падеже множественного числа, для разграничения этих двух падежных форм нет фонетических условий³⁵.

Встает вопрос: откуда же в таком положении [ъ]? Где противопоставленная морфема? Несомненно, звук [ъ] в творительном падеже подобных существительных поддерживается следующим противопоставлением:

глаголы	}	существительные
	{	
	(морим — морем
)	подем — подем
)	родем — родем
)	чаем — чаем
)	маем ³⁶ — маем
)	плачем — плачем
)	каплем — каплям
)	

Ср. еще такие противопоставления: *едем* — *медведем*³⁷ и пр. Подобных омонимов, может быть, и не так много, но почти все они созданы словами употребительными, ходовыми, весьма часто встречающимися в речи, и поэтому была настоятельная необходимость разграничить их³⁸.

В одном случае — у существительных появился звук [ъ]: [пóл'ъм] (именительный падеж *поле*), [мóр'ъм] (*море*), [рóйъм] (*рой*), [чайъм] (*чай*) и пр.

³³ См. Винокур Г. О. Русское сценическое произношение, с. 55; Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М., 1950, с. 41.

³⁴ Переспросы при проведении этого опыта были исключены.

³⁵ См. Пешковский А. М. Сборник статей, 1925, с. 146.

³⁶ «Сами маемся и других маем».

³⁷ Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. М., 1949, с. 119.

³⁸ Ср. неограниченную возможность возникновения таких омонимов при образовании имен собственных: вспомним, например, достаточно распространенные собачьи клички Терзай, Ругай (см. «Псовую охоту» Некрасова); Стреляй, Порхай, Допекай, Обругай (см. «Мертвые души» Гоголя), ср. топонимические существительные: Разгуляй, и др.

В другом случае — у глаголов — упрочился звук [ъ] или [и] безударное; в этом случае [j] или очень ослаблен или совершенно отсутствует: [р'о́им] (от инфинитива *рыть*), [п'о́л'ьм] (или [п'о́л'им]; инфинитив *полоть*) и пр. Звук [ъ] во флексии существительных оправдан формами: ко/н'о́м, руж'я́о́м, но как возник звук [ъ] у глаголов? Ударные варианты глагольных морфем могут дать и *-ом* (*идём, ведём, пошёлём*) и *-им* (*стоим, горим* и пр.). Одна из этих форм оправдала бы [ъ] безударной флексии, другая — [ь]. Победила форма с тем звуком, который был нужен для м о р ф о л о г и ч е с к о г о р а з л и ч е н и я. Морфологическая избирательность может иметь место, если для нее даны фонетические условия. Надо отметить, что во всех остальных лицах (*моришь, морите*), где под ударением возможны и звук [о] и звук [и] (*сидишь, идёшь; сидите, идёте*), везде в безударных вариантах флексии представлен звук [ъ], а не [ь], так как нет условий для подстановки звука: не с чем разграничиваться. Возможно, что подобные формы второго лица единственного и множественного числа глаголов оказали влияние и на первое лицо множественного числа, помогли становлению [ъ] и в этом лице³⁹.

13. Произношение [ка́пл'ьм], учи[т'ьл'ьм] (*каплям, учителем — учителям*) и пр. в современном литературном языке является господствующим. Наблюдения, поставленные в том же объеме, что и раньше описанные, дали очень небольшое количество случаев (единицы), когда произношение отступало от этой нормы.

14. Произношение во множественном числе [ка́пл'ьм'ь], о [ка́пл'ьх] (творительный и предложный падежи) тоже является достаточно распространенным. Оно поддерживается противопоставлением с окончаниями прилагательных в тех же падежах⁴⁰. Могут возникнуть омонимы: *синий* и *синь* в косвенных падежах множественного числа.

Таких омонимов много: однако важность их различия поддерживается синтаксически: есть ряд синтаксических положений, где равно возможны и существительное и отдельное прилагательное (например, в именном сказуемом).

При синтаксической важности разграничения и небольшого количества синонимов⁴¹ достаточно, чтобы путем подстановки звука добиваться расхождения, «разомонимливания» определенных грамматических форм.

15. Все же, несмотря на помощь синтаксиса, противопоставленность форм здесь оказывается слабой. Мы считаем, что именно поэтому произношение

³⁹ Становлению [ъ] могла бы помочь форма третьего лица [х'о́д'ьт]. Но она сама является «подставленной».

⁴⁰ Ср. при твердой основе: «...И про то скитники наказывали, чтобы с бритоусами да табашниками народ не яштался» (П. Бажов). Здесь произношение не отличило бы прилагательного *бритоусый* от существительного *бритоус* ([ы] в разговорном и даже нейтральном стиле редуцируется в заударном закрытом слоге, превращаясь в [ъ]).

⁴¹ Ср. *третий — треть, синий — синь, рысий — рысь*. В строгом стиле возможно [й] перед флексией прилагательного в косвенных падежах.

[káпл'ьм'ь], о [káпл'ьх], ту[ч'ьм'ь], о ту[ч'ьх] вовсе не так стабильно в современном русском языке, как произношение [káпл'ьм], *учите*[л'ьм]. Если [káпл'ьм] в нашем опыте произнесли 71 человек из 80, то [káпл'ьм'ь] — 32. Контраст разительный, и причина его ясна: шестое условие (см. выше) в данном случае реализовано очень слабо.

16. Слова типа *время*, *стремя* в именительном падеже единственного числа произносятся: *вре*[м'ь], *стре*[м'ь]⁴². Уподобление идет по аналогии с другими словами среднего рода (*село*, *цевьё* и пр.)⁴³. Но аналогия здесь несколько ослаблена: парадигмы слов типа *весло*, *цевьё* и слов типа *время* не совпадают во многих падежах.

Зато сильна в данном случае «отрицательная аналогия»; подстановка определяется не столько силами притяжения, сколько силами отталкивания. Ни в одной парадигме в нашем языке нет в именительном падеже единственного числа окончания *-и* (-[ь]). Это окончание воспринимается носителем языка, если оно выражает единственное число, только как выразитель косвенных падежей. Как выразитель множественного числа это окончание определено связано с именительным (в известных случаях и с винительным) падежом. Флексия *-и* как способ выражения именительного падежа множественного числа встречается у существительных всех родов, у прилагательных (краткой формы: *свежи*, *новы*, *крепки*⁴⁴). У глаголов (прошедшее время: *ушли*) и у местоимений. Отталкивание от форм множественного числа не позволило словам *время*, *стремя* и пр. в именительном падеже единственного числа образовать окончание *-[ь]*.

17. Формы глагола третьего лица единственного и множественного числа в произношении разграничены, противопоставлены, даже если флексии глаголов безударны. В единственном числе произносится окончание *-[ьт]*. Во множественном по старой московской норме во флексии произносился звук *у*: *ходят*, *просят* и пр. У Лермонтова, например, встречаем такие рифмы:

Потом вас чинно в гроб положут,
И черви ваш скелет обгложут...

У него же в рукописях: *холют* — *полют*, *проводют*, *ходят*, *накормют*, *разделют*⁴⁵ и пр.

⁴² Транскрипция: на *вре*/м'ь/ (*Абакумов С. И.* Современный русский литературный язык. М., 1942, с. 42) — несомненно ошибочна.

⁴³ Фонематически эти слова транскрибируются так: (вр'ем'о) и пр. Ср. формы *Из пламя и света рожденное слово*, *То к темю их прижмет*; они показывают, что данные слова осознаются как обычные образования существительных среднего рода.

⁴⁴ [ь] рассматриваем как вариацию фонемы И.

⁴⁵ *Нефедов Г. Н.* О влиянии народных говоров на язык Лермонтова // Русский язык в школе, 1937, № 2, с. 5. Автор статьи все подобные написания считает свидетельством диалектного (южного) влияния.

В девятисотых годах, когда дискутировался вопрос о реформе орфографии, Ф. Е. Корш и Р. Ф. Брандт настаивали на введении написаний *служут, ходют*⁴⁶, *нежут, просьют*⁴⁷. Другие, наоборот, призывали «внять справедливому голосу этимологии», но и они соглашались, что говор «упорно держится своего»⁴⁸, т. е. окончаний «неэтимологических» (*ходют* и пр.)⁴⁹.

Уже издавна раздавались голоса в защиту «буквенного», «орфографического» произношения, против укрепившейся устной традиции. В грамматике Барсова (конец XVIII века), отражавшей московскую речь⁵⁰, читаем «ю вместо я с крайним повреждением языка выговаривают и пишут в третьем лице множественного числа некоторых глаголов, например, ходют, видют, просют, строят вместо ходят, видят, просят, строят, также строящийся вместо строящийся»⁵¹.

Несмотря на порицания «буквалистов», произношение [-ут] в окончаниях глаголов третьего лица множественного числа (без различия спряжения) продолжало существовать и в первой трети XX века. Совсем недавно еще орфоэпические руководства утверждали такое произношение как норму⁵².

18. И все же эта норма постепенно вытеснялась другой, «орфографической». Процесс вытеснения был очень длителен⁵³. В статье проф. Аванесова за 1947 г. читаем: «Безударные глагольные окончания *-ат, -ят* по старой московской норме произносятся как *-ут, -ют*⁵⁴. Примеры: *ходют, порют, видют, слышут* и пр. «Однако под влиянием правописания, а также таких с-в-р говоров, в которых безударные окончания *-ат, -ят* произносятся как *-ат, -ят*, в настоящее время в литературном языке широко проникло произношение этого

⁴⁶ Корш Ф. Е. О русском правописании // ИОРЯС, 1902, № 2, с. 64.

⁴⁷ Брандт Р. Ф. Образцы моих орфографий // ФЗ, 1904, № 3, с. 54. Ср. *Его же*. Удобочитаемость как желательный принцип правописной реформы // РФВ, 1908, № 3, с. 44.

⁴⁸ Новаковский В. ФЗ, 1872, № 1, с. 7.

⁴⁹ Ср. у Крушевского Н. В. Об «аналогии» и «народной этимологии» // РФВ, 1879, № 3, с. 115.

⁵⁰ См. РФВ, 1904, № 1–2, с. 153.

⁵¹ См. такое же наставление в «Письмовнике» Курганова (изд. 1809 г., с. 104).

⁵² Артоболевский Г. В. Основы художественного чтения // РЯВШ, 1940, № 5, с. 20; Шапиро А. Б. Вопросы русской графики и орфографии // ИОЛИЯ, 1951, № 3, с. 265. *Он же*. Рецензия на кн. Р. И. Аванесова. Русское литературное произношение // РЯВШ, 1951, № 1, с. 84.

⁵³ Уже Ф. Е. Корш отмечал существование произношения [та́щът] («тащат»), которое считал искусственным. Р. Ф. Брандт в своих статьях об орфографической реформе соглашался «рядом с преобладающим в речи окончанием *-ут...* сохранить также *-ят, -ат*». Брандт Р. Ф. Удобочитаемость как желательный принцип правописной реформы // РФВ, 1908, № 3, с. 44.

⁵⁴ Аванесов Р. И. Работа над русским литературным произношением в школе // РЯВШ, 1947, № 3, с. 20.

окончания со звуками *-ьт*: такое произношение в настоящее время шире распространено, чем старое московское»⁵⁵. В работе того же автора 1950 г. сказано уже гораздо категоричнее: «Произношение форм 3-го лица множественного числа глаголов второго спряжения последовательно с [у] вместо [а] для современного русского языка либо представляет собой сознательную стилизацию под старое московское произношение, либо характеризует просторечный, нелитературный язык»⁵⁶. Старая норма «сохраняется, и то лишь непоследовательно, только в устах представителей самого старшего поколения»⁵⁷.

Сейчас новая норма полностью утвердилась. Долговременные и массовые наблюдения над речью людей, вполне владеющих литературным языком, показали, что в разговорной речи старое произношение *ходят* и пр. полностью изжито. На театральной сцене также победила новая норма. Правда, у старшего поколения артистов Малого театра (но не Художественного!) старая орфоэпическая норма еще бытует, но и у них она проводится непоследовательно: обычно окончание *-ут* более или менее последовательно удерживается после твердых шипящих (*держут, дышут, слышут*), а в других случаях старое чередуется с новым.

Произношение *видют, ходют* в разговорной речи сейчас уже невозможно, так как оно сейчас же вызовет отрицательную реакцию слушателей. Нарушения новой нормы теперь воспринимаются как нечто комическое. Например, у Маяковского: *Гражданин, вас вежливо просят, убирайтесь вы отсюда... В театр для удовольствий ходют, а не по делу* («Баня»).

Итак, вместо разграничения форм третьего лица единственного и множественного числа по старой норме (*ходит — ходют*) появилось разграничение по новой норме ([хóд'ьт] — [хóд'ьт]).

Новая произносительная норма, как и старая, дает (иногда) омонимность флексий первого и второго спряжений⁵⁸: в современном языке очень часто произносится [пóл'ьт], [кóл'ьт] и пр. И это характерно не только для вольного стиля, но проникает и в более тесно ограниченные системы произношения. Правда, такая омонимность существует не для всех вариантов заударной части глагола: после [й], после твердых шипящих у глаголов первого спряжения все же обязателен вариант *-ут* (*знают, вербуют, реют, режут, пишут*).

19. Смену старой нормы и победу новой обычно объясняют влиянием орфографии и некоторых диалектов. Такое объяснение слишком упрощенно, оно

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М., 1950, с. 108.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Ср. «По отношению к глаголам настоящего времени можно говорить о намечающейся в разговорном языке омонимии типов спряжения (первого и второго) — при безударности окончания (ср. *летают* и *видют, смотрют* и т. п.)». (Виноградов В. В. О грамматической омонимии в современном русском языке // Русский язык в школе, 1940, № 1, с. 4).

игнорирует внутренние закономерности развития литературного языка. Ссылка на влияние диалектов — это всегда попытка отказать от решения вопроса, отложить его «до другого раза». «А» возникло под влиянием «Б», «Б» под влиянием «В» и т. д.; но ведь все же где-то «возникновение» было своим, авторитетным. «Портной учился у другого, другой у третьего, да первое портной у кого же учился?». С другой стороны, неясно, почему именно это явление иных говоров повлияло; почему оно было избрано литературным языком в качестве образца. Не очень убедительна и ссылка на влияние орфографии. Почему это влияние стало сколько-нибудь широко сказываться только в начале нашего века? Почему раньше грамотные люди не поддавались этому влиянию? Очевидно, надо объяснить смену норм из самого языка, из его системы в ее историческом развитии.

Заударная редукция овладевала гласными в известной последовательности, подчиняла их пласт за пластом: сначала более широкие, потом более узкие. Гласные верхнего подъема сохраняли свой полный, не обезличенный характер дольше и прочнее других. Вполне понятно, что различие третьего лица единственного и третьего же лица множественного числа глаголов стремилось до известного времени опереться на окончание *-[ут]* в одной из различаемых форм. Подстановка этого окончания в глаголы второго спряжения, следовательно, не являлась только морфологическим явлением: морфологическое средство было избрано по рекомендации фонетики и фонологии.

Но вот гласные в е р х н е г о подъема тоже начали постепенно уступать общему процессу — редукции. Стали совпадать в определенных позициях звуки *[ъ]* и *[ы]* редуцированное; перестали различаться формы *старым* — *старом*. Звук *[у]* в определенных позициях тоже стал подвергаться качественной редукции. После мягких согласных в заударном положении он приблизился к *[ь]*, *[ü]*. Р. Кошутич слова *синюю*, *горячую* слышал в двояком произношении: *си[н'ьју]* и *си[н'ују]*⁵⁹. Произношение этих форм со звуком *[ь]* вполне уместно в разговорном (вольном) речевом стиле и действительно часто в нем встречается. В других произносительных стилях (более строгих) обычно в таких случаях произносится тот же переднерядный гласный, но лабиализованный. Лабиализация может быть очень слабой и малозаметной. Е. Ф. Будде в словах *надеюсь*, *смеют* (в московском произношении) находит «лабиализованные гласные пе-

⁵⁹ Кошутич Р. Грамматика русског језика. Пг., 1919, с. 118. По наблюдениям В. А. Богородицкого, в слове *колот* и под. последний гласный «произносится при слабом напряжении участвующих частей органа речи и близко подходит к... [ь]» (Курс грамматики русского языка // РФВ, 1886, № 4, с. 347).

реднего ряда»⁶⁰. Р. Кошутич в словах типа рѣзгвѣр'вьѣйт (sic) слышит «врло мало лабијалисано и»⁶¹.

Вполне понятно, что является новая тенденция: разграничить третье лицо единственного и множественного числа у глагола не на основе противопоставления звука [ъ] и звука [у], обреченного на постепенное ослабление и нивелировку в данной позиции, а на основе твердого, упрочивающегося, а не исчезающего противопоставления звуков [ъ] и [ь]; их противопоставление в современном языке чрезвычайно весомо и фонологически значительно.

20. Справедливо, что «...произношение слова... определяется также и грамматической его структурой»⁶². Но следует учесть и то, что сами морфологические процессы и, следовательно, грамматическая структура слова в значительной степени оформляются в зависимости от характера фонетических процессов в языке.

Раньше аналогия (морфологическая!) в глагольных окончаниях исходила из окончания глаголов первого спряжения; теперь исходит из окончаний второго. В п р и н ц и п е морфологический процесс тот же, но в конкретных формах его есть нечто новое. Теперь понятно, почему старая норма оказалась устойчивее после твердых шипящих: ведь превращение (редукция) безударного [у] в [и] возможно только после мягких согласных.

Мы говорили, что формы *полют, колют* теперь иногда в разговорной речи заменяются иными: [пóл'ът], [кóл'ът]. Такой замены нет, если основа оканчивается на твердый согласный (*режут, пишут*) или на [j]. Это тоже понятно: после указанных звуков [у] не редуцируется в [и], редукция обычна только после палатализованных (не после веляризованных и палатального).

21. Факты показывают, что исчезновение старых орфоэпических норм и появление новых в данном случае нельзя объяснить только влиянием орфографии. Процесс исторического развития редукции, которая с неумолимой последовательностью грызет один гласный звук за другим, объясняет и появление новых орфоэпических норм, и исчезновение старых. Когда решается вопрос о том, узаконить или нет какое-то новое произношение определенных форм,

⁶⁰ Будде Е. Ф. Лекции по истории русского языка. СПб, 1907, с. 116. Будде приводит примеры Люнделля. Ср. также: Томсон А. И. Общее языковедение. Одесса, 1910, с. 161. Ср. Гельгардт Р. Р. К вопросу об орфоэпической норме в русском литературном языке // Русский язык в школе, 1946, № 5—6. Фактически указанные Люнделлем после [j], [У, ѳ] могут встретиться лишь в вольном стиле. В нейтральном стиле, напротив, после [j, ѳ] — [у] всегда остается [у]. См. выше.

⁶¹ Кошутич Р. Грамматика руског језика. Пг., 1919, с. 97. Ср. Богородицкий В. А. Гласные без ударения в русском языке. (Казань). 1884, с. 6; Брок О. Очерк физиологии славянской речи. 1910, с. 126. (Очень интересно, но сомнительно наблюдение, что в *делают* округление губ может теряться настолько, что остатком звука выходит нечто вроде ослабленного [и]. Это возможно (после j) только в вольном стиле.)

⁶² Винокур Г. О. Русское сценическое произношение. М., 1948, с. 29.

необходимо в первую очередь учитывать эти внутренние, специфически языковые (в данном случае фонетические) процессы. Тогда станет ясно, что произношение [хóд'ът], [вóд'ът] — это не следствие вздорного и нелепого желания читать все «по буквам», а вполне закономерное языковое явление. Напротив, если не учитывать внутренние закономерности развития языка, спорам о том, как произносить *видют* или *видят* — не будет конца⁶³.

22. «При объяснениях с помощью аналогии надо строго отличать влияние близких по звуковому составу слов на другие с привнесением в влияемую форму своего значения — вещественного или формального, безразлично — и без привнесения его. В первом случае влияемая форма в деле взаимодействия со стороны звуков не играет никакой особенно активной роли — достаточна лишь некоторая близость в звуковом составе; вся сила сосредоточивается в значении, которое, вносясь в влияемую форму, вносит вместе с собою и новый звуковой состав. Во втором же случае, когда происходит взаимодействие между двумя формами, только как к о м п л е к с а м и з в у к о в, причины влияния, само собою разумеется, должно искать не в чем другом, как только в фонетике той и другой формы». Одно фонетическое сочетание в новых фонетических условиях должно отмереть, — «...и вот чувство неудобства заставляет говорящих заменить эту часть подобною ей в звуковом комплексе, выживающем и при новых фонетических условиях. Т. е. во втором случае при взаимодействии двух форм причины влияния кроются не только в форме влияющей, но и в форме влияемой, и это влияние заключается в фонетике обеих форм» (Л. Васильев)⁶⁴. Мы сочли необходимым сделать эту длинную выписку, так как она очень верно и четко указывает на значение фонетического облика взаимовлияющих форм и глубоко вскрывает причины влияний, кроющиеся в звуковой организации соотносящихся морфем.

II. Заударные гласные во флексиях после j (й)

23. Мы рассмотрели несколько случаев подстановки звука [ъ] там, где фонетически ожидали бы [ь]. Это следующие случаи:

1. Существительные женского рода, единственного числа, именительный падеж (*воля*).

⁶³ Споры эти продолжают и сейчас. Именно поэтому в школьный учебник введено бессмысленное замечание: «Безударные окончания глаголов — *-ат, -ят...* некоторыми произносятся как *-ут, -ют*. Например, *держат, слышат, смотрят* (sic) (Грамматика русского языка под редакцией Л. В. Щербы, ч. 1. М., 1952, с. 25). Хорошо или нет делают эти «некоторые», учебник предусмотрительно не указывает. Нерешенный вопрос!

⁶⁴ *Васильев Л. Л.* К характеристике сильно оказавших говоров // РФВ, 1907, вып. 4, с. 249–250.

2. Существительные среднего рода, единственного числа, именительный падеж (*поле; знамя*).

3. Существительные мужского и среднего рода, родительный падеж единственного числа (*поля, учителя*).

4. Существительные мужского и среднего рода, творительный падеж единственного числа (*полем, учителем*).

5. Существительные во множественном числе, в дательном, творительном и предложном падежах (*учителям, учителями, об учителях*).

6. Глаголы третьего лица множественного числа (*ходят*).

Во всех этих случаях полностью представлены те условия, которые мы считаем необходимыми для подстановки гласного [ъ] вместо [ь]. Но есть немало случаев, когда появляется [ъ] после не веляризованных согласных во флексиях, хотя необходимых условий, выше нами указанных, нет.

24. Это следующие случаи:

1. Сравнительная степень на *-ее* (*умнее* и пр.).

2. Существительные мужского и среднего рода в именительном падеже множественного числа на *-ья* (*деревья*).

3. Существительные мужского и среднего рода в родительном падеже множественного числа на *-ьев* — (*братьев*).

4. Существительные типа *армия, задание* (именительный падеж единственного числа).

5. Прилагательные *умная, умное* и под.

6. В словах *двое, трое*.

7. В деепричастиях (*умея* и пр.)⁶⁵.

Во всех этих случаях произносится ь после [j] ([й]). Рассмотрим подробнее все случаи, когда в заударной части после [j] следует редуцированный гласный⁶⁶.

В прилагательных *седое, седая, большое, большая* произносится [й]; этот неслоговой звук в данной грамматической форме сохраняет достаточную напряженность и не исчезает⁶⁷. После этого более или менее напряженного звука всегда произносится [ъ]. В словах *двое, трое* произношение заударной части совершенно подобно: [й] не опускается, сохраняет значительную напряженность. Последний звук — всегда [ъ]. В деепричастиях встречаем известные колебания в произношении. В словах *зная, пугая, воя, роя* [й] произносится с небольшим напряжением, подобным напряжению ранее перечисленных форм⁶⁸. В деепричастиях *лея, умея, жалея* звук [й], наоборот, лишен всякого

⁶⁵ См. Ушаков Д. Н. Русская орфоэпия и ее задачи // Русская речь, вып. 2, Л., 1918, с. 24; Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М., 1950, с. 40–41.

⁶⁶ [у] исключаем из нашего обзора (*дую, армию* и пр.).

⁶⁷ Речь идет о нейтральном и строгом стиле произношения.

⁶⁸ Заметно, что после [á] этот звук [й] более энергично артикулируется, чем после [ó].

напряжения, готов слиться со следующим звуком (хотя все же не сливается). Звук, который, как правило, произносится после этого [й], можно легко отличить от того звука, который мы заметили в исходе слов *злая, тугая*, в деепричастиях *зная, пугая, роя, воя*. Слова *лелея, умея* оканчиваются более передним звуком (кажется, и несколько более высокого подъема, но очень незначительно). Почти так же произносится последний звук в словах *торгуя, кочуя*; и здесь [й] произносится без напряжения, а иногда исчезает⁶⁹.

Изложенные факты говорят о тенденции в языке усиливать напряжение [й] в заударной части в том случае, если этому звуку предшествуют ударное [ó] или [á]; ослаблять, если предшествуют [ú] или [é]. Очевидно, и здесь грань надо определить так: с одной стороны, гласные не верхние и не передние; они усиливают напряжение [й] перед редуцированным — с другой стороны, гласные верхние и передние; они ослабляют напряжение того же звука в тех же условиях.

Общий вывод таков: чем шире звук перед [й], тем напряженнее это [й]. Оно относительно напряженно, если перед ним стоят гласные [а, о], т. е. гласные не верхние и не передние.

25. Как же звук [й] влияет на последующий редуцированный гласный?

П о с л е [й] с л е д у е т [ъ]; появление [ъ] после [й] ([j]) мы, вопреки распространенному мнению, считаем ф о н е т и ч е с к и обусловленным. Обычно считают в позиции за [й] закономерным звук [ь], но это не больше чем неправомерное отождествление звука [й] палатального со звуками палатализованными⁷⁰. Лишь при сведении [й] до нуля становится возможным «и-образный» звук [ь].

26. Вот необходимые примеры — доказательства.

У прилагательных в именительном падеже множественного числа обычно произносим в исходе звук [ъ] ([и]): *добрые, смелые, синие, прежние*. А. А. Шахматов так, например, транскрибирует эти формы: заво́цк'ии, крѣс'йáнск'ии⁷¹; у Кошутича читаем: до́брыи и пр.⁷².

Произношение [до́брыйъ], [см'ѣлыйъ] (или [до́брьйъ] = именительный падеж множественного числа) в современном языке не существует, не встречается ни в вольном, ни в общем, ни в строгом стиле.

⁶⁹ Достаточно часто в вольном стиле речи.

⁷⁰ Отметим, что j, предшествуя ударному гласному, значительно меньше изменяет артикуляцию этого гласного, чем мягкий согласный. Ср. *ямки — лямки, ёж — лёжа*. А. Х. Востоков писал: «Не могу согласиться с мнением Неизвестного, что доегласные... составлены не из йа, йэ, йо, йу, ...т. е. из соединения й с чистыми (или грубыми, как он называет) гласными, а из нежных ä, ë, ö, ú соединенных с й». (См. *Сухомлинов М. И. История Российской Академии*, вып. 7, 1885, с. 312.) Знаками ä, ö и пр. здесь обозначены гласные после мягких согласных (см. там же, с. 311).

⁷¹ Брок О. Очерк физиологии славянской речи. СПб, 1910, с. 257.

⁷² Кошутич Р. Грамматика руског језика. Пг., 1919, с. 86–87.

Как исключение, как искусственное явление оно, разумеется, может встретиться⁷³, но в таком случае становится в один ряд с произношением [что], *коне[чн]о* и пр.

После [ы], гласного верхнего ряда, [й] оказалось ненапряженным, неустойчивым; оно, будучи слабым, исчезло, дав возможность образоваться на конце флексии звуку [ь]. Это [ь] было важно морфологически, как всеобщее выражение именительного падежа множественного числа. Значит, морфология не мешала проявлению и развитию фонетических процессов — отмиранию [й] после верхнего гласного и вследствие этого образованию «и-образного» звука в исходе слова.

27. Сравнительная степень прилагательных, образованная по типу: *сильнее, быстрее*, может иметь двойное произношение: с сохранением [й] ([j]), тогда последний звук [ь]: [с'ил'нёйъ] [дабр'ёйъ] (встречается редко даже в строгом стиле) и пр. — без [й], тогда в конце — [ь] (и): [с'ил'н'ёь], [дабр'ёь]⁷⁴. Форму [дабр'ёйъ] мы считаем на основании наших наблюдений несуществующей в русском языке нашего времени.

Понятно, что после [е] звук [й] мог исчезнуть, открыв возможность для появления [ь] в исходе. Даже если [й] присутствует в данной форме, он все-таки остается исчезающе ненапряженным. Два типа произношения этих форм можно, вероятно, определить как более старый и более новый тип⁷⁵.

Один соответствует строгому стилю, другой — нейтральному и разговорному.

28. В глагольных формах: *робеет, жалеет, владеет, имеет, болеет, стареет, мрачнеет* и т. д. — [й] естественно (фонетически) должно «обессилеть» и исчезнуть; во флексии появляется [ь] ([и]). Наоборот, в формах *знает, пугает, болтает, гуляет, заседает, ласкает, считает, умывает* и пр. естественно ожидать сохранения [й] и, следовательно, звука [ь] после него. Но в таком случае получился бы морфологический разнобой: одни глаголы третьего лица были бы представлены флексией [ьт], другие глаголы с этим же грамматическим значением — флексией [ьт]. По морфологическим причинам заударные части грамматически тождественных глагольных форм уравниваются; остается общее окончание [ьт]. Из форм *знает, пугает* и т. д. [й] по аналогии убирается как фонетически несовместимое со звуком [ь]: [й] требует после себя [ь]⁷⁶. Получается: *знаит* ([знáйт]) и пр.

⁷³ Ср. у Бахтина указание на обе формы: *добрый, добрыйи* — РФВ, 1890, с. 248.

⁷⁴ Граница между звуками [е] и [ь] сопровождается очень слабым увеличением напряжения артикуляции. Так же отмечается грань между гласными во флексии слова *синиш*. Это усиление напряжения слишком слабо, чтобы привести к образованию [й]; акустически оно проявляется, как кажется, только в движении тона.

⁷⁵ См. *Аванесов Р. И.* Русское литературное произношение. М., 1950, с. 41.

⁷⁶ Понятно, почему перевес получила флексия [ьт], а не [ьт]: анализируя формы *по-лем, ро-ем, морим* и пр., мы объясняли, почему они построены по аналогии с ударными

Такое произношение и господствует в современном русском языке, от строгого стиля до вольного. Вот примеры из сценической речи крупнейших мастеров слова: *думьит, паделъиш* (Л. М. Леонидов в роли Плюшкина)⁷⁷; *затеит, потребуит* (А. А. Яблочкина в роли Хлестовой)⁷⁸; *узнаит, избегаит* (Е. Д. Турчанинова в роли Глумовой)⁷⁹; *стреляит, спрашиваит* (И. М. Москвин: «Хирургия» Чехова)⁸⁰, *накроит* (Тарханов в роли Собакевича)⁸¹; *знаит, поужинаит, путаит* (Хмелев в роли Силана)⁸²; *знаит, встречаит* (А. Г. Коонен в роли Бовари)⁸³; *знаишь, умеишь, посмеишь, желаит* (Е. Н. Гоголева в роли Нины Арбениной)⁸⁴; *знаишь, понимаишь, обвенчаимся* (К. Н. Еланская в роли Параша)⁸⁵; *светаит* и пр. (О. Н. Андровская в роли Лизы, «Горе от ума»)⁸⁶.

29. У деепричастий чисто фонетически мог бы тоже получиться разнобой: с одной стороны — формы *робея, умея, полнея*, с другой — *зная, воя, строя* и пр. На этот раз победило окончание [ъ]; оно и было усвоено всеми формами (в том числе и деепричастиями типа *умея*)⁸⁷.

Причина победы окончания [ъ] и здесь ясна. Это окончание позволяет четче противопоставить такие формы: *добрея — добрее* (возможно произношение *добреи*), *краснея, чернея, синея — краснее* и т. д.; *беднея, светлея, тупея, рябея, полнея — беднее* и пр. У сравнительной степени возможно и обычно окончание [ь], а у деепричастий чаще встречается окончание [ъ]. Впрочем, это тенденция, а не абсолютная норма.

30. В существительных *армия, здание, затея* и под. по фонетическим причинам [й] не должно бы быть обязательным, но аналогия и здесь потребовала звука [ъ] в конце — поэтому потребовала и звука [й] перед [ъ], как условия для этого последнего (флективного) звука.

окончаниями в глаголах *сидим*, а не с окончанием в глаголах *ведем, плывем*. Стремление к морфологическому единству заставляет все глаголы избирать то же окончание *-ит*. Существенно и разграничение с формами третьего лица множественного числа.

⁷⁷ Тонфильм. Транскрипция упрощенная.

⁷⁸ Спектакль 1951 г.

⁷⁹ Фильм-спектакль «На всякого мудреца довольно простоты».

⁸⁰ Передача по радио 10 мая 1950 г.

⁸¹ Тонфильм.

⁸² Тонфильм.

⁸³ Спектакль 14 февраля 1947 г.

⁸⁴ Передача по радио 8 июня 1952 г.

⁸⁵ Тонфильм.

⁸⁶ Тонфильм.

⁸⁷ Транскрипции: *пъжымáиь* (Дурново Н. Н., Ушаков Д. Н. Хрестоматия по великорусской диалектологии. М.; Л., 1910, с. 203); *патр'áхвььиь* (Петерсон М. Н. Современный русский язык. М., 1929, с. 48), *откладыв[ъиь]* (Винокур Г. О. Русское сценическое произношение, с. 73. М., 1948) считаем ошибочными.

31. Говоря о влиянии грамматической (морфологической) аналогии, мы должны отметить, что эта аналогия в перечисленных формах не привела к подстановке звука. После палатализованных фонетически закономерен в ударном положении звук [ь]; если является звук [ъ], то это — результат подстановки. После палатального [j] ([й]), как и после велярных, закономерно (чисто фонетически) образуется [ъ]. Подстановкой бы считали появление после [й] звука [ъ]. Но таких случаев среди перечисленных выше нет. Влияние аналогии сказалось лишь в том, что звук [й] после некоторых гласных оказался более стойким, чем мы могли бы ожидать по фонетическим данным. Но ведь [й] возможно после любого гласного ([эй], [ай], [ой], [уй] и пр.); его «прочность» после [а, о], неустойчивость после [е, и] — не более, как тенденция, а не категорическое правило. Следовательно, здесь нет речи о подстановке звука, т. е. о появлении его в положении, фонетически для него противопоказанном.

В формах: *большое, большая; трое, двое; сарая, героя* и вовсе нет основания видеть действие какой-либо аналогии⁸⁸. Произношение этих слов абсолютно закономерно с фонетической стороны.

32. Все случаи, нами проанализированные, относятся к таким формам, где [й] следует после гласного. Но этот звук может следовать и за согласным: *братья, братьев, лгунья, рысьими*. После согласных [й] обычно остается достаточно напряженным, не доходит до нуля.

В словах типа *лгунья, шалунья* конечный [ъ] поддерживается аналогией⁸⁹, а это ведет к упрочению [й]. Но в родительном падеже неожиданно наталкиваемся на произношение *лгу[н'йи], лгу[н'йь]*. Здесь необходимо видеть как раз подстановку звука, вполне аналогичную подстановке [ъ] после палатализованных согласных.

Условия подстановки в принципе те же: наличие безударной флективной морфемы; перед постанавливаемым гласным — согласный определенного типа ([j]); связь с другими по принципу:

$$\begin{array}{l} \text{j}^{\text{ь}} \perp \text{j}^{\text{ъ}} \\ \text{j}^{\text{ь}} \parallel \text{j}^{\text{í}} \\ \text{j}^{\text{ь}} \parallel \text{j}^{\text{á}} \end{array} \quad ^{90}$$

⁸⁸ С другой стороны, формы *большое, большая, здание, армия, героя* не противоречат и тем грамматико-морфологическим связям, которые требуют звука [ъ] в исходе.

⁸⁹ Под аналогией, как везде, подразумеваем наличие полюса притяжения (*лгунья* — *скамья*) и полюса отталкивания (*лгунья* — *лгуньи*). Но влияние аналогии здесь не приводит к «подстановке» звука (см. выше).

⁹⁰ Те подстановки звука, которые имели место после палатализованных, можно изобразить так:

$$\begin{array}{l} \text{t}'^{\text{ь}} \perp \text{t}'^{\text{ъ}} \\ \text{t}'^{\text{ь}} \parallel \text{t}'^{\text{á}}, \text{tá} \text{ (или: } \text{t}'^{\text{ó}}, \text{tó)} \\ \text{t}'^{\text{ь}} \parallel \text{t}'^{\text{í}}, \text{ty} \text{ (или: } \text{t}'^{\text{е}}) \end{array}$$

(В данной схеме использована латиница.)

т. е. наличие отрицательного и положительного «полюсов»: морфемы ударной синонимичной — центр притяжения — и морфемы неударной (центр отталкивания), которая без подстановки, в результате действия только фонетического фактора, была бы омонимична данной морфеме, наконец, у этой омонимической морфемы — синонимический ударный вариант с гласным, противоположным по ряду с гласным той морфемы, которая является «центром притяжения».

Итак, подстановка звука и здесь — следствие взаимодействия четырех фонетически и грамматически соотнесенных величин (флексий).

В дательном и предложном падежах единственного числа, в именительном падеже множественного числа такие слова (типа *певунья, шалунья*) также имеют звук [ь] во флексии (по тем же причинам: разграничение с именительным).

33. Во множественном числе существительных, построенном по типу: *перья, колья*, всегда четко выделен звук [й] и после него следует звук [ь]⁹¹. Вероятно, здесь не следует видеть какого-либо морфологического влияния.

34. В прилагательных типа *рысьими, чиновничьими, лисьими, рысьим, чиновничьим, рысьих* и пр. возможны два типа произношения. Обычен такой тип: [й] выпадает, остается «чистый» звук [и] ([ь]): *ры[с'ьм]*, *ли[с'ьм'ь]* и пр. Насколько часты такие написания: *рысьими, чиновничим, чиновничему, помещичего* и пр. в школьных работах, может рассказать любой учитель⁹².

Но в строгом стиле иногда сохраняется [й]: *ры[с'йьм]*, *ры[с'йьм'ь]*. Следовательно, здесь противопоставление формам *рысьям, рысьями* (косвенный падеж существительного) осуществляется не чередованием [ь] — [ь], а чередованием [й] — ноль. Звук [ь] после [й], по нашим наблюдениям, совершенно неизбежен в естественной речи (в литературном языке).

35. Осталось сказать еще об одной форме с [й] после согласных: о родительном падеже множественного числа существительных типа *колья, братья*.

В строгом стиле преобладает такое произношение: [брáт'йьф], [кóл'йьф].

Но в вольном и общем стиле возможно и иное произношение, которое часто приходится наблюдать: [й] не произносится, но не пропадает бесследно.

Этот звук, выпав сам, оставляет память о себе — напряженность предшествующего согласного⁹³.

В словах *кольеv, братьев* возможно следующее произношение: согласные [л'] (в одном слове) и [т'] (в другом) становятся несколько более напряженными и длительными; это изменение очень незначительно, но все же ощутимо⁹⁴. За этими согласными следует звук [ь] ([и]).

⁹¹ Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М., 1950, с. 39.

⁹² С другой стороны ср. «К своему рабочему месту...».

⁹³ Эта напряженность, однако, несравненно ниже, чем в подобных же случаях в украинском языке.

⁹⁴ Этот процесс известен и в русских говорах. См. Попов В. М. Замечания о северно-смоленских и ржевских говорах // ИОРЯС, 1913, вып. 3, с. 260. Ср. Васильев Л. Л. Рецензия на работу Н. Н. Дурново «Описание говора дер. Парфенок» // ИОРЯС, 1904, вып. 2, с. 374.

36. Общие выводы сводятся к таким положениям:

1. В заударной части слова звук [й] перед гласным имеет фонетическую тенденцию сохраняться, если перед этим звуком ([й]) идет гласный не верхнего подъема и не переднего ряда; в ином случае (после [и], [е], [ь]) он склонен выпадать, т. е. ассимилироваться.

2. Однако его выпадение в этих неблагоприятных для него условиях может быть задержано грамматической (морфологической) аналогией.

3. После [й] ([j]) фонетически закономерно следует звук [ь].

4. При [й] опущенном (ассимилированном) возникает (после «нулевого» [й]) [ь] ([и]).

5. Иногда возможна подстановка после [й] звука [ь] вместо [ь] (в условиях, строго определенных для подстановок). Это, в сущности, один случай: родительный, дательный и предложный падежи единственного числа и именительный падеж множественного числа у существительных на *ја*: *летуњи*, *певуњи*.

6. Наконец, в некоторых грамматических формах [й] после согласных может и выпадать и не выпадать.

Выпадая, этот звук усиливает напряженность предшествующего согласного.

37. В заключение раздела скажем об особенностях наблюдения сочетаний: [й] ([j]) + гласный в заударной части слова.

Наблюдения эти требуют исключительного напряжения внимания. Звук [й] — [j] выступает в ряде изменений, с трудом разграничиваемых слухом.

Гласный, следующий за [й] — [j], также варьируется чрезвычайно сложно. Если слушать естественную, обычную, непринужденно-разговорную речь, то необходимо в течение очень длительного времени держать свое внимание в особом напряжении. Но можно слушать день, два, три — и не услышать ни разу, например, родительный падеж типа *шалуньи*, *плясуньи*, или родительный падеж множественного числа типа *кольев*. Такое напряжение внимания практически невозможно:

Назойливому звуку
устанет слух без отдыха внимать.

Услышать (или, лучше, «расслушать») множество таких примеров, так как ведь необходимо узнать типичное произношение (в данном случае оно особенно вариативно), оказывается невозможным.

Расслышать оттенки [й] и [ь] возможно лишь в том случае, если вы заранее насторожились, приготовились их схватить. В обыденной речи долгожданное слово (*братьев*, *шалунья* и пр.) застаёт вас обычно врасплох; вы «опознаёте» это слово тогда, когда оно уже сказано, когда прозвучало его окончание — важнейшая часть для опознания слова. Вы анализируете уже сказанное сло-

во, полагаясь на свою слуховую память. Но это очень неточный анализ, когда дело касается незначительных тонких звуковых оттенков. Иное дело, если вы просите произнести то или другое слово и его внимательно прослушиваете; просите повторить, если не все ясно услышали; еще раз и еще раз прослушиваете его — тогда произношение воспринимается во всех его деталях. Иногда нецелесообразно прибегать к повторениям, к переслушиванию, именно — в тех случаях, когда возможен выбор произношения, анализ его со стороны говорящего. Если такого соблазна для испытуемых не было, то повторение слова было и повторением прежнего типа произношения. Методика прослушивания слов, сказанных по заданию, прослушивания их у большого коллектива (80 человек) здесь оказалась единственной, дающей более или менее верные результаты.

III. О термине «подстановка звука»

38. Мы все время говорили в этой статье о подстановке звука. Какое значение имеет этот термин? Означает ли он, что когда-то было произношение *это мо[р'ь]*, *это по[л'ь]* и пр., а потом был подставлен вместо [ь] звук [ъ]? Иными словами, рисует ли данный термин диахронию явления? Несомненно, не рисует. В письменности XVIII и XIX веков не раз встретим (в рукописной художественной литературе, в переписке, в дневниках и т. д.) написания: *в этом поли, мори*, так же как *в этом сени* и пр. Написания *это мори, это поли, нет мори, нет поли* в тех памятниках, которые отражают литературную, московскую речь, не встречаем (если не считать единичных случаев). Очевидно, в этих словах (и им подобных) никогда не было во флексии узкого, «и-образного» звука.

Если не во всех, то в большинстве случаев звук [ъ] после палатализованных согласных вовсе не заменил в какой-то исторический момент звук [ь].

Процесс надо изобразить не такой схемой: [ь] → [ъ], а иными (их несколько): [’а] → [’ъ].

39. Считается, что в словах *добрая, доброе, играя, армия* после [й] звук [ъ] — тоже результат подстановки. Мы уже выяснили, что синхронистически, для системы с о в р е м е н н о г о русского языка это неверно: после [й] как раз естественно [ъ], а не [ь]. Но, может быть, термин «подстановка» для сочетаний [йъ] верен если не синхронически, то диахронически? Может быть, [jъ] сменило [jь]?

Это опять-таки неверно. В некоторых памятниках еще XVIII века, хорошо отражающих разговорную московскую (литературную) речь, встречаем такие написания: *о рождени дочери, во ожидани, в рассуждени том..., в щасти, в рассуждени, в таком благополучи, в своем владени, в таковом состояни* и многие другие⁹⁵.

⁹⁵ Записки Н. Б. Долгорукой. С. 1—30 рукописи.

С другой стороны — иные написания в том же памятнике: *во удoвствие* (sic) *ваше хачу вас тем утешить; ваше прощение меня убеждает; то есть определение Божие; обручение наше; от всех людей почтение; все опробовала, гонение, странствие, нищету, разлучение с милым..., отнять честь или имение; вайдите в рассуждение; палажила свое намерение; притти в нещастие; природное милосердие* и др.⁹⁶.

Окончание именительного-винительного падежа существительных типа *милосердие* всегда передается как *-ие*⁹⁷.

Иногда так же передается окончание родительного падежа: *нет участие, паче чаяние*⁹⁸; однако более обычно написание *-ия*: *для утешения, без признания* и пр.⁹⁹.

А в предложном падеже е д и н о о б р а з н о даны окончания *-и!* Исключение одно (на сотню форм): *о незлобие*¹⁰⁰.

Такое же противопоставление находим и в других памятниках: *во антиохи* (3 раза) — *но сослал его в заточения, упование, рыдание* (именительный-винительный падеж)¹⁰¹; *до своей станци, за неполучением аксиденци* — *но имел отдыхновение, благоразумие* (именительный падеж)¹⁰² и пр.

Значит, с одной стороны — окончание *-и*¹⁰³ в предложном, родительном, дательном падежах существительных типа *фамилия*; в предложном падеже существительных типа *стремление*. С другой стороны — окончание *-ие* в именительном-винительном падеже (а также родительном) существительных типа *стремление*. Ясно, что формы, отраженные в памятниках по-разному (притом вопреки старой традиции в одном случае), по-разному произносились. Стяженная форма *-и* говорит о том, что в этих окончаниях (*об армии, к армии, для армии, о здании*) произносилось сочетание из двух одинаковых звуков, которые, с ослаблением (ассимиляцией) интервокального [й], стянулись в один¹⁰⁴. В сочетании, орфографически передаваемом как *-ие*, не было такого п о д о б и я г л а с н ы х, разделенных [й]; ассимиляции не наступило. Следовательно, эти гласные можно предположительно изобразить так: [иј] + не [и].

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Исключения: *Вайдите в мое состояни; Нынешнее мое состояни и звание...* (с. 11 ркп.) Здесь последующее «и» (союз) оказало ассимилирующее влияние на произношение флексии: [ийъ] + [и] → [ийи] + [и] → [ии] + [и] → [и] + [и].

⁹⁸ С. 17 и 46 рукописи; ср. также *от напрасные (напрасныя) смерти* (с. 45), *гром, молние* (с. 61).

⁹⁹ Исключение: *Окончил живот свой паче чаяни* (с. 14 рукописи).

¹⁰⁰ Последняя страница рукописи.

¹⁰¹ «Сказание о трех царях»; *Ситовский В. В.* Русские повести XVII—XVIII века, 1905, с. 294 слл.

¹⁰² «Дневник поручика Васильева», изд. 1896.

¹⁰³ При этом, очевидно, после узкого [и] [ь] согласный (или неслоговой гласный) [ј] [й] редуцируется до нуля, что поддержано и морфологически: нужна флексия [и].

¹⁰⁴ «Окончание» не в значении «флексия».

Эти примеры убеждают в том, что уже в XVIII веке, во-первых, звук [ъ] [и] был связан с отсутствием [й] ([j]) перед ним; в том, во-вторых, что формы, противопоставленные сейчас сочетаниями [ии] ([иь]) — [ийь], были и тогда противопоставлены; это противопоставление, в-третьих, могло быть обусловлено только различием в конечном гласном; этот гласный (в-четвертых) отличался в одной из форм от [и], т. е. был более широким и, может быть, более задним; наконец, этот не «и-образный» звук имел перед собою [й]. Это как раз то соотношение, которое наблюдаем сейчас.

Очевидно, по отношению к сочетаниям [йь] термин «подстановка» не оправдан не только синхронически, но и диахронически.

40. Это наше предположение подтверждают данные диалектальные.

Известно, что переселенцы очень часто последовательно сохраняют особенности того говора, который они вывезли с прежнего места жительства. Вот один пример. Крестьяне деревни Сапино (Поволжье; 14 км западнее Васильсурска) в середине прошлого века были переселены из-под Москвы. Эта деревня — маленький акающий островок среди моря окающих говоров. Нормы произношения крестьян этого села совершенно «московские» (чем жители деревни очень гордятся). Формы типа *поле*, *море*, *воля* произносятся со звуком [ъ] в конце и со звуком [ъ*]: [вóл'ъ*] и т. д. Те же звуки — в винительном падеже слова *поле* и под.: *в это* [пóл'ъ]. Слова *имя*, *семя* произносятся опять-таки со звуками [ъ], [ъ*] в исходе. Например, произношение *это* [пóл'ъ] не встречается.

41. Хотя диахронически термин «подстановка» звука и бессмыслен, мы все же считаем возможным пользоваться им, вкладывая в него (по отношению к таким случаям, как *поле*, *воля*, *учителем* и пр.) синхронистический — и притом метафорический смысл. Сейчас после палатализованных обычно без вмешательства морфологических влияний должен стоять звук [ъ], а после палатального звука — [ъ]¹⁰⁵. Если эти фонетические отношения нарушены, то, очевидно, звуки [ъ] и [ъ] встали не на своем месте, не на свой пост. С точки зрения современной системы фонетических взаимоотношений, они подменили другие звуки; их «подставили».

VI. Об особенностях «подставленного» гласного

42. «Никакая аналогия не порождает новых звуков»¹⁰⁶, — писал Н. Н. Дурново. Это мнение основательно: ведь по аналогии подставляется какой-то звук, уже имеющийся в другой грамматической форме, в другом слове. Поэтому нельзя не согласиться с выводом Дурново.

¹⁰⁵ Речь все время идет о заударной части слова.

¹⁰⁶ РФВ, 1900, вып. 3—4, с. 189.

Но при этом надо помнить, что при помощи аналогии «возникают в языке первыми по времени новые комбинаторные сочетания звуков, которым потом в языке суждено стать вполне обычными» (Л. Васильев)¹⁰⁷. В этих новых условиях старые звуки, несомненно, должны как-то измениться; новые условия повлияют на них. Ведь по аналогии звук может быть перенесен в такие условия, для которых он фонетически противопоказан, например -[ъ] в соседстве с предшествующим палатализованным. В «подставленном» звуке новые условия вызовут те качественные оттенки, какие им свойственно вызывать. Старый звук, сохранив свое лицо в каких-то основных чертах (иначе нельзя было бы говорить о подстановке), не сохранит тех оттенков, которые были вызваны (или допущены) старыми позиционными условиями: ведь позиционные оттенки не способны к перенесению «по аналогии»¹⁰⁸.

В заударном положении фонетически закономерно после палатализованных возникает [ъ], после твердых — [ъ]. И вот по аналогии [ъ] попадает в такие условия, отсутствие которых и определяет обычно существование этого звука. У звука [ъ] в необычных для него условиях остается в основном старая качественная характеристика: он шире, чем звук [ъ]; он сильнее отодвинут назад. Но появляются и новые особенности. [ъ] после палатализованных становится несколько более продвинутым вперед, но не обязательно делается более закрытым¹⁰⁹.

Если это [ъ] попадает в положение перед палатализованным гласным, то продвинется еще дальше вперед: [ъ]→[ъ—|—|]¹¹⁰. Такое же продвижение вперед обычно в тех случаях, когда [ъ] находится перед палатализованным согласным, начинающим следующее слово. Во фразе *это — полѣ няни* подчеркнутый гласный может произноситься почти так же, как соответствующий звук в слове *полияли*, т. е. превращается в [ъ]¹¹¹. Но обычно (в общем и строгом стиле) этого не происходит: звук убедительно опровергает поговорку «не в свои сани не садись».

43. В глаголах *ходят, глядят* и пр. во флексии произносится звук [ъ]. Вполне ли подобен он тем звукам, которые слышатся в словах [слáвъ], [зáгвъръ] и пр.?

Для того чтобы решить этот вопрос, был поставлен следующий опыт. Глаголы *садит, высадит, пустит, выпустит, возит, вывозит, просит, выпросит* произносились с окончаниями: [ът], [ъ*т] и [ът]. Слушатели записывали

¹⁰⁷ РФВ, 1907, вып. 4, с. 250 (примечание со с. 248).

¹⁰⁸ Щерба Л. В. Русские гласные в количественном и качественном отношении, с. 16.

¹⁰⁹ См. Пешиковский А. М. 10000 звуков, с. 174; Ушаков Д. Н. Русское правописание. 1917, с. 37.

¹¹⁰ См. Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М., 1950, с. 40.

¹¹¹ Необходимо для такого превращения, чтобы фразовое ударение сильно падало на слово *няни*; при этом слияние слов становится полным.

эти окончания двояким образом: или *-ит*, или *-ят*. Глаголы, произнесенные с окончанием $[-\text{ьт}]$, почти всегда отмечались верно; количество верно опознанных форм составляет 85%. Глаголы, произнесенные с окончанием $[\text{ь}^*\text{т}]$, тоже дали высокие показатели распознавания: 77%¹¹². Глаголы с окончанием $[-\text{ьт}]$ (*ят*) оказались верно отмеченными лишь на 62%. Если учесть, что 50% верно отмеченных форм означает полное отсутствие их различия, то нельзя не согласиться, что звук $[\text{ь}]$ еще недостаточно выразителен для различения форм третьего лица единственного и множественного числа у глаголов второго спряжения. Очевидно, нужно более яркое звуковое противопоставление: $[\text{ь}^*]$ — $[\text{ь}]$. Оно всегда представлено в вольном и общем стиле. Только строгий стиль, рассчитанный на полное внимание собеседника, придерживается окончания $[\text{ьт}]$ в третьем лице множественного числа.

Таковы данные слуховых наблюдений.

44. В незамкнутом последнем слоге противопоставление звуков $[\text{ь}]$ — $[\text{ь}^*]$ достаточно заметно и выразительно. Поэтому произношение $[\text{в}ó\text{л}'\text{ь}^*]$, $[\text{в}ó\text{л}'\text{а}]$, как показывают наблюдения, не стало господствующей нормой ни в одном стиле.

45. Мягкие согласные, окружающие звук $[\text{ь}]$, когда он находится не в своей тарелке, воздействуют на него, заставляют становиться более передним. Но и сам звук $[\text{ь}]$ воздействует на свои условия. Он оказывает известное давление на окружающие его палатализованные согласные.

При наблюдении над собственной речью было установлено, что в словах $[\text{п}ó\text{л}'\text{ь}]$ и $[\text{п}ó\text{л}'\text{ь}]$ звук $[\text{л}']$ не в одинаковой степени палатализуется в первом и втором случае: во втором случае палатализация меньше.

Это наблюдение, сделанное над собственным произношением, следовало проверить, установив: 1) не является ли наш вывод результатом самовнушения, самообмана; следствием неверного с л у ш а н и я; 2) не был ли этот вывод подсказан собственным искусственным (предвзятым) п р о и з н о ш е н и е м; 3) является ли типичным такое произношение, даже если оно у самого экспериментатора установлено верно.

Были поставлены опыты. Приводим протокол одного из опытов, написанный его участником:

Был вывешен плакат с фразами:

Иду в это поле,
Иду в этом поле.

Всем участникам опыта были розданы специально разграфленные листы бумаги. Каждый написал сверху свою фамилию.

Экспериментатор объяснил, что нужно делать: «В этих фразах повторяется слово *поле*, в одном случае в винительном, в другом в предложном падеже.

¹¹² Всего проверке подверглось более 2000 произнесений.

Я буду читать слово *поле* в разных падежах: в винительном и в предложном. Если вам покажется, что *поле* стоит в винительном падеже, напишите «в это»; для обозначения предложного вы напишете «в этом».

Сначала экспериментатор прочел слово *поле* подряд два раза в двух разных падежах, чтобы легче было уловить разницу. Записать результат сразу никто не смог; тогда экспериментатор повторил то же самое еще три раза. Затем он прочел *поле* снова в двух падежах, но уже не вместе (не подряд), а повторив каждое слово несколько раз в отдельности.

Экспериментатор далее стал читать только основу слова *поле* ([пóл’]), также попросив определить, принадлежит ли эта основа слову *поле* в винительном или в предложном падеже. Падеж по-прежнему отличался словами «в это» и «в этом».

На обратной стороне листка экспериментатор предложил описать те различия, которые каждый смог уловить в произношении слова *поле*. Сначала это требование показалось участникам опыта слишком сложным. Тогда экспериментатор пояснил: «Напишите, на какой звук больше похож звук (sic) «е» и «л» в первом и во втором случае. Если остальные звуки произносились также неодинаково, отметьте и это». Все подумали и написали. На этом опыт был окончен.

В опыте участвовали... (фамилии).

Итак, прежде всего слово было прочитано двояким образом: [пол’ъ] и [пол’ь]. Каждое чтение участники опыта должны были обозначить или словами «в этом», или словами «в это». Потом слово *поле* было прочитано третий раз — и отмечено всеми участниками; потом четвертый раз — и опять отмечено. На этом закончилась первая часть опыта; всего на каждом листке теперь было четыре отметки.

Затем читалась таким же образом только основа этого же слова. Чтение было двояким: или с *л* сильно смягченным, или с менее смягченным.

В этом заключалась вторая часть опыта.

Опыт мы проводили в разное время с пятью группами (две группы по 6 и три по 5 человек).

Отметки считались верными в том случае, если в с е чтения [пол’ъ] отмечались словами «в это» и в с е чтения [пол’Е] отмечались словами «в этом»; если все чтения [пол’] отмечались словами «в этом», а чтения [пол’] — словами «в это». Таким образом, ответ верен, если в с е 4 отметки за первую часть опыта и в с е 4 отметки за вторую часть опыта оказывались безошибочными.

Вот результаты опыта:

№	Число человек в группе	1-я часть опыта		2-я часть опыта	
		верные ответы	неверные ответы	верные ответы	неверные ответы
1	6	5	1	5	1
2	6	6	0	5	1
3	5	5	0	3	2

4	5	5	0	4	1
5	5	4	1	3	2
Общее число	27	25	2	20	7

Интересны результаты, данные третьей частью опыта. Участники его попытались объяснить, в чем разница между двумя типами произношения этого слова, разницу в произношении [пóл'ь] — [пól'ь] большинство объяснило так: «В одном случае звук похож на *e*, а в другом на *и*» (12 человек). Но были и более интересные заключения. Приводим некоторые. «В одном случае последний звук похож на *э*, *о* открытое, в другом — на *и* и *о* закрытое» (термины «*о* открытое» и «*о* закрытое» известны участнику по занятиям английским языком). «В конце слышится то *и*, то *ё*» (очень интересный ответ, встретившийся, к сожалению, только один раз).

О различии в звуках [л'] — [л''] во второй части опыта даны были ответы, что «в одном случае *л* более твердо, а в другом — мягче»; «*ль* здесь имеет как бы две степени мягкости; в одном случае слышится *льль*, а в другом *льл*», «там, где в конце звук мягче, слышится *в этом поле*, а где звук тверже, там винительный падеж» (всего ответило верно 9 человек).

Следовательно, опыт подтвердил верность самонаблюдений. Отметим, что решение заданных «загадок» оказалось трудным, часто делалось с большим напряжением слуха и внимания. Ответы о качествах различаемых звуков очень часто были совершенно фантастическими, а иногда указывали в произношении случайные моменты («одно слово произносилось с большим ударением», «в первом случае гласный в конце длиннее» и пр.).

Может быть, участники опыта вовсе не потому ответили верно, что уловили разницу в смягчении основы в именительном — винительном и предложном падежах, а на основании такого умозаключения: «в предложном падеже звук перед флексией обычно *м я г о к*, а в именительном — только иногда, в некоторых словах, значит, там, где мягкость сильнее, — предложный падеж»? Но странно было бы сопоставлять с *и л у* палатализации в данном случае со статистически данным *ч и с л о м* различных слов¹¹³!

48. После твердых согласных невозможен звук [ь]; подстановки исключены. Поэтому после непарных твердых шипящих [ж], [ш] и после [ц] всегда в заударном положении не [ь], а [ъ].

Еще не так давно после [ж] и [ш] исследователи отмечали звук переднего образования¹¹⁴.

Брандт считал неточной рифму «Боже — что же»: «...частица *же* звучит *жо...*»¹¹⁵.

¹¹³ Кошутич Р. Грамматика русского языка. Пг., 1919, с. 85.

¹¹⁴ Ушаков Д. И. Русское правописание. 1917, с. 45.

¹¹⁵ Брандт Р. Ф. Образцы моих орфографий // ФЗ, 1904, вып. 2, с. 35

Ср. у Ф. Е. Корша предложение писать *што жо*, но *Боже — дороже* (попытка приблизить орфографию к фонетическому строению слова)¹¹⁶. Сейчас эти различия не существуют. После [ш], [ж], [ц] обязателен звук [ъ]¹¹⁷. Поэтому в предложном падеже *в луже*, *в коже* совсем не тот замыкающий звук, что в словах *на воле*, *в поле* и пр.¹¹⁸

Бахтин еще в 1890 г. отмечал, что в одном звучании совпали *выжать* и *выжить*¹¹⁹. Но, очевидно, это совпадение было факультативно: Ф. Е. Корш транскрибирует *вы[жът']* (*выжать*), но *вы[жыт']* (*выжить*)¹²⁰. Теперь же, читая стихи Асеева с эстрады:

Город, в котором выжить —
Значило то же, что — выжать... —

артист не знает, как, не впадая в «буквализм», различить произношение рифмующихся слов; на помощь приходит жест, иллюстрирующий слово «выжать».

49. Наоборот, после [ч] [щ] возможны звуки и [ь] и [ъ].

Однако после этих согласных различие [ъ] — [ь] не так четко дано, ослабленно по сравнению с парными палатализованными согласными, предшествующими звукам [ь] и [ъ].

50. Как видим, звук [ъ], попав в непривычные для него условия, иногда приспособливает их к себе. С другой стороны, эти условия «уламывают» [ъ], подчиняя его (до неизвестной, однако, грани). В результате такого взаимоприспособления возникают новые оттенки звуков.

Заключение

Подстановка звука и все связанные с ней явления характеризуют только заударную часть и только флексивные морфемы.

Объясняется это, во-первых, важностью флексивных морфем. Лингвисты уже давно¹²¹ заметили, что звуки, которые имеют особо важное значение, «дольше сопротивляются разрушению, чем остальные». Во-вторых, флексивная морфема очень часто — несравненно чаще, чем другие морфемы — состоит

¹¹⁶ ИОРЯС, 1902, вып. 1, с. 91.

¹¹⁷ Иногда может быть [ъ], склонное к э (см. *Аванесов Р. И.* Вопросы русского литературного произношения // РЯВШ, 1947, № 3, с. 10 [в кожыэ, сушыэ...]).

¹¹⁸ См. *Бернштейн С. И.* Рецензия на кн. *Аванесов Р. И., Сидоров В. Н.* Очерк грамматики русского литературного языка // РЯВШ, 1946, № 3—4, с. 82.

¹¹⁹ РФВ, 1890, вып. 3, с. 248—249.

¹²⁰ ИОРЯС, 1902, вып. 1, с. 60.

¹²¹ См. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Лингвистические заметки и афоризмы // ЖМНП, 1903, № 5, с. 9 и др.

из одной фонемы. В этих случаях можно говорить о «морфологизованной фонеме», которая имеет свои особенности, свою специфику — особую способность противостоять редукционной нивелировке.

В-третьих, эта подстановка звука оказалась возможной и потому, что заударная часть в словах в нашем языке характеризуется особой звуковой зыбкостью, подвижностью, вариативностью.

Далее (в-четвертых) надо остановиться на стимулирующей роли синтаксиса в образовании особых условий для флективных морфем в заударном положении. Акад. Щерба утверждал, что «в открытых конечных словах это [ь] иногда больше приближается к *e*, иногда больше к *и*, в зависимости от морфологических ассоциаций и важности данного окончания для смысла в с е й ф р а з ы»¹²². Последнее замечание явно указывает на важность места слова во всей данной синтаксической конструкции¹²³.

Как видим, причины особых процессов, свойственных заударным флексиям, кроются в их морфологической и синтаксической специфике, но этого мало — без учета специфики фонетических явлений в заударной части слова мы никогда не сможем понять, почему оказалась возможной подстановка звука.

Грамматическую аналогию обычно изучают лишь с одной целью: чтобы объяснить отклонения от фонетических закономерностей. О ней вспоминают только «на худой конец» — если в фонетике не сходятся концы с концами. Между тем грамматическая аналогия имеет свою внутреннюю целостность, свои внутренние закономерности, свою неумолимую последовательность. Пора приступить и к изучению грамматической аналогии как самостоятельного явления в языке. В первую очередь необходимо установить понятие «грамматико-фонетической» позиции. Чем характеризуется грамматическая позиция (позиция уже не для фонем, а для морфем), в которой происходит «подмена» одного звука другим? В настоящей статье сделана попытка выяснить это. Хочется думать, что незаконченность и несовершенство этой попытки вызовут новые исследования в данной области.

¹²² Русские гласные, с. 97.

¹²³ Например, в предложении *Золото перетянула кость* (В. А. Жуковский) может быть подчеркнута заударная флексия у глагола — без такого подчеркивания фраза неясна.

Часть III

ОРФОГРАФИЯ

О культурно-историческом подходе к орфографии*

В работы В. В. Виноградова шестидесятых годов вошла новая тема, ранее отдельно не представленная в его исследованиях: теория русской орфографии. Это было связано, конечно, с тем, что академик Виноградов с 1963 г. был председателем Орфографической комиссии. Но внутренний смысл его изучений определялся не тем или иным внешним, биографическим или служебным, фактом, а общим направлением его научных поисков.

В статье «О необходимости усовершенствования нашего правописания» В. В. Виноградов писал: «Историческая и структурно-синхронная ограниченность возможности применения морфологического принципа к упрощению и усовершенствованию современного русского правописания породила желание воспользоваться другим — более широким и отвлеченным принципом усовершенствования орфографии — а именно: принципом фонемным, или фонематическим. С этой точки зрения — в основу правописания должны быть положены в соответственных или соотносительных частях слова фонемы»¹. Далее в статье разъясняется, что имеется в виду обозначение звуков речи по их сильному положению; приводится цитата из известной работы И. С. Ильинской и В. Н. Сидорова (1953). Какие внутренние силы лингвистической теории, развиваемой В. В. Виноградовым, заставили его оценить фонематический принцип в орфографии как более широкий, чем морфологический? Вспомним, что именно в эти годы академик Виноградов не раз высказывал такой взгляд:

— В орфографии важнее всего культурно-исторический принцип.

Это высказывание можно понимать по-разному. Прежде всего как утверждение, что устойчивая орфография принадлежит к числу культурных ценностей; отсюда вывод — не следует ее менять. Это позиция невозможная для председателя комиссии, которая готовила проект усовершенствования орфографии, и В. В. Виноградов ее явно не разделял. Слова Л. В. Щербы о том, что орфографию надо время от времени «чинить», не были забыты председателем новой Орфографической комиссии.

* Исследования по славянской филологии / Сб. ст., посвященный памяти академика В. В. Виноградова. М.: МГУ, 1974. С. 247–255.

¹ Виноградов В. В. О необходимости усовершенствования правописания // Вопросы русской орфографии. М.: Наука, 1964. С. 16–17.

Возможно иное понимание культурно-исторического взгляда на орфографию². Он оценивает любое орфографическое новшество, любое предложение по усовершенствованию орфографии с одной точки зрения: не повредит ли новое старому — уже существующим текстам? Мы думаем, что именно такой подход к орфографическим новшествам отстаивал В. В. Виноградов; это отвечает его высказываниям по теории орфографии; это близко его общелингвистическим взглядам.

Приведем пример из истории русской орфографии. В 1918 г. была из нашего алфавита исключена буква *i*. Слова: *воспоминаніе, счастіе, архіереи, приемыш, пріамурскій, пріударить, Рио-де-Жанейро, Ріон, кіоть, кій, піанино, піявка* и пр. стали писаться с буквой *и*. Старое правило о том, что перед гласной пишется буква *i*, а не *и*, исчезло. Ни один текст, созданный до реформы 1918 г., от этого не пострадал. Но *i* писали еще в слове *міръ* — вселенная (ср. *миръ* — отсутствие войны). Название поэмы В. Маяковского «Война и *міръ*» — контрастировало с названием эпопеи Л. Толстого «Война и *миръ*». Изменение в правописании привело к потерям: каламбурность названия поэмы пропала. В примечании можно обратить внимание читателя на прежнее написание, но примечание не вернет свежести и остроты восприятия. Этот урон — вероятно, единственный, который принесло изгнание буквы *i*. Было бы донкихотством бороться против новшества для того, чтобы спасти один текст — заглавие маяковской поэмы.

Не нужно ли, перепечатывая стихи, хотя бы в некоторых изданиях, сохранять те дифференциальные орфографические средства, которые уничтожены последующим развитием русского письма? Например, в академических изданиях, в «Библиотеке поэта». Тогда можно было бы сохранить и написание *мір* (без твердого знака — он недифференциален, но с *i*). Однако сейчас такое написание все равно выглядело бы орфографической экзотикой (и, может быть, чудачеством) — а у Маяковского, конечно, нет установки на такое восприятие.

Есть случаи, когда совсем невозможны попытки реставрировать орфографию (хотя бы только в некоторых изданиях). Сейчас уже полузабыто слово *мироносица* — одна из женщин, приносивших миро для помазания тела Христа; переносно — о всякой стороннице секты, близкой к руководителям этой секты. Слово писалось через ижицу: *мвроносица* (от *мвро* — благовонное масло).

² Это именно взгляд, а не принцип. «Принцип орфографии»; или: «принцип, на котором построена орфография» — это уже традиционный термин. Принцип орфографии указывает, какие буквы (и в каком порядке) надо использовать для письменной передачи данного слова. Например, слово [*лѣчтал' јѳн*] пишется с буквой *о* (для передачи первого гласного) и с сочетанием букв *ѳо* (для передачи сочетания [*јѳ*]). Выбор определен фонемным составом слова; его фонематическая транскрипция (*пѳчтал'јѳн*).

Культурно-исторический взгляд на орфографию не определяет, какую букву в каждом конкретном случае писать. Он похож не на проект строящихся жилых кварталов, а на закон об охране архитектурных памятников.

У Г. Державина есть такая строка о Екатерине II:

И мироносицу мы зрим.

Буква *и* (не *у*) ясно говорит, что здесь другая *мироносица* — носительница *мира* для России, а не *мура*. Орфограмма *мироносица* воспринималась на фоне орфограммы *муроносица* и контрастировала с ней. Никак нельзя реставрировать текст Г. Державина. Материально, буквенно ведь новое написание тождественно старому, а старое соотношение *и*—*у* не восстановишь. Для современного читателя здесь нужно примечание (а в каждом примечании поэтический текст умирает: мгновенность эмоционального восприятия заменяется ступенчатостью рационального).

Посмотрим, насколько выдерживает такой взгляд — культурно-исторический — основные предложения, выработанные комиссией под руководством В. В. Виноградова.

Предлагалось писать в функции «разделительного» знака всегда *ь*, а не *ъ*. То есть: *объем, въезд, подъять, неотъемлемый, разъяриться, съезжится, сверхъестественный, трехъярусный*. Внимание привлекли (ввиду необычности буквосочетания *хъ*) последние примеры. Многие боялись, что новое написание заставит произносить: *свер[х']ъестественный, тре[х']ьярусный*... Бояться нечего: мы не умеем, не можем произносить мягкие заднеязычные перед йотом; вообще: перед любым согласным (кроме мягких заднеязычных) не произносятся мягкие заднеязычные. Примеры: *Лукьян, Галя Лукьянова, Пхьёла* (из «Калевалы») — все с [к] и [х] перед йотом.

Подумать следует как раз о других случаях: с губными и зубными согласными перед йотом. Сейчас в словах *объем, въезд* и подобных произносятся одними лицами твердые согласные, другими — мягкие. И то и другое находится в пределах литературной нормы. Правда, сторонников твердости (в этой позиции) значительно больше. Что произойдет, если будут введены написания с *ь*?

1) Написание *хь, кь* будут по-прежнему читаться (произноситься) как [х], [к]. Фонетический закон устойчив. Известно, что позиционная закономерность не может быть разрушена орфографией³.

2) Написания *бь, вь, дь, ть, зь, сь* (вместо старых с *ъ*), действительно, постепенно приведут к господству мягких согласных в этой позиции, то есть перед ⟨*j*⟩ будут всегда произноситься мягкие губные и зубные. Но такая перемена полностью оправдана культурно-историческим взглядом.

Вот пушкинские строки:

Подъезжая под Ижоры...
Вот въезжает в город он...
И въявь, я вижу пред собою...

³ Ср. пишут *мороз, снег, сугроб, замерз*, но это никого не заставило произносить звонкие согласные: «оглушение» их на конце слова — позиционная закономерность.

Но взор сей нежность изъясвил...
 Мы рады весь изъездить мир...
 В жару своих желаний
 С восторгом изъясняет он (sic)
 Неясных темных ожиданий
 Обманчивый, но сладкий сон...
 Я страсть у ног твоих в восторгах изъяснял...
 Он по-французски совершенно
 Мог изъясняться и писал... (sic)
 Доныне дамская любовь
 Не изъяснялася по-русски...
 Долину брани объезжая,
 Он видит множество мечей...
 Испугался старик, взмолился:
 «Что ты, баба, белены объелась?»...
 Корабельщики в ответ:
 «Мы объехали весь свет»...
 Объявили царску волю —
 Ей и сыну злую долю...
 Зарецкий встал без объяснений...
 И ворвались в объятия друг другу...
 Я здесь, Инезилья,
 Я здесь под окном,
 Объята Севилья
 И мраком и сном...
 Отъезд и день давно просрочен...
 В отъезде поле он гарцует...
 И в отъятый край у шведа
 Прибыл Брандтов утлый бот...
 Подъялася вновь усталая секира
 И жертву новую зовет...
 И к мудрому старцу подъехал Олег...
 И длань народной Немизиды
 Подъяту видит великан...
 Никто под крышею подъемной
 До утра сном не опочил...
 Финал гремит; пустеет зала;
 Шумя, торопится разъезд...
 И галл десницей разъяренной
 Низвергнул ветхий свой кумир...
 Музыку я разъял, как труп...

Это небольшая часть стихотворных строк, которые включают слова с сочетанием: согласная буква + ъ. Совершенно очевидно, что ни в одном случае перемена ъ на ь не ухудшит понимания текста. Но стихотворение — не только чисто информационный смысл; осмыслена и его звуковая сторона. Слова

связываются и противопоставляются звуковыми повторами. Исказить фоннику стиха — нанести ущерб ему как эстетическому целому.

В эпоху А. Пушкина полностью господствовала такая орфоэпическая норма: перед йотом губные и зубные согласные могли быть только мягкими. Для фоники стиха важно соотношение твердых согласных и мягких. В прозаических текстах твердых больше, чем мягких (можно подсчитать их число, например, в этом абзаце).

В стихе может быть по-другому:

Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет»...

Здесь твердых согласных меньше, чем мягких:

[к — р — б' — л' — ш' — к' — в — т' — в' — т
м — б' — ј — х — л' — в' — с' — с' — в' — т].

Твердых — 7, мягких (палатализованных) — 12 (и еще йот — палатальный).

Модернизация произношения может изменить их соотношение; изменить фоннику стиха⁴. Если преобладание мягких в данном стихе входило в творческий замысел, было связано с общим строем стихотворения, то произведение понесет эстетический ущерб.

В здании, архитектурном памятнике прошлого, завхоз решил отбить лепные украшения вокруг окон, потому что и без них все равно будет хорошо видно. Так же рассуждают и те, кто думает, что заботы о сохранении фоники русского стиха XIX века — несущественная мелочь. Действительно, как ни скажи:

По[д']езжая под Ижоры...
По[д]езжая под Ижоры...
Подье[ж']ая под Ижоры...
Подье[ж]ая под Ижоры...

все равно очевидно, что транспортировка производилась до населенного пункта Ижоры. Но можно понять и тех, кто заботится, чтобы сохранить и лепные украшения вокруг окон. Сохранность пушкинской фоники (в этом частном, но немаловажном случае) была бы поддержана новыми орфограммами: *подъезжая*, *въявь*, *изъявил* и т. д. Их поддерживает культурно-исторический взгляд на орфографию.

Разобранный пример показывает, что культурно-исторический взгляд на орфографию — это далеко не всегда безоглядная защита существующих написаний, отвержение всяких новшеств. Приведем снова архитектурную параллель: за куполами Василия Блаженного высится стеклянный куб. Архитектурный

⁴ В частности, здесь могут уже с твердыми произноситься: о[т]вет, о[б]ехали, [с]вет...

ансамбль, в который входит храм Василия Блаженного, этим кубом разрушен. Когда технические средства будут достаточно могучими, чтобы без особых хлопот подвинуть или перенести или повернуть этот куб (а когда-нибудь они будут так всеильны), надо будет это сделать. К тому времени, когда передвижка станет возможна, всем станет ясно, что разрушение архитектурного ансамбля — издевательство над ценностями прошлого; тогда всем будет близок культурно-исторический взгляд на архитектуру. Тогда же будет усвоен и взгляд на стих: нельзя разрушать стихотворный «ансамбль» и написания типа *подъезжая, вявь, изъвил* и т. д. будут введены, видимо, одновременно с передвижкой стеклянного куба.

Приведем другой пример, более сложный. Еще Фортунатовская комиссия предложила для буквенной передачи ⟨о⟩ под ударением, после букв для шипящих согласных, писать *о*, без ударения — *е*: *щоки — щека, чорт — чертей, шол — вышел, жолудь — желудей; плащом — товарищем, сургучом* — с громким плачем, *душой — с Машей, чужом — о рыжем*. Как видно из примеров, правило было в 1917—1918 году принято, но частично (только для именных аффиксов)⁵.

Как же надо взглянуть на это правило с культурно-исторической точки зрения? В поэтических текстах прошлого века обычны написания: *шел, жесткий, черен, еще, щелка, шепот* и т. д. За ними могло стоять одно из двух произношений: [жэ]сткий или [жо]сткий, [ч'э]рен или [ч'о]рен и т. д. В зависимости от стиля и жанра стихотворения может быть предпочтительной та или иная фонетическая интерпретация. Пока написания условны — пишется буква *е* и для ⟨о⟩, для ⟨э⟩ — интерпретация предоставлена интуиции читателя. Все доволны: читатель своей интуицией, текстолог и редактор возможностью не заниматься этим скользким вопросом. Но вот введено не условное написание: если [щ'о]лка — надо писать *щолка*, если [щ'э]лка — пиши *щелка*. Написание *щелка* (и *шел, жесткий*) станет однозначным; будет требовать чтения с гласным [э]. Придется думать над каждым таким написанием в стихах Державина, Жуковского, Батюшкова, Пушкина, Баратынского, Языкова, Тютчева, Фета — как их интерпретировать в новых изданиях. Это нелегкая работа.

Все-таки это не довод против новшества. Ведь сейчас мы просто отказываемся от решения этого вопроса. А решить надо. Необходимость выбирать написание: *жесткий* или *жосткий* — заставит прояснить эту неясность. Она — не такая уж частность. Произношение [ч'о], [ш'о], [шо], [жо] — или [ч'э], [ш'э], [ше], [же] — связано с произношением [о/э] в стихах после всех мягких. Державинское: *Глагол времен, металла звон* одни читают: вре[м'о]н — и восхищаются внутренней рифмой; другие читают: вре[м'э]н — и радуются тонкой фонетической игре сходства-контраста. (Изучение рифм Г. Державина показывает, что скорее всего верно чтение: вре[м'э]н⁶.)

⁵ Правило нельзя назвать безукоризненно фонематическим, но оно увеличивает число фонематических написаний.

⁶ Напротив, у И. Сельвинского почти наверняка вре[м'о]н:

Новшество (писать *о* для ⟨о⟩ после шипящих) не приведет к искажению текстов, созданных в XVIII–XIX вв., если... текстологи, стиховеды, историки литературного языка выполняют свой долг: верно орфографически интерпретируют эти тексты. Готовы ли они, в силах ли сейчас выполнить этот долг? Вопрос требует отдельного обсуждения. Нам сейчас хочется сказать одно: с точки зрения культурно-исторической и этот круг вопросов надо принять во внимание. Думаю, что окончательный вывод сложится в пользу этого новшества. Так думал, заметим, и В. В. Виноградов⁷.

Еще один пример. «...При обобщенно-схематическом применении фонематического принципа могут возникнуть... серьезные противоречия и даже столкновения с требованиями морфологического принципа».

Вот интересный случай. Если считать универсальным приемом фонематического чередования в русском языке чередование нуля звука с *e* (или *o*), например, *отец* — *отца*, *пень* — *пня*, *братъ* — *беру*, *умереть* — *умру*, *тереть* — *тру* и т. п., то, естественно, может возникнуть предложение в глагольных корнях (и «радиксоидах», т. е. корнях, сращенных с приставкой) *-пер-*, *-бер-*, *-тер-*, *-дер-* и т. п. писать только *e*: *уперлась* — *уператься*, *смерть* — *умерать*, *протер* — *протерать* (но, разумеется, *протирка*), *сжечь* — *сжечьать*, *постель* — *постелать* и т. д. Однако такая универсализация беглого гласного... противоречит укрепившимся культурно-историческим нормам правописания. Достаточно представить такие будущие ярлыки, объявления и т. п.: „Зал ожедания“, „Стеральная машина“ (ср. *стирка*)» и т. п.⁸ Это место требует некоторых комментариев. В. В. Виноградов пишет в условной форме: «Если считать универсальным приемом фонематического чередования...». Но это условие в языке не выполняется: чередованию *e*//ноль как раз не хватает универсальности (позиционности, безысключительности). Поэтому фонематический принцип не требует с настоятельностью введения написаний *ожедание*, *стеральная* и пр. Такое новшество может быть обосновано с помощью сложной аргументации, в которой фонологические соображения играют второстепенную и даже третьестепенную роль.

Как видно из приведенного отрывка, предложение получило у академика Виноградова отрицательную оценку. Почему? Сказано: «Противоречит укрепившимся культурно-историческим нормам правописания». За этой обобщенной, сжатой формулировкой стоят какие-то конкретные доводы, развернуто не высказанные автором; попытаемся их найти.

И руку женщина ему
Протягивает державная.
Глагол времен, металла звон.
(Цитата из Державина).

⁷ См. его выступление на Президиуме АН СССР в 1967 г.

⁸ Виноградов В. В. Ук. соч. С. 17.

Русское правописание рассчитано на эканье (это, кстати сказать, определяется фонематической природой нашего правописания). Оговоримся: «рассчитано на эканье» — не значит, что оно противоречит икающей норме. Экающая норма — более дифференциальная, она различает ⟨а, о, э⟩ от ⟨и⟩ (в определенных позициях), а икающая не различает. Русская орфография обеспечивает и это более дифференциальное, экающее произношение: слова *леса* и *лиса*, *мела* и *мила* она заставляет (по своей фонематической природе) писать различно. Тот, кто произносит [л'э^н]са — [л'и]са — найдет опору для такого произношения в орфографии. Всякая более дифференцированная система допускает ее менее дифференцированное применение — поэтому написания *леса* и *лиса* не мешают и икальцу, одинаково их произносящему: [л'и^э]са.

Проектируемые написания *ожедание*, *стеральная* и пр. разрывают с этой традицией русского письма, с его пригодностью для экальцев. Ведь экающее произношение различает раз[д'э^н]ру — раз[д'и]рать, у[м'э^н]реть — у[м'и]рать и пр. Орфография будет противоречить этому различению, требуя везде одинакового гласного. Тексты, рассчитанные на экающее произношение (снова в первую очередь надо вспомнить поэтические тексты), будут принудительно превращены в такие, которые противоречат эканью, требуют иканья⁹. Такой разрыв с традицией, такая орфоэпическая переинтеграция текстов с культурно-исторической точки зрения, очевидно, нежелательны. Этим, вероятно, определяется отрицательный отзыв В. В. Виноградова.

Значит, культурно-исторический подход к орфографии — это учет в каждом случае, не приведет ли правописное новшество к разрушению текстов, составляющих гордость нашей культуры — к разрушению их как целостности, смысловой и фонетической. Повторяем: неверно думать, что в этой целостности есть несущественные стороны (например, звуковая). В Ленинграде около Гостиного двора взорвали павильон, построенный Руска. Так, небольшое здание, из числа нежилфонда. Но этим был разрушен архитектурный ансамбль Михайловского дворца (Русского музея); сожаления раздаются¹⁰, но, кажется, запоздалые. Культурно-исторический взгляд предостерегает, чтобы мы, вводя новшества, не взорвали в поэтических текстах таких павильонов Руска.

Если просмотреть все орфографические усовершенствования, сторонником которых был акад. В. В. Виноградов, то будет ясно, что культурно-исторический взгляд систематически, последовательно применялся для оценки этих новшеств. Во всех основных пунктах это были те же нововведения, которые намечала комиссия акад. Ф. Ф. Фортунатова (и которые были, по случайным

⁹ Здесь парадоксально то, что написания с буквой *е* (*умерать* и пр.) рассчитаны на иканье. Но это так! Только икающее произношение этих написаний не вступает в разноречие с русскими литературными и фонетическими требованиями.

¹⁰ Ст. Ю. Яралова, секретаря правления Союза архитекторов СССР. «Литературная газета», 15 сентября 1971 г.

причинам, только частично воплощены в жизнь орфографической реформой 1917–1918 гг.). Очевидно, культурно-исторический подход был свойствен и этой, предыдущей комиссии, хотя и не формулировался эксплицитно ее работниками. С другой стороны, все новшества, оправданные фонетическим принципом в орфографии, выдерживают и строгий культурно-исторический взгляд. Потому-то и «подобрел» к фонемному принципу В. В. Виноградов.

Защита культурно-исторического взгляда на орфографию, последовательная и ясная, — заслуга В. В. Виноградова в развитии орфографической теории¹¹.

¹¹ Здесь мы говорим об орфографических взглядах акад. В. В. Виноградова в 1963–1964 гг.; эволюция их в более широких хронологических рамках требует особого рассмотрения.

Об усовершенствовании русской орфографии*

Любое буквенное письмо¹ может быть построено на одном из трех принципов: фонетическом, фонематическом или традиционном. Фонетические написания передают звуковой облик слова; конечно, только с известной точностью. При фонетической орфографии, проведенной последовательно, невозможна передача одного и того же звукового типа разными буквами. Напротив, фонематическое написание принципиально допускает такую возможность. Оно требует передачи звукового строя слова, очищенного от всех позиционных взаимодействий между звуками. Все позиционные мены устраняются путем сведения каждой звуковой парадигмы² к ее основной разновидности, выступающей в сильной позиции.

Традиционный принцип внутренне парадоксален: он заключается в том, что использование букв не обусловлено живым строем языка, живым звуковым или фонемным составом слов³. Если этот принцип проводится последовательно, то буквенное письмо превращается в иероглифическое. Поэтому в буквенном письме традиционный принцип может применяться только тогда, когда он непоследователен. Например, английские написания *through* [θru:], *plough* [plau], *dough* [dou], *thorough* ['θarə], *tough* [taf], *cough* [kɔf], *hiccough* ['hɪkɒp], *hough* [hɔk] традиционны: одинаковость буквосочетания *ough* здесь не обусловлена, не оправдана звуковым или фонемным строем передаваемых слов, и совершенно произвольно (с синхронной точки зрения) фонематически различное передается одинаково. Но эта произвольность ограничена. Так, звукосочетание [ou] передается тем же буквосочетанием и в слове *thought*; звукосочетание [au — в словах *sough* и *slough*; следовательно, связь между буквосочетанием и звуковым сегментом не вполне произвольна.

* Обсуждение вопросов русской орфографии // ВЯ. № 2. 1963. С. 81—92.

¹ Буквенное письмо противопоставляется иероглифическому. Иероглифы соотнесены со знаковыми единицами языка, буквы — с фигурами (в том значении, которое этому термину придает Л. Ельмслев).

² Под парадигмой подразумевается ряд единиц, позиционно взаимоисключенных.

³ Все принципы, в том числе и традиционный, определены на основании строго синхронных соотношений между письмом и звуковой стороной языка; поэтому замечание А. Н. Гвоздева о том, что введение этого принципа противоречит синхронному анализу, основано на недоразумении (см. *Гвоздев А. Н. Об основах русского правописания*. М., 1960, с. 47).

Фонетическая орфография в принципе может быть строго последовательной; принято считать, что санскритское или старославянское письмо были образцами именно такой строгой фонетичности. Проверить это, однако, трудно; а среди фонетических письменностей, обслуживающих живые языки, вряд ли можно найти последовательные. Ближе к идеалу (фонетическому!) сербское письмо; и поэтому именно оно показывает, что непоследовательность фонетической орфографии — не простая случайность, которую легко преодолеть при очередной реформе. Сербское письмо передает позиционные чередования; *сладак* — *слатка*, *учити* — *уџбеник*, *створити* — *здружити*, *гост* — *гозба*, *верстан* — *врсна*, *гроздак* — *гроска* и т. д. Однако явления äussere Sandhi не передаются: *код куће* и т. д. хотя фонетическая орфография требовала бы *кот куће* и т. д. Не обозначаются некоторые фонетические чередования, преодолевающие границу морфем: *градски*, *господство* (хотя *бекство*, *српски*, *бански*).

Огромное большинство орфограмм позволяет считать украинскую орфографию фонетической⁴. Ср., например, написания; *щасливий* — *щастя*, *жалісливість* — *жалість*, *вісник* — *вість*, *чесність* — *честь*, *поїзний* — *поїзд* и т. д. Однако и она не последовательна и не передает фонетические мены перед дигрмой: *без шуму* [ж + ш], *з жалю* [ж + ж], *зшити* [ж + ш], *у книжці* [з' + ц'], *на річці* [ц' + ц'], *б'єшся* [с + с], *не мажся* [з + с], *не морочся* [ц' + с'].

Непоследовательности фонетических орфографий оказываются весьма последовательными и даже систематичными. Почти во всех фонетических орфограммах не отмечаются позиционные изменения на стыках ясно отделяемых смысловых единиц. Причина ясна: эти изменения обычно остаются за порогом сознания говорящих; нужна слишком специальная фонетическая выучка, чтобы их услышать⁵. С другой стороны, в этом случае совершенно очевидна избыточность таких фонетических обозначений. Например, если бы в русском письме был последовательно проведен фонетический принцип, то появились бы написания: *с рысью*, *с течью*, *з болью*, *з дестью*, *ш шырью*, *ж жызнью*, *щ щелью*. Чрезмерный «натурализм» этих написаний очевиден. Следовательно, две причины мешают фонетической орфографии стать последовательной:

⁴ Фонетическая орфография (сербского или украинского типа), с точки зрения, например, пражской фонологической школы является фонематической (при условии, что знаки архифонем «омонимны» знакам немаркированных членов привативной оппозиции). Поэтому, может быть, было бы удобнее применять иной термин для ее обозначения; пока его нет.

⁵ Санскрит последовательно (насколько можно судить) передает äussere Sandhi. Это, очевидно, отражает социальный характер письма: оно было достоянием ограниченной социальной группы; поэтому оказалось возможным резко избыточную информацию на письме обеспечить «избыточным» трудом профессионалов. В этом отношении последовательный фонетизм сродни иероглифизму. Расширение демократической основы письма всегда связано с устранением некоторых избыточных орфографических норм.

во-первых, позиционные чередования только очень неполно осознаются говорящими и, во-вторых, их письменная регистрация для общения избыточна, что особенно ясно при явлениях äussere Sandhi, но существует и в других случаях⁶.

Только фонематический принцип письма по существу своему должен быть строго последовательным; он требует последовательности во всех звеньях орфографической системы. В настоящее время фонематический принцип является основным в нашем письме⁷; он объединяет правила разного строения: а) после таких-то букв пишутся (или не пишутся) такие-то буквы. Например, после *ж, ч, ш, щ* пишутся *а, у, и*, а не *я, ю, ы*. Это фонематически обосновано: перечисленные согласные не имеют фонематической мягкости или твердости, и обозначать ее с помощью маркированной гласной буквы нет оснований; используется немаркированная⁸; б) чтобы написать букву в составе такого-то слова, надо сравнить это слово с другим, имеющим в составе ту же морфему. Смысл этой операции в том, чтобы проверить, какой фонеме (или какому «фонемному ряду») принадлежит данный звук; это важно при нейтрализации фонем. Поэтому безударные гласные проверяются ударными и т. д. Эти два типа правил говорят о фонематичности нашей графики (тип а) и нашей орфографии (тип б); они господствуют в современном русском орфографическом своде.

Однако беда русской орфографии в том, что она еще и сейчас фонематически непоследовательна; в ней сосуществуют три принципа, капризно ограничивающие и оттесняющие друг друга. Именно эта непоследовательность и создает трудности в пользовании нашим письмом. Последовательное проведение фонематического принципа в русской орфографии потребует следующих изменений⁹:

1. После *ц* писать всегда *и* (а не *ы*): *циган, ципленок, на ципочках, циц, лисицин, сестрицин, длиннолиций; птици, огурици*.

2. После *ч, ш, щ, ж* (на конце слова или перед другой согласной буквой) не пишется *ь*: *рож, нож, несеш(ся), знаеш(ся); маж(ся), спряч(ся); стрич(ся); сплощ, вскач, проч, настеш; виш, биш* (ср. *пока, дочка, туч, горяч...*).

⁶ Фонетическая орфография оправдывает себя в языках, где нейтрализация фонем — достаточно редкое явление в речевом потоке; но и в них возникают трудности в связи с орфоэпическими колебаниями, диалектным дроблением и (в еще большей степени) в результате влияния на письмо фонематического слуха пишущих (см. *Белић А.* Правопис српскохрватског књижевног језика. Београд, 1950, с. 44–45, 47, 63).

⁷ Примеры стихийной замены фонетических написаний фонематическими см. в кн.: Русский язык и советское общество. Проспект. Алма-Ата, 1962, с. 94.

⁸ Ср. *Ильинская И. С., Сидоров В. Н.* Современное русское правописание // Уч. Зап. [МГПИ им. В. П. Потемкина], XXII. Кафедра русск. языка, 2. 1953, с. 19.

⁹ Материал, изложенный дальше, основан на предложениях сектора современного литературного языка ИРЯ АН СССР; использованы также некоторые замечания, высказанные при их обсуждении. Порядок следования предложений: 1) правила, касающиеся графики (1–4); 2) правила, касающиеся орфографии (5–12).

3. Для обозначения ⟨о⟩ после шипящих под ударением используется буква *о*, без ударения — *е*: *лжош, лжот, печош, печот; перекочовывать, затушовывать, корчовка, затушовывание; напряжон, напряжонность, напряжонно, отрешонный, отрешонность, отрешонно, жжонный, учоный; дирижор, стажор, ухажор; жорнов, жолтый, чолн, щоки, шол, шолк; о чом, нипочом...* (ср.: *плечо, плечом, межой, чужой; крючок, медвежонок, книжонка, ежовый, мешон, свежо, княжон; обжора, крыжовник, жом...*).

4. Для обозначения йота (после согласных перед гласными) использовать: а) в сложных словах — дефис: *ин-язовцы, ком-ячейка, пан-Европа, транс-европейский*; в остальных случаях — букву *ь*: *подъезд, объем, изъявить, дизъюнкция, инъекция, объект, субъект, адъютант, отъявленный*.

5. Приставки *без, воз, вз, из, низ, раз, роз, чрез* всегда писать с буквой *з*: *разписка, испугаться, взкричать...*

6. Беглый гласный (после мягких согласных) во всех формах словоизменения передавать буквой *е*: *достоен, шалуней, ущелей...*

7. Суффикс прилагательных ⟨-ан-⟩ и ⟨-анн-⟩ изображать буквами *ан, ян*. Этот суффикс пишется во всех прилагательных, которые имеют значение ‘сделанный из того-то, что указано производящей основой прилагательного’ (прямое и связанное с ним переносное). Таким образом: *оловянный, стеклянный, деревянный; масляный (масляный ком = ‘из масла’); клюквяный, соломяный; но: ветренный, заветренный*.

8. Страдательные причастия, даже если они позиционно преобразованы в прилагательные, писать с *-нн-* в суффиксе: *вязанный, крашенный, мешанный, маслянный, печонный...*

9. Глаголы *видить, зависеть, обидить* (sic) относятся, естественно, ко 2-му спряжению. Глаголы *вертеть, смотреть, терпеть, знать, дышать, держать, слышать* рекомендуется писать по 1-му спряжению, но допускается написание и по 2-му.

10. Суффикс *-ану* пишется всегда с *а*: *колануть, полосануть* (но: *захолонуть*, где нет этого суффикса).

11. В корнях отмечают только непозиционные чередования гласных (все чисто буквенные чередования устраняются): *рос-, рост-: росла, ростение, возрост, отросль; гар-: загарельй, нагареть* (ср.: *изгарь, выгарки*); *плав-, пływ:* *плавец, плавчиха* (но: *пльвун, пльвуны*) и т. д.

В глагольных корнях (и радикасоидах, т. е. «корнях»), сращенных с приставкой) — *-пер-, -бер-, -мер-, -тер-, -дер-* писать только *е*: *уперлись — уператься, смерть — умерать, протер — протерать*; также: *сжечь — сжегать, расте-лет — расстелать* и т. д. В глаголах с радикасоидом *-лож-* (с чередованием *г/ж* в разных формах) писать *о*: *предложить — предлогать, предположенный — предпологать* и т. д. Так же: *коснуться — косаться* и пр.

12. В заимствованных словах не писать удвоенных согласных, если они не передают двойных фонем в составе слова: *субота, процес, паралельный, клас, оперета, програма, колона* и т. д. (но: *гамма, ванна, гамм, ванн*); *програмка, колонка, класный...*

В результате последовательного применения фонематического принципа во многих случаях становится более полным графическое тождество морфем. Например, в написаниях *разберет — разбирает, запер — запирает, замер — замирает, обдеру — обдирает, растер — растирает* и т. д. чередование букв *e — и* не отражает никаких фактов живого литературного языка; фонематически эти корни (и радикасоиды) надо обозначать так: ⟨б'ор⟩, ⟨п'ор⟩, ⟨м'ор⟩, ⟨д'ор⟩, ⟨т'ор⟩. В глагольных образованиях встречается только ⟨о⟩ в сильной позиции; то же и в именных отглагольных образованиях (*растирка, протирка, обдирка* — изолированные факты, не влияющие на оценку фонематического состава корня в глагольной парадигме). Введение единообразных написаний этих корней в виде *-бер-, -пер-, -мер-, -дер-, -тер-* позволит увеличить графическое тождество внутри каждой морфемы и избавиться от ряда правил, громоздких и бессмысленных (поскольку они не отражают ничего реально языкового).

Фонематический принцип почти всегда ведет к тому, что морфема передается в единообразном графическом облике; поэтому часто фонематический принцип называют морфологическим. Это отождествление оправдывает себя в учебниках, научно-популярной литературе; однако отождествление этих двух принципов в научных работах приводит к тяжелым ошибкам. От таких ошибок не свободны труды, подготовившие орфографический свод 1956 г. Например, было принято правило о написании *о* или *ё* после шипящих (для ударных слогов): если [о] не чередуется с *e*, то надо писать *о*; если же чередуется, то *ё* (*e*). Правило это во всех отношениях неудачно. Оно нефонематично: одна и та же фонема ⟨о⟩ в одной и той же позиции передается двумя буквами: *о* и *ё* (*e*). Оно требует, чтобы гласная буква в сильной позиции (т. е. передающая ударный гласный) проверялась безударными положениями. Это противоречит всем правописным привычкам, существующим в фонематической орфографии, и поэтому трудно для усвоения. Более того: *о* (после шипящих, в ударном слоге) можно писать только после того, как пишущий перебрал все слова с данным корнем и убедился, что чередования [о] с *e* нет (да, именно так: правило требует установить чередование звука с буквой; ср. *разжевать* — и поэтому *разжевывать*, но *сжимать* и поэтому *жом*). Разумеется, уверенности в том, что учтены все однокоренные слова, у пишущего в процессе письма не может возникнуть, если он не пользуется словарем. Допускается, далее, проверка одной гласной в сильном положении с помощью другой гласной тоже в сильном положении: *поджегший*, так как *сжечь*. Наконец, написание *о* или *e* в корнях противоречит написанию *о* или *e* в той же позиции в суффиксах.

Как могло появиться такое многосторонне неудачное правило? Это — плата за теоретическую упрощенность, за незаконное отождествление фонематического принципа с морфологическим. Морфологический принцип формулируется обычно так: одну и ту же морфему надо писать всегда одинаково. В словах *жена*, *желтеть*, *дешеветь*, *шептать* неизбежно написание *же*, *ше* (буквенные знаки *жо*, *шо* для безударных слогов требуют чтения [жо, шо] или [жа, ша]; ср. *жокей*, *шоссе* и пр.). Следовательно, чтобы сохранить единый буквенный облик слова, надо писать *жѣны*, *жѣлтый*, *дешѣвый*, *шѣпот*. На самом деле наше письмо вовсе не стремится к неизменной передаче облика морфемы; оно не передает только собственно позиционные изменения (чередования) в морфеме. При современных соотношениях в русском письме (т. е. когда за *жо*, *шо* для безударных слогов закреплено чтение не [жы³], [шы³], а иное) наиболее приемлемым с фонематической точки зрения является предложенное выше решение (п. 3). Естественно, что оно и практически наиболее целесообразно¹⁰.

Фонематические написания, усиливая единообразие наших письменных навыков и привычек, всегда оказываются практически целесообразными. Однако в некоторых случаях вопрос очень осложняется синонимическими и омонимическими взаимоотношениями между морфемами. Существуют написания: *кожаный*, *вощаной*, *глиняный*, *серебряный*, *оловянный*, *стеклянный*, *деревянный*. Следовательно, есть два графических суффикса: с одним и с двумя *н* после *а* (*я*); значение их тождественно ('сделанный из того, что названо корнем'). Несомненно, что эти два написания передают два разных по строению суффикса. Двойные фонемы находятся в сильном положении перед и после ударного слога; тогда в *оловянный* для ⟨нн⟩ сильная позиция и суффикс — ⟨-анн-⟩; в *жестяной*, *костяной*, *вощаной* — тоже сильная позиция для ⟨н⟩ и суффикс — ⟨-ан-⟩. Однако два суффикса, тождественные по значению и очень близкие по фонемному составу, влияют друг на друга, создают вариативность в произношении каждого из них. Поэтому целесообразно ввести одно написание для обоих суффиксов и писать (в прилагательных, основное значение которых 'сделанный из'): *кожаный*, *глиняный*, *серебряный*, *вощаной*, *оловяный*, *стеклянный*, *соломяный*. Таким образом, здесь в одном написании объединяются две

¹⁰ Словесное ударение — фонематическая единица; в строго последовательном фонематическом письме оно должно быть обозначено (как и было, например, в русских изданиях первой половины XVIII в.). Поэтому написания *жѣрновá*, *жѣнá* последовательно фонематичны. Затем для знака *ѣ* избирается замена — знак *е*; эта замена имеет чисто внешний характер (вместо одного начертания — другое); следовательно, написания *жернова*, *жена* фонематичны. Однако здесь введенное нами *е* «совпало» с *е-ѣ*, обозначающими мягкость предшествующего согласного, а это уже можно рассматривать как нарушение фонематического принципа (шипящие не обладают фонематической мягкостью). Таким образом, предлагаемые написания бесспорно фонематичны только для ударных позиций.

разные фонемные последовательности; необходимость их объединения вытекает именно из их фонемного строя.

Так же вопрос решается и о правописании полных страдательных причастий, но в сторону двойных *n* (независимо от того, «перешли» они в прилагательные или нет); ср. *данный, определенный, огорченный* — с ⟨*nn*⟩, но в отдельных словах: *печеный, вареный* — с ⟨*n*⟩. Орфографически это можно обобщить в написаниях с двумя *n*¹¹.

Фонематический принцип лежит в основе всех предложенных написаний. Однако во всех ли случаях целесообразно нефонематическое написание заменять фонематическим? Такая замена всегда будет облегчением для пишущего, вернее — для обучающегося письму. Но усовершенствование письма, облегчая обучение в школе, имеет и ряд других задач, которые надо учесть. В большинстве случаев эти задачи также решаются введением фонематических написаний. Многие научные термины являются интернациональными; поэтому правописание их в языках народов Советского Союза желательно максимально сблизить. Предложение писать их фонематически (без удвоения согласных букв, когда в строении слова нет двойных фонем) отвечает этой цели. В украинской и белорусской орфографии не пишутся сдвоенные буквы, если в составе слова нет удвоения фонем (укр. *абрєвіатура, атестація, бабiт, геморої, катар, лема, хлорофіл* и т. д.). Такое написание заимствованных слов сближает это письмо также и с письмом многих тюркских народов.

Введение нового правописания не должно омертвить огромные книжные богатства, накопленные за десятки лет. Если орфографическое нововведение дифференцирует употребление того или иного знака, усиливает его различительную функцию (так, что энтропия этого знака возрастает), то чтение текстов затрудняется. Напротив, уменьшение энтропии данного знака, падение его различительной силы не препятствует чтению старых (до реформы изданных) текстов. Например, в XVIII в. не было буквы *э*; ее функцию выполняла буква *е*. Написания *ex, тот, эти* читались как современные *эх, это, эти*. После введения буквы *э* функция буквы *е* изменилась, возникло новое противопоставление *э — е*; различительная сила буквы *е* возросла. Чтение старых написаний *ex, эти* и пр. теперь представляет определенную трудность; чтобы орфоэпически правильно интерпретировать тексты, нужна особая выучка. Напротив, замена по реформе 1918 г. букв *ѣ* и *е* одной буквой *е* не мешает восприятию старых текстов. Важно подчеркнуть, что все предлагаемые здесь новшества уменьшают различительную силу буквенных знаков и поэтому не будут препятствием при чтении старых текстов. Правда, нужны дополнительные исследования, учитывающие всю сложность изменяемых взаимоотношений между знаками письма, но общий вывод и сейчас уже очевиден.

¹¹ См. *Калакуцкая Л. П.* Орфография страдательных причастий прошедшего времени в связи с их адъективацией. Изд. Латв. АН, ОЛЯ, 1963, 1.

Наконец, при оценке орфографических новшеств надо учитывать и интересы полиграфии. Если нововведения из-за увеличения числа двухбуквенных написаний вместо однобуквенных, числа раздельных написаний вместо слитных удлинит тексты, то это надо признать серьезным минусом предлагаемых изменений.

Все названные соображения не должны, однако, привести к беспорядочному использованию то одних, то других критериев. Нужен алгоритм, показывающий порядок включения отдельных критериев узаконивающих новшество.

Он может иметь следующую форму:

I. Выдвигаются все возможные для данной орфографической системы фонематические предложения. К ним относятся: а) предложения о замене нефонематических написаний фонематическими; б) предложения о замене одних фонематических обозначений другими, тоже фонематическими, но допускающими более широкое обобщение по каким-либо правилам¹².

Выдвинутые предложения могут быть приняты или не приняты в соответствии со следующими пунктами.

II. Если предлагаемое изменение касается малочастотных орфограмм (число которых в потоке речи не превышает определенного экспериментально установленного статистического порога), то оно принимается¹³. Если же это условие не выполнено, то см. следующие пункты.

III. Если по новому правилу «различительная сила» знаков (в орфограммах, подчиненных этому правилу) уменьшается, то новшество принимается. Уменьшение «различительной силы» знаков оценивается путем сравнения энтропии, которую они несли до и несут после принятия правила.

IV. Если условия, указанные в пп. I—III, не выполняются, то орфографическое изменение не принимается.

Орфографические предложения, перечисленные выше, сделаны с учетом (пока что предварительным) этих требований. Именно поэтому в перечне нет, например, предложения о замене написания *его*, *ого* во флексиях написанием *ово*, *ево*; об изменении флексии предложного и дательного падежей у слов типа *об армии* и предложного у слов типа *о пролетарии*, *о здании* (фонематически эти формы можно было бы писать с буквой *е* в конце) и нек. др. Возможно, однако, что после экспериментального установления порога частотности измененных орфограмм, при котором чтение старых текстов не затруднено, окажется допустимым принять и эти предложения.

¹² См. в перечне предложений по орфографии п. 9.

¹³ Может быть, следует установить два таких порога, для первых двух (или трех) букв слова более высокий, чем для остальных. Изменение начала слова приводит к значительным затруднениям в пользовании прежними словарями и справочниками (с алфавитным расположением материала). Именно поэтому не выдвигается предложение вместо написания приставки *раз* — *рас* всегда писать *роз* (с буквой *о*, как следовало бы по фонематическому признаку).

Предлагаемый алгоритм имеет предварительный характер; многие данные, которые надо учитывать в орфографии, в нем не нашли отражения. Важно все же, чтобы была строгая очередность в использовании критериев принятия или непринятия орфографических нововведений, а не хаотическое и бессистемное их применение.

*
* *

Вопрос о слитном и раздельном написании тоже не лежит вне компетенции фонематического принципа. В языке существуют особые фонемные разграничительные единицы (диэремы); одни из них свидетельствуют о границах между морфемами, другие — о границах между словами¹⁴. Однако диэремы того и другого типа часто нейтрализуются, т. е. показатели границ между словами выражаются так же, как и показатели границ между морфемами. В случаях нейтрализации фонематическая орфография требует сохранения того обозначения фонемной единицы, которое налицо в сильной, различительной позиции. Например, произносится: *без дел, через невод* — с твердым [з]; но *бездельник, разнежиться* — с мягким [з']¹⁵. Фонетические закономерности на морфемных границах внутри слова и на межсловесных границах различны; два типа диэрем не совпадают — они находятся в сильной позиции. Напротив, если на стыке находится гласный + гласный (*наохался, наорал — на озере, на окне*), диэремы обоих видов не отличаются друг от друга и не отличаются от отсутствия диэремы, т. е. от положения внутри морфемы. Но фонематическая орфография требует, чтобы единицы, различающиеся в сильном положении, во всех случаях (и при их нейтрализации) обозначались по-разному; т. е. в данном случае, чтобы предлоги писались отдельно, приставки — вместе со словом. (Предлоги рассматриваются как отрезки перед межсловной диэремой, приставки — как отрезки перед межморфемной диэремой.)

Трудности, связанные с применением этого принципа, бывают двух типов. Диэрема — суперсегментная единица. Суперсегментные же единицы очень часто не передаются на письме, если даже оно построено на фонематическом принципе, — и это не мешает пользоваться им. Напротив, это делает письмо экономным и простым. В русском письме не обозначены такие суперсегменты: ударение; межморфемная диэрема (она обозначается слитным написанием, т. е. так же, как отсутствие диэремы); ряд интонационных единиц. Язык обладает очень высокой избыточностью информации. На письме, которое предполагает

¹⁴ Подробное (хотя во многом и неточное) описание их см. в книге: Гвоздев А. Н. О фонологических средствах русского языка. М.; Л., 1949, с. 84–97.

¹⁵ См. Аванесов Р. И. Русское литературное произношение, 2-е изд. М., 1954, с. 85. Здесь описан один из типов литературного произношения.

возможность замедленного, повторного восприятия, многие показатели выгодно снять. Суперсегментные единицы часто нейтрализуются; иногда сильные позиции (т. е. случаи отсутствия нейтрализации) оказываются попросту редкими; это относится в первую очередь к диэреме. Поэтому из двух возможностей: опустить некоторые сегментные показатели или некоторые суперсегментные — при письменной передаче речи избирается вторая. Можно принять следующее правило при построении орфографии: суперсегментные показатели могут не передаваться, если они страхуются другими (нефонематическими) ярусами языка.

Еще одна трудность возникает за пределами фонематической проблематики, хотя и она вызывается необходимостью различать фонематические единицы (диэремы) разного типа, находящиеся в слабой позиции. Зачастую трудно разграничить приставочные и предложные единицы. Исходить надо из понятия слова, противопоставляя его понятию сочетания слов.

Следует рассмотреть такие случаи: правописание наречий; слитное и раздельное написание частицы *не*; орфограммы сложных прилагательных; передача на письме числительного *пол* (*полтетради*, *пол-Москвы*), частиц, некоторых «аббревиатур».

Слова, соединяясь друг с другом, образуют единицу (словосочетание), значение которой целиком определяется значением ее частей, т. е. слов. Напротив, значение слова лишь частично определяется составляющими морфемами, оно обычно уже, чем совокупное значение морфем¹⁶. Этот критерий достаточен, чтобы разграничить сочетание предлога с существительным (т. е. сочетание слов: служебного и полнозначного) и соединение приставки и корня (т. е. сочетание морфем внутри слова). Его следует применить при решении вопроса о правописании наречий. Должны писаться слитно, как сочетания приставки с корнем, такие единицы: *сбоку*, *подчас*, *вперед*, *встарь*, *наоборот*, *налицо*, *насилу*, *нараспев* (как предлагается действующими правилами орфографии); *вобмен*, *вобрез*, *вобнимку*, *вотместку*, *вобтяжку*, *вобхват*, *водиночку*, *вохапку*, *вупор*, *подуклон*, *насовесть*, *(не) сруки*, *внамешку*, *(не) кдобру*, *(не) кспеху*, *(лежит) вголовах*, *вногах*, *(стоит) начасах* и т. д. Здесь не стандартизовано (сужено, расширено, сдвинуто) значение приставки или корня. Например, в сочетаниях *сбоку*, *вбок*, *набок*, *вперед*, *наоборот* значение целого не выводится из значения частей: *с + боку*, *в + бок*, *на + бок*, *в + перед*, *на + оборот*. В сочетаниях *перед боком*, *на левый бок*, *ударил прямо в бок*, *за этим боком шкафа* и т. д. единица *бок* имеет значение 'одна из сторон туловища, предмета'. Значение целого (т. е. словосочетания) полностью выводится из значения составляющих единиц; следовательно, эти составляющие — слова, полнозначные или служебные. Именно потому, что значение целого полностью вытекает из

¹⁶ Это определение исходит из фортунаговской теории слова. Более подробно освещение этого вопроса см. в кн.: «Русский язык и советское общество», с. 54–56.

составляющих, ряд таких образований не замкнут. Напротив, ряд *сбоку, вбок, набок* замкнут: в этих единицах значение части *бок* сдвинуто (не равно тому, которое встречается в бесконечном ряду свободных сочетаний). Поэтому данные единицы — слова, а не словосочетания.

В других случаях сдвинуто значение приставки (по сравнению с соотносительным предложным значением); ср. *вброд, вослед, насилу, поутру*. Нет незамкнутого ряда: *перейти в мост, в тропку* и т. д.; поэтому значение *вброд* не выводимо непосредственно из составляющих частей. Иногда изменено значение падежной флексии; поэтому она превращается в суффикс наречия: *всердцах, нарысях*. Наконец, могут быть случаи, когда сдвинуто значение обеих сочетающихся частей (корневой и аффиксальной): *разбить наголову, знать назубок* и т. д. Членимость на морфемы многих таких образований утрачена. Ясно, что все это слова, а не сочетания слов.

Если часть, следующая после приставки, не употребляется самостоятельно (без предлога) в качестве существительного, то это наречие: *накорточки, накарачки, начетвереньки, нечетвереньках, подспуд, подспудом; подмышкой, подмышками*. В своде правил орфографии говорится: «Следует писать раздельно сочетания предлогов с существительными: ...если существительное в определенном (одном) значении сохранило хотя бы некоторые падежные формы в сочетании с предлогами»¹⁷; далее идут примеры, только что приведенные здесь (*на корточки* и т. д.). Это объяснение основано на недоразумении: следуя ему, надо писать раздельно наречия *вбок, набок, сбоку* и многие другие. Не имеет смысла и замечание, что «существительное» в таких сочетаниях должно иметь одно и то же значение. В наречиях *под спудом, под спуд* отрезок *спуд* ничего не значит именно потому, что не встречается в свободных сочетаниях (а если бы он встречался в свободных сочетаниях: *недалеко от соседнего спуда, около спуда, сзади спуда*, то встречался бы и отдельно, беспредложно). *Под* в наречии *под спудом* не только не предлог, но даже и не приставка. Какой бы критерий слова ни взять, нельзя признать в обрубке *спуд* отдельное существительное.

Итак, слитно пишутся несвободные конструкции, в которых нельзя выделить часть, самостоятельно употребляющуюся как существительное и притом в том же значении, что и послеприставочный комплекс в составе данной конструкции. Эти конструкции надо признать целостными словами-наречиями. По этому правилу следует писать слитно все наречные конструкции, указанные сводом правил орфографии в разделе: «Написания слитные и через дефис (черточку)... Наречия»¹⁸. Изменения коснутся следующих групп: *вобррез, вобнимку, вотместку, вобтяжку, вобхват, накорточки, накарачках, (сделано) насовесть,*

¹⁷ «Правила русской орфографии и пунктуации». М., Учпедгиз, 1956, с. 45.

¹⁸ Там же, с. 43–47.

(нечист) наруку, (не) сруки, внасмешку, подмышками, подмышки, подмышкой; безоглядки, безпросыпу, (нужно) дозарезу, доотвалу, набегу, налету, (видно) наглаз, насмех, сходу, (не) вмеру, (не) подсилу, (не) кспеху; (лежит) вголовах, (стоит) начасах; порусски, полатыни, посоловыиному, поиному, повидимому; нагора¹⁹.

Раздел о слитных и раздельных написаниях наречий в своде 1956 г. построен на пестрой и разноречивой разноголосице правил. Некоторые из них совершенно искусственны. Предлагаемый принцип, основанный на существенных, определяющих признаках слова, внесет единообразие и целостность в орфографию наречий. Однако есть особенность, которая выделяет группу наречных конструкций. Многие из наречных сочетаний стоят на грани между словом (наречием) и сочетанием слов (предлога с существительным). В сочетаниях *без просыпу*, *без устали* трудно, например, определить, используются ли части *просып*, *усталь* как отдельные существительные. Можно подобрать случаи такого использования (*Ни одного просыпа за всю ночь; От этой работы усталь адская*); но все они окажутся окказиональными образованиями, а не устойчивыми, полноправными единицами языка.

Часто трудно решить, насколько сдвинуто, несвободно значение составляющих частей такого образования; ср. *без устали*: равно ли оно свободному сочетанию *без усталости*? Можно подобрать тексты, где значение явно сдвинуто: *Он, едва держась на ногах, продолжал без устали кидать уголь в топку* (здесь *без устали* = 'с прежним, большим напряжением'); но сами эти сдвиги могут оказаться окказиональными. Письмо не может решить, слова это или сочетания слов, так как в самом языке они стоят на границе между тем и этим. Следовательно, рекомендуя писать их слитно, надо допустить возможность их раздельного написания. Норма здесь будет двухступенчатой: она включит рекомендуемое и допустимое. В объяснениях правил 1956 г. говорилось, например, что наречия типа *до зарезу*, *в тупик* решено писать отдельно, чтобы подновить их метафоричность. Затея напрасная: орфографическими средствами нельзя подновить семантику слова, когда она в языке закономерно изменилась. Однако если возможен контекст, требующий этого подновления, то в нем, очевидно, было бы допустимым и раздельное написание²⁰. Боязнь вариантных написаний отчасти имеет свои основания: орфография, состоящая сплошь из вариантных написаний, перестает быть орфографией. Но иногда вариантность необходима, и именно в тех случаях, когда она отражает промежуточные, неустойчивые явления в языке; это прямо относится к наречным конструкциям.

¹⁹ Вопрос о замене раздельных написаний слитными (для наречных конструкций) актуален и для польской орфографии (см. *Jurkowski M. Uwagi o ortografii i ortofonii polskiej // Polonistyka, XII, 3, 1959, с. 41*).

²⁰ Ср. в чешской орфографии возможность многие наречия писать и слитно и раздельно с приставкой.

Правописание прилагательных с *не* непоследовательно и построено на ряде перекрещивающихся правил; можно свести их к единству. Возможность противопоставить образования *не умный* и *неумный*, *не жаркий* и *нежаркий*, *не обузданный* и *необузданный* считается большим достоинством русской письменной речи. Эта возможность заставляет отвергнуть предложение унифицировать по одному образцу правописание прилагательных с *не*. Надо проверить, насколько мнение о функциональной целесообразности противопоставления *не умный* — *неумный* и т. д. основано на реальной оценке фактов языка. Прилагательные с *не* можно разделить на три группы.

1. *Неактуальный, небдительный, небезгрешный, небезосновательный, неблагоустроенный, небоеспособный, небюрократический, невежливый, невиновный, невнимательный, невоенный, невсхожий, неграмотный, недоброкачественный, нежилкой, неженственный, незамужний, незаразный, несемейный...* В этой группе осуществляются равенства: *не актуальный* = *неактуальный*, *не бдительный* = *небдительный*, *не виновный* = *невиновный*, т. е. употребление того и другого выражения безразлично. Здесь дихотомическое членение: прилагательное с *не* и то же прилагательное без *не* исчерпывающим образом делят область проявления обозначаемого качества. Отрицая одно (*не военный*), мы тем самым утверждаем другое, второй член дихотомии (*невоенный*).

Предполагается, что конструкция *он не умен* и *он неумен*, *гимнастерка не военная* и *гимнастерка невоенная* соотносится с разными конструкциями в прошедшем времени: *он не был умен* и *он был неумен* и т. д., которые различны по значению. Отсюда делается вывод о необходимости различать *не умен* (*не умный*) — *неумен* (*неумный*) и в других случаях. Это рассуждение для прилагательных описываемой группы не имеет решающей силы; значения *он был неумен* — *он не был умен* тождественны. (Конечно, внутренняя форма конструкций *он не был умен* — *он был неумен* различна, но нет необходимости это различие воспроизводить на письме.)

2. *Невеселый, недобрый, нежаркий, незамысловатый, незатейливый, некрасивый, неласковый, немолодой, неспособный, неумеренный, неудовлетворительный, нехитрый...* Здесь прилагательное с *не* и то же прилагательное без этой морфемы не исчерпывают дихотомически всех возможностей проявления данного качества. *Удовлетворительная* и *не удовлетворительная* работа исчерпывают все возможности проявления удовлетворительности; *не удовлетворительная* может быть: отличной, хорошей, неудовлетворительной. Здесь *не удовлетворительное* ≠ *неудовлетворительное*: последнее уже по значению. *Не добрый* взгляд — это взгляд равнодушный, или злой, или ненавидящий... Прилагательное *недобрый* равно только слову *злой* (может быть, еще с некоторым сужением значения). *Нежаркая* погода — не всякая не жаркая, а только прохладная и т. д. Здесь приставка *не* вносит в основу прилагательных этого типа различные нестандартизованные ограничения; значение целого не выводимо

из составляющих частей. Это и означает, что *не* у данных прилагательных — приставка.

Здесь противопоставление *не жаркий — нежаркий, не добрый — недобрый* семантически существенно. Однако орфографически его выявлять нет необходимости: диэремный показатель здесь всегда страхуется верхними ярусами языка. Единицы *не жаркий, не добрый* и т. д. выступают только в конструкциях с противопоставлением; эти конструкции и покажут, независимо от орфографии, семантику прилагательного с *не*. Невозможно, например, изолированное предложение *Эта работа не удовлетворительная* (в значении ‘хорошая’). Обязательны такие сочетания этой единицы: *вовсе не удовлетворительная*, или *нет, не удовлетворительная*, или *не удовлетворительная, а...* Напротив, отсутствие конструкции противопоставления неизменно влечет за собой слитность *не* с прилагательным. Таким образом, орфографическое противопоставление слитного и раздельного написания не нужно и для прилагательных 2-й группы.

3. *Небывалый, невероятный, невольный, негодный (мальчишка), незабываемый...* Здесь связь между прилагательным с *не* и без *не* разорвана; они не передают признаки, связанные с одной шкалой. Очевидно, что сочетания *небывалый случай* и он *вовсе не бывалый человек, невероятный подвиг* и *не вероятный, а неизбежный провал* и т. д. связаны с разными контекстами. Таким образом, во всех трех случаях нет нужды (по разным причинам) орфографическими средствами разграничивать прилагательное со «слитным» и с «раздельным» *не*.

Фонематический принцип требовал бы, чтобы во 2-й группе писались слитно *неудовлетворительная* ‘плохая’ и раздельно *вовсе не удовлетворительная*: в одном случае налицо приставка, в другом частица, т. е. особое слово, а межсловесная и межморфемная диэремы — разные фонемные единицы. Следовательно, хотя после *не* они нейтрализованы, надо их обозначать разными способами. Диэрема — суперсегментная единица; информация, которую она несет, страхуется контекстом; и в данном случае нет необходимости ее орфографически выявлять. Действительно, глаголы тоже могут иметь при себе частицу *не* и приставку *не*²¹. Ср.: *Все наши планы на заседании не одобрили* (*не* — приставка; значение глагола фразеологически суживается до пределов ‘отвергли’) — *Да нет, он не смотрел и не одобрил еще наши планы* (здесь только отрицается одобрение; значение целой единицы *не одобрил* сводится к значению частей; *не* — частица, отдельное слово); ср. также: *Всех своих родственников он не любит; Он не позволил ехать на каток* и т. д. (здесь в обоих случаях *не* — приставка).

Правописание *не* разграничивает два типа глагольных сочетаний с *не*; нет необходимости делать это и для прилагательных.

²¹ Ср. разграничение в украинской орфографии *нездужати* ‘хворать’ — *не здужати* ‘не мочь’; *неславити* ‘позорить’ — *не славити* ‘не прославлять’.

Итак, предлагается такая последовательность правил: 1) слова, не употребляющиеся без *не*, пишутся с этой морфемой (или морфемой) вместе. Если указанное условие не выполняется, то см. дальше; 2) глагольные формы (спрягаемые, инфинитив, деепричастие, причастие), неместоименные прилагательные, неместоименные наречия и предложные сочетания пишутся с *не* отдельно. Так же пишутся местоименные слова, если на *не* отсутствует ударение: *Его считали не тем, кто он есть; Материал не такой, какой нам нужен; Ты не туда повернул*. Если слова не принадлежат к этим классам, то см. дальше; 3) слова пишутся отдельно от *не*, если они входят в такие обороты: а) «*вовсе* и его синонимы + *не + N*»; б) «*не + N*» в составе именного сказуемого при нулевой связке, если есть связь с конструкцией «*не + ненулевая связка + N*»: *Бык овце не товарищ; Это не работник; Не дерево, а с листочками; Летит, а не птица, везет, а не лошадь*; в) «*если + не + N +, то...*» (и синонимы этого оборота): *Кабы не клин да не мох, никто бы плотнику не помог* (В. И. Даль); г) «*чуть ли + не + N*», «*едва ли + не + N*», «*разве + не + N*», «*это ли + не + N*», «*как же + не + N*», «*нет, + не N*»; д) оборот с противопоставлением: *Не место крадит человека; По дороге шел не трактор, а танк*²²; 4) слова, не учтенные предыдущими правилами, пишутся вместе с *не*. Сюда относятся существительные и все местоименные слова с ударяемыми *не*.

Правило первое предшествует второму — четвертому, потому что оно сильнее их (при столкновении выходит победителем первое; ср.: *ненавидеть, невзлюбить*). Второе и третье равноправны, т. е. не противоречат друг другу. Однако применение второго практически легче, поэтому оно предшествует третьему. Третье сильнее четвертого. При существовании этого четырехступенчатого правила возможно некоторое количество исключений (например, философский термин *не-Я*), но число их может быть сведено к минимуму.

Предлагаемые правила вводят ряд новшеств, но их не так много. Все причастия по этим правилам должны писаться отдельно с *не*, в том числе и при отсутствии пояснительных слов. Все прилагательные, полные и краткие, также пишутся врозь с *не*. Далее, предлагается писать: *И у непоэтов встречаются настоящие стихи; Все испанцы были лишены завоевателями самых простых прав; Над этой машиной думали инженеры и неинженеры; Неастрматиков здесь не принимают* и т. д. Требуется объяснения, почему для всех глагольных форм и для прилагательных избрано раздельное написание с *не*, для существительных — слитное. Это, с одной стороны, отвечает наметившимся тенденциям

²² Третье правило, очевидно, можно формулировать по-другому, иначе сгруппировать материал или даже заменить перечень формул общим указанием: при отрицании понятия *не* пишется отдельно от слова, к которому относится. Вряд ли это облегчит пользование правилом. Возможно, материал, приведенный в третьем правиле, не полон. Он получен путем просмотров учебников русского языка и сборников диктантов, выпущенных в последние годы (около 20 названий).

в русской орфографии, поэтому связано со сравнительно небольшой ломкой установившихся правописных привычек; с другой стороны, это отвечает строю языка: префиксация у глаголов в современном русском языке тяготеет к агглютинативности, префиксация существительных фузионна; прилагательное ближе к глаголу²³. Эта общая тенденция касается и приставки *не*: у глаголов она ярко агглютинативна (*не любит, не одобрил, не позволил, не признает*) и предельно близка к частице (*не дымит, не смеется, не переписывает*). У существительных она фузионна.

Числительное *пол* предлагается писать раздельно: *пол страницы, пол яблока, пол Москвы, пол столовой ложки, пол лимонной дольки*. Основание понятно: это отдельное слово, такое же, как *два, три* и т. д. Вызывает опасение омонимичность *пол* с другими словами; ср. *Застеклили пол комнаты — Настелили пол комнаты*. Надо определить путем анализа большого количества текстов, насколько реальна эта опасность. Если она существует, то придется остановиться на дефисном написании этого слова.

Все частицы, т. е. отдельные постпозиционные служебные слова, естественно было бы писать раздельно, по образцу *же, ли, бы*. Относительно частиц *то* и *с* необходима проверка, не вызовет ли их отдельное написание частых омонимических столкновений с предлогом *с* и местоимением *то*.

Особую трудность представляет правописание сложных прилагательных. По действующим правилам надо различать: *народнохозяйственный, малоупотребительный, естественнонаучный* и *беспроцентно-выигрышный, светло-зеленый, русско-немецкий*. В языковом отношении, фонематически это разграничение ни на чем не основано: диэремные явления в обоих случаях одинаковы. Предстоит выбрать — писать ли в обоих случаях такие прилагательные слитно или все через дефис. Вероятно, последнее предпочтительнее, так как многобуквенные нерасчленимые образования, как показывают наблюдения психологов, могут затруднить чтение.

*

* *

Таким образом, все вопросы современной орфографической теории должны получить свое решение на основе фонематической теории; эти решения являются наиболее оправданными и с практической точки зрения.

²³ См. «Русский язык и советское общество», с. 50. В чешской орфографии принято слитное написание *не* с глаголами. Однако это не может быть показательным прецедентом для русского письма. Аффиксы в чешском языке гораздо более агглютинативны, чем в русском (см. *Исаченко А. В.* К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков, *Slavia*, XXVII, 3, 1958, с. 347–352). Агглютинацией здесь названо взаимодозначное соотношение обозначающего и обозначаемого. Таким образом, в чешском тексте противопоставленность межсловных и межморфемных диэрем ослаблена; поэтому и возможно частицу *не* во всех случаях приравнять к приставке.

О слитных и раздельных написаниях*

I

Правописание частицы приставки *не/не-* с глаголами, причастиями и прилагательными — это единая, целостная проблема. Причастия — одна из форм глагола; они систематически «переходят» в прилагательные (т. е. омонимичны прилагательным определенного типа). Задев одно звено этой цепи, мы неизбежно задеваем и два других. Если вводится новое написание *не/не-*, например, с причастиями, то это или облегчит или затруднит усвоение правил о том, как писать *не/не-* с глаголами и прилагательными.

Возможны разные решения этого вопроса; надо сопоставить и оценить эти возможности.

Однако все перечисленные ниже предложения строятся в расчете на то, что действуют два наиболее сильных в нашем письме правила: 1) если слово без какого-то элемента не употребляется, то оно пишется вместе с этим элементом (поэтому: *ненавидеть, ненавидящий, ненавистный*); 2) синтаксические частицы пишутся отдельно от лексем, «наполняющих» синтаксическую конструкцию. Поэтому при противопоставлении *не* пишется отдельно от того слова, которое является членом противопоставления. Не подлежат ревизии написания: *не разделяет, а соединяет; не разделяющий, а соединяющий; не разделительный, а соединительный*. Отказ от этих правил противоречил бы языковым закономерностям, он разрушил бы прочные и разумные традиции нашего письма.

Среди других правил, которым следует написание частицы-приставки *не/не-*, вполне обосновано языковыми соотношениями такое: если слово с одной этой морфемой образует целостное понятие, то *не-* пишется вместе с остальной частью основы. Действительно, эта формулировка, может быть не совсем удачная, основана на том, что частица *не* свободно присоединяется к словам, образуя незамкнутые ряды. Она сопутствует, например, любому глаголу и причастию¹; узнав, что есть глаголы *лессируют, поновят, патинируют*, никто не

* Вопросы русской орфографии. М.: Наука, 1964. С. 100–119.

¹ Только эвфонические причины могут воспрепятствовать сочетаться частице *не* с глаголом; так, маловероятно употребление в литературном языке единицы *не ненавидит* и под.

усомнится, что закономерны сочетания *не лессируют*, *не поновят*, *не патинированный*. Открытые, бесконечные ряды частица *не* образует именно потому, что значение ее строго стандартизовано: во всех случаях она отрицает понятие, выраженное словом, к которому относится частица; отрицает — и только, никакого другого значения она не вносит.

Приставка *не-*, как всякая словообразовательная морфема, капризна. Ее значение по-разному варьируется в отдельных замкнутых группах слов, ее «отрицательность» по-разному сужается и конкретизируется. Примеры: I. *не богатый* — бедный или со средним достатком, *небогатый* — со средним достатком²; *не глупый* — замечательно умный или довольно умный, *неглупый* — довольно умный; *не дурной* — отличный или достаточно хороший, *недурной* — достаточно хороший; *не жаркий* — холодный или прохладный, *нежаркий* — прохладный; *не сытный* — совсем не насыщающий или мало сытный, *несытный* — мало сытный; *не широкий* — узкий или достаточно узкий, *неширокий* — достаточно узкий, не очень широкий. II. *не далекий* — близкий или находится на среднем расстоянии, *недалекий* — близкий; *не лестный* — неодобрительный или не содержащий похвал, *нелестный* — неодобрительный; *не ловкий* — неуклюжий или не отличающийся особенной ловкостью, *неловкий* — неуклюжий; *не многословный* (текст) — очень краткий или содержащий умеренное число слов, *немногословный* (текст) — очень краткий; *не многословный* (человек) — лаконично говорящий или умеренно говорливый, *немногословный* (человек) — лаконично говорящий; *не приятный* — противный или недостаточно приятный, *неприятный* — противный; *не удовлетворительный* — плохой или хороший или отличный, *неудовлетворительный* — плохой.

Частица *не* при имени прилагательном, отвергая какой-либо признак, оставляет на выбор два (по меньшей мере) возможных утверждения: или противоположную крайность, или средний случай. Контекст подсказывает выбор. Приставка же *не-* сама совершает этот выбор. В случаях, отмеченных цифрой I, избирается средний признак, в случаях II — противоположная крайность.

Если отвержение одной крайности неизбежно означает утверждение другой (т. е. шкала проявления данного признака имеет только две отметки), то различие между частицей *не* и приставкой *не-* нейтрализуется. Поэтому: *не женатый* = *неженатый*, *не логичный* = *нелогичный*, *не мертвый* = *немертвый*, *не правильный* = *неправильный*, *не хромой* = *нехромой*. В этих случаях орфографическая традиция прихотливо избирает одно из двух написаний как обычное: *неженатый*, *нелогичный*, *не мертвый*, *неправильный*, *не хромой*.

Случаев нейтрализации не так много, и они не решают вопроса о том, надо или не надо различать на письме частицу *не* и приставку *не-*. Этот вопрос следует решать отдельно для каждой части речи.

² Толкования слов с приставкой *не-* взяты из словарей.

Есть еще одно правило, регулирующее написание *не/не-*: причастия с пояснительными словами пишутся отдельно от *не*, а без пояснительных слов — вместе. Правило это не обосновано языковыми соотношениями. Считают, что при наличии пояснительных слов причастие сохраняет глагольное управление и тем самым остается в семье глагола (глагол с *не* пишется врозь); без пояснительных слов оно нередко переходит в прилагательное. Но это неубедительные доводы: еще чаще оно и без пояснительных слов не переходит в прилагательное, а те, что переходят, должны писаться по законам прилагательных: в одних случаях слитно с *не-*, в других — отдельно от *не*. В дальнейшем при анализе написаний это правило учитываться не будет.

Рассмотрим несколько возможных предложений о правописании *не/не-* с глаголами, причастиями и прилагательными.

1. Всегда писать *не/не-* слитно с глаголами, причастиями, прилагательными³.

Явно положительная сторона этого предложения — единство правила для глаголов — причастий — прилагательных. Причастие — форма глагола, и естественно для них установить единое орфографическое правило. Но даже не это самое важное: *не* в сочетании с глаголами и с причастиями действительно бывает частицей⁴, значение ее строго ограничивается отрицательной функцией и тем самым последовательно стандартизовано.

По указанному правилу придется писать: *Он неразговаривал со мной об этом; Ведь Алексей Толстой неписал «Власть тьмы»; Студент, незнакомившийся ни с одним учебником, неответит достаточно хорошо* и под. Но это противоречит общему правописному навыку: служебные слова — предлоги, частицы — пишутся отдельно от полнозначных слов; единственное служебное слово *не* будет писаться по прямо противоположному правилу.

Этих соображений достаточно, чтобы считать обсуждаемое предложение неудачным.

2. С глаголами, причастиями, прилагательными писать *не/не-* слитно или раздельно в зависимости от того, имеет ли эта морфема только стандартизовано-отрицательное значение (следовательно, это частица и пишется отдельно) или суживает его до положительного значения (следовательно, это приставка, и писать ее надо слитно).

Полные прилагательные уже и сейчас пишутся по этому правилу; предлагается последовательно распространить его на краткие прилагательные и причастия с глаголами.

У глаголов *не/не-* в редких случаях выступает в качестве приставки: *не разрешил* (*Он мне не разрешил ехать на экскурсию*; ср. сочетание с частицей:

³ Кроме, разумеется, случаев противопоставления.

⁴ В немногочисленных случаях *не* при глаголе может быть и приставкой; см. дальше.

Мы просили его дать разрешение, но он очень занят и еще не разрешил), *не рекомендовал, не одобрил, не любил* (*Он очень не любил читать*; ср. сочетание с частицей: *Он не любил и не презирал его*) и некоторые другие. Такие сочетания глаголов с приставкой *не-* в речевом потоке редки; практика показывает, что их можно не отграничивать на письме от сочетаний частицы *не* с глаголами. Введение же правила о разграничении *не/не-* с глаголами заставит пишущего задумываться над каждым глагольным и причастным сочетанием с этой частицей. Это явно нецелесообразная затея.

Разбираемое предложение почти полностью совпадает с существующими правилами и лишь немного их усложняет. Но это усложнение не нужно.

3. Всегда писать *не/не-* раздельно с глаголами, причастиями, прилагательными.

Это предложение, как и два предыдущих, вводит единое правило для глаголов, причастий, прилагательных⁵. При его обсуждении были высказаны возражения; среди них некоторые заслуживают серьезного внимания.

В отношении глаголов и причастий это предложение отвечает языковой реальности: в речевом потоке в 99 случаях из 100 *не* с глаголами и причастиями является частицей. Но написание *не/не-* всегда врозь с прилагательными заключает в себе большую условность: приставка, часто сочетающаяся с прилагательными основами, будет на письме представлена как частица. Это не приведет к смысловым неясностям (см. указанную выше статью), но потребует значительной ломки орфографических навыков, притом таких, которые основаны на верном письменном отражении языковой реальности⁶.

По этой причине высказанное предложение снимается.

4. С глаголами и причастиями *не/не-* писать всегда раздельно, с прилагательными⁷ вместе или врозь в зависимости от того, является эта морфема приставкой или частицей.

Это предложение требует очень немногих изменений в существующих правилах; это, можно сказать, программа-минимум в усовершенствовании данного раздела орфографии.

Причастия с *не/не-*, как сказано, в огромном большинстве случаев — сочетание двух слов, служебного и полнозначного. Их правописание естественно приравнять к правописанию всех остальных глагольных форм. (Следовательно,

⁵ См. подробную мотивировку этого предложения в статье: *Панов М. В.* Об усовершенствовании русской орфографии // ВЯ, 1963, № 2.

⁶ Письмо, наиболее полно отражающее языковую действительность, не всегда самое лучшее. Многие языковые особенности могут письменно не отражаться, и от этого письмо в некоторых случаях только выигрывает. Ср. неразличение *не/не-* при глаголах. Но приходится отказаться от снятия тех или иных различий на письме, если они верно отражают языковую данность и притом опираются на прочную традицию.

⁷ Так же как с наречиями и существительными.

при формулировке правила отпадает необходимость особо упоминать причастия, достаточно сказать о всех глагольных формах в целом.)

Правописание прилагательных, как видно из формулировки разбираемого орфографического предложения, не меняется. Однако необходимо сделать замечание относительно применения этого традиционного правила.

Какими являются противопоставления *не богатый — небогатый*, *не далекий — недалекий*: привативными или эквиполентными?⁸ Этот вопрос крайне существен. Привативное противопоставление позволяет один член его употреблять вместо другого. Например, противопоставления *поэт — поэтесса*, *учитель — учительница* — привативные; поэтому возможно такое употребление этих слов: говорят не только *поэтесса Ахмадулина*, но и *поэт Ахмадулина*, не только *Мария Николаевна — хорошая учительница*, но и *Мария Николаевна — хороший учитель* и т. д. (ср. эквиполентные противопоставления: *украинец — украинка*, *француз — француженка*, *киевлянин — киевлянка*, *миланец — миланка* и под., которые не допускают подобных замен).

Правило о написании *не/не-* с прилагательными очень часто используется так, будто противопоставление *не богатый — небогатый*, *не далекий — недалекий* эквиполентно. В предложении *Погода была нежаркая, временами даже накрапывал дождь* — считается неправильным использовать написание *не жаркая*. В словосочетании *путь недалекий — рукой подать* написание *не далекий* будет, вероятно, исправлено учителем в диктанте, редактором рукописи, корректором в набранном тексте. Предполагается, что использование написаний подчиняется правилу «или-или», т. е. эквиполентно. Ср. сочетания *киевлянин Тарасенко — киевлянка Тарасенко*. Использовать слово *киевлянин* вместо *киевлянка* невозможно (не говорится: *киевлянин Оксана Тарасенко*). Такое использование единиц по принципу «или-или» характерно именно для эквиполентных противопоставлений.

Между тем соотношение единиц *не богатый — небогатый*, *не далекий — недалекий* явно привативно. Значение единицы *не богатый* включает в себя значение единицы *небогатый* (ср. выше: *не богатый* — бедный или со средним достатком; *небогатый* — со средним достатком и т. д.). Это и характерно для привативных отношений, это и выделяет их среди других. А единицы, соотносящиеся привативно, употребляются особым образом: одна из единиц, с большим объемом значения, может замещать другую единицу (но не наоборот). Поэтому несомненно, что всякое написание *небогатый*, *недалекий* и т. д. может быть заменено написанием *не богатый*, *не далекий* (но не наоборот). Следовательно, в приведенных выше примерах *Погода была нежаркая, временами даже накрапывал дождь* и *Путь недалекий — рукой подать* можно писать не только слитно: *нежаркая* и *недалекий*, но и раздельно: *не жаркая* и *не далекий*.

⁸ Терминология Н. С. Трубецкого.

Отсюда — окончательная формулировка предлагаемого правила: 1. Глаголы⁹ пишутся с *не* врозь. 2. Прилагательные¹⁰, существительные и наречия пишутся вместе с *не* в том случае, если слово с этой приставкой выражает целостное понятие. 3. Допустима замена всякого слитного написания *не* с прилагательным написанием раздельным¹¹. (Разумеется, это правило подчиняется более сильному: если слово без *не*-неупотребительно, то пишется всегда слитно с *не*; поэтому *невзрачный*, *нежданный* и т. п. допускают только слитное написание.)

В настоящее время это правило, по нашему мнению, является наиболее приемлемым и наиболее отвечающим потребностям современного русского письма¹².

Возможность разграничения *Рудная разработка не богатая/небогатая* остается; но из самого ее характера — привативное противопоставление — вытекает возможность не задумываться, если нет необходимости, над оттенками значения *не богатая/небогатая* и писать *не богатая*.

⁹ Включая причастия.

¹⁰ И полные и краткие формы.

¹¹ Строго говоря, такая замена допускается и действующими правилами. Нет оснований, исходя из современного орфографического кодекса, протестовать против раздельного написания прилагательного с *не* в такой, например, фразе: *Речка была не широкая, но полноводная* (если автор не хочет уточнять, была ли она узкая или средней ширины). Однако любой правщик это написание заменит другим: *неширокая*, и бесполезными окажутся все протесты. Поэтому в формулировку правила необходимо ввести указание, помогающее верно его использовать.

¹² В четырех номерах журналов за июль 1963 г. («Новый мир», «Иностранная литература», «Октябрь», «Знамя») подсчитывались слова с *не/не-*, которые могут употребляться без этой частицы-приставки, и при этом только те, которые не входят в данном тексте в противопоставительный оборот, оборот с частицами *чуть не*, *едва не* и под. Вот результаты:

	Слитно	Раздельно
1. Спрягаемые формы глаголов, инфинитивы, деепричастия	—	6211
2. Страдательные причастия, краткая форма	—	58
3. Действительные причастия, полная форма	25	88
4. Страдательные причастия, полная форма	71	25
5. Краткие прилагательные	160	192
6. Полные прилагательные и наречия на <i>-о</i> , соотносительные с прилагательными	1062	70
7. Существительные <i>не</i> в составе именного сказуемого	200	—

Таким образом, предлагаемое написание изменит графическую форму только 86 слов (причастий; 25 + 71) из 8162; кроме того, некоторые прилагательные, которые сейчас пишутся слитно с *не/не-* (160 + 1062), могли бы писаться по новому правилу раздельно, если этого захочет пишущий. Число их тоже будет невелико.

Результаты подсчетов показывают, что стремление писать *не* отдельно касается в первую очередь предикативных единиц. К сожалению, предикативные полные прилагательные при подсчете не были выделены особо. (Подсчеты проводились Л. Н. Кузнецовой, С. М. Кузьминой, М. В. Пановым.)

Мучения, которые часто связаны с использованием правила о *не/не-*, обусловлены именно тем, что его незаконно используют как эквивалентное; это противоречит самой языковой природе данного противопоставления. От учеников требуют, чтобы они в каждом случае решали вопрос: что они выражают сочетанием *не жаркий день*: прохладный (тогда: *нежаркий*) или холодный (тогда: *не жаркий*)... В очень многих случаях контекст не требует решения этих вопросов там, где нет необходимости их решать.

Предлагаемое правило позволяет добиться большого единства в написании глаголов и прилагательных с *не*. При желании можно писать, пользуясь одним правилом: пишу *не* отдельно и от всех глагольных форм, и от прилагательных, если слово употребляется без *не*.

Возможно, вызовет беспокойство, что появятся варианты написания: один напишет *Речка не широкая, но узкая*, а другой в этом же контексте — *неширокая*, и оба правы. Не надо бояться вариативности, когда она подсказана соотношениями в самом языке, именно — привативными соотношениями. Они всегда обуславливают вариативность: один скажет *Петрова — хороший учитель*, другой *Петрова — хорошая учительница*, и никакого ущерба для речевого общения (в том числе письменного) в этом нет¹³.

5. Всегда писать глаголы с *не* врозь, причастия и прилагательные — слитно.

Положительная особенность этого правила — устранение разрыва между написанием причастий и прилагательных. Причастия нередко «переходят» в прилагательные, и эти переходные случаи вызывают большие затруднения, если правила написания с *не/не-* различны у причастий и прилагательных. Но это единство достигается слишком дорогой ценой. Во-первых, произвольно разрывается написание глаголов и написание причастий с *не*. Во-вторых, слитное написание *не* с причастиями противоречит языковым фактам: эта морфема при огромном большинстве причастий (как и при большинстве глаголов) является частицей¹⁴.

Наконец, самое главное: написание частицы *не* вместе с причастиями придумано затем, чтобы добиться орфографического единства с прилагательными. Но сами прилагательные не могут писаться во всех случаях слитно с *не-*. Прежде всего надо учитывать, что в противопоставлении *не богатый/небогатый* немаркированным (большим по объему значения) является член *не богатый*, с отдельным написанием; поэтому только он может заменять другой член противопоставления, и никак не наоборот. Стоит пренебречь этой закономерностью, и на практике возникнут непреодолимые трудности. Вот одна из них. Сейчас пишется: *Сам Ожогин был человек дюжинный, не дурной и не хороший*

¹³ Ср.: «Прямолинейное стремление втиснуть любой ценой живые языковые явления в прокрустово ложе безвариантного правописания ничего, кроме вреда, не дало и не может дать» (*Масюкевич О. М. Українська мова і література в школі, 1963, № 3, с. 72*).

¹⁴ См. выше, с. 540.

(И. С. Тургенев); *Путь был не близкий и не далекий* и т. п. По предлагаемому правилу надо будет писать *человек недурной и нехороший, путь неблизкий и недалекий*, что явно бессмысленно (*неблизкий = далекий, недалекий = близкий*, следовательно *путь неблизкий и недалекий = путь далекий и близкий*). Если же для данного случая и подобных сделать исключение, то ряд таких исключений оказывается весьма большим. Невозможно писать *не* слитно с прилагательными в таких случаях (приводим примеры, которые дают представление о каждом типе исключений):

- а) *Путь не далек, а близок; Он не хороший человек, а скорее дурной;*
- б) *Путь вовсе не близок; Человек он отнюдь /ничуть/нимало/нисколько/далеко не дурной;*
- в) *Путь не далек и не близок;*
- г) *Темна ночь — не ясный день* (пословица); *Путь в Гималаи — не праздничная прогулка; Ленивый работник — не добрая подмога;*
- д) *Мы пришли на концерт едва ли не первыми; Он был чуть ли не единственным его приятелем;*
- е) *Нет, не умный это ответ; Нет, разница не велика;*
- ж) *Небось, она и не больна; Да эти стержни и не прочные!*
- з) *Мы с ним два раза на стадионе «болели» — чем не добрые друзья? Чем это не достойный ответ?*
- и) *Это вам не простое дерево, это подопытный экземпляр; Это коллоквиум, это тебе не приятные разговоры.*
- к) *Он находчив, а не хитер; Ты ошибся: заглавие причудливое, а не оригинальное;*
- л) *Выставка не скучная?*
- м) *Он еще не стар; День еще не жаркий;*
- н) *Ты веселая... — Еще бы не веселая!*
- о) *Если не добрым делом, то хоть советом нам помоги;*
- п) *Но, конечно, не доброе же воспоминание могло у нас остаться об этой поездке;*
- р) *Ведь не случайные это промахи; Ведь не обычные это споры.*

Одно из двух: признать эти все случаи исключениями, тогда от самого правила (пиши *не* слитно с прилагательными) останется немного, или во всех этих случаях писать *не* слитно с прилагательными, вопреки очевидным языковым фактам. И то и другое не радует.

В целом обсуждаемое правило является одним из самых неудачных.

Возможны и другие комбинации правил, касающиеся правописания *не/не-* с глаголами, причастиями, прилагательными. Однако нерациональность их более или менее очевидна, и поэтому они не обсуждаются.

Итак, остановиться следует на правиле четвертом.

II

Современные орфографические правила похожи на законы юридические: они — плод сознательной (в той или иной степени) деятельности людей. И, подобно юридическим законам, орфографические нормы только тогда окажутся устойчивыми и прочными, если они не противоречат законам внутренним, присущим самому объекту и независимым от воли регламентаторов. Если же орфографические правила противоречат объективным особенностям языка, то они становятся тяжелой обузой для пишущих, превращаются в «уголовный свод законов, полицейское исчисление правил, за неисполнение коих виновный подвергается наказанию» (Ф. И. Буслаев). И все же, несмотря на такой принудительный характер, они постоянно вызывают нарекания, постоянно нарушаются. Беда современных норм слитного и раздельного правописания наречий именно в том, что эти правила совершенно искусственны.

На каких основаниях покоятся современные правила написания наречий? Главное основание совершенно очевидно: стремиться к наибольшему числу раздельных написаний; писать раздельно даже то, что в языке давно слилось в нераздельное целое и не поддается членению не только на предлог + имя, но часто даже на приставку и корень. «Не следует злоупотреблять слитными написаниями», — пишет один из создателей современных норм правописания наречий, обосновывая написания *под мышкой* и *под*.¹⁵ Совет недостаточно ясный.

Что могло бы обозначать, например, правило: не злоупотребляйте слитными написаниями частицы *не* с существительными? Кажется, ровно ничего. Свой совет автор подкрепляет соображениями о том, что орфографии вообще свойственно отставать от языка. Вряд ли это может считаться достоинством орфографии или непременным ее свойством. Правописание действительно отстает от языка, так как остается неизменным от одной реформы до другой, а язык медленно, но постоянно развивается. Тем более необходимо, стараясь создать прочный орфографический кодекс, ориентироваться на сегодня, а не на вчера, чтобы завтра наши нормы не стали слишком устаревшими и не потребовалась вскоре новая реформа.

В той же книжке читаем такие пояснения: «Раздельно следует писать сочетания, если слово, входящее в сочетание, в какой-то мере сохранило формы склонения, т. е. еще является существительным», например, следует писать: *на руку*, ср. *по рукам у нас ударено* (А. Н. Островский), *совсем от рук отбился* (Н. А. Некрасов) и пр. Таково же обоснование раздельных написаний наречий *на руку*, *с маху*, *без толку* и многих других.

¹⁵ Автора (здесь и дальше) не указываем, так как используем общераспространенные среднестандартные и в этом смысле безымянные пояснения и толкования орфографических правил.

Но это же рассуждение (с той же убедительностью или, вернее, с тем же отсутствием ее) можно применить и к правописанию наречий *вверх*, *снизу*, *набок* и др. Ведь и они в какой-то мере «сохранили» формы склонения (т. е. сохранили мертвую, окаменевшую флексию); ср.: *набок*, *вбок*, *сбоку*. Сохранность склонения у этих наречий ничуть не меньше, чем у наречий *на руку*, *без толку* и др.

Сопоставляются слова: *под мышку*, *под мышкой*, *из-под мышки* и делается вывод: хотя слово *мышка* (в этом значении) теперь не существует, но оно изменяется по падежам, «как видно из приведенных примеров». Между тем из приведенных примеров ничего не видно. Можно с тем же успехом сопоставить слова *снизу*, *вниз*, *низом* и заявить, что налицо явное изменение слова по падежам, следовательно, это — существительное. В последнем случае это все же хоть по внешности убедительно, так как существительное *низ* несомненно существует, а *мышка* («в этом значении») — нет.

Говорится: *мышка* «в этом значении»... Но никакого «этого значения» у этого звукосочетания в слове *под мышкой* нет. *Под мышкой* не означает *под мышцей*. В современном языке здесь *мышк-(а)* не только не слово, но даже не корень. Это только звуковой отрезок, обрубок слова. Следовательно (если исходить из господствующих в нашей лингвистической науке мнений), и *под* не приставка¹⁶. И тем не менее это самое *под* современными правилами рекомендуется писать отдельно.

Необоснованные орфограммы вызывают, естественно, необудительные объяснения. Необходимость писать наречие *на отлете* раздельно одним из толкователей орфографических правил объясняется так: «Выражение *на отлете* может употребляться в прямом смысле: *утки уже на отлете*». Кому же не ясно, что в предложении *Дом стоит на отлете* — совсем не то слово, что в приведенной фразе! Это все равно, что писать *В саду росли спелые Груши* — и оправдываться тем, что имя *Аграфена (Груша)* пишется с большой буквы.

Предлагается писать: *до зарезу*, *пришел на взводе*. Это-де подновит метафору в данных наречиях. А нужно ли ее подновлять? Более того: если развитие языка, если развитие данных слов привело к тому, что метафора стерлась — в силах ли мы с помощью орфографии вернуться вспять и воскресить умершее?

Наречия *без умолку*, *без просыпу* писать следует раздельно, «по аналогии с другими наречиями» (!), хотя слов *умолк*, *просып* и нет. Аналогия, которая приводит к бессмыслице, вряд ли должна быть положена в основу орфографического кодекса.

Чтобы обосновать написание *до упаду*, приводится, например, текст из Дала: *уронить кого упадом*. Даже если бы этот пример не вызывал сомнений,

¹⁶ Ср.: в глаголе *зависеть за* — не приставка, так как по ее отделении остается бессмысленный для данного слова остаток *висеть*.

он ничего бы не говорил о правописании наречия *доунада*. Ведь наличие существительного *верх* отнюдь не объясняет правописание наречия *сверху*. Но примечательно, что и сам пример совершенно не годится: в современном литературном языке такое словоупотребление невозможно. Не годятся и многие другие примеры: *Без накладу барыш не живет* (для обоснования правописания *в накладе*) и пр. Следовательно, опять встречаемся с объяснением, которое ничего не объясняет.

Иногда одно правило сталкивается с другим. Казалось бы, здесь-то и отдать предпочтение более обоснованному правилу. На самом деле оказывается не так.

Например: 1) наречия типа *вкрутую*, *напропалую* и прочие пишутся слитно; 2) наречия, состоящие из предлога и полного прилагательного, начинающегося с гласного звука, пишутся раздельно. Например, *в общем*.

Итак, два правила; второе совершенно бессмысленно. Как же писать слово *в открытую*? Оно подходит под оба правила: а) разумное и б) необоснованное. Ответ: пишете по второму, *в открытую*. Не странное ли решение? Нет, оно понятно.

Представим, что введено такое правило: если графическое слово начинается буквой *к* перед гласной, то это *к* всегда пишется отдельно (как ни странно такое правило, а все-таки оно сродни процитированному выше — и даже имеет перед ним некоторые преимущества). Если корректорам внушить, что они обязаны неукоснительно следовать этому правилу, если снижать отметку ученикам, отступившим от него, — возможно, что оно, хоть на короткое время, привьется. Но стоит добавить такое примечание: исключением из этого правила являются 150 таких-то слов, надо заучить их... и можно быть уверенным, что это правило никоим образом не получит и кратковременного признания. Оно слишком нелепо, чтобы позволить себе быть непоследовательным. Чем нелепее правило, тем последовательнее оно должно проводиться. Вот почему и приходится ради необоснованных правил жертвовать обоснованными: они сами за себя постоят, даже если их ухудшить отступлениями.

Слитное и раздельное написание наречий должно основываться на разграничении того, что в языке действительно является целостным словом (наречием), и того, что является сочетанием предлога с полнозначным словом, существительным. Все, что уже срослось, лексикализовалось, должно писаться вместе.

Однако процесс адвербиализации в современном русском языке остается и в наши дни живым, протекает напряженно, захватывает массу образований. Многие из этих образований остановились на полпути между предложно-падежным сочетанием и наречием. Орфографические правила должны учитывать эту двойственность многих образований.

Предлагается следующее правило:

I. Если в наречном образовании после приставки-предлога следует часть, не являющаяся существительным, то писать это образование надо слитно. (Возможны два случая: а) эта остаточная часть вообще в современном русском языке не может быть принята за слово; б) эта часть может быть принята за слово, но оно не существительное.)

II. Если же часть, оставшаяся после отделения приставки-предлога, может по своей форме рассматриваться как существительное, то:

1) писать ее надо отдельно, если сочетания такого типа образуют незамкнутый ряд;

2) писать надо слитно, если сочетания такого типа образуют замкнутый ряд (далее к последнему пункту будут даны дополнения, учитывающие динамику адвербиализации в современном языке).

Наречия типа Ia: *вгорячах, вдоволь, вдосталь, вдрызг, взашей, вкратце, внутри, внутрь, вообще, воочию, вопреки, восвосяси, впотьмах, впрעדь, впроголодь, впросак, вровень, вспять, втихомолку, второпях, исподволь, исподлобья, наготове, наизусть, наискосок, на карачках*¹⁷, *на карачки, на корточках, на корточки, наотмашь, наперекрест, напрямик, на сносях, на стороне, с натуги, на фуфу, на цугундер, на цыпочках, на четвереньках, на четвереньки, на юру, наяву, подделом, под спуд, подобру-поздорову, позади, попервоначалу* и т. д.

По орфографическому словарю к этой группе относится около 210 слов; из них по предложенному правилу меняется написание 12, т. е. весьма немногих¹⁸.

Наречия типа Ib: *вглухую, вгустую, вкрутую, вмертвую, в открытую, впрямую, впустую, врассыпную, врукопашную, втихую, вхолостую, на боковую, на попятную, напропалую, наудалую, начистую, подчистую*¹⁹ (около 30 наречий, меняется написание трех); *по-албански, по-английски, по-дружески, по-моему, по-прежнему* (в словаре около 130 наречий, изменяется написание всех); *влево, запросто, засветло, издавна, излишне, изредка, набело, навечно, наглухо, насильно, поквартально, попеременно* (около 40 наречий, ни одно написание не изменяется); *в общем, впервые, повсюду, поныне, посреди* и некоторые другие.

Очень часты сочетания, у которых после приставки-предлога следует существительное или часть наречия, похожая на существительное. Прием разграничения тех и других конструкций по предложенному правилу вытекает из самой их языковой сущности: предложно-падежные конструкции, как всякое свободное сочетание (сочетание слов), образуют незамкнутый ряд. Наречные

¹⁷ Сохраняется то написание наречий, которое принято по существующим правилам.

¹⁸ Выборка наречий из словарей здесь и дальше производилась Б. З. Букчиной и М. В. Пановым.

¹⁹ Наречия *вплотную, втемную* относим к группе Ia, так как нет слов *плотня́я, плотну́ю* и *темня́я, темну́ю*.

образования образуют замкнутый ряд²⁰. Например, указанное в словаре сочетание *в полоску* является открытым²¹, так как ряд подобных сочетаний бесконечен: *материя в полоску, в елочку, в квадрат, в колокольчик, в серый горошек, в молнию* и т. д. Напротив, сочетание *в головах* является замкнутым: *лежит что-то в головах, в ногах, но невозможно в спинах, в руках, в поясицах* и т. д. Сочетание (ей что-то) *к лицу* тоже замкнуто; есть выражение *платье к лицу*, но невозможны выражения: *платье к фигуре, пояс ей к талии, туфли очень к ноге* и т. д.

Разграничение открытых и замкнутых сочетаний в тексте как правило достаточно просто. Трудности возникают в тех случаях, когда сам выбор существительных, возникших в данном сочетании, невелик; например *пробовать на слух, на вкус, на ощупь*; невозможность сочетаний *попробовать на обоняние* или *на запах* свидетельствует, что приведенные слова — наречия; не будь в языке слов *запах, обоняние* пришлось бы оставить открытым вопрос о характере этого сочетания.

Обычный прием разграничения наречий и предложно-падежных конструкций, практикуемый в школе, — вставка слова, например, *в полоску* пишется раздельно, так как возможно сочетание *в синюю полоску*. Обманчивость и трудность такой проверки всем хорошо известна. Предлагаемые правила позволят отказаться от нее. Новый прием разграничения — поиски незамкнутости ряда; он имеет свои трудности (поскольку в самом языке разграниченность этих сочетаний противоречива и сложна), но в целом проще старых приемов. Обычные опасения, что при рекомендуемом правиле появится стремление (например, у учеников в школе) все писать вместе, неоправданны. Те, кто высказывает такие опасения, не учитывают, что прилагаемое правило отвергает множество надуманных семантических разграничений на письме, к которым нас приучили старые правила. Например, пишется: *ему в пору со стыда бежать отсюда*, но *сапоги ему впору*. Не будут ли писать и то и другое вместе? Конечно, будут, только по предложенным правилам это как раз и верно, а не ошибочно. То, что представляет реальное сочетание предлога с существительным, будет писаться отдельно; но многое из того, что по схоластичным привычкам и нормам писалось раздельно («чтобы подновить метафору» и по другим столь же веским причинам), станет писаться слитно. И это хорошо: подобное написание только отразит живые закономерности языка, живые соотношения языковых единиц. Наречные единицы образуют замкнутый ряд. Замкнутость может быть обусловлена: а) переосмыслением корня в данном сочетании (в других словах корень, тождественный по фонемному и морфонемному составу, имеет

²⁰ Это вытекает из существа структуры слова. См. подробнее: *Панов М. В.* О слове как единице языка // Уч. зап. МГПИ, 1954.

²¹ Для простоты называем сочетания-единицы, которые образуют открытый ряд, открытыми; другие единицы соответственно называем закрытыми.

иное значение); б) переосмыслением приставки в данном сочетании (в других словах приставка того же морфонемного состава имеет иное значение); в) переосмыслением постфикса²².

Примеры с переосмыслением корня: *сегодня он не в духе* (слово *дух* не употребляется в значении хорошее настроение; нельзя сказать: *У Петрова по праздникам всегда дух* = хорошее настроение); *в корне неверно*; *были вместе*; *сделать это ему в пику*; *впоследствии, впрок, кряду, враз, на арапа, на возрасте, на время, на голову, на-гора, на грех, на лицо, на ять*; *побоку все дела*; *бежал и по временам оглядывался*; *дел по горло*; *живет под боком*; *живет у нас под носом*; *под шумок*; *дело ему по плечу*...

Можно и для этих наречий произвести проверку на открытость ряда: ср. *невозможность* конструкций: *сделать это ему в саблю, в ножницы*; *бежал и по периодам оглядывался, живет под грудью* и т. д. Но необходимости в такой проверке нет: достаточно указать, что в сочетаниях: *сделать в пику* не говорится о пике, *по временам оглядываться* не говорится о каких-либо временах, *он человек на возрасте* не говорится о (любом, неопределенном) возрасте (а только о значительном, таким образом, значение единицы *возраст* здесь уже, чем в открытых сочетаниях) и т. д.

Примеры с переосмыслением постфикса: *в головах, в сердцах, в силах, на радостях, на рысях* (нет значения множественного числа; флексия существительного превращена в суффикс наречия), *в угоду, в ходу, замуж, на-гора, насилу, на славу* (устранено падежное значение, именно поэтому *невозможны* открытые ряды: *сделал ему в радость, в удовольствие* по образцу *сделал ему в угоду* или: *это выражение у нас в лету* по образцу *в ходу*, или *вышел зажена, подняли наполяна* и т. д. Примеры с переосмыслением префикса: *в угоду, в ходу, вправду, вслух, в моде* и т. д. Большей частью переосмысление предлога сопровождается переосмыслением флексии, и они совместно превращаются в приставку и суффикс наречия.

Из наречий этого типа выделяются две группы.

А. Наречия с обобщенно-пространственным и обобщенно-временным значением: *вбок, вверх, вверху, ввысь, вглубь, вдали, вдаль, взад, вниз, внизу, вокруг, вперед, в стороне, в сторону, издали, исподнизу, кверху, кзади, кпереди, книзу, наверх, назад, нанизу, поблизости, поверх, поверху, понизу, посередине, середине* (около 30 наречий, меняется написание двух); *век, вначале, вовек, вовеки, вовремя, в пору* (= *вовремя*), *исстари, навек, навеки*²³, *на время, наза-*

²² Переосмысление понимается строго синхронно: данная единица в данном сочетании имеет совсем не то значение, которое присуще омонимам в других (открытых) сочетаниях.

²³ *Но на века* — свободное сочетание, входит в незамкнутый ряд: значение корня не переосмыслено. В наречиях же *вовек, вовеки, навек, навеки* такое переосмысление есть; в них корень *век* не значит сто лет: *Друзья расстались навеки* = *навсегда*, а не на несколько столетий.

тра, по временам (12 наречий, меняет написание трех)²⁴. Эта группа наречий по устойчивой традиции (за единичными исключениями) пишется слитно; нет оснований отказываться от этой разумной традиции. Предлагается писать их только слитно, избавившись при этом от ненужных исключений

Б. Наречия, соотнесенные с отглагольными существительными:

а) *без оглядки, вдогонку, взагибку, взатяжку, в лежку, в накидку, внакладку, в насмешку, внахлестку, в обнимку, в обтяжку, в отместку, вперемежку, вперевалку, вперевалочку, вперевертку, вперегонки, вперегонку, вперемежку, вперемешку, вповалку, вприглядку, вприкуску, вприпрыжку, вприскочку, вприсядку, впритычку, вприхватку, вприщурку, вразбивку, вразброску, вразвалку, вразвалочку, вразмажку, вразрядку, враскидку, врассрочку, врассыпку, враструску, врастяжку, навскидку, на выручку, на вытяжку, на изготовку, на поверку, нараспашку, понаслышке, по привычке* (около 60 наречий);

б) *без запроса, без отказа, без промаха, без просьбу, без разбора, без спроса, без удержу, без умолку, в забросе, взагиб, взамен, взануски, взасос, в зачет, влет, в обмен, в обрез, в обхват, в отрыве, вперемой, впереворот, впереверт, вперегиб, вперехват, в подбор, в подъем, впритык, вприщур, вразброд, вразброс, вразвал, вразвес, вразлад, вразлет, вразмах, вразмет, вразной, вразнос, вскачь, вслух, в убыток, в упор, в обрез, до зарезу, к спеху, на бегу, на выбор, навыворот, навывкат, навывкате, навывлет, навывнос, навывпуск, навыврез, на измор, на износ, на износе, на исходе, на лету, на отлете, наотрез, наперемой, наперекор, наперерез, наперерыв, наперехват, наперечет, наповал, на подбор, на показ, на прицел, напрокат, напролет, напролом, нараспев, нарасхват, на слом, на слух, на смех, наспех, на убой, наугад, наутек, на ходу, отроду, в отрыве, без отрыва, под уклон, позарез* (около 100 наречий);

в) *в придачу, в угоду, навстречу, на удачу;*

г) *без устали, в россыпь, на ощупь.*

По отношению к этим наречиям возникает две трудности: во-первых, часто трудно сказать, употребляется ли бесприставочная их часть (*усталь, просып, повал* и под.) как отдельное слово. Отглагольные существительные с суффиксами *-к-а* и нулевым — очень продуктивное образование в современном языке; в речи такое существительное может быть образовано едва ли не от каждого глагола, и именно поэтому трудно решить, есть ли оно фактически; во-вторых, часто затруднительна операция проверки, образуют ли они открытый ряд. (Как правило образуют, следовательно — это подлинные наречия.) Поэтому практически целесообразно наречия этих морфологически очень определенных типов

²⁴ Наречия *внутри, впереди, издали, издали, издали, издали* относятся к группе Ia; наречия *влево, вправо, налево, направо, навсегда* — к группе Ib и поэтому здесь не рассматриваются. В учебниках же вся эта семантически единая семья наречий (со значением времени) может быть дана совместно, независимо от того, относятся ли они к группе Ia, Ib или II.

писать всегда слитно, отказавшись от анализа при письме каждого отдельного их использования²⁵.

3) Все остальные наречия данного типа рекомендуется писать слитно, но допускается и раздельное их написание. Например: *в глаза, вброд, в бегах, в головах, в голос, в горшок* (стричь), *в гору, в диковинку, вдобавок, в духе, вконец, в корень, в корне, в лоск, в меру, вместе, вместо, в миг, внаем, вне себя, в ногах, в ногу, во всеоружьи, во всеуслышание, во всю, во главе, в одиночку, воистину, вослед, в охапку, в охотку, впервинку, в пику, вполглаза, вполголоса, вполоборота, вполовину, вполсилы, вполслуха, впору, впоследствии, вправду, вправо, впору, в противовес, враз, врасплох, в складчину, вскользь, власть, вслед, вслух, в срок, в тупик, в целом, в частности* (около 200 наречий).

У них в некоторых контекстах (например, поэтических) может быть подновлено метафорическое значение; некоторые из них еще не окончательно окаменели в адвербиальности, поэтому, учитывая подвижность многих наречных образований, целесообразно разрешить в их написании вариативность: рекомендуется писать их слитно, но допускается и раздельное написание (по чешскому образцу).

²⁵ Нет оснований принимать в расчет при установлении общего правила такие индивидуальные использования наречий этого типа: *работал без усталости и напряжения, бежал без оглядки и остановки, стоит на вытяжку и изготовку* и т. д. Это проявление так называемого обратного словообразования. Здесь *вытяжка, изготовка* — слова с усеченной приставкой, они подобны словам *ясь, ряць* у Маяковского, образованным от *ясный, обряцет*.

О дефисных написаниях

(Замечания к предложениям проф. А. А. Реформатского)*

В дефисе омографически объединены три различных знака. Так как функции этих знаков различны, необходимо считать эти знаки совершенно особыми, отдельными единицами русского письма (подобно тому как в лексике строго разграничиваются слова-омонимы, а в грамматике — омонимические аффиксы). Следовательно, и судьба у каждого из этих трех знаков в результате проведения реформы письма может оказаться различной.

1. Знак переноса. Он — синоним сигнала контакта («не пробела») и заменяет его в положении на краю строки. Как единицы, позиционно распределенные, знак контакта (отсутствие пробела) в середине строки и знак переноса должны рассматриваться в качестве вариантов одного и того же знака. Разумеется, не может быть и речи об отмене дефиса в этой функции.

2. Некоторые грамматические значения передаются путем повторения слова: *добрый-добрый* (элятивное значение), *давно-давно*, *ходишь-ходишь* (длительный несовершенный вид), *поговорили-поговорили* (длительный совершенный вид) и т. д. Эти повторяющиеся слова составляют грамматическое единство; их объединенность выражается в некоторых интонационных особенностях их произношения. Дефис в этих сочетаниях выступает как знак грамматически значимого объединения (см. в приложениях проф. А. А. Реформатского, VA § 1 и 2).

3а). Два слова могут образовать единое название (какого-либо предмета, признака действия) путем его двоякого наименования; типичный случай — приложение. Возможны разновидности таких наименований: а) Два существительных относят называемый объект к двум разнородным классам; пересечение объемов значения обоих слов дает указание на называемый объект: *девушка-грузинка*, *мать-старуха* и т. д. Происходит умножение объемов двух понятий. б) Два существительных относят называемый объект к двум классам, которые являются подклассами более высокого (более обобщенного) класса; сочетание существительных и именуется этот класс: *имя-отчество*, *марксизм-ленинизм*, *купля-продажа* (юридич. термин) и т. д. (см. у проф. А. А. Реформатского, VA, § 4 и 5). Происходит сложение объемов двух понятий.

* О современной русской орфографии. М.: Наука, 1964. С. 150—154.

Различать случаи а) и б) при письме было бы часто затруднительно; современная орфографическая практика их не различает, и это не вызывает никаких неудобств. Поэтому изменение в написании случаев «а)» неизбежно должно распространяться и на случаи «б)», и наоборот. Бездефисное (раздельное) написание случаев «б)» надо признать нежелательным, возможность введения орфограмм *имя отчество, купля продажа, марксизм ленинизм, вейсманнизм, морганизм* и пр., очевидно, невелика. Тогда остается иное решение: оставить дефисные написания. В таком случае у дефиса остается третья совершенно особая функция: обозначать назывные единства указанного типа.

Сочетание существительных с приложениями можно классифицировать и по другому принципу: а) со склоняемой первой частью: *имя-отчество, член-корреспондент, Маша-резвушка, девушка-грузинка, пила-рыба* и пр.; б) с несклоняемой первой частью: *жар-птица, бой-баба, дизель-мотор, премьер-министр* и пр. (см. в предложениях проф. А. А. Реформатского, VA, § 4, 5, 7 и § 6). Разграничить тот и другой тип не всегда легко (ср. *вагон-ресторан, генерал-лейтенант* и пр.). Очевидно, для обеих групп возможно только общее правило — именно ввиду недостаточно четкой дифференциации этих групп. В таком случае снова предпочтительно дефисное написание; введение различных написаний *жар птица, бой баба, генерал губернатор* и пр. было бы неприемлемо, так как осложняло бы чтение и понимание текстов. Итак, предлагается все приложения писать через дефис. У этого правила есть, однако, следующие недостатки:

1) В сочетаниях с приложениями, кроме указанных выше двух типов смысловых соотношений (значения или умножаются, или складываются), возможен еще третий: объем значения одного из существительных входит в объем другого, препозитивного существительного: *товарищ полковник, гражданин судья...*, *растение мимоза, гриб опенок...* По устойчивым нормам в таких сочетаниях (многие из которых очень часто встречаются в речи) дефис не пишется. Он, однако, необходим, если второе, видовое понятие не употребляется (при назывании данного объекта) без родового: *рак-отшельник, гриб-паразит* и пр., хотя основания для такого разграничения ясны: сочетания типа *рак-отшельник* образуют более тесное лексическое единство, чем сочетания типа *растение мимоза*, все же постоянный учет и анализ этих соотношений усложняет пользование правилом.

2) Термин «приложение» относят обычно только к существительным. На самом деле подобные же отношения существуют и у других частей речи. Ср. *тихо-мирно, нежданно-негаданно* (см. предложения проф. А. А. Реформатского, VA, § 3). Достаточно часто они встречаются и у глаголов: «*Пойдем походим!*» (Б. Горбатов); «*Алька, — попросил он, — я забыл стыки. Пойди принеси*» (А. Гайдар); «*Товарищ, смотри не спи!*» (А. Прокофьев); «*А уж лёсок Шурка наготовил пропасть — рви не жалей*» (В. Смирнов); «*Где останутся*

ночевать, так сходят постреляют дичь на ужин» (И. Сороковиков-Магай); *«А то сидишь сетку вяжешь»* (М. Голубкова) и т. д. Такие сочетания устойчиво пишутся без дефиса. Однако они однотипны с сочетаниями *купля-продажа, сады-огороды, девочка-резвушка* и пр. В обоих случаях два слова образуют единое назывное целое (не имеет значения, что в одном случае именуется предмет, в другом — действие); в обоих случаях оба слова находятся в тождественных отношениях к третьему слову (что создает иллюзию согласования между ними); наконец, в обоих случаях ни одно из двух слов нельзя считать грамматически главным или подчиненным по отношению к другому. Следовательно, дефисное написание *сады-огороды, девушка-резвушка* и, напротив, бездефисное *сходят постреляют, рви не жалей* — представляют собой явную непоследовательность.

Таковы недостатки обсуждаемого правила.

Конкурирующим правилом могло бы быть такое: все приложения пишутся без дефиса, за исключением: 1) терминологических сочетаний типа *купля-продажа, приход-расход, марксизм-ленинизм* и проч. или *пила-рыба, гриб-паразит, рак-отшельник* и проч.; 2) сочетаний с неизменяемой первой частью: *бой-баба, жар-птица, премьер-министр* и под.

Достоинство этого правила в том, что оно: а) делает после свода 1956 г. еще один шаг к изгнанию «избыточного» дефиса (хотя его избыточность для читающего — весьма проблематична); б) объединяет в общем правиле такие написания, как *товарищ полковник, растение мимоза*, и такие, как *девочка-резвушка, сады-огороды*; в) преодолевает различие между написаниями *сходят постреляют, рви не жалей*, с одной стороны, и *девочка-резвушка, сады-огороды* — с другой (все они должны писаться по этому правилу без дефиса).

Недостатки этого правила в том, что оно: а) требует выделения группы терминологических сочетаний, неясно очерченной и достаточно неопределенной по составу, так как нет строгого критерия терминологичности; б) требует анализа, склоняется ли первая часть словосочетания, а этот анализ не всегда однозначен (ср. *вагон-ресторан, генерал-майор*).

Преимущества, очевидно, есть у первого (дефисного) правила.

3б). Могут ли прилагательные создавать сочетания типа *сады-огороды, девушка-резвушка, сходят постреляют, рви не жалей, тихо-мирно*? Несомненно; однако у прилагательных, вступающих в такие соотношения (т. е. образующих единое название путем сочетания двух слов, так что происходит сложение или умножение объемов их значений), есть одна морфологическая особенность: первый член такого сочетания меняет прилагательную флексию на морфему *о* (графически она выражается буквами *о, е*); *желто-серый, сине-красный, русско-английский* и пр. Отношение между компонентами сочетаний типа *сине-красный, черно-белый, выпукло-вогнутый, русско-английский* такое

же, как в сочетаниях *сады-огороды*, *приход-расход*. Отношение между компонентами сочетаний типа *ярко-розовый*, *беспроцентно-выигрышный*, *вульгарно-крикливый* и пр. такое же, как в сочетаниях *девушка-грузинка*, *мать-старуха* и т. д.

Образования типа *сине-красный*, *выпукло-вогнутый*, *беспроцентно-выигрышный*, *вульгарно-крикливый* и т. п. являются сочетаниями слов, а не словом. Доказательства:

I. Фонетические признаки: наличие двух ударений, даже в тех случаях, когда первый компонент осложнен, а у второго ударение на первом слоге (*злѐна́глый* *взгляд*).

II. Сочетаемость первого компонента с частицей *то* характерно именно для слова, а не для части слова: *беспроцентно-то выигрышный* заем, *по-моему, выгоднее*; *А сине-то красной ленты и не оказалось*; *Вьетнамско ли русский это словарь?* и т. д.

III. Полная мотивированность значения таких сочетаний значениями составляющих его компонентов. По значению: *сине-красный* = *синий* + *красный*, *вульгарно-крикливый* = *вульгарный* + *крикливый* и т. п. Это характерно именно для сочетания слов.

IV. Предельная свобода сочетания прилагательных в такие двухкомпонентные образования. В единицы типа *сине-зеленый* могут входить все прилагательные, которые означают цвет; в единицы типа *русско-английский* могут входить все прилагательные, указывающие на национальность вообще: создание таких сочетаний из любых качественных прилагательных ничем не ограничено. Ограничение может быть лишь внеязыковое: практическая ненужность такого сочетания. Если нет сочетания *сине-ворсистый*, то, значит, практически нет необходимости различать ворсистые ткани синего цвета от таких же ворсистых тканей иного цвета (достаточно назвать сорт ткани и ее цвет). В случае же необходимости такое сочетание (и любое иное того же типа) без труда будет образовано.

Абсолютно же открытые ряды образуют только сочетания слов, а не частей слов.

Таким образом, приняв дефисные написания *девочка-резвушка*, *мать-старуха*, *купля-продажа* и проч., следует принять и дефисные написания указанных сочетаний — псевдо-«сложных прилагательных», соотносительных с сочетанием прилагательное + прилагательное. Отношение между «*сине-зеленый*» и «*синий и зеленый*», «*выпукло-вогнутый*» и «*выпуклый и вогнутый*» такое же, как в случаях «*купля-продажа*» и «*купля и продажа*» и проч.

Если же принять бездефисное написание приложений (второе, «конкурирующее предложение»), то и прилагательные сочетания надо писать так же, если быть последовательным: *сине зеленый*, *русско английский* и пр.

Мнение, что можно все слова с «соединительным» *о* (или *е*) писать слитно, ошибочно: в словосочетаниях *желто-серый*, *сине-зеленый* не то *о* (или *е*), что в словах *пароход*, *овцевод*.

4. Наконец, есть случаи, когда употребление дефиса не мотивировано ни одной из трех его функций (вернее, функциями трех омографичных знаков, одинаково называемых дефисами). а) Написания типа: *контр-адмирал*, *лейб-медик*, *штаб-офицерша* и пр. (см. предложения проф. А. А. Реформатского, VA, § 10). Первая часть этих сочетаний в русском языке семантически опущена и должна писаться слитно в составе целостного слова: *лейбмедик*, *контрадмирал*... Правда, у некоторых из этих слов есть фонетические признаки словосочетания, ср. *унтер-офицер*, с безударным [а] во втором предударном слоге после согласного; это возможно только в том случае, если согласный принадлежит одному слову, а следующий гласный — другому. Ср. слогораздел в слове *контр-адмирал*. Но эти фонетические признаки противоречат более существенным, семантико-морфологическим, не позволяющим считать отрезки *контр-*, *унтер-* не только словами, но даже и морфемами, поскольку морфемы обладают значением (предполагается, что выделение морфем на основании т. н. остаточного значения несостоятельно). б) Написание частиц *кое-*, *-нибудь*, *-ка*, *-де* и т. д. (кроме *-то*) подобно частицам *же*, *ли*, *бы*, их следует писать отдельно. Необходимость отграничить частицу *-то* от местоимения *то* заставляет сохранить дефисное написание этой частицы; в противоположном случае двусмысленные написания стали бы обычными. Ср. *Он то уговорил, да я не слушал...* *То то и я ему говорю, да он не слушает...* *То то ему говорю, то это...* и т. д. в) Дефисные написания наречий *по-новому*, *по-русски...*, *во-первых*, *во-вторых* также необоснованны и должны быть заменены слитными.

О правописании глагольных окончаний*

1. Глаголы *слышать, дышать, держать, гнать, терпеть, вертеть, смотреть* предлагается писать с окончаниями I спряжения. Еще в 20-х годах нашего века все глаголы с безударными окончаниями в живой речи спрягались по I спряжению (т. е. *ходят, видют, просят* и, естественно, *держут, гонют, терют, верют*), это было строгой орфографической нормой.

Позднее стала распространяться иная норма, вызванная влиянием орфографии: *держат, гонят, терпят, вертят* с редуцированным гласным звуком [ъ] во флексии.

Однако и сейчас эта норма не победила полностью и окончательно; значительное число людей, владеющих литературной речью, говорит, придерживаясь традиционных норм, т. е. *держут, гонют* и пр. Об этом свидетельствуют данные массового обследования произношения, проведенные Институтом русского языка. Правда, число лиц, придерживающихся в этих случаях традиционных норм, меньше, чем число тех, кто использует новые нормы. Однако этот перевес возник под влиянием орфографии, изменение правописания приведет к перевесу в другую сторону.

2. Нет ли в самой структуре этих глаголов таких признаков, которые не позволяют отнести их к I спряжению?

Приметы, характеризующие принадлежность глагола к определенному спряжению, таковы:

а) Особые для каждого спряжения окончания. Как видно из сказанного выше (1), этот признак не отличается устойчивостью и стабильностью. Ведь все трудности, связанные с правописанием глагольных окончаний, обусловлены только нестабильностью их сочетания с основами глаголов, возможностью сказать *гонят* и *гонют, видят* и *видют*. Фонетически окончания *-ат* и *-ут* хорошо различаются даже без ударения, и затруднения в их написании определяются именно тем, что они оба могут в живой речи сопровождать ту же основу.

Следовательно, флексии — ненадежный признак спряжения.

б) Форма инфинитива: глаголы на *-ить* относятся ко II спряжению. Этот признак не является безысключительным: глаголы *бренчать, лежать, болеть,*

* О современной русской орфографии. М., Наука. 1964. С. 125—128.

висеть — а также *терпеть*, *вертеть* не имеют *-ить* в инфинитиве, но относятся ко II спряжению (напротив, *брить* — к первому).

в) Система чередований у глаголов *зависеть*, *обидеть* та же, что у глаголов *ходить*, *крутить*, *пустить* и пр. Следует и их инфинитив писать так же: *зависеть*, *обидеть*.

Глаголы *видеть*, *ненавидеть* по своей системе чередований представляют особый класс (состоящий только из этих двух глаголов). Ср.: *огородить*, *огорожу*, *огороженный*; *обидеть* (sic!), *обижу*, *обиженный*, но *увидеть* (sic!), *увиджу*, *увиденный*; *возненавидеть* (sic!), *возненавижу*, *возненавиденный*.

Уникальность чередований у этих глаголов позволяет отнести их по типу чередований как к I, так и ко II спряжению. И там и там они будут исключены. Поэтому никакого насилия над языком не случится, если их инфинитив писать *видеть*, *ненавидеть* и на этом основании отнести ко II спряжению.

Глаголы *слышать*, *дышать*, *держать*, *знать*, *смотреть* имеют систему чередований, возможную в I и во II спряжении: одна и та же фонема в исходе всех личных форм. Следует считать их глаголами I спряжения и спрягать: *слышите*, *слышут*; *дышите*, *дышут*; *держете*, *держут*; *гонете*, *гонют*; *смотрите*, *смотрют*.

Наконец, глаголы *вертеть*, *терпеть* имеют суффикс инфинитива *-еть*, но систему чередований ту же, что глаголы *ходить*, *крутить*, *пустить*. Следовательно, только у этих глаголов признак II спряжения (системы чередований) сочетается с признаком первого (форма инфинитива не на *-ить*). Возможно одно из двух: 1) считать их глаголами II спряжения, но суффикс инфинитива писать *-еть* (ср. *болеть* — *болит*, *висеть* — *висит*) или 2) считать их глаголами I спряжения, несмотря на систему чередований. Любое из этих решений правомерно (поскольку сразу по двум признакам — инфинитиву и системе чередований — «чистого» распределения глаголов достичь невозможно. Практически целесообразно считать их глаголами I спряжения).

Рассуждение: это глагол не на *-ить*, значит — первое спряжение — гораздо проще, чем рассуждение: у этого глагола в форме первого лица не тот конечный согласный основы, что в форме третьего лица множественного числа, поэтому надо отнести его ко второму спряжению.

3. Глагол *терпеть*, если он станет спрягаться по I спряжению, будет иметь форму *терпят*. Сочетание [п'у] в русских словах сейчас не встречается; не говорит ли это против введения новой формы? Однако другие сочетания «мягкий губной + у» в русском языке представлены: *голубю*, *червяю*, следовательно, оно закономерно для русского языка (хотя и редко, что объясняется историей возникновения этих сочетаний, они проявлялись только по грамматической аналогии; чисто фонетическое развитие не могло дать таких сочетаний).

Обследование показывает, что и сейчас весьма распространено произношение глагольных форм *теребют*, *приголубют*. Следовательно, фонетические возражения против этой формы отпадают.

4. Личные формы глагола *вертеть* встречаются с ударением и на корне и на флексии: *вѣртѣт(ся)*, *вѣртѣют(ся)* и пр. В XIX в. обычным было ударение на флексии. Сейчас распространены оба типа ударений в формах этого глагола. Формы *вертѣт(ся)*, *вертѣют(ся)* и пр. засвидетельствованы в стихах Дельвига, Вяземского, Полежаева, Сумарокова, Державина, Крылова, Жуковского, Мерзлякова, Лермонтова, Ф. Глинки, Языкова, Катенина, Д. Давыдова, Тютчева, Фета, Полонского, Мея, Майкова, Некрасова, Горького, Блока, Пастернака, Багрицкого, К. Чуковского, И. Сельвинского, Маршака, Антокольского, Адалис, Уткина, Светлова, Твардовского. Формы *вѣртит(ся)*, *вѣртят(ся)* и пр. встречаются в стихах Некрасова, Курочкина, А. Белого, Ф. Сологуба, М. Кузмина, Городецкого, Маяковского, Пастернака, Багрицкого, Адалис, Шагинян, Кирсанова, Михалкова, Р. Рождественского и др. (использованы данные картотеки В. Л. Воронцовой).

Очевидно, что ударная флексия не вызывает вопроса о ее написании, а безударные должны писаться по первому спряжению.

5. От глаголов *знать*, *смотреть* образуются сочетания *гонимый*, *гонящий*, *смотрящий*. Это недостаточно веская причина, чтобы считать невозможным писать спрягаемые формы этих глаголов по I спряжению. По мнению Ф. Е. Корша, «народное чутье причастных форм по их отношению к спряжению давно затемнилось; ср. давние причастные образования *горячий* — *горючий*, *трескучий*, *дремучий*, *кипучий*, *скрипучий*» (1902). Это справедливо и по отношению к «живым» причастиям; ср. *поющий парень* — *дорогостоящий товар* (со стилистической дифференциацией) и под.

Практически наличие причастия *смотрящий* при формах *смотрите*, *смотрют* не вызовет затруднений: написание спрягаемых форм не проверяется по причастиям.

6. Следовательно, правило может быть сформулировано так: глаголы с безударными окончаниями относятся ко II спряжению только в том случае, если имеют инфинитив на *-ить*. Исключение: *брить*, *хотеть*.

Глаголы *дышать*, *держать* (I спряжение)¹, *видеть*, *ненавидеть*, *зависеть*, *обидеть*, *слышать* (sic!) (II спряжение) безукоризненно отвечают этому правилу, у других же есть изъяны:

вертеть — система чередований как у глаголов II спряжения; возможность ударения *вѣртѣт*, *вѣртѣют*; *терпеть* — система чередований, как у глаголов II спряжения; *знать*, *смотреть* — причастные формы по образцу II спряжения.

7. Легко ли, однако, определить глаголы на *-ить*? Многие из них имеют ударение на окончании инфинитива (даже при безударности личных окончаний: *ходить* — *ходишь*, *посадить* — *посадишь*, *купить* — *купишь*, *осудить* —

¹ Писать *слышать* (с обычным для инфинитива II спряжения окончанием *-ить*), в дополнение к глаголам *видеть* и пр., было предложено И. П. Мучником и С. М. Кузьминой на одном из заседаний Орфографической комиссии.

осудишь и пр. При безударности *-ить* спасает то, что инфинитив — часто встречающаяся форма и зрительно она легко запоминается.

Если же, паче чаяния, окончание инфинитива безударно и у данного глагола оно не запомнилось зрительно, поможет сопоставление: если гласная перед *-ть* (и после последней согласной фонемы основы) чередуется с нулем в личных формах настоящего—будущего времени, то окончание инфинитива *-ить*. В школе это можно, конечно, объяснить проще; ср. определение «усеченных» основ в предложении А. А. Зализняка.

Для того, чтобы это правило можно было последовательно применять, надо писать: *лаить, маить, таить, хаить, чаить, веить, блеить, лелеить, реить, сеить, чуить*; и, естественно, *лаит — лаят, маит — маят* и пр. Никаких нарушений языковых закономерностей при этом не произойдет. Только одно может помешать принятию этих написаний: привычка к старым написаниям.

8. При обсуждении этого предложения в Орфографической комиссии высказывалось мнение, что надо только изменить формулировку правила, не меняя графического распределения глаголов по спряжениям. Новая формулировка требует: а) установить, усекается или нет основа каждого встреченного в тексте глагола с безударными окончаниями (А. А. Зализняк); или б) отвечает ли система чередований у данного глагола модели, характерной для II спряжения (Р. И. Аванесов).

Разумеется, очень трудно каждый глагол, имеющий безударные окончания, подвергать анализу, сопоставляя несколько его форм — к этому ведь и сводятся оба предложения и А. А. Зализняка и Р. И. Аванесова. Вместо этого приема ученики обратятся к более легкому: станут заучивать наизусть 11 глаголов-исключений... и все останется в прежнем, явно тяжелом положении.

Между тем «перевод» большинства указанных выше глаголов из одного спряжения в другое был бы делом безболезненным с точки зрения языковой.

Михаил Викторович Панов

ТРУДЫ ПО ОБЩЕМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ И РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Том I

Издатель А. Кошелев

Оригинал-макет подготовлен А. Шипуновой

Художник-консультант Л. Панфилова

Подписано в печать 13.02.2004. Формат 70x100 ¹/₁₆.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная.

Усл. печ. л. 66,24. Тираж 800. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры».

ЛР № 02745 от 04.10.2000.

Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).

E-mail: Lrc@comtv.ru

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».

Тел.: (095) 247-17-57, e-mail: gnosis@pochta.ru

Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).

Адрес: Зубовский б-р, 17, стр. 3, к. 6.

(Метро «Парк Культуры», в здании изд-ва «Прогресс».)

Foreign customers may order this publication

by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru

or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153)